Bestseller

ДЬЯВОЛЬСКАЯ СЕКТА

Д. Бэгли
С. Ховач
Ф. Саган

Дьявольская секта

Десмонд Бэгли, Сьюзан Ховач, Франсуаза Саган

Аннотация
ДЬЯВОЛЬСКАЯ СЕКТА
Десмонд Бэгли. Знак конкистадора
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая
Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Глава десятая
Глава одиннадцатая
Глава двенадцатая
Сьюзан Ховач. Дьявольская секта
Глава первая
Глава вторая
Глава третья
Глава четвертая
Глава пятая

Глава шестая
Глава седьмая
Глава восьмая
Глава девятая
Франсуаза Саган. Хранитель сердца

Аннотация

В книгу вошли три романа известных европейских авторов.

Содержание:
Десмонд Бэгли. Знак конкистадора
Сьюзен Ховач. Дьявольская секта
Франсуаза Саган. Хранитель сердца

ДЬЯВОЛЬСКАЯ СЕКТА

Десмонд Бэгли
Знак конкистадора

Глава первая

1

До юго-западного предместья Лондона я добрался без особых хлопот: шоссе было свободным, и ничто не мешало мне ехать с хорошей скоростью, если не считать нескольких встречных автомобилей, ослепивших меня фарами. Миновав Хонитон, я съехал с дороги, вырубил мотор и закурил сигарету. Появляться на ферме в столь неприлично ранний час мне не хотелось, да и подумать было о чем.

Говорят, что подслушивающие чужие разговоры никогда не слышат доброго слова о себе. С логической точки зрения это утверждение представляется мне довольно спорным, но опровергнуть его опытным путем лично мне не удалось. Не поймите это так, будто я специально намеревался подслушивать. Нет, все произошло по воле нелепого случая, но поскольку, как это обычно бывает, выбраться из этой глупейшей ситуации с честью я не мог, то и вынужден был затаиться и выслушивать в свой адрес отзывы, которые предпочел бы не слышать.

Случилось это днем раньше, на вечеринке, или, как теперь говорят, на тусовке золотой молодежи Лондона, куда меня затащила моя взбалмошная подружка Шейла: один из ее знакомых сообщил ей, что знает парня, приятель которого сегодня вечером устраивает у себя дома потрясающее сборище. Шейла загорелась туда пойти, и мы пошли, тем более что формального приглашения и не требовалось.

Дом находился в Голдерс-Грин, именуемой Хэмпстед, а хозяином оказался вундеркинд, пишущий музыку для студии грамзаписи и попутно подрабатывающий на автогонках. Он без умолку нес всякий вздор о модных дисках, рок-звездах, машинах и пилотах, что пагубно сказывалось на моих нервах и барабанных перепонках. Гости, побросав верхнюю одежду в спальне, спешили включиться в общую болтовню и завязать знакомство, — взбадриваясь тепловатым виски из судорожно зажатых в руках бокалов. В отличие от Шейлы, мне эта бестолковая суета довольно скоро наскучила, но деваться было некуда, пришлось запастись виски и терпением: посиделки затягивались.

Где-то в середине вечеринки у меня кончились сигареты. Я вспомнил, что в кармане куртки есть

еще целая пачка, и поднялся наверх. Вся одежда уже валялась на полу, за ширмой, выполненной в авангардистском стиле, и мне пришлось поползать на четвереньках, пока я не нащупал свою куртку. Внезапно дверь в спальню скрипнула, послышались чьи-то шаги, и женский голос произнес:

— Послушай, Шейла, тебе не кажется, что твой приятель немного скучноват? — Голос, как я догадался, принадлежал блондинке по имени Хелен. Она пришла в сопровождении одного из тех типов, которые слывут душою общества. Взяв из кармана сигареты, я собрался было идти, как вдруг услышал ответ Шейлы:

— Да, ты права, он такой, — хихикнула она.

— Тогда зачем он тебе? — удивилась Хелен.

— Сама не знаю, — рассмеялась Шейла. — Он все-таки мужчина, нужно же мне с кем-то появляться на людях.

— Могла бы подобрать парня и пошустрей, — хмыкнула Хелен. — А этот какой-то заторможенный. Чем хоть он занимается?

— Да так, работает в какой-то фирме бухгалтером. Серенький человечек на серенькой должности. Он не любит особо распространяться о своей работе. Я его брошу, как только найду замену.

Я буквально оцепенел, скрючившись в нелепой позе за ширмой. О том, чтобы демонстративно распрямиться и гордо выйти, после таких ее слов не могло быть и речи. Девицы еще немного почирикали, прихорашиваясь перед трюмо, затем Хелен спросила:

— Послушай, Шейла, а куда подевался твой Джимми?

— Вот уж кого не назовешь заторможенным! — прыснула со смеху Шейла. — Он такой шустрый и плотоядный, что с ним опасно оставаться наедине. Мы с ним славно порезвились, жаль, что его отправили в заграничную командировку.

— С этим-то, похоже, тебе не слишком весело, — сказала Хелен.

— Да нет, нормально, — ответила Шейла. — На мое целомудрие он пока не покушается, а для разнообразия молено и отдохнуть.

— Он случайно не гомик? — поинтересовалась Хелен.

— Да нет, не похож, — не совсем уверенно сказала Шейла. — Ничего такого я за ним не замечала.

— Ах, плохо ты знаешь этих «голубых»! — воскликнула Хеден. — Они такие мастера маскироваться, что сразу и не подумаешь. Послушай, подруга, откуда у тебя такая потрясающая по-

мада? Какой славненький оттенок! Я тоже хочу такую же!.

Девушки вновь переключились на свои женские проблемы, в которых я мало смыслю, а я продолжал томиться от пота и духоты все в той же двусмысленной позе за ширмой. Мне показалось, что прошло не менее часа, пока, наконец, девицы не выпорхнули из комнаты и я смог выбраться из своего убежища и незаметно спуститься в гостиную.

Где-то далеко за полночь Шейла решила, что уже поздно, и я повез ее домой. По дороге у меня мелькнула мыслишка доказать ей, что я вовсе не педик, но я тотчас же отверг ее, решив, что изнасилование — не самый лучший способ развлечься. Высадив свою подружку у порога ее меблированной квартирки, которую она снимала вместе с двумя своими приятельницами, я от всей души пожелал ей доброй ночи, мысленно дав себе слово, что лишь жуткая хандра заставит меня встретиться с ней еще раз.

Итак, я серенький человечек на серенькой должности.

Неужели я действительно кажусь таким всем окружающим? Раньше я как-то и не задумывался над этим всерьез, уверенный в том, что делаю

полезное и нужное дело, особенно после того, как получили широкое распространение компьютеры. Ну и что из того, что я не люблю болтать о своей работе? По-моему, девушкам гораздо интереснее услышать что-то о последнем концерте Джона Леннона, чем о тонкостях компьютерных языков. Короче говоря, с моей работой все ясно, теперь самое время разобраться с самим собой.

Может, я и в самом деле мрачный и тусклый тип, безнадежно отсталая личность? Если рассматривать меня с позиции странной общественной морали наших дней, то, вполне возможно, я и произвожу на людей такое впечатление. Слегка замкнутый по своей натуре, я был далек от раскованного образа жизни золотой молодежи шестидесятых: он казался мне пустым, дешевым и даже гнусным в некоторых своих проявлениях. Что ж, пусть меня и считали белой вороной, мне лично на это наплевать!

С Шейлой я познакомился месяц назад, когда ее приятель Джимми выпал из ее жизни и ей срочно требовалась замена. По разным причинам, основную из которых выражает пословица о пуганой вороне, которая и куста боится, я не имел привычки прыгать в постель к малознакомым девицам, поэтому и не оправдал ее надежд.

В хорошеньком же обществе мы живем, если соблюдающий приличия мужчина рискует прослыть гомосексуалистом.

Возможно, мне и не стоило принимать близко к сердцу колкости легкомысленных девиц, но взглянуть на себя чужими глазами порой бывает полезно: это заставляет шевелить извилинами, пытаясь объективно оценить себя, чем я и занимался, сидя в машине на окраине Хонитона.

Итак, для начала контурная зарисовка: Джереми Уил, выходец из крестьянской семьи с глубокими корнями. Закончил университет, пусть и не самый престижный, зато с — отличием, особо преуспев в экономике и математике, и теперь, в возрасте 31 года, работает бухгалтером, специализируясь по компьютерам, и имеет неплохие перспективы на будущее. По складу характера — замкнут и даже нелюдим, что объясняется отчасти неудачной любовной историей, испепелившей его сердце в возрасте 25 лет. С тех пор с женщинами старается быть осмотрительным. Увлечения: занимательная математика и фехтование, а такх^е плавание с аквалангом. Денежная наличность на текущий момент: 102 фунта 18 шиллингов и 4 пенса на счете в банке, и на 940 фунтов стерлингов ценных бумаг– по

рыночному курсу. Прочее имущество: старенький автомобиль «форд-картина», стереосистема, новейшей модели и комплект оборудования для подводного плавания в багажнике машины, сидя в которой он теперь и подводит жизненные итоги. Обязательства: исключительно перед собственной персоной.

И что, скажите на милость, в этом плохого? Впрочем, если подумать, вопрос лучше сформулировать иначе: что в этом хорошего? Возможно, Шейла и права, назвав меня серењким человечком, но лишь отчасти: она мечтала о Джеймсе Бонде, а получила заурядную личность, добропорядочного обывателя с несколько старомодными убеждениями, то есть самого обычного мужчину, мало чем отличающегося от других.

Но кое-чего она добилась: она вынудила меня присмотреться к самому себе повнимательнее, и увиденное, следует признать, совершенно не успокаивало. В обозримом будущем вырисовывалась весьма скучная перспектива: бесконечные и все более сложные расчеты на. все более, усовершенствованных компьютерах, причем в интересах посторонних людей, которые и будут снимать в этой игре сливки. Моя жизнь, похоже, и в самом деле катилась по заданной колее, а

сам я раньше времени превращался в пожилого джентльмена с устоявшимися привычками.

Я выбросил третий окурок в окошко и завел машину. Изменить ничего я, похоже, не мог, так что лучше было не роптать на судьбу и довольствоваться тем, что есть. Убеждая себя в этом, я тем не менее вынужден был отмстить, что до случайно подслушанного в спальне ядовитого замечания Шейлы на душе у меня было гораздо спокойнее.

Если в воскресный день выехать пораньше и избежать пробок на окружном шоссе, то добраться от Хонитона до нашей фермы в предместье Тотнеса можно за полтора часа. Вот и на этот раз я уложился минута в минуту и точно в намеченное время притормозил на площадке у поворота на Каттерс-Корнер, где начинался спуск в долину и в высокой живой изгороди имелась брешь. Выйдя из машины, я подошел к забору и удобно облокотился на него.

Я появился на свет 31 год тому назад именно в этой самой долине, в домике, настолько органично вписывающемся в ландшафт, что, казалось, он создан самой природой, а не руками моих предков еще за четыре столетия до моего рождения. По семейной традиции, нашу ферму наследовал старший сын, а младшие уходили в

морс. Став служащим коммерческой фирмы, я нарушил вековой уклад, и хозяйство взял в свои руки мой брат Боб, поскольку я не имел ни малейшей склонности возиться с овцами и коровами и сошел бы от этого занятия с ума. Мое участие в делах Боба ограничивалось консультациями по бухгалтерии и советами, как брату выгоднее разместить деньги.

Среди Уилов я с раннего детства слыл придурком. Все нормальные мужчины в нашем роду были рьяными охотниками за лисами и безжалостными истребителями фазанов в свободное от крестьянских трудов время. Боб унаследовал все эти фамильные черты характера Уилов: фермер до мозга костей, он обожал псовую охоту, травил лис и палил по уткам. Меня же, к общему удивлению, даже в юные годы не привлекало убийство беззащитных кроликов из пневматического ружья. А когда в более зрелом возрасте у меня выработалась стойкая неприязнь к дробовикам, мои бесхитростные родители, царство им небесное, стали поглядывать на меня с озабоченностью и недоумением, и по выражению их огорченных лиц нетрудно было догадаться, что ничего толкового из парня, который чурается нормальных забав и забивает свою слабую голову книжной

белибердой и фокусами с цифрами, получиться не может.

Я закурил сигарету, проводил взглядом облачко табачного дыма, тающего в прохладном утреннем воздухе, и усмехнулся, заметив, что не дымится ни одна из печных труб нашей фермы. Боб вставал довольно поздно, если накануне засиживался допоздна в одном из своих любимых пивных баров — в «Кингсбридж-Ини» или же в «Котт-Инн». Положить конец этой привычке могла только женитьба, и я рад был недавно узнать, что брат собирается остепениться и связать себя брачными узами с одной достойной особой. Признаться, меня тяготила мысль о том, что Боб отдаст Богу душу холостяком и мне волей-неволей придется самому заняться хозяйством на ферме, поскольку представить себе Хейтри без Уилов просто невозможно-.

Я снова сел за руль, проехал немного вперед и свернул на ведущий к ферме проселок, совсем недавно выровненный и посыпанный гравием стараниями Боба, многие годы мечтавшего об этом. Миновав могучий старый дуб, посаженный, по семейному преданию, еще моим прадедом, я вырулил на дорожку, заканчивающуюся во дворе нашего семейного гнезда, и вынужден был

резко затормозить: прямо на моем пути лежал человек.

Я вышел из машины и взглянул на него: мужчина распростерся на земле ничком, выбросив руку вперед. Я нагнулся и пощупал ее — она была холодна как камень, и взглянув на его затылок, я тоже похолодел. Собравшись с духом, я перевернул окоченевшее тело на спину и только тогда вздохнул с облегчением: покойный был мне совершенно незнаком.

Остекленелые глаза безразлично смотрели в голубое . небо, и судя по страшной гримасе, исказившей его лицо, умер он быстро, но мучительно. Вся его грудь, брюки и трава под ним были залиты полузапекшейся кровью, она, должно быть, хлынула из него потоком в результате мощного удара, ставшего причиной его гибели.

Я распрямился и огляделся вокруг, прежде чем направиться к дому. Было удивительно тихо, лишь черный дрозд выводил где-то бодрые Трели, да поскрипывал у меня под ногами гравий. Вдруг до меня донесся тоскливый вой собаки, и тотчас же из-за угла дома на меня с резким лаем вылетела молодая овчарка. Ей было на вид не более девяти месяцев и я догадался, что это один из щенков старой Джесс.

Я вытянул вперед руку и пощелкал пальцами. Злобный лай тотчас же сменился радостным повизгиванием, пес завилял хвостом и неторопливой трусцой подбежал ко мне, чтобы обнюхать. Но собака в доме продолжала выть, и у меня по спине пробежал холодок.

Я вошел во двор и сразу же обратил внимание на то, что дверь кухни распахнута. Осторожно подойдя к ней, я негромко позвал брата:

— Боб!

Шторы в комнате были опущены, свет не зажжен, так . что было довольно мрачно. Вдруг из темноты на меня метнулось нечто большое, черное и злобно рычащее. Я отшатнулся, распахивая дверь настежь, и увидел перед собой оскаленные клыки старушки Джесс.

— Спокойно, Джесс, все в порядке! — негромко сказал я. — Все хорошо, это я!

Собака внимательно посмотрела на меня и, слегка успокоившись, перестала скалиться.

— Иди ко мне, Джесс! — похлопал я себя по бедру.

Но собака жалобно заскулила и, повернувшись, побежала к обеденному столу. Я последовал за ней и увидел, … что Джесс стоит с поникшей головой над лежащим на полу Бобом.

Рука брата на ощупь тоже оказалась холодной, но не как у мертвеца, обнаруженного мной на дороге. На запястье прощупывался слабый пульс. Из жуткой раны в груди на рубашку сочилась кровь. Я не стал шевелить Боба, а сбегал по лестнице наверх, сорвал с кровати одеяло и, спустившись бегом вниз, накрыл им брата, чтобы он не переохладился. После этого я поднял трубку телефона и набрал номер 999.

— Говорит Джереми Уил с фермы Хейтри, — сказал я. — Здесь произошла перестрелка. Один человек мертв и один тяжело ранен. Прошу срочно направить сюда врача, карету «скорой помощи» и полицию: дорога каждая минута!

2

Спустя час я разговаривал с полицейским Дейвом Гусаном. Врач к этому времени уже оказал Бобу первую помощь, и его увезли в больницу в очень тяжелом состоянии. Я хотел поехать на своей машине за каретой «скорой помощи», но доктор Грирсон посоветовал мне этого не делать.

— Это бессмысленно, Джсмми, — сказал он. — Побереги свои нервы и доверься врачам. Ты же знаешь, что мы сделаем все возможное, чтобы спасти Боба.

— Каковы его шансы? — спросил я, кивнув головой в знак того, что согласен с ним.

— Неважные, — покачал головой доктор Грирсон. — Я позвоню тебе из больницы, когда еще раз взгляну на него.

Итак, теперь я беседовал с полицейским по имени Дейв Гусан, который со времени нашей с ним последней встречи дослужился от сержанта до инспектора. Мы с его младшим братом Гарри учились в одной школе. Следуя семейной традиции, он тоже стал полицейским.

— Плохи дела, Джемми, — с мрачным видом заявил мне Дейв. — Одному мне это дело не потянуть, да и не по чину: речь ведь идет об убийстве. Так что из Ньютон-Аб-бота к нам едет суперинтендант.

— О каком убийстве ты говоришь? Кто кого убил? — уставился я на него.

Он махнул рукой на двор, но смутился и сказал:

— Извини, я не имел в виду, что твой брат кого-то умышленно убил. Но что ни говори, а стрельба-то была, и один покойничек налицо.

Разговор происходил в гостиной, и сквозь окно мне было видно, что происходит на дворе. Труп, накрытый пластиковой пленкой, лежал на

прежнем месте, вокруг него суетилось не менее десятка полицейских в форме и в штатском.

— Что это за человек, Дейв? — спросил я, имея в виду покойного.

— Пока неизвестно, — нахмурился Дейв. — Расскажи-ка мне еще разок, как было дело, с самого начала. Мне нужно знать все до мелочей, иначе суперинтендант устроит мне головомойку. Ведь это первое убийство, которое я расследую. — Он выглядел очень озабоченным.

Так что мне пришлось снова рассказывать ему о том, как я приехал на ферму, как обнаружил сперва труп, а потом и Боба. Когда я закончил свой рассказ, Дейв спросил:

— Так, значит, ты только перевернул тело на спину, и все?

— Я подумал, что это Боб. Уж больно они похожи со спины комплекцией и стрижкой.

— Вот что я тебе скажу. Сдается мне, что это американец. Во всяком случае одежда на нем уж точно американская. Тебе это что-нибудь говорит?

— Ровным счетом ничего, — развел я руками.

— Ладно, — вздохнул он, — рано или поздно мы все равно о нем все узнаем. Он скончался от выстрела из охотничьего ружья с близкого рас-

стояния. Грирсон сказал, что заряд попал прямо в аорту, поэтому-то он и потерял столько крови. На дробовике твоего брата следы от выстрела в обоих стволах.

— Значит, это Боб стрелял в него, — сказал я. — Но это не означает, что было умышленное убийство.

— Ясное дело, — кивнул Дейв. — Судя по результатам первого осмотра места происшествия, Боб оборонялся. Нам уже известно, что убитый был вором.

— И что же он украл? — с любопытством посмотрел на. него я.

— Пошли, я тебе покажу, — мотнул головой Дейв.. — Но только не отходи от меня ни на шаг и не слоняйся по двору. Договорились?

Я последовал за инспектором на двор, стараясь ступать шаг в шаг, и он привел меня на кухню, где остановился перед стеной и спросил:

— Тебе доводилось раньше это видеть?

Я посмотрел туда же, куда смотрел и он, и увидел поднос, который, сколько я себя помню, всегда стоял на этом же месте, а именно — на верхней полке кухонного шкафа для посуды. Время от времени матушка снимала его с полки и чистила до блеска, но пользовались им обычно

только по праздникам или в торжественных случаях. На Рождество, например, на поднос укладывали фрукты и ставили его на середину обеденного стола.

— Уж не хочешь ли ты убедить меня, что он полез под пулю, пытаясь спереть медный поднос? — вытаращился я на Дейва. — И что ради этой ерунды он едва не убил Боба?

Я потянулся, чтобы взять поднос, но Дейв перехватил мою руку, воскликнув:

— Не трогай! Возможна, ты действительно не знал, — прищурился он, — но это не медь, Джемми. Это золото!

У меня отвисла челюсть. Наконец я закрыл рот, пока туда не залетела муха, и растерянно произнес:

— Но он всегда считался у нас медным!

— Так же думал и Боб, — согласился Дейв. — Вот как все это происходило. Тотнесскому музею понадобились экспонаты для выставки по истории этого края, и Боба попросили одолжить ваш поднос. Мне думается, он уже давно хранится в вашей семье, Верно?

— Еще мой дедушка рассказывал мне как-то, что о нем упоминал его дедушка, — сказал я.

— Так или иначе, Боб передал его на время му-

зею, и поднос был включен в экспозицию среди прочего подобного хлама. Потом кто-то сказал, что поднос золотой, проверили — и оказалось, что так оно и есть на самом деле! Служащие музея заволновались и попросили Боба забрать поднос от греха домой, потому что он не был застрахован. Снимок подноса поместили в газете, так что любой лихой малый мог залезть в музей и стащить его. Короче говоря, Боб забрал поднос назад. А теперь скажи мне, он знал, что ты собираешься навестить его?

— Я позвонил ему в четверг, — кивнул я. — У меня возникла одна любопытная идейка, как . переустроить ферму.

— Все ясно, — сказал Дейв. — Он ничего не сообщил тебе по телефону, потому что хотел сделать сюрприз.

— Хорошенький вышел сюрприз, — с горечью произнес я, задумчиво разглядывая поднос.

— Вор вполне мог соблазниться золотом, — продолжал Дейв. — Но специалисты из музея утверждают, что поднос представляет и огромную археологическую ценность. Я сам мало смыслю в антиквариате, так что добавить к этому ничего не могу. — Дейв почесал затылок. — Но вот что еще меня беспокоит, дружище. Пошли, я

тебе кое-что покажу, только ты не трогай ничего руками!

С этими словами он отвел меня в другой конец двора, где на земле под пленкой лежал какой-то предмет.

— Вот из чего, был ранен Боб, — сказал Дейв, поднимая край пленки, и я увидел массивный старинный пистолет.

— Что это ему взбрело в голову воспользоваться такой жуткой пушкой? — нахмурился я, нагибаясь, чтобы получше рассмотреть страшное оружие. Приглядевшись, я понял, что ошибся: это был не пистолет, а дробовик с коротко обрезанными стволами и прикладом.

— Какой нормальный вор пойдет на дело с таким оружием? — задал вопрос Дейв. — Да за одно лишь хранение такой штуки его могли бы упечь на год за решетку. Мало того, преступников было двое. На дороге неподалеку от фермы мы обнаружили следы от шин и капли масла. Наши эксперты пришли к заключению, что машина была здесь после десяти вечера. Грирсон утверждает, что неизвестный застрелен незадолго до полуночи, так что не остается никаких сомнений в том, что машина и убитый связаны между собой. Тогда спрашивается: кто же уехал на авто-

мобиле? Ведь покойничек этого сделать не мог!

— Сообщником могла быть и женщина, — задумчиво заметил я. — А где прошлой ночью находились супруги Эджкомб, первый помощник Боба и его жена? У себя? — Пользовавшиеся особым доверием и расположением брата, супруги Эджкомб занимали несколько комнат непосредственно в нашем доме, тогда как все другие работники жили в отдельных коттеджах.

— Я наводил справки, — сказал– Дейв. — Они проводят свой ежегодный отпуск в Джерси. Так что Боб был в доме один.

В это время к нам подошел полицейский в форме и обратился к инспектору со словами:

— Вас просят подойти на минуточку, сэр.

Дейв извинился и ушел, а я остался один и попытался собраться с мыслями. Мне это, однако, не удалось, я был слишком подавлен и потрясён случившимся. Дейв вскоре вернулся, и по сосредоточенному выражению его лица я понял, что случилось нечто серьезное. У меня защемило в груди.

— Боб умер, — опередил я инспектора.

— Десять минут тому назад, — потупившись, глухо подтвердил Дейв.

— Черт бы меня подрал! — в ярости сжал я

кулаки. — Ну почему я не приехал на полчаса раньше! Все могло быть иначе!

— Не надо ни в чем винить себя, Джемми, — сказал Дейв. — Ты. все равно не смог бы ему помочь. Он был обречен. Это настоящее убийство, и нам нужно искать преступника. Мы обнаружили брошенный автомобиль неподалеку от Ньютон-Аббота. Сейчас проверяют, эта ли машина стояла возле фермы минувшей ночью.

— Элизабет Хортон уже знает о случившемся? — спросил я.

— Кто это? — нахмурился Дейв.

— Невеста Боба.

— Боже! — хлопнул себя по лбу Дейв. — Так он собирался жениться? Нет, ей пока ничего не известно!

— Тогда лучше я сам скажу ей, — предложил я.

— Хорошо, — согласился Дейв. — Теперь тебе самому придется хозяйничать на ферме. Без твердой руки здесь быстро все придет в упадок. Советую вызвать из отпуска Джека Эджкомба. Нет, пожалуй, я сам займусь этим вопросом.

— Спасибо, Дейв, — сказал я. — Только это, похоже, не входит в твои служебные обязанности.

— Не беспокойся, — попытался изобразить улыбку Дейв. — Это мои проблемы. Ты ведь зна-

ешь, что Боб мне был симпатичен. — Он помолчал и спросил: — А кто его поверенный?

— Насколько мне известно, всеми юридическими делами нашей семьи всегда ведал старина Маунт, — сказал я.

— Постарайся встретиться с ним как можно быстрее. Нужно уладить дело с завещанием и другие формальности. — Он взглянул на часы. — Послушай, мне думается, тебе не стоит дожидаться приезда полицейского куратора из города. Лучше не теряй времени и займись своими делами. Если ты понадобишься, я найду тебя. Ты только позвони, пожалуйста, через пару часов и скажи, где тебя можно найти. Договорились?

3

По пути в Тотнес я бросил взгляд на свои часы и с удивлением обнаружил, что нет еще и девяти утра. Нормальные люди только начинали свой день, у меня же было ощущение, что за минувшие три часа прошла целая вечность. Я все еще не оправился от потрясения и плохо соображал, но в сердце моем уже закипала ярость, вытесняя печаль. У меня просто не укладывалось в голове, что человек мог погибнуть в собственном доме от заряда, выпущенного из. совершенно

чудовищного оружия, из-за какого-то подноса, приглянувшегося залетному мерзавцу. Это было извращением нормальной жизни, немыслимое событие в тихом предместье провинциального городка. Меня трясло от одной лишь мысли, что в мою жизнь ворвались какие-то неведомые мне злые, подлые силы из иного мира, где царят жуткие, примитивные порядки и внезапная смерть считается обычным делом.

Встреча с Элизабет явилась для нас обоих тяжким испытанием. Когда я сообщил ей горькую весть, она вдруг окаменела, изменившись в лице, так что я даже подумал, что она относится к тому типу англичанок, для которых проявить свои чувства означает верх неприличия. Но уже через пять минут она разрыдалась, и мать увела ее в спальню. Мне было очень жаль Элизабет. И она, и Боб слишком поздно решили вступить в брак, и вот теперь все ее надежды рухнули. Я плохо ее знал, но не сомневался, что она была бы моему брату хорошей лесной.

Мистер Маунт воспринял новость гораздо хладнокровнее: со смертью он вынужден был иметь дело в силу своих служебных обязанностей. Но на него произвели тяжкое впечатление обстоятельства случившегося. Если бы Боб скончался, к

примеру, свернув себе шею на охоте за лисой, это не было бы ничем из ряда вон выходящим. Такое в этих местах случалось. Но вот убийства здесь давно никто не помнил.

Однако стряпчий быстро взял себя в руки, укрепив свой пошатнувшийся дух верой в торжество закона и справедливости, и сухо промолвил:

— Безусловно, имеется завещание. Мы с вашим братом обсуждали его в связи с его намерением вступить в брак. Вам, возможно, это и не известно, но при вступлении в брак все предыдущие завещания утрачивают силу. Так что необходимо составить новое завещание. Тем не менее новое Завещание не было подписано, так что прежнее остается в силе.

Он слегка улыбнулся и продолжал:

— Не стану темнить, Джемми, скажу прямо: единственным наследником всего состояния Боба являешься, практически, ты, если не принимать во внимание незначительных сумм, завещанных работникам и приятелям покойного. Отныне ферма Хейтри целиком принадлежит, тебе, во всяком случае, будет принадлежать после вступления завещания в законную силу. Придется, безусловно, уплатить соответствующие налоги, но в накладе ты не останешься. Мне нужно встретиться с

управляющим банка, где твой брат хранил деньги и ценные бумаги, и кое-что уточнить.

— В этом смысле могу быть вам полезен, — сказал я. — Ведь счета Боба вел я. У меня имеется вся информация по его финансовым делам. Мы как раз. должны были обсудить их с братом. Так что бумаги при мне.

— Что ж, это упрощает дело, — сказал Маунт. — По моим расчетам, ферма потянет приблизительно на 125 тысяч фунтов стерлингов, если не считать скот.

— Неужели так много? — удивленно воскликнул я.

— Когда ферма долго находится во владении одной семьи, — с довольной улыбкой произнес мистер Маунт, — ее реальная стоимость как бы отходит на второй план. А ведь это капитал. За последние годы земля заметно подорожала, Джемми, а у тебя ее целых 500 акров[1], причем отменного качества, сплошной краснозем. На торгах за такую землю можно получить не менее 250 фунтов стерлингов за акр. Прибавь к этому скот, стоимость работ по благоустройству и модернизации хозяйства, и ты получишь в

---

[1] Примечания: 1

1 акр = 4047 м^2.

общей сложности не менее 170 тысяч фунтов наличными.

Я не сомневался в правильности его оценки: Маунт хорошо разбирался в ситуации на земельном рынке в округе.

— Если ты продашь ферму, Джемми, ты станешь весьма состоятельным человеком, — сказал стряпчий.

— Я не могу продать ферму, — покачал я головой.

— Я так и думал, — кивнул он в знак сочувствия. — Это было бы равноценно тому, как если бы королева продала Букингемский дворец. Но что же ты намереваешься делать? Сам возьмешься за дела?

— Я пока еще не решил, — с видимым отчаянием отвечал я. — У меня голова кругом.

— Ничего, у тебя будет время обо всем хорошенько поразмышлять, утешил меня Маунт. — Можно взять управляющего, но твой брат высоко ценил Джека Эджкомба. Он вполне справился бы с крестьянской работой, а ведение финансовых вопросов, в которых он полный профан, ты мог бы взять на себя. Для этого тебе даже не обязательно оставлять свою работу.

— Я над этим подумаю.

— Скажи на милость, — продолжал мистер Маунт, — что это за оригинальная идея насчет рационального использования фермы пришла тебе в голову? Надеюсь, это не тайна?

— Дело в том, что некоторые государственные экспериментальные фермы уже использовали компьютеры для более эффективного ведения хозяйства. Я решил последовать этому примеру и тоже составил специальную программу для своей фермы, чтобы машина рассчитала, как извлечь из нее максимальную прибыль. Вот и все.

— Ваша ферма и без хитроумных машин на протяжении четырех столетий давала неплохой доход, — снисходительно улыбнулся Маунт. — Сомневаюсь, что машина знает лучше, чем крестьяне, как ею управлять: ведь они унаследовали опыт и знания предков.

Подобную точку зрения мне уже приходилось слышать, и ответ был у меня наготове:

— Традиционные методы землепользования имеют, безусловно, свои преимущества, — мягко возразил я. — Но ведь и совершенными их не назовешь. Даже на крохотной ферме приходится учитывать огромное количество данных — в отношении подбора и заготовки кормов, селекции и содержания животных и так далее. Фермер

должен быть математиком, чтобы просчитать все варианты, а число их достигает нескольких миллионов. Компьютер же выполнит эту работу в считанные минуты. Мне, например, машина подсказала, как увеличить доходы от фермы на пятнадцать процентов. Что вы на это скажете?

— Это удивительно! — воскликнул Маунт. — Мы обязательно еще вернемся к этому разговору в более подходящее время.

Я не мог с ним не согласиться: время для подобных дискуссий действительно было не самым удачным.

— Боб рассказывал вам о подносе? — спросил я Маунта.

— Конечно! — воскликнул он. — И даже приносил его ко мне в контору, когда забрал из музея. Мы с ним обсуждали вопрос о страховке: вещица-то ценная.

— И сколько может стоить этот поднос?

— Это даже трудно определить. Мы его взвесили, и стоимость одного лишь металла может составить две с половиной тысячи фунтов. А ведь нужно учесть еще и работу, и антикварную ценность. Что тебе известно о происхождении этого предмета?

— Ровным счетом ничего, — признался я. —

Кроме того, что он всегда был у нас в доме.

— Тогда его следует включить в общий список имущества, — отметил стряпчий. — Если надумаешь продать, то лучше всего с аукциона «Сотбис». Нам придется всерьез заняться делами Боба. Надеюсь, что удастся собрать деньги для уплаты налогов. Не продавать же часть фермы! Как ты смотришь на то, чтобы продать, в случае крайней необходимости, этот золотой поднос?

— Пожалуй, ради сохранения фермы, я готов на это пойти, — сказал я, хотя уже давно решил избавиться от него: слишком много было на нем крови.

— В таком случае на сегодня закончим, — решил стряпчий, — Я дам делу официальный ход, так что можешь не беспокоиться, я со. всем управлюсь сам. — Он встал из-за стола. — И вот что я скажу тебе на прощанье, Джемми. Как душеприказчик Боба я обладаю широкими полномочиями. Тебе наверняка понадобятся деньги на текущие расходы, связанные с фермой. Я вправе назначить тебя своим поверенным до официального утверждения завещания. Это не противоречит закону, и ты сможешь воспользоваться деньгами из наследства. Или, по-твоему, мне лучше нанять другого управляющего?

— Дайте мне два дня на размышления, — сказал я. — Нужно потолковать с Джеком Эджкомбом.

— Верно, — одобрил Маунт. — Только не затягивай это дело.

Прежде чем покинуть контору стряпчего, я позвонил на ферму, как и обещал Дейву Гусану, и узнал, что суперинтендант сыскной полиции Смит рад был бы видеть меня сегодня в три часа пополудни в полицейском управлении. Я сказал, что непременно приду, и вышел на улицу, чувствуя некоторую подавленность и растерянность.

Взглянув на часы, обнаружил, что скоро полдень. Утром я не позавтракал, а накануне вечером лишь слегка перекусил. Однако набивать желудок .мне не хотелось, и я отправился на автомобиле в «Котт-Инн», где можно было выпить пива и заморить червячка сэндвичем.

Бар был почти пуст, лишь в дальнем углу за столиком тихонько попивали пиво мужчина и женщина средних лет. Я подошел к стойке и попросил Паулу налить мне пинту[2].

— Ах, это вы, мистер Уил! — воскликнула она. — Примите мои соболезнования.

---

[2] Примечания: 2
Английская пинта равна 0,57 литра.

В таком маленьком городишке, как Тотнсс, слухи распространяются мгновенно, и я даже не удивился.

— Да, — сказал я, — паршивая история.

Пока Паула нацеживала мне пиво, от другой стойки ко мне подошел бармен Найджел.

— Мои соболезнования, Джемми, — сказал он.

— Благодарю, — кивнул я. — Послушай, Найджел, мне хотелось бы быстренько промочить горло и перекусить. Поговорим в другой раз.

— Если желаешь, я обслужу тебя в отдельном кабинете, — предложил он.

— Не стоит. Зал ведь практически пуст.

Он сделал по телефону заказ кухне, перекинулся парой слов с Паулой и вернулся за свою стойку. Но не успел я отхлебнуть из кружки, как он вновь ко мне подошел.

— Я понимаю, что ты сейчас не в духе, — сказал он, — но мне нужно тебе сообщить нечто важное.

— Хорошо, — согласился я. — Рассказывай.

— Скажи, пожалуйста, это правда, что убитый грабитель — американец?

— Это не исключено, — кивнул я.

— Я не уверен, что здесь есть какая-то связь, — надув щеки, сказал Найджел, — но два дня

тому назад Гарри Ганнафорд сказал мне, что какой-то американец подкатывался здесь к Бобу насчет подноса. Ну, того самого, что оказался очень ценным.

— Где это случилось?

— Да здесь же! — хлопнул ладонью о стойку Найджел. — Меня самого в тот момент здесь не было, но Гарри сказал, что слышал весь разговор от начала до конца: он как раз выпивал с Бобом.

— Ты знаешь этого американца?

— Нет. К нам заглядывает много американцев, им любопытно побывать в таком старинном пабе, как наш. «Котт» входит в их культурную программу. Но в то время других янки у нас не было. Зато сейчас появился один, он, приехал только вчера и остановился в этой гостинице.

— В Самом деле? — оживился я. — И что же это за тип?

— Старикан, ему под шестьдесят, — расплылся в улыбке Найджел. — Зовут его Фаллон. Похоже, богатенький, судя по его телефонным счетам. Но мне он не показался подозрительным субъектом.

— Вернемся к Ганнафорду и другому янки, — сказал я. — Что еще ты можешь мне сообщить?

— Ничего особенного. Янки хотел купить

поднос, вот и все. Кстати, скоро здесь должен появиться сам Гарри, он непременно зайдет выпить свою полуденную пинту пива. Вы с ним знакомы?

— Что-то не припоминаю, как он выглядит.

— Когда он появится, я дам тебе знать, — сказал Найджел.

Подали мои сэндвичи, я забрал их и устроился за угловым столиком возле камина. Меня вдруг охватила усталость, что было неудивительно, поскольку я не спал всю ночь и перенес сильнейшее нервное потрясение. Я медленно жевал сэндвичи, запивая их пивом, и постепенно выходил из шока. Лишь теперь я ощутил настоящую боль после всего пережитого в это утро.

Зал пивного ресторана потихоньку наполнялся посетителями, и я заметил несколько знакомых лиц. Никто, тем не менее, не беспокоил меня, хотя я и перехватил пару раз быстрые любопытные взгляды. Незыблемые правила приличия удерживали, однако, сельских жителей от назойливых разговоров. Я заметил, что Найджел беседует с крупным мужчиной в твидовом костюме. Вскоре бармен сам подошел ко мне, чтобы сообщить, что пришел Ганнафорд.

— Хорошо бы нам потолковать с ним где-нибудь

в укромном месте, — сказал я, обводя взглядом переполненный зал.

— Можете воспользоваться, моим кабинетом, — предложил Найджел. — Иди первым, Гарри подойдет попозже.

— Пришли нам туда пару кружек пива, — сказал я и вышел из бара через служебный вход.

Ганнафорд присоединился ко мне через несколько минут.

— Прими мои соболезнования, — сказал первым делом он. — Жаль Боба. Славный был парень, мы с ним отменно покуролесили в этом пабе, — с ухмылкой добавил он.

— Это верно, — кивнул я, догадываясь, что брат был в приятельских отношениях с этим завсегдатаем пивного бара, хотя за стенами его они могли и не встречаться, сохраняя при этом друг о друге самые лучшие впечатления.

— Найджел сказал, что какой-то американец интересовался подносом Боба, — продолжал я.

— И не только он, — сказал Гарри. — Его хотел купить еще один янки.

— Любопытно, — хмыкнул я, — И что об этих американцах известно?

— Один из них, мистер Гатт, производит впечатление приятного человека, — потеребив мочку

уха, проговорил

Ганнафорд. — Совсем не наглый, как большинство янки, уже в годах, прилично одет. Ему чрезвычайно хотелось купить. у Боба этот поднос.

— Он предлагал какую-то определенную цену?

— Цену он не назвал. Боб сказал, что не станет обсуждать этот вопрос, пока поднос не оценят эксперты, и мистер Гатт тогда согласился уплатить оценочную стоимость. Но Боб рассмеялся и заявил, что он, возможно, вообще не станет продавать эту вещь, так как это фамильная реликвия. У мистера Гатта тотчас же вытянулось лицо.

— А что насчет другого янки?

— Молодого? Этот мне не понравился, слишком напорист и самоуверен. Он вел себя с Бобом очень нагло, можно сказать даже вышел из себя, когда Боб отказался продать ему поднос. Если бы не его жена, неизвестно, чем бы все кончилось.

— Американец был с женой?

— Ну, может, она ему и не жена, — ухмыльнулся Гарри, — может быть, сестра.

— Он представился?

— Да. Как лее, черт подери, его зовут? Холл? Нет, не то. Стедман? Не то. Минуточку, сейчас вспомню. — Лицо Гарри даже побагровело от

напряжения. — Холстед! — хлопнул он себя по лбу. — Его зовут Холстед. Он дал Бобу свою визитную карточку, я это точно помню. И сказал, что наведается еще разок, когда поднос оценят. Боб посоветовал ему не терять попусту времени, и тогда янки полез на рожон.

— И это все? — спросил я.

— Пожалуй, да, — сказал Гарри. — Правда, мистер Гатт вскользь обмолвился, что коллекционирует такие штуки. Наверное, он один из этих американских миллионеров.

— Когда все это происходило? — спросил я, мысленно отметив, что в «Котте» в последнее время развелось слишком много богатеньких янки.

— Сейчас вспомню, — потер подбородок Ганнафорд. — Пожалуй, спустя два дня после публикации в «Вестерн морнинг ньюс». Значит, пять дней тому назад, а именно — во вторник.

— Спасибо, Гарри, — поблагодарил его я. — Полиция может заинтересоваться этой информацией.

— Я непременно схожу туда и все расскажу, — сказал он, беря меня за рукав. — Когда похороны? Я хотел бы присутствовать и попрощаться с Бобом.

Этот вопрос поставил меня в тупик: у меня ведь

не было времени об этом подумать.

— Я пока не знаю, — признался я. — Сперва должно закончиться дознание.

— Безусловно, — согласился Ганнафорд. — Когда будете знать, скажите Найджелу, а он передаст мне. И другим тоже. Боба Уила здесь все уважали.

— Непременно, — сказали.

Когда мы вернулись в бар, Найджел многозначительно подмигнул мне. Я подошел и поставил на стойку пустую кружку.

— Пришел янки, который остановился в гостинице, — прошептал Найджел. — Вон он, возле камина.

Обернувшись, я увидел за столиком мужчину лет шестидесяти с бокалом виски в руке. У него было худое и мрачное лицо цвета заезженного седла. Под моим пристальным взглядом он поежился и придвинулся поближе к огню.

— Он сказал, что много времени проводит в Мексике, — сказал Найджел, когда я снова обернулся к нему. — Английский климат ему не по душе, здесь для него холодновато.

4

Ту ночь я провел в одиночестве на ферме Хейтри. Останься я в «Котте», то возможно, уберег бы себя от многих страданий, но я этого не сделал. Вместо этого я бродил по тихим комнатам, населенным тенями воспоминаний, и погружался в депрессию.

Я — последний из рода Уилов. У меня нет ни дядей, ни тетей, ни братьев, ни сестер, я был один как перст. Ныне опустевший дом был когда-то населен современниками многих исторических личностей, вершивших судьбу страны. Клочок английской земли, на котором стоял этот дом, за четыре столетия пропитался потом Уилов, стойко переносивших выпавшие на их долю испытания. И вот теперь в живых остался один лишь я, маленький серенький человечек с его маленькой серенькой работой.

Как это несправедливо!

Я обнаружил, что стою в спальне Боба. Постель все еще была разобрана, и я чисто автоматически застелил ее и поправил подушку. Туалетный столик, как всегда, был в беспорядке, возле зеркала лежала стопка фотографий членов нашей семьи и портрет королевы Елизаветы — рядом со

снимком любимого жеребца Боба. Я взял портрет Елизаветы в руки, чтобы рассмотреть его, и что-то выпало из рамки на туалетный столик.

Это была визитная карточка. Я поднял ее и прочел:

Пол Холстед. Авенида Куинтиллана, 1534. Мехико.

Зазвонил телефон, я вздрогнул и поднял трубку, в которой прозвучал сухой голос мистера Маунта.

— Привет, Джереми, — сказал он. — Мне пришло в голову, что все хлопоты с похоронами я тоже мог бы взять на себя. Так что не волнуйся.

— Очень любезно с вашей стороны, — едва не поперхнувшись, сказал я.

— Мы ведь были друзьями с твоим отцом, — продолжал мистер Маунт. — Я не говорил тебе, но если бы он не женился на твоей матери, на ней, возможно, женился бы я. — Он положил трубку, оставив меня в мертвой тишине.

Я лег спать в своей комнате, где обычно спал в детстве. И впервые с той давней поры я плакал, уткнувшись лицом в подушку.

Глава вторая

1

В ходе дознания мне стало известно имя убитого грабителя — Виктор Нишеми, американец.

Формальности не заняли много времени. Сперва провели опознание, потом я дал показания, как обнаружил труп Нишеми и раненного брата, умирающего на кухне. Потом дал показание Дейв Гусан, ведущий дознание, и следователю были предъявлены золотой поднос и ружья.

Судебный следователь по насильственным преступлениям вынес решение, в котором говорилось, что Нишеми был убит оборонявшимся от него Робертом Блейком У илом, а последний погиб от руки Нишеми и его неустановленного сообщника по ограблению.

Когда мы с Дейвом Гусаном вышли на улицу, он сказал, кивнув головой вслед двум неспешно удаляющимся мужчинам крепкого телосложения:

— Скотланд-Ярд. Они забрали дело к себе. Ведь замешаны иностранцы.

— Ты имеешь в виду Нишеми?

— Именно так, он ведь американский граж-

данин. Его уже ловили на мелких кражах и грабежах в Штатах. Мелкая сошка.

— Бобу от этого не легче, — вздохнул я.

— Сказать по правде, Джемми, в этом деле много загадочного, — глубокомысленно изрек Дейв. — Нишеми никогда не везло в его ремесле, он бедствовал. Тогда откуда же у него деньги на поездку в Англию? И что его сюда привело? Ведь в чужой стране он чувствовал бы себя как рыба на берегу. Сейчас в этом пытаются разобраться.

— А что удалось выяснить о Холстеде и Гатте, тех янки, о которых рассказывал Гарри из бара?

— Этого я не могу тебе сказать, Джемми, — взглянув мне прямо в глаза, серьезно проговорил Дейв. — Это служебная тайна, сам понимаешь, и я не вправе раскрыть ее даже брату Боба. Начальство за такое с меня голову снимет.

Он хлопнул меня ладонью по груди.

— Не забывай, приятель, что ты тоже был под подозрением! Ладно, забудем об этом, — успокоил меня он, заметив, как вытянулась моя физиономия. — Черт возьми, ты не должен обижаться, ведь как-никак, но после смерти Боба ты. стал единственным наследником. А вся эта возня с подносом могла быть лишь ловким трюком. Я-то в это не верил, но у начальства своя точка зрения,

как сам понимаешь.

— Надеюсь, твой шеф вычеркнул меня из списка подозреваемых? — переведя дух, попробовал пошутить я.

— Не забивай себе этим голову, Джемми. Что же до моего шефа, то о своих соображениях он мне не докладывает. Он очень подозрителен. Споткнись он сам о мертвое тело, он и себя самого включил бы в список подозреваемых, вот что я могу тебе сказать. — Дейв потеребил мочку уха. — Так и быть, скажу по секрету: похоже, Холстед тут не замешан, у него чистое алиби, потому что в день убийства он был в Лондоне. Лондонские коллеги отловили его прямо с читальном зале Британского музея, — с ухмылкой добавил он.

— И что он из себя представляет? — спросил я.

— Он утверждает, что занимается археологией, — начал было Дейв, но осекся на полуслове, бросив тревожный взгляд через мое плечо. — Черт подери, откуда здесь эти пронырливые журналисты? Послушай, сделаем так: быстренько ныряй в собор, там они тебя осаждать не осмелятся. Выйдешь через служебную дверь с другой стороны, через ризницу. Я тебя прикрою. Ступай.

Без лишних слов я шмыгнул в церковный дворик. Входя в храм, я слышал, как возбужденно

вопят наседающие на Дейва газетчики, обложившие беднягу со всех сторон, словно свора гончих загнанного оленя.

Похороны состоялись на следующий день после судебного слушания. Пришло много людей, знакомых и не знакомых мне. Супруги Эджкомб, прервав отпуск, срочно вернулись из Джерси. Я чертовски вымотался за минувшие дни и с трудом дождался окончания церемонии. С Джеком мы условились поговорить в спокойной обстановке на ферме.

Итак, Боб покоился в могиле, как и его убийца Нише-ми, если только его не хранили до сих пор в холодильнике морга по распоряжению полиции. Неустановленного соучастника преступления все это лишь радовало, он мог с легким сердцем продолжать жить и творить свои темные делишки: все концы были обрублены.

Занятый этими и другими невеселыми мыслями, я автоматически довел машину до фермы и заехал во двор, где едва не врезался в припаркованный возле дома большой «мерседес».

Я вылез из своей машины одновременно с водителем «мерседеса» и узнал в долговязом мужчине Фаллона, американца, на которого указал мне в баре Найджел.

— Мистер Уил? — обратился ко мне Фаллон.

— Вы не ошиблись, — сказал я.

— Я понимаю, что выбрал не совсем подходящее время для визита, — продолжал американец, — но меня поджимает время. Моя фамилия Фаллон.

Он протянул мне свою тонкую и твердую, как у скелета, руку, и я машинально пожал ее, спросив в свою очередь, чем могу быть ему полезен.

— Я прошу вас уделить мне всего несколько минут, — сказал он, как ни странно, без явного американского акцента.

— Может быть, нам удобнее будет побеседовать в доме? — предложил я.

Фаллон достал из «мерседеса» портфель и проследовал за мной в комнату Боба, где я предложил ему сесть в кресло, а сам молча уселся напротив.

Он нервно кашлянул, явно не зная, с чего лучше начать, но я не торопился прийти ему на помощь. Он снова прочистил горло и, наконец, сказал:

— Я отдаю себе отчет, что наступаю вам на больную мозоль, мистер Уил, но мне очень хотелось бы взглянуть на принадлежащий вам золотой поднос.

— Боюсь, что это совершенно невозможно, — невозмутимо произнес я.

— Надеюсь, вы его не продали? — с тревогой в глазах спросил он.

— Поднос находится в полиции, — сухо сказал я.

— Слава Богу, — вздохнул с облегчением Фаллон, несколько расслабившись, и полез в портфель, откуда извлек пачку фотоснимков.

— Не могли бы вы как-то прокомментировать эти фотографии, — попросил он, протягивая мне пачку.

Фотографии были выполнены профессионалом: я понял это, лишь только бросил взгляд на четкие блестящие снимки. На них под разными углами был запечатлен мой золотой поднос, а также отдельные его фрагменты, в частности, изящное обрамление в виде виноградных листьев.

— Посмотрите и эти, — протянул мне Фаллон новую пачку снимков размером 8x10 дюймов, на этот раз цветных и не столь четких, но зато более впечатляющих..

— Где вы их взяли? — взглянул я на Фаллона.

— Это имеет какое-то значение?

— Полагаю, что для полиции может иметь, — резко ответил я. — Этот поднос фигурировал в деле об убийстве, и полицию наверняка заинтересует, откуда у вас эти фотографии.

Но это ведь не ваш поднос, — заметил Фаллон.

— А чей же? — ехидно прищурился я.

— Это мой поднос, — любезно улыбнулся Фаллон.

— Послушайте, не рассказывайте мне сказки, — начал терять терпение я. — Этим подносом наша семья пользовалась, не менее полутора столетий, и мне совершенно-непонятно, какие у вас могут быть на него претензии, черт подери.

— Мы говорим о разных вещах, — замахал он руками. — Эти снимки сделаны с подноса, принадлежащего мне. Он хранится в бронированном сейфе. Я приехал к вам, чтобы выяснить, насколько оба предмета похожи, и вы дали совершенно определенный ответ На незаданный вопрос. Благодарю вас.

Я снова посмотрел на фотографии, чувствуя себя идиотом. Поднос чертовски походил на тот, который я видел много раз в этом доме, но являлся ли он точным повторением моего, я с полной уверенностью сказать не мог. В последний раз я мельком видел свой поднос в минувшую субботу, когда мне его показал Дейв Гусан, но до этого я довольно длительное время его не видел. Фактически, я не рассматривал его толком с самого детства.

— Они действительно похожи как две капли воды? — спросил Фаллон.

Я объяснил, что затрудняюсь ответить категорически, и он понимающе кивнул.

— Может быть, вы все-таки подумаете насчет продажи мне вашей реликвии? — с надеждой еще раз спросил он. — Я вам заплачу хорошую цену.

— Нет, я не могу с ним расстаться, — твердо отвечал я. — Он мне не принадлежит.

— Как? Разве не вы единственный наследник? — веки» нул брови Фаллон.

— Это так, но формально я пока не вступил в права наследования. Нужно ждать, пока завещание брата вступит в законную силу. — Я не стал говорить Фаллону, что и Маунт советовал мне продать этот проклятый поднос. Мне хотелось подольше поиграть с Фаллоном, чтобы выяснить его подлинные намерения. Кроме того, я ни на секунду не забывал, что из-за этого подноса погиб мой брат.

— Понимаю, — нервно побарабанил пальцами по подлокотнику Фаллон. — Однако рано или поздно полиция отдаст его вам, не так ли?

— Полагаю, что да, — неопределенно сказал я.

— Мистер Уил, могу я просить вас позволить мне осмотреть и сфотографировать ваш поднос?

Вам не нужно будет для этого даже выходить из дома, у меня с собой чудесная камера.

— Не вижу причин для этого, — ухмыльнулся я в ответ.

Улыбка тотчас же исчезла и лица американца, лицо его помрачнело, и он с иронией в голосе произнес:

— Мне кажется, вы мне не доверяете.

— Вы попали в самую точку, — расхохотался я. — А как вы вели бы себя на моем месте?

— Думаю, что так же, — согласился Фаллон. — Я, кажется, — свалял дурака. — Лицо Фаллона напомнило мне в этот момент лицо опытного шахматиста, допустившего нелепый промах: мысленно он дал себе пинка под зад.

За окном послышался звук подъезжающего автомобиля. Я встал и поднял раму. Джек и Мэдж вылезали из своей машины.

— Подождите меня еще минуту, — крикнул я им.

Джек помахал мне рукой и удалился, но Мэдж подошла к окну и спросила, не желаю ли я чашку чая.

— Неплохая идея, — сказал я. — А вы, мистер, Фаллон? Хотите чаю?

— Это было бы просто замечательно, — сказал

американец.–

— В таком случае чай на двоих, Мэдж, — сказал я.

Мэдж ушла готовить чай, и я сказал, обернувшись к гостю:

— Не кажется ли вам, что пора раскрыть карты.

— Уверяю вас, я понятия не имел о трагических событиях в вашем доме, — обеспокоенным тоном заявил мистер, Фаллон. — Я заинтересовался вашим подносом, прочитав о нем в газете «Вестерн морнинг ньюс» и увидев там же фотографию. К сожалению, газета попалась мне немного .поздновато. Я тотчас же выехал в Тотнес и прибыл в гостиницу. «Котт-Инн» в пятницу вечером…

— Это мне известно, — сказал я.

— Я намеревался навестить вашего брата в субботу утром, но потом услышал о том, что произошло, и…

— И не поехали. Весьма разумно с вашей стороны, мистер Фаллон. Надеюсь, вы отдаете себе отчет, что теперь вам все равно придется объясниться с полицией? — сказал я.

— Не вижу для этого причин, — возразил он.

— Не видите? Так я вам объясню. Разве вам не известно, что убийца моего брата — тоже амери-

канец? Его звали Виктор Нишеми.

Фаллон молча покачал головой.

— Вы не читали сегодняшней газеты?

— Нет, не читал, — устало произнес он.

— Послушайте, мистер Фаллон, — вздохнул я, — моего брата убивает американец, и в деле фигурирует поднос. Четыре дня тому назад двое американцев пытались купить у моего брата этот же поднос. А теперь появляетесь вы, тоже американец, и тоже жаждете заполучить этот же проклятый поднос. И после всего этого вы хотите уклониться от объяснений?

Фаллон на моих глазах постарел на пять лет.

— Эти американцы, — чуть слышно произнес он, — те, что проявляли интерес к подносу, как-то представились?

— Я думал, вы подскажете мне, как их зовут, — сказал я.

— Одного из них, случайно, зовут не Холстед?

— Вот теперь-то уж вам не отвертеться от разъяснений, — торжествующе воскликнул я, сделав свирепое лицо. — Нам придется с вами проехать в участок. Там вам будут очень рады.

Понурив голову, Фаллон некоторое время молча размышлял, затем взглянул на меня и сказал:

— Теперь я думаю, что вы глупец, мистер Уил.

Неужели вы искренне считаете, что я осмелился бы приехать к вам, будь я причастен к убийству вашего брата? Я не знал, что Холстед подбирался к вашему брату, как не ведал и того, что грабитель и убийца — мой соотечественник.

— Но вам известна фамилия одного из ваших «милых» соотечественников — Холстед.

— Мы с ним прекрасно знаем друг друга, он был моим студентом много лет назад, — устало махнул рукой Фаллон. — В последние три года наши пути постоянно пересекаются, будь то в Центральной Америке или в Европе.

— А что вы преподавали? — поинтересовался я.

— Археологию, — сказал, Фаллон.

Мэдж внесла на подносе чай, печенье, клубничный джем и взбитые сливки. Поставив поднос на стол, она изобразила на лице улыбку и удалилась.Наливая чай со. сливками, я подумал, что вышла бы очень милая домашняя сценка, если бы не странноватый предмет нашего с гостем разговора.

— Вы знакомы с Гаттом? — ставя чашку на стол, спросил я.

— Первый раз слышу эту фамилию, — сказал Фаллон.

Я на мгновение задумался, пораженный внезапной мыслью, что ни разу не уличил собеседника во лжи. Он сказал, что Холстед археолог, и это совпадало с тем, что говорил Дейв Гусан. Он сказал, что прибыл в «Котт» в пятницу, и то лее самое сказал мне Найджел. Подумав над этим, я потянулся к телефону. Ни слова ни говоря, я набрал номер гостиницы в «Котте», искоса наблюдая за реакцией гостя. Тот невозмутимо пил чай.

— Привет, Найджел, — сказал я в трубку. — Послушай, когда Фаллон прибыл в гостиницу?

— Около половины седьмого вечера. А почему ты спрашиваешь?

— Да так, ничего серьезного. А чем он в тот вечер занимался, ты случайно не знаешь? — Я пристально взглянул на Фаллона, но он сохранял полнейшее хладнокровие, с удовольствием поглощая печенье и сливки.

— У меня полнейшая информация на этот счет, — услышал я.голос Найджела. — Мы, помнится, с ним разговорились, и он поведал мне массу интересных историй о Мексике. Весьма забавный старикан, должен тебе сказать.

— И долго вы с ним ворковали?

— Минуточку, — задумался Найджел. — Он пришел часиков в десять и сидел до упора, пока все

не притомились. Это было что-то часа в два утра, если мне не изменяет память. Ты собираешься сообщить это полиции?

— Чего ты волнуешься? — усмехнулся я, — Ведь ты не нарушил правила работы бара, обговоренные в лицензии.

— Конечно же нет, старина. Все присутствовавшие были постояльцами гостиницы. Гости имеют право и задержаться.

— Ладно, Найджел, весьма тебе признателен за информацию, — сказал я. — Ты мне очень помог.

Я положил трубку и сказал Фаллону:

— Подозрения с вас сняты!

— Вы очень последовательный человек, мистер Уил, — с улыбкой сказал он, обтирая ладони о салфетку. — В логике вам не откажешь.

— Сколько, по-вашему, может стоить этот поднос? — спросил его я, откидываясь на спинку кресла.

— Вопрос не из легких, — ответил Фаллон. — С точки зрения ценности металла, не очень много: золото низкой пробы, смешано с серебром и медью. Работа, безусловно, великолепная, да и антикварная ценность велика. Рискну сказать, что при удачном стечении обстоятельств в хорошей фирме эта вещица может на аукционе принести

вам около семи тысяч фунтов стерлингов.

— Вы не учли археологической ценности, — заметил я с видом знатока.

— О чем вы говорите? — рассмеялся он. — Это же обычная испанская вещь шестнадцатого века. О какой археологической ценности может идти речь!

— Это уж вам лучше знать. Мне известно лишь то, что интересуются подносом почему-то именно археологи. Так сколько вы готовы мне заплатить? — неожиданно спросил я.

— Семь тысяч фунтов, — не задумываясь, сказал Фаллон.

— Но эту же сумму можно выручить и в «Сотбис», — усмехнулся я. — Кроме того, другие желающие заполучить поднос могут заплатить мне больше.

— Холстед столько не заплатит, — уверенно сказал Фаллон.. — Но я пойду вам навстречу, мистер Уил, и заплачу десять тысяч фунтов.

— Таким образом, вы все-таки добавляете три тысячи за археологическую ценность, которой поднос, как вы утверждаете, не имеет, — с иронией в голосе сказал я. — Вы довольно щедры. Вы что, очень богаты?

— Пожалуй, вы угадали, — улыбнулся он угол-

ками губ.

Я встал и довольно резко сказал:

— Знаете, мне вся эта история не нравится. Слишком много в ней загадок! Вы что-то скрываете от меня. Это, видимо, не простой поднос. Пожалуй, я спервa сам хорошенько изучу его, прежде чем решать, что с ним дальше делать.

Ни один мускул не дрогнул при этих словах на лице археолога.

Это не лишено здравого смысла, — спокойно заметил он, — но вы вряд ли что-нибудь обнаружите путем поверхностного осмотра. Послушайте, мистер Уил, — склонив голову, продолжал он столь же невозмутимо, — я уже сделал вам прекрасное предложение. Но я готов и дальше идти вам на уступки: я дам вам залог в тысячу фунтов, с тем чтобы вы не позволяли больше никому, в особенности мистеру Холстеду, разглядывать ваш поднос. В случае же, если вы решитесь все же продать мне его, я готов прибавить эту тысячу фунтов к десяти, о которых мы уже говорили. Если же вы захотите еще подумать, вы можете не торопиться с возвратом залога.

— Вы как та собака на сене, — покачал головой я. — Если не вам, то и никому. Не пойдет, мистер Фаллон. Я не желаю связывать себе руки. Любо-

пытно, какую цену вы бы мне предложили, если бы я и дальше стал торговаться?

— Мистер Уил, это крайне важное для меня дело, — уже не так спокойно сказал Фаллон. — Почему бы вам самому не назвать желаемую сумму?

— Важность — понятие относительное, — заметил я. — Я знаю одну четырнадцатилетнюю девочку, для которой ничего нет на свете важнее группы «Битлз». А мне на это наплевать. Равно как и на археологию.

— Вы сравниваете абсолютно неравноценные понятия, — усмехнулся Фаллон.

— Отчего же? — пожал плечами я. — Людей в равной степени занимает и то, и другое. Просто у нас разные понятия о ценностях. Но я мог бы назвать свои условия, мистер Фаллон. И главное место, скорее всего, будут занимать не деньги. Я подумаю и сообщу вам. Вы можете заехать ко мне завтра?

— Да, могу, — сказал Фаллон, прищурившись. — А как насчет доктора Холстеда? Что если и он здесь объявится?

— Я его выслушаю, — откровенно сказал я. — Точно так же, как выслушал вас. Я готов выслушать любого, кто может поведать мне что-то

новое. Пока же ничего особенного я не услышал.

— Должен вам сообщить, — невозмутимо продолжал Фаллон, — что в определенных кругах доктор Холстед не пользуется репутацией порядочного человека. Так когда же мы продолжим наш разговор?

— Завтра после обеда, в половине третьего вас устроит?

Фаллон кивнул в знак согласия, и я продолжил:

— Хочу предупредить, что мне придется известить о нашей встрече полицию. Убийство — дело нешуточное.

— Я вас понимаю, — поморщился он. — Возможно, мне даже лучше самому сходить туда, чтобы разъяснить это недоразумение. Вы не подскажете, где находится участок и с кем мне следует поговорить?

Я объяснил, как проехать в участок, и порекомендовал побеседовать с инспектором криминальной полиции Гусаном.

— Гусан! — вдруг рассмеялся Фаллон. — Боже мой, это уже становится забавным!

— Это весьма распространенная фамилия в здешних краях, — сказал я, не понимая причины его смеха.

— Не обращайте внимания, — махнул рукой Фаллон. — До встречи завтра, мистер Уил.

Я проводил взглядом его отъезжающий автомобиль, вернулся к столу и позвонил Дейву Гусану.

— Еще один американец желает купить мой поднос, — сообщил ему я. — Тебя это интересует?

— Весьма, — коротко сказал он.

— Его фамилия Фадлон, он остановился в гостинице «Котт-Инн», Сейчас он на пути в участок, минут через десять будет в твоем кабинете. Если он не появится, лучше будет за ним присмотреть.

— Я все понял, — сказал Дейв.

— Долго вы еще будете держать у себя мой поднос? — спросил я.

— Если хочешь, можешь хоть сегодня его забрать. Но дробовик Боба нам еще понадобится для экспертизы: ведь дело-то не закрыто.

— Хорошо. Я заеду за подносом, И еще: мне бы хотелось иметь полную информацию об этом Фаллоне. Ты мне поможешь?

— В рамках законности, старина. Не забывай, что я полицейский.

— Благодарю, — сказал я и положил трубку. Некоторое время я сидел за столом, осмысливая ситуацию, после чего достал из портфеля бумаги,

касающиеся реорганизации фермы. Но хотя мне и предстоял бой с Джеком Эджкомбом, сосредоточиться полностью на сельском хозяйстве мне так и не удалось.

2

После обеда я отправился в участок, чтобы забрать поднос. Дейв встретил меня словами:

— Хорошеньких подозреваемых ты мне подкидываешь!

— Так он вне подозрений? — обрадовался я.

— Чист как стеклышко! — мрачно подтвердил Дейв. — В пятницу ночью его и духа не было возле твоей фермы,. Четыре человека, один из которых мой личный приятель, подтвердили, что он был в баре. Но ты правильно сделал, что послал его ко мне, нужно проверять любой подозрительный случай. Что же касается его потенциальных возможностей как покупателя, тут тебе чертовски повезло. Слушай, что мне удалось о нем узнать. Только не разрыдайся от счастья. Так вот, Джон Насмит Фаллон, родился в Массачусетсе в 1908 году. Получил прекрасное образование– в Гарварде и в Геттингене, стажировался в Мехико. Имеет все возможные докторские степени в области археологии. После смерти его отца в 1936 году

унаследовал 30 миллионов долларов и умудрился за прошедшие годы удвоить свое состояние: этот дар ему, очевидно, тоже перешел по наследству.

— А я еще спрашивал его, считает ли он себя богатым человеком, — рассмеялся я. — Так он на самом деле знает толк в археологии?

— Он дока в этой области, — кивнул Дейв. — Скотланд-Ярд наводил справки в Британском музее. Фаллон ведущий специалист в археологии, особенно во всем, что касается Центральной Америки. Он написал уйму статей, а в 1949 году даже учредил Археологический фонд, выделив на это 10 миллионов долларов. Он может это себе позволить, поскольку является владельцем множества нефтяных скважин. И такого человека ты заподозрил в убийстве, — сказал с издевкой Дейв, складывая обратно в папку листы с информацией.

— А как обстоят дела с Холстедом и Гаттом? — спросил я.

— Холстед тоже археолог, мы его еще пока и не копали, — пожал плечами Дейв, — а на Гатта данные не поступили.–

— Холстед был студентом Фаллона, — сказал я. — Похоже, между ними пробежала черная кошка.

— Ты взял на себя роль детектива? — вскинул брови Дейв. — Послушай, Джемми, я этим делом уже не занимаюсь. Им занимаются в Лондоне. Послушай моего доброго совета: можешь делать любые предположения, это не запрещено и от этого никому хуже не станет. Но только не мни себя героем детективного романа. Парни из Скотланд-Ярда свое дело знают, они не дураки, у них большие возможности, и действуют они решительно и наверняка, если понадобится. Оставь это дело профессионалам, так будет лучше и спокойнее.

— Не кипятись, — мягко посоветовал ему я.

— Я только хочу, чтобы ты не выглядел полным идиотом, — сказал Дейв, вставая из-за стола. — Пойду схожу за подносом, он в сейфе.

Пока он ходил в другую комнату, я успел прочитать полученный им телекс. Ничего нового, однако, я о Фаллоне из прочитанного не почерпнул. Похоже, что Фаллон не имел к Нишеми ни малейшего отношения. Тем не менее их обоих интересовал поднос, так же как Холстеда и Гатта. Четыре человека, все .американцы — и всем нужен мой поднос. Странно.

Дейв вернулся, держа поднос в руках, и положил его на стол.

— Если это действительно золото, он чего-то все-таки стоит, — заметил он.

— Это золото, — сказал я, — но не чистое.

— А по-моему, это вообще медяшка, — постучал он пальцем по дну подноса.

Я взял поднос в руки и впервые за последние двадцать лет пристально взглянул на него. Поднос был около 15 дюймов в диаметре, совершенно круглый, с орнаментом в виде виноградных листьев по ободку шириной в три дюйма. Я перевернул поднос и обнаружил, что тыльная сторона сделана из чистейшего литого золота, в отличие от внешней, центральная часть которой была выполнена из медного круга диаметром девять дюймов.

— Лучше его завернуть, — сказал Дейв. — Давай я поищу лист бумаги.

— Вы его фотографировали? — спросил я.

— И довольно старательно, под разными углами, — сказал Дейв.

— Нельзя ли мне получить несколько снимков?

— Похоже, ты считаешь полицию своей персональной охраной, — поморщился Дейв. — Знаешь, у нас тут не опекунский совет, Джемми. Извини, но все негативы отправлены в Лондон.

Он отыскал старую газету и принялся заворачивать в нее поднос.

— У Боба, насколько мне известно, была своя фотолаборатория. Так что можешь и сам сделать фотографии.

Он был прав, мы с братом увлекались фотографией в детстве. Потом я забросил это занятие, но Боб был верен своему увлечению. Оставалось надеяться, что и я не утратил прежние навыки. Доверять кому-то свое сокровище мне не хотелось.

— Еще раз хочу предостеречь тебя от глупостей, Джемми, — сказал на прощание мне Дейв. — Если тебя потянет на подвиги, посоветуйся прежде со мной. Моим боссам вряд ли понравится, если ты начнешь вставлять им палки в колеса.

Вернувшись на ферму, я отыскал фотоаппарат Боба и изучил прочее оборудование. Рискну сказать, что все было почти как у профессионала: хорошая камера «Пентакс» с большим набором объективов, увеличитель «Дурст» и все необходимое для проявления и печати в прекрасно оборудованной темной комнате. Я нашел катушку неэкспонированной черно-белой пленки, зарядил камеру и приступил к работе. С непривычки у меня вышло две осечки со вспышкой,

которая сработала не тогда, когда было нужно, но потом я приноровился и отщелкал всю кассету вполне нормально. Проявив пленку, я повесил ее сушиться и завалился спать. Но прежде я запер поднос в сейф.

3

На другое утро я продолжил сражение с Джеком Эджком-бом за воплощение в жизнь своих новых идей. Джек упорно сопротивлялся нововведениям.

— Для ста акров восемьдесят коров слишком много, — горестно твердил он. — Послушайте, мистер Уил, мы никогда не держали такого большого стада.

С трудом подавив желание накричать на него, я терпеливо доказывал свою правоту:

— Овец лучше пасти на холмах, а у реки посадим ячмень. Часть кормов дешевле закупать на стороне. Содержать сад накладно, да и до города далеко, так что фруктами торговать больше не будем.

Джек лишь мотал головой и пожимал плечами, не желая вникать в мои доводы. Я уже начал терять терпение, когда вошла Мэдж и сообщила, что меня желает видеть дама.

— Она сказала, как се зовут? — поинтересовался я.

— Миссис Холстед, сэр.

— Попроси се немного подождать, — сказал я. — Предложи ей чаю.

Я вернулся к разговору с Джеком: не в моих правилах было делать сразу два дела. Я понимал, что его больше всего беспокоило: он опасался насмешек местных фермеров. Джек очень дорожил своей репутацией.

— Взгляни на это дело с другой стороны, — сказал ему я. — Если мы начнем все это дело, управляющим будешь ты, а я не стану вмешиваться в твои дела. Если моя схема не сработает, ты сможешь все свалить на меня, и это будет справедливо. Если же мы добьемся успеха, то почетные лавры достанутся тебе, поскольку именно ты и будешь выполнять всю основную работу. Я не фермер, у меня нет опыта. У меня лишь идея. Но, действуя вместе, мы кое-кому можем утереть нос.

Джек купился на мою уловку: лицо его расплылось в улыбке. Такой вариант его устраивал.

— Знаете, сэр, мне самому надоело возиться с садом. От него мало проку, вы абсолютно правы, одни лишь хлопоты. Если мы скинем с плеч эту

ношу, то Сможем обходиться без садовника.

Компьютер рассчитал точно так же, но я отдал пальму первенства Джеку, чем весьма польстил его самолюбию.

— Вот и замечательно! — воскликнул я. — Я должен теперь идти, но ты задержись и подумай хорошенько над всем этим делом. Если тебе придет в голову хорошая мысль, дай мне знать.

Я оставил Джека одного и пошел к ожидавшей меня миссис Холстед.

— Прошу простить меня за то, что заставил вас ждать, — входя в гостиную, сказал я и замер в растерянности, пораженный красотой стоящей передо мной женщины: ее рыжие волосы, зеленые глаза, милая улыбка и стройная фигура не могли не ввергнуть в волнение любого мужчину, даже столь серого, как я.

— Ваша экономка позаботилась обо мне, — сказала гостья, окончательно добив меня своим голосом. Нет, она определенно была слишком совершенна для реальной женщины.

— Чем могу быть вам полезен, миссис Холстед? — усаживаясь напротив нее, осведомился я.

— Я полагаю, что вы являетесь владельцем золотого подноса. Это так? — спросила она.

— Вы не ошиблись.

— Я прочла заметку в газете, — открывая сумочку, продолжала миссис Холстед. — Взгляните на фото, это ваш поднос?

Я взглянул и подтвердил, что запечатлен мой-поднос.

— Эта фотография не слишком четкая, — сказала миссис Холстед. — Посмотрите, пожалуйста, теперь вот на этот снимок.

С этими словами она протянула мне фотографию размером с почтовую открытку. На ней довольно четко был запечатлен поднос, похожий на мой, но не мой. Снимок был сделан с музейного экспоната, насколько я мог догадаться по некоторой расплывчатости изображения, вызванной отражением от стеклянного футляра. Все навязывали мне фотографии подносов, оставалось лишь гадать, сколько еще снимков мне предстоит изучить.

— По данному снимку мне трудно сказать что-либо определенное, — осторожно заметил я. — Некоторое сходство, однако, имеется.

— Не могли бы вы показать мне свой поднос, мистер Уил? — сказала гостья.

— Зачем? — уставился я на нее. — Вы желаете его купить?

— Возможно, если мы договоримся о цене.

— И какую же цену вы можете мне предложить?

— Это будет зависеть от состояния и качества вещи.

— Пока мне оценили эту вещь в семь тысяч фунтов стерлингов. Вы готовы уплатить такую сумму?

— Это большая сумма, мистер Уил, — спокойно сказала миссис Холстед.

— Вы правы, — согласился я. — Сумма не малая. Но именно ее предлагал за поднос моему брату один американец, мистер Гатт.

— Не думаю, что Пол, мой муж, предполагал, что поднос стоит так дорого, — несколько расстроенно произнесла миссис Холстед.

— Полагаю, мне следует довести до вашего сведения, что мистер Фаллон готов заплатить мне еще больше, — сказал я.

На мгновение миссис Холстед вся сжалась, но тотчас же взяла себя в руки и спокойно сказала:

— Когда дело касается денег, мы не в состоянии состязаться с профессором Фаллоном.

— Полагаю, что вы абсолютно правы, — кивнул я. — Нам всем далеко до него.

— Профессор видел поднос? — спросила она.

— Нет. Он предложил мне огромную сумму, да-

же не взглянув на него, — сказал я. — Несколько странно, вам не кажется?

— Меня уже не может удивить ничто, связанное с профессором Фаллоном. Это беспринципный, я бы, сказала, криминальный субъект. И действует он всегда очень обдуманно.

— На вашем месте я бы воздержался от резких высказываний в чей-либо адрес, миссис Холстед, тем более в Англии. У нас очень суровые законы по части клеветы.

— Я могу привести доказательства своим словам! — вспыхнула миссис Холстед. — Вы собираетесь продать поднос профессору?

— Я пока не решил, — сказал я.

Гостья немного подумала и продолжала:

— Даже если мы не сможем купить поднос, не станете же вы возражать против того, чтобы мой муж осмотрел его? Для этого вам не пришлось бы даже выносить его из этих стен.

Фаллон специально предупредил меня, чтобы я не показывал Холстеду свой поднос. Ну уж дудки, я сам решу, что мне делать!

— Не вижу причин для отказа, — заявил я.

— Нельзя ли сделать это уже сегодня, до обеда? — спросила миссис Холстед с милой улыбкой.

— Боюсь, мадам, что до обеда ничего не полу-

чится, — ответил я. — Поднос хранится в другом месте, мне нужно забрать его. Вы сможете приехать ко мне в половине третьего?

— Ну конечно, мистер Уил! — воскликнула очаровательная гостья. — А теперь не смею вас больше задерживать, у вас и без меня достаточно хлопот. До скорой встречи, мистер Уил.

Проводив маленький автомобиль миссис Холстед долгим взглядом, я подумал о том, какие чудаки все-таки эти археологи: Фалон обозвал Холстеда проходимцем, а миссис Холстед обвиняет Фаллона в преступных наклонностях. Похоже, в академических кругах царят весьма свирепые и жестокие порядки.

В юности я увлекался химическими опытами и обожал смешивать различные реактивы. Вот и теперь я решил прибегнуть к подобному приему: свести у себя в доме обе враждующие стороны и понаблюдать за последующей реакцией.

4

Остаток утра я провел в обществе Джека Эджкомба, развивая наметившийся успех: я вселил в него еще толику энтузиазма относительно обновления фермы и, послав его осматривать ее под новым углом зрения, сам отправился в

фотолабораторию.

Просмотрев просохшую 35-мм пленку, я нашел снимки удовлетворительными и приступил к печатанию фотографий размером 8X10. Они получились не такими удачными, как профессиональные оттиски Фаллона, но тоже вполне приличными.

Я далее напечатал фотографии с первых двух кадров, подпорченных внезапной вспышкой, и одна из них настолько заинтересовала меня, что мне захотелось рассмотреть ее под лупой, но я решил заняться этим позже, поскольку с минуту на минуту должны были приехать гости.

Супруги Холстед прибыли на четверть часа раньше назначенного времени, демонстрируя тем самым свое нетерпение. Мистер Холстед оказался мужчиной лет тридцати пяти с ястребиной внешностью и нервными повадками. Возможно, в молодости он и был красив, но теперь его скулы слишком выпирали, а под запавшими глазами чернели круги, как после .недельного запоя. Движения его были быстры, речь отрывиста, и мне подумалось, что с ним трудно долго общаться. Несколько скрашивало впечатление от этой парочки безмятежное спокойствие, исходящее от миссис Холстед, ей пришлось затратить на это

немало сил.

Она представила мне своего мужа, мы обменялись несколькими общепринятыми фразами, и наступила пауза молчания. Первым ее нарушил мистер Холстед. Он пронзил меня пристальным взглядом, прокашлялся и громким резким голосом произнес:

— Где же поднос?

— Ах, поднос, — почти ласково посмотрел на него я. — Взгляните пока на его фотографии, они довольно любопытны. — Я дал ему пару фотографий, отметив, что у него трясутся руки.

Мистер Холстед изучил снимки и строго спросил:

— Так это точно ваш поднос?

— Абсолютно точно, — заверил его я.

— Это как раз то, что нам нужно, — обернулся мистер Холстед к жене. — Взгляни-ка на эти виноградные листья, точь-в-точь как на том мексиканском подносе.

— Определенное сходство есть, — неуверенно сказала миссис Холстед.

— Не говори ерунду! — перебил ее мистер Холстед. — Это копия мексиканского экземпляра. Слава Богу, я его достаточно долго изучал. Где наша фотография?

Миссис Холстед, достала из сумочки фотографию, и они стали сравнивать два снимка.

— Чувствуется одна и та же рука опытного мастера: взгляни на прожилки листьев! — воскликнул мистер Холстед.

— Думаю, что ты прав, — согласилась миссис Холстед.

— Вне всякого сомнения! — самодовольно буркнул Холстед и, резко обернувшись ко мне, спросил: — Вы разрешите нам взглянуть на поднос? Ведь вы обещали его показать моей жене.

Его напористость и бесцеремонность мне не понравились. И еще больше мне не понравилось, как он разговаривает со своей женой. Поэтому я сказал:

— Вы меня неправильно поняли. Я сказал вашей супруге, что не вижу причин, чтобы отказать вам в вашей просьбе. Но вместе с тем я не усматриваю пока и особых оснований для того, чтобы удовлетворить ваше желание. Не соблаговолите ли вы обменить мне, чем оно вызвано?

Мистер Холстед явно не терпел противодействия и возражений.

— Это чисто профессиональный, научный интерес, — смерил он меня полным высокомерия взглядом. — Боюсь, вам этого не понять.

— А вы испытайте мою — сметливость, — мягко возразил я. — Мне вполне по силам понять слова из двух слогов и даже из трех, если только вы будете говорить чуть медленнее.

— Мы были бы вам очень признательны, — вступила в разговор миссис Холстед, — если бы вы предоставили нам возможность посмотреть на поднос, мистер Уил. — Она не извинялась за неудачный тон, выбранный ее супругом, но изо всех сил старалась как-то смягчить возникшую напряженность между нами.

Беседу прервала внезапно появившаяся Мэдж.

— Какой-то джентльмен желает вас видеть, мистер Уил, — сказала она.

— Благодарю вас, миссис Эджкомб, — улыбнулся я. — Просите его войти.

В комнату вошел Фаллон, и Холстед едва не подпрыгнул на стуле, увидев его.

— Что он здесь делает? — взвизгнул он.

— Профессор Фаллон находится здесь по моему приглашению, как и вы, — приторным голосом произнес я.

— Я не намерен находиться в одном помещении с этим человеком, — вскочил на ноги Холстед. — Пошли, Катрин!

— Минутку, Пол! А как же насчет подноса?

— остановил его я.

Холстед замёр, в нерешительности переводя взгляд с меня на профессора и с профессора на жену, и наконец с дрожью в голосе произнес:

— Я возмущен всем происходящим здесь! У меня просто нет слов!

Фаллон, пораженный неожиданной встречей не менее, чем его неблагодарный ученик, тоже застыл в проходе, не зная, что и сказать. Наконец он взял себя в руки и воскликнул:

— Ты считаешь, что я возмущен в меньшей степени? Но я не впадаю в истерику в отличие от тебя, Пол. Не будь капризным ребенком, успокойся. — Профессор наконец вошел в гостиную и обратился ко мне: — Могу я спросить вас, как все это следует понимать, мистер Уил?

— Считайте, что я решил, устроить аукцион, — невозмутимо ответил я.

— Ага! В таком случае, вы только теряете время, эта парочка и гроша не имеет в кармане.

— Я никогда не сомневалась, что вы купили свою репутацию ученого, профессор Фаллон, — резко сказала Катрин Холстед. — А что вам не удается купить, то вы воруете!

— Проклятье! — вскрикнул Фаллон. — Вы называете меня вором, юная леди?

— Именно так, — Спокойно подтвердила Катрин. — Ведь письмо Виверо у вас, не так ли?

— А что вам известно о письме Виверо? — чуть слышно выдавил из себя профессор.

— Мне известно, что оно было украдено у нас около двух лет тому назад, равно как и то, что теперь оно у вас. — Катрин взглянула в мою сторону. — На какую мысль, интересно, это навело бы вас, мистер Уил?

Я задумчиво посмотрел на Фаллона. Пока реакция шла просто замечательно, давая все основания надеяться, что в конце концов выкристаллизуется истина. Меня, так и подмывало помешать бурлящий раствор, и я спросил:

— Письмо действительно у вас, профессор?

— Да, — неохотно признал Фаллон. — Я купил его законным образом в Нью-Йорке, у меня даже есть чек. Но не этой парочке, черт подери, рассуждать о воровстве! Как насчет тех документов, что вы похитили у меня в Мексике?

— Я ничего не похищал у вас, кроме того, что мне же и принадлежало, — раздувая ноздри, парировал Холстед. –„Зато вы украли у меня мою репутацию, не более и не менее! К сожалению, в нашей профессии слишком много всякого жулья, некомпетентных самозванцев, делающих Себе

имя на чужом горбе!

— Что ты сказал, сукин ты сын? — взревел Фаллон. — Ты уже пытался что-то подобное опубликовать в журналах, но никто не придал ни малейшего значения этому бреду! Ты думаешь, кто-нибудь примет всерьез всю эту собачью чушь?

Оба уставились друг на друга, словно боевые петухи, и готовы были сцепиться не на жизнь, а на смерть, но тут я во весь голос вскрикнул: «Тихо!» — и, когда оба обернулись ко мне, добавил уже спокойнее:

— Сядьте, вы, оба! Никогда в жизни не видел ничего более унизительного! Ведь вы взрослые люди! Либо ведите себя в моем доме прилично, либо я вас выставлю за дверь, и вам уже никогда не увидеть моего подноса!

— Извините меня, Уил, но этот тип вывел меня из себя! — с виноватым видом воскликнул Фаллон, опускаясь в кресло.

Холстед тоже сел и уставился ненавидящим взглядом на профессора, не произнося ни слова. Лицо Катрин побледнело, на щеках выступил румянец. Поджав губы, она некоторое время тоже молчала, бросая на мужа укоризненные взгляды, но наконец не выдержала:

— Прошу вас извинить нас, мистер Уил, — сказала она.

— Не следует извиняться за других, миссис Холстед, — холодно заметил я, — даже за своего, мужа. — Я подождал в надежде, что мистер Холстед выдавит из себя хоть словечко, но видя, что тот продолжает упрямствовать, обернулся к Фаллону:

— Должен заметить, профессор, что хотя меня и мало волнуют детали вашего профессионального спора, я был несколько удивлен услышанными здесь взаимными обвинениями.

— Не я начал эту свару, — кисло процедил профессор..

— Мне на это наплевать, — сказал я. — Поразительно совсем другое! Вы оба настолько увлечены своими грошовыми научными спорами, что забыли о том, что из-за этого проклятого подноса убили человека! Два трупа из-за круглого куска металла! Боже мой!

— Мне очень жаль, что мы произвели на вас впечатлений бессердечных людей, мистер Уил, — сказала Катрин Холстед. — Вас это, конечно же, не могло не шокировать.

— А что еще прикажете мне думать? Теперь слушайте меня внимательно, все! Похоже, что

в этой странной игре у меня на руках главный козырь, а именно — этот чертовски важный поднос. Но пока я не узнаю, в какую игру мы играем, ни один из вас и краем глаза не увидит это сокровище. Я не намерен играть в кошки-мышки. Что скажете, Фаллон?

— Ладно, договорились, — проворчал неохотно профессор. — Я скажу вам все, что вам интересно будет узнать, но только с глазу на глаз, без Холстеда.

— Это исключено, — сказал я. — Вы скажете мне все, что вам известно, здесь, в присутствии остальных участников игры. И вы тоже, Холстед!

— Это чудовищно! — дрожа от ярости, прохрипел Холстед. — Вы вынуждаете меня раскрыть результаты моего многолетнего труда этому шарлатану!

— Либо вы согласитесь с моими условиями, либо покинете мой дом. Двери открыты, я никого не удерживаю, — твердо заявил я. — Но если вы уйдете, поднос достанется Фаллону.

Холстед вцепился в подлокотники кресла так, что побелели костяшки пальцев, и прикусил губу. Решение за него приняла жена.

— Мы согласны с вашими условиями, — твердо заявила она. — Мы остаемся. И не смотри на меня

так, Пол, я знаю, что делаю!

— Что скажете, Фаллон? — спросил я профессора.

— Похоже, у меня нет иного выхода, — улыбнулся он. — Холстед говорит о годах исследований– Я тоже отдал этому вопросу несколько лет жизни. Не удивлюсь, если окажется, что мы, оба исчерпывающим образом изучили эту проблему. Сомневаюсь, что мой оппонент обладает большей информацией, чем я, перерывший все архивы музеев Европы.

— Уж не думаете ли вы, профессор, что мозги есть только у вас? — съязвил Холстед.

— Прекратите немедленно! — оборвал его я. — Играть будем по моим правилам, так что воздержитесь от колкостей и говорите по существу дела. Надеюсь, вы меня поняли?

— Должен вам признаться, Уил, — сказал Фаллон, — вы удивили меня. После первой нашей встречи я не был о вас столь высокого мнения, как теперь.

— Порой я и сам удивляюсь своим поступкам, — усмехнулся я, недоумевая, куда подевался серенький человечек.

Глава третья

1

Это была удивительная, невероятная, прямо-таки умопомрачительная история, в которую я ни за что бы не поверил, если бы не странная фотография в моей фотолаборатории. Однако Фаллон принял ее всерьез, а он был вовсе не дурак, и Холстед тоже, хотя за адекватность его восприятия действительности я бы не поручился.

Твердо решив пресекать малейшую попытку ученых мужей облить друг друга грязью, я взял бразды правления в свои руки. Ни Фаллону, ни Холстеду не хотелось потерять шанс заполучить заветный поднос, так что им пришлось примириться со всеми моими жесткими требованиями, а я извлекал из своего положения максимальную выгоду.

Начать повествование я предложил Фаллону, поскольку он производил впечатление рассудительного и уравновешенного человека. Потеребив мочку уха, профессор положил на стол свои худые руки и со вздохом произнес:

— Как вам известно, я работаю главным обра-

зом в Мексике. Вам что-нибудь известно о народе майя?

Я покачал головой — профессор язвительно усмехнулся и продолжал:

— Что ж, это даже облегчит мою задачу. То, что я сейчас расскажу вам, на первый взгляд, не имеет к майя никакого отношения. В процессе своих исследований я несколько раз столкнулся с упоминаниями о семье де Виверо из Мексики: она восходила к старинному испанскому роду, один из представителей которого, Хайме де Виверо, основатель мексиканской ветви, добился значительного положения в обществе после ухода со сцены Кортеса[3]. Хайме оставил своим потомкам огромное состояние, они стали богатыми землевладельцами, прибрали к своим рукам рудники и шахты, и в конце концов семья де Виверо вошла в число самых крупных и влиятельных семей в Мексике.

Благополучие простых людей мало волновало де Виверо, львиную долю своего богатства они получили за счет гнувших на них спину крестьян. Когда в 1863 году французы посадили на престол эрцгерцога Максимилиана Габсбурга,

---

[3] Примечания: 3

Кортес, Эрнан Фернандо (1485–1547) — испанский конкистадор, завоевавший в 1519–1521 годах Мексику.

провозгласив в Мексике империю, де Виверо имели неосторожность поддержать неудачливого монарха. Это была их первая роковая ошибка, потому что Максимилиан не удержался долго на троне. Затем последовала череда новых диктаторов и бунтов, и всякий раз де Виверо ставили не на ту лошадь. За сто лет семья была истреблена, и теперь уже не осталось в живых ни одного из представителей этого знатного когда-то рода. Тебе не попадался след хотя бы одного живого де Виверо? — покосился профессор на своего горе-ученика.

— Нет, — буркнул Холстед.

Фаллон удовлетворенно кивнул и продолжал:

— Итак, это была для своего времени весьма и весьма богатая семья, о богатстве которой ходили легенды. Позвольте мне зачитать вам нечто любопытное, касающееся непосредственно подноса, ради которого мы здесь и собрались.

Фаллон извлек из портфеля несколько листов бумаги.

— Этот поднос был чем-то вроде фамильной реликвии у де Виверо, они дорожили им, пользовались исключительно во время пышных приемов, а в остальное время хранили под замком. Вот что говорится в записках одного француза,

побывавшего в доме де Виверо в восемнадцатом веке и удостоившегося чести присутствовать на банкете в честь губернатора провинции.

Фаллон прокашлялся и начал читать:

— «Никогда еще не доводилось мне лицезреть столь пышного стола, даже у себя на родине на королевских торжествах, — пишет этот француз по имени Мурвилль. — Мексиканская знать живет не хуже нашей, а ест с золотой посуды, которой здесь великое множество. На праздничном столе мое внимание привлек золотой поднос с фруктами, украшенный тончайшим орнаментом в виде переплетенных виноградных листьев. Один из сыновей хозяина этого дома рассказал мне, что его сделал кто-то из предков, что маловероятно, так как все де Виверо очень богатые люди и не занимаются ремеслами. Легенда гласит, что разгадавший секрет этого золотого подноса станет обладателем несметных сокровищ. Но, как с улыбкой добавил мой собеседник, их семья и без того достаточно состоятельна, так что эта тайна не имеет для де Виверо особой привлекательности».

Фаллон убрал записки в свой портфель.

— В то время я не придал этим сведениям значения, однако на всякий случай сделал с документа

копию и положил в свое досье. Довольно скоро я вновь напал на след этого семейства: лишь в течение одного года упоминания о де Виверо попадались мне семь раз! Но занятый более важными исследованиями, я не пытался разгадать фамильную тайну.

— И что же вас тогда так увлекло? — спросил я.

— Цивилизация Центральной Америки до открытия ее-Колумбом, сказал профессор. — Испанский поднос шестнадцатого века меня не интересовал, я тогда вел раскопки на юге Кампече, где, между прочим, был и Холстед. Когда же полевые работы подходили к завершению, Холстед затеял со мной ссору и исчез, прихватив мое досье на семью де Виверо.

— Это ложь! — вскричал Холстед.

— Но ведь так оно и было на самом деле, — пожал плечами Фаллон.

— Из-за чего вы повздорили? — спросил я, надеясь докопаться до корней вражды между двумя археологами.

— Он украл мою работу! — сказал Холстед.

— Черта с Два! — Фаллон обернулся ко мне. — К сожалению, эта довольно распространенная ситуация в академических кругах. Молодой ученый впервые оказывается в полевых условиях

вместе с более опытными коллегами. По результатам совместной работы публикуются отчеты, и начинающему исследователю кажется, что его участие занижено и не оценено в должной мере. Такое случается на каждом шагу.

— Но ведь в этой истории есть и доля правды, — заметил я.

Холстед раскрыл было рот, чтобы обрушить на нас очередную гневную тираду, но жена положила ладонь ему на колено.

— Я не отрицаю, что написал статью, касающуюся некоторых аспектов одной легенды вымершего местного племени. Холстед заявил, что я украл у него его работу. Но это не так. Представьте себе такую картину. Во время раскопок, после тяжелого трудового дня, всём хочется немного расслабиться, отдохнуть, порой и, выпить. И вот с полдюжины ученых начинают непринужденный обмен идеями, причем никто не считает свою идею личной собственностью. Возможно, что именно в одной из таких бесед я и услышал какую-то интересную мысль, и не исключено, что ее мне подал Холстед, но я этого точно не помню. И доказать это, клянусь Богом, теперь невозможно.

— Вы прекрасно знаете, что именно мне при-

надлежит главная идея вашей статьи, — холодно заметил Холстед.

— Вот видите! — всплеснул руками, обращаясь ко мне, Фаллон. — Да никто бы и не обратил на эту статейку внимания, если бы этот молодой недоумок не вздумал жаловаться на меня редакторам журналов и обвинять меня в воровстве научных идей. Я мог бы его публично высечь и пустить голым по миру, но я этого не сделал. Я написал ему письмо, в котором по-хорошему призывал опомниться и в дальнейшем воздержаться от подобных выходок. Но он упрямо гнул свою линию и в конце концов настроил против себя все журналы, они перестали его публиковать.

— Признайтесь, что вы подкупили главных редакторов, Фаллон! — срывающимся голосом воскликнул Холстед.

— Можете думать что хотите, — махнул рукой Фаллон. — Это не меняет дела: досье семьи де Виверо исчезло вместе с вами. Меня это сперва мало огорчило, когда же я решил вернуться к этой теме, мне не доставило особого труда восстановить все по известным мне источникам. Однако во время работы я начал постоянно сталкиваться с Холстедом, и именно это и навело меня на мысль, что он-то и похитил папку.

— А вы могли бы это доказать в суде? — спросил я.

— Не думаю, — сказал Фаллон.

— Тогда не о, чем больше и спорить, — заметил не без торжества в голосе Холстед, а я добавил:

— На мой взгляд, подобный обмен обвинениями не делает вам чести, господа ученые мужи. Еще раз призываю вас вести себя достойно.

— Вы не дослушали историю до конца, мистер Уил, — напомнила миссис Холстед.

— Верно, вернемся к этой увлекательной истории, — согласился я. — Продолжайте, профессор Фаллон. Или доктор Холстед тоже желает что-либо добавить?

— Пока нет, — мрачно пробурчал Холстед с обиженным видом, и я понял, что главное сражение впереди.

— Как-то раз, будучи в Нью-Йорке, — возобновил свой рассказ профессор, — я получил письмо от Марка Джерри-сона, в котором он предлагал мне навестить его. Джерри-сон время от времени продавал мне старинные вещички. На этот раз он предложил мне купить у него несколько кувшинчиков для шоколада народа майя, замечательных тем, что они сделаны из золота, а следовательно, принадлежали какой-то богатой семье. У него

еще был плащ из перьев и кое-что по мелочи.

— Проклятый плащ! — с ненавистью прорычал Холстед.

— Да, я сразу же раскусил подделку, — улыбнулся • уголками губ профессор, — И не стал его покупать. Но кувшины были подлинными, именно поэтому-то Джерри-сон и предложил их мне: не всякий музей купит такие дорогие предметы, я же могу это себе позволить, поскольку имею собственный музей. Так вот, мы посмеялись над его попыткой всучить мне фальшивый плащ, он сказал, что пошутил, и я купил эти кувшины для шоколада. Затем он попросил меня взглянуть на одну любопытную вещицу: манускрипт одного испанца, жившего среди майя в начале шестнадцатого столетия. Торговцу хотелось быть уверенным в подлинности документа.

— Он консультировался с вами как со специалистом– в» этой области? — спросил я, краем глаза наблюдая, ка» подалась вперед Катрин Холстед.

— Именно так, — кивнул Фаллон. — Этого испанца звали Мануэль де Виверо, и манускрипт представлял собой его письмо к сыну. — Профессор умолк.

— Что же вы замолчали на самом интересном месте, Фаллон? — воскликнул Холстед.

— Вам что-либо– известно о завоевании Мексики? — спросил меня профессор.

— Не очень много, — признался я. — Мы что-то проходили в школе — Кортес и тому подобное, но у меня все вылетело с тех пор из головы.

— Как, впрочем, и у большинства нормальных людей, — усмехнулся Фаллон. — У вас найдется в доме карта Мексики?

Я подошел к книжной полке и взял оттуда атлас, который положил на кофейный столик. Фаллон пролистал его и сказал:

— Мне придется объяснять вам кое-какие детали предыстории этого письма, иначе вы ничего не поймете. — Он ткнул указательным пальцем в карту Мексики в районе побережья возле Тампико. — В первые два десятилетия шестнадцатого века испанцы обратили свои взоры на территорию, известную нам теперь как Мексика. Об этих землях ходили самые разнообразные слухи, и охваченные жаждой золота конкистадоры хлынули в эти места. — Палец профессора описал дугу над Мексиканским заливом. — В 1517 году побережье обследовал Эрнандес де Кордоба, в 1518 году там же побывал Хуан де Грихальва. А в 1519 году Эрнан Кортес углубился во владения ацтеков, и всем известно, чем это закончилось.

Покорив силой, хитростью и обманом этот древнейший народ, он устремился на юг, туда, где теперь находятся Юкатан, Гватемала и Гондурас, в страну народа майя. Свой поход он начал в 1525 году из Теночтитлана, как раньше назывался поселок, ставший теперь городом Мехико, и двинулся через Коацкоалько к озеру Петен и далее на Кобан. Однако трофеи его были не так велики, как он надеялся, а основные силы майя ожидали его на полуострове Юкатан. Далее экспедицию возглавил.Франсиско де Монтехо, поскольку Кортеса отозвали в Испанию. Майя, в отличие от ацтеков, оказали пришельцам отчаянное сопротивление. Испанцы потерпели сокрушительное поражение, конкистадоры впали в уныние.

Мануэль де Виверо воевал в отряде Монтехо рядовым солдатом, но с ним случилась забавная история. Он был захвачен майя, но они не убили его, а оставили в качестве своего рода раба и талисмана. Монтехо так и не покорил Юкатан, ему не удалось полностью подчинить себе майя.

В 1549 году, спустя 22 года после начала своего похода, Монтехо контролировал едва ли половину полуострова, и все это время де Виверо находился в плену в недоступных для испанцев районах Юкатана.

Это весьма любопытный период истории майя. Археологи столкнулись с подлинной загадкой, которую долгое время не могли разгадать. Выходило, что испанцы и индейцы мирно уживались длительное время, следуя своему укладу. Обнаруживали при раскопках соседствующие индейские храмы и испанские церкви, построенные явно в одно время. И лишь когда была восстановлена вся картина событий, ключ к разгадке был наконец найден.

Дело в том, что, хотя жившие бок о бок испанцы и племена майя и воевали постоянно друг с другом, многих районов война не коснулась, а стычки носили эпизодический характер.. Испанцы контролировали восточную часть Юкатана, где находятся такие крупные центры цивилизации майя, как Чичен-Ица и Уксмал, но западная оконечность полуострова оставалась для них закрытой книгой. Она и теперь еще мало изучена. Тем не менее между двумя враждующими сторонами шла оживленная торговля, так что у пленного испанца была возможность переправить послание своему сыну. Вот оно.

Профессор порылся в портфеле, достал перевод письма Виверо и вручил его мне со словами:

— Вам лучше сейчас же ознакомиться с ним.

Это ускорило бы наше дело. Письмо многое разъяснит вам.

— Хорошо, — неуверенно произнес я, поглядывая на довольно длинный текст. — Только я предпочел бы прочитать его у себя в кабинете. Могу я быть уверен, что в мое отсутствие вы не поубиваете друг друга?

— Можете не беспокоиться, — спокойно сказала Катрин Холстед. — Все будет в порядке.

— Я попрошу миссис Эджкомб угостить вас чаем, — улыбнулся ей я. — Никто еще не пытался совершить убийство за чашкой чая, это было, бы неслыханным варварством.

2

«Мон сыновья, Хайме и Хуан! Привет вам от вашего отца Мануэля де Виверо и Кастеро.

Вот уже многие годы ищу я возможность сообщйть вам, мои сыновья, что я жив и невредим в этой языческой стране. Много раз пытался я убежать отсюда, но всякий раз терпел неудачу, и теперь уже знаю наверняка, что убежать из плена мне никогда не удастся, потому что с меня не спускают глаз мои стражи. Од-

нако благодаря различным ухищрениям и дружбе с двумя мужчинами племени майя я имею возможность отправить вам свое послание в надежде, что оно обрадует вас и вы не будете скорбеть по мне как по мертвецу. Но вы должны знать, мои сыновья, что я никогда не выберусь ни из страны майя, ни из города, называемого Уаксуанок. Подобно детям Израиля, я до конца дней своих, отпущенных мне Господом нашим, останусь пленником.

В этом письме я опишу, как я оказался здесь, как Господь сохранил мне жизнь, в то время как многие мои товарищи погибли, а также поведаю вам о своей жизни среди майя, пленивших, меня. За двенадцать лет своего пребывания здесь я повидал много удивительных вещей. Уаксуанок столь же далек от Теночтитлана, как самая глухая провинциальная наша деревушка от Мадрида. Я участвовал во взятии Теночтитлана вместе с Кортесом и видел могущественного верховного вождя Монтесуму и его падение. Но должен сказать, что этот великий вождь не более чем простой крестьянин

по сравнению с любым знатным человеком Уаксуанока, ибо город этот является столицей терри– тории майя, а Теночтитлан не идет с ним ни в какое сравнение.

Вам следует знать, что в 1527 году от Рождества Христова я выступил с Франсиско де Монтехо на Юкатан против майя во главе отряда испанских солдат. Должен сказать вам, что, занимая не последние должности как при Кортесе, так и при Монтехо, я был в курсе всех военных уловок этой кампании, поэтому, попав в плен к майя и узнав их язык, нравы и образ жизни, я без труда разобрался, почему все амбициозные планы конкистадоров были обречены на провал.

Франсиско де Монтехо являлся и, я надеюсь, остается моим другом, однако наша дружба не может помешать мне видеть его промахи и недостатки как в делах военных, так и в государственных. Его нельзя обвинить в трусости, но его отвага подобна вспышкам ярости дикого кабана или баскского быка, которого нетрудно заманить в ловушку й победить. Для солдата мало одной лишь храбрости, дети

мои, ему необходимо быть изворотливым и бесчестным, уметь лгать, делая вид, что говорит правду, даже своим солдатам, если это нужно. Он должен уметь отступить, чтобы потом совершить внезапный бросок вперед, иметь мужество терпеть упреки в безволии и ропот своих товарищей, более простодушных и несведущих. Ему важно знать, как заманить противника в свои сети и внести раздор в его ряды, – так поступил Кортес, заключив союз с тласкаланцами против жителей Мексики.

Эрнан Кортес владел всеми тонкостями военного искусства лучше других: он был любезен со всеми без исключения, но всегда следовал собственному замыслу. Возможно, подобное двуличие и противно учению нашей святой церкви и неприемлемо в противоборстве с христианами. Но здесь мы сражаемся с исчадиями самого дьявола, и нет ничего зазорного в том, что мы применяем против них их же собственное оружие, ибо с нами святая вера в правоту нашего дела во имя Господа нашего Иисуса Христа и

благословение церкви Его Имени, в чье лоно, с Божьей помощью, мы в конце концов приведем этих невежественных дикарей.

Так или иначе, но Франсиско де Монтехо не обладал и не обладает вышеупомянутыми качествами, поэтому все его усилия подчинить себе майя закончились безрезультатно. И даже теперь, спустя двенадцать лет после того, как мы браво выступили в священный крестовый поход, майя столь же сильны, как и раньше, хотя и утратили некоторые свои города. Тем не менее я не стал бы возлагать всю вину за неудачи на одного лишь Франсиско, ибо земля эта самая необыкновенная из всех, которые мне довелось видеть во время своих, странствий по Америке, где чудеса и необъяснимые явления встречаются на каждом шагу.

Скажу вам определенно: земля Юкатан не похожа ни на одну иную. Когда во время похода на Эль-Петен и Гондурас Эрнан Кортес разбил армию майя, он сражался на ровной местности плоскогорья, где сам рельеф способствовал его

победе, поскольку мы весьма преуспели в искусстве боя на равнинах. Оказавшись же в непроходимых лесах Юкатана, куда нас привел Монтехо, мы растерялись, так как никогда не сталкивались с врагом в такой обстановке.

Здесь мы вынуждены были отказаться от применения лошадей в атаке, однако надеялись использовать их как вьючных животных. Но и этим нашим надеждам вскоре пришел конец: лошади начали дохнуть от неизвестной напасти, а от выживших было мало проку, ибо в этих чащах людям пробраться значительно легче, чем лошадям, превратившимся в ненужную обузу.

Другая беда в здешних краях – нехватка воды, что, на первый взгляд, может показаться очень странным, поскольку повсюду буйствует зеленая растительность – мощные деревья и кустарники разного рода. Но это на самом деле так. Когда начинаются дожди, что случается Не часто, а в определенные периоды года, вода уходит вся без остатка в почву, не образуя ни рек, ни ручьев. И лишь местами

молено набрести на колодец или бассейн с чистой водой, заполнившей естественные углубления в земле.

Такие места почитаются майя как священные, ибо они довольно редки, и индейцы строят возле них свои храмы, где молятся своим идолам и благодарят их за хорошую воду. Здесь же они возводят укрепления и замки, так что в походе с дс Монтехо нам приходилось с боем завоевывать себе каждый глоток воды.

Народ майя исключительно упрям и глух к слову Христову. Майя не желают слушать ни Франсиско де Монтехо, ни его отважных капитанов, включая и меня, ни даже святых отцов, вместе с нами терпящих лишения ради торжества учения Иисуса.. Индейцы отвергают все попытки обратить их в истинную веру и оказывают нам сопротивление с оружием в руках, хотя, должен признаться, оказавшись у них в плену, я обнаружил, – что это миролюбивые люди, умеющие сохранять невозмутимость и спокойствие духа, но страшные в гневе.

Хотя вооружение их примитивно и со-

стоит в основном из деревянных мечей с каменными лезвиями да копий с каменными наконечниками, индейцы дают нам мощный отпор благодаря численности своего войска и знанию местности, и в итоге множество наших солдат гибнет, а некоторые, в их числе, к своему стыду, и я, оказываются в‘ плену.

В том последнем бою я не мог более драться, так как у меня выбили из рук меч, а самого опутали веревками, так что я лишился возможности броситься грудью на их пики и умереть, сохранив свою честь и доброе имя. Беспомощного, меня подвесили к шесту и унесли тайными тропами в лес, где находился лагерь противника. Там меня попытались допросить, но хотя я и мог уловить смысл вопросов, так как владею языком племени толтек, я сделал вид, что не понимаю ни единого слова, и благодаря этому сохранил в тайне местонахождение основных сил нашего отряда, избавившись заодно и от пыток.

Я уже было решил, что они убьют меня, но их жрец, указал пальцем на мои во-

лосы, которые, как вам известно, имеют цвет спелого ячменя, что не характерно для испанцев. Из лагеря меня увели в большой город, называемый Чичен-Ица, что в переводе с языка майя означает Священный колодец. В этот колодец бросают девушек, которые уходят в подземный мир и, возвращаясь, рассказывают, что они видели в Аду. Воистину, народ этот – дьявольское отродье!

В Чичен-Ице я видел самого кацика, их вождя, одетого в расшитый золотом костюм и плащ из перьев и окруженного жрецами, или священнослужителями, этого народа. Меня попытались вновь допросить, но из этого снова ничего не вышло, после чего священнослужители принялись возбужденно кричать, указывая на мои волосы, что я, вне всякого сомнения, белый бог, приходящий с запада, по имени Кукулькан, или Кетцэкоатл, на языке племени, тол-тек. Благодаря этому их заблуждению я не только остался в живых, но и получил некоторые привилегии.

В Чичен-Ице я провел под неусыпным

оком охраны целый месяц. Держали меня в каменном погребе, но не причиняли никакого вреда и хорошо кормили местным вареным зерном и мясом, а пить давали горький напиток под названием «шоколад». После этого меня препроводили в их столицу – Уаксуанок, где я и нахожусь по сей день. Охраняли же меня знатные молодые воины в прекрасных одеждах из хлопка и с красивым оружием: оно не так же хорошо, как наше, сделанное из металла, но вполне надежно и пригодно для сражения индейцев с себе подобными. Оковы же мои были из чистого золота.

Уаксуанок – большой город со множеством храмов и больших зданий, из которых самое величественное – это храм Кукулькана, украшенный в его честь огромным Пернатым Змеем. Жрецы этого храма долго спорили между собой, являюсь ли я на самом деле Кукульканом, их главным Богом. Одни из них утверждали, что я не могу быть Кукульканом, поскольку сражался против народа, который его почитает. Другие возражали им, что Бог вполне мог привести с собой сво-

их воинов, чтобы те покарали их своим чудесным оружием за все прегрешения против богов, и что следует не роптать и сомневаться, а искать истоки своих грехов в Собственных сердцах. Тогда нашлись такие среди жрецов, что стали утверждать, что я не могу быть их Богом, потому что не владею их языком, на что им тотчас же сказали: как же смеете вы предполагать такое, когда не имеете права подслушивать беседы богов между собой о вещах, для ушей простых смертных не предназначенных. Конечно же, у богов свой язык, не такой, как у людей!

В душе я трепетал, следя за их спором, но внешне не проявлял волнения, полный решимости стойко вынести это испытание. Участь моя была незавидна. Признай они меня человеком, а не Кукульканом, они вырвали бы из моей груди сердце, а тело принесли бы в жертву своему Богу в храме, на манер ацтеков Теночтитлана. Однако и признание меня их главным Богом сулило мне не меньшие страдания, ибо, превратившись в идола дикарей, я стал бы противен Гос-

поду нашему Иисусу Христу, проклят на веки и обречен на муки в Аду за такое святотатство.

В конце концов священнослужители решили вверить мою судьбу своему кацику, поскольку сами не смогли прийти к единому выводу, а по их закону все важные вопросы, касающиеся их религии и управления, вправе единолично решить их король. Кацик выделялся среди своих соплеменников высоким ростом, имел благородные черты лица и был облачен в прекрасный плащ из ярких перьев колибри. Он восседал на золотом троне, а над головой его сверкало драгоценными камнями золотое изваяние Пернатого Змея.

Кацик рассудил спор так: приносить в жертву меня не следует, а подобает обучить языку майя, чтобы я смог сам объяснить им, кто я и зачем пришел на их землю.

От переполнившей меня радости я едва не упал перед кациком на колени, но вовремя сообразил, что тем самым выдал бы себя, показав, что понимаю их речь, на изучение которой мне были дарованы

многие месяцы, а может быть, и годы. Так, хитростью, я спас свою жизнь и душу.

Мне отвели место в храме рядом с обитателями их священнослужителей и предоставили свободу передвижения по городу, хотя и в сопровождении двух молодых охранников из числа знати и с золотыми кандалами на моих ногах. Лишь спустя годы я узнал, что хитрые священнослужители просто боялись, что я окажусь Кукульканом и накажу их за то, что они лишили меня свободы. Что же до золотых цепей, то ведь золото, как известно, металл богов, и гнева у Кукулькана вызвать не должно. Ведь и сам кацик с головы до ног увешан золотыми цепями, правда, они его не сковывают. Так, примерно, рассуждали жрецы майя, страхуя себя от возможного позора в будущем.

Меня учили языку, но я не проявлял способностей к его быстрому усвоению, чем сильно огорчал учителей. Пока я жил среди жрецов в храме, я стал свидетелем множества жертвоприношений: молодых людей убивали в угоду Кукулькану, умастив предварительно их тела мас-

лом и украсив головы цветами, причем несчастные охотно ступали к алтарю, зная, что спустя мгновения у них вырвут сердца и с восторгом продемонстрируют их угасающим взорам. Я был вынужден присутствовать при этих богохульственных церемониях перед изваянием Пернатого Змея, при этом двое охранников крепко держали меня под руки, чтобы я не убежал. Всякий раз при такой отвратительной сцене я закрывал глаза и молил Господа и Пресвятую Деву Марию уберечь меня от подобной участи и дать силы перенести эти чудовищные испытания.

Церемонии жертвоприношения проводились также и у колодца в центре города, у подножья возвышающегося на вершине горного хребта храма в честь Юм Чака, Бога дождя, обитающего, как считают эти наивные люди, на дне колодца. На этих церемониях бросают в воду молодых девушек, и тс исчезают в бездонной глубине, чтобы встретиться с Юм Чаком. На эти злодеяния дикарей меня смотреть не заставляли.

Однажды меня осенила счастливая

мысль, как избавиться от стоящей передо мной чудовищной дилеммы, выход из которой я искал неустанно. Да будет вам известно, что майя добились замечательных успехов в обработке камня и золота, хотя и направляют свои усилия главным образом на изготовление поганых идолов, дело, рук христианина недостойное. Да будет вам известно, мои сыновья, что ваш дед и мой отец был золотых дел мастером в Севилье и обучил меня своему ремеслу, когда я был еще ребенком. Как я подметил, майя не владеют столь распространенным в Испании способом применения воска. Поэтому я уговорил жрецов дать мне золота и пчелиного воска и позволить мне воспользоваться очагом, чтобы расплавить металл.

Посовещавшись, они дали мне все, что я просил, и стали наблюдать за моей работой. Там была одна девица, не старше четырнадцати лет, которая убиралась в моем жилище и исполняла мои желания, и я вылепил с нее фигурку из воска, хотя жрецам, судя по их хмурым лицам, это и не понравилось, поскольку они опа-

сались колдовства. Так как у майя нет алебастра, я решил использовать в качестве формы сырую глину, облепил ею восковую фигурку, а в ее верхней части проделал воронку для заливки золота.

Мне было позволено воспользоваться кузницей при храме, и когда расплавленное золото потекло в литник и горячий воск с шипением брызнул из выходного отверстия, священнослужители не смогли сдержать громких возгласов удивления и восторга. Я же дрожал от страха и потел, опасаясь, что глина треснет, однако этого не случилось, и я был вполне удовлетворен моей фигуркой, которую жрецы представили кацику и объяснили ему, как она была изготовлена. Впоследствии я сделал еще множество предметов из золота, но не соглашался отливать ни идолов для их храма, ни иной утвари для языческих обрядов. Король распорядился, чтобы я обучал новому искусству его мастеров, и я выполнил его приказ, а также выполнял заказы на украшения других кациков этой страны.

Настал день, когда я уже не мог более

скрывать, что в достаточной мере овладел языком майя, и жрецы отвели меня к королю на суд. Король приказал мне рассказать, кто я такой, и я откровенно поведал ему, что никакой я не Кукулькан, а знатный человек из земель, расположенных на востоке, и верноподданный великого императора Испании Карла Пятого, который и повелел мне отправиться к майя и распространить, среди них учение Христа.

Жрецы зароптали и стали наседать на короля с требованием принести меня в храме Кукулькана в жертву за мое святотатство, ибо их боги самые могущественные и иных идолов им не требуется. Тогда я собрался с духом и спросил короля, достоин ли казни человек, способный обучить его придворных умельцев многим удивительным вещам, украсившим это королевство и принесшим ему славу.

Король улыбнулся мне и приказал меня помиловать, а также предоставить мне дом с прислугой, чтобы я обучал своему искусству всех кузнецов этой страны. При этом он строжайше запретил мне

учить их Слову Христову, пригрозив за непослушание смертью. Угроза эта явно была произнесена им, дабы успокоить жрецов Кукулькана. Я же был освобожден от кандалов и переведен в отдельный дом с кузницей и множеством служанок.

С тех пор я дважды бежал и плутал в бескрайнем лесу, где меня ловили королевские воины и доставляли назад в Уаксуанок. Король, однако, проявлял снисходительность и не наказывал меня. Однако когда я бежал и был пойман в третий раз, кацик пришел в ярость, потеряв терпение, и пригрозил мне смертью на жертвеннике в храме Кукулькана, если я дерзну убежать еще раз. После этого я навсегда расстался с мыслью о побеге и смирился со своей участью.

И вот уже двенадцать лет живу я в этом городе, дети мои, повсюду сопровождаемый охраной, привыкшей считать меня своей собственностью. Их храмов я не посещаю, а молюсь Господу нашему Христу и Деве Марии в часовне, которую построил сам в своем доме. Препятствий мне в этом не чинят, так как король разрешил

мне молиться моему Богу, запретив при этом сеять Слово Христово в городе, чему я, к своему глубокому стыду, из страха подчинился.

Уаксуанок большой и красивый город, где из золота сделаны даже желоба для стока воды с крыш их храмов. Лично я пользуюсь – на кухне золотыми ложками, так что в этом смысле я превзошел любого из королей христианских государств. Мне кажется, что народ здешний произошел от тех самых египтян, которые держали в плену израильтян, потому что их храмы походят на египетские пирамиды, о которых мне рассказывал побывавший в тех краях странник. Дворец же их короля имеет прямоугольную форму, весьма велик и обшит золотыми листами. Даже полы в нем золотые, так что всякий вошедший во дворец ступает по золоту. Люди здесь владеют искусством изготовления красивейшей эмали, но используют свое мастерство для изваяния противных Богу поганых идолов. Следует признать, однако, что они делают и немало разнообразных украшений,

и даже простолюдины щеголяют здесь в поделках из золота и эмали.

Я живу не обремененный особыми заботами, так как пользуюсь почетом за свое мастерство в ювелирном деле и благоволением короля, щедро одаривающего меня за радующие его глаз поделки. Но по ночам я нередко обливаюсь горькими слезами, мечтая о возвращении в Испанию и вспоминая таверны Кадиса с их музыкой и весельем, столь милым моему сердцу. Музыка же майя довольно бедна, ибо они умеют играть на трубах и барабанах, а я и вовсе не владею музыкальным искусством и не могу обучить их.

Но я должен сказать вам, мои сыновья, что Господь коснулся этой земли своим божественным перстом, вне всякого сомнения, с намерением присоединить ее к лону Святой Церкви, ибо, помимо множества разнообразных чудес, я собственными глазами видел особый знак, свидетельствующий о том, что заботливая Длань Христова распростерта над всем миром, и нет в нем уголка, обойденного его вниманием. Я лицезрел этот

знак, начертанный пылающим золотом, на золотой горе, возвышающейся вблизи самого центра этого города, и великолепием своим затмевающий даже золотой дворец короля майя. Вне сомнения, сей знак предвещает грядущее торжество христианства на этой земле и низвержение воинами Христовыми языческих идолов в храмах.. Вслед за этим сорвано будет золото с крыш и стен дворцов, а золотая гора перейдет во владение христиан, чтобы удивлять и радовать восторженные взоры, устремленные на горящий на ней золотой знак.

Поэтому, мои сыновья Хайме и Хуан, внимательно вчитайтесь в это письмо, ибо я хочу, чтобы эта слава досталась семье де Виверо и возвысила ее. Вам известно, что род наш очень старинный, но утративший с появлением в Испании мавров былое богатство, вследствие чего главы входящих в наш клан семейств вынуждены были заняться обычными ремеслами. Мой отец был золотых дел мастером, благодаря чему я и выжил в этой стране. Когда нечестивых мавров изгнали

из Испании, фортуна вновь улыбнулась нам, и я, получив от отца наследство, купил землю в провинции Уэльва и стал алькальдом. Но взор мой был устремлен на запад, к новым землям, где, как я надеялся, молено добиться успеха и сделать своих сыновей не только состоятельными людьми, но и губернаторами новых провинций. С этой мечтой я и отправился вместе с Эрнаном Кортесом в Мексику.

Овладевший городом Уаксуанок станет также обладателем вышеупомянутой золотой горы и прославится во всем христианском мире, снискав право восседать одесную от христианских королей и известность среди всех их подданных. Я хочу, чтобы этим человеком стал один из де Виверо. Но меня тревожит, что мои сыновья уподобятся Каину и Авелю и начнут враждовать между собой из-за пустяков, осрамив тем самым нашу славную фамилию, вместо того, чтобы объединиться ради ее блага. Поэтому я заклинаю вас. Именем Божьим жить в согласии и мире. Простите друг другу все прегрешения, живите дружно и труди-

тесь во имя достижения одной цели, а именно, ради овладения этим городом и золотой горой с чудесным знаком на ней.

Вместе с письмом я посылаю вам подарки, каждому – по одному, выполненные в той чудесной манере, которой обучил моего отца пришелец с Востока, появившийся много лет назад в Кордобе вместе с маврами. Надеюсь, вы помните, что я вам о нем рассказывал. Пусть пелена вражды падет с ваших очей, дабы могли вы надлежащим образом рассмотреть мои подарки и объединиться во имя увековечения, славной фамилии де Виверо во всем христианском мире.

Доставят вам эти подарки люди из племени майя, тайно крещенные мной и обученные испанскому языку, что значительно облегчит им путешествие к вам. Позаботьтесь о них и должным образом отблагодарите их, так как это отважные люди и верные христиане, заслуживающие за свои труды награды.

Да хранит вас Бог, мои сыновья, и да избавит Он вас от страха перед ловушками, уготовленными в этих лесах вашими

врагами. Помните же мои наставления о качествах, необходимых истинному солдату, и тогда вам будет сопутствовать удача в сражениях с коварными язычниками за овладение этой землей и величайшим чудом, таящимся в ней. Совершите сей подвиг, и вы прославите род де Виверо на все времена.

Возможно, что мне и не доведется дожить до этого славного времени, потому что король майя дряхлеет, а его преемник не благоволит мне, отравленный ядом наветов жрецов Кукулькана. Молитесь же за меня и спасение моей души, ибо я опасаюсь, что мне предстоит долго пробыть в чистилище в наказание за малодушие, проявленное мною в деле обращения этого народа в истинную веру. Простите своего отца, сыновья мои, ибо он всего лишь простой смертный, и молитесь за его душу.

Написано в месяце апреле тысяча пятьсот тридцать девятого года от Рождества Христова.

Мануэль де Виверо и Кастеро,

Испанский алькальд,

Друг Эрнандо Кортеса и Франсиско де Монтехо.

3

Я положил копию перевода письма де Виверо обратно в папку и погрузился в размышления о судьбе давно уже скончавшегося человека, проведшего остаток своей жизни в плену. Что случилось с ним в дальнейшем? Был ли он после смерти короля принесен в жертву? Или ему удалось хитростью убедить майя сохранить ему жизнь?

Насколько же противоречивая эта была натура, с точки зрения современных понятий. Он относился к майя, как относится человек ко льву — как к злобному и опасному хищнику, защищающему себя, когда на него нападают. Это отдавало лицемерием, но ведь де Виверо был воспитан на совершенно иных традициях. Его не мучили угрызения совести, когда он одновременно стремился обратить язычников в христиан и отнять у них золото: для него это было столь же естественно, как дышать.

Несомненно, это был смелый и стойкий человек, достойный того, чтобы умереть, не терзаясь мысленными картинами Чистилища и Ада.

Захлопнув с этой мыслью папку, я вернулся в гостиную и тотчас же почувствовал в ее воздухе напряженность: было очевидно, что мои пташки так и не ужились в этом маленьком гнездышке. Я положил папку на стол и сказал:

— Итак, я прочитал это письмо.

— И что вы обо всем этом думаете? — спросил Фаллон.

— Это был добрый человек.

— И только-то?

— Вы сами знайте, что нет, — спокойно ответил я. — Я прекрасно понимаю, о чем идет речь. Я не ошибусь, если скажу, что этот город, Уаксуа… Уакс… — я запнулся, — в общем, этот город с трудным названием пока еще не обнаружен археологами?

— Вы догадливы, — сказал Фаллон, побарабанив пальцами по папке. — По свидетельству Виверо, Уаксуанок был значительно больше Чичен-Ицы и Уксмала, это была столица цивилизации майя. Поэтому тот, кто найдет ее, сделает себе имя и получит ключ ко многим загадкам.

— Вы согласны? — обернулся я к Холстеду.

— Не задавайте дурацких вопросов! — обжег он меня ненавидящим взглядом. — Разумеется, я придерживаюсь того же мнения. Пожалуй,

это единственный случай, когда мы с Фаллоном сходимся во мнениях.

— И вы лезете из кожи вон и рискуете надорваться, лишь бы оказаться там первым, — сев на стул, усмехнулся я. — Боже, вот вам и ученые мужи!

— Минуточку! — перебил меня Фаллон. — Это не совсем так. Я готов признать, что пытаюсь опередить Холстеда. Но только потому, что не верю ему. А дело касается вопроса чрезвычайной важности, где спешка недопустима. Он же немедленно начнет раскапывать все вокруг, стремясь заработать репутацию, и все испортит. Могут быть загублены уникальные свидетельства!

— А вот вам уникальный образчик профессиональной этики, — саркастически взглянул на меня Холстед. — Фаллон готов втоптать в грязь репутацию любого человека ради достижения своей цели. — Подавшись всем корпусом вперед, он воскликнул чуть ли не в лицо профессору: — Уж не стремитесь ли вы сами упрочить свою славу открытием Уаксуанока, Фаллон?

— Мое имя в академических кругах уже достаточно хорошо известно, — невозмутимо отвечал Фаллон. — Я достиг вершины.

— И не желаете потесниться на своем Олимпе

успеха, — съязвил Холстед.

Я раскрыл рот, чтобы резко оборвать этот спор, но Катрин Холстед опередила меня:

— У профессора довольно своеобразные методы защиты, — заметила она. — Например, он может украсть у конкурента оригинал письма Виверо, — пояснила она, заметив мой вопросительный взгляд. — Ведь вы это сделали, профессор?

— Ну сколько же можно жевать одну и ту же жвачку! — поморщился Фаллон. — Уверяю вас, я купил письмо у Джеррисона в Нью-Йорке, у меня есть доказательства!

— Довольно! — не выдержал я. — Я сыт по горло вашими взаимными обвинениями. Поговорим о деле. Насколько я понял, старик де Виверо отправил сыновьям письмо и подарки, и вы полагаете, что это были два золотых подноса с секретом, разгадка которого приведет вас к Уаксуаноку. Не так ли?

Фаллон кивнул и потянулся к папке.

— Как неоднократно подчеркивает в своем письме старый де Виверо, Уаксуанок буквально напичкан золотом. И отец хочет, чтобы львиная его доля досталась его сыновьям. Однако при этом он не объясняет, как найти этот город, лишь посылает подарки. Не кажется ли вам это доволь-

но странным?

— Я мог бы разъяснить это странное обстоятельство не хуже профессора, — вмешался Холстед. — Похоже, что сыновья Виверо жили как кошка с собакой, и отцу это не нравилось. Это дает мне основание предположить, что каждый из подаренных им подносов содержит лишь часть необходимой информации, а полную картину можно получить, только сложив их вместе. Мудрый старик хотел таким образом помирить своих сыновей. Раз информации нет в письме, она должна быть в подносах, — развел он руками.

— Я тоже пришел к такому выводу, — кивнул Фаллон. — Поэтому-то я и начал охотиться за этими подносами. Но я допустил досадную ошибку: основываясь на свидетельстве француза Мурвилля, я стал искать подносы в Мексике.

При этих его словах Холстед ехидно хмыкнул.

— Я потерял массу времени, пока наконец случайно не обнаружил поднос в собственном музее: оказывается, он давно хранился там.

— Мне это стало известно еще до того, как вы спохватились и изъяли ваш поднос из экспозиции, — самодовольно заметил Холстед.

— Как это можно забыть о том, что имеешь? — раздраженно спросил я. — Более того, далее не

догадываться об огромной ценности собственной вещи! Поразительно!

— Но ведь случилось же такое в вашей семье! — парировал Фаллон. — Однако в моем случае все было совсем иначе. Я учредил фонд, который, помимо всего прочего, имеет музей. Я не слежу за всеми приобретениями этого музея, поэтому и не знал ничего о подносе. Так или иначе, но один из подносов хранится именно там.

— Один. А как же вы вышли на второй?

— Со вторым дело обстояло несколько сложнее. Не правда ли, Пол? — хитро прищурился Фаллон. — У Мануэля де Виверо ведь было двое сыновей, Хайме и Хуан. Так вот, Хайме остался в Мексике, основав мексиканскую ветвь этого семейства. Хуану же Америка опостылела, и он с богатой добычей вернулся в Испанию, где тоже стал алькальдом — это нечто вроде сельского мирового судьи. Сын же его, Мигель, пошел дальше своего отца, став богатым судовладельцем.

И вот наступили неспокойные времена, когда между Испанией и Англией возникли трения. Решив раз и навсегда положить этому конец, испанский король Филипп Второй начал строить армаду. Мигель де Виверо внес в это дело свою лепту, подарив королю судно под назва-

нием «Сан-Хуан де Уэльва» и лично встал на капитанский мостик. Судно ушло в поход вместе со всей армадой и не вернулось. Пропал и сам Мигель. Однако его дело продолжало жить под руководством его сына, и довольно долго — до конца восемнадцатого столетия. К счастью, сохранились все записи о делах этой компании, из которых я почерпнул любопытнейшие данные. В частности, в одном из своих писем к жене Мигель просил се прислать ему поднос, изготовленный его дедушкой в Мексике. Этот поднос он взял с собой в плавание к берегам Англии. Тогда я решил, что на Этом поиски молено прекратить.

— Я обнаружил это письмо раньше вас, — самодовольно отметил Холстед.

— Все это довольно-таки трудно понять, — признался я. — Детективная история со множеством загадок! И что же вы сделали?

— Я приехал в Англию, — продолжал Фаллон, — но не ради подноса, который, как я был уверен, покоится на дне моря, а в гости к одному из своих коллег. Как-то раз я случайно упомянул в разговоре о своих поисках в Испании, и один из преподавателей Оксфорда, эдакий забавный книжный червь, сказал, что нечто подобное ему встречалось в письмах Геррика.

— Поэта? — изумленно вытаращился я на Фаллона.

— Совершенно верно, — подтвердил он. — Он был настоятелем церкви в Дин Прайор, это неподалеку отсюда. Так вот, некий Гусан, местный торговец, написал ему письмо, которое наверняка и не сохранилось бы, если бы предназначалось другому человеку, менее известному.

— Мне это неизвестно, — оживился Холстед. — Продолжайте.

— Это не имеет особого значения, — устало заметил Фаллон. — Ведь мы все равно знаем, где теперь поднос.

— Мне тоже интересно, — сказал я.

— Хорошо, — пожал плечами Фаллон. — Геррику наскучила сельская жизнь, но он был очень привязан к Дин Прайор. Заняться ему особенно было нечем, и он, как я догадываюсь, проявлял куда больший интерес к своим прихожанам, чем к рутинным обязанностям сельского священника. В число занимавших его людей входил, несомненно, и Гусан, которого он попросил изложить на бумаге то, что незадолго до этого он поведал священнику на словах. Если быть кратким, то фамилия Гусан происходит от Гузман, а дедушка Гусана был матросом на корабле «Сан-Хуан». Пре-

терпев множество злоключений, этот корабль затонул во время шторма у мыса Старт-Пойнт. Капитан — Мигель де Виверо — скончался еще до крушения судна от тифа, так что чудом спасшийся Гузман, предок Гусана, выбрался на берег, прихватив с собой в качестве личной добычи поднос. Внук Гузмана, тот самый Гусан, который описал всю эту историю в письме к Геррику, даже показывал священнику этот трофей. Не знаю только, как поднос оказался в вашем доме, — закончил свой рассказ Фаллон.

— Так вот почему вы рассмеялись, когда я порекомендовал вам встретиться с Дейвом Гусаном! — с улыбкой воскликнул я.

— Я был слегка потрясен, — признался Фаллон.

— Я не знал ровным счетом ничего о Геррике, — сказал Холстед. — Я лишь пытался проследить путь морской экспедиции и выяснить, где затонуло судно «Сан-Хуан». И вот в Плимуте мне случайно попался на глаза снимок в газете.

— Вам просто повезло, — закатив глаза к потолку, фыркнул Фаллон.

— Однако я опередил вас! — осклабился Холстед.

— Да, опередили, — раздельно произнес я. — А потом мой брат был убит.

— На что это вы намекаете? — взорвался Холстед.

— Просто констатирую факт, — Сухо сказал я. — Вы знали Виктора Нишеми?

— Я впервые услышал это имя на слушании дела в суде. Должен отметить, что мне не нравится ход ваших мыслей, Уил.

— Мне тоже, — с горечью отметил я. — Давайте оставим эту щекотливую тему на время. Скажите, профессор Фаллон, к каким выводам вы пришли, исследовав свой поднос?

— Мне не хотелось бы касаться этого вопроса в присутствии Холстеда, — пробурчал Фаллон. — Вы и так достаточно много из меня выжали. Но так и быть, — помолчав, со вздохом произнес он. — Слушайте. Ничего существенного я не обнаружил, поэтому полагаю, что тайну подносов можно раскрыть, лишь обследовав подносы в паре. — Он встал. — Ну, пожалуй, с меня довольно всех этих разговоров. Предлагаю перейти к существу вопроса. Сколько вы хотите за свой поднос? Назовите любую сумму, и я сейчас же выпишу вам чек.

— У вас не хватит денег, — сказал я, и профессор захлопал от изумления глазами. — Я говорил, что цена подноса не обязательно будет выражаться в

деньгах. Так вот, сядьте и выслушайте, что я вам сейчас скажу.

Не отрывая от меня внимательного взгляда, профессор медленно опустился в кресло. Я посмотрел на замерших в густеющих сумерках супругов Холстед и сказал:

— Прежде чем я расстанусь с подносом, я хочу, чтобы вы выполнили три моих условия. Это вам. ясно?

Фаллон хмыкнул, и я принял это за знак согласия. Холстед неохотно кивнул головой, с трудом поборов волнение.

— У профессора Фаллона довольно много денег, которые можно использовать, — продолжал я. — Поэтому он способен финансировать любую экспедицию, снаряженную для поисков города Уаксуанок. Вы не можете этого отрицать, Фаллон, поскольку и сами намеревались это сделать. Только вам придется взять с собой и меня. Согласны?

Фаллон смерил меня оценивающим взглядом.

— Не уверен, что вам это по силам, — ухмыльнулся он. — Это ведь не прогулка по Дартмору.

— У вас нет права выбора, — сказал я. — Это мой ультиматум.

— Хорошо, — сказал Фаллон. — В конце концов,

рисковать собственной шкурой — ваше право.

— Второе условие: вы оказываете мне всяческое содействие в розыске организатора убийства моего брата.

— Это не помешает вашему путешествию по Юкатану? — вскинул брови профессор.

— Не думаю, — сказал я. — Мне кажется, что тот, кто отправил наемного убийцу за подносом, вооружив его обрезом, знал, что поднос с секретом. Может статься, что мы встретимся с этим злодеем на полуострове.

— Мне думается, вы спятили, — сказал Фаллон. — Но я согласен помочь вам.

— Замечательно, — удовлетворенно воскликнул я, готовясь добить его окончательно. — Третье условие — Холстед едет вместе с нами.

— Будь я проклят, если возьму с собой этого сукиного сына! — выпрямляясь в кресле, прорычал Фаллон.

— Уже второй раз за сегодняшний день я терплю ваши оскорбления. Мне следовало бы ударить вас…

— Заткнитесь! — вскричал я. — Меня уже тошнит от вас обоих! Сколько можно грызться между собой! Вот что я вам скажу. Пока оба вы объявились в одно время в одном и том же месте, так что

оба заслуживаете похвалы. При этом вы выдвигаете друг против друга одинаковые обвинения, так что и здесь вы равны. Взгляните на это дело несколько иначе. Допустим, мы не берем в экспедицию Холстеда. Разве он успокоится? Он все равно будет крутиться возле нас, от него не так-то просто отделаться. И хотите вы этого или нет, профессор, но если все три мои условия не будут выполнены, я отдам мой поднос Холстеду. Тогда у каждого из вас будет по подносу, и вы сможете продолжить ваши академические игры. Так вы согласны выполнить мои требования или нет?

— Согласен, — уныло кивнул головой профессор.

— А вы, Холстед?

— Я тоже, — сказал он.

Затем оба они разом воскликнули:

— Где поднос?

Глава четвертая

1

В столице Мексики царила жара и суматоха, связанная с Олимпийскими играми. Гостиницы были забиты спортсменами и туристами до отказа. К счастью, у Фаллона в предместье Мехико имелся собственный шикарный дом с бассейном, и мы избрали его в качестве нашей штаб-квартиры. У супругов Холстед также было жилье в городе, но и они почти не вылезали из дворца профессора.

Твердо решив действовать, Фаллон не терял времени даром и, как хороший полководец, вывел свою армию на исходный рубеж для нанесения удара: потратив небольшое состояние на телефонные переговоры, он в результате сконцентрировал в Мехико значительные силы.

У меня тоже не было времени для безделья, я дорожил своей работой и не хотел ее терять, так что когда Фаллон развил бурную деятельность, мне пришлось долго и нудно объяснять своему боссу, с какими трудностями я столкнулся на ферме, оставшейся без хозяйского глаза, чтобы

выпросить шесть месяцев отпуска за свой счет в связи со смертью моего несчастного брата.

Задействованные Фаллоном силы и средства были доступны только очень богатым людям.

— У всех крупных корпораций непременно возникают проблемы с обеспечением своей безопасности, — философски заявил однажды мне он. — Именно поэтому они были вынуждены содержать собственную службу охраны и детективов. Должен сказать, что эти специальные подразделения порой не только не уступают, но и превосходят по своей эффективности полицию. Именно поэтому я и решил, Уил, в частном порядке навести справки о Нишеми.

У меня — даже слегка закружилась голова. Как и большинство обычных людей, я никогда не задумывался над тем, какую силу и власть миллионеры могут при желании купить за свои деньги. Мысль о том, что, подняв трубку телефона, можно привести в движение частную полицейскую армию, заставила меня иначе взглянуть на окружающий меня мир.

Особняк Фаллона, расположенный на ухоженной территории в сорок акров, был просторным и прохладным. Слуги бесшумно появлялись по первому же зову хозяина и его гостей и так же

бесшумно исчезали, когда в них не было необходимости. Я без малейших угрызений совести предался сибаритской роскоши.

К великому неудовольствию Фаллона, его поднос еще не доставили из Нью-Йорка, так что большую часть дня он проводил в научных перепалках с Холстедом. К счастью, теперь их споры носили скорее чисто профессиональный, а не личностный характер, чему во многом способствовала Катрин, держа муженька на коротком поводке.

Профессор и его неблагодарный ученик сцепились уже на следующее утро после нашего приезда.

— Мне думается, что этот Виверо был отъявленный лжец, — заявил Холстед, делая пробный выпад.

— А кто же в этом сомневается? — парировал Фаллон. — Но суть, согласитесь, вовсе не в этом! Как вы помните, коллега, в своем письме к сыновьям он утверждает, что индейцы, пленившие его, доставили его в Чичен-Ицу…

— А я говорю, что он не мог там оказаться! Новая империя к этому времени уже давно распалась, и город был мертв.

— Это по-вашему! — возразил Фаллон. — А вот

невежественный испанский солдат думал иначе: он не обладал нашей прозорливостью, а просто описывал то, что видел своими глазами. Раз он утверждает, что попал в Чичен-Ицу, а в письме он фактически упоминает лишь два города, значит, он там на самом деле был. И ему наплевать на то, что вы считаете, что этот город был разрушен испанцами. Безусловно, если правы вы, коллега, то из этого следует, что — письмо — современная подделка, й всех нас обманули.

— Я не считаю, что это подделка! — заявил Холстед. –

Я просто думаю, что этот старик был прирожденным лжецом.

— Мне тоже кажется, — что письмо подлинное, — согласился с ним профессор. — Более того, у меня имеется подтверждение экспертов. — Он встал и подошел к письменному столу. — Вот, почитайте, — протянул он папку с документами Холстеду.

Холстед пролистал заключение и раздраженно бросил его на стол. Я взял бумаги в руки и увидел множество схем и таблиц. Суть же была изложена на последней странице под заголовком «Выводы». В них говорилось следующее: «Документ относится к периоду начала шестнадцатого

века испанской культуры. Состояние документа оставляет желать лучшего вследствие низкого качества пергамента, возможно, изначально плохо изготовленного. Радиоуглеродный анализ позволяет считать датой его написания 1534 год с ошибкой плюс-минус 15 лет. Чернила несколько необычного состава, но, несомненно, того же периода, что и пергамент. Исчерпывающий лингвистический анализ не выявил отклонений от норм испанского языка шестнадцатого века. Оставляя без комментариев содержание документа, можно утверждать, на основании всестороннего исследования, что манускрипт соответствует по времени написания указанной в нем дате».

Я представил, как Виверо изготавливает пергамент из кожи животных и делает чернила: а судя по всему, именно так оно и было. Катрин Холстед протянула руку за бумагами, я передал их ей и вновь переключил свое внимание на спорящих ученых.

— Я думаю, ты ошибаешься, Пол, — говорил Фаллон. — Чичен-Ица обезлюдела много позднее. Даже после появления испанцев этот город оставался религиозным центром. Об этом говорит и коварное убийство Ах Дзун Кью, случившееся в

1536 году, а к этому времени Виверо уже девять лет находился в плену.

— Кто этот человек? — спросил я.

— Вождь племени Тутал Кью. Он возглавил паломничество в Чичен-Ицу, чтобы поклониться там богам, но всех паломников убили воины Начи Кокома, его заклятого врага. Однако все это несущественно, для нас важно лишь время этого события, подтверждающее правдивость утверждения Виверо, что он находился в Чичен-Ице, с которым не согласен Пол.

— Хорошо, пусть будет по-вашему, — сказал Холстед. — Но в письме немало и других сомнительных моментов.

Мне надоело их слушать, и я подошел к окну. Вдалеке ослепительно блестел на солнце плавательный бассейн. Я покосился на Катрин Холстед.

— Я не любитель подобных логических словопрений, это выше моего понимания.

— Мне этого тоже не дано понять, — кивнула она. — Да и вообще я не археолог, просто поднаторела кое в чем, помогая Полу.

Я еще раз взглянул на бассейн: он выглядел довольно заманчиво.

— А не искупаться ли нам? — предложил я.

— Мне как раз нужно опробовать акваланг, и мне требуется компания.

— Замечательная идея! — обрадовалась Катрин. — Встретимся возле бассейна через десять минут.

Я сходил в свою комнату, переоделся в плавки, распаковал оборудование для подводного плавания и спустился с ним к бассейну. Вообще-то, я захватил с собой акваланг, надеясь, что удастся поплавать в Карибском море, так что упускать такую возможность не хотелось. До этого мне довелось понырять в чистой воде лишь однажды, в Средиземном море.

Миссис Холстед уже поджидала меня, одетая в закрытый купальник. Вид у нее был весьма привлекательный. Я положил стальные баллоны и ремни у кромки бассейна и подошел к ней. Словно из-под земли рядом с нами появился лакей в белой ливрее и затараторил на испанском.

— Что он говорит? — беспомощно пожав плечами, спросил я у миссис Холстед.

— Он интересуется, не желаем ли мы чего-нибудь выпить, — рассмеялась она.

— Неплохая мысль! Какой-нибудь слабоалкогольный напиток со льдом.

— Я, пожалуй, закажу то же самое. — Она ска-

зала что-то лакею на беглом испанском, и тот поспешно удалился.

— Я не поблагодарила вас за то, что вы сделали для Пола, — обернувшись снова ко мне, сказала она. — Все случилось так быстро, что я сразу даже не успела сообразить.

— Меня не за что благодарить, — ответил я. — Он получил то, что заслужил. — Я не стал объяснять ей, что на самом-то деле мне не хотелось упускать Холстеда из виду, хотя он мне и не нравился: слишком уж скор на обвинения и непредсказуем. Кто-то ведь находился рядом с Нишеми, когда тот убил Боба, и хотя это вряд ли был Холстед, это еще не означало, что он не имел к происшествию никакого отношения.

— Это пустяки, — улыбнулся я его жене.

— А мне кажется, что вы поступили очень великодушно, — сказала она, пристально глядя на меня, — учитывая его поведение. Прошу вас, не обращайте внимания, если Пол снова проявит свой вздорный характер. На его долю выпало много разочарований. И теперь, когда у него наконец появился такой шанс, он слегка нервничает.

— Не волнуйтесь, — успокоил я ее, ничуть не сомневаясь в том, что мы с Фаллоном сумеем быстро поставить зарвавшегося Холстеда на

место. Впрочем, учитывая возраст профессора и его роль в экспедиции, это лучше сделать мне Самому, подумал я.

Лакей принес напитки: беловатую смесь в высоких запотевших бокалах с кубиками льда, которые позвякивали, как колокольчики. Не знаю точно, что это было, но вкус оказался весьма приятным и освежающим. Миссис Холстед сделала глоток и с задумчивым видом спросила:

— Когда, по-вашему, вы отправитесь на Юкатан?

— Это зависит не от меня, а от наших знатоков. — Я кивнул в сторону дома. — Мы пока даже не знаем, куда именно нам предстоит отправиться.

— Вы верите в то, что эти подносы таят в себе загадку и что нам удастся ее разгадать?

— Верю, и мы непременно ее разгадаем, — ответил я, умолчав о том, что уже разгадал ее, и с трудом заставлял себя до поры помалкивать.

— Как, по-вашему, отреагирует Фаллон, если я тоже вызовусь ехать с вами на Юкатан? — спросила она.

— Он будет взбешен, — рассмеялся я. — У вас нет ни малейшего шанса.

— Было бы лучше, если бы я все-таки поехала, — подавшись всем телом вперед, с самым серьез-

ным видом проговорила миссис Холстед. — Я боюсь за Пола.

— В каком смысле?

— Я не из тех. легкомысленных женщин, которые позволяют себе унизительные высказывания о своих мужьях при других мужчинах, — взмахнула рукой она, — но Пол особенный человек. Порой он не способен сдерживать себя. Если я рядом, то могу его успокоить, заставить иначе взглянуть на вещи. У меня есть некоторый опыт экспедиций, так что я не буду для вас обузой.

Она говорила так, словно Холстед был сумасшедший, за которым постоянно нужно присматривать. Мне становилось любопытно: что связывало этих двух людей? Брачные союзы порой бывают довольно забавны.

— Мне кажется, что Фаллон согласится, если вы попросите его об этом. Это в ваших силах.

— Я уже однажды оказал на него нажим, — поморщился я. — Не думаю, что это пройдет еще раз. Фаллон не из тех, кто позволяет собой помыкать. — Я сделал большой глоток и ощутил в горле приятную свежесть. — Хорошо, я подумаю, — согласился я наконец.

Однако для себя я уже решил, что заставлю Фаллона согласиться со своим предложением, потому

что Катрин Холстед понравилась мне: было в ней нечто такое, чего я уже давно не чувствовал ни в одной женщине. Но лучше не давать волю своим чувствам, потому что время для этого совсем не подходящее, особенно для флирта с женой такого человека, как Пол Холстед.

— Посмотрим, какова здесь водичка, — предложил я, вставая и направляясь к краю бассейна.

Катрин последовала за мной.

— Для чего это вам? — спросила она, указывая на акваланг.

Я объяснил:

— Мне давно уже не доводилось пользоваться им, так что лучше проверить. Вам приходилось плавать под водой?

— И не один раз, — сказала она. — Когда я отдыхала на Багамах, я целыми днями не вылезала из воды. Это такое удовольствие!

Я кивнул я стал осматривать вентили. Убедившись, что они в порядке, надел на себя ремни. Пока я ополаскивал маску водой, Катрин нырнула в бассейн, вынырнула и ладошкой плеснула на меня фонтан брызг.

— Смелее! — крикнула она.

— Меня не надо упрашивать, я знаю, что вода превосходная.

Я сел на край бассейна и спиной плюхнулся в воду: с баллонами не очень-то поныряешь с бортика. Как обычно, мне не сразу удалось войти в правильный ритм дыхания, это требует тренировок, а мне их недоставало. Поскольку впускной клапан располагается в воде выше легких, нужно приноровиться к разнице давления, К тому же следует дышать экономно, что удается далеко не всем аквалангистам. Но я довольно скоро справился с этой задачей и начал дышать в неровном ритме, что поначалу кажется довольно неестественным.

Сделав несколько кругов в глубине бассейна, я мысленно отметил, что нужно поменять балласт: со времени моего последнего погружения я слегка поправился, и лишний груз сковывал движения. Надо мной в воде мелькали загорелые ноги Катрин, и я по-мальчишески устремился к ним и схватил ее за щиколотку. Увлекая ее под воду, я заметил, как ровно всплывают на поверхность пузырьки выпускаемого ею воздуха. Это говорило о том, что она не испугалась и не выдохнула от неожиданности сразу весь воздух из легких.

Внезапно она согнулась пополам и резким рывком выдернула у меня изо рта загубник, сдавив другой рукой шланг. Я глотнул воды и отпустил

ее лодыжку. Вынырнув на поверхность, я с трудом отдышался и увидел, что Катрин смеется.

— Где это вы научились такому приему? — спросил я ее.

— Пляжные хулиганы на Багамах обожают разные грубые шутки, так что девушкам приходится учиться, как за себя постоять, — объяснила она.

— Я, пожалуй, еще немного попрактикуюсь, — сказал я. — Давно не плавал под водой.

— А я пока закажу для вас еще бокальчик.

Я снова погрузился в воду и принялся отрабатывать различные необходимые для подводного пловца приемы: вынимать изо рта загубник, пропускать в шланг воду и выдувать ее, снимать и надевать маску и снаряжение.

Минут через пятнадцать я услышал над головой какой-то шум. Взглянув вверх, я увидел всплески и вынырнул на поверхность. Миссис Холстед шлепала по воде ладошкой, а рядом с ней стоял мистер Фаллон.

Он сказал:

— Только что доставили мой поднос, теперь мы можем сравнить его с вашим.

Я снял с себя ремни с баллонами и пояс с грузом.

— Я приду, как только– обсохну.

— Вы можете с этим плавать на глубине? — спросил профессор, с любопытством разглядывая акваланг.

— Все зависит от того, на какой глубине, — уклончиво ответил я. — Глубже, чем на сто двадцать футов, мне погружаться пока не доводилось.

— Возможно, этого будет достаточно, — сказал Фаллон. — Знаете, Уил, вы можете быть нам весьма полезны: нам придется обследовать естественные колодцы. Постарайтесь не задерживаться, — переменил он тему разговора.

Рядом с бассейном располагалось несколько кабинок для переодевания. В одной из них я принял душ, обтерся полотенцем, облачился в махровый халат и пошел в дом. Входя через створчатые двери, я услышал, как Фаллон говорит:

— Я заподозрил, что весь секрет заключается в виноградных листьях, и отдал поднос криптографу. Ключом к разгадке могло быть количество прожилок на листе или угол наклона листьев по отношению к стеблю, или же комбинация этих факторов. Парень все изучил тщательнейшим образом и результаты заложил в компьютер, но не получил ровным счетом никаких результатов.

Идея была оригинальной, но абсолютно невер-

ной. Я подошел к столу взглянуть на два лежащие на нем предмета.

— Теперь, когда у нас есть оба подноса, — сказал Фаллон, — мы сможем сравнить их и, возможно, разгадать тайну послания Виверо.

— О каких подносах идет речь? — поинтересовался я.

Фаллон вскинул голову и вытаращил на меня глаза:

— Вот об этих, что перед вами на столе!

У Холстеда задергалась щека.

— Но я не вижу там никаких подносов, — невозмутимо заметил я, с интересом наблюдая, как лицо Фаллона багровеет.

— Да в своем ли вы уме? — заикаясь, спросил профессор. — Тогда что же это такое, по-вашему? Летающие тарелки?

— Шутки в сторону! — гневно воскликнул Холстед, испепеляя меня взглядом. — Мурвиль называл эти предметы подносами. Хуан де Виверо тоже писал о подносе, как и Гусан в своем письме Геррику!

— А мне на всех них наплевать, — откровенно признался я. — Если подводную лодку назвать аэропланом, она от этого не полетит. Старик Виверо, изготовивший эти вещицы, не называл

их подносами. Ведь не говорит же он в своем письме: «Вот, мои мальчики, я посылаю вам в подарок парочку замечательных подносов!» Давайте проверим, как там сказано на самом деле. Где письмо?

Фаллон скользнул по мне ледяным взглядом и полез в свой портфель за переводом манускрипта.

Я взял у него письмо и, найдя нужное место, начал читать: «Я посылаю вам подарки, выполненные в чудесной манере, которой обучил моего отца пришелец с Востока…» — Кроме того, Виверо пишет следующее: «Пусть пелена вражды падет с ваших очей, дабы могли вы надлежащим образом рассмотреть мои подарки и объединиться во имя увековечения славной фамилии де Виверо во всем христианском мире». — Это вам ни о чем не говорит? — спросил я..

— Признаться, нет, — сказал Холстед.

— Это зеркала, — спокойно сказал я. — И то, что все использовали их в качестве подносов, не меняет этого факта.

Холстед раздраженно отмахнулся, но Фаллон нагнулся и стал рассматривать предметы.

— Дно этих «подносов» сделано не из меди, это зеркальный сплав — отражающая поверхность,

слегка выгнутая, я проверил.

— Похоже, вы правы, — проговорил Фаллон. — Так, значит, это зеркала?! И что из этого следует?

— Вглядитесь повнимательнее.

Фаллон и Холстед взяли по зеркалу и принялись разглядывать их со всех сторон.

— Ничего, кроме собственного отражения, я не вижу, — наконец сказал Холстед. –

— Я тоже, — подтвердил Фаллон. — И к тому же поверхность далеко не идеальная для зеркала.

— А что вы хотите от металлического зеркала, которое царапали различными предметами четыреста лет? Мне совершенно случайно удалось разгадать, какой в них заключается фокус. У вас есть экран для проекционного аппарата? — спросил я.

— У меня имеется кое-что получше — кинозал, — улыбнулся Фаллон.

Иначе и не могло быть: миллионер Фаллон во всем любил размах.

Он сопроводил нас в ту часть своего дома, где я ни разу еще не был и где находился небольшой кинозал на двадцать мест.

— Я читаю здесь иногда лекции для своих друзей, — пояснил Фаллон. — Очень удобно.

— Где проектор? — спросил я.

— За стеной, в аппаратной.

— Он нужен мне здесь.

Фаллон с интересом посмотрел на меня.

— О'кей, я распоряжусь, чтобы его принесли сюда.

Минут десять мы ждали, пока слуги ходили за аппаратом и устанавливали его на столе посередине зала, следуя моим указаниям. Фаллон был явно заинтригован. Холстед скорчил скучающую мину. Миссис Холстед выглядела прекрасно/и я подмигнул ей.

— Нам предстоит потрясающее зрелище, — сказал я. — Миссис Холстед, подержите, пожалуйста, вот это зеркало.

Подойдя к проектору, я сделал небольшое пояснение:

— Аппарат нужен мне как мощный источник света. Я направлю луч на зеркало таким образом, чтобы, отразившись от него, он упал на экран. А теперь скажите мне, что вы видите?

Я включил проектор, и Фаллон издал громкий вздох, а Холстед тотчас же изменился в лице и впился в экран.

— Как вы думаете, что это за контуры? — спросил я. — Они немного расплывчаты, но я думаю, что это карта.

— Что за чертовщина! — воскликнул Фаллон. — Как такое возможно? Впрочем, не важно. Миссис Холстед, поверните слегка, пожалуйста, зеркало!

Изображение на экране смазалось и поплыло, но затем быстро восстановилось, но уже в новом ракурсе.

— Это карта, вы правы! — прищелкнул языком Фаллон. — Вот этот изгиб внизу справа — Четумальский залив, а над ним, судя по очертаниям, — заливы Эспириту-Санто и Асенсьон. Итак, перед нами западное побережье полуострова Юкатан.

— А что означает этот кружок посередине? — спросил Холстед.

— Мы вернемся к нему чуть позже, — сказал я, выключая проектор.

Фаллон наклонился и принялся рассматривать зеркало, которое миссис Холстед все еще держала в руках. Наконец он недоверчиво покачал головой и взглянул на меня.

Я пояснил:

— Этот фокус я обнаружил совершенно случайно, когда, фотографируя поднос, не вовремя произвел снимок со вспышкой. Проявив пленку, я обнаружил, что заснял не только само зеркало, но и его отражение на стене. Оно мне показалось

необычным, и я стал рассматривать его тщательнее.

— Это невероятно! — забирая зеркало у жены:, воскликнул Холстед. — Как можно получить сложное изображение на отражении от ровной поверхности? Я лично ничего здесь не вижу!

— Но это не обычное плоское, а слегка изогнутое зеркало! — сказал я. — Радиус изгиба равен приблизительно десяти футам. Это старинный китайский фокус!

— Китайский?!

— Вспомните, что говорится в письме Виверо: «...пришелец с Востока, появившийся много лет назад в Кордобе вместе с маврами». Это был китаец. Сперва я засомневался: как мог очутиться китаец в Испании в конце пятнадцатого века? Но, подумав, пришел к выводу, что в этом нет ничего странного. Арабы захватили к тому времени огромные территории, от Испании до Индии. Нетрудно себе представить странствующего китайского ремесленника, мастера по металлу. Побывали же в Китае к тому времени европейцы.

— Весьма правдоподобная теория, — кивнул Фаллон, постучав по зеркалу. — Но как, черт возьми, это делалось?

— В этом смысле мне тоже повезло, — сказал я. — Я посетил торквейскую публичную библиотеку и нашел ответ в девятом издании Британской энциклопедии. Между прочим, в последующих изданиях этот раздел опущен.

Я взял у Холстеда зеркало и положил его на стол.

Забудьте об отделке из золота и сосредоточьтесь на самом зеркале. Все ранние китайские зеркала делались из металла, в основном из бронзы. Литая бронза не обладает хорошей отражающей способностью, поэтому приходилось обрабатывать поверхность скребками. Доработка и шлифовка осуществлялись от центра к краю, в результате чего зеркало и получалось слегка вогнутым.

Фаллон достал из кармана авторучку и провел ею по зеркалу, имитируя движение шлифовальщика.

— Продолжайте, — кивнул мне он.

— Со временем зеркала становятся все более изящными. Изготовление их обходится дорого, и мастера начинают украшать их. Один из способов заключается в наложении орнамента на обратную сторону зеркала. Обычно это изречения Будды, выполненные выпуклыми иероглифами.

Представьте себе, что происходит, когда такое зеркало начинают шлифовать. Его кладут обратной стороной на твердую поверхность, упор приходится на иероглифы, остальная же часть изделия ни с чем не соприкасается. Поэтому при шлифовке она прогибается, а с площади, имеющей опору, удаляется больше металла.

— Вот так фокус, разрази меня гром! — воскликнул Фаллон. — Ив этом весь секрет?

— Вогнутое зеркало обладает свойством рассеивать отраженный свет, — невозмутимо продолжал я. — Но его плоская часть, та, с обратной стороны которой выпуклые иероглифы, отражает лучи параллельными линиями. Изгиб слишком мал, чтобы заметить его невооруженным глазом, но благодаря волновой природе света разница в длине волн проявляется на отбрасываемом отражении.

— И когда же китайцы узнали об этом? — спросил Фаллон.

— В одиннадцатом веке, сперва совершенно случайно, однако позже они начинают использовать этот эффект. Затем они делают композитные зеркала: на их обратной стороне по-прежнему мудрые изречения Будды, а в отражении, отбрасываемом зеркалом, можно прочитать, нечто

совершенно иное. В одном из оксфордских музеев хранится зеркало, на обратной стороне которого написано: «Хвала Будде Амиде», а на отражении виден сам Будда. А достигалось это наложением декоративной тыльной части, подобно тому, как это сделал Виверо.

Холстед перевернул зеркало и постучал по золотой накладке.

— Значит, под ней скрывается карта, отлитая из бронзы?

Именно так. Я склонен думать, что Виверо вновь изобрел композитное зеркало. Известны всего три экземпляра, один хранится в музее в Оксфорде, второй в Британском музее, а третий — где-то в Германии.

— А как можно отделить накладку?

— Наберитесь терпения, — сказал я. — Зачем портить зеркало? Можно нанести на зеркальную поверхность ртутную амальгаму, это увеличит отражающую, способность на сто процентов. Но еще лучше просветить его рентгеновскими лучами.

— Я это устрою! — решительно воскликнул Фаллон. — А пока давайте посмотрим еще разок. Включите проектор!

Я включил аппарат, и мы принялись изучать

расплывчатые линии отражения на экране. Наконец Фаллон сказал: Похоже на побережье Кинтана-Роо. Сверимся с картой!

— А по краю случайно не слова? — спросила Катрин Холстед.

Я напряг зрение, но разглядеть ничего не смог!

— Возможно, — сказал я не совсем уверенно.

— А что это за круг в середине? — спросил Пол Холстед.

— Думаю, что могу объяснить, — сказал я. — Старику Виверо хотелось помирить своих сыновей, и он подарил каждому из них по зеркалу. Но загадку можно было решить, лишь используя оба подарка. На одном из них общий вид местности, а на другом подробный план территории, обозначенной вот этим кружком.

— А мы это проверим, — сказал Фаллон. — Где мой экземпляр?

Мы стали разглядывать его зеркало, но толком так ничего и не разглядели.

— Изображение слишком расплывчатое, — посетовал Фаллон. — Так можно и ослепнуть.

— Его швыряли как попало четыреста лет, — заметил я. — Но рисунок на тыльной части защищен, и рентген даст нам четкий снимок.

— Я постараюсь сделать это как можно скорее,

— пообещал Фаллон. — Вы внесли свой вклад в экспедицию, — с улыбкой сказал он. — Мы вряд ли бы до этого додумались.

— Вы непременно сами сделали бы такое же открытие, — заверил его я. — Не добившись ответа от криптографа, вы наверняка заинтересовались бы, что скрыто под бронзово-золотой накладкой. Не понимаю, почему сыновья Виверо не занялись этим.

Обе ветви этой семьи приняли зеркала за подносы, — задумчиво произнес Холстед. — На смутный намек Виверо они не обратили внимания. Историю же о китайских зеркалах они, вероятно, слышали в детстве и ничего толком в ней не поняли.

— Возможно, — согласился с ним Фаллон. — К тому же вражда между братьями зашла слишком далеко, так что они оставили подарки отца без должного внимания. Испанское семейство утратило, свое зеркало, а в мексиканском оно послужило основой легенды. — Он по-хозяйски положил руки на свою драгоценность: — Но теперь оба зеркала у нас, и это меняет все дело.

2

Оглядываясь назад, я думаю, что примерно с этого времени Фаллон и начал сдавать. Однажды он уехал в Мехико, а вернулся оттуда злой и подавленный и с того дня впал в молчаливую задумчивость. Я решил, что миллионер может быть расстроен падением курса акций на бирже или чем-то еще в этом роде, и не придал этому значения. В конце концов, все это не мешало ему с дьявольской энергией заниматься подготовкой экспедиции в Уаксуанок..

Однажды Фаллон пригласил меня в свой кабинет.

— Хочу познакомить вас с Пэтом Харрисом, — сказал он. — Я одолжил его на время у одной из нефтяных компаний, в которой имею свою долю акций. Он сейчас занимается Нишеми. Как видите, я держу свое слово.

Я с интересом взглянул на Харриса: это был внешне самый заурядный человек. Среднего роста и телосложения, в неброском костюме, он являл собой образец среднестатистического мужчины со средними умственными способностями.

— Рад с вами познакомиться, — протянул он мне руку. Голос у Пэта тоже оказался бесцвет-

ным.

— Расскажите мистеру Уилу, — попросил его Фаллон, — что вам уже удалось узнать.

Харрис вздохнул и сцепил пальцы на своем небольшом животике.

— Виктор Нишеми — самый обыкновенный мелкий мошенник, ровным счетом ничего выдающегося из себя не представлял. В юности он побывал-в исправительном учреждении, потом отбывал срок за мелкое хулиганство. Но за последние четыре года полиция ни разу не задерживала его. Судя по полицейскому досье, он чист как стеклышко. Вам это о чем-нибудь говорит?

— Это всего лишь официальная версия, — сказал я. — А как обстоят дела на самом деле?

Харрис посмотрел на меня с одобрением.

— На самом деле все обстоит иначе. Какое-то время Нишеми был охранником букмекера, потом стал собирать дань с проституток. Это своего рода рост в его преступной карьере. Но вот он вдруг отправляется в Англию, и там его убивают. Виктора Нишеми не стало.

— И это все? — спросил я.

— Не торопитесь с выводами, — заметил Фаллон.

Харрис сел поудобнее в кресле и продолжал:

— Когда имеешь дело с типами, подобными. Нишеми, — назидательно изрек он, — следует иметь в виду одно важное обстоятельство, а именно: у всех них есть друзья. Обратите внимание на его биографию! Сперва школа для малолетних преступников, затем тюрьма за мелкие правонарушения, И вдруг, четыре года назад, Нишеми как бы притих. Он остался мелким преступником, но перестал влипать в неприятные истории и попадаться в лапы полиции. Что из этого следует? А то, что Виктор Нишеми, хулиган и сутенер, обзавелся могущественными покровителями.

— И что же это за люди? — вскинул брови я.

— Вы англичанин, мистер Уил, и вам не доводилось сталкиваться с проблемами, с которыми мы ежедневно сталкиваемся у себя в Штатах. Возможно, то, что я вам скажу, покажется вам неправдоподобным, так что вы уж поверьте мне на слово. О'кей?

— После знакомства с мистером Фаллоном меня уже вряд ли что-либо удивит, — улыбнулся я.

— Вот и замечательно! Скажите, вы можете описать оружие, из которого был убит ваш брат?

— Его убили из обреза, — коротко сказал я.

— И приклад тоже был спилен, не так ли? Эта штука •называется «лупара», ей пользуются ита-

льянцы. Нишеми был сицилийцем, и четыре года тому назад его приняли в «организацию». Организованная преступность — одна из самых мрачных сторон жизни — американского общества, и лидируют в ней итальянские мафиози, точнее — американцы итальянского происхождения. Существует много разных названий этого явления — организация, синдикат «Коза ностра», мафия, хотя мафия — это, пожалуй, название чисто итальянского варианта данного феномена.

— Вы хотите сказать, что моего брата убила итальянская мафия? — удивился я.

— Это не совсем так, — сказал Харрис. — Мне думается, что в данном случае Нишеми слишком много на себя взял и допустил роковую ошибку: позволил себя застрелить.Что происходит с молодыми задиристыми парнями типа Нишеми, когда их втягивают в преступную организацию? Во-первых, им строго-настрого приказывают не попадаться полицейским и делать только то, что велит «капо» — его босс. Вот почему Нишеми и перестал мелькать в полицейских протоколах! — вскинул указательный палец вверх Пэт Харрис, наблюдая за моей реакцией на его слова. — Но из этого мы можем сделать и еще один логический вывод, а именно: если у Виктора Нишеми

имелись самые серьезные криминальные намерения в отношения вашего брата, это означает, что он действовал по приказу. Организация не потерпит людей, действующих по собственному усмотрению.

— Так его подослали?

— На 99 процентов именно так оно и есть.

Мне трудно было в такое поверить.

— Вы, кажется, сказали, что мистер Харрис — сотрудник нефтяной компании, — обернулся я к Фаллону. — Насколько он компетентен в вопросе, который мы обсуждаем?

— Мистер Харрис работал в ФБР, — сказал Фаллон.

— Пятнадцать лет, — добавил Харрис. — Это вас удивляет?

— Весьма, — коротко ответил я и спросил: — Где вы раздобыли сведения о Нишеми?

— В полицейском управлении Детройта. Он обитал в этом городе.

— Этим делом занимается и Скотланд-Ярд. Интересно, американская полиция сотрудничает с ним?

Харрис снисходительно улыбнулся.

— Хотя об Интерполе и ходят самые невероятные слухи, в таком деле,. как это, мало что можно

сделать. Кого они могут зацепить за это преступление? В Америке будут лишь рады узнать, что Нишеми больше не станет досаждать им. В конце концов, он был шестеркой, и не более того. — Харрис ухмыльнулся и неожиданно изрек: — Это было в чужой стране, и к тому же парень скончался.

— Но и это еще не все, — заметил Фаллон. — Харрис еще не закончил свой рассказ.

— О'кей, — сказал Харрис. — Теперь самое время задаться вопросом: кто послал Нишеми в Англию и зачем? Босса, или «капо» Нишеми, зовут Джек Гатт. Правда, Джек мог и оказывать кому-то услугу, но я в этом сомневаюсь.

— Гатт! — вскричал я. — Он же был в Англии, когда брата убили.

— Нет, его там не было, — покачал головой Харрис. — Я проверял, в тот день Гатт находился в Нью-Йорке.

— Но он хотел купить у Боба поднос! — возразил я. — Он сделал ему предложение при свидетелях. Он был-таки в Англии!

— Что ж, самолет доставит вас из Лондона в Нью-Йорк за несколько часов,. — развел руками Харрис. — Но Гатт не убивал вашего брата. Во всяком случае, своими руками, — добавил он.

— Да кто он такой, этот тип?

— Главарь детройтской мафии. Он контролирует Мичиган и часть Огайо. Настоящее его имя — Джакомо Гаттини, в американском варианте — он Джек Гат. Он не особенно большая величина в «организации», но все же «капо», и с ним считаются.

— Объясните мне это подробнее, — попросил я.

— Дело в том, что хотя «организация» и контролирует преступность, налажено это не столь же хорошо, как централизованный контроль производства в компаниях типа «Дженерал Моторс». Группы довольно свободны в своих действиях и порой даже вступают в конфликт между собой. Это называется войной кланов. Но война мешает общему бизнесу, привлекает внимание полиции, поэтому время от времени все главари собираются на совет и решают спорные вопросы. Они делят между собой территории, ставят на место зарвавшихся и решают, кого и как наказать.

И этот дикий и примитивный мир вторгся на нашу ферму, так далеко расположенную от Детройта, подумалось мне.

— И как же у них все это происходит? — спросил я.

— Предположим, что «капо» типа Гатта на-

думает выйти из подчинения главного босса и действовать как ему самому вздумается. Довольно скоро в городе объявится молодой сорвиголова вроде Нишеми, уберет Гатта и исчезнет. Если ему это не удастся, появится другой, и рано или поздно с Гаттом будет покончено. Но Гатт это прекрасно понимает и не нарушает правил. И пока он их соблюдает •– он сам «капо», король на своей территории.

Понимаю. Но зачем он отправился в Англию?

— Вот теперь мы наконец и добрались до сути дела, — сказал Харрис. — Что из. себя представляет Джек Гатт? Мафиози третьего поколения, кто, в отличие от только что приехавшего из Сицилии в Америку крестьянина, ни слова не знающего по-английски, или от полуобразованного крутого парня типа Капоне, вполне цивилизован. Можно даже сказать, что это культурный человек. Его дочь учится в Швейцарии, один из сыновей — в престижном колледже на Востоке, другой имеет собственное дело, причем вполне законное. Джек посещает оперу и балет и даже, как я слышал, финансирует балетную труппу. Он коллекционирует картины, и не ворованные. У него завязаны деловые отношения с галереей Парки Бернета в Нью-Йорке, что считается хорошим тоном в кру-

гу миллионеров, он бывает на аукционах фирм «Сотбис» и «Кристи» в Англии. У него красивая жена и прекрасный дом, он вхож в высшие слои общества, пользуется уважением среди влиятельных людей, которые уверены, что он честный бизнесмен. И я не удивлюсь, если узнаю, что он является одним из держателей акций ваших предприятий, мистер Фаллон.

— Я это проверю, — озабоченно сказал Фаллон. — Но из чего он извлекает основную долю своих доходов, незаконных, разумеется?

— Из азартных игр, наркотиков, проституции, вымогательства, покровительства, — ухмыльнулся Харрис. — И разнообразных махинаций и спекуляций. Джек — крупная рыбина.

— Боже мой! — воскликнул Фаллон.

— Все это, возможно, и так, — сказал я. — Но как Нишеми вышел на нашу ферму? Ведь фотография подноса промелькнула в газетах всего за несколько дней до убийства моего брата? Как Гатт так скоро обратил на нес внимание? …

Харрис медлил с ответом, вопросительно поглядывая на Фаллона.

— Рассказывайте все без утайки, — кивнул ему тот. — Дело в том, мистер Уил, что я попросил Харриса проверить происхождение письма Виверо,

которое я купил у торговца старинными вещами. Сделать это я решил после того, как Холстед обвинил меня в краже. Продолжайте, Харрис!

— Люди Гатта следили за мистером Фаллоном и, возможно, за Холстедом, — сказал Харрис. — Дело обстояло следующим образом. Письмо Виверо действительно сперва было у Холстеда. Он купил его в Мексике за двести долларов. Потом он взял его с собой в Штаты, а в то время ой жил в Вирджинии, и дом его вдруг ограбили. Среди пропавших вещей было и письмо Виверо. Как мне представляется, его прихватили случайно, в запертом чемоданчике вместе с другими вещами.

— С какими вещами?

— Телевизором, радиоприемником, часами, одеждой и деньгами.

Вы можете себе представить, чтобы я скупал подержанные вещи? — иронически покосился на меня Фаллон.

— Мне думается, это было делом рук мелкого воришки, — сказал Харрис. — Он взял товар, который легко сбыть. Мне кажется, содержимое чемодана его весьма огорчило.

— Однако письмо попало в руки специалиста — Джеррисона, — сказал я. — Каким образом, хотелось бы мне Знать?

Меня самого это поначалу несколько озадачило, — сказал Харрис. — И я навел справки о Джеррисоне. Репутация у него оказалась подмоченной: нью-йоркская полиция уверена, что он крупный и матерый скупщик краденого. Выяснилась любопытная подробность: Джеррисон в приятельских отношениях с Джеком Гаттом, тот даже гостит у него, когда приезжает в Детройт. — Харрис наклонился вперед. — Мне все это представляется следующим образом. Грабитель, очистивший дом Холстеда, обнаруживает в чемоданчике письмо Виверо. Оно жжет ему руки, поскольку продать его сложно и стоимость определить тоже нелегко. Что же случилось дальше с письмом? Мне кажется, что оно проделало долгий путь, прежде чем попало в поле зрения эксперта, а им, скорее всего, оказался Джек Гатт, старый бандит, имеющий собственный музей. Содержание пирьма мне не известно, однако осмелюсь предположить, что, если оно заинтересовало Гатта, он стал наводить справки о его бывшем обладателе, то есть Холстеде.

— Но мы же говорили о Джеррисоне!

— Возможно, Гатт хотел удостовериться лишний раз в ценности своей добычи, — сказал Харрис. — Мы с мистером Фаллоном обсуждали

этот вопрос и пришли к некоторым выводам.

Фаллон выглядел напуганным и смущенным.

— Видите ли, мистер Уил, — заикаясь, проговорил он, — я заплатил за это письмо Джеррисону две тысячи долларов.

— И что из этого следует? — спросил я.

— Но я понимал, что письмо стоит дороже, — не глядя мне в глаза, промямлил Фаллон.

— Вы подозревали, что оно… Слово «паленое» в данном случае подходит, мистер Харрис?

— Очень точно сказано, — подмигнул мне Харрис.

— Нет! — замахал руками Фаллон. — Я думал, что Джеррисон ошибается. Если перекупщик ошибается в оценке товара, это его дело, они и так обдирают нас, коллекционеров, как липку. И я подумал, Что на сей раз можно и мне облапошить Джеррисона, ради разнообразия.

— Однако позже вы изменили свою точку зрения.

— Мне думается, мистер Фаллон заглотил подготовленную ему наживку, — сказал Харрис. — Гатт намеренно подсунул ему письмо, чтобы посмотреть, что он станет делать. Холстед не внушал ему особого доверия, ведь он всего лишь молодой и неопытный археолог. Другое дело

— мистер Фаллон. Он авторитет в своей области, поэтому, когда он стал повторять путь, пройденный Холстедом, Гатт сообразил, что напал на верный след.

— Правдоподобно, но маловероятно, — заметил я.

— Вы так считаете? — нахмурился Харрис. — Гатт не дурак, вы недооцениваете его. Он достаточно умен и образован, чтобы распознать скрытую выгоду там, где се и не заметит обычный мошенник. У Гатта особое чутье на деньги, и своего он не упустит.

Я вспомнил о золотых желобах на крышах Уаксуанока и золотой обшивке королевского дворца, о золотой горе, отмеченной пылающим золотым знаком, и подумал, что Харрис, возможно, и прав.

— Я думаю, что за мистером Фаллоном и Холстедом с тех пор начали следить, — сказал Харрис. — И одним из тех, кто висел у них постоянно на хвосте, был Нишеми. Когда выяснилось, что заветный золотой поднос принадлежит вашему брату, Нишеми тотчас же дал знать об этом Гатту, и тот прилетел в Англию с целью завладеть им. Я проверил по своим каналам, чем он там занимался, и все подтвердилось. Гатт, получив отказ

вашего брата, поручил Нишеми похитить вашу семейную реликвию, а сам решил подстраховаться и улетел назад в Штаты. Нишеми провалил дело и был убит при попытке ограбления.

И этот законченный мерзавец Гатт произвел столь благоприятное впечатление на простодушного девонширского фермера Гарри Ганнафорда!

— Но как нам изобличить этого негодяя? — спросил я.

— Законным образом — никак, — сказал Харрис. — Ни один суд не примет эту гипотезу всерьез и не станет рассматривать дело.

— Может быть, все это — плод нашего больного воображения? А вдруг на самом деле ничего такого и не было?

— Гатт держит под наблюдением и этот дом, и дом Холстедов в Мехико, — усмехнулся Харрис. — Хотите, я покажу вам его парней, которые не спускают с нас глаз?

— Люди Харриса следят за этими наблюдателями, — кивнул головой Фаллон.

— Выходит, мы. под колпаком у Гатта?. И повсюду его люди?

— Возможно, что кто-то из боссов местной мафии оказывает ему такую услугу, — уточнил Харрис. — В их «организации» так принято.

— С этим Гаттом нужно что-то срочно делать! — озабоченно заметил Фаллон.

— И что же именно, любопытно узнать? — криво ухмыльнулся Харрис.

— Я ворочаю немалыми суммами, — сказал Фаллон. — Сотнями миллионов долларов. Я прижму его к ногтю.

— Я бы вам не советовал, — встревожился Харрис. — С Джеком Гаттом шутки плохи. Он не терпит, когда на него пытаются^ давить.

— А что он может мне сделать? — презрительно бросил Фаллон.

— Навсегда вывести из дела. Пуля весомее любого состояния, мистер Фаллон.

Фаллон весь съежился и посерел. Впервые он столкнулся с ситуацией, в которой его богатство мало что значило, и он не мог купить все, что хотел. Крохотная доза подобного снадобья, которым я попотчевал его, не шла ни в какое сравнение с шоковой терапией, предложенной Харрисо-м. Фаллон не был избалованным старым упрямцем, но он слишком долго действовал привычными методами: пускал в ход деньги и грубую силу, когда это требовалось для достижения его цели. А теперь он столкнулся с еще более безжалостным типом, которому наплевать на его деньги. Похо-

же, что это сбило с него спесь.

Мне стало жаль Фаллона, и я заговорил с Харрисом, давая профессору возможность прийти в себя.

— Мне думается, что пора раскрыть перед вами карты, — сказал я. — Вам следует знать, из-за чего заварилась вся эта каша. Тогда вам будет легче предугадать следующие шаги Гатта. Но это длинная история.

— Мне кажется, что лучше, если я этого не буду знать, — сухо сказал Харрис и криво усмехнулся. — Раз уж Джек Гатт выбрался ради этого из Детройта, это наверняка просто динамит.

— Как, разве он не в Детройте?

— Он не только не в Детройте, он сейчас в Мехико. — Харрис развел руками: — Утверждает, что прилетел посмотреть Олимпийские игры. А что же еще ему тут делать? — ехидно добавил он.

Глава пятая

1

Одеваясь на другое утро, я размышлял о превратностях человеческой судьбы. Совсем еще недавно я был обыкновенным лондонским бухгалтером уходил на службу в котелке и с зонтиком, а теперь я в экзотической Мексике, готовлюсь совершить опасное путешествие в неизведанные края. Насколько можно было судить по рассказам Фаллона, Кинтана-Роо — настоящая адская дыра. И какой черт дернул меня отправиться туда? Для чего мне этот затерянный в дебрях город? Уж не сошел ли я с ума?

Подтянув узел галстука, я взглянул на свое отражение в зеркале: вот он, новоиспеченный авантюрист Джемми Уил. Не хватает только ружья. Но ружья у меня не было, да и стрелять я не умел. Джеймс Бонд наверняка уже давно распаковал бы свой портативный вертолет и помчался бы за Джеком Гаттом, чтобы овладеть его скальпом, а заодно и парочкой прекрасных .блондинок. Я невольно усмехнулся, и человек в зеркале усмехнулся мне в ответ: на Шона Конне-

ри я был совершенно не похож.

Так что же я мог предпринять против Джека Гатта? Против него, как верно заметил Пэт Харрис, нельзя было выдвинуть никаких обвинений, хотя Нишеми и действовал по его приказу. Сражаться с Гаттом его же оружием было равносильно тому, как если бы Монако вдруг объявило войну России или Америке.

Да и вообще, какого дьявола меня вдруг занесло в Мексику? Несомненно, из душевного равновесия меня вывели колкие слова этой стервы Шейлы. Ну и что из того, что у меня убили брата? Какой нормальный человек бросит все свои дела и пустится колесить по свету, чтобы отомстить убийце? Нет, это не объясняло мое странное поведение, дело заключалось совсем в другом: в моем задетом самолюбии. Я хотел доказать самому себе, что Шейла неправа и я вовсе не серое ничтожество, что свидетельствовало лишь об одном: я незрелая личность и к тому же еще и глуповат.

Однако отступать было поздно. Новые обстоятельства диктовали мне новые условия, и не выполнить их — означало предать самого себя. и потом всю оставшуюся жизнь укорять себя за это. Удивительно, сколько людей совершили опасные шаги исключительно из боязни потерять

уважение к собственной личности!

Какое-то время я держался довольно браво. Мне удалось склонить миллионера на свою сторону, хотя во многом я и был обязан зеркалу Виверо. Но теперь, когда Фаллон узнал его секрет, я лишился своего главного козыря. Оставалось рассчитывать лишь на собственные силы, принудить профессора действовать в моих интересах я уже не мог.

Серенький человечек все еще жил во мне. И хотя он и облачился в нелепый маскарадный наряд и пытался выглядеть героем, в душе он мечтал поскорее вернуться в Лондон, надеть свой старомодный костюмчик и котелок и взять в руки складной зонтик вместо шутовского копья. Я скорчил недовольную гримасу человеку в зеркале: Джемми Уил — ты просто овца в волчьей шкуре.

Раздосадованный и неуверенный в себе, я поспешил выйти из комнаты.

Внизу я застал Пэта Харриса со стетоскопом на шее и с черной коробочкой в руках, из которой торчала блестящая гибкая антенна. Он сделал мне отчаянный знак рукой и приложил палец к губам, показывая всей мимикой, что мне следует молчать. Сам он рыскал по комнате, словно пес в незнакомом месте, расхаживая из угла в угол и

постепенно приближаясь к большому обеденному столу из испанского дуба.

Внезапно он встал на четвереньки и нырнул под стол, совсем по-собачьи, представив моему взору свою обтянутую штанами задницу и подошвы ботинок. Со штанами у него все было в порядке, а ботинки не мешало бы и починить. Наконец он вылез из-под стола, подмигнул мне и снова прижал палец к губам, после чего кивнул головой, приглашая меня вместе с ним вновь заглянуть под стол. Мне ничего не оставалось другого, как встать в ту же глупейшую позу рядом с ним. Он включил карманный фонарик, и узкий луч света высветил в темноте серую металлическую коробочку, едва видную за крестовиной.

Пэт сделал мне знак вылезать, и мы выбрались из-под стола и быстро вышли из комнаты, прошли по коридору и зашли в пустой кабинет Фаллона.

— Нас подслушают, — сказал Харрис.

— Вы хотите сказать, что эта штуковина?.. — прошептал я.

— Радиопередатчик. — Он вынул из ушей стетоскоп с видом доктора, вынужденного сообщить печальное известие. — Это устройство для обнаружения микрофонов. Я прощупываю с его

помощью, все частоты, и если рядом спрятан передатчик или микрофон, в наушниках раздается сигнал. Чтобы найти «жучок», остается лишь следить за стрелкой индикатора.

— Не лучше ли было помолчать об этом? — нервно озираясь по сторонам, заметил я. — Здесь ведь тоже…

— В этой комнате все чисто, — оборвал меня он. — Я проверял…

— Боже праведный! — воскликнул я. — Но как вам пришло в голову, что здесь могут быть такие штуки?

— Недоверчивый склад ума и знание человеческой натуры! — ухмыльнулся он. — Я просто поставил себя на место Джека Гатта. Как еще узнать, что происходит в этом доме? В моем деле такое случается на каждом шагу. — Он потер подбородок. — Вы обсуждали что-либо важное в той комнате?

— А вам известно, что мы пытаемся вообще сделать? — спросил в свою очередь я.

— Да, Фаллон ввел меня в курс дела. Мы еще долго с ним вчера беседовали. — Глаза его загорелись. — Какая необыкновенная история — если только она не выдуманная!

— Мы все стояли вокруг этого стола, когда раз-

говаривали о подносах, — сказал я. — Именно тогда я и сообщил остальным, что это не подносы, а зеркала.

— Это скверно, — озабоченно сказал Харрис.

— Но потом мы прошли в кинозал, — сказал я. — И там я продемонстрировал, что происходит, если направить на эти зеркала луч света и присмотреться к отражению на экране. Обо всем остальном мы говорили уже в том зале.

— Покажите мне это помещение, — сказал Харрис. — Я провел его в лекционный зал, и он тщательнейшим образом обследовал его, однако микрофонов не обнаружил.

— Значит, Гатту известно лишь то, что подносы являются на самом деле зеркалами, и ничего более, — сказал он. — Замечательно.

Мы вернулись в кабинет, где нашли Фаллона и Холстеда. Фаллон распечатывал большой конверт, но замер, едва услышал сообщение Харриса, и словно бы проглотил язык.

— Каков мерзавец! — наконец воскликнул он. — Немедленно выдерните эту штуковину оттуда! Нет, какое коварство! С корнем его!

— Нет, черт подери! — возразил Харрис. — Пусть микрофон остается на месте. Мы воспользуемся им в своих интересах. — Он улыбнулся.

— Кому-либо из вас, джентльмены, доводилось участвовать в радиоспектаклях? Мы подыграем Гатту, главное — не обсуждать в той комнате ничего важного.

— Да вы тоже еще та штучка, Пэт! — расхохотался Фаллон.

— Я профессионал, — непринужденно ответил Харрис. — Пожалуй, рисковать нам не стоит, импровизация вряд ли уместна, возможны ошибки. Так что подготовим для него хорошо отредактированную магнитофонную запись. — Он помолчал и добавил? — Я присмотрю за этой комнатой, кто-то ведь должен поменять батарейки, они не вечны.

— Но где приемное устройство? — спросил Холстед.

— Вероятно, в машине, припаркованной где-то поблизости. Здесь ведь уже два дня крутятся те двое парней, которых я заметил. У них наверняка имеется приемник, подключенный к магнитофону. Я не стану беспокоить их, пока они не заглотят нашу наживку. Нам остается только подготовить подходящую историю для них. И лучше не показывать им, что мы раскусили их фокус. Сделаем вид, что мы простаки ш даже не догадываемся о существовании Джека Гатта.

Фаллон не ошибся в своем выборе: Харрис действительно был самым коварным из всех хитрецов, которых мне доводилось встречать. Бухгалтеры, правда, тоже мастера морочить голову, но Харрис был фанатиком своего дела. Он собирал информацию по крупицам день и ночь, во время работы и после нес. Его изощренный мозг напоминал хорошо отлаженный компьютер, но отличался от него тем, что имел склонность к разнообразным трюкам с полученными данными.

Фаллон наконец распечатал конверт, который вертел все это время в руках.

— Займемся делом, — произнес он. — Вот снимки подносов в натуральную величину в .рентгеновских лучах. — Он дал каждому из нас по два снимка.

Снимки вышли великолепными, на них четко вырисовывались все детали, которые невозможно было разглядеть с помощью проектора.

— Миссис Холстед оказалась права, — заметил я. — По самому краю окружности что-то написано по-испански. Но я испанского не знаю.

Фаллон взял в руку лупу и принялся изучать надпись, что-то бормоча себе под нос

— Насколько я могу разобрать, — сказал он,

— на вашем зеркале написано: «Путь к истинной славе лежит через портреты смерти». А на моем сказано: «Жизнь вечная ждет за могилой».

— Какой-то ужас! — прокомментировал Харрис.

— Не очень-то четкие инструкции, — ехидно заметил Холстед.

— Не исключено, что это что-то означает, — не согласился с коллегой Фаллон. — Но одно не вызывает сомнений: перед нами определенно карта побережья Кинтана-Роо. — Он взглянул еще раз на надпись через лупу и воскликнул: — Боже мой, ведь здесь обозначены города! Видите эти квадратные значки в виде замков?

Я почувствовал, что атмосфера в комнате накаляется.

— Вот эти два значка в верхней части– скорее всего означают города Коба и Тулум, — дрожащим голосом заметил Холстед. — А к западу от них должна быть Чичен-Ица.

— В бухте Четумал обозначен город Ичпатун. А что вот это, к югу от Тулума? Уж не Чуньякече ли? — Фаллон поднял голову и задумался. — Не так давно там обнаружили крупный город. Существует предположение, что он являлся центром морской торговли на всем побережье.

— Здесь обозначен еще один город, — ткнул пальцем в снимок Холстед. — И вот еще один! — хриплым голосом добавил он. — Кажется, нам чертовски повезло с этой картой, нас ждут величайшие открытия!

— Успокойтесь, — сказал Фаллон, откладывая в сторону снимок. — Давайте лучше взглянем на Уаксуанок. Вот Он, на этом снимке. Если эта карта соответствует кружочку на крупномасштабном плане, мы сможем определить местонахождение этого города.

Я посмотрел на свой экземпляр снимка. На нем были обозначены горы, однако, не зная масштаба, нельзя было определить их высоту. По склонам гор там и здесь были рассыпаны контурные изображения строений. Мне вспомнилось, что в своем письме Виверо упоминал о том, что город расположен на горной гряде, вытянувшейся с востока на запад.

— Планировка напоминает в равной степени и Чичен-Ицу, и Кобу. Но этот город значительно крупнее, — сказал Холстед.

— Здесь есть и колодец, — добавил Фаллон. — Следовательно, возле него расположен, если верить Виверо, храм Юм Чака. Интересно, а где королевский дворец? — Он повернулся и достал

из футляра свернутую в рулон карту. — Я отдал этой карте всю свою жизнь, — добавил он.

Профессор развернул карту на столе и прижал края книгами.

— Здесь отмечено все, что построили майя. Вы не заме чаете ничего странного, Уил?

Я посмотрел на карту и сказал:

— Кажется, на юге городов значительно больше, чем в других местах.

— Здесь жило племя петен, еще во времена Старой империи, разрушившейся в одиннадцатом веке. Позже сюда пришли племена ица, они влили в цивилизацию майя свежую кровь, восстановив такие старые города, как Чичен-Ица и Коба, и построив новые, как Майя-Пан. Пока забудьте о юге, обратите внимание на весь полуостров Юкатан. Что в нем примечательного?

— Пустое пространство на западе. Почему там не строили города?.

— А кто вам это сказал? — оживился Фаллон. — Вот Кинтана-Роо. Местные жители настроены крайне враждебно в отношении археологов. — Он ткнул пальцем в карту. — Вот здесь был убит один исследователь, а его скелет замурован в обращенную к морю скалу в качестве своеобразного предупреждения всем любителям раскопок.

У вас не пропало желание отправиться туда? — усмехнулся он.

Серенький человечек — внутри меня издал испуганный вопль, но я вымучил ответную усмешку и твердо сказал:

— Я готов повсюду сопровождать вас.

— Так вот, — одобрительно кивнув мне в ответ, продолжал профессор. — С тех пор многое изменилось, но путешествовать в этих краях по-прежнему небезопасно. Местные жители настроены к пришельцам враждебно, как работающие на плантациях чиклерос, так и индейцы племени чан из Санта-Розы. Но еще хуже сама местность. Вот почему здесь необжитое пространство, а Уаксуанок находится как раз посередине.

Наклонившись над картой, он сверился со снимком.

— Я бы сказал, что город находится приблизительно вот здесь, с разницей не более чем в двадцать миль. Виверо не мог произвести тригонометрические расчеты, делая эту схему, так что полностью положиться на его чертеж мы не можем.

— Работа нам предстоит просто адская, — покачал головой Холстед. Он взглянул на меня, но я лишь улыбнулся в ответ, не понимая, какие

могут быть там особые трудности. Насколько я мог судить по иллюстрациям в книгах из библиотеки Фаллона, в городах майя были пирамиды высотой с вашингтонский Пентагон. Так как же можно было их не заметить?

— Нам придется прочесать местность площадью более трехсот квадратных миль, — холодно заметил Холстед. — А там можно пройти в десяти шагах от строения майя и не заметить его. Мало того, можно пройти по нему, и не обратить на это внимания, — усмехнулся он. — Вы потом сами поймете, почему.

Я только пожал плечами. Все это не казалось мне настолько ужасным.

— Меня беспокоит, почему этим делом так заинтересовался Гатт? — озабоченно сказал Фаллон. — Яне вижу убедительных мотивов его вмешательства.

Я изумленно посмотрел на Фаллона и воскликнул:

— Как, вы так и не поняли до сих пор? Его интересует золото. Гатт охотится за сокровищами!

Холстед расхохотался, а Фаллон взглянул на меня как на ненормального.

— О каком золоте вы говорите? — наморщив лоб, спросил он.

Теперь настало время удивляться мне.

— Но вы же читали письмо Виверо! Разве он не описывает королевский дворец, обшитый золотом? Разве он не говорит постоянно о грудах золота? Он даже упоминает о золотой горе!

— Послушайте, Уил, ну где майя могли взять Столько золота, чтобы изготовить из него панели для дворца? — снисходительно спросил Фаллон. — Нужно же здраво смотреть на вещи.

На мгновение мне показалось, что я и в самом деле спятил. Холстед покатывался со смеху, а Фаллон смотрел на меня с тревогой. Я обернулся к Харрису, но он только пожал плечами, всем своим видом демонстрируя, что все это выше его понимания.

— Не вижу ничего смешного, — с кислой миной заметил я, глядя на умирающего со смеху Холстеда: я впервые наблюдал, как он искренне радуется чему-то.

— В самом деле? — спросил он, вытирая глаза, и снова закудахтал, не в силах остановиться. — Объясните ему, Фаллон. Я не могу, я уже давно не слышал ничего подобного.

— Так вы и в самом деле полагаете, что в Уаксуаноке золото буквально на каждом шагу? — спросил Фаллон. — Или что оно когда-то было

там в несметном количестве? — Он тоже едва сдерживался, чтобы не прыснуть со смеху, заразившись от Холстеда.

— Но ведь именно так сказано в письме Виверо! — разозлился я. — Вы же верите этим снимкам, черт подери! — сунул я фотографии ему под нос. — Чертежи Виверо совпадают с вашими предположениями, так почему вы не верите ему в остальном?

— Потому что Он был самым выдающимся лжецом во всем западном полушарии, — изумленно глядя на меня, сказал Фаллон. — Мне казалось, вам это известно. Ведь вы присутствовали при нашей дискуссии.

Я велел себе расслабиться и тихо сказал:

— Не могли бы вы еще раз объяснить мне все простыми словами? — Я покосился на Харриса: судя по выражению его лица, он тоже был в замешательстве. — Мистеру Харрису тоже будет интересно узнать, в чем соль этой шутки.

— Мне все ясно, — воскликнул Фаллон. — Вы приняли письмо Виверо за чистую монету. — При этих словах Холстед снова покатился со смеху. Меня это уже начинало утомлять.

— Остановимся на одном или двух моментах его письма, — предложил Фаллон. — К примеру,

автор утверждает, что род де Виверо имеет древние аристократические корни и утратил былое величие лишь после нашествия мавров, разграбивших его имущество. Все это ложь. Отец его действительно был ювелиром, но дед — самым обыкновенным крестьянином, как и все остальные предки. Мануэль сам добавил к имени отца приставку «де», причем сделал это, находясь в Мексике, поскольку в Испании такая вольность вряд ли сошла бы ему с рук. Ко времени посещения французом Мурвиллем семьи де Виверо этот миф превратился в реальность, вот почему гость и не поверил тому, что кто-то из аристократов де Виверо мог своими руками изготовить золотой поднос.

— Допустим, что здесь он слукавил. Но ведь многие люди преувеличивают, говоря о своей семье. Из этого, однако, не следует, что он лгал, рассказывая о золоте. К чему нужно было плести такие небылицы?

— Все золото майя было завезено в их страну, — сказал Фаллон. — Его привозили из Мексики, Панамы и с островов Карибского моря. Майя не умели обрабатывать металл, об этом невольно свидетельствует и сам Виверо: вспомните, как описывает он их оружие! Это были деревянные

мечи с каменными лезвиями, вернее, это были лезвия из обсидиана.

— Но ведь у майя было золото! — возразил я. — Я сам читал, что при очистке колодца в Чичен-Ице нашли много золотых украшений.

— Но каких именно? Это все, импортированные в страну украшения и предметы культа, — сказал Фаллон. — Чичен-Ица являлась важным религиозным центром, а этот колодец считался священным. Такие священные колодцы встречаются по всему свету, в них находят жертвоприношения. А в Юкатане все колодцы. священны, потому что лам мало воды. Паломники стекались к Чичен-Ице на протяжении многих столетий.

— Трудно представить себе фонтан в Нью-Йорке, в который публика не швыряла бы монетки, — вставил Харрис.

— Вот именно, — довольным тоном подтвердил Фаллон. — Здесь проявляется какая-то примитивная тяга людей к воде, суеверное отношение к ней. Но собственного золота у майя все равно не было.

— Тогда зачем Виверо все это придумал? — смущенно спросил я.

— Меня это сперва тоже смущало, но мы с Холстедом обсудили этот момент и совместно

разработали одну теорию.

— С удовольствием бы ознакомился с ней, — кисло улыбнулся я.

— Виверо, несомненно, что-то нашел. Но что именно — мы не знаем. Он зашифровал свое послание, желая скрыть свой секрет от посторонних. Одно он выразил совершенно ясно — лавры первооткрывателя должны достаться семье де Виверо. Он не мог прямо рассказать сыновьям о своей тайне, и поэтому вынужден был придумать какой-то другой способ заманить их в эту страну. И он выбрал для этого золото!

Я тяжело плюхнулся в кресло, чувствуя, что силы оставляют меня.

— Но почему испанцы должны были ему поверить, если знали, что золота там нет? — удрученно спросил, я. — Мне кажется, что придется начать все сначала.

— Но ведь это так просто! Испанцы надеялись найти в Мексике богатую добычу, и нашли ее. Напав на ацтеков, они обнаружили много золота в храмовых хранилищах и во дворце Монтесумы. Но они не поняли, что запасы золота не беспредельны. Это были недалекие люди, поэтому им не пришло в голову, что груды золота, которые они обнаружили у ацтеков, скопились за столетия, из

крупинок. Они считали, что где-то должны быть золотые копи. Они даже дали этому месту название — Эльдорадо — и никогда не прекращали его поиски. Но никакого Эльдорадо не существовало. Представьте себе этих испанских солдат. Ограбив ацтеков, Кортес разделил добычу, обманув при дележе своих капитанов. Те, в свою очередь, обделили простых солдат, оставив им жалкие крохи. Кому-то досталась золотая цепь, кому-то кубок для вина. Солдаты не собирались оседать на новых землях, их манила Эльдорадо, и они напали на майя, думая, что именно на их земле найдут золотые залежи. Потом Писарро напал на перуанских инков. Конкистадоры безжалостно разрушали целые цивилизации, потому что не желали в поте лица добывать золото из земли. А оно там было, это точно, но его определенно не было на Юкатане. У майя, как и у ацтеков, имелось золото, но не в таком количестве, чтобы покрывать им здания или делать из него водосточные желоба. Знать носила изделия из этого металла, а жрецы пользовались золотой утварью.

— Значит, Виверо просто хотел заманить своих сыновей в эту страну, соблазнив их сказками о золоте? — спросил Харрис.

— Похоже на то, — сказал Фаллон. — Он действительно удивил майя, расплавив золото и отлив из него чудесную фигурку. Ничего подобного им видеть раньше не приходилось. Я покажу вам образец ювелирных поделок майя, и вы поймете, что я имею в виду. — Он подошел к сейфу и взял из него маленький золотой диск. — Вот тарелка, принадлежавшая, по всей вероятности, знатному человеку. Посмотрите, какая на ней чудесная резьба.

Тарелка была очень тонкой и казалась хрупкой. На ней был изображен воин с копьем и щитом в руках на фоне других фигур, держащих довольно странные предметы.

— Возможно, эта тарелочка изготовлена из самородка, найденного где-то далеко от Юкатана, в горном ручье. Майя расплющили самородок, придав ему круглую форму, и украсили резьбой с помощью каменных инструментов, — пояснил Фаллон.

— А как же золотая гора? — спросил я. — Еще одна выдумка Виверо? Разве там не может быть залежей?

— Это исключено, — уверенно заявил Фаллон. — Данные геологической разведки говорят о том, что полуостров Юкатан представляет собой из-

вестняковый мыс, золотоносных пород там нет. Как, впрочем, нет и других металлов. Поэтому-то майя, при всей их сообразительности, так и не удалось выбраться из каменного века.

— Хорошо, — улыбнулся я, — вы меня убедили: золота там нет.

— И снова встает вопрос о Гатте, — сказал Фаллон. — Какого дьявола ему от нас нужно?

— Золото, — сказал я.

— Но ведь я только что объяснил вам, что его там нет! — вздохнул Фаллон.

— Мне-то вы все объяснили, — сказал я, — и вполне убедительно. Харрис теперь тоже в этом не сомневается, — обернулся я к Харрису. — Вы же ведь были раньше уверены, что на Юкатане есть золото, не так ли?

— Я думал, что из-за него все и затеяно, — сказал Харрис. — Погребенные сокровища в разрушенных городах.

— То-то и оно! — воскликнул я. — Почему же Гатт должен думать иначе? Он, возможно, и образованный человек, но не специалист в археологии. Я тоже кое-что знаю, однако и я верил в сокровища, потому что не обладал специальными знаниями, чтобы определить, лжет ли Виверо. Откуда же это знать Гатту? Да конечно

же, он мечтает о золоте! У него то же мышление, что и у конкистадоров, он такой же разбойник, не желающий добывать деньги трудом.

— Вы, черт подери, правы! — изумленно посмотрел на меня Фаллон. — Нужно раскрыть ему глаза!

— И вы полагаете, что он вам поверит? — криво усмехнулся Харрис. — После того, что он прочитал в письме Виверр? Да у меня до сих пор стоит, словно наяву, перед глазами этот сверкающий на солнце королевский дворец, хотя я теперь и знаю правду. Даже не пытайтесь переубедить Гатта, зря потеряете силы и время.

— В таком случае,. он просто глупец, — рассердился Фаллон.

— Нет, он вовсе не глуп! — возразил ему Харрис. — Он просто уверен, что люди не станут зря тратить столько времени и сил на пустое дело и бродить из чисто научного интереса по джунглям. Он не сомневается, что тут пахнет деньгами. Он подходит к вам со своими мерками, вот и все.

— Проклятье! — воскликнул Фаллон.

— Джек так просто не отступится, — заметил Харрис. — Он еще доставит вам немало хлопот. Скажите, — кивнул он на рентгеновские снимки, — откуда это у вас?

— Из лаборатории одной строительной компании в Тампико, — ответил профессор. — Я ее совладелец, и по моей просьбе они использовали имеющуюся у них специальную установку для просвечивания металла.

— Пожалуй, мне следует заняться этим, — сказал Харрис. — Пока этим не занялся Гатт.

— Но я забрал у них негативы! — возразил профессор.

— А почему вы думаете, что у них больше не осталось негативов? — с жалостью посмотрел на него Харрис. — У них могли остаться неудачные снимки, а вам они наверняка отдали самые лучшие. Нужно выяснить, что они сделали с испорченными снимками, и уничтожить их, пока они не попали в лапы к Гатту. Ведь он может попытаться подкупить бедных лаборантов.

Харрис был профессионалом и не допускал промахов. В изначальную порядочность человека он не верил.

2

Фаллон подходил к организации археологической экспедиции так, словно готовил военную операцию по высадке войск на Кубу. Он не был бедным гением, вынужденным вымаливать суб-

сидии и экономить каждый доллар ради научной работы. Фаллон был мультимиллионером, и ради своей прихоти мог позволить себе потратить любую сумму. На деньги, которые он израсходовал на поиски Уаксуанока, можно было бы заново выстроить этот городишко.

Сперва он хотел отправиться туда морем, но, поразмыслив, решил отказаться от этой затеи, поскольку побережье Кинтана-Роо изобиловало островами и опасными мелями. Он попросту нанял небольшой воздушный флот и перебросил все оборудование и снаряжение по воздуху. Для этого, правда, ему потребовалось послать на берег залива Асенсьон бригаду строителей, чтобы они построили там взлетно-посадочную полосу. В итоге это* место превратилось в его базовый лагерь.

Как только взлетная полоса была готова, Фаллон направил туда специально оборудованный самолет, чтобы тот произвел аэрофотосъемку провинций Кинтана-Роо и Юкатан. Когда я спросил его, к чему такие излишества, он с улыбкой ответил, что заключил договор с правительством Мексики в обмен на некоторые услуги: Министерство картографии остро нуждалось в информации по этим районам, и Фаллон пообе-

щал предоставить подробные фотоматериалы.

— До меня снимки с воздуха делал там только один человек — Линдберг, — сказал профессор. — А это было довольно давно. Так что новые фотографии нам весьма пригодятся.

Из бухты Асенсьон вертолеты перебросили снаряжение в лагерь номер два в глубине полуострова. Холстед и Фаллон долго спорили, где лучше его устроить. Они с точностью до миллиметра измерили рентгеновские снимки, сопоставили свои измерения с большой картой Фаллона и, наконец, пришли к решению. Теоретически, лагерь номер два должен был оказаться точно на крыше храма Юм Чака в Уаксуаноке. Практически такое было невозможно, однако это никого не удивило.

— Экспедиция сродни боевой операции, Уил, — с улыбкой сообщил мне Холстед, но мне почему-то не стало веселее. — Молено пользоваться всей техникой, имеющейся в твоем распоряжении, но решает все пехота. Вы еще пожалеете, что ввязались в эту историю.

У меня было такое чувство, что он с нетерпением ждет, когда я шлепнусь где-нибудь лицом в грязь во время полевых работ. Это был человек, способный рассмеяться при виде несчастья

другого, например, какого-нибудь бедняги, подскользнувшегося на кожуре от банана и сломавшего себе ногу. У него было примитивное чувство юмора, и к тому же он недолюбливал меня.

Все это время мы жили в доме Фаллона в предместье Мехико. Холстеды окончательно перебрались туда, так что мы все время были вместе. Пэт Харрис внезапно исчезал по своим таинственным делам, никого не предупреждая о своем отъезде, и столь же неожиданно возвращался. Он, видимо, отчитывался перед Фаллоном, но ничего не рассказывал остальным, возможно, по той простой причине, что, в– силу занятости, никто его ни о чем и не расспрашивал.

Однажды Фаллон подошел ко мне и сказал:

— Вы как-то говорили мне, что неплохо ныряете с аквалангом. Вы не пошутили?

— Нет, я действительно неплохо плаваю под водой.

— Замечательна, — сказал он. — Когда мы найдем Уаксуанок, нам потребуется обследовать там колодец.

— Мне для этого необходимо дополнительное снаряжение, — сказал я. — То, что имеется у меня, годится для любительского плавания где-нибудь в цивилизованном месте. Для дебрей Кинтана-

Роо этого маловато.

— Какое снаряжение вам потребуется?

— Во-первых, компрессор для перезарядки баллонов. Во-вторых, декомпрессионная камера на случай, если придется погружаться на глубину более 150 футов. Без нее возможны осложнения.

— О'кей, — кивнул Фаллон. — Купите это оборудование.

Он повернулся и направился было куда-то по своим делам, но я негромко окликнул его:.

— Мистер Фаллон, а что вы посоветуете мне использовать для этого вместо денег?

— Ах, да, — остановился он. — Я распоряжусь, чтобы мой секретарь все это устроил. Поговорите с ним завтра.

— А кто будет моим напарником? — спросил я.

— Вам потребуется напарник? — удивился Фаллон.

— Одно из основных правил подводного плавания — никогда не погружаться на глубину в одиночку. Тем более — в неизученный естественный колодец. Под водой всякое может случиться.

— Наймите кого-нибудь, — раздраженно бросил профессор, для которого это была малосущественная часть всех его проблем, и он хотел поскорее с ней покончить.

Я отправился по магазинам и купил прекрасное снаряжение. С декомпрессионной камерой пришлось повозиться, в местных магазинах ее не оказалось, так что я обратился к секретарю Фаллона, и тот заказал ее в Штатах. Доставили камеру самолетом. Можете себе представить, чего все это стоило. Возможно, камера была излишеством, но одно дело — заполучить кессонную болезнь в Англии, где можно надеяться на помощь портовых госпиталей и флота, и совершенно иное, когда кровь начинает пузыриться в ваших жилах, как шампанское, в забытой Богом дикой местности. Я предпочитал не рисковать, тем более, что Фаллону это было по карману.

Короче говоря, я запасся таким количеством снаряжения и оборудования для подводного плавания, которого вполне хватило бы, чтобы организовать небольшой клуб аквалангистов. Мне следовало бы радоваться, но никакой радости я не испытывал. Слишком легко мне все это досталось. Мне не пришлось для этого ни трудиться в поте лица, ни копить по крохам деньги. Я понял, отчего богачей так часто охватывает скука и почему они пускаются в необычные предприятия. Следует отдать Фаллону должное: он не относился к разряду скучающих бездельников, он был

археологом и знатоком своего дела.

Однажды я подвел Катрин Холстед к бассейну и сказал:

— Ладно, показывайте.

— Что показывать? — удивленно взглянула она на меня.

— Покажите, что вы умеете этим пользоваться, — указал я ей на снаряжение для подводного плавания, которое захватил с собой.

Я стал наблюдать, что она будет делать, не произнося при этом ни слова и не пытаясь ей помочь. Она умело выбрала подходящий ремень с грузом и столь же проворно погрузилась с аквалангом в воду. Я надел свой акваланг и последовал за ней. Мы вместе поплавали немного у самого дна бассейна, и я проверил, как она знает условные знаки в воде. Катрин их понимала.

— Считайте, что вас наняли на работу, — сообщил я ей, когда мы вылезли из бассейна.

— В качестве кого? — спросила она.

— В качестве ныряльщика для. экспедиции, разыскивающей Уаксуанок.

— Вы это серьезно? — обрадовалась она.

— Фаллон велел мне нанять ассистента, а пассажиркой вы отправиться туда не можете. Так что пойду «обрадую» его.

Фаллон, конечно, вспылил, но мне удалось убедить его, обосновав свое предложение тем, что Катрин разбирается в археологии, а ныряльщика, сведущего в археологии, ему здесь не найти.

Катрин, видимо, убедила мужа, потому что он не стал возражать, но я все лее поймал на себе его подозрительный взгляд. Мне думается, что именно тогда он и начал ревновать ко мне Катрин. Меня мало волновало, что он думает на мой счет. Мне нужно было обучить его жену, как правильно подзаряжать баллоны и пользоваться декомпрессионной камерой. В процессе работы мы довольно скоро перешли на «ты». До этого я чаще обращался к ней, как к миссис Холстед, но, согласитесь, это не очень-то удобно, когда приходится постоянно нырять вместе в воду. Однако я и пальцем не прикоснулся к ней.

Холстед по-прежнему называл меня Уилом.

3

Пэт Харрис мне нравился. Недоверчивый и хитрый при исполнении служебных обязанностей, он был по натуре человеком добродушным и медлительным. Незадолго до отъезда в Кинтана-Роо он дольше обычного засиживался в доме Фаллона, и мы с ним выпивали бутылочку-другую

пива, болтая о всякой всячине. Как-то я спросил:

— А в чем, собственно, заключается твоя работа, Пэт?

Он побарабанил пальцами по бокалу.

— Я избавляю Фаллона от лишних неприятностей, — наконец ответил он. — Когда у человека столько денег, как у него, появляются охотники лишить его этих денег. Я навожу справки о таких парнях, чтобы выяснить, с кем имею дело.

— И меня ты тоже проверял?

— Конечно! улыбнулся он. — Мне известно о тебе больше, чем твоей родной матери. — Он отхлебнул из бокала. — А если у какой-то из его корпораций случаются неприятности, я выезжаю на место и разбираюсь, в чем дело.

— Нечто вроде промышленного шпионажа? — уточнил я.

— Почти, — согласился он. — Но только с позиции обеспечения безопасности. Ведь Фаллон не занимается темными махинациями, так что я веду исключительно контрразведывательную работу.

— Если ты проверял меня, ты наводил справки и о Холстеде, не так ли? — спросил я. — Мне он не внушает доверия. Странный тип.

— В этом ты прав, — вновь улыбнулся Пэт.

— Этот парень возомнил себя гением, но потом выяснил, что всего лишь талантлив, а это бьет по самолюбию. Беда Холстеда в том, что он никак не может с этим смириться.

— Не можешь ли объяснить мне это поподробнее? — попросил я.

— Дело тут вот в чем, — вздохнул Пэт. — Студентом он проявил незаурядные способности и после окончания учебного заведения надеялся сделать хорошую карьеру. Но он, как и многие ему подобные вундеркинды, заблуждался насчет реального положения вещей в корпорациях. Там полно образованных умников, когда-то претендовавших на ведущие роли, но вынужденных в силу обстоятельств оставаться на второстепенных должностях. А заправляют всем другие ребята, те, что добились своего положения, действуя ногтями и, если нужно, острыми ножами. Я знаю многих президентов корпораций, которые никогда не ходили в колледж:. Встречаются, правда, такие, как Фаллон, но он имел солидную базу, а не начинал с нуля. К тому же у него уже было имя. Фаллон из тех, которые в любом деле добиваются успеха. А Холстеду суждено вечно быть только вторым. Он это понимает, но не хочет в этом признаться даже самому себе и упрямо

лезет наверх, снедаемый амбициями. Вот почему он пытался в одиночку найти Уаксуанок, его манили лавры первооткрывателя потерянного города. Он рассчитывал сделать себе на этом имя и удовлетворить свое самолюбие. А ты вынудил его пойти на сотрудничество с Фаллоном и, следовательно, разделить с ним славу. Ему это не понравилось.

Я подумал над услышанным и осторожно заметил:

— Но ведь Фаллон и Холстед осыпали друг друга взаимными упреками. Холстед обвинил Фаллона в похищении у него письма Виверо. С этим мы, предположим, все выяснили. А как насчет того досье, которое, по словам Фаллона, украл у него Холстед?

— Мне думается, что за Холстедом есть такой грех, — откровенно сказал Пэт. — Сопоставим события. Фаллон собрал материалы, относящиеся к письму Виверо, но не придал им особого значения, так как был занят другой проблемой. Холстед знал о досье от самого Фаллона, поскольку тот не делал из него секрета. Вернувшись с раскопок, Холстед обнаруживает письмо у одного старика в Дуранго и покупает его за двести долларов: хозяин, не знал его подлинной стоимости. Но

Холстед отлично понимал, что в письме может быть ключ к разгадке тайны Виверо. Мало того, в нем была заложена настоящая бомба: город, о котором никто даже и не слышал.

Харрис потянулся еще за одной бутылкой пива и откупорил ее.

— Спустя месяц Холстед ссорится с Фаллоном и исчезает вместе с его досье по Виверо. Фаллон не придает пропаже особого значения, полагая, что коллега случайно прихватил его досье вместе со своими бумагами. И лишь много позже, узнав о том, что именно с этого момента Холстед и развил бурную деятельность, Фаллон изменил свою точку зрения.

— Все это лишь косвенным образом подтверждает вину Холстеда, — заметил я.

— Однако именно косвенные улики и помогают раскрыть большую часть всех преступлений, — возразил мне Пэт. — У Холстеда далеко не безупречная репутация в академических кругах, поговаривают, что некоторые свои открытия он просто фальсифицировал. Уличить его в этом пока не удалось, изгнать с позором из научного общества тоже. Подобное случается довольно часто, например, у вас в Англии тоже была какая-то скандальная история.

— Да, в области антропологии, — подтвердил я. — Феномен так называемого пилтдоуновского человека. Он не вписывался в общепринятую схему развития человека, появились множество теорий на сей счет, но в конце концов радиоуглеродный анализ показал, что это фальсификация.

— Любители подобных проделок еще не перевелись, — кивнул Пэт. — Они готовы пойти на любой подлог, чтобы прославиться. Эти людишки сделаны из того же теста, что и Холстед, — ничтожные посредственности, мечтающие о быстрой славе.

— И все же, — упрямо повторил я, — все это только наши предположения..

Я не мог себе представить, что и в науке встречаются мошенники. А может быть, мне не хотелось верить, что такая женщина, как Катрин Холстед, могла выйти замуж по любви за такого человека.

— Пока его не схватили за руку, — сказал Пэт. — Но мне кажется, что это вопрос времени.

— А как давно они женаты? — спросил я.

— Три года. — Бокал в руке Пэта застыл на полпути ко рту. — Послушай, если ты думаешь о том же, что и я, то мой тебе совет: не делай этого! Держись подальше от его жены, Фаллону это не

понравится.

— Да ты, как я погляжу, читаешь чужие мысли, — язвительно заметил я. — Не волнуйся, миссис Холстед с моей стороны ничего не угрожает. — Сказав это, я поймал себя на мысли, что не совсем в этом уверен. Мне понравилось, что Пэт именно так выразил свою озабоченность: его волновало исключительно мнение его босса, а на реакцию Холстеда ему было наплевать. — Как ты думаешь, — спросил я, — Катрин знает о том, что ты рассказал мне относительно репутации ее мужа?

— Не уверен, — сказал Пэт. — Не могу себе представить, чтобы кто-то решился прямо сказать ей, что у ее мужа паршивая репутация среди ученых. Она узнает об этом в последнюю очередь. — Пэт с интересом взглянул на меня: — А зачем ты втянул ее в эту затею с нырянием? Ты уже дважды вынуждаешь босса идти тебе на уступки. Долго так продолжаться не может.

— Она умеет сдерживать своего муженька, когда это не под силу другим. Ты же знаешь, какой у него вздорный характер. Одному мне не, удастся долго удерживать наших ученых мужей от желания перегрызть друг другу глотки, мне понадобится помощь.

— Ты, скорее всего, прав, — кивнул Пэт. — Со

стороны Фаллона вряд ли можно ожидать неприятностей, однако Холстед на все способен. Он явно психически неуравновешенный человек. Знаешь, что я думаю? Окажись он в трудной ситуации, он либо Лопнет, как тухлое яйцо, либо взорвется, как бомба. И то, и другое не доставит тебе удовольствия. Я– бы на него не положился в серьезном деле, ему нельзя верить ни на йоту.

— Спасибо за добрый совет, — сказал я. — Не хотел бы я, чтобы ты писал на меня характеристику.

— О тебе я лучшего мнения, Джемми, — ухмыльнулся он. — Чтобы добиться успеха, тебе следует лишь перестать скромничать. За вами, англичанами, вообще утвердилась репутация тихонь, но ты слишком перегибаешь палку. Мне можно быть с тобой откровенным?

— А разве я могу этому помешать?

— Скорее всего, нет, — рассмеялся Пэт. — Это моя слабость — говорить правду в глаза, за что я в свое время не раз получал по физиономии.

— Ладно, не темни, я готов выслушать худшее. Обещаю не давать рукам волю.

— О'кей. У тебя твердый характер, иначе вряд ли тебе удалось бы уломать Фаллона, это далеко не каждому под силу. Но чего ты после этого до-

бился? Всем теперь заправляют Фаллон и Холстед, а ты выпал из игры. Мало того, своим нелепым требованием взять в экспедицию миссис Холстед, ты разозлил Фаллона. И вообще, для чего ты влез в эту историю?

— Я решил, что смогу таким образом добраться до организатора убийства моего брата, — признался я.

— Об этом можешь забыть, — отрезал Пэт.

— Я и сам уже это понял, — мрачно сказал я.

— Это уже неплохо, — отметил Пэт. — Гатт раздавит тебя, как букашку, и даже не поморщится. Не лучше ли тебе плюнуть на все это и вернуться домой, Джемми? На свою маленькую ферму. Ты же видишь, что никаких сокровищ нет, а открытие затерянных городов в Латинской Америке тебя мало волнует. Так зачем же терять время?

— Я не теряю надежды отомстить Гатту, — сказал я. — Он может и сам подставиться, а уж я не упущу момента.

— Тогда тебе придется ждать довольно долго, Джемми. Скорее Ад замерзнет, чем это случится. На меня сейчас работают пятнадцать оперативников, но пока я не очень-то продвинулся вперед. Планы и намерения Гатта остаются для меня загадкой. Он опытный малый и не допускает

промахов. Он все время подстраховывается и держится в тени, это его стиль работы.

— Но ведь его заинтересует, чем мы будем заниматься в Кинтана-Роо?

— Безусловно, — согласился Пэт. — Он будет держать экспедицию под своим неусыпным оком.

— Тогда ему придется последовать туда за нами, — сказал я. — Ему ничего не удастся сделать, находясь в Мехико. Если он так сильно заинтересовался сокровищами Уаксуанока, ему придется отправиться туда за добычей. Я прав?

— Вполне возможно, — задумчиво сказал Пэт. — Не могу себе представить, чтобы Джек доверил такое дело кому-то еще.

— Но там он окажется в непривычной обстановке, Пэт! Кинтана-Роо — это не Нью-Йорк, там он может и допустить ошибку.

— Не понимаю, почему ты так уверен, что у тебя там будут перед ним преимущества? — удивленно посмотрел на меня Пэт. — Да, Гатт городской человек, но это не значит, что его можно назвать цивилизованным. Не сравнивай его с собой, Джемми, ты обыкновенный лондонский бухгалтер, а он гангстер. И в Кинтана-Роо тебе вряд ли придется легче, чем ему.

— Во всяком случае, мы там окажемся в равных

условиях, а это уже что-то значит, — сказал я.

Пэт осушил залпом свой бокал и в сердцах стукнул им по столу, едва не разбив его. — Нет, ты все-таки псих! — воскликнул он. — Доля здравого смысла в твоих словах, конечно, есть, но я думаю, что ты псих. Ты такой же ненормальный, как и Холстед. Ты умеешь обращаться с оружием?

— Не пробовал, — признался я. — Поэтому не знаю.

— И что ты намерен делать, доводись тебе столкнуться с Гаттом один на один? Зацеловать его до смерти?

— Не знаю, — уныло сказал я. — Там видно будет. В зависимости от обстоятельств, как говорится.

Он схватился за голову руками и долго молча рассматривал меня, словно сумасшедшего. Наконец он . глубоко вздохнул и сказал:

— Позволь мне нарисовать такую гипотетическую ситуацию. Допустим, тебе удастся отделить Джека от его телохранителей, что само по себе маловероятно. И вот вы остались с ним вдвоем, оба горожане и новички в джунглях. — Он нацелился в меня пальцем. — И первое, и последнее, что ты успеешь сообразить, — это то, что Джек уложит тебя на месте из обреза, и ты уже ничего

не сможешь сделать.

— Разве Гатт сам кого-либо убивает? — спросил я.

— Полагаю, что да.. Он прошел через все ступени «организации», заслуживая доверие и авторитет, так что наверняка совершил в молодые годы несколько убийств.

— Даже если и так, то все равно это было давно, — глубокомысленно заметил я. — Он утратил навыки.

— Ах, с тобой бесполезно разговаривать, — махнул рукой Пэт. — Если у тебя не высохли мозги, отправляйся-ка поскорее туда, откуда приехал. Я вынужден остаться, но знаю хотя бы, за что рискую жизнью: мне за это платят. А о таких, как ты, еще Киплинг писал: «Если вокруг вас все теряют голову, а ваша почему-то на месте, тогда скорее всего вы просто не знаете, что происходит».

— У тебя неистребимое чувство юмора, — рассмеялся я.

— Но до Фаллона мне все равно далеко, — мрачно изрек Пэт. — Он устроил из всей операции настоящий балаган. Это же натуральная пародия на безопасность! Я кормлю Гатта через его микрофон липовой информацией, а что вытво-

ряет Фаллон? Он устраивает какой-то дешевый телеспектакль! Я не удивлюсь, если на взлетно-посадочной полосе, которую он построил, вас будут ждать телеоператоры Си-Би-Эс, готовые начать прямую трансляцию на всю страну, и радиокомментаторы из «Радио-Сити» вдобавок. Каждый крестьянин в Мексике уже в курсе событий. Гатту уже не нужно нас подслушивать, ему достаточно спросить об этом любого прохожего.

— Да, у тебя нелегкая жизнь, — сочувственно сказал я. — А что, Фаллон и в самом деле так себя ведет?

— Не пойму, что с ним творится! — покачал головой Харрис. — Все дела он передал своему брату, сделав его своим доверенным лицом. Брат неплохой малый, но ведь речь идет о сотнях миллионов долларов! Разве можно кому-то доверять такие суммы?! А Фаллон думает только об этом пропавшем городе.

— Мне кажется, его волнует что-то еще, — сказал я. — Порой он вдруг становится задумчивым.

— Я тоже это подметил, — сказал Пэт. — Что-то грызет его, но со мной он об этом не говорил. — Харрису претила сама мысль о том, что от него что-то утаивают. — Пойду спать, — сказал он, вставая и потягиваясь. — Завтра много работы.

4

Итак, я снова схлопотал то же самое!

Сперва от Шейлы, а теперь вот от Харриса. Правда, он был не столь прямолинеен, как она, но все же сказал примерно те же слова. Очевидно, в самом моем облике и манерах было нечто, весьма напоминающее Каспара Милки-тоста — образцового конторского служащего, протирающего с девяти до пяти свои штаны на работе. Но самое страшное Заключалось в том, что я вовсе не был уверен, что моя внешность не соответствует содержанию.

Гатт, если верить Пэтту, был смертельно опасен. Возможно он не стал бы стрелять в человека на спор, пытаясь угадать, куда тот упадет, но ради корысти был способен на это. При мысли о том, что предстоит столкнуться с ним один на один, мне становилось дурно, но обратного пути уже не было.

Любопытной была и оценка, данная Пэтом Холстеду. Интересно, насколько хорошо знала своего мужа Катрин. Видимо, она его любила. Пожалуй, в этом можно не сомневаться. Во всяком случае, ни одна здравомыслящая женщина не потерпела бы такого мужчину, если бы не любила его.

Возможно, я судил несколько предвзято. Тем не менее она всегда была на стороне мужа, когда он спорил с Фаллоном, что свидетельствовало о ее верности. Я отправился спать, думая о ней.

Глава шестая

1

В лагерь номер один мы отправились на личном реактивном самолете Фаллона — его летающей штаб-квартире. Пэт Харрис не полетел с нами, оставшись наблюдать за Гаттом, так что в комфортабельном салоне было всего четверо пассажиров: Фаллон, супруги Холстед и я. Фаллон и Холстед затеяли очередную профессиональную дискуссию, а Катрин листала иллюстрированный журнал, сидя рядом с мужем в максимально возможном отдалении от меня. Разговаривать с ней мне было неудобно, поэтому я созерцал в иллюминатор ландшафт.

С высоты Кинтана-Роо походила на заплесневелый сыр. Плотный зеленый покров лишь изредка сменялся прогалинами грязного серо-белого цвета. Я не заметил ни одного ручья или реки, и предупреждения Холстеда относительно предстоящих в экспедиции трудностей начали казаться мне вполне обоснованными.

Фаллон отдал по внутреннему телефону распоряжение пилоту, и– самолет стал снижаться.

Обернувшись ко мне, Фаллон сказал:

— Сейчас посмотрим на лагерь номер два.

Даже с высоты в тысячу фунтов лес казался настолько частым, что под его зеленым покровом вполне мог бы укрыться, оставаясь невидимым, город размером с Лондон. Я дал самому себе на будущее зарок не судить опрометчиво о вещах, в которых не разбираюсь. Возможно, Холстед в чем-то и обманщик, но в своем деле он дока и был прав, говоря, что нам предстоит нелегкая работа.

Лагерь номер два появился столь внезапно, что я не успел даже толком рассмотреть его целиком. Словно бы угадав мои мысли, пилот развернул самолет, накренив его на одно крыло, и моему взору предстала прогалина с несколькими сборными домиками, между которыми крохотные человечки махали нам руками. Самолет сесть здесь не мог, да это и не планировалось. Встав на прежний курс, он быстро набрал высоту и устремился к побережью, к лагерю номер один.

Спустя двадцать минут, покрыв расстояние еще в восемьдесят миль, мы очутились уже над морем и стали снижаться над блестящим на солнце берегом и белой пеной прибоя к посадочной полосе. Пару раз провалившись в воздушные ямы, наш самолет мягко приземлился и покатился по

бетону. В конце дорожки он замер, развернулся и вырулил на площадку напротив ангара. Выйдя из прохладного салона, я почувствовал себя на солнцепеке так, словно меня оглушили кувалдой.

Фаллон не обратил на жару ни малейшего внимания: видимо, солнце вытопило из него все соки за многие годы, проведенные им в странствиях по этой части света, и он полностью акклиматизировался.. Семенивший за ним следом по дорожке Холстед тоже держался молодцом, в отличие от нас с Катрин, с трудом поспевавших за ними. Когда, наконец, мы добрались до домика, в который вошел Фаллон, то едва дышали.

— Боже мой! — воскликнул я, переведя дух. — Здесь всегда такое пекло?

Обернувшись ко мне, Холстед глумливо ухмыльнулся:

— Мехико вас определенно испортило: здесь, на побережье, климат гораздо мягче, чем, к примеру, там, где находится лагерь номер два. То ли еще будет!

Мне стало жаль себя.

В домике работал кондиционер, поэтому было немного прохладнее. Фаллон представил нас высокому плотному мужчине:

— Знакомьтесь, Джо Рудецки, начальник этого

лагеря.

— Рад с вами познакомиться, мистер Уил, — пробасил Рудецки, протягивая мне свою лапу.

Позже я выяснил, как Фаллону удалось так быстро ор-, ганизовать эту операцию. Он просто-напросто одолжил у одной из своих нефтедобывающих компаний бригаду материально-технического обеспечения. Эти ребята имели опыт работы в трудных условиях тропического климата: в Северной Африке, Саудовской Аравии и Венесуэле. Обследовав лагерь, я с удовольствием отметил, что потрудились они на славу. Но и отдыхать они умели, не, забывали даже о таких мелочах, как холодная кока-кола, не говоря уже о максимальном комфорте.

Мы провели в лагере весь день и остались ночевать. Фаллон и Холстед занимались проверкой нужного им оборудования, а мы с Катрин готовили к работе акваланги. Брать их с собой в лагерь номер два мы посчитали нецелесообразным, поскольку он являлся лишь временной базой. После того, как мы найдем Уаксуанок, предполагалось разбить возле него лагерь номер три.

В полдень мы сделали перерыв на обед. Есть не хотелось, из-за жары у меня пропал аппетит, но я с удовольствием выпил бутылочку холодного

светлого пива, которую мне любезно сунул в руку Рудецки. Готов поклясться, что оно шипело в моей пересохшей глотке.

Акваланги были в полном порядке, и я вызвался помочь Фаллону, однако он покачал головой:

— Вряд ли вы будете нам полезны, — сказал он. — Ведь вы не разбираетесь в этой сложной технике. Кстати, если вы оглянетесь, то увидите представителей майя, — не без удивления добавил он, глядя через мое плечо.

Обернувшись назад, я увидел двух мужчин, стоящих за взлетно-посадочной полосой в нескольких шагах от леса. Одеты они были в мешковатые штаны и белые рубахи. Никаких признаков волнения незнакомцы не выказывали. Лиц их на таком расстоянии я не разглядел.

— Мне кажется, они в полной растерянности, — сказал Фаллон. — Такого нашествия им видеть еще не доводилось. Они не досаждают вам, Джо? — спросил он у Рудецки.

— Туземцы? — переспросил тот. — Нет, мистер Фаллон, ведь они здесь поблизости не живут, они с побережья. А тут у них небольшая кокосовая плантация.

— Эти люди отрезаны от мира, — пояснил мне Фаллон. — С одной стороны — море, с другой —

лес. Их, должно быть, немного, всего одна семья: пальмы не прокормят две. Так что им приходится во всем полагаться на самих себя.

— Так как же они умудряются жить в таких условиях? — удивился я, потрясенный столь мрачной картиной.

— Ловят рыбу, черепах, собирают черепашьи яйца, — пожал плечами Фаллон. — Иногда им удается подстрелить дикую свинью. Два раза в году они продают копру, а на вырученные деньги покупают одежду, иглы и патроны.

— Это те самые потомки воинственных индейцев, о которых вы рассказывали?

— Эти ребята не станут бунтовать, они смирные, — улыбнулся Фаллон. — Гораздо опаснее индейцы, живущие во внутренних районах. Но еще опаснее чиклерос. Вам они здесь еще не встречались, Рудецки?

— Они было сунулись к нам, но мы их прогнали, — мрачно кивнул Джо. — Они нагло обворовывали нас. — Он оглянулся на Катрин, разговаривающую с Холстедом, и понизил голос: — На прошлой неделе они убили туземца, мы нашли на берегу труп.

Фаллона эта новость мало обеспокоила. Он достал свою трубку и сказал:

— Организуйте охрану лагеря и не пропускайте их сюда ни под каким, видом. А рабочим передайте, чтобы не слонялись по окрестностям. Пусть сидят в лагере.

— Да куда еще здесь можно пойти? — усмехнулся Рудецки.

В хорошенькое же местечко мы попали, подумалось мне, если убийство здесь считается обычным делом и никого не волнует.

— А кто такие эти чиклерос? — робко поинтересовался я.

— Это продукт местной нелепой системы уголовных наказаний, — с кислой миной пояснил Фаллон. — Здесь произрастает редкое дерево, запоте, из сока которого делают жевательную резинку. Такое дерево есть еще в Гватемале и в Британском Гондурасе. Ни один нормальный человек не согласится собирать в чаще этот сок. Майя тоже не дураки, чтобы рисковать своей шкурой. Поэтому правительство использует для этой работы заключенных. Сезон сбора сока продолжается шесть месяцев, но многие сборщики остаются на весь год. Они бродяжничают, порой убивают друг друга, но могут пришить и чужака или индейца, — Фаллон пыхнул трубкой. — В Кинтана-Роо человеческая жизнь ценится

дешево.

Я призадумался. Если Фаллон говорил правду, эти леса крайне опасны. Не даром же майя отказываются в них работать.

— Но рочему эти деревья не выращивают на плантациях? — спросил я.

— По той же причине, по которой существовало рабство с тех пор, как один человек надел на другого ярмо. Труд заключенных обходится дешевле, чем выращивание деревьев на плантациях. Если бы любители жевательной резинки знали, как ее делают, их бы стошнило от одного вида пластинки. — Он ткнул в меня мундштуком своей трубки. — Если вам когда-нибудь случайно повстречаются чиклерос, советую быть поосторожнее и не делать резких движений. Если очень повезет, они не обратят на вас внимания.

Я начал сомневаться, что живу в двадцатом веке.

— А как насчет потомков воинственный индейских племен? — спросил на всякий случай я.

— Это длинная история, — хмыкнул Фаллон. — Испанцам потребовалось двести лёт, чтобы покорить майя, но племя лакондон подмять под себя им так и не удалось. В 1847 году майя устроили в Кинтана-Роо восстание, переросшее в Войну

Каст. В ту пору индейцев здесь было больше, чем теперь, и они задали мексиканцам жару. Мексиканцы не смогли вернуть утраченные позиции, ив 1915 году майя объявили о создании своего независимого государства. Они поддерживали тесные отношения с Британским Гондурасом и торговали с английскими компаниями. Главарем майя был тогда генерал Майо, опытный старый вояка, но мексиканцы удачно сыграли на его тщеславии. В 1935 году они заключили с ним договор, сделали его генералом мексиканской армии и заманили в Мехико, где он не устоял перед соблазнами цивилизации. В 1952 году он умер. После 1935 года майя стали терять свой боевой дух, сказывались тяготы войны. Население сокращалось, люди голодали, и, воспользовавшись этим, в Чан Санта-Круз стали проникать мексиканские поселенцы. Так что теперь здесь не более нескольких сотен потомков тех индейских повстанцев, но на своей территории всем заправляют они. Во всяком случае, мексиканских сборщиков налогов они к себе не пускают, — с улыбкой закончил свой рассказ Фаллон.

— И археологов они тоже не жалуют, — добавил Холстед, подошедший к нам вместе с супругой.

— Ну, сейчас уже стало лучше, — возразил Фал-

лон, — времена изменились, нравы смягчились. Это при генерале Майо любой прибывающий в Кинтана-Роо чужестранец автоматически считался мертвецом. Помните, я рассказывал вам о скелете археолога, замурованном в скалу над морем? Теперь индейцы уже не те, и если их не трогать, ведут себя миролюбиво. Они лучше, чем чиклерос.

— Ну как, Уил, вы все еще в восторге от этой экспедиции? — спросил меня Холстед, улыбаясь уголками губ.

— Но почему это не известно общественности? — спросил я у Фаллона, не обращая на Холстеда внимания. — Правительство использует рабский труд, истребляет целый народ, и до этого никому нет дела?

Фаллон постучал трубкой о ножку стола, вытряхивая пепел.

— Африку называют иногда Черным континентом, — сказал он. — Однако в дебрях Центральной и Южной Америки есть такие черные дыры, что они не идут с Африкой ни в какое сравнение. А журналисты не очень-то любят выбираться из своих лондонских и нью-йоркских кабинетов. Так откуда им знать, что здесь творится?

Он спрятал трубку в карман.

— Послушайте, что я вам скажу. Основная трудность для нас в Кинтана-Роо вовсе не индейцы и чиклерос. Они люди, а с людьми всегда можно поладить. Вот где нас подстерегают главные опасности, — указал он на лес. — Вы еще не поняли? Скажите, Рудецки, вам легко удалось построить взлетно-посадочную полосу? — обернулся он к начальнику лагеря.

— Труднее работы мне не приходилось делать за всю свою жизнь, — ответил Джо. — Мне и раньше доводилось работать в подобных лесах, во время войны я служил в инженерных войсках, но здесь, скажу я вам, настоящий ад.

— Вот именно, — подтвердил Фаллон. — Знаете, как здесь различают по плотности лес? Туземцы говорят так: это двадцатифутовый лес, это — десятифутовый лес, а это — четырехфутовый. Так вот, в четырехфутовом лесу чувствуешь себя весьма паршиво: на расстоянии четырех футов в любом направлении ровным счетом уже ничего не видно. Но попадаются места и похуже. Прибавьте к этому болезни, змей и недостаток воды, и вы поймете, отчего чиклерос такие суровые люди: их вынуждают к этому местные условия. В Кинтана-Роо наш главный враг это лес, и нам придется сражаться с ним, чтобы найти Уаксуанок.

2

На другой день мы на вертолете отправились в лагерь номер два. Машина летела сравнительно медленно и на небольшой высоте. Я взглянул на плотный зеленый покров внизу и мысленно вернулся к состоявшемуся перед отлетом в Кинтана-Роо разговору с Пэтом Харрисом. Встреча в таком густом лесу с Джеком Гаттом не сулила мне ничего хорошего, и я к ней явно не был готов.

Фаллон довольно просто объяснил мне особенности местного леса:

— Я уже говорил, почему на Юкатане нет золота, — сказал он. — Из-за толстого слоя известняка, покрывающего полуостров. Этим же объясняется и густота здешних лесов.

— Может быть, я не отличаюсь догадливостью, — сказал я, — но мне это ни о чем не говорит.

— Вам не хватает специальных знаний, — успокоил меня Фаллон. — Несмотря на обильные дожди, здесь мало питьевой воды и отсутствуют реки. Почему это происходит? Дело в том, что вода просачивается в землю и на относительно небольшой глубине сталкивается с водонепроницаемым слоем. На Юкатане образовались огромные подземные резервуары пресной воды,

но лишь в отдельных местах — там, где разрушена кровля известнякового пласта, имеются естественные бассейны й колодцы — здесь их называют синотами. Другое дело — на побережье: там достаточно вырыть в песке яму в трех шагах от моря, чтобы получить пресную воду. В глубинных же районах полуострова она доступна лишь корням деревьев, и они в полной мере пользуются этим преимуществом.

Я посмотрел вниз, пытаясь угадать, какой густоты под нами лес. Земли я не разглядел, хотя мы летели на высоте менее пятисот фунтов. Будь у Джека Гатта хоть капля здравого смысла, он и близко не подошел бы к Кинтана-Роо.

Лагерь номер два был обустроен гораздо скромнее, чем основная база. Здесь имелся грубо сколоченный ангар для вертолета, вернее — обычный навес, напоминающий голландский амбар, общая столовая, склад для оборудования и четыре жилых домика, тоже сборных и доставленных сюда в разобранном виде по воздуху. Тем не менее в каждом домике работал кондиционер и стоял холодильник, набитый пивом.

Помимо нас четверых, здесь жили повар со своим помощником и пилот вертолета. Для меня оставалось загадкой, чем он тут собирался за-

ниматься, кроме как перевозить нас из лагеря в лагерь. Для поисков Уаксуанока вертолет, по-моему, совершенно не требовался.

Лагерь был окружен лесом, вечнозеленым и непроходимым, как мне показалось. Я вышел на край вырубки и попытался определить по методу Фаллона его густоту. По местным стандартам, лес вокруг нас оказался не слишком густым — всего лишь пятнадцатифутовым. Высокие деревья, стволы которых были опутаны множеством растительных паразитов, словно бы расталкивали друг друга, ведя отчаянную борьбу за свет. Кругом царила мертвая тишина, если не считать чисто человеческих звуков, доносящихся из домиков.

Обернувшись, я едва не столкнулся с Катрин.

— Изучаю врага, — сказал я. — Вам уже доводилось бывать в Кинтана-Роо?

— Нет, — сказала она. — Я была с Полом на раскопках в Кампече и в Гватемале. Ничего подобного раньше я не видела.

— И, я тоже, — сказал я. — Я жил спокойной жизнью. Потрудись Фаллон объяснить, что нас тут ожидает, когда мы были еще в Англии, навряд ли я отважился бы на эту авантюру. Еще неизвестно, чем она завершится.

— Вы, по-моему, недооцениваете Фаллона и

Пола, — возразила она. — Вы, вообще-то, верите в то, что мы найдем Уаксуанок?

— Где? — указал я пальцем на стену деревьев. — Здесь? Сомневаюсь, что я разыскал бы здесь даже Эйфелеву башню, если бы ее вдруг спрятали в этой чащобе.

— Просто вы не знаете, как и где следует искать, — улыбнулась Катрин.– Но Пол и Фаллон профессионалы в своем деле, у них большой опыт.

— Да, в любом деле есть свои тонкости, — согласился я. — Бухгалтеру, однако, здесь явно нечего делать. Посмотрим, что получится у наших знатоков.

Вскоре многое прояснилось: Фаллон созвал в самом большом доме совещание. К пробковой доске на стене он прикрепил фотографии местности, а на столе разложил карты. Затем достал для всех из холодильника пиво и сказал:

— Ключ к решению стоящей перед нами задачи — это колодцы. Из письма Виверо нам известно, что Уаксуанок был построен вокруг синота, и у нас нет оснований сомневаться в этом. Город не может существовать без воды, а вода здесь только в колодцах.

Он взял указку и подошел к доске с фотографиями.

— Сейчас мы находимся вот здесь, рядом с маленьким синотом, который имеется на краю этой прогалины, — он ткнул указкой в один из снимков. — Кстати, мистер Уил, там же вы можете полюбоваться на образчик строения майя, если желаете.

— А разве вы не собираетесь его изучать? — удивился я.

— Он этого не стоит: вряд ли мне удастся обнаружить там что-то новое для себя. — Он описал в воздухе указкой большой круг. — В радиусе десяти миль от нас находятся пятнадцать синотов, больших бассейнов и маленьких колодцев, и один из них является центром города Уаксуанок.

О масштабах работ судите сами.

Все это плохо укладывалось у меня в голове.

— И каковы же, по-вашему, размеры этого города? — спросил я.

— Если верить тому, что написал Виверо, — сказал Холстед, — Уаксуанок больше Чичен-Ицы.

— Это мне мало о чем говорит, — вздохнул я.

— Центр Копана занимает более 75 акров, — сказал Фаллон. — Но город майя — это нечто особенное. Центр города — каменные сооружения, которые мы ищем, — являлся одновременно и городским рынком, и культовым, и админи-

стративным центром. Окружающие его жилые кварталы могли раскинуться на площади в несколько квадратных миль, поскольку майя жили не в маленьких домишках, образующих ровные улицы, а в больших усадьбах, максимально приспособленных для этого климата.

— И какова же была численность населения городов?

— Согласно Морли, в Чичен-Ице жило более двухсот тысяч человек, — сказал Холстед. — А в Уаксуаноке, может статься, и того больше, около четверти миллиона.

— Это даже трудно себе представить! — воскликнул я.

— Им требовалось много рабочих рук, чтобы возводить большие здания, — сказал Фаллон. — И работали эти люди исключительно каменными орудиями. Если один лишь центр Уаксуанока занимает сто акров земли, то можно предположить, что население города было весьма многочисленным. К сожалению, деревянные жилища вокруг центра города не могли сохраниться до наших дней в таких климатических условиях. Но давайте вернемся к нашей главной задаче — исследованию синотов, — постучал он указкой по доске. — Итак, нам предстоит изучить пят-

надцать колодцев, и если эти наши изыскания не увенчаются успехом, мы расширим район поиска. Это значительно осложнит нашу задачу, поскольку в радиусе двадцати миль отсюда находятся еще сорок девять синотов, на осмотр которых потребуется значительное время.

Фаллон махнул указкой в сторону пилота вертолета:

— К счастью, с нами Гарри Райдер и его вертолет, так что определенный комфорт нам обеспечен. Я слишком стар, чтобы блуждать по лесу.

— Я осмотрел некоторые из этих колодцев, — сказал Райдер. — Посадить рядом с ними вертолет совершенно невозможно: лес там слишком густой для этого.

— Мне это известно, — кивнул Фаллон, — я бывал в этих краях. Мы произведем аэрофотосъемку, и по интенсивности цвета растительного покрова сможем определить местонахождение скрывающихся под ним сооружений. Еще большего эффекта можно достигнуть с помощью инфракрасной съемки. Полезно будет также совершить несколько вылетов рано утром или перед самым заходом солнца: может быть, нам удастся что-то рассмотреть в игре теней.

Он обернулся к стенду с фотографиями.

— Как видите, я пронумеровал все синоты, которые могут представлять для нас интерес в первую очередь. Виверо говорит в своем письме, что город разделяет гряда холмов, на вершине самого высокого из которых находится храм, а у его подножья — синот. Похоже, что все колодцы в этом районе расположены рядом с холмами, что затрудняет поиски, но зато сокращает количество возможных вариантов до одиннадцати. Мне кажется, можно исключить номера четыре, семь, восемь и тринадцать. Когда можно будет начать? — обернулся он к Райдеру.

— В любое удобное для вас время, — сказал пилот. — Машина заправлена.

Фаллон взглянул на часы.

— Что ж, проверим фотоаппараты, перекусим и приступим к работе.

Мы стали грузить аппаратуру в вертолет. Должен отметить, что это были исключительно профессиональные камеры для аэрофотосъемки, а на вертолете имелись специальные кронштейны для крепления. Я все больше уважал организаторский талант Фаллона. Он знал, как следует распорядиться деньгами, в отличие от плейбоев из высшего света, сорящих деньгами в казино,

После ленча Фаллон и Холстед направились к вертолету.

— А что делать мне? — спросил я.

— Похоже, сегодня вам лучше всего отдохнуть, — потерев подбородок, сказал Фаллон, и через его плечо я увидел, что Холстед расплылся в улыбке. — Поосторожней с солнцем, пока вы еще не привыкли к жаре. Через пару часов мы вернемся.

Провожая взглядом исчезающий за деревьями вертолет, я чувствовал себя немного глупо, словно, никому не нужная запасная деталь. Катрин нигде не было видно, она, видимо, разбирала в своем домике багаж. От нечего делать, я побрел к дальнему концу прогалины, чтобы взглянуть на упомянутое Фаллоном строение майя.

Бассейн был довольно большим, около тридцати футов в диаметре, но до воды нужно было спускаться по ступенькам, вырубленным в отвесной стене, на глубину почти в пятнадцать футов. Внезапно рядом со мной взревел мотор, и я вздрогнул и оглянулся: это заработал автоматический насос, подающий воду из синота в лагерь, — еще один пример предусмотрительности Фаллона.

Как я ни старался, отыскать какое-либо строение мне не удавалось, и я решил прекратить безрезультатные поиски. Я уже было собрался

возвращаться в лагерь, когда увидел на другой стороне бассейна двух наблюдавших за мной мужчин. Вся их одежда состояла из поношенных белых штанов. Незнакомцы молча смотрели на меня, застыв, словно каменные идолы: низкорослые, мускулистые и смуглые, с отливающей на солнце медью кожей, они еще с полминуты невозмутимо созерцали меня, после чего, повернулись и скрылись в лесу.

3

Наконец вертолет вернулся в лагерь, и Фаллон вывалил на стол в большом Доме груду катушек с пленкой.

— Вы умеете проявлять пленку? — спросил у меня он.

— Как всякий любитель, — уклончиво ответил я.

— Этого, возможно, будет недостаточно, — сказал Фаллон. — Но мы все равно попытаемся. Пойдемте за мной! — Он провел меня в другой домик и показал свою фотолабораторию. — Мне кажется, вы справитесь. Ничего сложного в этом нет.

Ни о каких ванночках с гипосульфитом речь, конечно же, не шла: лаборатория была прекрасно

оборудована новейшей аппаратурой. Собственно говоря, ему и не нужна была фотолаборатория. Ее заменял большой ящик со скользящей светонепроницаемой дверцей с одной стороны и щелью с другой. Фаллон открыл дверцу, положил в приемник катушку с пленкой и вставил ее кончик в зубчатый барабан. Затем он задвинул дверцу и нажал на кнопку. Спустя пятнадцать минут проявленная цветная пленка, сухая и готовая к просмотру, вылезла из щели с другой стороны ящика.

Фаллон снял с ящика крышку и показал мне его содержимое: медленно вращающиеся валики, ванночки с химикатами и инфракрасную сушилку. После этого он объяснил, какие используются препараты.

— Надеюсь, вы во всем разобрались, — ободрил меня он. — Нам потребуется расторопный лаборант.

— Считайте, что он у вас уже есть, — сказал я.

— Вот и прекрасно! Приступайте сейчас же. А я пойду поговорю с Полом. — Он улыбнулся. — В этом вертолете такой шум, что разговаривать практически невозможно. В этой катушке стереопары. Когда проявите, я объясню, как ее лучше разрезать и вставить кадры в рамочки.

Я занялся проявлением пленок, радуясь, что и мне нашлось дело. Работа была чрезвычайно простой, с ней справился бы и ребенок, требовалось лишь время. Проявив последнюю пленку, я отнес ее к Фаллону, и он показал мне, как вставлять кадры в двойные рамки для стереоэффекта. Эта работа тоже оказалась легкой, хотя и кропотливой.

Вечером в большом доме состоялся просмотр картинок с помощью «волшебного фонаря». Фаллон вставил катушку в проектор и включил его.. На экране возникло зеленое пятно.

— Похоже, я неправильно сфокусировал этот кадр, — смущенно пробормотал Фаллон.

Следующий кадр вышел лучше: на экране можно было разглядеть часть леса и голубое небо, отражающееся в колодце. Я не нашел в этом снимке ничего необычного, но Фаллон и Холстед обсуждали его довольно долго, прежде чем перейти к следующему кадру. На просмотр всех снимков ушло не менее двух часов, но интерес к нему у меня пропал задолго до конца, тем более, что очень скоро стало ясно, что возле этого синота города нет.

— У нас еще есть стереоснимки, — с надеждой в голосе сказал Фаллон. — Давайте взглянем на

них.

Он сменил линзы и дал мне поляроидные очки. Стереокартинки сперва испугали меня своей объемностью: меня так и подмывало протянуть руку и сорвать с верхушки дерева листик. С непривычки к аэрофотоснимкам у меня даже закружилась голова. Однако и они не вызвали у Фаллона никакого интереса.

— Я думаю, этот номер тоже можно вычеркнуть, — разочарованно произнес наконец он. — Пожалуй, пора спать: завтра нам предстоит трудный день.

Я зевнул и потянулся, и тут мне вспомнились те двое незнакомцев, которых я видел днем у синота.

— Сегодня я видел у синота двоих мужчин, — сообщил Фаллону я.

— Чиклерос? — резко спросил он.

— Они были невысокого роста и темнокожие, с большими носами.

— Это майя, — сказал Фаллон. — Им просто любопытно, что мы здесь делаем.

— А почему бы вам не расспросить их об Уаксуаноке? В конце концов, это ведь их предки воздвигали этот город.

— Они наверняка ничего о нем не знают. А если

даже и знают, то ничего нам не Скажут. Майя не интересуются историей своего народа и держатся подальше от развалин, будучи уверены, в том, что это творение рук злых великанов или гномов и людям не следует приближаться к заколдованным местам. Что вы думаете о руинах возле бассейна?

— Я не нашел никаких руин, — сказал я.

Холстед издал сдавленный смешок, а Фаллон расхохотался.

— Но их не так уж и трудно обнаружить, — сказал он. — Я, например, разглядел их с первого же взгляда. Завтра сходим туда вместе, и я все вам покажу и объясню, — это поможет вам понять, что мы здесь ищем.

4

Ежедневно Фаллон и Холстед совершали три-четыре облета местности, вручая мне после каждого пленки для проявления, а по вечерам мы просматривали их. С каждым днем круг поиска сужался, но результатов пока не было.

Мы с Фаллоном сходили к синоту, и он показал мне остатки строения майя. Оказалось, что я расхаживал совсем рядом, не замечая их, поскольку мне мешали густые заросли.

— Подойдите сюда, — с улыбкой позвал меня Фаллон, когда я начал растерянно озираться по сторонам, по-прежнему не видя ничего, кроме буйной растительности кругом. — Просуньте сквозь листву руку!

Я последовал его совету и ушиб о скалу свой кулак.

— А теперь отступите на несколько шагов и взгляните еще разок.

Я отошел назад, потирая костяшки пальцев, и прищурился: среди листвы я разглядел очертания строения.

— Здание, похоже, начинается вот здесь и кончается вон там, — неуверенно произнес я.

— Совершенно верно, вы его обнаружили.

Я уставился на свою находку, боясь, что она вновь исчезнет. Искусству маскировки я бы настойчиво посоветовал учиться именно в Кинтана-Роо: этот естественный камуфляж был просто великолепен! Любая армия могла бы позавидовать ему.

— Что это, как вы думаете? — спросил я у Фаллона.

— Возможно, гробницы Чака, бога дождя. Их часто строят рядом с синотами. Если желаете, можете очистить его от растительности, может

быть, обнаружите что-нибудь интересное. Но только берегитесь змей!

— Может быть, я и займусь этим, если мне удастся снова найти это место, — сказал я.

— Чтобы добиться каких-то результатов, проводя в этих краях археологические изыскания, нужно иметь наметанный глаз, — не без самодовольства заметил Фаллон. — Иначе можно пройти через город и не заметить его.

Я мог легко себе это представить.

— Пол, наверное, уже заждался меня, — озабоченно посмотрел на часы Фаллон. — Мы вернемся с новыми снимками через пару часов.

Отношения между участниками экспедиции складывались довольно странные. Я чувствовал себя как бы лишним, поскольку толком не понимал, что происходит. Детали исследований мне были недоступны, а из профессиональных разговоров Фаллона и Холстеда, при которых мне иногда доводилось присутствовать, я понимал едва ли десятую долю. На другие темы они вообще не разговаривали друг с другом.

Фаллон обсуждал с Холстедом исключительно насущные проблемы, из чего я сделал вывод, что он не только недолюбливает коллегу, но и не доверяет ему. Впрочем, после разговора с

Пэтом Харрисом, я тоже перестал ему верить. Я понимал чувства Фаллона, поскольку ему Харрис наверняка предоставил более подробный отчет о проверке Холстеда, чем мне. –

Однако со мной Фаллон вел себя иначе. Незлобно посмеиваясь над моим невежеством в области археологии и полевых работ, он не пытался подавить меня своими познаниями и опытом, а терпеливо отвечал на мои детские вопросы, казавшиеся ему порой нелепыми. Мы частенько беседовали с ним перед тем, как отправиться спать. Фаллон оказался не только знатоком своего любимого дела, но и весьма начитанным и эрудированным человеком. Однако и мне удалось заинтересовать его своими опытами в области применения компьютеров в сельском хозяйстве, в частности на своей ферме Хейтри. Он тотчас же понял, Какие здесь открываются заманчивые возможности.

— Впрочем, пусть теперь всем занимается мой брат, — встряхнул головой он с некоторой досадой. — Как все-таки мало дано человеку времени на то, чем ему действительно хотелось бы заняться! — Он с тоской уставился в угол комнаты, погрузился в раздумья, помрачнел, и я извинился и пошел спать.

Холстед держался особняком, постоянно был угрюм и задумчив, меня демонстративно игнорировал и разговаривал со мной лишь в крайних случаях. Если же он снисходил до каких-то реплик, то в них непременно слышалась плохо скрытая насмешка, и я с трудом подавлял в себе желание двинуть по его ухмыляющейся физиономии. После просмотра и обсуждения пленок Холстеды сразу же уходили в свой домик.

Загадочная Катрин Холстед не выходила у меня из головы. Она выполняла Свое обещание и держала мужа в узде: достаточно было одного ее взгляда или слова, чтобы тот опомнился и пошел на компромисс в споре с Фаллоном, хотя за секунду до этого готов был сорваться. Я, кажется, догадывался о причине его ярости, но понять Катрин по-прежнему не мог.

Мужчина нередко усматривает тайну там, где на самом деле нет ничего, кроме банальной глупости. За женским притворством, принимаемым порой мужчинами за некую загадочность ее натуры, чаще всего скрывается никчемность и пустота. Но Катрин была совершенно другой, приятной, умной и одаренной во многих отношениях женщиной. Она недурно рисовала, хорошо готовила, внося разнообразие в наше скудное

меню, и неплохо разбиралась в археологии, хотя и любила повторять, что она всего лишь недоучка и любительница. И ни разу она не позволила себе заговорить о муже, чего я никогда раньше не встречал, общаясь с замужними женщинами.

У тех, которых я знал — а таких было немало, — всегда находилось хотя бы несколько слов в адрес своих мужей, упреков или восхвалений. Катрин Холстед предпочитала не говорить о своем супруге вообще, и это мне казалось неестественным.

Поскольку большую часть дня Фаллон и Холстед отсутствовали, мы много времени проводили с ней вместе. Повар и его помощник были заняты своими делами: стряпали еду, мыли посуду, чинили генератор, когда тот ломался, а в свободное время пьянствовали и резались в карты. Я довольно быстро управлялся с пленкой, после чего был совершенно свободен. Как-то раз мне пришла в голову мысль расчистить постройку майя возле синота, и я поделился этой идеей с Катрин.

— А вдруг мы совершим эпохальное открытие! — в шутку воскликнул я. — Почему бы нам и не попробовать? Фаллон наверняка одобрил бы такую затею.

Катрин скептически улыбнулась, давая понять, что вряд ли мы обнаружим что-либо выдающее-

ся, но согласилась с тем, что это не худший способ убить время. Вооружившись мачете, мы отправились вырубать заросли возле бассейна.

К моему удивлению, строение довольно хорошо сохранилось под защитным покровом. Оно было сложено из умело отесанных известняковых блоков. В стене, расположенной ближе к синоту, мы обнаружили дверной проход в какую-то нишу, я заглянул в нее, но в темноте ничего, кроме рассерженного жужжания потревоженных ос, не разобрал.

— Мне кажется, нам туда пока лучше не соваться, — сказал я. — Это может не понравиться его нынешним обитателям.

Мы вышли наружу, и я осмотрел себя: после тяжелой работы я изрядно вспотел и перепачкался в земле. Нужно было срочно освежиться.

— Пожалуй, я искупаюсь в синоте, — сказал я. — Мне это просто необходимо.

— Прекрасная идея! — воскликнула Катрин. — Пойду переоденусь в — купальный костюм.

— — Мне он не понадобится, — улыбнулся я, — вполне сгодятся и эти шорты.

Она пошла в лагерь, а я спустился к бассейну и взглянул на его темную воду. Дна не было видно, но это еще ни о чем не говорило, так что нырять

я не стал/ а просто не спеша окунулся. Вода оказалась приятно холодной. Немного поплавав, я не нащупал ногами дна и решил все-таки нырнуть. Опустившись на глубину футов в тридцать, я так и не достал до дна. Внизу было очень темно, и я принял это во внимание на будущее. Выпуская изо рта воздух, я медленно всплыл на поверхность и снова оказался на солнце.

— Так вот вы где! — обрадованно воскликнула Катрин, глядя на меня из-под ладони сверху, с высоты пятнадцати футов. — Там глубоко? Можно нырять?

— Даже слишком глубоко, — ответил я. — Дна я так и не нашел.

— Прекрасно! — сказала она и прыгнула вниз. Она долго не всплывала, и я уже начал было волноваться, когда почувствовал, что меня тянут под воду, ухватив за щиколотку.

Мы вместе Нырнули, и Катрин, в шутку брызнув ладошкой мне в лицо, рассмеялась:

— Это вам за то, что вы пытались утопить меня тогда, у Фаллона! — Мы принялись плескаться водой, словно расшалившиеся дети, но вскоре выбились из сил и прекратили эту игру. Потом неторопливо плавали в бассейне, чувствуя разницу между прохладой воды и жарой полуденного

солнца.

— Что там вы видели внизу? — лениво поинтересовалась она.

— Там чертовски холодно и ровным счетом ничего не видно, — сказал я. — А дна я так и не нащупал.

— А Чак вам там не встретился?

— Нет. А что, он там живет?

— У него дворец на дне каждого колодца. Туда кидали девушек, чтобы ублажить Чака. Некоторые возвращались и рассказывали чудесные истории.

— А что случалось с теми, которые не возвращались?

— Тех Чак оставлял у себя. Если ни одна из девушек не возвращалась, люди пугались и наказывали колодец. Они швыряли в него камни и заваливали бревнами. Но это все равно не помогало девушкам вернуться.

— Вам следует быть осторожней, — сказал я.

— Но ведь я уже не совсем девушка, — плеснула она в меня водой.

— Сейчас должен вернуться вертолет, — сказал я и поплыл к ступенькам. Выкарабкавшись из бассейна, я протянул Катрин руку. Мы поднялись наверх, и она предложила мне воспользоваться

ее полотенцем, но я потряс головой:

— Высохну скоро и так на солнышке.

— Дело ваше, — сказала она, — но это вредно для волос. Расстелив на земле полотенце, она села и стала вытирать волосы другим полотенцем.

Я присел рядом с ней и начал кидать в воду камешки.

— Послушайте, Джемми, что вы здесь делаете? — спросила она.

— Сам не знаю, — сказал я. — Мне просто тогда показалось, что это неплохая идея.

— А не хочется бросить все и вернуться на свою ферму в Девон?

— Как вы думаете, это не раздражает Чака? — спросил в свою очередь я, пропустив ее вопрос мимо ушей.

— Вполне возможно, так что не советую увлекаться этим, особенно если намереваетесь нырять. Проклятье! Я не взяла сигареты.

Я /гостил ее своими, и мы оба закурили.

— Я давно уже так не резвилась в воде, — сказала Катрин. — Пожалуй, с тех пор, как отдыхала на Багамах.

— Это там вы познакомились с Полом? — спросил я.

— Нет, — помолчав, ответила она. — Мы с ним

познакомились в Нью-Йорке. Такие, как он, не ездят на Багамы.

Я молча согласился с ней: облик Холстеда никак не вязался с улыбающимися загорелыми людьми с рекламных плакатов.

— А чем вы занимались до того, как встретили его? — осторожно продолжал выпытывать я.

— Ничем особенным, — выпустила она струйку дыма. — Работала секретаршей в одному колледже в Вирджинии. Мой отец преподавал там историю. А вы решили, что я не вылезала с Багамов? На зарплату секретарши не очень-то разгуляешься. Я копила на ту поездку деньги несколько лет.

— А когда вы с Полом познакомились, он уже занимался письмом Виверо? — спросил я.

— Да, я познакомилась с ним уже позже, когда он нашел его. Даже в наш медовый месяц он не прекращал свои исследования, — усмехнулась она.

— Он многому вас научил в археологии?

— Из него плохой учитель, — пожала плечами она, — но я помогала ему в работе и постепенно кое-чему научилась сама. Мне кажется, жена должна помогать своему мужу. –

— А что вы вообще думаете об этой истории с

завещанием Виверо? — спросил я.

Она подумала и откровенно призналась:

— Мне вся эта затея не по душе, Джемми. Люди начинают терять из-за нее головы. Посмотри на Пола, на Фаллона — они похожи на маньяков! Боже мой, да взгляни хотя бы на самого себя! — Она неожиданно перешла на «ты».

— А что такого со мной?

Она отбросила сигарету, не докурив и до половины.

— Разве самому не ясно, что из-за какого-то дурацкого письма, написанного неизвестным испанцем четыреста лет тому назад, просто нелепо бросить спокойную жизнь в Англии и мчаться в эту дикую глушь? Этот Виверо искалечил слишком много жизней!

— Я бы не сказал, что потерял голову из-за его письма. Мне наплевать и на этого Виверо, и на Уаксуанок! — осторожно заметил я. — У меня иные мотивы. Однако мне любопытно, как эта навязчивая идея овладела Полом. Ведь ты же сказала, что он ведет себя как одержимый.

— Ты и сам это видишь, — нервно теребя полотенце у себя на коленях, ответила Катрин. — Он ни о чем больше не думает и не говорит. Он сильно изменился, это не тот человек, за которого я

выходила замуж. Он сражается не только с дебрями Кинтана-Роо. Он сражается и с Фаллоном.

— Если бы не Фаллон, его бы сейчас здесь не было, — возразил я.

— Это его тоже бесит, — в сердцах воскликнула Катрин. — Как он может состязаться с репутацией Фаллона, с его деньгами и с его возможностями? Это сводит его с ума!

— Я не знал, что это своего рода состязание, — задумчиво произнес я. — Ты полагаешь, что Фаллон присвоит всю славу себе?

— Такое уже случалось раньше, Джемми! Ведь Фаллон сильно подвёл Пола, он виновник всех его неудач!

Я тяжело вздохнул: выходит, Пэт Харрис был прав, Катрин ничего не известно о дурной славе, закрепившейся за Холстедом среди его коллег. Никто не сказал ей об этом, и я тоже не решился на подобный шаг, рассудив, что сообщить женщине о том, что ее муж лжец и мошенник, — не самый лучший способ заводить друзей и влиять на людей. Она может рассердиться и даже сказать об этом Холстеду, а что может выкинуть Холстед при нынешнем состоянии его рассудка, предвидеть невозможно.

— Послушай, Катрин, — сказал я, — Фаллон не

имеет никакого отношения к одержимости Пола. Мне кажется, что Фаллон по натуре порядочный человек, и он воздаст Полу должное. Но это мое личное мнение.

— Ты просто не знаешь, что этот человек уже сделал Полу, — нахмурилась Катрин.

— А может быть, Пол сам в этом виноват, — резко сказал он. — С ним ведь нелегко иметь дело. Я тоже не в восторге от его отношения ко мне, и если он и дальше будет так себя вести, то скоро получит в ухо.

— Это несправедливо! Он этого не заслуживает! — вспыхнула Катрин.

— Что несправедливо? — возразил я. — Ты обещала контролировать его поведение, когда уговаривала меня взять тебя в экспедицию, вот и выполняй свое обещание! — вспылил я. — Иначе я сам поставлю его на место.

Катрин вскочила на ноги.

— Ты тоже против него! Ты заодно с Фаллоном!

— Я сам по себе, — устало заметил я. — Мне просто надоело до чертиков смотреть, как из научной экспедиции устраивают спортивное соревнование или того хуже — войну. И должен тебе сказать, что затеял всю эту некрасивую возню совсем не Фаллон!

— Конечно, к чему бы ему затевать состязание? — озлобленно воскликнула Катрин, — У него и так все есть!

— Да о чем ты говоришь, Катрин?. Они оба здесь работают в одинаковых условиях, и мне непонятно, почему Пол не желает спокойно подождать результатов.

— Да потому что Фаллоц… — Она запнулась. — Впрочем, какой смысл говорить об этом? Ты все равно ведь не поймешь!

— Конечно! — саркастически воскликнул я. — Я настолько глуп и туп, что не знаю, сколько будет дважды два. Не много ли ты на себя берешь?

Говорят, что в минуту гнева женщина становится еще красивее. Но, по-моему, этот миф специально придумали злобные от рождения представительницы прекрасного пола. Катрин в ярости была просто ужасна. Она размахнулась и влепила мне пощечину, так что я едва не упал: видимо, в свое время она серьезно занималась теннисом.

— Что ж, это многое расставляет по своим местам, — спокойно сказал я. — Должен сказать, Катрин, что я ценю преданность в женах, но ты не просто предана своему мужу, ты слепо верна ему. Тебе основательно промыли мозги.

Внезапно воздух задрожал, и из-за леса с ревом появился вертолет. Я взглянул вверх и увидел, как Пол Холстед вертит по сторонам головой, высматривая нас.

Глава седьмая

1

Раз в три дня грузовой вертолет доставлял в наш лагерь бочки с горючим для дизельного генератора и баллоны с газом для кухни. Он также доставлял и почту, которую пересылали нам из Мехико на реактивном самолете Фаллона, так что я имел возможность поддерживать связь с Англией. Маунт писал, что никаких затруднений с официальным утверждением завещания не возникает и что Джек Эджкомб наконец-то решился взяться за осуществление нового плана ведения хозяйства на ферме. Он с воодушевлением принялся за дело, не обращая внимания на колкие шутки соседей в свой адрес и не сомневаясь, что мы на верном пути.

Письма из Девона вновь пошатнули мою уверенность в целесообразности моего дальнейшего пребывания в этом адском пекле посреди дебрей Кинтана-Роо, и меня потянуло, домой. Охлаждение отношений с Катрин усиливало ощущение одиночества и вообще ненужности всей этой дурацкой затеи.

Вечером того же дня, когда между мной и. Катрин произошла размолвка, из домика Холстедов доносились громкие голоса, а на другое утро Катрин появилась в рубашке со стоячим воротничком. Однако из-под воротничка все же виднелся синяк на шее возле горла, и у меня засосало под ложечкой. Однако я промолчал, рассудив, что не должен вмешиваться в чужую семейную жизнь, тем более, что Катрин демонстративно игнорировала меня, а Холстед по-прежнему вел себя как последняя скотина: он и не думал меняться.

Чаша моего терпения почти переполнилась, но тут Фаллон показал мне письмо от Пэта Харриса: в нем были новые сведения о Гатте. Пэт сообщал: «Джек кружит вокруг Юкатана. Он побывал в Мериде, Валладолиде и в Вихия-Чико, а теперь находится в Фелипе-Каррильо-Пуэрто. Похоже, он что-то или, скорее, кого-то разыскивает, судя по тому, что он встречается с весьма неприятными личностями. Насколько мне известно, Джек обычно отдыхает в, Майами и Лас-Вегасе, так что эта поездка наверняка чисто деловая, но дело он задумал явно нечистое. Джек не из тех, кто станет напрягаться без надобости, намерения у него, видимо, самые серьезные».

— Раньше Фелипе-Каррильо-Пуэрто назывался

Чан-Санта-Крус, — сказал Фаллон. — Именно там майя подняли мятеж, этот город стал столицей индейских повстанцев. Когда в 1935 году мятеж был подавлен, город переименовали. Кстати, до него, отсюда не более пятидесяти миль.

— Несомненно, Гатт что-то замышляет, — сказал я.

— Да, — согласился со мной Фаллон. — Но почему?

Я так и не могу понять, чего он добивается.

— А я могу, — сказал я. — Ему нужно золото, золото и еще раз золото. Если он считает, что оно здесь есть, остальное уже не имеет для него никакого значения. Вы как-то показывали мне тарелку, сделанную из золотого слитка. Сколько она может стоить?

— Само золото — не очень много, пятьдесят — шестьдесят долларов. Но это музейная вещь, и на аукционе она стоила бы много-больше, если бы правительство Мексики разрешило бы вывоз, из страны предметов старины.

— Сколько вы заплатили за свою тарелку?

— Ничего, я ее нашел.

— И за сколько бы вы ее продали?

— Такие вещи бесценны! Я не стал бы продавать ее ни за какие деньги, — раздраженно взглянул

на меня Фаллон.

— Ради Бога! — начал терять терпение я. — Меня интересует веего лишь приблизительная цена. Допустим, у вас не было такой тарелки, но вам захотелось бы ее купить. Сколько бы вы готовы были заплатить за нее? Как богатый коллекционер.

— Пожалуй, я не пожалел бы и двадцати тысяч долларов, — пожал он плечами. — Мог бы заплатить и больше.

— Это вполне устроит Гат/а, — с облегчением вздохнул я. — Даже если он и заблуждается относительно золотых залежей, в чем я сомневаюсь. Вы надеетесь найти подобные предметы на Юкатане?

— Безусловно, — сказал Фаллон и нахмурился. — Пожалуй, следует предупредить Джо Рудецки.

— Как продвигаются поиски? — спросил я.

— Облеты местности себя исчерпали, — сказал Фаллон. — Придется нам спуститься с небес на землю. Осталось обследовать четыре синота. — Он указал на фотографии на доске. — А вот и Пол! — подняв голову, воскликнул он.

Холстед вошел в дом, сердито покосился на меня и бросил на стол два поясных ремня с мачете в ножнах.

— Вот что нам теперь потребуется в первую очередь, — угрюмо сказал он.

— Мы как раз и говорили об этом, — сказал Фаллон. — Пригласите сюда, пожалуйста, Райдера.

— Я вам что — мальчик на побегушках? — с вызовом спросил Холстед.

Глаза Фаллона сузились, и я поспешно сказал:

— Я сбегаю за ним. — Мне не хотелось доводить дело до скандала, что же до «мальчика на побегушках», то мне это было безразлично, бывают и еще менее престижные профессии.

Райдера я застал за чисткой своего любимого вертолета.

— Фаллон собирает всех на совещание, — сообщил ему я. — Вас тоже приглашают.

— Сейчас иду, — сказал он, откладывая в сторону тряпку. — Послушайте, Уил, что происходит с этим парнем, Холстедом? — спросил он меня, пока мы шли к столовой. — Он попытался мною командовать, и я напомнил ему, что работаю на мистера Фаллона. Так он даже позеленел от злости.

— Он всегда такой, не обращайте на это внимания, — сказал я.

— Да мне на него наплевать, — сказал Райдер. — Еще раз позволит себе нечто подобное, я сверну

ему челюсть.

— Не торопись, приятель, — похлопал я. его по плечу. — Сперва это сделаю я.

— Ах, вот оно что! — осклабился Райдер. — О'кей, мистер Уил, я буду за вами. Но не откладывайте это надолго.

Войдя в столовую, мы тотчас же почувствовали, что между Фаллоном и Холстедом произошла ссора. У Холстеда был взбешенный вид: видимо, Фаллон сделал ему выговор за его недружественное поведение.

— Итак, начнем, — коротко сказал Фаллон. — Нам осталось обследовать четыре синота. Но лишь возле одного из них можно посадить вертолет. Его-то мы и обследуем в первую очередь.

— А как же мы доберемся до других? — спросил я.

— Мы спустим человека на верёвочной лестнице, или же на канате, с помощью лебедки. Я такое уже проделывал раньше, — сказал Фаллон.

— Я готов попробовать спуститься, — сказал я.

— И что же вы станете делать, оказавшись на земле? — ехидно поинтересовался Холстед. — Для такого дела требуется человек с глазами.

Несмотря на насмешливый тон, которым это было сказано, Холстед был прав: как показал

мой печальный опыт, я вполне мог и пропустить что-то чрезвычайно важное.

— Спустится кто-то из нас двоих, — махнул рукой Фаллон, — я или Пол. А может быть, мы оба.

— А как насчет синота номер два? — неуверенно спросил Райдер. — Здесь потребуется большая сноровка.

Мы над этим подумаем, если потребуется, — сказал Фаллон. — Оставим этот колодец напоследок. Когда можно будет вылетать?

— Хоть сейчас, мистер Фаллон.

— В таком случае отправляемся немедленно. Пошли, Пол.

Фаллон с Холстедом первыми вышли из домика, я по-, следовал было за ними, но тут Холстед остановил меня:

— Минуточку, Уил, — сказал он. — Мне нужно с вами поговорить.

Что-то в его голосе заставило меня насторожиться. Холстед застегивал на животе пояс с мачете, вид его не обещал ничего хорошего.

— В чем дело? — спросил я.

— А вот в чем, — с вызовом взглянул он на меня. — Держитесь подальше от моей жены.

— Как прикажете понимать ваши слова?

— Именно так, как я и сказал. Довольно вер-

теться возле нее, словно кобель вокруг сучки. Не думайте, что я слепец. — В его запавших глазах светилось безумие, руки тряслись.

— Хочу отметить, что вы сами назвали свою жену сучкой, а не я, — спокойно заметил я.

Он судорожно схватился за рукоятку мачете, и я резко воскликнул:

— А теперь послушай, что я тебе скажу. Я й пальцем не тронул Катрин, да и не собирался этого делать. Она бы и не допустила ничего подобного, даже если бы я того пожелал. Мы с ней просто беседовали, как нормальные разумные люди. Но должен отметить, что друзьями мы с ней так и не стали.

— Не надо пытаться навешать мне на уши лапшу, — закричал Холстед. — Что вы делали возле бассейна три дня назад?

— Там между нами произошел довольно жаркий спор, — усмехнулся я. — Почему бы тебе не спросить об этом у Катрин? Или ты уже попытался это сделать? Избрав для этого язык кулаков. Не хочешь ли выяснить таким же образом отношения со мной, Холстед? Можно и на ножах, если это тебе угодно. Но берегись, как бы потом тебе не пришлось пожалеть об этом.

На мгновенье мне показалось, что он готов

броситься на меня с мачете и разрубить мне череп. Я схватился за камень, которым Фаллон придавливал карту на столе. Холстед со свистом выдохнул воздух и загнал обратно в ножны мачете, который обнажил было на дюйм.

— Держись от нее подальше! — прохрипел он. — Вот и все.

Оттолкнув меня плечом, он выскочил вон из дома. Вскоре раздался ритмичный рокот вертолета, и машина взлетела в воздух, быстро набирая высоту и беря курс на очередной синот. Когда звук мотора стих, я прислонился к столу и обтер рукой вспотевший лоб. Руки мои тоже были мокры от пота и дрожали. Какого черта я ввязался в эту историю? Зачем мне сдался этот Холстед? У него явно было не все в порядке с головой, так что он запросто мог зарубить меня мачете. У меня возникло ощущение, что эта экспедиция скоро и меня сведет с ума.

Я оторвался от стола и вышел из дома. Вокруг никого не было видно. Я подошел к домику Холстедов и постучал в дверь.

— Кто там? — спросила Катрин.

— А кого ты ждала? Это я, Джемми, черт подери!

— Я не желаю с тобой разговаривать.

— А тебе и не нужно этого делать, — сказал я. — Тебе нужно лишь выслушать меня. Открой же мне дверь!

Катрин помедлила, затем раздался щелчок, и дверь распахнулась. Вид у нее был неважный, а под глазами чернели круги. Я скрестил на груди руки и сказал:

— Ты говорила, что можешь управлять своим мужем. Советую натянуть вожжи, потому что он, похоже, думает, что у нас е тобой бурный роман.

— Мне это известно, — бесстрастно сказала она.

— Это и так понятно, — кивнул я. — Мне интересно, с чего это он вдруг так подумал. Ведь не ты же навела его на эту мысль, надеюсь. Некоторым женщинам нравится проделывать с мужьями подобные фокусы.

— Это низко — говорить мне подобные вещи!

— Вполне возможно. Но мне сейчас не до церемоний. Твой ненормальный муженек едва не сцепился со мной пять минут назад.

— Где он? — встревоженно спросила она.

— А где, по-твоему, он может быть? Улетел с Фаллоном на вертолете. Послушай, Катрин, мне кажется, Полу нечего делать в этой экспедиции.

— Нет! — воскликнула она. — Только не это! Ты

не посмеешь!

— Еще как посмею! Я вышвырну его отсюда, если он не будет вести себя прилично, черт бы его побрал! Он вывел из себя даже Райдера. Если бы я не настоял тогда на его участии, Фаллон бы не взял его с собой, тебе это известно. Одно мое слово, и Фаллон с радостью избавится от него.

— Умоляю, Джемми! — сжала мою руку Катрин. — Не делай этого!

— Не надо так унижаться из-за него! — вскричал я. — Почему ты должнапросить за него? Разве я не говорил тебе еще в Англии, что не следует извиняться ни за кого, кроме как за самого себя? Даже если это твой муж. — Катрин выглядела очень расстроенной, и я сменил тон. — Ладно, так и быть, не стану выгонять его. Но пусть и он прекратит угрожать мне! Договорились?

— Я постараюсь, — сказала она. — Спасибо, Джемми.

Окрыленный успехом, я заважничал и сказал:

— Уж если меня в чем-то обвиняют и даже втягивают в драку, не закрутить ли нам на самом деле страстный роман? Тогда я хотя бы буду знать, за что рискую жизнью!

— Это, по-моему, совершенно не смешно, — окаменела она.

— Я тоже так считаю, — погрустнел и я. — Не похоже, чтобы ты пылала ко мне любовью. Ладно, забудем. Будем считать это неудачной шуткой с моей стороны. Но объясни мне, Катрин, как ты можешь сносить его характер?

— Возможно, тебе просто не дано это понять.

— Ты хочешь сказать, что это любовь? — пожал я плечами. — Или же ложно понимаемая преданность супругу? Будь я женщиной, не приведи Господи, я бы не позволил мужчине себя избивать.

На щеках Катрин выступили красные пятна.

— Не понимаю, что ты этим хочешь сказать.

— А этот синяк откуда взялся? — тронул я пальцем ее воротничок. — Случайно стукнулась об косяк?

— Не твое собачье дело, откуда у меня синяки! — выкрикнула она, отпихнула меня и захлопнула перед моим носом дверь.

Я постоял перед ней немного, тяжело вздохнул и побрел назад в столовую. Там я Открыл холодильник, взглянул на заиндевелые банки пива, захлопнул его и пошел в х домик Фаллона, где конфисковал бутылку лучшего старого виски.

Спустя час я услышал звук возвращающегося вертолета. Он приземлился и заехал в ангар. С

того места, где я сидел, было видно, как Райдер заправляет машину горючим при помощи ручного насоса. После выпитого виски мне не хотелось выходить на солнце и помогать ему. Вскоре Райдер и сам вошел в дом.

— Ну и жара! — воскликнул он.

— Где наши умники? — поинтересовался я.

— Они остались работать. Я заберу их через четыре часа.

Он сел, и я пододвинул к нему бутылку.

— Нет, — покачал он головой. — Только не в такую жару. Лучше я выпью холодного пива.

Он встал, сходил за пивом и вновь сел за стол.

— А где миссис Холстед?

— Отсиживается в своем домике. Она не в духе сегодня.

Райдер помрачнел, но, выпив пива, вновь повеселел,

— Ах, как хорошо! — крякнул от удовольствия он. — Послушай, что у вас произошло с этим Холстедом? Когда он залезал в вертолет, у него был такой вид, словно ему в задницу засунули ананас.

— Мы немного повздорили с ним, — сказал я.

— Ясно. — Он достал из нагрудного кармана своей рубашки колоду и принялся тасовать карты.

— Может, сыграем для времяпрепровождения?

Я имел неосторожность согласиться, и он оставил меня без штанов.

2

На это раз поиски снова не принесли результата. У Фаллона был крайне усталый и измученный вид: видимо, возраст брал свое. Лес в Кинтана-Роо не самое подходящее место для прогулок, если вам уже за шестьдесят. Да и тридцатилетним там нелегко, как я успел убедиться на собственном опыте, поработав минут десять в зарослях мачете. Я совершенно выбился из сил и к тому же еще и заблудился, так что если бы не компас, который я догадался прихватить с собой, и отметины на деревьях, вряд ли бы я нашел обратную дорогу из чащи.

Я угостил Фаллона его же виски, которое было с благодарностью принято, и сказал, глядя на его грязную и порванную одежду:

— Тяжелую работу за вас вполне мог бы выполнить и Холстед.

— Он и так сделал сегодня больше, чем я, — тяжело отдуваясь, сказал Фаллон.

— А где он сейчас? — спросил я.

— Пошел приводить себя в порядок. Катрин,

наверное, уже перебинтовывает его исцарапанные руки. Моя жена, помнится, тоже не раз это делала для меня, — тяжело вздохнул он. — Мы с ней были счастливы. Но это было так давно. Кстати, что случилось сегодня утром между вами и Холстедом?

— Не сошлись во мнениях.

— С этим молодым человеком подобное случается до– . вольно часто, но обычно он лезет в бутылку по чисто профессиональным вопросам. В данном случае, как я понял, спор носил личный характер. Не так ли?

— Именно так, чисто личный, — кивнул я.

Фаллон понял мой намек, но предпочел проигнорировать его.

— Вмешательство в отношения между мужем и женой — очень серьезное дело, — строго посмотрел он на меня.

— Я не вмешиваюсь в их дела, — сказал я, смазывая антисептиком его ладони. — Холстеду это только кажется.

— Я могу на вас положиться?

— Вполне, хотя это и не ваше дело. — Я тотчас же пожалел о сказанном. — Конечно, это и вас касается, вы же не хотите, чтобы распалась экспедиция.

— Вы не совсем верно меня поняли, — поморщился Фаллон. — Мне просто все сложнее работать вместе с Полом. И я подумал, что было бы лучше, если бы вы освободили меня от выполнения данного вам обещания. Как вы решите, так и будет.

Я принялся усердно затыкать пробкой флакон с лекарством.

— Нет, — наконец произнес я. — Дело в том, что я тоже дал обещание.

— Понимаю, — сказал Фаллон. — Во всяком случае, мне так кажется. Только постарайтесь не делать глупостей, Джемми.

С этим мудрым советом он слегка опоздал.

— Все нормально, — вяло улыбнулся я, ставя на стол флакон. — Не в моих правилах разрушать семейный очаг. Но Холстеду лучше держать себя в руках, иначе не миновать ему неприятностей.

— Плесните-ка мне еще виски, — сказал Фаллон.. Он взял со стола флакончик с антисептиком и заметил: — Едва ли удастся без труда снова откупорить его.

Этой ночью Холстеды снова поссорились. Никто из них не появился на ужине, а когда уже стемнело, из их домика доносились повышенные голоса, разобрать которые, впрочем, мне не

удалось. Ясно было лишь, что страсти там накалились до предела и перешли в ярость.

Я подумал, что Холстед прибежит ко мне и вызовет меня на Дуэль, но этого не произошло, и тогда я решил, что Катрин отговорила его от этого безумного шага. Но скорее всего он боялся вылететь из экспедиции на завершающем этапе. Укладываясь спать, я пришел к заключению, что следует рассказать Катрин о нашем разговоре с Фаллоном, чтобы Холстед наконец понял, от кого зависит его судьба. И еще мне пришло в голову, что когда мы найдем наконец Уаксуанок, мне следует почаще оглядываться назад.

3

Спустя еще четыре дня нам осталось обследовать только окрестности одного синота. В четырнадцати предыдущих случаях мы потерпели неудачу, и если и на этот раз оказалось бы, что города возле колодца нет, нам пришлось бы расширять зону поиска и обследовать еще сорок семь участков. Сил на это ни у кого уже не оставалось.

Утром перед вылетом мы провели совещание. Настроение у всех было подавленное. Синот находился в распадке, густо заросшем лесом, и Райдер

опасался, что зависнуть над ним достаточно низко будет довольно трудно. Мало того, деревья там росли настолько плотно, что и человеку спуститься туда с помощью каната и лебедки было далеко не просто.

— Похоже, что с воздуха нам туда не проникнуть, — задумчиво сказал Фаллон, глядя на снимок участка. — Как вы думаете, Райдер?

— Высадить человека я, конечно, могу, — сказал Райдер. — Но слишком велик риск свернуть себе шею. Деревья там достигают 140 футов в высоту и стоят очень близко одно от другого. Там сам черт переломает себе ноги. Так что вряд ли человеку удастся целым и невредимым достигнуть земли.

— Первобытный лес, — развел руками я.

— Нет, — возразил Фаллон, — если бы это было так, нам легче бы работалось. Но штука именно в том, что вся почва в Кинтана-Роо однажды была обработана. Из-за этого мы и имеем теперь такую густую растительность. — Он выключил проектор и подошел к стенду с фотографиями. — С археологической точки зрения, подобная густая растительность весьма многообещающа, но это не облегчает нашу задачу. Вы могли бы высадить нас вот здесь? — спросил он у Райдера, указывая место на снимке.

Райдер изучил фотографию сперва невооруженным глазом, а затем и при помощи лупы, и сказал:

— Пожалуй, смогу. — Особой уверенности в его голосе я, однако, не услышал.

— Оттуда до синота три– мили, так что нам потребуется целый день, чтобы пробраться к нему: в такой чаще едва ли удастся продвигаться быстрее, чем со скоростью полумили в час. Так или иначе, иного выбора у нас нет, — подытожил Фаллон без всякого энтузиазма.

— Мы могли бы взять с собой Уила, — предложил Холстед. — Вы умеете работать мачете в зарослях, Уил? — Он просто не мог не подколоть меня.

— Вообще-то, я предпочитаю работать не ножом, а мозгами, — ответил я. — Позвольте мне еще разок взглянуть на снимок.

Фаллон включил проектор, и на экране возникло увеличенное изображение колодца посреди густого леса.

— А над водой вы сможете опуститься? — спросил я у Райдера.

— Полагаю, что смогу, — ответил пилот. — Но ненадолго. Слишком близко находится склон холма.

— Как вы расчищали площадку для этого лагеря, — спросил я у Фаллона.

— Мы высадили бригаду с бензопилами и огнеметами, — ответил он. — Они выжгли растительный покров и спилили деревья, после чего с помощью пластиковой взрывчатки подорвали пни.

Я вгляделся в фотографию, пытаясь определить расстояние от уровня воды до верхней кромки синота: оно равнялось приблизительно тридцати футам.

— Пусть Райдер просто сбросит меня в воду, а я уж сам выберусь из колодца, — предложил наконец я.

— И что дальше! — спросил Холстед. — Какой из этого толк?

— Дальше Райдер спустит мне цепную пилу и огнемет на тросе.

— Мне вряд ли это удастся, — затряс головой Райдер. — Будут мешать деревья. Если трос, не дай Бог, запутается, вертолет разобьется. Это я точно говорю.

— А что если мне прихватить с собой катушку нейлонового шнура, один конец которого мы свяжем с тросом на лебедке? — сказал я. — Тогда я смог бы сперва стравить его, выбравшись из воды,

чтобы вертолет поднялся на безопасную высоту, а потом с его помощью подтянуть спускаемый на тросе груз к себе. И все будет в полном порядке!

— Но вертолет может накрениться и утратить равновесие в воздухе, — озабоченно произнес Райдер. — Но попытаться можно, — почесав подбородок, добавил он.

— Как вы себе представляете свои дальнейшие действия? — спросил Фаллон.

— Я намерен расчистить посадочную площадку. Пни, я полагаю, не станут помехой, поскольку посадка будет вертикальной. Мне думается, что я вполне справлюсь с этой задачей. Есть желающие мне в этом помочь? Может быть, вы хотите присоединиться ко мне, доктор Холстед?

— Я не могу, — быстро воскликнул он, смущенно потупив глаза. — Я не умею плавать.

— В таком случае миссия поручается мне, — бодро подытожил я, хотя трудно сказать, чему я радовался. Пожалуй, просто самой возможности внести хоть какую-то лепту в общую работу экспедиции. Мне надоело сидеть на скамейке запасных игроков.

Я проверил бензопилу и огнемет в работе и убедился, что они заправлены. Пламя из огнемета довольно чисто слизывало всю растительность

с земли.

— Надеюсь, я не устрою лесной пожар? — поинтересовался я на всякий случай у Фаллона.

— Не беспокойтесь, — ответил он. — Это так называемый дождевой лес, и хвойные деревья в нем не растут.

Вместе со мной летел Холстед: из-за большого груза вертолет мог взять только двоих пассажиров, и более сильному Холстеду было отдано предпочтение перед Фаллоном, поскольку предстояло прикреплять инструменты к тросу лебедки и потом еще опускать их вниз, а для этого требовались крепкие руки.

Меня это не очень радовало, и я сказал Райдеру, чтобы он, по возможности, приглядывал за Холстедом, когда они зависнут у меня над головой.

— Не волнуйся, — ответил он. — Все будет о'кей.

Мы поднялись в воздух и спустя несколько минут уже были над нужным участком. Я сделал Райдеру рукой знак облететь место высадки и стал изучать обстановку. Одно дело — рассматривать фотографии на земле, и совершенно другое — смотреть на то же место сверху, зная, что спустя пять минут тебе предстоит зависнуть над ним на канате.

Я приглядел местечко, подходящее для того, чтобы выбраться из воды, проверил еще раз нейлоновый шнур, от которого зависел успех всей операции, и, надев на себя холщовые ремни, шагнул за борт и завис на тросе.

Райдер потянул на себя рычаг, и я стал стремительно падать вниз, вертясь при этом как волчок. Перед глазами у меня мелькал зеленый склон холма за синотом, который по мере снижения вертолета надвигался все ближе и ближе, пока мне не стало казаться, что лопасти несущего винта вот-вот заденут ветви деревьев.

Я уже опустился на всю длину троса лебедки и поэтому вертелся медленнее. Райдер аккуратно снизился над водой, я нажал на кнопку быстрого сброса, ремни расстегнулись, и я обнаружил, что уже плыву. Нащупав на поясе катушку, я поплыл к краю колодца, стравливая шнур, пока не ухватился за корни деревьев у кромки воды.

Стенки колодца оказались довольно скользкими, чего я не предусмотрел, и покрытыми водорослями, так что мне показалось, что прошла целая вечность, пока я вскарабкался наверх. Райдер проявил незаурядное мастерство, удерживая все это время машину на нужной высоте над синотом.

Исцарапав до крови грудь и руки, я наконец вылез из колодца, помахал Райдеру рукой, и вертолет стал медленно подниматься вверх, пока не достиг безопасной высоты. Трос намотался на барабан лебедки, и от вертолета ко мне теперь тянулся по дуге один лишь нейлоновый шнур длиной в пятьсот футов. Пока Холстед прикреплял к тросу груз, я перевел дух и приготовился к следующему этапу — разгрузке.

Задача передо мной стояла далеко не простая — оттащить на шестьдесят футов в сторону оборудование весом более чем в сто фунтов. Я снял с себя холщовый пояс и закрепил его на стволе дерева. Благодаря имеющемуся на ремне карабину, в любой момент его можно было без особых усилий расстегнуть. Из-за густой поросли пространства для маневра у меня было маловато, и я принялся вырубать мачете подлесок, расчищая себе место.

Райдер сменил режим работы мотора вертолета, подавая мне условный сигнал о том, что он готов спускать груз, подвешенный на тросе лебедки. Я начал проворно сматывать шнур, и бесформенный узел с грузом вскоре завис на одном уровне со мной над колодцем в шестидесяти футах от меня.

Я трижды обмотал свой конец шнура вокруг дерева и начал подтягивать к себе узел. Чем ближе он приближался ко мне, тем тяжелее становилось тянуть. И хотя вертолет тоже постепенно снижался, что облегчало мою работу, спина моя уже готова была треснуть от напряжения. Райдер с трудом удерживал накренившуюся машину в воздухе.

Наконец я пристегнул конец троса к карабину холщового ремня, сработало расцепляющее устройство, и тюк с грузом плюхнулся на землю. Я взглянул вверх на вертолет и освободил трос, свисавший дугой над синотом. На мгновенье мне почудилось, что сейчас он зацепится за деревья, но Райдер вовремя включил лебедку, одновременно быстро набирая высоту. Вертолет трижды облетел синот, прощаясь со мной, и взял курс на лагерь номер два.

Я сел на край синота, свесив ноги, и минут пятнадцать приходил в себя. Все мое тело болело и ныло, словно я боролся с медведем. Наконец я собрался с силами и стал развязывать узел, в котором помимо оборудования находилась специальная одежда: рубашка, штаны и высокие сапоги. Переодевшись, я выкурил сигарету и приступил к обследованию местности.

Ради экономии горючего я решил воспользоваться сперва мачете, а огнеметом выжигать только трудноподдающуюся уничтожению поросль. Врубаясь в сплетение ветвей и листьев, я проклинал, Фаллона за его расчеты, явно сильно отличающиеся от реальной скорости продвижения сквозь заросли. Было совершенно непонятно, как он собирался двигаться в этой чаще со скоростью полумили в час. Хорошо, если бы мне удалось пройти за час хотя бы двести ярдов. К счастью, мне нужно было лишь расчистить посадочную площадку для вертолета.

Я вовсю рубил мачете налево и направо, когда лезвие вдруг с лязгом ударилось о что-то твердое, и я ощутил сильный толчок в плечо. Взглянув на мачете, я обнаружил, что лезвие зазубрилось, и стал срубать ветки уже осторожнее. Внезапно прямо перед собой я увидел уставившееся на меня человеческое лицо: широкую индейскую физиономию с большим носом и слегка косыми глазами.

Через полчаса усиленной работы моему взору открылся опорный столб с высеченной в нем статуей мужчины, облаченного в перехваченную поясом накидку и причудливый головной убор. Обрамлял изваяние орнамент из переплетенных

листьев и вычурных гигантских насекомых.

Я закурил сигарету, уставился на истукана и задумался. Похоже было, что я нашел Уаксуанок, хотя и не был в этом уверен. Тем не менее, не стали бы майя выдалбливать из камня подобную штуковину, чтобы потом просто оставить ее в лесу! Теперь мне нужно было расчищать посадочную площадку заново, так как вряд ли вертолет приземлился бы на голову этого косоглазого идола высотой в добрых восемь футов.

Я вернулся к синоту и начал вырубать новую тропинку, ограничивая место, которое мне предстояло расчистить. После нескольких пробных взмахов мачете налево, и направо, я со спокойной душой приступил к работе. Горючее в огнемете иссякло, как я и предполагал, довольно скоро, но мне все же удалось сократить до минимума свои мышечные усилия. Затем я включил бензопилу, и зубчатая цепь с диким визгом вгрызлась в древесину.

Деревья мне попадались не слишком толстые, самое большое имело ствол диаметром в два с половиной фута. Проблема была лишь в том, что они оказались довольно высокими, и падая, одно из них едва не придавило меня, наломав вдобавок ворох ветвей, которые пришлось потом

растаскивать. Я извлек из этого полезный урок и до наступления темноты свалил шестнадцать деревьев.

Ночь я провел в провонявшем бензином спальном мешке: видимо, завернутая в него бензопила слегка подтекала.

Я пытался утешиться мыслью, что резкий запах отпугнет москитов, но, как выяснилось позже, совершенно напрасно.

На ужин я съел банку куриных консервов, запив их виски пополам с теплой водой, после чего еще долго сидел в темноте, размышляя о малорослых коричневых человечках с большими носами, создавших эту странную колонну и, возможно, построивших на этом месте город.

Разбудил меня наутро шум вертолета и человек, зависший, как паук, на тросе у меня над головой. Это был Холстед, которого Райдер спустил при помощи лебедки, поскольку для посадки вертолета места пока еще было недостаточно. Ступив на землю у самого края синота, Холстед махнул пилоту рукой, и вертолет, набрав высоту, стал медленно кружиться над вырубкой.

— Вы же собирались устроить площадку вон там, — оглядываясь по сторонам, спросил меня Холстед. — Что случилось?

— Непредвиденные трудности, — вздохнул я, разводя руками.

— Этого следовало ожидать, — усмехнулся он. — Не так уж далеко вы и продвинулись! — добавил он, иронически поглядывая на торчащие вокруг пни. — Могли бы постараться и выполнить работу получше.

— Вам виднее, — дружелюбно заметил я. — Можете смело засучивать рукава и показать пример.

Холстед пробурчал что-то нечленораздельное и вытянул из висящей у него на плече металлической коробочки антенну.

— Нам прислали парочку приемопередатчиков из лагеря номер один, — пояснил он. — Что потребуется из оборудования для скорейшего завершения работы?

— Горючее для Пилы и огнемета, взрывчатка для пней и подрывник: лично я не умею ей пользоваться.

— Ничего, зато я умею, — сказал Холстед и вызвал Райдера. Вертолет снизился и спустил нам канистры с горючим. Затем он улетел, а мы приступили к работе.

Работал Холстед, следует признать, как дьявол, так что вдвоем мы сделали довольно много до

того, как вернулся вертолет. На сей раз Райдер спустил нам ящик со взрывчаткой и Фаллона собственной персоной, карманы которого были набиты детонаторами. Передав их Холстеду, он насмешливо посмотрел на меня.

— У вас такой вид, словно вас протащили вверх тормашками по кустам, — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Я вижу, вы славно потрудились.

— У меня для вас сюрприз, — сказал я и повел его по узкой тропинке, проложенной мной накануне. — Тут мне попался один косоглазый старикан, он несколько спутал все мои планы.

Фаллон издал восторженный вопль и упал перед косоглазым чудищем на колени, почти уткнувшись ему в живот.

— Это ведь Старая империя! — поглаживая рукой покрытый резьбой камень, с трепетом воскликнул он. — Это каменный календарь майя. Они воздвигали подобные колонны каждый «катун», то есть один раз в двадцать лет. — Он оглянулся на тропинку, ведущую к синоту. — Несомненно, вокруг колодца должны быть еще такие же изваяния.

Он тотчас же принялся, позабыв обо всем на свете, руками расчищать статую от ползучих растений.

— Пожалуй, не стану мешать вашему знакомству, — сказал я. — Пойду помогу Холстеду: он, кажется, хочет разнести себя на куски.

— Ступайте, — отрешенно проговорил Фаллон. — Какая изумительная находка! Теперь мы сможем определить время основания этого города!

— Так, значит, это и есть Уаксуанок? — обвел я рукой буйные заросли вокруг.

— У меня нет никаких сомнений, — глядя на колонну, сказал Фаллон. — Да, мы, наконец, нашли Уаксуанок.

4

Нам пришлось изрядно постараться, чтобы оторвать Фаллона от ненаглядного истукана и вернуть его в лагерь. Он ходил вокруг него, словно влюбленный, нашедший наконец мечту своего сердца, и перерисовывал в свой блокнот странный орнамент с колонны. Лишь к концу дня нам удалось затащить его в вертолет, севший точно возле края синота, и всю обратную дорогу он что-то бормотал себе под нос.

Я валился с ног от усталости, но, приняв горячую ванну, почувствовал Себя лучше и решил присоединиться к остальным, собравшимся в столовой, вместо того чтобы завалиться спать. Я

застал Фаллона и Холстеда яростно спорящими. Катрин не спускала с мужа глаз, готовая в нужный момент укротить его.

К своему удивлению, я вскоре обнаружил, что на этот раз больше кипятится Фаллон. Холстед же не только не выказывал ни малейшего намерения рвать на себе рубашку, но был холоден как лед и держался как истинный интеллектуал, По его бесстрастному лицу можно было подумать, что мы нашли не город, о котором он столь долго грезил, а разменную монетку на мостовой.

Фаллон же бурлил от восторга и пенился, словно бутылка шампанского. Ему не сиделось на месте, и он то и дело подсовывал Холстеду под нос свои рисунки,

— Старая империя, говорю я вам! Взгляните на узоры орнамента!

— Может быть, и меня посвятите в свои тайны? — спросил я.

— Как, разве я не ясно выражаюсь? — удивился Фаллон. — Если можно, повторите еще раз, и поподробнее.

Фаллон откинулся на спинку кресла и печально покачал головой.

— Вам придется поверить мне на слово, потому что на объяснения календаря майя потребуется

уйма времени, а его у меня нет. Взгляните-ка сюда, — пододвинул он ко мне свои наброски, в которых я не без усилий разобрал насекомых, виденных на колонне с барельефом индейца. — Это дата изготовления этой стелы: 9 циклов, 12 катунов, 10 тунов, 12 кинов, 4 эба, 10 яксов, что составляет 1 386 112 дней, или 3797 лет. Принято считать, что майя вели свое летосчисление от 3113 года до нашей эры, так что дата, указанная здесь, 684 год нашей эры. Майя отличались большой точностью, — добавил он, беря в руки листок бумаги, — мы можем узнать даже день — восемнадцатый после полнолуния в первый из шести циклов.

У меня голова пошла кругом.

— Вы хотите сказать, что Уаксуаноку почти тысяча триста лет?

— Это возраст стелы, — уточнил он. — А сам город значительно старше,

— Неужели он так долго просуществовал? — задумчиво произнес я. — Ведь Виверо попал в него много позднее!

— Не путайте Старую империю с Новой империей! — заметил Фаллон. — Первая распалась приблизительно в 800 году нашей эры, и в результате многие города ее обезлюдели. Однако

спустя сто лет туда пришли толтеки-ица, отсюда и пошли новые названия вроде Чичен-Ица. Похоже, одним из таких городов был и Уаксуанок. Ученые полагают, что Кукулькан был реальным историческим лицом. Именно он привел, подобно библейскому Моисею, толтекрв в Юкатан. Новая империя во многом напоминала империю ацтеков в Мексике, но сохранила мало общего со Старой империей майя. Об этом говорит, например, весьма распространенный обряд приносить в жертву богам людей, о котором упоминает и Виверо в своем письме.

— Значит, исторические свидетельства подтверждают, что во времена Виверо город Уаксуанок был населен людьми?

— Безусловно. Однако следует учесть, что с появлением здесь испанцев Новая империя распалась, а на ее месте образовалось большое количество мелких. государств и враждующих между собой провинций, не склонных объединиться в единый союз для сопротивления конкистадорам. Такая система не могла долго существовать, она в любом случае была обречена на гибель.

Выслушивать эти азбучные истины Холстеду явно надоело, и он спросил:

— Когда мы приступим к исследованиям?

— Сперва нужно будет организовать работы на новом участке, — сказал Фаллон. — Нам потребуются рабочие, чтобы расчистить лес.

И в этом он был прав, поскольку даже для расчистки посадочной площадки для вертолета, пилотируемого таким опытным мастером своего дела, как Райдер, понадобилось три дня.

— Мне кажется, — продолжал Фаллон, — что нам следует перебраться в лагерь номер один. Я поручу Джо Рудецки разбить на новом участке лагерь номер три. Для начала достаточно будет бригады из двадцати человек. Через полмесяца мы тоже сможем перебраться туда.

— Зачем же ждать так долго? — заволновался Холстед. — За две недели я смог бы проделать колоссальную работу! Не за горами сезон дождей!

— Сперва следует наладить материально-техническое обеспечение экспедиции, — резко возразил ему Фаллон. Это впоследствии сэкономит нам время.

— А мне на это наплевать, — воскликнул Холстед. — В любом случае я намерен осмотреть местность. А материально-техническим обеспечением занимайтесь без меня. — Он подался вперед. — Как вы не понимаете, что нас там ждет — прямо на земле! Даже Уил, при всем его неве-

жестве, наткнулся на нечто крайне важное!

— Это пролежало там тринадцать веков, — сказал Фаллон, — и никуда не исчезнет за две-три недели. Нужно подготовиться хорошенько к работе!

— Хорошо, будем считать, что я провожу предварительную разведку, — упрямо заявил Холстед.

— Ничего у вас не выйдет, — решительно возразил ему Фаллон. — Я позабочусь о том, чтобы вас туда не взяли. Если желаете — отправляйтесь туда пешком через лес.

— Да будьте вы все прокляты! — заорал Холстед. — Катрин, разве я не говорил тебе, что именно так все и будет? Этот Уил заморочил тебе голову. Разве не понятно, что он хочет присвоить себе, все лавры первооткрывателя?

— Меня вся эта чушь совершенно не волнует, — возразил ему Фаллон. — Мне важно, чтобы работа велась как положено. Мы же не какие-то грабители могил!

— Нельзя ли поспокойнее? — заметил я.

— А вас это — вообще не касается! — обернувшись ко мне, с искаженным яростью лицом прохрипел Холстед. — Вы уже и так достаточно навредили мне, настроив против меня мою жену! Вы все здесь сговорились против меня!

— Если бы это было так, то вас вообще здесь не было бы, — сказал Фаллон.

— И учтите: не прекратите скандалить — вас выкинут отсюда в один момент, — добавил я. — Успокойтесь и ведите себя прилично, нам надоели ваши выходки!

Холстед вскочил со стула, готовый наброситься на меня с кулаками.

— Катитесь вы все к дьяволу! — закричал он и выбежал из дома.

— Мне очень жаль, — тоже встала со своего места Катрин.

— Вы не виноваты, — утешил ее Фаллон. — У него, похоже, паранойя, настоящая мания преследования.

— Весьма похоже на то.

— Я вынужден снова просить освободить меня от моего обещания.

Я взглянул на потупившую голову Катрин и произнес:

— Но вы же помните, что я тоже дал слово.

Хорошо, — согласился Фаллон. — Но учтите: Пол опасен для всех нас. А здесь не лучшее место для выяснения отношений.

Постарайтесь еще раз вернуть Полу здравый смысл и заставьте его извиниться, — сказал я

Катрин. — В противном случае ему придется убраться отсюда, за это я ручаюсь. Теперь все зависит только от вас.

— Я понимаю, — чуть слышно сказала Катрин.

Когда она вышла, Фаллон сказал мне:

— По-моему, вы совершили большую глупость. Пол этого не стоит. — Он достал трубку и принялся набивать ее табаком. — И она тоже, — добавил он, понизив голос.

— Я вовсе не влюблен в нес, — сказал я. — Мне се просто жаль. Если мы выгоним Холстеда из экспедиции, он превратит ее жизнь в ад.

Фаллон чиркнул спичкой и посмотрел на пламя.

— Не всем дано отличить любовь от жалости, — туманно заметил он.

5

На следующее утро мы вылетели в лагерь номер один. После семейной ссоры, затянувшейся до полуночи, Холстеда клонило в сон. Видимо, победа была за Катрин, так как он извинился, хотя и явно через силу. Однако я все равно принял его извинение, поскольку оно было первым с его стороны на моей памяти, и я решил отнести его нерешительность за счет недостатка опыта. Так

или иначе, это была победа.

Пока мы отсутствовали, лагерь на побережье сильно разросся: появились новые строения, которых я еще не видел. Встретивший нас Джо Рудецки выглядел странновато, утратив прежнюю невозмутимость.

— Эти проклятые чиклерос — просто какие-то белые дикари! Таких ворюг еще свет не видывал, они растаскивают оборудование прямо у нас из-под носа!

— Вы организовали охрану? — спросил Фаллон.

— Конечно, но эти чиклерос стреляют в моих ребят, а им ведь платят деньги вовсе не за то, чтобы они подставлялись под пули.

— Свяжитесь с Пэтом Харрисом и скажите ему, чтобы он направил сюда охранников из нашей службы безопасности, — мрачно распорядился Фаллон.

— Будет исполнено, мистер Фаллон, — сказал Рудецки, вздохнув с облегчением. — Я не знал, имеем ли мы право открывать ответный огонь. Мне не хотелось конфликтовать с местными властями.

— Это вас не должно волновать, — сказал Фаллон. — Закона здесь нет, так что смело палите в

того, кто начнет стрельбу.

— Превосходно! — обрадовался Рудецки. — Мистер Харрис обещал прилететь уже сегодня или завтра.

— Вот как? — удивился Фаллон. — Любопытно, зачем.

В небе раздался монотонный звук мотора, и я поднял голову.

— Похоже, это самолет. Это, наверное, Харрис.

Рудецки тоже задрал голову вверх.

— Нет, — сказал он. — Этот самолет летает над побережьем уже целую неделю. Глядите, вот он!

Крохотный двухмоторный самолетик появился над морем и повернул в. сторону взлетной полосы. Резко спикировав, он с натужным воем работающих на пределе двигателей пронесся над нами. Мы инстинктивно пригнулись, а Рудецки сказал:

— Такое он выкидывает впервые!

Фаллон проводил взглядом самолет, набирающий высоту и разворачивающийся над морем.

— Что вы об этом думаете? — спросил он у Рудецки.

— Скоро все станет ясно, — покачал головой тот. — Кажется, самолет заходит на посадку.

Самолет действительно совершил еще один

круг и начал снижаться, направляясь к посадочной полосе. Коснувшись колесами земли, он подпрыгнул, прокатился немного вперед и застыл прямо напротив нас. Из кабины выбрался человек, спрыгнул на площадку и пошел к нам. На нем был отутюженный белый тропический костюм, резко контрастирующий с затасканной одеждой нашей группы, поизносившейся за минувшую неделю.

— Профессор Фаллон? — приподнял незнакомец свою панаму.

— Я Фаллон, — выступил вперед профессор.

— Рад познакомиться! — протянул ему руку незнакомец– — Совершенно случайно оказавшись в этих краях, я подумал, что непременно должен встретиться с вами. Меня зовут Джек Гатт.

Глава восьмая

1

Гатту было за пятьдесят, его лощеный облик слегка портил избыток веса. Говорил он много, но ни о чем, как опытный полйтик, восхищаясь профессором Фаллоном и сожалея, что не имел возможности повстречаться с ним раньше. Он якобы приехал в Мексику на Олимпийские игры и решил заодно осмотреть Юкатан и великие города майя: Уксмал, Чичен-Ицу и Коба. Услышав, что в этих краях находится великий археолог, он воспылал желанием припасть к стопам гений и выразить ему свое глубочайшее уважение. Гатт сыпал именами так, что могло сложиться впечатление, что он на короткой ноге со всеми влиятельными людьми в Штатах. Как выяснилось, у них с Фаллоном было много общих знакомых.

Он так увлекся словоблудием, пуская нам пыль в глаза, что я уже стал волноваться, как бы Фаллон не поставил его на место. Но профессор тоже был не из простаков и прекрасно играл роль наивного ученого. Он даже пригласил Гатта остаться на

ленч, и тот принял приглашение. Вскоре все мы включились в непринужденный разговор.

Слушая трескотню гостя, можно было подумать, что имеешь дело с культурным человеком, приятные манеры которого никак не соответствовали информации Пэта Харриса. Облик мистера Джека Гатта, с воодушевлением рассуждающего о театре и балете, никак не вязался с портретом гангстера — торговца наркотиками, вымогателя и сутенера. Этот проходимец даже выудил у Фаллона чек на тысячу долларов в фонд пожертвований для обездоленных сироток, который Фаллон тотчас же и выписал, не моргнув глазом, лишний раз продемонстрировав актерский талант.

Пожалуй, именно это двойственное впечатление, которое производил на меня Гатт, и удержало меня тогда от того, чтобы наброситься на него. Передо мной был организатор убийства моего брата, мне следовало вцепиться ему в горло мертвой хваткой, а вместо этого я невольно все сильнее укреплялся во мнении, что произошла какая-то ошибка и этот симпатичнейший джентльмен вовсе и не бандит и не глава мафии, контролирующей значительную часть американского преступного бизнеса. Мне бы самое время вспомнить, что Гиммлер искренне обожал детей и что

негодяй тоже способен мило улыбаться. Короче говоря, я ничего не предпринял, о чем позже не раз сожалел.

Меня также вводила в заблуждение причина его появления. Никакого явного интереса к Уаксуаноку гость не проявлял, хотя и спросил Фаллона, что тот теперь исследует. Археолог ответил весьма туманно, дескать, в настоящий момент он уточняет кое-какие детали в связи с расхождениями ученых во мнении относительно датировки некоторых древних строений в этом районе. Гатт тотчас же сменил тему и стал делиться своими впечатлениями об архитектурном ансамбле в Чичен-Ице.

— Майя знали толк в планировке города! — воскликнул он. — Я нигде еще не видел лучшей планировки улиц!

Позже я узнал, что он намеревался выгодно продать принадлежащие ему ветхие домишки правительству, которое вынуждено было выкупать земельные участки, чтобы иметь возможность реконструировать жилые кварталы. Гатт уже не раз срывал крупный куш на подобных сделках.

— Недавно я побывал в Англии, — словно бы невзначай обронил Гатт. — Это великая страна.

Откуда вы родом, мистер Уил?

— Из Девона, — ответил я.

Красивейшее местечко — одобрительно кивнул он. — В Плимуте я посетил порт, в котором английские колонисты когда-то подняли паруса, чтобы отправиться к берегам Америки и основать наше государство. Незабываемое зрелище!

Мне тоже нравится Плимут, — сказал я, подумав, что пора и подколоть этого лицемера. — А в Тотнесе бывать вам не доводилось?

Глаза Гатта сверкнули, но ответил он вполне хладнокровно:

— К величайшему сожалению, не имел такого удовольствия.

Он тотчас же обернулся к Фаллону и вновь завел с ним научную беседу.

Сразу же после ленча Гатт улетел, и едва его самолет поднялся в воздух, беря курс на север, я спросил у Фаллона:

— Какого черта, по-вашему, ему здесь было нужно?

— Откровенно говоря, я и сам не понял, — развел руками он. — Я ожидал, что он задаст больше конкретных вопросов.

— Я тоже, — сказал я. — Но это, несомненно, не случайный визит. Чего же он добивается?

— Хотел бы я знать, — задумчиво произнес Фаллон.

2

В тот же день на реактивном самолете прилетел и Пэт Харрис. Известие о неожиданном визите Гатта ничуть не удивило его. Он просто пожал плечами и удалился с Фаллоном в дом, чтобы потолковать с ним с глазу на глаз. Вернулся он сердитым и едва ли не разъяренным.

— Что стряслось с нашим стариком? — спросил у меня он. — Он даже не пожелал выслушать меня. Его интересует лишь, как поскорее начать работу. А что бы я ни сказал, его только раздражало.

— Профессор сделал величайшее открытие, — улыбнулся я, и, естественно, ему не терпится приступить к исследованиям, пока не зарядили дожди. А что беспокоит тебя, Пэт?

— А сам ты как думаешь? — покосился он на меня. Конечно же Гатт! Он уже собрал целую банду головорезов из своих подручных из Детройта, знакомых в Мехико и Тампико и теперь набирает в свою команду чиклерое.

А теперь скажи мне, что его интересует в местных лесах?

— Мне думается, в первую очередь наш лагерь номер три, : — ответил я не задумываясь. — Он нацелился на Уаксуанок, только там ничего нет, кроме древних развалин. Он будет огорчен.

— Боюсь, что у Джека иное мнение, — сказал Пэт. — Меня беспокоит то, что Фаллон ничего не хочет предпринимать в связи с этим.

— Может, обратиться в полицию? Такое скопление преступников в одном месте наверняка ее заинтересует.

— Не будь таким наивным, Уил, — взглянул на меня как на недоразвитого ребенка Пэт. — Мы не в Англии, здесь меня упекли за решетку, обвинив в распространении ложных слухов, едва я раскрыл в участке рот. Мне удалось дать на лапу охраннику, и только вчера я выбрался из клетки. В этой части света на закон рассчитывать не приходится.

— Значит, от Фаллона тоже ничего нельзя требовать, — пожал плечами я, тяжело вздохнув,

— У него обширные личные связи в высших сферах, он может через них заставить местные власти шевелиться. У меня же без него ничего не выйдет, — сказал Пэт.

— Может быть, мне поговорить с ним? — спросил его я.

— Попытайся, — сокрушенно покачал головой он. — С ним что-то неладное происходит в последнее время. Раньше он был другим.

Я отправился к Фаллону и застал его за разговором с Рудецки: они обсуждали план строительства третьего лагеря.

— Только не трогайте развалины и камни. — предупреждал профессор инженера. — Оставьте все как есть, заклинаю вас!

— Хорошо, хорошо, — кивал головой Рудецки. — С меня достаточно будет и возни с деревьями.

Фаллон заметно похудел и выглядел совершенно измученным, словно плоть его сжигал внутренний огонь. Мысли его были заняты исключительно Уаксуаноком, остальное его не волновало.

— Оставьте проблему безопасности Харрису, — не дослушав меня до конца, небрежно обронил он. Это его дело.

— Но Харрис говорит, что сам вряд ли сможет что-нибудь сделать, — возразил я.

— Значит, я зря плачу ему деньги, — проворчал Фаллон и снова стал что-то разъяснять Рудецки.

Холстедов я пугать до смерти не стал, но еще раз поговорил с Пэтом Харрисом, поведав ему о своей неудачной попытке добиться чего-либо от

Фаллона. Пэт мрачно ухмыльнулся, когда услышал, как профессор отозвался о нем, и сказал:

— Меня тревожит, откуда Гатту стало известно, что ему пора здесь появиться. Ведь он прилетел, едва вы обнаружили Уаксуанок. Странное совпадение, однако. Говорил он с кем-либо здесь наедине?

— Нет, — покачал я головой, — едва ли. Мы не дали ему побродить по окрестностям в одиночестве.

— Значит, он ни на минуту не оставался ни с кем с глазу на глаз?

— Перед тем, как сесть в самолет, он со всеми попрощался. Холстед находился слегка поодаль, Гатт подошел к нему и пожал ему руку.

— Значит, все-таки Холстед, — произнес задумчиво Харрис. — Вот что я скажу тебе, Джемми. Одного рукопожатия вполне достаточно, чтобы передать нужную информацию. Советую запомнить это на будущее!

Огорошив меня столь загадочным предупреждением, Харрис улетел выяснять дальнейшие намерения Гатта, а я погрузился в размышления, перебирая в уме все, что мне было известно о Холстеде. Но какие общие дела могли быть у него с Гаттом? Я не мог себе этого даже представить.

3

Вскоре у нашего пилота Райдера заметно прибавилось работы. Он доставил на новое место сперва инженера Рудецки с двумя помощниками, потом вернулся за снаряжением, а после того, как была готова посадочная площадка, стал перевозить строительные материалы и основной груз, и события начали развиваться столь стремительно, словно это была военная операция по подготовке плацдарма.

Фаллон с видимым удовольствием наблюдал за всей этой суетой и только смеялся, когда я напоминал ему о стоимости одного часа летного времени вертолета, попыхивая своей трубкой.

— Вы прирожденный счетовод! — восклицал он, иронически глядя на меня. — Вот и прикиньте, что дешевле: пользоваться вертолетом или нанимать лесорубов, чтобы добраться до места.

Проведя некоторые расчеты, я убедился, что использование вертолета значительно выгоднее. Фаллон был . не из тех, кто бросает деньги на ветер.

Спустя несколько дней прибыли еще четверо археологов. Это были молодые люди, преисполненные энтузиазма. Трое из них не имели опыта

полевых работ, и на Фаллойа они смотрели с благоговением. На Холстеда же они смотрели довольно косо, во всяком случае, не выказывали к нему никакого почтения, из чего я сделал вывод, что дурная слава о нем распространилась слишком далеко и дела его совсем плохи. Жаль, что Катрин не понимала всего этого. Каково же ей было жить с таким человеком!

Спустя десять дней мы вылетели в новый лагерь. Перед посадкой наш вертолет сделал круг над синотом, и я взглянул вниз, чтобы посмотреть, какие изменения произошли там с тех пор, как я висел над этим местом на тросе. Теперь по одну сторону посадочной площадки стояли ангары для вертолетов и самолетов, а по другую аккуратными рядами тянулись домики. Рудецки не терял времени даром.

Когда мы приземлились и шум винтов стих, я услышал вой бензопилы: атака на лес продолжалась. Здесь солнце пекло даже сильнее, чем во втором лагере, и все мое тело тотчас же покрылось испариной.

— Нам нужно выполнить нашу работу как можно быстрее, — сказал Фаллон. — Сейчас важно выяснить, с чем мы здесь столкнулись, вести в этом сезоне раскопки я не намерен. Мы лишь

обозначим район поисков, составим перечень строений и подготовим базу для тех, кто придет сюда после нас.

Холстед с трудом заставил себя промолчать.

— Что вам удалось здесь обнаружить за это время? — спросил Фаллон у Джо Рудецки.

— Восемь резных колонн, — сказал тот. — Я расчистил местность вокруг них, но не стал их трогать, как вы и сказали. Они вот здесь, — указал он место на карте.

— Я должен сам взглянуть на ваши находки, — сказал Фаллон. — Мистер Рудецки не археолог, но имеет опыт топографических работ. Так что он станет нашим картографом. Надеюсь, что в скором времени с этой карты исчезнут многие белые пятна.

Он разбил рабочих на пять бригад, во главе каждой из которых поставил археолога, и выделил им участки для расчистки, руководствуясь .картой Биверо. Затем он обернулся ко мне.

— Джемми, а вам особое задание, — сказал он. — Поручаю вам обследовать синот. Теперь вы целый день сможете плескаться в холодной воде, в то время, как остальные будут париться под солнцем.

Я тоже подумал, что это неплохая идея, и под-

мигнул Катрин. Заметив это, Холстед испепелил меня взглядом.

— По-моему, лучше воспользоваться землечерпалкой, — сказал он Фаллону, — как это сделал Томпсон в Чичен-Ице.

— Это было давным-давно, — мягко возразил ему Фаллон. — Теперь в нашем распоряжении прекрасное водолазное снаряжение, и было бы глупо не воспользоваться им, поскольку землечерпалка разрушает керамические изделия.

Против такого довода Холстед возражать не решился, чтобы не выглядеть полным профаном в археологии. Он лишь что-то шепотом сказал Катрин и яростно затряс головой. Дискуссия продолжалась еще с полчаса, после чего все разошлись по своим делам. Рудецки повел меня к домику у самого края синота, где хранилось мое снаряжение. Половина домика была отведена под жилье, а вторую половину занимало оборудование.

— А нельзя ли построить для компрессора и баллонов отдельный сарай? — почесал я в затылке.

— Завтра же я все устрою, — пообещал мне Рудецки.

Мы вышли наружу, и я взглянул на синот, имевший форму неправильного круга более ста

футов в диаметре. Образуя почти прямой угол, позади него возвышался отвесный склон холма, более пологий лишь ближе к вершине, где, судя по свидетельству Виверо, находился храм Юм Чака. Я невольно призадумался, какая тут должна быть глубина.

— Мне потребуется плот, — сказал я Рудецки. — С него можно будет спустить трос с якорем и закрепить его на дне, если, конечно, мы до него достанем. Но сперва я сделаю предварительное погружение.

— Я устрою вам все, что нужно, — заверил меня Рудецки. — Вы только скажите. Для этого я здесь и нахожусь.

Он ушел, а я бросил в колодец камень. Он упал в самой середине, подняв на воде круги, которые разбежались в стороны и заплескались волнами возле кромки. Мне вспомнилось, что в этом месте людей приносили в жертву, и я живо представил себе, какие находки ожидают меня на дне.

Вернувшись к своему домику, я обнаружил там Катрин, Она разглядывала груду оборудования, потрясенная ее размерами.

— Мы все это быстренько рассортируем, — заверил ее я. — Ты готова приступить к работе?

— Готова, — кивнула головой она.

— Баллоны в порядке, я проверил их еще в первом лагере, — сообщил ей я, — так что можем прямо сейчас же и нырнуть. Окунуться нам не помешает, здесь чертовски жарко.

— Как ты думаешь, — спросила она, расстегивая рубашку, — здесь очень глубоко?

— Это нам и предстоит выяснить. На какую глубину тебе приходилось уже погружаться?

— Приблизительно на глубину шестидесяти футов.

— Здесь может быть и глубже, — сказал я. — Нужно будет сделать таблицу времени, необходимого для перехода из повышенного давления в обычное. Может быть, обойдемся и без камеры.

Камеру я на всякий случай проверил, работала она исправно даже при давлении в десять атмосфер, хотя было маловероятно, что нам потребуется поднимать его выше пяти.

Для погружения в незнакомце углубление в земной поверхности требуется масса всяческого снаряжения, как-то: акваланг с маской и ластами, специальные часы и компас — на левое запястье, глубиномер и декомпрессионный счетчик — на правое, нож — на пояс и, конечно же, фонарик, который крепится на голове. В таком снаряжении мы с Катрин стали похожи на астронавтов.

Мы проверили друг у друга снаряжение и неуклюже спустились к воде по ступенькам, вырубленным в стене синота Рудецки.

— Следуй за мной и не вздумай выключить фонарик, — предупредил я Катрин, споласкивая водой маску. — В случае необходимости, поднимайся на поверхность, но постарайся дать мне об этом знать. Обязательно задержись на несколько минут на глубине десяти футов. Я постараюсь не терять тебя из вида.

— Не волнуйся, — сказала она. — Мне доводилось проделывать нечто подобное и раньше.

— Но не в таких же условиях, — возразил я. — Это ведь не Багамы! Лучше не рисковать без крайней надобности.

— Я буду держаться к тебе поближе, — пообещала она.

— Пол, как мне показалось, не в восторге от этой затеи, — сказал я. — Почему он предложил использовать землечерпалку?

— Его не покидает глупая мысль насчет нас с тобой, — вздохнула она. — Это, конечно, просто смешно. В таких костюмах у нас не слишком много шансов, не так ли? — вдруг рассмеялась она. Я тоже усмехнулся, представив себе сцену подводного адюльтера, и сказал, надевая маску:

— Что ж, проведаем Юм Чака.

Закусив загубники, мы скользнули в воду и поплыли к середине бассейна. Вода была чистой и темной из-за большой глубины. Я знаком спросил у Катрин, готова ли она, и, получив подтверждение, стал погружаться. В последний момент мне показалось, что сверху за нами пристально наблюдает Холстед. Впрочем, я мог и ошибиться, поскольку мне мешала маска,

Уже на сравнительно небольшой глубине стало темно, отвесные стенки колодца гасили свет, общая освещенность здесь падала даже резче, чем у берегов Англии, где недостаток света чувствуется уже при погружении на пятьдесят футов. Именно на такой глубине я и остановился сейчас, решив подождать Катрин и проверить, как работают приборы. С Катрин все оказалось в порядке, она плыла следом за мной, медленно шевеля ластами и оставляя за собой воздушные пузырьки, искрившиеся при свете фонарика, словно огненные брызги фейерверка.

Дна мы достигли на глубине в шестьдесят пять футов, но вскоре выяснили, что это лишь верхняя часть склона, уходящего в черноту под углом в двадцать градусов. Скользкий ил, поднятый нами, моментально замутил воду, и я подумал,

что он может доставить нам дополнительные затруднения при раскопках.

Солнце прогревало только верхний слой воды, у самого дна она была очень холодной, и я быстро стал мерзнуть. Посигналив Катрин, я проплыл еще чуточку вперед и уперся в глухую стенку. Здесь, на глубине девяноста пяти футов, и находилось абсолютное дно синота. Некоторое время мы изучали поверхность склона: она оказалась покрытой ровным слоем ила, накопившего за столетия, и обнаружить что-либо можно было, лишь проведя серьезные раскопки.

Сделав Катрин знак подниматься, я медленно поплыл вверх вдоль известняковой стены. Примерно в тридцати футах от дна я заметил углубление, похожее на пещеру, но решил, что осмотреть его лучше завтра: мне хотелось поскорее прогреть промерзшие косточки под лучами жаркого солнца. А после получасового погружения на глубину почти в сто футов нам необходимо было задержаться минут на пять на глубине в двадцать футов и .потом еще минут на пять на глубине в десять футов. За неимением троса, за которой можно было бы ухватиться, мы вынуждены были совершать круги в воде, выжидая положенное для декомпрессии время.

Наконец мы вынырнули на поверхность и поплыли к краю синота. Выбравшись первым из воды, я протянул Катрин руку и, выплюнув загубник, спросил:

— Ну, и что ты теперь об этом думаешь?

— Ты был прав: это не Багамы, — дрожа от холода, сказала она. — Вот уж не ожидала, что так замерзну в Кинтана-Роо!

Я снял маску, скинул со спины баллоны и подставил ее солнцу.

— Похоже, нам не обойтись без теплозащитных костюмов, иначе мы просто околеем. Есть еще какие-нибудь соображения?

— Меня тревожит ил — сказала Катрин. — Там и так ничего не видно, а еще поднимается грязь со дна.

— Можно использовать для отсоса ила специальный насос. Нужно будет только поставить фильтр, чтобы задерживать мелкие предметы, а грязь откачивать наверх, на сушу. И плот нам тоже очень пригодится, мы закрепим на нем два троса: один закрепим на дне, а с помощью второго будем поднимать груз. Пошли к моему домику, я там тебе все объясню. — После погружения в голову мне стали приходить интересные идеи.

Возле домика Рудецки с помощниками уже

сооружал для меня сарайчик.

— Как водичка? — поинтересовался он. — Хорошо поплавали?

— Замечательно, — сказал я. — Как насчет плота, о котором мы говорили? Размером, скажем, в десять квадратных футов.

— Четыре пустых бочки из-под горючего, несколько бревен– и плот готов. Он вам понадобится сегодня вечером?

— Вряд ли, — сказал я.

— Тогда мы тоже освежимся после работы. Это очень полезно перед сном. Кстати, что если поставить компрессор прямо здесь? А выхлопную трубу я удлиню с помощью шланга и выведу на другую сторону домика.

— И как можно дальше, угарный газ не способствует подводному плаванию, — заметил я.

Мы зашли в домик, и, порывшись в. своих вещах, я извлек на свет потрепанную таблицу для подводников.

— Вот для чего нам понадобятся эти два троса, о которых я тебе говорил, — сказал я, усаживаясь за стол. — Итак, мы собираемся погружаться на глубину примерно в сто футов на значительное время. Верно? Предположим, что на два часа. Это означает, что при всплытии мы должны будем

сделать несколько остановок. А именно: остановку на пять минут — на глубине пятидесяти футов, еще на десять минут — на глубине в сорок футов, потом выждать полчаса на тридцати футах, еще сорок — на двадцати и пятьдесят минут — на глубине в десять футов. Итого — сто тридцать пять минут, или два часа с четвертью. Довольно утомительное и скучное занятие, но ничего не поделаешь.

— Я раньше никогда не опускалась на такую глубину и понятия не имела ни о какой декомпрессии, — сказала Катрин.

— С кессонной болезнью шутки плохи, — заметил я. — Если не принять мер предосторожности, можно отправиться на тот свет. Нам придется привязать к одному из тросов ремни, чтобы держаться за них во время отдыха, и запасные баллоны с воздухом.

— И как ты коротаешь под водой время? — спросила она.

— Сочиняю забавные стишки, — пошутил я, озабоченно поглядывая на декомпрессионную камеру. — Лучше бы иметь ее под рукой, возможно, даже на плоту. Надо будет посоветоваться с Рудецки, как ловчее это устроить.

4

Неделя сменялась неделей, работа шла своим чередом, и я почти забыл о Гатте. Информация от Пэта Харриса, которую мы получали по радио из лагеря номер один, не давала оснований для беспокойства: Гатт не выезжал больше никуда из Мехико, предаваясь там радостям жизни, словно больше его ничего и не волновало, хотя банда его головорезов по-прежнему находилась в Мериде. Я занимался обследованием синота и тоже не забивал себе особенно другими проблемами голову. Холстед, к радости Фаллона, работал вместе со всеми не хуже меня.

Каждый день приносил нам все новые и новые удивительные открытия. Обнаруженный мною город действительно оказался Уаксуаноком. Рабочие находили здание за зданием: дворцы, храмы, арены для игр и состязаний и даже астрономическую обсерваторию. Синот окружало целое кольцо из стел, всего их было двадцать четыре, и еще одна колоннада украшала центр города. Фаллон не расставался с фотоаппаратом и блокнотом, фотографировал и описывал каждую новую находку.

Раз в неделю устраивался выходной, который

ученые мужи использовали на приведение в порядок своих бумаг, а рабочие — для отдыха у синота. Проводить погружения в такие дни было небезопасно, и я позволил себе расслабиться и выпить немного больше пива, чем обычно.

Как-то Фаллон решил продемонстрировать мне все самые любопытные строения, обнаруженные за последнее время, и провел меня по всему участку.

— Вот на этом холме Виверо, скорее всего, едва и не расстался с жизнью, — сказал он, указывая на невысокий бугор, очищенный от зарослей. — Можете взглянуть на ступени у подножья, которые мы сейчас раскрываем: они ведут к храму Кукулькана.

— Как, весь этот холм — это здание храма? — не поверил я.

— Представьте себе! Это было величественное строение. Мы с вами сейчас стоим на нем.

Я ковырнул ногой землю: внешне она ничем не отличалась от обычного верхнего слоя.

— Майя имели обыкновение возводить здания на помостах: так они строили свои жилища, подобным же образом сооружали и храмы. Сейчас мы стоим на одном из подобных помостов, но из-за больших его размеров с трудом осознаем это.

— Каковы же его размеры? — спросил я.

— Рудецки обошел его с теодолитом и подсчитал, что его площадь равна пятнадцати акрам, а высота достигает ста тридцати футов. Это искусственный акрополь объемом в 90 миллионов кубических футов, состоящий из шести с половиной тонн различного материала.

— Вот уж не думал, что увижу здесь нечто подобное! — воскликнул я.

— Майя когда-то были весьма трудолюбивы, — раскуривая трубку, с придыханием проговорил Фаллон. — Пошли посмотрим на храм поближе.

Мы подошли к раскопанной части лестницы, ступени которой оказались шириной почти в пятьдесят футов, и Фаллон указал на вершину холма мундштуком трубки:

— Я. произвел раскопки на самом верху и обнаружил кое-что весьма интересное. Желаете взглянуть?

Взобраться на вершину холма оказалось нелегко, поскольку склон был довольно крутой: представьте себе — египетскую пирамиду, покрытую тонким земляным слоем, и вы поймете, о чем я говорю. На вершине Фаллон, отдышавшись, ткнул пальцем в горку пустой породы и сказал:

— Я рассчитал, что именно здесь кончается

лестница, и начал копать.

И вот что я раскопал.

Я подошел к яме, вырытой Фаллоном, и увидел страшную голову с жуткой оскаленной пастью, полной острых клыков и зубов.

— Это Пернатый Змей, — пояснил Фаллон. — Символ Кукулькана. А вон там, чуть дальше, у стены, и приносились ему жертвы.

Я представил себе дрожащего от страха Виверо, на глазах у которого из груди живых людей вырывали сердце. Мне стало жутковато.

— Надеюсь, что крыша храма не обвалилась, — заметил Фаллон деловитым тоном. — Хорошо было бы найти ее неповрежденной.

Присев на пенек, я огляделся вокруг. Приблизительно лишь пятая часть участка была очищена от растительности. Сколько еще потрясающих памятников былого величия майя таит в себе эта земля?

— Как вы думаете, — спросил я у Фаллона, — когда можно будет полюбоваться на весь этот город?

— Возвращайтесь сюда лет эдак через двадцать, — усмехнулся он. — Тогда вы, я думаю, получите полное представление о нем. В подобных делах нельзя торопиться, нужно дать возможность и

следующему поколению поработать здесь, применяя новые методы. Я не намерен раскрывать более половины города.

Я задумчиво посмотрел на Фаллона. В свои шестьдесят лет он был полон решимости начать дело, которое ему явно было не под силу завершить. Возможно, привыкнув мыслить категориями столетий и тысячелетий, он обрел поистине космическое видение, чем разительно отличался от Холстеда.

— Жизнь человека слишком коротка, — с грустью сказал он, — но его творения сохраняют память о нем на века. Об этом и о человеческом тщеславии, замечательно написал Шелли[4]: «Я Озимандиас, царь царей, взгляни на рук моих творенья, о Всемогущий, и приди в отчаяние!» Но стоит ли нам отчаиваться при виде всего этого? Я считаю, что нет: ведь этот город — триумф людей, чья жизнь столь коротка. — Он вытянул перед собой руки, покрытые узлами вен и слегка дрожащие, и с горечью добавил: — Как жаль, что этой плоти суждено так скоро сгнить.

Разговор принимал слишком жуткий для меня оттенок, и я перевел его в другое русло:

---

[4] Примечания: 4

Перси Биши Шелли (1792–1882) — английский поэт-тираноборец, тяготевший в своем творчестве к сложной символике и абстракциям.

— А королевский дворец вы уже обнаружили? — спросил я.

— Вы все еще мечтаете найти обшитые золотом стены? — усмехнулся Фаллон. — Виверо все воспринял превратно. У майя не было королей в нашем, понимании этого слова, у них был наследственный вождь, которого они называли Халач-уйник, — его-то Виверо и принял за короля. Еще у них был наком — верховный военачальник, избиравшийся сроком на три года. Сан жреца тоже передавался по наследству. Сомневаюсь, что у Халач-уйника имелся собственный дворец, но вон в том холме мы обнаружили крупное административное здание. — Он указал на соседний холм.

На мой взгляд, ничего особенного в нем не было, требовалось богатое воображение, чтобы представить себе там королевский дворец.

— Я понимаю, вам не хватает навыков, чтобы разглядеть то, что скрыто под землей, — сказал Фаллон. — Однако весьма вероятно, что именно туда Виверо приводили на суд к Халач-уйнику, который должен был решить его судьбу. Халач-уйник одновременно являлся и верховным жрецом, но Виверо этого не знал, он не читал «Золотую Ветвь» Фрезера.

В этом я недалеко ушел от Виверо, так что мне приходилось верить Фаллону на слово.

— Теперь нам предстоит избавиться от этих пней, — пнул он ногой пенек, на котором я сидел.

— Вы хотите подорвать их? — спросил я.

— Ни в коем случае! — испуганно воскликнул он. — Мы их выжжем вместе с корнями. К счастью, в дождевом лесу корневая система не глубокая — вы сами можете видеть, что это так.

— А золотой знак, так сильно потрясший воображение Виверо? Вы нашли его? — спросил я.

— Нет, и вряд ли найдем, — покачал головой Фаллон. — Мне думается, что это не более чем плод его больной фантазии: видимо, двенадцать лет плена не прошли для него бесследно. У него возникла религиозная мания, а возможно, и галлюцинации.

— С современной точки зрения, то же самое можно сказать о любом испанце шестнадцатого столетия, — возразил я. — Вряд ли здравомыслящими можно признать людей, истребляющих себе подобных исключительно из-за расхождений во взглядах на Бога.

— Так вы полагаете, что и понятие здравомыслия тоже весьма относительно? — покосился

на меня Фаллон. — Возможно, вы правы. Современные войны станут для людей будущего свидетельством нашего безумия. А планы атомной войны тем более не могут родиться в нормальной голове.

Я подумал о Виверо, терзаемом угрызениями совести и глубоко несчастном лишь из-за того, что ему так и не удалось обратить дикарей в христианство. Но при этом он призывал своих сыновей без колебаний истреблять язычников, хотя и признавал, что это не совсем по-христиански. Совсем как мистер Пукль, изобретатель первого–пулемета: тот даже предлагал применять против христиан только круглые пули, а против турок — квадратные.

— Но если здесь было мало золота, — спросил я, — тогда где же Виверо раздобыл материал для изготовления своих зеркал?

— Золота здесь скопилось за многие века вполне достаточно, — пояснил Фаллон. — За двенадцать лет Виверо мог наворовать у своих богатых заказчиков его немало. К тому же зеркала сделаны не из чистого золота, а из сплава его с серебром и медью. Недаром испанцы упоминают о красном оттенке золота индейцев, а им оно обязано именно меди, которой у них было

предостаточно.

Фаллон вытряс из трубки пепел.

— Что ж, мне пора заняться расписанием работ на следующую неделю, — сказал он. — Между прочим, Рудецки видел в лесу чиклерос. Я распорядился, чтобы никто не покидал лагерь и не шлялся по окрестностям. Это касается и вас.

Последнее замечание быстро развеяло мои фантазии. Я вернулся в лагерь и отправил через лагерь номер один телеграмму для Пэта Харриса, в которой сообщил ему об этих малоприятных событиях. Ничего больше, к сожалению, сделать я не мог.

5

Программа моих подводных исследований несколько разочаровала Фаллона.

— Всего два часа в день? — с недовольным видом спросил он.

Мне пришлось объяснять ему биофизические основы ныряния на значительную глубину:

— Мы опускались на глубину около ста футов, абсолютное деление на которой равняется четырем атмосферам, или шестидесяти фунтам на квадратный дюйм. На дыхании это никак не сказывается, поскольку впускной клапан про-

пускает воздух в легкие под давлением, равным давлению окружающей ныряльщика воды. Так что опасности быть раздавленным из-за разницы в давлении не существует.

Проблема заключается в том, что с каждым вдохом ныряльщик получает в четыре раза больше как кислорода, так и азота. И если кислород легко усваивается организмом, то лишний азот скапливается в тканях. При резком изменении давления до нормального, он освобождается, образуя в кровеносных сосудах пузырьки, кровь вскипает, и человек погибает. Вот почему следует подниматься с глубины на поверхность очень аккуратно и со множеством остановок, продолжительность которых рассчитана Адмиралтейством, вернее, врачами морского министерства, специалистами в этом деле.

— Хорошо, — раздраженно прервал меня Фаллон, — мне все это понятно. Но ведь все равно у вас уходит на погружение и всплытие только половина дня. Вы вполне могли бы делать одно погружение утром, а второе — после обеда.

— Это невозможно, — сказал я. — Требуется по крайней мере еще пять часов, чтобы после подъема ныряльщика на берег весь избыточный азот вышел из его организма. Так что увы, но мы

можем нырять только один раз в день.

Фаллон вынужден был удовлетвориться этим.

Плот, сделанный для нас Рудецки, оказался весьма полезным. Мы отказались от первоначального замысла подвесить на спущенном с плота тросе запасные баллоны, а вместо этого укрепили их на плоту, и по гибким шлангам воздух подавался непосредственно к впускному клапану. Таким образом я получил возможность обследовать подводную пещеру на глубине семидесяти футов. Она оказалась довольно большой и имела форму вывернутого мешка, что навело меня на мысль накачать в нее воздух при помощи шланга и насоса, вытеснив при этом воду. Мы обрели уникальную возможность снять на глубине с себя маску и нормально дышать воздухом. Перед входом в пещеру я на всякий случай повесил лампу и оставил запасной фонарь внутри.

Фаллон перестал выражать недовольство, когда увидел, что мы достаем со дна. Правда, сперва нам пришлось откачать неимоверное количество ила и тины, и первым нашим трофеем был человеческий череп, навеявший на меня мрачные предчувствия, но зато потом мы стали отправлять наверх самые разнообразные изделия: золотые и медные маски, кубки, ча-

ши, колокольчики, кулоны, браслеты, перстни, серьги, ожерелья и пуговицы с элементами из нефрита, а также ритуальные ножи из кремния и обсидиана, копья, пращи, сохранившиеся в воде под слоем ила, и восемнадцать тарелок типа той, что демонстрировал мне Фаллон.

Но венцом нашей добычи была изящная золотая статуэтка девушки высотой около шести дюймов. Аккуратно очистив, Фаллон поставил ее перед собой на стол.

— Выполнено в стиле майя, — озадаченно проговорил наконец он, — но столь тонкую работу они сделать не могли. Взгляните хотя бы на ее профиль!

Катрин взяла статуэтку в руки.

— Она прекрасна, не правда ли? А что, если ее изготовил для жрецов майя сам Виверо?

— Бог мой! — воскликнул Фаллон, потрясенный этой догадкой. — Так оно, скорее всего, и есть! В таком случае нам невероятно повезло.

— Чему здесь удивляться, — сказал я и обвел рукой выставленные на полках сокровища. — Ведь все эти предметы были принесены в жертву, не так ли? Майя дарили Чаку самые ценные вещи. Вот и эту статуэтку они кинули в синот.

— Фигурка была отлита, — добавил Фаллон,

— и, скорее всего, самим Виверо. Но ведь он мог сделать и несколько таких статуэток.

— Я склонна думать, что эта была первой, — сказала Катрин.

— Сколько же все эти находки могут стоить? — обвел я взглядом сияющие золотом драгоценности. — Сколько за них молено выручить, продав их с аукциона?

— Эти уникальные предметы никогда не пойдут с молотка, — нахмурился Фаллон. — Правительство Мексики позаботится об этом, и я тоже.

— И все же, чисто умозрительно, сколько можно за все это выручить на черном рынке или на торгах? — повторил свой вопрос я.

— Какой-нибудь беспринципный делец вполне смог бы взять за эти вещи — спустя определенное время, конечно, — не менее полутора миллионов долларов США, — подумав, ответил мне Фаллон.

У меня даже дух перехватило: ведь мы не осмотрели еще и половины синота, так что же еще нам предстоит найти на его дне?! Чем глубже мы раскапывали донные наслоения, тем чаще извлекали оттуда всяческие предметы. Фаллон прикинул, что их общая стоимость могла достигнуть и пяти миллионов долларов!

— Неудивительно, что Гатт проявляет к нашим

работам повышенный интерес, — наконец сказал я: — Теперь, я надеюсь, вам это понятно?

— Признаться, я не рассчитывал найти предметы из золота, — сказал Фаллон. — На земле их давным-давно уже растащили. Интерес же к нашей экспедиции Гатта я объяснял тем, что он принял вздор, который нес в своем письме Виверо, за чистую монету. Синот же я просто недооценил. — Он постучал пальцами по столу. — Так же, впрочем, как и Гатта: я принял его за обычного охотника за сокровищами, который не разбирается в археологии.

— Но Гатт, как сказал Харрис, образованный гангстер, — добавил я. — Он не станет переплавлять золотые редкости в слитки и найдет покупателя. В этом ему поможет тот же Джерриссон, имеющий обширные связи. Я рекомендую вам, мистер Фаллон, немедленно спрятать все сокровища в мексиканском банке.

— Вы правы, — согласился Со мной Фаллон, — Кроме того, нам следует оповестить о наших необыкновенных находках мексиканские власти. Я сам займусь всем этим.

6

Неумолимо надвигались затяжные дожди, с началом которых участок неизбежно должен был превратиться в море грязи. Фаллон вынужден был распорядиться сворачивать работы. Это означало всеобщую эвакуацию в лагерь номер один. Рудецки беспокоился за оборудование, но Фаллон отнесся к этой проблеме с поразительной беспечностью.

— Оставьте все здесь, — сказал он. — Нам это пригодится на следующий год.

— Но к тому времени здесь ничего не останется, — негодовал Рудецки. — Эти чиклерос все разворуют.

— Не трепите себе из-за пустяков нервы, — посоветовал ему я. — Фаллон купит новое снаряжение.

Бережливый Рудецки не мог с этим смириться, он тщательно упаковал генераторы и насосы, чтобы предохранить их хотя бы от непогоды.

— Хотя я и трачу зря время, — бормотал он, — но ведь нужно же хоть что-то сделать!

И он принялся заколачивать досками окна домиков рабочих, эвакуирующихся на грузовом вертолете.

Вместе с рабочими улетали и археологи. Прощаясь с Фаллоном, молодые энтузиасты обещали вернуться на следующий сезон и возобновить раскопки. Фаллон снисходительно улыбался им, помахал рукой, когда они садились в вертолет, и вновь окунулся в работу, сразу же переменившись в лице. Участвовать в сборах и принимать решения он отказался, поэтому по всем вопросам Рудецки теперь обращался ко мне. Я поступал так, как считал правильным, недоумевая, что творится с Фаллоном: таким мрачным и отрешенным я его видел впервые. Он уединился в столовой, где хранились находки, и с утра до вечера изучал их, делая записи в своем блокноте. Расстаться с драгоценными экспонатами он наотрез отказался, заявив, что лично заберет их с собой, когда настанет время улетать.

И вот это время наступило. Все домики, за исключением четырех, были заколочены досками, оставшийся груз можно было вывезти на двух вертолетах, и я уже собрался было доложить об этом Фаллону, когда ко мне подбежал взволнованный Рудецки.

— Пойдемте скорее в радиорубку, — потянул меня за руку он. — В первом лагере творится нечто странное.

Тоненький голосок поведал нам из динамика, что вертолет с грузом сгорел. Правда, пассажиры почти не пострадали, отделавшись незначительными ушибами и слабыми ожогами. Несмотря на все старания Рудецки, — толкового объяснения случившегося нам получить не удалось: связь то и дело прерывалась, сигнал был слабым. Мы поняли только, что в лагере номер один осталось всего три человека, остальные улетели в Мехико. Харрис, однако, сказал, что самолет пока вылететь не может.

— Что с самолетом? — крикнул я в микрофон, перегнувшись через плечо Рудецки.

— Не известно… приземлился… неправильная регистрация.

Прием оборвался, и как ни вертел Рудецки ручку настройки, восстановить связь с лагерем номер один ему не удалось.

— Попытайтесь связаться с Мехико, — сказал я.

— Вряд ли это удастся, — поморщился он, — этот ящик слишком маломощен.

Пока он безуспешно крутил ручки, я попытался осмыслить случившееся. Итак, транспортный вертолет сгорел, реактивный самолет не может вылететь из Мехико, а связи с базой мы лишились. Полная изоляция от внешнего мира. Мне

это не нравилось. Хорошо еще, что в нашем распоряжении остался один вертолет.

— Напрасный труд, — тяжело вздохнув, прервал мои размышления Рудецки, вставая. — Следующий сеанс связи только завтра в восемь утра. Нам остается только ждать.

Я пошел докладывать обо всем Фаллону.

— Меня это совершенно не волнует, — прервал на полуслове мой рассказ он, с нетерпением поглядывая на золотую тарелку которую он пытался датировать. — Завтра все станет ясно. Не отвлекайте меня от работы по всяким пустякам, пожалуйста.

Вспомнив последний разговор с Пэтом Харрисом, я решил ничего не рассказывать пока ни Холстеду, ни Катрин, а отправился в ангар к Райдеру.

— Вертолет в порядке? — спросил у него я.

— Он всегда в полном порядке, — удивленно взглянул на меня он.

— Возможно, он понадобится нам уже завтра, — сказал я. — Будь готов к вылету.

7

Ночью сгорела радиорубка.

Меня разбудили крики и топот ботинок под

моим окном. Я вскочил и побежал к охваченной пламенем радиорубке.

— Что случилось? — спросил я у Рудецки, пытающегося потушить пожар. — Вы что, хранили здесь бензин? Откуда запах?

— У нас были гости, — прорычал он, — двое проклятых чиклерос. Мы их спугнули, но они успели покорежить передатчик и поджечь дом. Не пойму только, зачем они это сделали.

— Больше ничего не повреждено? — спросил я, не посвящая его в свои соображения по поводу случившегося.

— Нет, насколько я знаю, — пожал плечами он.

До рассвета оставался еще час.

— Я вылетаю в первый лагерь, — сказал я. — Нужно выяснить, что за чертовщина там происходит.

— Думаете, там что-то стряслось? — пристально посмотрел на меня Рудецки. — В таком же духе?

— Вполне возможно, — кивнул я. — Здесь тоже могут возникнуть непредвиденные проблемы. Будьте начеку, пока я не вернусь, и особенно не доверяйте Холстеду. Если он что-нибудь натворит, поступайте по своему усмотрению.

— Вы не хотите объяснить мне, что происходит, черт подери?! — воскликнул Рудецки.

— Спросите у Фаллона, — сказал я. — Это долгая история, а мне сейчас лучше поторопиться. Пойду разбужу Райдера…

Я перекусил и пошел убеждать пилота, что мне срочно нужно попасть в лагерь номер один. Райдер немного поупрямствовал, но в конце концов согласился, и с первыми лучами солнца мы были готовы подняться в воздух. Катрин пришла попрощаться со мной, я наклонился к ней из кабины и сказал:

— Не уходите никуда из лагеря. Я постараюсь скоро вернуться.

— Хорошо, — пообещала она.

В этот момент откуда-то вынырнул Холстед и встал рядом с женой. Насмешливо взглянув на меня, он спросил довольно-таки развязно:

— Разыгрываете из себя героя, Уил?

В последнее время он обследовал храм Юм Чака над синотом и горел желанием раскопать его по-настоящему, но Фаллон не разрешал этого делать, и Холстед злился на него. Наши с Катрин удачные находки на дне синота лишь подсыпали ему соль на рану, ему было обидно, что какие-то любители утерли ему, профессионалу, нос. Из-за всего этого он постоянно ссорился с женой.

Холстед оттащил Катрин от вертолета, Райдер

удивленно оглянулся на меня и сказал, пожав плечами:

— Мы уже можем взлетать!

Я молча. кивнул головой, и он поднял вертолет в воздух.

— Сделай круг над лагерем, — попросил Райдера я. — Хочу взглянуть на него сверху.

— О'кей, — сказал он, закладывая машину в вираж над Уаксуаноком, и я стал смотреть на открывающийся моему взору вид. Теперь, после расчистки, я смог убедиться, что подо мной действительно раскинулся большой город. Четко вырисовывалась огромная платформа храма Кукулькана, рядом обозначилось здание, в шутку названное Фаллоном «мэрией». К востоку от горной гряды виднелись контуры еще одной гигантской платформы, раскрытой лишь частично, а на холме над синотом высилась окруженная колоннами пирамида — храм Юм Чака: Холстед действительно потрудился на славу.

— Спасибо, Гарри, — сказал я, когда мы трижды облетели город. — Можно брать курс на базу. Только постарайся лететь пониже: мне хотелось бы посмотреть получше на лес.

Райдер снизился до высоты трехсот футов, и мы полетели на восток со скоростью примерно

шестьдесят миль в час. Под нами простирался бескрайний густой лес, настоящие зеленые дебри высотой в сто шестьдесят футов от земли, которой за кронами деревьев не было видно.

— Здесь лучше летать, чем ходить пешком, сказал я.

— Не хотел бы я очутиться ночью в этом лесу, — рассмеялся Райдер. — Ты слышал, как орут по ночам эти проклятые обезьяны? Можно подумать, что кого-то режут, причем медленно.

— Обезьяны меня не беспокоят, — сказал я. — Они только шумят, хотя и действуют на нервы. Куда опасней змеи и пумы!

— И чиклерос, — добавил Райдер. — Я слышал, что для них убить человека — раз плюнуть. — Он взглянул на лес. — Адское местечко для работы, должен я сказать. Неудивительно, что они тут озверели. Если бы я работал там, внизу, я бы тоже не дорожил ни собственной, ни чужой жизнью.

При этих его словах машину внезапно тряхнуло, и пилот чертыхнулся.

— В чем дело? — встревожился я.

— Не знаю, — хмыкнул Райдер, — судя по приборам, все о'кей.

Но едва он это сказал, как позади нас что-то треснуло, и фюзеляж стал с бешеной скоростью

вращаться. Меня прижало к стенке кабины, а Гарри отчаянно пытался выйти из штопора. Лес стремительно надвигался на нас.

— Держись крепче! — крикнул Гарри и ударил ладонью по приборной панели, выключая мотор.

Шум двигателя оборвался, но мы продолжали вертеться волчком.

Впереди я увидел верхушку дерева и понял, что сейчас мы врежемся в. нее. В следующую секунду раздался страшный треск, меня бросило вперед, я стукнулся головой о металлическую стойку и потерял сознание.

Глава девятая

1

Голова моя раскалывалась на кусочки. Сперва это была всего лишь отдаленная мелкая дробь, потом звук начал нарастать и перешел в мощный барабанный бой: казалось, кто-то изо всех сил лупит меня палкой по черепу. Я пошевелился — внутри меня что-то взорвалось, и сразу же вокруг все потемнело.

В следующий раз, когда я очнулся, мне было несколько лучше. Я даже приподнял голову, но кроме пляшущих вокруг меня красных огоньков ничего не увидел. Я уронил голову и потер глаза: красный цвет сменился зеленым, и рядом кто-то застонал. Я повернул голову и увидел Гарри Райдера, скрючившегося на сиденье. По его подбородку сочилась из уголков рта алая кровь. Слабость во всем теле и боль в голове мешали мне сосредоточиться на осмыслении увиденного, и я просто обернулся и уставился в окошко.

Передо мной на широком листе сидела, вытаращив на меня неподвижные глаза, лягушка. На шее у нее пульсировала жилка. Мы долго

смотрели друг на друга, и за это время я дважды повторял про себя стишок о чудесной лягушке-невесте, заканчивающийся восклицанием: «Хай-хо! — воскликнул Роули». Наконец лягушка подмигнула мне, и я вновь обернулся на Гарри.

Он пошевелился и покачал головой. Лицо его по-прежнему было бледным, а струйка крови, сочившаяся изо рта, не предвещала ничего хорошего, кроме повреждения внутренностей. Я был слишком слаб, чтобы пошевелиться и помочь ему. «Ну, давай же! — сказал я самому себе. — Не будь маленьким серењким человечком. Действуй же, Уил! Будь наконец мужчиной, уверенным с своих силах!»

Наконец мне удалось сесть прямо на сиденье, несмотря на то, что вся кабина затряслась и закачалась, словно лодчонка на волнах.

— Боже мой! — воскликнул я. — Что делать? — Я взглянул на лягушку, качающуюся на листочке.

— Ты точно спятил, — сказал я, радуясь уже тому, что способен еще говорить и слышать собственный голос. — Разговариваешь с лягушкой!, У тебя бред после контузии, Уил.

— Вода под сиденьем, — чуть слышно произнес Гарри.

Я потянулся за флягой, и вертолет накренился

и задрожал. Нащупав флягу, я достал ее из-под сиденья и поднес ему ко рту, не уверенный, что поступаю правильно. Но все обошлось: сделав пару глотков, Гарри пришел в себя. Он прополоскал рот и сплюнул два сломанных зуба, упавших на приборную панель.

— Мне раздробило рот, — промычал он.

— Слава Богу, что ребра целы, — сказал я. — Но откуда кровь?

Он пошевелился, и вертолет вновь качнуло.

— Что за дьявольщина! — воскликнул Гарри.

— Спокойно, — сказал я, сообразив наконец, что мы зависли на дереве. — Не делай резких движений, мы еще не на земле.

— Пахнет горючим, — втянув ноздрями воздух, заметил он. — Мне это совсем не нравится.

— Что с нами произошло? — спросил его я.

— Отвалился задний винт, — сказал Гарри. — Поэтому-то фюзеляж и начал вращаться. Хорошо еще, что я вырубил мотор.

— Видимо, деревья смягчили падение, — сказал я. — Поэтому мы еще и целы. Упади мы на землю — разбились бы непременно.

— Но что случилось с винтом? — спросил Гарри. — Это ведь новая машина.

— Сейчас главное выбраться отсюда, — сказал

я. — Любопытно, высоко мы от земли? Будь готов к любым неожиданностям.

Я приоткрыл дверцу дюймов на десять и взглянул вниз: под нами я увидел толстую ветку и сплошную зеленую массу листвы.

Подняв голову, увидел лоскут голубого неба, обрамленный той же листвой.

— Веревка у тебя есть? — спросил я, прикинув, что мы зависли примерно в восьмидесяти футах от земли.

— Целая лебедка, — сказал Гарри. — Попробую размотать трос.

Совместными усилиями мы сняли барабан с тормоза и выложили трос бухтой на переднем сиденье.

— Где мы находимся? — спросил я. — Карта у тебя есть?

— А как же! — Гарри достал планшет с картой и разложил на коленях. — До лагеря приблизительно десять миль. Это будет нелегкая прогулка. У нас есть пара мачете, аптечка, две фляги с водой и еще кое-что по мелочи. Я сейчас все подготовлю.

— А рация в порядке? — спросил я.

— Не уверен, что стоит ее включать, — сказал Гарри. — Если произойдет замыкание, вертолет вспыхнет от одной искры. Ладно, я попытаюсь,

— взялся он за тумблер. — Черт! Сигнала нет совсем, рация сломана! — прижав к уху наушники, воскликнул он.

— Ладно, забудем об этом, — сказал я, вновь открывая дверь. — Попробую выбраться, ветка, похоже, достаточно прочная, не менее девяти дюймов в толщину. А ты сбросишь мне трос, когда я подам команду снизу.

Зависнув над веткой на руках, я разжал пальцы и, стукнувшись о нес подошвами, соскользнул и полетел вниз. В последний момент мне удалось ухватиться руками и удержаться. Подтянувшись, я сел верхом на ветку и, переведя дух, крикнул Гарри, чтобы он сбросил мне трос.

Гарри спустил мне на тросе фляги с водой и мачете, я пристегнул ремни к ветке и велел ему спускаться самому. Вместо этого он начал карабкаться на крышу кабины.

— Хочу взглянуть, что стряслось в хвостовом отсеке, — пояснил он, тяжело дыша.

— Остановись, ради Бога! — взмолился я. — Сейчас эта махина рухнет мне на голову.

Не обращая внимания на мои слова, Гарри на четвереньках пополз к хвосту вертолета, державшегося исключительно благодаря колесу, которое застряло между стволом и веткой и потихоньку

соскальзывало вниз, как я успел заметить,

Гарри исчез в листве, я поднял голову и прислушался: машина слегка накренилась, с хрустом сломав пару веток, еще несколько дюймов — и она лишилась бы опоры. Наконец пилот вернулся в кабину, спустил ноги и, зависнув на мгновенье на руках, спрыгнул на ветку. Та прогнулась, и я едва успел ухватить Гарри за талию. Вышел неплохой цирковой трюк.

— Пора сматываться, — указал я ему на сползающее колесо.

Отвязав мачете и фляги, мы перекинули лямки с грузом через плечи и вытянули с. лебедки остаток троса, надеясь спуститься по нему на землю. Я стравил трос на полную длину и первым стал спускаться вниз. Гарри последовал за мной.

— Кажется, я сломал-таки себе ребра, — тяжело выдохнул он, устраиваясь на одной из веток.

Я дал ему выпить воды, он сделал несколько судорожных глотков и вернул флягу мне. Допив остатки воды, я наполнил флягу, зачерпнув из углубления в стволе черной жижи, в которой плавали головастики древесных лягушек, завинтил пробку и велел Гарри приготовиться к спуску.

Он кивнул головой, и я стал спускаться по тросу на землю, по пути спугнув паукообразную обе-

зьяну. Издав пронзительный вопль, он которого у меня едва не лопнуло сердце, она перепрыгнула на соседнее дерево и, обернувшись ко мне, сердито заверещала.

Наконец мы с Гарри оба почувствовали под ногами твердую почву и смогли перевести дух.

— Что ты хотел найти там, наверху? — спросил я его.

— Сперва давай-ка выберемся из-под вертолета, — озабоченно сказал он, с тревогой поводя головой. — В любую минуту он может рухнуть вниз. — Гарри достал мачете из ножен и принялся прокладывать им себе путь в зарослях. Наконец он остановился и обернулся ко мне.

— Знаешь, а машина-то была испорчена, — сказал он.

— Как? — изумился я.

— Катастрофу нам подстроили, открутив болты на карданном приводе. Привод сорвался с крепления, и вал пробил обшивку фюзеляжа. Я два дня тому назад проверял кардан, все было в порядке. И еще вчера я летал на вертолете совершенно нормально. Нам еще повезло, что мы продержались в воздухе десять минут.

В этот момент вертолет со страшным грохотом рухнул на землю, после чего взорвался.

— Нам повезло вдвойне, что мы не упали вместе с ним, — сказал Гарри.

2

— Десять миль — чертовски долгий путь в таком лесу, — с тревогой произнес Гарри. — Сколько у нас осталось воды?

— Кварта хорошей и кварта дождевой, — сказал я.

— Не очень-то много для двоих в такую жару, — покачал головой он, раскладывая на земле карту и доставая из кармана компас. — В пяти милях от нас находится синот, придется сделать крюк.

— На это у нас уйдет весь день, — заметил я. — Который час?

— Половина двенадцатого. Нужно поторапливаться, чтобы добраться до места еще засветло.

Остаток дня мы работали мачете, обливаясь потом и отбиваясь от змей и насекомых. Гарри постоянно сверялся с компасом, и когда за час мы прошли почти две мили, я даже повеселел. Но потом лес стал гуще, и мы были вынуждены чаще отдыхать. Гарри морщился от боли, мои руки сплошь покрылись кровоточащими порезами и ссадинами. У нас заканчивалась вода, а до синота оставалось еще две мили. Примерно через час

Гарри воскликнул:

— Замри! — И я застыл на месте. — Теперь отступи на шаг назад, только осторожно и медленно.

Я отступил сперва на шаг, потом на другой и спросил шепотом:

— В чем дело?

— Отойди еще на пару шагов, — сказал он, я выполнил его команду, и лишь после этого он облегченно вздохнул.

— А теперь взгляни вон туда, на основание дерева. Это самая опасная змея в этих местах, упаси нас Господь от ее укуса. — Свернувшийся кольцами ужас с плоской головой и немигающими глазами под названием бушмастер еще немного понаблюдал за мной, опустил голову и скользнул в кустарник. Я вытер ладонью вспотевший лоб:

— Проклятое местечко! Надо передохнуть. Курить будешь?

Гарри покачал головой и достал из кармана маленькую коробочку:

— Это сыворотка против змеиного яда. Надеюсь, что она нам не понадобится. Кстати, после укуса человек не в состоянии ходить двое суток. — Он достал из другого кармана антисептик и продезинфицировал мне ссадины, пока я курил. После этого я снова взялся за мачете.

С непривычки моя ладонь вскоре покрылась волдырями, мышцы болели, ныла спина. G наступлением темноты мы забрались на дерево и стали устраиваться на ветках на ночлег. Гарри выглядел совершенно измученным и держался за грудь. Из уголков рта у него струилась кровь. Под нами началась какая-то возня, посапывание и похрюкивание. Потом разорались обезьяны, казалось, что кого-то убивают. Но усталость брала свое, и я наконец заснул.

3

На следующее утро, с содроганием допив вонючую воду, мы возобновили схватку с кустарником. По нашим расчетам, до синота осталась одна миля. Однако и через четыре часа мы все еще не добрались до него, потому что Гарри часто останавливался, чтобы отдохнуть. У меня возникло ощущение, что мы заблудились или прошли мимо колодца: хотя Гарри и справлялся с картой и компасом, вид у него был такой, что он, вполне возможно, мог и ошибиться.

— Давай-ка сменим направление, — решительно сказал я и забрал у него компас. — Нам нужно обязательно найти воду.

Сменив мачете, я прорубил проход длиной в

сто ярдов в сторону от прежнего курса и, к своему изумлению, вышел на широкую тропу. Судя по свежим срезам на кустах, проложена она была совсем недавно. Внезапно я услышал приближающиеся мужские голоса и на всякий случай отступил назад. Двое незнакомцев в грязных белых рубахах и помятых штанах, в шляпах и с винтовками за спиной, прошли в двух шагах от меня, оживленно разговаривая на испанском. Едва их голоса стихли, как ко мне подошел Гарри.

— Чиклерос! — прошептал я. — Значит, синот где-то рядом.

— Может быть, они нам помогут, — прислонившись к дереву, тихо сказал Гарри.

— Я еще ни разу не слышал, чтобы кто-то хорошо отзывался об этих головорезах, — возразил я. — Ты пока отдохни тут, а я прослежу за теми двумя парнями. Может быть, наберу воды.

Оставив Гарри отдыхать, я быстро пошел следом за незнакомцами и вскоре догнал их. Держась на безопасном расстоянии, я примерно через четверть мили почуял запах дыма и услышал громкие голоса. Лес поредел, и, свернув с тропинки, я увидел впереди прогалину и синот. Пожалуй, я обрадовался воде сильнее умирающего от жажды араба, обнаружившего в пустыне

оазис. Но это не ослабило мою бдительность, и я не бросился к поблескивающему на солнце колодцу очертя голову. Напротив, я пригнулся и подкрался к нему, прячась за деревьями, чтобы предварительно оценить обстановку.

Я поступил весьма разумно, поскольку возле синота под желто-голубым тентом устроила привал веселенькая компания из двадцати чиклерос, возглавлял которую Джек Гатт собственной персоной: усевшись на раскладном стульчике, он неторопливо разбавлял виски в бокале содовой водой из сифона. У меня к горлу подкатил ком, когда он поднес бокал ко рту.

На раскладном столике перед Гаттом была разложена карта. Гетт начал что-то говорить окружающим его чиклерос, водя пальцем по карте, и те, его очень внимательно слушали. Я оставил свою позицию и обогнул синот, надеясь незаметно подобраться к нему и набрать воды. Но, как выяснилось, сделать это было невозможно, подручные Гатта были повсюду. Они сидели или лежали у воды, лениво перебрасываясь время от времени словами. Четверо из них, судя по одежде и интонации голосов, были американцами, остальные же — мексиканцами или наемниками из какой-то другой латиноамериканской страны.

Я вернулся на тропу и пошел назад к тому месту, где оставил Гарри. Он спал, тихонько постанывая во сне, и когда я разбудил его, негромко вскрикнул от испуга.

— Тихо, Гари! — сказал я. — У нас беда.

— Что случилось? — огляделся он по сторонам.

— Я нашел синот, но подобраться. к нему не смог: там собралась целая шайка чиклерос во главе с Гаттом.

— А кто он такой? — изумился Гарри.

— Джек Гатт — это очень опасный для нас человек, — коротко объяснил я. — Мне кажется, это он подстроил нам аварию вертолета. Ты продержишься до темноты?

— Постараюсь, — неуверенно ответил Гарри. — Но у меня пересохло горло.

— Хорошо еще, что его тебе не перерезали, — мрачно сказал я, кладя свою ладонь ему на лоб: он был сухой и горячий. С Гарри творилось что-то неладное, но помочь ему я ничем не мог.

— Потерпи, — сказал я. — Время пролетит быстро.

Гарри задремал, во сне он вздрагивал и стонал, что не предвещало ничего хорошего. Я сел рядом с ним и стал точить о камень мачете, но ничего толкового из этого не выходило. Когда стало тем-

неть, я разбудил Гарри.

— Дай мне фляги, — сказал я ему, — я попытаюсь набрать воды. И пузырек из-под лекарства тоже: сейчас и капля воды для нас на вес золота.

До синота я надеялся дойти еще засветло, поскольку в темноте приходится осторожничать в незнакомом лесу. Перекинув флягу через плечо, я попросил Гарри не спать, если это ему удастся, и выбрался на тропу. Первым делом я извлек из кармана обрывок бумаги и наколол его на веточку: потом он поможет мне найти моего друга.

Чиклерос готовили себе на костре ужин. Подкравшись к ним поближе, я затаился и осмотрелся: высокие языки пламени освещали весь синот, и мне предстояло, как я понял, долгое ожидание. Но вот наконец сучья прогорели, превратившись в малиновые угольки, и к ним из лагеря потянулись люди. Одни из них поджаривали на прутиках кусочки мяса, другие — оладьи. Но когда в воздухе запахло кофе, мой желудок, конвульсивно сжавшись, едва не выдал меня: ведь уже два дня во рту у меня не было ни крошки, и мои кишки решительно протестовали против этого факта.

Лишь часа через три, когда, насытившись, чиклерос отправились спать, я понял, что наступило

время действовать. Змеей подполз я к самому краю воды, зубами вытащил пробку из фляги и опустил ее в воду. Раздалось громкое булькание — и в ту же секунду тишину разорвал дикий вопль обезьяны-ревуна. Уповая на милость Божью, я вынул флягу из воды и стал– жадно пить. Я выпил не меньше кварты и с трудом остановился, хотя мог бы, казалось, выпить и весь синот. Утолив жажду, я наполнил обе фляги, пузырек из-под антисептика, сполоснув его предварительно водой, и отправился в обратный путь.

Несомненно, меня могли заметить: на чистом небе ярко светила полная луна, так что бегущий человек наверняка привлек бы к себе внимание. Но чиклерос, вероятно, не сочли нужным выставлять часовых, и я вернулся под лесной покров, не услышав окликов. Гарри я обнаружил легко и первым делом дал ему напиться. Нам предстояло пробраться с ним до рассвета на другую сторону синота, а я не был уверен, что он способен идти.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил я его, когда он оторвался от фляги. — Нужно спешить.

— Зачем? — тяжело вздохнул он.

— Мы должны обогнуть незаметно синот, чтобы выйти к Уаксуаноку. Туда нас приведет тропа, которую я заметил, набирая воду. Завтра будет

уже легче идти.

— Хорошо, — кивнул он головой и попытался встать на ноги, схватившись за дерево. Мне это не понравилось, но я промолчал. Передвигался Гарри сперва довольно быстро, тихо ступая следом за мной, и я успокоился, решив, что вода подействовала на него благотворно.

У нас имелся выбор: обойти синот по широкой дуге, через густой лес, или же прокрасться, рискуя жизнью, через лагерь. Я выбрал последнее: силы Гарри были на исходе, но двигался он почти бесшумно. И действительно, нам удалось прокрасться мимо тлеющих угольков остывающего костра и выйти на тропу с другой стороны синота без проблем. Я достал карту и компас, убедился, что тропа выведет нас на Уаксуанок, и мы пошли по ней дальше.

Спустя некоторое время Гарри совсем раскис, и я уложил его. отдохнуть под деревом и предложил выпить воды. Самому же мне необходимо было вернуться к синоту и пополнить наши запасы, потому что сделать это до самого Уаксуанока мы бы уже не смогли. Воткнув в середину тропы мачете, я отправился в обратный путь и вернулся назад с водой лишь спустя три с четвертью часа. Мачете было на месте, в чем я убедился, ободрав

себе об него голень, но это не очень расстроило меня, так как я был уверен, что Гарри не обнаружен. Он спал, я лег с ним рядом и тотчас же забылся тяжелым сном.

Гарри разбудил меня на рассвете. Вид его показался мне бодрым, но сам я чувствовал себя полностью разбитым. Все тело окоченело и жутко ныло: сон на земле явно не пошел мне на пользу, возможно, потому, что я никогда не увлекался туризмом. Да и спал я всего несколько часов, поэтому мне и казалось, что я наглотался наркотиков.

Нужно решить, как нам быть дальше, Гарри, — сказал я. — Если идти через лес, это безопаснее, но тяжелее и медленнее. На тропе же есть шанс столкнуться с людьми Гатта.

— А что, все-таки, из себя представляет этот парень? — спросил Гарри. — Никогда о нем раньше ничего не слышал.

— Это длинная история, — ответил я. — Но нам встреча с ним сулит смерть. Гатт заключил союз с чиклерос.

— С чего же, хотел бы я знать, он вдруг решил убить меня? — недоверчиво посмотрел на меня Гарри. — Я его никогда не видел.

— Гатт матерый американский гангстер, —

сказал я. — Он намерен разграбить Уаксуанок, вложил в это дело большие деньги и надеется сорвать хороший куш. Его ничто не остановит, он уже попытался избавиться от нас однажды, и весьма удачно. Кто, кроме него, мог подстроить эту аварию вертолета?

— Я верю тебе на слово, — криво улыбнулся Гарри, — но сквозь эти дебри пробираться все равно не хочется.

Мы сверились с картой: до Уаксуанока оставалось чуть больше пяти миль. Лес в этих местах был особенно густым и потребовалось бы не менее двух суток, чтобы прорубить в зарослях себе путь. С нашим скудным запасом воды и пустыми желудками такое нам было не под силу, не говоря уже о слабом состоянии Гарри. По тропе же мы могли бы идти со скоростью мили в час, если не быстрее, и добраться до цели часов через пять. Второй вариант выглядел весьма соблазнительным.

Но нельзя было и не считаться с тем, что тропа, несомненно, имела свое предназначение. Разбив свой лагерь у синота, Гатт заставил своих людей проложить к Уаксуаноку эту тропу, чтобы приглядывать за ним. Риск столкнуться с вооруженными бандитами на тропе был велик,

а они, как говорил Фаллон, с легкостью пускали оружие в ход.

Не без колебаний мы выбрали путешествие по опасной тропе: Гарри не выдержал бы двух суток в лесной чаще. Убедившись, что на тропе все пока тихо, мы пошли по ней в сторону Уаксуанока. Отпечатки ног, окурки и пустая консервная банка, обнаруженные нами по пути уже в первый же час, подтвердили наши предположения о том, что тропой часто пользовались.

К беспокойству в связи с увиденным добавлялась тревога за Гарри: он едва переставлял ноги, все больше отставая от меня. Я вынужден был замедлить шаг, не желая сильно отрываться от бедняги. Глаза его впали, на фоне черной щетины лицо было белым как мел. Он то и дело хватался рукой за грудь, словно боялся рассыпаться на ходу на кусочки.

Ширины тропы хватало как раз для прохода по ней гуськом, и я не мог поддерживать его, так что он шел, пошатываясь, позади меня, вынужденный рассчитывать на собственные силы. Из-за медлительности Гарри нас и догнали. Я-то ожидал встретиться с чиклерос лицом к лицу и готов был к этому. А они сами догнали нас, скорее всего, выйдя из лагеря в то же время, когда и мы

выбрались на тропу. Конечно же, грех винить Гарри за то, что он не следил за нашим тылом и был застигнут врасплох.

— Эй, приятель! — услышал я оклик по-испански.

Мы обернулись, раздался возглас удивления и лязг затвора.

На нас смотрел человек невысокого роста с винтовкой в руках. Видимо, он не знал, кто мы такие, но встреча с незнакомцами там, где им быть не следовало, не вызывала у него восторга.

— Не двигаться! Стоять на месте! — приказал он нам, направляя на нас ствол винтовки.

— Бежим! — хрипло крикнул мне Гарри, и мы помчались по тропе прочь. Прогремел выстрел, пуля, отколов от ствола щепку, рикошетом ударила в землю прямо передо мной. Следом донесся еще один угрожающий окрик по-испански.

Обернувшись назад, я увидел распростертое на земле тело Гарри и приближающегося к нему бандита. Гарри сделал попытку подняться, но бандит уже занес над его головой приклад винтовки. Выбора у меня не было: размахнувшись, я метнул в него мачете. Должен заметить, что если мачете ударит человека рукояткой или плашмя, или даже лезвием, чертовски тупым, этого достаточно,

чтобы человек упал. Но оно попало в бандита точно острием и вонзилось прямо под ребра.

Открыв от изумления рот, чиклерос с ужасом уставился на торчащее из его тела лезвие, издал тихий стон и, выронив винтовку, рухнул на Гарри, скребя пальцами по гнилой листве. Я подбежал к нему и увидел, что он мертв. Из раны хлестала на рубашку Гарри кровь. Я откатил труп в сторону и нагнулся над Гарри. Прижимая руки к груди тот прохрипел:

— Бог мой, я раздавлен!

— Нужно быстро уносить ноги, — взглянув на тропу, сказал я. — На выстрел прибегут его дружки!

Схватив мачете, которое выронил Гарри, я начал размахивать им изо всех сил, углубляясь в кустарник в сторону от тропы, чтобы перетащить туда Гарри. Когда мы наконец оба оказались в укрытии, он прошептал:

— Боже, моя грудь! Как же она болит!

— Успокойся, — сказал я. — Выпей воды!

Уложив его поудобнее, я вернулся на тропу. Чиклерос лежал бездыханный в луже крови. Оттащив его в кусты и забросав листьями, я побежал назад и принялся засыпать землей кровь. Потом я подхватил винтовку и вернулся бегом к

Гарри. Он по-прежнему держался за грудь.

— Мне кажется, это конец, — взглянув на меня тусклыми глазами, прошептал он. — Это падение прикончило меня: сломанные ребра проткнули мне легкие. У меня кровь изо рта, взгляни!

— Боже мой! — воскликнул я. — А я-то думал, что у тебя выбиты зубы. Что же ты мне раньше не сказал!

— А что бы от этого изменилось? — криво усмехнулся он. — Иди один в Уаксуанок, мне не дойти.

— Подожди меня здесь! — сказал я и вернулся к мертвому чиклерос: у него была с собой большая фляга с водой и рюкзак. В карманах я нашел спички, сигареты, кнопочный нож, в рюкзаке — одежду, три банки говяжьей тушенки, кусок вяленого мяса и буханку хлеба размером с тарелку. Забрав все это, я вернулся к Гарри.

— Теперь можно и поесть, — сказал ему я.

— Я не голоден, — покачал он головой. — Уходи отсюда, пока не поздно.

— Не валяй дурака! — возмутился я. — Мы уйдем вместе.

— Поступай как знаешь, — прохрипел он и судорожно закашлялся.

Только теперь я сообразил, что он в агонии. Лицо его осунулось, резко обозначились скулы,

голова напоминала череп. Изо рта летели капли крови, падая на зеленые листья. Встав рядом с умирающим, я старался его подбодрить, забыв о грозящей мне самому смертельной опасности. Гарри отказывался от пищи и воды, вскоре он начал бредить. Неожиданно он открыл глаза и спросил, вполне осмысленно глядя на меня:

— Вам когда-нибудь доводилось бывать в Таксоне, мистер?

— Нет, не доводилось. И меня зовут просто Джемми.

— А ты не собираешься там побывать?

— Да, Гарри, я непременно побываю в Таксоне, — сказал я.

— Повидай мою сестру и объясни ей, почему я не вернулся.

— Непременно, — дрогнувшим голосом пообещал я.

— Я не был женат, — грустно признался он. — И даже постоянной подруги у меня не было. Наверное, слишком часто приходилось бывать в разъездах. Мы с сестрой очень любили друг друга.

— Я навещу ее, обещаю, — сказал я. И все ей расскажу.

Он кивнул, закрыл глаза и замолчал. Спустя

полчаса у него начался приступ кашля и изо рта хлынула кровь. Еще спустя десять минут он скончался.

Глава десятая

1

Они гнали меня, словно охотничьи псы лису. Я и раньше-то недолюбливал подобные кровавые забавы, а теперь на собственной шкуре почувствовал, что значит быть затравленным зверем, и проникся к охоте сильнейшим отвращением. Я также не знал местности, на которой собаки, преследующие меня, фактически были у себя дома. В общем, я изрядно вспотел и потрепал себе нервы.

А началось все вскоре после смерти Гарри. Мне не хотелось оставлять его тело на ужин лесным падальщикам, и Я стал рыть тупым мачете для него могилу. Однако вскрыв тонкий земляной слой, я обнаружил под ним сплошную скалу и, бросив свою затею, просто сложил ему руки крестнакрест на груди и сказал последнее «прощай».

Вот это и стало моей роковой ошибкой, как и неудачная затея с рытьем могилы. Оставь я Гарри скрючившимся у дерева, мне удалось бы скрыться незаметно: чиклерос нашли бы своего мертвого дружка, неподалеку в лесу — труп Гарри, и даже

не заподозрили бы о моем существовании. Не может же покойник сам рыть себе могилу и столь тщательно обставлять собственную, кончину! И охота на меня началась.

Возможно, однако, что все дело было в добыче, которую я прихватил с собой, обобрав мертвого бандита. Я взял винтовку, рюкзак, все, что было у него в карманах, патронташ с патронами, и замечательный новенький мачете с острым, как бритва, лезвием. Я взял бы для маскировки и одежду, но меня спугнули голоса на тропе, так что я был вынужден срочно скрыться в лесу.

Торопясь убраться подальше, я заблудился и проплутал весь остаток дня. На ночь я благоразумно устроился на дереве, надеясь утром выбраться на тропу Гатта, ведущую к Уаксуаноку. Я не слишком волновался, поскольку находился теперь в лучшем положении, чем непосредственно после аварии вертолета: у меня была еда и почти три кварты воды, я обрел опыт продвижения в зарослях и научился работать мачете. К тому же одному человеку легче пробраться там, где не могут пройти двое, особенно если один из них болен. И еще у меня появилась винтовка. И хотя я еще не знал, что буду с ней делать, я решил все же оставить ее на всякий случай.

На другое утро, едва рассвело, я спустился с дерева и взял курс на запад, надеясь в конце концов выбраться на тропу. Проделав дьявольски длинный путь, я начал терять надежду вообще когда-нибудь выбраться из этого леса, ясно представляя себе, что после того, как иссякнут запасы еды и воды, мои косточки останутся гнить в этих зарослях. Тропы я так и не нашел, зато едва не нарвался на пулю: кто-то невидимый громко крикнул и выстрелил в меня.

Пуля прошла над моей головой, срезав листья с куста, и я очертя голову бросился прочь, уже не думая о направлении. С этого момента и началась эта странная погоня за мной во влажном зеленоватом сумраке тропического леса. Кустарник здесь был настолько густ, что можно было пройти в двух шагах от человека и не заметить его, если только он сам бы не выдал себя неосторожным вздохом или движением. Я чувствовал себя, как в страшном лабиринте, где между тропических растений плутает банда кровожадных головорезов и их дрожащая от страха жертва, поэтому пытался двигаться, словно индеец из романов Фенимора Купера. Но мне это плохо удавалось, впрочем, как и моим преследователям. Они хрустели ветками, перекрикивались и

палили наугад. Спустя некоторое время первый испуг прошел, и я наконец сообразил, что лучше затаиться в чаще, чем пытаться уйти от погони.

Именно так я и поступил, встав за деревом с винтовкой в руках, затаив дыхание и обливаясь потом. Вскоре шум погони стих, но я не стал торопиться выходить из укрытия, боясь наткнуться на такого же умника, как и я сам. Лишь спустя час решился я снова начать двигаться на запад.

Мне повезло: я неожиданно выскочил снова на тропу, и на ней в этот момент никого не оказалось. На всякий случай я сделал шаг назад и, взглянув на часы, обнаружил, что до наступления сумерек не так уж и много времени. Я настолько выбился из сил и отчасти утратил способность здраво рассуждать, что решил положиться на судьбу и снова выйти на тропу.

— Да черт бы с ними! — воскликнул я и смело зашагал в направлении Уаксуанока. Мачете мне не Требовалось, поэтому я взял в руки винтовку и довольно бодро шел вперед, думая о том что каждый новый шаг приближает меня к месту, где я наконец буду в безопасности.

На этот раз врасплох застал одного из чиклерос уже я. Он стоял на тропе спиной ко мне, и я почувствовал запах его вонючей сигареты. Я

начал осторожно пятиться назад, но он внезапно обернулся, учуяв мое присутствие шестым чувством, и я выстрелил в него не целясь и метнулся в заросли. Раздался ответный выстрел, и пуля едва не задела мою щеку.

Раздались крики, и я снова бросился в лес, где, подыскав очередное убежище, замер в нем, словно кролик в норе, надеясь что и на сей раз охотники меня не найдут. Началась прежняя игра в прятки: чиклерос рыскали где-то рядом, перекликаясь друг с другом, но по их неуверенным голосам я понял, что продолжать поиски им не хочется. Ведь один из них уже погиб, зарезанный самым жестоким образом, а второй едва не схватил от меня пулю. Все это не придавало им боевого духа: не зная, с кем они имеют дело, чиклерос держались теперь вместе, не желая, чтобы их передушили поодиночке.

С наступлением сумерек они вообще прекратили поиски и убрались восвояси. Я же погрузился в размышления над тем, над чем не имел возможности подумать в суматохе погони. Итак, за два минувших дня я натолкнулся на две группы чиклерос, в каждой из которых было по три-четыре человека. Убитый мной их дружок был один. Последняя группа, как я понял, не следила за

нашим лагерем в Уаксуаноке, но и не находилась в лагере Гатта. Из этого я сделал вывод, что ей было поручено охотиться за мной. Похоже, Гатт выяснил, что мой погибший товарищ — пилот Гарри Райдер, так что он мог и догадываться, кто летел вместе с ним в вертолете. Так или иначе, но на моем пути к Уаксуаноку постоянно появлялась преграда.

Мне было совершенно ясно, что меня ждет, попади я к ним в руки. Человек, которого я убил, несомненно, имел дружков, а они вряд ли станут выслушивать мои оправдания в духе того, что я, дескать, и не намеревался всаживать ему под ребро мачете, а лишь пытался помешать ему проломить Гарри череп. Как ни верти, но я его убил, и от этого никуда не денешься.

Представив себе этого чиклерос с мачете в животе, я содрогнулся: ведь я убил человека, даже не зная, кто он такой. Мысль о том, что он первый выстрелил в нас, меня почему-то мало утешила. Ведь я был обычным служащим в котелке, сереньким человечком на серенькой должности. Какого же дьявола меня сюда занесло?

Сообразив, что я выбрал не лучшее время для философских размышлений, я вернулся к насущным проблемам, а именно: стал думать, как

мне лучше пробраться в Уаксуанок. Я решил до темноты выйти на тропу, а идти по ней ночью: не станут же чиклерос, подумал я, поджидать меня там в темноте. Однако меня ждало разочарование: чиклерос расчистили на тропе поляну и посередине устроили ко-стер, усевшись вокруг которого оживленно беседовали, даже не собираясь ложиться спать. Пытаться обойти их ночью по лесу было бессмысленно, так что я отступил назад и залез на дерево.

На другое утро я забрался поглубже в заросли и, выбрав подходящее дерево, устроил на высоте сорока футов некое подобие платформы. За густой листвой мне совершенно не было видно земли, следовательно, и меня никто не мог разглядеть. Несомненно, чиклерос не стали бы забираться на каждое дерево, чтобы проверить, не спрятался ли я на нем, так что я почувствовал наконец себя в безопасности.

Устал я смертельно. Меня измотало сражение как с самим этим проклятым лесом, так и с преследующими меня людьми, измучили недосыпание и перенасыщение моей крови адреналином. Но главное, что подломило меня, был непрерывный страх.

Возможно, серенький человечек внутри меня

предпочел бы убегать и дальше, но, похоже, мне удалось переубедить его, сказав, что я нуждаюсь в отдыхе. Мне требовалось накопить силы для решающего броска. У меня осталось припасов на один день — кварта воды и чуточку еды. На дереве я намеревался провести по крайней мере сутки, чтобы отдохнуть и выспаться, после чего уже перейти к активным действиям. Кроме того, я почти не сомневался, что к этому времени чиклерос решат, что я погиб, и снимут осаду.

Итак, я устроился поудобнее и занялся собой — немного перекусил, выпил воды и заснул, думая лишь о том, как бы мне во сне не захрапеть.

Я погрузился в дремоту, и все события, связанные с Фаллоном и Уаксуаноком, отступили в бесконечную даль, в то время как ферма Хейтри вообще перенеслась на другую планету. Меня обволакивала липкая зеленая жара тропического леса, а угроза со стороны разъяренных чиклерос будто бы вовсе перестала существовать. Если бы меня осмотрел тогда психиатр, он наверняка бы поставил диагноз «шизофренический уход от реальной действительности». Очевидно, я и в самом деле был в полном изнеможении, то есть дошел до точки.

Проспав до восхода, я пробудился сильно посве-

жевшим, а пожевав вяленого мяса с остатками хлеба, и вовсе почувствовал себя бодрым. Допив остатки воды, я решил, что для Джемми Уила наступил решающий день: мосты сожжены, двигаться отныне я мог только вперед.

Я решил бросить фляги, рюкзак и патронташ, и идти налегке, рассовав по карманам патроны, нож и взяв в руки винтовку и мачете. Патронташ и фляги, скорее всего, так и висят до сих пор там на дереве, ибо я не представляю даже себе, чтобы их кто-либо мог найти.

Спустившись на землю с дерева, я решительно начал прорубать себе путь к тропе, мало заботясь о том, что меня заметят. Найдя тропу, я без колебаний вышел на нее и пошёл так, словно в целом свете у меня нет никаких забот. В одной, руке у меня была винтовка наперевес, в другой я сжимал мачете, и даже на поворотах я не замедлял шага.

Достигнув поляны, которую расчистили для ночевки чиклерос, я насторожился, почуяв запах дыма. Однако я решительно вышел на поляну, никого не обнаружил там и машинально наклонился, чтобы пощупать золу. Она была еще теплой, я поворошил уголечки, и они затлели. Значит, подумал я, чиклерос ушли совсем недав-

но.

Но куда? Вверх по тропе или же вниз по тропе? Не долго думая, я выбросил из головы эту проблему и продолжил прежний свой путь в столь же бодром темпе. По моим расчетам, до Уаксуанока оставалось еще мили три, и я решил больше не сворачивать с тропы, пока не доберусь до него.

Порой дураки бросаются туда, куда боятся сунуться даже ангелы. Но существует еще и так называемое дурацкое везение. Я слишком устал убегать от гнавшихся за мной ублюдков, скрываться и увертываться из последних сил. И вот теперь, когда мне было на них начхать, они первыми попались мне на глаза. Вернее, сперва я услышал, как они разговаривают по-испански, приближаясь ко мне, и просто отошел назад в заросли на несколько шагов, давая им пройти мимо.

Чиклерос было четверо, у всех было оружие и весьма угрюмый вид: небритые смуглые лица и грязно-белые костюмы сборщиков сока для жевательной резинки. Кто-то упомянул сеньора Гатта, что вызвало взрыв смеха, и вся компания исчезла за поворотом, — я тотчас же вышел из своего укрытия. Мне уже было решительно на все наплевать. Уверенный, что теперь-то никто

уже не попадется мне навстречу, я ускорил шал, желая оторваться от любого чиклерос, который мог идти следом. На такой жаре я быстро взмок, но все равно все шагал и шагал вперед, в том же самом убийственном темпе в течение двух часов кряду.

Внезапно тропа резко повернула влево, протянулась еще сто ярдов и оборвалась. Озадаченный, я тоже замер на месте, гадая, куда мне идти дальше, и тут увидел человека на вершине холма справа от меня, он наблюдал что-то в полевой бинокль. Едва я вскинул к плечу винтовку, как он слегка повернул голову и спросил по-испански:

— Это ты, Педро?

— Да! — облизнув губы, наугад ответил я.

Он снова приник к окулярам, наблюдая за происходящим где-то внизу, под холмом.

— У тебя есть сигареты и спички? — не оборачиваясь, произнес сложную для моего понимания фразу он, и я опять ответил.

— Да! — после чего забрался на холм и встал за его спиной.

— Спасибо, — сказал он. — А который час? — Он положил бинокль на землю и обернулся. В тот же момент я обрушил на его голову приклад винтовки. Приклад пришелся в правое надбровье, и

лицо незнакомца исказилось болью,

Я вновь ударил его по голове, как когда-то хотел сделать на моих глазах убитый мною чиклерос с Гарри. Наблюдатель хрипло застонал и покатился вниз с холма, где и замер неподвижно.

Проводив его равнодушным взглядом, я спустился и пнул тело носком ботинка. Чиклерос не пошевелился, и я взглянул туда, куда с таким пристальным интересом только что смотрел в бинокль он. В четверти мили от меня лежал Уаксуанок и наш третий лагерь. Я глядел на него, как, наверное, когда-то глядели израильтяне на Землю Обетованную. Слезы выступили у меня на глазах. Сделав шаг-другой вперед, я издал хриплый вопль восторга и, спотыкаясь и едва не падая, побежал к человеческим фигуркам, снующим возле домиков.

Силы покидали меня, тело стало ватным и до смешного слабым, но в то же время и невесомым, наполненным радостью и светом. Я не знал, был ли тот чиклерос, которого я ударил прикладом, единственным наблюдателем или же у него имелись товарищи. Я ожидал выстрела с холма в спину, но упорно переставлял ноги и, пошатываясь, уже не бежал, а брел к заветной цели. Выстрела не последовало.

Джо Рудецки обернулся в мою сторону и, приглядевшись, издал крик удивления. Потом в моей памяти случился провал, после которого я обнаружил, что на меня глядит Фаллон, и вид у него озабоченный. Он что-то говорил, но я ничего не мог разобрать, потому что в ушах стоял гул. Голова Фаллона вдруг съежилась, затем раздулась до невероятных размеров, и я вновь потерял сознание.

2

Вода — чистая холодная пресная вода — великолепнейшая штука, хочу я вам сказать. Мне доводилось использовать ее для варки супов из концентратов. Делается это так: берется сухая смесь, смахивающая на порошок из лекарственного снадобья знахарки-колдуньи, добавляется вода — и в мгновенье ока вся эта сомнительная мешанина превращается в аппетитнейшее варево с ароматом зеленого, горошка и свежих овощей.

За неделю блужданий по лесу мой организм сильно ослаб из-за потери воды и веса, но уже спустя несколько часов я вновь окреп телом и духом. И вовсе не потому, что я напился воды, напротив, Фаллон отмерял ее для меня по кап-

лям. Просто-напросто сам вид графина с водой у изголовья моей койки действовал на меня ободряюще: ведь я знал, что стоит лишь протянуть руку, и холодная вода в моем распоряжении. Чудесное чувство! Я и в самом деле чувствовал себя значительно-лучше, хотя, возможно, мне, как и супу из пакетика, не хватало пикантности.

Разумеется, Фаллону не терпелось узнать подробности того, о чем я уже успел ему поведать, несколько сумбурно, когда доковылял до лагеря.

— Мне думается, вам следует рассказать мне все. с самого начала, — сказал он, присаживаясь на стуле у изголовья моей постели.

— Я убил человека, — медленно произнес я.

— Вы подразумеваете Райдера? — вскинул брови он. — Нет, вы не должны корить себя за случившееся подобным образом!

— Да нет же, вовсе не Гарри! — И я в деталях рассказал ему обо всем случившемся за минувшие дни.

По мере повествования лицо Фаллона обрело выражение испуганного недоумения, и, едва я закончил, он воскликнул:

— Итак, за нами наблюдают, и неподалеку от нас Гатт.

— Во главе целой армии, — вздохнул я. — А

ведь Пэт Харрис пытался вас предупредить, но вы отмахнулись от него. Гатт не только привез своих подручных из Штатов, но и нанял этих головорезов-чиклерос в помощники! Пожар в радиорубке не случаен, как и крушение вертолета!

— Полагаете, это диверсия?

— Гарри в этом не сомневался, — сказал я. — И я ему верю. Мне кажется, что и грузовой вертолет в лагере номер один сгорел в результате диверсии. И задержка самолета в Мехико — тоже дело рук злоумышленников. Нас изолировали.

— И много людей вы видели у Гатта? — мрачно поинтересовался Фаллон.

— Всего около двадцати пяти, — ответил я. — Но точно сказать не могу, у меня не было времени для подсчетов. Возможно, кое с кем из бандитов я столкнулся дважды, но в общем это верная оценка. — Я потянулся к графину, но лишь пощупал его влажную запотевшую стенку. — У меня имеются некоторые соображения об их намерениях.

— Какие же именно?

— А вы не догадываетесь? — усмехнулся я. — Они собираются напасть на нас, потому что Гатт мечтает овладеть ценностями и прочими поделками, которые мы нашли. Ведь все это хранится здесь, в лагере, не так ли?

Фаллон кивнул и, встав со стула, подошел к окну.

— Мне следовало бы отправить их раньше, — устало сказал он. — Но я никак не возьму в толк, почему и вы, и Гатт в этом уверены!

— Черт возьми, — собравшись с силами, крикнул я, — ведь я же лично извлекал эти драгоценности со дна синота!

Фаллон резко обернулся.

— Но Гатту это неизвестно! Как он мог бы узнать о ценных находках? Только если ему об этом кто-то из нас сообщил.

— После аварии вертолета я целую неделю плутал по лесам, — заметил я тихо. — Но Гатт все же не перешел к решительным действиям. Он рядом, он готов, но его пока что-то сдерживает.

— Значит, он не уверен, нашли ли мы что-то действительно стоящее, — сказал Фаллон. — Нечто ценное — с его точки зрения.

— Вы правы, — кивнул я. — Но ему нужно лишь прийти сюда и убедиться в том, что полтора миллиона долларов лежат здесь и ждут, чтобы их забрали.

— Более полутора миллионов, — поправил меня Фаллон. — Пол обнаружил в храме Юм Чака хранилище бесценной культовой утвари. Ничего

подобного раньше не находили, Джемми! Как музейную коллекцию продать все это нельзя. Но если Гатт станет распродавать предметы поштучно, он выручит еще полтора миллиона.

— А вы еще имели смелость утверждать, что в Уаксуа-ноке нет золота, — укоризненно сказал я. — Гатт способен оценить находки и реализовать их через торговца Джерри-сона. Выходит, нам ничего не остается, как отдать их ему, когда он заявится сюда со своими головорезами?

— Откровенно говоря, — сказал Фаллон, — нам лучше обсудить эту проблему с остальными участниками экспедиции. Что вы об этом думаете? Вы-то сами готовы?

— Я-то готов, — сказал я, спуская ноги с кровати.

Совещание проходило в обстановке гнетущей подавленности. Меня выслушали с недоверием, но в конце концов удалось доказать, что мы в опасности. Пол Холстед, естественно, как всегда, вел себя по-свински.

— Мне ваша история кажется малоправдоподобной, — высокомерно заявил он со своей мерзкой улыбочкой.

— Выходит, я лгу? — вспыхнул я.

Фаллон предостерегающе сжал мне локоть.

— Нет, — сказал Холстед. — Вы просто все преувеличиваете. У вас богатое воображение.

— Предлагаю вам, в таком случае, самому прогуляться по лесу, — сказал ему в ответ я. — Если эти пули я выдумал, то они не причинят вам вреда, коли вы на них нарветесь.

— Я уверен, что вы могли бы помочь бедняге Райдеру, — ухмыльнулся он, и я кинулся на него, пытаясь ухватить за горло, но он ловко увернулся.

— Довольно! — рявкнул Фаллон. — Если не можете предложить ничего дельного, Пол, тогда лучше сидите и помалкивайте.

Неожиданно для всех на мужа набросилась Катрин Холстед.

— Заткнись, Пол! — резко воскликнула она. — Меня от тебя уже просто тошнит!

— Ты снова перекинулась на сторону Уила? — с недоверчивостью изумленно воскликнул Пол, делая обиженное лицо.

— Здесь нет никаких сторон, — ледяным тоном парировала Катрин. — И никогда не было. Что же до богатого воображения, то к Джемми это меньше всего относится. Мне искренне жаль, Джемми, — взглянула она на меня.

— Я не просил тебя извиняться за меня! — взо-

рвался Пол.

— А я и не думала извиняться за тебя, — резко отрезала Катрин. — Я извинилась перед Джемми за то, что не прислушалась к нему раньше. А ты, Пол, заткнись и слушай, как тебя уже попросил об этом профессор Фаллон.

Потрясенный Холстед притих и задумался.

— А вы что обо всем этом думаете? — спросил я у Рудецки.

— Я вам верю, — сказал он. — Эти проклятые чиклерос доставили нам немало неприятностей еще в лагере номер один. Меня не удивляет, что они в вас стреляли. Но этот парень, Гатт, это что-то новенькое для меня, — расправляя свои могучие плечи, сказал он Фаллону. — Мы про него ничего не знали.

— А вам и не нужно было ничего о нем знать, — бесстрастно ответил Фаллон с постным лицом.

— А мне кажется, что такая необходимость была, мистер Фаллон, — набычился Рудецки. — Если этот Гатт сколотил себе из чиклерос целую банду, это пахнет серьезными неприятностями. В моем контракте не предусматривалось, что мне придется рисковать жизнью. Ни мне, ни Смиту, ни Фоулеру все это не нравится.

Смит и Фоулер серьезно закивали головами в

знак поддержки коллеги.

— Так что вы тут собираетесь делать, Рудецки? — вмешался в разговор я. — Организовать профсоюз? Поздновато, как мне кажется. Сейчас уже не имеет никакого значения, ввел вас в заблуждение мистер Фаллон или нет. Во всяком случае, он сделал это не умышленно, я в этом не сомневаюсь. Сейчас нужно решать, что делать с Гаттом!

— Мы можем сделать лишь одно: отдать ему то, что он хочет, — устало вздохнул Фаллон.

Смит и Фоулер снова с мрачным видом закивали головами в знак согласия, а Рудецки сказал, что тоже так думает. Катрин Холстед закусила губу, а Пол Холстед обвел всех пристальным взглядом.

— И вы думаете, что нашли правильное решение? — спросил я. — Вы надеетесь, что, если отдать Гатту три миллиона долларов, он уберется отсюда? Сомневаюсь, что это будет именно так.

— Что вы хотите этим сказать? — подался вперед Рудецки.

— Джо, вы же не глупый человек, — криво усмехнулся я. — Гатт задумал преступление: он хочет украсть три миллиона долларов. Не знаю, кому принадлежат эти сокровища по закону, но наверняка мексиканское правительство имеет

на них все права. И вы полагаете, что Гатт позволит кому-то вернуться в Мехико и сообщить о случившемся властям?

— Боже мой! — вздохнул Фаллон. — Теперь-то я наконец все понял.

— Вы хотите сказать, что он всех нас здесь перебьет? — взволнованно спросил Рудецки.

— Поставьте себя на его место, — цинично предложил я. — Разумеется, если допустить, что и у вас нет уважения к святости чужой жизни.

Все стали взволнованно высказывать свои мнения, Рудецки извергал проклятия, а Смит решительно заявил, что немедленно уходит. Мне этот гвалт надоел, и я стукнул кулаком по столу:

— Замолчите сейчас же все! — крикнул я.

Все тотчас же притихли и испуганно уставились на меня.

— И куда, черт подери, ты собрался уходить? — ткнул я пальцем в Смита. — Да стоит лишь тебе сделать в лесу несколько шагов, как чиклерос охладят пулями твой пыл — навсегда. У тебя нет ни одного шанса остаться в живых.

Смит смертельно побледнел и судорожно сглотнул.

— Он прав, Смитти! — воскликнул Фоулер. — Мы в ловушке.

— Послушайте, Уил, все-таки вы сгущаете краски, — подал голос Фаллон. — Вы представляете, какая поднимется вонь, если Гатт решится на эту массовую резню? Вы полагаете, никто не заинтересуется, куда подевалась делая экспедиция? Нет, он не осмелится сделать такое.

— Не осмелится? А кому, кроме нас, еще известно, что Гатт здесь? У него есть опыт, есть организация. Да стоит ему лишь свистнуть, и набежит сотня свидетелей того, что он в это время был в Мехико. Так кто же свяжет его имя с этим происшествием?

Катрин побледнела и сказала дрожащим голосом:

— Но когда наши тела обнаружат, станет известно, что…

— Катрин, мне очень жаль, но нас никогда не найдут. Здесь, в Кинтана-Роо, можно похоронить целую армию, и тела не найдут.

Вмешался Холстед:

— Ловлю вас на слове, Уил! Как вы только что сказали, никто, кроме нас, не знает, что Гатт здесь. Но и нам об этом стало известно лишь с ваших слов! Лично я его собственными глазами не видел, как и все остальные присутствующие. Уж не хотите ли вы использовать нас в своих

личных интересах?

— И за каким дьяволом мне это нужно? — изумленно посмотрел на него я.

— Вы с самого начала пытались попасть в эту экспедицию, — пожал плечами он. — И живо интересовались стоимостью находок. По-моему, можно дальше и не продолжать, и так все ясно.

— Да, не стоит этого делать, иначе я выбью вам все зубы! — вскричал я, оглядываясь по сторонам. По лицам всех присутствующих было ясно, что ответить на такое обвинение мне в любом случае нужно. — Если я хочу надуть вас всех, зачем же я удерживаю Смита от необдуманного шага? Почему настаиваю на том, что нам лучше держаться всем вместе?

Рудецки шумно вздохнул и взглянул на Холстеда с неприязнью:

— Черт меня подери! Да этот малый й меня чуть было не сбил с толку! Мне следовало бы давно приглядеться к нему. Так что же нам делать, мистер Уил?

Я уже раскрыл было рот, чтобы в свою очередь спросить, почему он меня об этом спрашивает, но заметил, как переменился Фаллон. Он поник головой и весь словно бы сжался, погрузившись в размышления. Мне стало ясно, что он больше

не годится на роль руководителя. Холстед не смог бы и слепого перевести через дорогу, а Рудецки был лишь прекрасный исполнитель, но не более. Смит и Фоулер во всем следовали за ним. Мне никогда не приходилось быть вожаком, да и желания руководить у меня никогда не возникало. Я считал, что у всякого свои мозги, так что если правильно ими пользоваться, то не будет нужды идти по чужим следам. Тем более, не следует здравомыслящему человеку ждать, что за ним пойдут другие. Я был как бы одиноким волком, за что и прослыл серым эгоистом. У меня не было потребности склонять кого-либо на свою сторону, навязывать свое мнение, и за это окружающие — любители подобного рода деятельности — навесили на меня ярлык человека, которому нечего сказать, в чем сильно заблуждались.

Теперь все замерли, ожидая, что я сделаю нечто решительное и возьму роль лидера на себя. Все, за исключением Фаллона, ушедшего в свой внутренний мир, и Холстеда, по неизвестным мне причинам настроенного против меня.

— Нужно что-то делать! — нарушил тишину Рудецки.

— Гатт скоро перейдет к решительным действиям, — сказал я. — Какое у нас есть оружие?

— Есть дробовик и винтовка, — ответил Рудецки. — Еще у меня есть личный пистолет.

— А у меня револьвер, — добавил Фоулер.

— Еще что-нибудь? — обвел я всех взглядом.

Фаллон покачал головой, а Холстед уставился на меня немигающим взглядом, не говоря ни слова. Катрин сказала:

— У Пола есть пистолет.

— Дробовик, винтовка, три пистолета — это уже кое-что, — подытожил я. — Джо, как ты думаешь, в каком домике лучше держать оборону?

— Вы что, собираетесь здесь устраивать сражение? — заволновался Холстед. — Да если Гатт появится здесь, в чем я не уверен, у вас не останется ни одного шанса! Да вы сумасшедший, Уил!

— А вы предпочитаете подставить Гатту под нож горло?

— Этот домик подходит лучше всего, — сказал Рудецки. — Он стоит перед синотом, значит, к нему нельзя подобраться с тыла.

— А где все наши находки? — посмотрел я на пустые полки.

— Я все упаковал, — сказал Фаллон, — приготовил к отправке на вертолете.

— Придется все распаковать, и как можно скорее, — озабоченно заметил я. — Мы должны от

всего избавиться.

— Черт возьми, как прикажете это понимать? — вскочил на ноги Холстед. — Ведь это уникальные вещи! Они бесценны!*

— А вот и нет! — резко возразил я. — Их цена — семь человеческих жизней. Если Гатт овладеет добычей, он нас всех тотчас же и прикончит. Но если мы спрячем сокровища так, что он их не сможет достать, он, возможно, сообразит, что игра не стоит свеч.

— Что ж, в этом есть смысл, — сказал Фаллон. — Но что вы предлагаете с ними сделать?

— Сбросить все в синот! — решительно сказал я. — Он не сможет их оттуда быстро достать, а задерживаться ему тоже нет смысла.

— Нет! Вы не посмеете! — заорал Холстед, явно потеряв над собой контроль. — Ведь нам уже не удастся их извлечь оттуда!

— Но почему? Никуда эти предметы со дна синота не денутся. Да и не стоят все эти безделушки наших жизней, — сказал я.

— Верно, черт подери! — воскликнул Рудецки. — Я тоже за то, чтобы утопить их.

— Но ведь вы не позволите сделать этого, профессор! — воззвал Холстед к Фаллону.

— Джемми принял решение, и он его выпол-

нит, — холодно взглянул на него Фаллон. — И вряд ли вы помешаете, Пол, — саркастически усмехнулся он.

— Пещера! — воскликнула Катрин. — Ведь можно сложить все предметы в пещере!

— В какой такой пещере? — резко обернулся на нее Холстед.

— В синоте на глубине шестидесяти пяти футов есть подводная пещера, — пояснил я. — Катрин, это гениальная мысль! Уж там их Гатту точно не найти!

— Я помогу тебе, — сказала она.

— Нет, ты не сделаешь этого! — взревел Холстед. — Я не позволю тебе участвовать в этой бредовой затее!

— Я не намерена подчиняться тебе, Пол, — спокойно взглянула на него Катрин. — Я пойду своим путем, буду делать то, что нахожу нужным. Здесь, в Уаксуаноке, ты превратился в другого человека, Пол, ты не похож на того, за которого я выходила замуж. Я не собираюсь служить орудием для осуществления твоих навязчивых идей! Между нами все кончено — раз и навсегда.

И тут он ударил ее — не открытой ладонью по щеке, а сжатым кулаком в подбородок. Катрин отлетела через всю комнату в угол и сползла

без чувств по стене. Не долго думая, я схватил со стола бутылку и треснул Холстеда по башке. Бутылка, правда, не разбилась, но от этого ему не стало легче: широко раскрыв рот, он закачался, согнув колени, и я дал ему еще разок по затылку. Лишь после этого Холстед медленно осел на пол.

— Порядок, — тяжело дыша, сказал я. — Еще вопросы будут?

— Ты молодец! — одобрительно хмыкнул Рудецки. — У меня у самого давно чесались на этого ублюдка руки.

Они с Фоулером подняли Катрин с пола и усадили на стул у стола. На Холстеда никто даже не взглянул, и он продолжал валяться там, где упал.

У Катрин кружилась голова, и Фаллон налил ей чистого виски в бокал.

— Я же просил вас избавить меня от этого типа, — укоризненно сказал мне он.

— Теперь об этом уже бесполезно говорить. Джо, заберите у этого ублюдка пистолет, на него нельзя полагаться. Спросите у Катрин, где он.

— В ящике возле кровати, — слабым голосом сказала она.

— Заберите его, Смитти, — приказал Рудецки помощнику. — А ты славно ему врезал, Джемми, — пнул он ногой Холстеда. — У него теперь долго

еще будет раскалываться башка.

Катрин глотнула виски и раскашлялась. Я с тревогой спросил, все ли с ней в порядке. Она потерла подбородок:

— Он сошел с ума, — прошептала она. — Он ненормальный.

— Отнеси Холстеда в его домик и запри там, — сказал я Рудецки, кладя ему руку на могучее плечо. — У нас и без дураков хватает забот.

— А все-таки здорово ты ему врезал, — радостно осклабился Джо. — Эх, жаль, я не успел!

— Можешь сделать это в любой момент, тебя за это не уволят, — успокоил его я. — Мое терпение лопнуло, мне надоело за него заступаться.

Рудецки с Фоулером поставили Холстеда на ноги, он взглянул на меня с ненавистью, поводя головой, и Фоулер вытолкнул его за дверь. Я обернулся к Катрин:

— Как ты себя чувствуешь?

— А как я могу себя чувствовать после драки с мужем у всех на глазах? — криво усмехнулась она. — Он сильно изменился, — добавила она, опуская глаза.

— Он изменится еще больше, если и дальше будет делать пакости, — сказал я. — И совсем не так, как ему этого хотелось бы. Катрин, веры ему

больше нет, и ты больше не сможешь защитить его. Да и не должна этого делать.

— Я понимаю, — тихо произнесла она.

Снаружи послышался крик, потом грохнул выстрел, и тотчас же началась настоящая пальба. Выскочив из домика, я побежал к домику Рудецки. Он сделал мне рукой знак пригнуться, прячась за задней стеной.

— Холстед вырвался и побежал к лесу, — тяжело дыша, сообщил мне он. — Мы кинулись было следом, но они начали по нам стрелять. Мне кажется, Холстеда убили. Я видел, как он упал, добежав до леса.

За спиной кто-то всхлипнул, я обернулся и увидел Катрин.

— Скорее спрячься в дом! — сердито крикнул ей я. — Здесь опасно!

Две крупные слезы скатились по ее щекам, она повернулась и пошла, ссутулившись, прочь. Плечи ее вздрагивали. Я еще немного постоял на окраине поселка, но ничего больше не произошло: ни выстрелов, ни криков, никаких проявлений жизни живых существ. В гнетущей тишине над Уаксуаноком завис сплошной стеной ядовито-зеленый непроходимый лес.

3

Я понимал, что за нами все время наблюдают, поэтому нужно было решить, как лучше опустить наши находки в синот: не таясь либо скрытно. Поразмыслив, А пришел к выводу, что следует выбрать второй вариант. Если мы сделали бы это открыто, Гатт мог заволноваться и напасть на нас немедленно, пока мы работаем, и тогда уже ничто его не остановило бы.

Из этого следовало, что нужно вскрывать ящики и переносить их содержимое по частям к воде, вернее, в мой домик, расположенный рядом с синотом. Можно, конечно, и просто побросать находки в воду, но жаль было так поступать, имея возможность спрятать сокровища в подводной пещере. И мы решили опускаться в воду по ночам, а груз нам будет спускать на тросе Рудецки.

Днем все старались делать вид, что жизнь в лагере идет своим чередом: бродили между Домами с непринужденным видом, но постепенно все ценности скапливались в металлических корзинах на полу моего домика. Одновременно шла подготовка к обороне. Не теряя времени даром, Смит и Фоулер собирали подходящие для укрепления стен материалы и складывали их в

местах, легко доступных ночью. Время тянулось мучительно медленно, и вот наконец солнце побагровело и опустилось в ореоле красной дымки, напоминающей спекшуюся кровь.

С наступлением темноты работа закипела. Смит с Фоулером начали таскать бревна и доски в домик и обивать ими стены. Рудецки подготовил большие баллоны с воздухом и подтянул плот к берегу, а мы погрузили их на плот. После этого мы перенесли на плот все сокровища и погрузились в синот.

Пещера оказалась в том же состоянии, в котором мы ее и оставили, и воздух в ней был хороший. Выбравшись на уступ, я включил внутреннее освещение, собственный фонарь и помог выбраться из воды Катрин.

— Здесь достаточно места, чтобы разместить все сокровища, — сказал я ей. Она вяло кивнула мне в ответ.

— Жаль, что Пол причинил всем столько неприятностей. Мне следовало бы раньше прислушаться к твоим словам. Слишком поздно я задумалась над тем, что нас с ним связывает. Ты назвал мое отношение к нему преданностью, а мне раньше казалось, что это и есть любовь. Пол ведь не всегда был таким. Ты думаешь, он убит?

— Не знаю, ведь меня там в тот момент не было. Рудецки считает, что он мертв, но ведь он мог и выжить. Что ты будешь в этом случае делать?

— Неуместный вопрос при сложившихся обстоятельству — нервно усмехнулась она. — Ты считаешь, что от всего этого будет прок? Нам поможет то, что мы спрячем здесь сокровища, которых так добивается этот Гатт? — Она скептически обвела взглядом сырые стены пещеры.

— Не знаю, — сказал я. — Все будет зависеть от того, удастся ли мне убедить Гатта, что у него нет шансов заполучить их. Возможно, это охладит его. Он не похож ни на Сумасшедшего, ни на маньяка-убийцу, так что вряд ли он пойдет на бессмысленное убийство семерых человек.

— Но он может прийти в ярость, узнав,что добыча уплыла у него из-под носа!

— Он будет разъярен, ты права, — согласился с Катрин я. — Следует быть начеку.

— Если мы выберемся отсюда, я разведусь с Полом, — сказала она. — Все равно не смогу больше с ним жить. Я получу развод в Мексике, где мы и поженились, и он будет иметь законную силу везде.

— Я навещу тебя, если ты не возражаешь.

— Нет, Джемми, не возражаю, — вздохнула

Катрин. — Может быть, нам удастся начать все сначала.

— Это не так просто, — с грустью сказал я, — нам не удастся забыть прошлое, Катрин. Никогда! Надевай маску, надо работать: Джо, наверное, уже волнуется.

Мы выплыли из пещеры и приступили к изнурительной работе. Рудецки спускал нам сокровища в корзинах вниз по одной, а мы переносили содержимое в пещеру. На это ушло много времени, целых два часа. Поскольку мы не опускались ниже глубины в шестьдесят пять футов, на декомпрессию нам требовался только час. Джо опустил шланг вдоль якорного троса, и мы присоединили переходники к нашим впускным клапанам. В течение часа мы дышали воздухом из баллонов на плоту, после чего поднялись на поверхность.

— Все о'кей? — спросил Рудецки.

— Все нормально, — сказал я и тотчас же выругался, стукнувшись ногой о баллон. — Послушай, Джо, не сбросить ли нам эти баллоны в воду, чтобы у Гатта не возникло никаких идей. А вдруг он сам аквалангист? Без баллонов у него все равно ничего ведь не выйдет.

Мы спихнули тяжелые баллоны в воду и вы-

брались на берег, валясь с ног от усталости.

— Где Фаллон? — спросил я у Смита, который вместе с Фоулером пытался превратить наш домик в неприступную крепость.

— Кажется, у себя, — ответил Смит, уныло разглядывая жалкие результаты своего труда: материалов оказалось недостаточно.

Я отправился к Фаллону и застал его сидящим с поникшей головой за письменным столом. При моем появлении он обернулся и воскликнул, с горечью:

— Какое несчастье, Джемми! Какая страшная напасть!

— Вам нужно выпить. — Я взял с полки бутылку и два бокала. Налив ему и себе по изрядной порции, я протянул ему бокал со словами:–

— Вашей вины в этом нет!

— Да нет же, — запротестовал он, — это я все испортил! Я слишком легкомысленно отнесся к Гатту. Но кто мог предвидеть, что испанское нашествие повторится вновь в двадцатом столетии! Это же дикость! Свирепые конкистадоры — в наше время!

— Вы сами как-то говорили, что Кинтана-Роо не самое цивилизованное место на свете, — возразил я, делая глоток виски и чувствуя, как тепло

растекается по горлу и всему телу. — Эта провинция еще не вышла из восемнадцатого столетия.

— Я послал с ребятами, которые улетели, письма властям Мехико, где сообщил о наших находках, — сказал Фаллон. — Как вы думаете, Гатт не мог им что-нибудь подстроить? — с тревогой спросил он.

— Нет, — подумав, ответил я. — Это довольно сложно и могло насторожить местную полицию.

— Мне бы сделать это пораньше, — убивался Фаллон. — Министерство по делам древних находок чутко следит за всеми новыми открытиями, здесь давно уже было бы полно инспекторов. — Он криво улыбнулся. — Но мне так хотелось насладиться делами своих рук одному. Какой же я глупец!

— Вас предупреждал Пэт Харрис, — не сразу понял я его мысль. — Почему же вы не приняли меры?

— Я проявил эгоизм, — взглянул он мне прямо в глаза. — Чистой воды эгоизм. Я хотел воспользоваться отпущенным мне временем, Джемми. Ведь его у меня так мало осталось!

— Но вы же вернетесь на следующий год! — сказал я, отхлебнув еще глоток виски.

— Увы, нет, — покачал он головой. — Я уже ни-

когда сюда не вернусь. Кто-то другой продолжит мое дело, человек помоложе. Им мог бы стать Пол, не будь он столь опрометчив и нетерпелив.

— К чему вы клоните? — я поставил бокал на стол.

— Через три месяца меня не станет, — печально усмехнулся Фаллон. — Перед отлетом в экспедицию я был у врачей, они отпустили мне полгода, не более. — Он откинулся на спинку стула. — Они даже не хотели отпускать меня сюда, но я все же полетел, и не жалею об этом, Джемми. Теперь я отправлюсь в Мехико умирать в больнице.

— Что с вами?

— Древнейший враг человека — рак! — тяжело выдохнул Фаллон, и в домике воцарилась гнетущая тишина. Мне нечего было ему ответить. Так вот почему он казался таким задумчивым, почему спешил выполнить работу любой ценой. Он хотел провести последние в жизни раскопки и достиг своей цели: они увенчались успехом!

— Извините меня, — наконец произнес я.

— Вы — извиняетесь передо мной? — усмехнулся он. — Мне кажется, что это я должен перед вами извиниться за то, что втянул вас в эту затею! Если с Гаттом все обстоит именно так, как вы говорите, мне не дожить до больницы. Да и

никому из нас не выбраться отсюда. Я должен извиниться перед всеми! Но ведь э^ого мало, не правда ли? Зачем мертвецу извинения?

— Успокойтесь, — сказал я.

Он надолго замолчал, потом сказал:

— Когда, по-вашему, Гатт начнет наступление?

— Не знаю, — ответил я. — Но, должно быть, скоро. — Я допил виски. — Вам лучше немного вздремнуть. — Фаллону это предложение не очень поправилось, но он промолчал, и я ушел.

Как выяснилось, у Рудецки иногда возникали и собственные идеи.. Когда я наткнулся на него в темноте, он разматывал катушку провода. Смачно выругавшись, он сказал:

— Извини, но я уже на пределе.

— Чем ты занимаешься? — спросил я.

— Если чиклерос пойдут на нас в атаку, они могут укрыться вон за теми двумя домиками. Поэтому я собрал всю взрывчатку и заминировал их. Теперь я тяну провод к взрывной машинке в нашем домике: я уж постараюсь, чтобы у них не было укрытия.

— Только не спеши со взрывом домиков, — сказал я. — Мы подготовим для них сюрприз и преподнесем его им в подходящий для нас момент.

— Вот и ты стал человеком, способным преподносить подобного рода сюрпризы, — недовольно прищелкнул языком Рудецки.

— Получил несколько уроков в лесу. — Я помог ему размотать провод, и мы замаскировали его, как могли, присыпав землей. Рудецки присоединил концы провода к клеммам взрывной машинки и удовлетворенно погладил ее ладонью.

— Скоро рассвет, — заметил я.

Рудецки подошел к окну и взглянул на небо.

— Что-то многовато облаков, — сказал он. — Фаллон говорит, что дожди могут хлынуть в любую минуту.

Погода меня волновала меньше всего.

— Пусть Смит и Фоулер наблюдают за подходами к лагерю, — сказал я. — Сюрпризы нам ни к чему.

Я вышел из домика, сел и задремал, почувствовав невероятную усталость. Если бы я тогда не выспался в лесу на дереве, я давно бы уже свалился с ног: без сна человек обойтись не может. Разбудил меня Фоулер.

— Кто-то сюда идет, — с тревогой сказал он. — Вон оттуда, со стороны леса. Пошли, я покажу.

Мы дошли до крайнего домика, из которого он

вел наблюдение. Я взял у него полевой бинокль и навел его на виднеющуюся вдали фигуру в белом.

Освещения и силы бинокля хватило, чтобы в человеке, шагающем по расчищенной площадке, я узнал Гатта.

Глава одиннадцатая

1

Свет был каким-то странным в то утро. Несмотря на летящие по небу высокие облака, воздух казался кристально прозрачным, а марево, зависающее над лесом уже с рассвета, куда-то исчезло. Солнце только всходило, но небо уже подернулось нездоровым и зловещим желтоватым оттенком, а легкий бриз с запада клонил ветви деревьев в сторону расчищенных руин Уаксуанока.

Наводя окуляры на резкость, я заметил, что мои руки дрожат, и положил бинокль на подоконник, чтобы изображение не плясало у меня перед глазами. Гатт шел уверенно и неторопливо, словно бы совершал утреннюю прогулку по парку. Время от времени он останавливался и осматривал раскопки. Одет он был безукоризненно, как и во время его неожиданного визита в лагерь номер один: я даже разглядел в его нагрудном кармане носовой платок.

Я провел биноклем по периметру всех раскопок, но никого не заметил: молено было подумать, что Гатт пришел сюда один, что, конечно же, было бы

нелепо предположить. Я отдал бинокль Рудецки, который тоже зашел в домик, и сказал:

— Вот это и есть Гатт.

— Не торопится, однако, — усмехнулся Рудецки, разглядывая Гатта. — Что ему здесь нужно, черт бы его подрал? Уж не цветочки ли он собирает.

Гатт наклонился и взял что-то с земли.

— Выйду и поговорю с ним, — сказал я, — он будет здесь уже минут через пять. Понимаю, что это рискованно, но так лучше. Кто-нибудь из вас умеет пользоваться винтовкой?

— Фоулер был снайпером в Корее, — сказал Рудецки.

— Превосходно, — сказал я. — Держи его под прицелом и в крайнем случае стреляй — пусть получит, что заслуживает.

— Не отходите слишком далеко, — сказал Фоулер, осмотрев прицел. — И не заслоняйте Гатта своей спиной.

— Пусть пока никто не высовывается, — приказал я, подходя к двери, и вышел наружу, чувствуя себя приговоренным к смерти, идущим к виселице.

Направляясь к Гатту, я ощущал неприятное чувство человека, которого держат на мушке, и шел медленно, как советовал Фоулер. — Наша

встреча с гостем произошла примерно в двухстах ярдах от домика, и я несколько отклонился в сторону по пути, чтобы расширить для Фоулера сектор огня.

— Прекрасное утро, мистер Уил! — пыхнув сигарой, приподнял в знак приветствия Гатт свою элегантную шляпу. — Могу я видеть профессора Фаллона?

— Нет, — отрезал я решительно.

— Что ж, замечательно, — сдержанно кивнул он головой. — Разумеется, вы понимаете, почему я здесь, — категорическим тоном сказал он.

— Вы не получите того, чего добиваетесь, — не менее категорично ответил я.

— А вот и получу, — уверенно заявил Гатт. — Можете не сомневаться. — Он стряхнул пепел с сигары. — Вы, как я понимаю, представитель профессора. Это странно, я полагал, что у него хватит мужества лично вести переговоры, но я ошибся: нутро на поверку у него оказалось мягким, как и у большинства людей. Впрочем, перейдем к делу. Мне нужны ценности, которые вы извлекли из синота. Договоримся так: вы отдаете мне свои находки, и у вас не возникает больше со мной никаких недоразумений. Я позволю вам спокойно уйти отсюда.

— И какие же гарантии? — спросил я.

— Мое честное слово! — развел он руками и посмотрел на меня честнейшим взглядом.

— Не выйдет, Гатт, — расхохотался я. — Меня вам не провести.

Гатт раздраженно поморщился, и в глазах его мелькнули злобные искорки.

— Расставим все по своим местам, Уил, — сказал он. — Я пришел сюда за добычей, и ничто меня не остановит. Отдадите вы мне ее добровольно или нет — ваше личное дело.

Я поглядел по сторонам: из леса медленно выходили люди в белом с винтовками в руках. Видимо, настало время надавить на Гатта. Я достал из кармашка рубашки сигареты и спички, закурил и принялся подбрасывать в воздух коробок.

— Вы под прицелом, Гатт, — невозмутимо сказал я, — одно неверное движение — и вы труп.

— Я не идиот, — улыбнулся он уголками губ. — На вас тоже наведены винтовки.

— Если я уроню этот коробок, — сказал я, продолжая подбрасывать его, — вы получите пулю. Так что если ваши люди подойдут еще на десять шагов я его роняю.

В глазах Гатта мелькнула неуверенность. Он сказал:

— Вы блефуете, вы тоже станете покойником.

— Не забывайте, — сказал я, — что мы с вами в разном положении: мне нечего терять, вам же наверняка не безразлично, живы вы будете или умрете. Вы убили моего брата, Гатт, и я рассчитаюсь с вами за это. — Я подбросил в воздух коробок, и Гатт вздрогнул, когда я едва не уронил его. Я снова повторил свой трюк. — Итак, если ваши люди приблизятся еще на три ярда, нас с вами уже не будут волновать никакие сокровища.

Гатт сломался.

— Ладно, ничья, — хрипло сказал он и помахал в воздухе руками. Цепочка людей в белом направилась к лесу. Провожая их взглядом, я снова подбросил в воздух коробок, и Гатт раздраженно воскликнул: — Да прекратите же ваши фокусы наконец!

Я ухмыльнулся и поймал коробок, но продолжал держать его в руке. Лоб Гатта покрылся испариной, хотя еще и не было жарко. Он тяжело вздохнул, пристально посмотрел на меня и сказал:

— Я бы не сел играть с вами в покер!

— А я никогда и не играл в него.

— Послушайте, Уил, — с раздражением вздохнул Гатт. — Вы же не знаете, в какую впутались

игру. Я с самого начала не спускал глаз с Фаллона. Вы решили, что одурачили меня тогда, на взлетной полосе, строя из себя святую невинность. Я чуть не помер со смеху, наблюдая за вашими неуклюжими попытками провести меня. Да я знал каждый ваш шаг и каждую вашу мысль наперед. И за этим идиотом Харрисом я установил в Мехико слежку. Все сводится к одной простой вещи: я здесь, и я победил. И что вы на это скажете?

— То, что вам кто-то помогал.

— А вы до сих пор не знаете? — удивился он и рассмеялся. — Боже мой! Да этот же болван Холстед! Он пришел ко мне еще в Мехико, и мы с ним заключили сделку. Он крайне нетерпелив, этот Холстед, ему не хотелось, видите ли, делить Уаксуанок с Фаллоном, вот мы с ним и договорились: я забираю золото и убираю Фаллона, а он получает лавры научного гения. — Гатт презрительно усмехнулся: — Он был слишком желторот, чтобы убить Фаллона.

Так, значит, это Холстед, как и подозревал Пэт Харрис, информировал Гатта. Ничего удивительного, что. ему был известен каждый наш шаг. Напрасно Харрис пытался обеспечить безопасность экспедиции, у нас был предатель. Вот до

чего могут довести человека амбиции! Самое интересное, что, заключая сделку с Гаттом, Холстед обманывал его, уверенный, что никакого золота в Уаксуаноке нет и быть не может.

— А где теперь Холстед? — глухо спросил я.

— Парень мертв, — невозмутимо сказал Гатт, — Он схлопотал пулю от моих чиклерос — ребятки подстрелили его для забавы. Я избавил вас от лишних хлопот, не так ли, Уил? — ухмыльнулся он.

Я пропустил эту реплику мимо ушей.

— Вы напрасно теряете здесь время, — сказал я. — Можете прийти и забрать добычу, но вам для этого придется понырять.

— Не мне, — возразил Гатт. — Вам! Я знаю, что вы сделали с золотом, Холстед перед смертью успел рассказать мне об этом. Правда, мне пришлось над ним немного потрудиться, чтобы развязать ему язык. Это заняло некоторое время, иначе я уже давно бы был здесь, до того, как вы утопили товар. Но это не имеет значения, смею вас заверить. Вы же достанете его для меня, Уил, — спокойно и уверенно сказал он. — Вы же ныряльщик, как и эта сучка Холстеда. Вы опуститесь с ней на дно и все поднимется наверх — для меня.

— Я вижу, вы не очень-то разбираетесь в подводном погружении, Гатт, — сказал я. — Это не пятиминутная работенка.

— Но вы ведь, справитесь с ней? — махнул он небрежно рукой.

— Интересно, как вы заставите меня это сделать.

— Увидите, в свое время, — мерзко улыбнулся он. — Я поработаю немножко с Фаллоном на ваших глазах, и будьте уверены, вы нырнете. — Он бросил окурок сигары на землю и похлопал меня по груди: — Между нами есть разница, Уил, в этом вы были совершенно правы. Я твердый человек, а вам лишь кажется, что вы твердый. Вам удалось меня провести однажды, но сейчас вы выдали себя: вы такой же мягкотелый, как и все. Когда я начну по кусочкам разделывать Фаллона или девчонку, или этого быка Рудецки, вы непременно нырнете. Вы поняли меня?

Я понял. Понял, что главным .инструментом этого злодея была жестокость. В нем не осталось ничего человеческого, но он умел играты на чувствах других. Теперь я пожалел, что не договорился с Фоулером об условном сигнале на самом деле. Мне так хотелось в этот момент уронить спичечный коробок! Пусть бы убили и меня са-

мого, зато этот изверг был бы уничтожен. И еще я мысленно проклинал себя за то, что не взял с собой пистолет.

Я перевел дух и постарался говорить как можно спокойнее.

— В таком случае, вам следует беречь меня. Вам ведь известна сказка о курочке, несущей золотые яички.

— Вы еще пожалеете, что я не убил вас, — оскалился он. — Еще как пожалеете, Уил, обещаю вам! — С этими словами он обернулся и пошел к лесу, а я быстрым шагом устремился назад к домику.

— Застрели этого ублюдка! — с порога крикнул я Фоулеру, трясясь от слепой ярости.

— Не выйдет, — откликнулся Фоулер, стоящий возле окна. — Он уже в лесу.

— Он совсем обезумел, — воскликнул я, перехватив вопросительный взгляд Рудецки. — Он готов пролить ради своей добычи море крови. — Мне вспомнился тот безумец, который кричал в свое время: «Мировое господство или гибель!». Подобно Гитлеру, Гатт совсем сошел с ума и был готов уничтожить в припадке ярости и нас, и себя. Никакие разумные доводы на него уже не действовали, на мир он смотрел сквозь кровавую пелену.

Рудецки с Фоулером молча посмотрели на меня, потом Рудецки сказал, глубоко вздохнув:

— Это не имеет значения, насколько я понимаю. Мы знали, что он убьет нас в любом случае.

— Он может начать атаку в любую минуту, — сказал я. — Пусть все вернутся в домик у синота.

Рудецки вложил мне в руку револьвер:

— Нужно только спустить курок.

Мы помчались к домику у синота что было духу, но уже на полпути к нему на нас обрушился град пуль, поднимая пыль у нас под ногами.

— Рассредоточиться! — скомандовал Рудецки и нырнул за домик. Стрельба не стихала, и это настораживало.

— Где же они, черт подери? — спросил я.

— Где-то там, впереди, — тяжело дыша, ответил Рудецки.

Выстрелы гремели со всех сторон: видимо, люди Гатта пошли в атаку, как только он .оказался в безопасности, согласно заранее намеченному плану. Все напоминало фильм из жизни дикого запада. Фоулер, укрывшийся за ящиками на другом конце вырубки, внезапно вскочил и побежал, бросаясь из стороны в сторону, как опытный солдат. Пули взрыхляли землю у-него под ногами, но ему удалось благополучно скрыться за

стеной дома.

— Нужно уносить отсюда ноги, — сказал Рудецки. — К домику у синота. На открытом пространстве нас всех перестреляют.

— Нам лучше разделиться, Джо, — сказал я. — Две мишени поразить сложнее, чем одну.

— Иди первым, — отрывисто сказал он. — Я тебя прикрою.

Времени на споры не было, и я побежал по направлению к ближайшему к нам домику. Внезапно из-за угла выскочил чиклерос и буквально наткнулся пупком на ствол моего револьвера. Удивиться он не успел, потому что я выстрелил. Словно схваченный за воротник какой-то невидимой рукой, чиклерос отлетел назад и упал навзничь, раскинув руки. Придя в себя, я рывком открыл дверь и нырнул в домик, где прижался спиной к стене и некоторое время дышал широко раскрытым ртом, ощущая жуткую слабость в ногах. Затем я осторожно выглянул из окна: Рудецки куда-то исчез. У меня в револьвере оставалось пять патронов. Откуда взялись здесь чиклерос, подумал я. Неужели со стороны синота? Мне такой поворот событий не нравился.

Но долго размышлять мне не пришлось: дверь с треском распахнулась от удара тяжелым бо-

тинком, я резко обернулся и увидел в проеме чиклерос, готового выстрелить в меня из винтовки. Я застыл, как парализованный, понимая, что даже не успею вскинуть свой револьвер.

Вдруг, словно в старом фильме, челюсть чиклерос исчезла, а на ее месте возникла кровавая маска. Издав булькающий звук, он с грохотом уронил винтовку и упал, схватившись за лицо. Я не стал тратить время на раздумья, кто выстрелил в него, Рудецки или Фоулер, а пригнулся и выскочил из дома, подхватив на бегу винтовку. Забирая влево, я помчался к домику у синота, не зная, отперта ли его дверь и есть ли кто внутри. С другой стороны к домику бежал Фоулер, делая большие прыжки.

Ему оставалось сделать всего два-три прыжка, когда словно из-под земли возник один из головорезов Гатта с обрезом в руках. Гангстер выстрелил, его пушка издала оглушающий грохот — и бедный Фоулер рухнул на землю, сраженный из двух стволов крупной дробью.

Я наугад выстрелил в сторону его убийцы и бросился бежать к двери домика. Пуля отколола щепку от косяка в тот момент, когда я ввалился внутрь, и та засела у меня в щеке. Затем кто-то захлопнул за мной дверь.

2

Стрельба внезапно оборвалась, и я огляделся: Фаллон с дробовиком в руках устроился возле окна, возле двери с пистолетом в руке стоял Смит. Катрин лежала на полу и рыдала. Больше никого в домике не было.

— Где Рудецки? — каким-то чужим голосом спросил я.

Фаллон лишь покачал головой, в глазах его застыла боль.

— Боже мой! — воскликнул с горечью Смит. — Фоулер убит! Они изрешетили его пулями со всех сторон, я видел.

Вдруг снаружи раздался громкий голос из мегафона: говорил Гатт, Он явно намеревался навязать мне сделку.

— Уил? Ты меня слышишь, Уил? Я знаю, что ты там, я видел, как ты спрятался в домике. Мы продолжим наш деловой разговор?

Я молчал: спорить с Гаттом было бесполезно. Мы с Фаллоном переглянулись. Какой еще грязный трюк задумал американец?

— Сделку можно заключить на интересных для вас условиях, — гудел голос Гатта. — У меня тут есть ваш парень, Рудецки. Ты меня понимаешь?

Ты понял меня, Уил?

Я облизнул пересохшие губы и прокричал в ответ: Покажи мне его живым — тогда и поговорим.

Наступила томительная пауза. Я лихорадочно размышлял, как поступить. Что бы я ни сделал, все было бесполезно. Гатт убил бы нас в любом случае. Но выдержу ли я, если станут мучить Рудецки? Этого я не знал. Ответом был смех Гатта.

— А ты не дурак,. Уил, ты сообразительный малый. Любопытно, старик Фаллон еще жив? Я полагаю, он тоже здесь, и еще два человека. Я даю вам час подумать — не более. Посмотрим, насколько ты крутой парень, Уил. Уверен, что у тебя уже сейчас дрожат поджилки.

Гатт замолчал, я взглянул на часы и обнаружил, что еще нет и семи утра. В глазах. Смита я прочитал презрение и ненависть: Гатт наговорил вполне достаточно, чтобы он заподозрил меня в измене. Ведь атака, лагеря началась тотчас же после моего разговор с Гаттом с глазу на глаз на окраине лагеря и произошла с безжалостной стремительностью.

— О какой сделке он говорил? — усталым голосом старого больного человека спросил меня Фаллон, откладывая ружье в сторону и медленно

сползая по стенке на пол. Я посмотрел на Смита, сжимающего в руке автоматический пистолет.

— Что за сделка, в самом деле? — повторил вопрос Смит.

— Ни о какой сделке не может быть и речи, — сказал я.

— Но этот парень сказал, что можно договориться.

— Вряд ли тебе понравятся его условия, — холодно ответил я и поднял револьвер, заметив, как напряглась рука Смита.

— Хорошо, давайте перестреляем друг друга и избавим Гатта от ненужных хлопот.

Смит посмотрел на револьвер, нацеленный ему в. живот.

— Мне любопытно узнать, какую он предлагает сделку, — упрямо повторил он.

— Положи пистолет на пол, потом поговорим, — сказал я. — Так мне будет спокойнее.

Все мысли Смита были написаны у него на лице. Не без колебаний он все-таки наклонился и положил пистолет у своих ног. Я расслабился и положил револьвер на стол. Все несколько успокоились после этого.

— Чего хочет Гатт? — не поднимая головы, спросил скрипучим голосом Фаллон. — Или кош?

— Он хочет, чтобы я нырнул и достал сокровища.

— А что случилось с Рудецки?

— Он мертв, ему повезло.

— Что значит — повезло? — прошипел Смит, трясясь от гнева.

— Гатт сказал, что будет мучить кого-то из вас до тех пор, пока я не выполню его требования. Он способен жечь человеку ноги паяльной лампой, резать его по кусочкам, короче — он готов на все. У него большая фантазия и немалый опыт в подобной работе.

— И вы позволите ему сделать это из-за каких-то паршивых побрякушек? — не глядя на меня, спросил Смит. Щека его нервно подергивалась.

— Я не смог остановить его, — сказал я. — Вот почему я сказал, что рад, что Рудецки и Фоулер погибли. Понимаешь, мы сбросили баллоны с воздухом в воду, а без них погружаться невозможно. С аквалангом на такую глубину опуститься нельзя.

Смит повернулся к Фаллону, лицо его исказилось от отчаяния и жалости к себе:

— Это вы, безумный старик, втянули меня в эту затею! Какое вы имели право?! Боже, что же мне теперь делать? Я не хочу умирать, я не хочу,

чтобы меня пытали! — Он заплакал.

На Смита было больно смотреть, это был уже не мужчина. Гатт знал, как разрушить сердцевину человека, и дал этот час отсрочки вовсе не для размышлений и передышки. Это был прием опытного садиста. Катрин была в шоке, Фаллона грызли угрызения совести и рак, а Смит погибал от страха.

Я же страдал от бессилия. Я готов был выскочить наружу и разметать всех в стороны. Я был готов своими руками вырвать из груди Гатта сердце. Но ничего из этого все равно бы не вышло, и это действовало на меня убийственно.

— Я знаю, что надо делать, — прошептал Смит, подняв голову. — Надо выдать им Фаллона. Пусть делают с ним что хотят, но нас оставят в покое. — В его глазах появился безумный блеск.

— Замолчи! — крикнул я, но тотчас же взял себя в руки, подавив в себе соблазн сорвать на Смите собственное отчаяние и тем самым сыграть на руку Гатту, который только того и добивался, чтобы стравить нас друг с другом.

— Послушай меня, Смит, — решительно и спокойно продолжал я. — Нам всем не. миновать смерти. Но можно погибнуть от пули, а не умереть мучительной смертью под пытками. Я

сделал свой выбор: я буду сражаться с Гаттом и постараюсь убить его.

— Хорошо тебе так говорить, — с ненавистью взглянул на меня Смит. — Тебя он мучить не станет, ты в безопасности.

И тут я истерически расхохотался:

— В безопасности? Я — в безопасности? Боже, я сейчас умру со смеху! — У меня выступили от смеха на глазах слезы и закололо в боку. — В безопасности! Вот умора!

Смит взглянул на меня сперва изумленно, потом нервно хихикнул и залился нормальным хохотом. На лице Фаллона тоже появилась слабая улыбка. Он сказал:

— Извини, что я втянул тебя в эту авантюру, Смит. Но мое положение не лучше.. Джемми прав — нужно драться до конца.

— Мне тоже жаль, что я ляпнул подобную глупость, мистер Фаллон, — смущенно сказал Смит. — Похоже, у меня было временное затмение рассудка. — У меня осталось пять патронов: четыре дли них и один для меня. Постараюсь захватить с собой на тот свет как можно больше этих ублюдков.

— Ты прав. — Я взял со стола свой револьвер, думая о том, что у меня вряд ли хватит духа пу-

стить себе пулю в висок.

— Следи за тем, что творится снаружи, Гатту верить нельзя.

Я опустился на колени рядом с Катрин. На ее щеках остались следы слез.

— Мне жаль, что я сломалась, — прошептала она. — Но я сильно испугалась. Они на самом деле убили Рудецки и Фоулера?

Я кивнул и, вздохнув, добавил:

— И Пола тоже. Так мне сказал Гатт.

— О Боже! Бедняжка Пол! Он хотел так много — и все сразу! — воскликнула Катрин, и на глазах ее выступили слезы.

Я не стал ей рассказывать о том, каким образом Холстед намеревался добиться всего сразу. Мне не хотелось причинять ей боль. Пусть запомнит его таким, каким он был в молодости, когда она вышла за него замуж, — нетерпеливым, полным творческих планов и амбиций. Рассказать ей теперь всю правду о нем было бы слишком жестоко. И я просто сказал:

— Мне очень жаль, что так вышло, Катрин.

— Джемми, — коснулась она моей ладони, — у нас есть шанс.

Я взглянул ей в глаза и твердо сказал:

— Шанс остается всегда, — хотя в душе вовсе не

был в этом уверен. Я встал и подошел к стоящему возле окна Смиту.

— Ну, что там происходит? — спросил я его. — Где чиклерос?

— Укрылись вон в тех домиках, — сказал он, — по пять-шесть человек в каждом. Если они начнут стрелять оттуда, пули прошьют стены нашего домика, как фанерный ящик.

— Можно преподнести им сюрприз, — посмотрел я на взрывную машинку, думая о том, сколько взрывчатки заложил Рудецки под домики и целы ли еще провода. В детстве, читая о неудаче Гая Фокса, я всегда очень огорчался из-за отсыревших фитилей, которые спасли в «пороховую ночь» английский парламент.

Тишину внезапно нарушил хриплый голос Гатта, доносящийся из мегафона:

— Уил! Ты готов к переговорам? Твой час истек, Уил! — Гатт гнусно рассмеялся: — Лови рыбку, или я порежу тебя на наживку!

Гул самолета перекрыл голос Гатта: постепенно нарастая, он перешел в рев, когда самолет оказался над нами. Я судорожно схватил взрывную машинку и повернул ручку на девяносто градусов. Мощный взрыв потряс все вокруг, Смит издал ликующий вопль, и я подбежал к окну.

Один из домиков с чиклерос взлетел на воздух, от него осталось лишь бетонное основание. Из второго домика разбегались в разные стороны фигурки в белом. Смит начал стрелять по ним, но я сжал его плечо:

— Не трать попусту патроны!

Самолет снова пролетел над нами, и я задумчиво произнес:

— Любопытно, кому он принадлежит? Возможно, Гатту.

— Может, и нет, — сказал Смит. — Но какой сигнал мы ему подали!

Я от души надеялся, что отправил Гатта в преисподнюю.

3

В течение часа все было тихо, затем вновь затрещали выстрелы. Пули прошивали стены нашего домика, откалывая щепки от обшивки, и мы прятались за бревнами и толстыми балками. Ясно было, что Гатт жив: без него и его подручных чиклерос не возобновили бы атаку. Гатт умел руководить людьми, у него было дьявольское упорство. Но чей, все-таки, это был самолет? Сделав пару кругов, он улетел на северо-запад.

— Интересно, куда подевались остальные

чиклерос? — сказал Смит, выводя меня из размышлений. — По нам стреляют не более четырех. Во время взрыва погибло тоже четверо. Куда же подевались все остальные?

Катрин пряталась за бревнами, сжимая в руке револьвер.

Фаллон неподвижно стоял возле окна с дробовиком в руках, ожидая неизбежного конца.

В тридцати футах от домика лежал мертвый Фоулер. Ветер надувал на нем испачканную кровью рубашку и трепал волосы. Я проглотил подступивший к горлу ком и взглянул на руины Уаксуанока и кромку леса. Поднимался ветер. Верхушки деревьев плясали!, ветви раскачивались, разбрасывая листву. Небо на востоке почернело, затянутое тучами, время от времени их прошивали яркие молнии. Начался сезон ливней.

Еще одна пуля прошила домик, и щепка впилась мне в ногу.

— Откуда она прилетела, черт подери? — встревожился Смит, указывая на дырку в полу.

Я тотчас смекнул, в чем дело: чиклерос забрались на холм позади синота и обстреливали нас сверху. Ситуация осложнилась — ведь сверху мы не были защищены.

— Не хочешь ли выскочить наружу, Смит? — спросил я.

— Только не я, — упрямо ответил он. — Я умру здесь.

Через десять секунд пуля угодила ему прямо в лоб. Он отлетел в угол и упал на пол, так и не увидев человека, который его убил, и не узнав, как выглядит Гатт, приказавший, чтобы его убили.

— Вы можете выбраться отсюда, — сказал Фаллон, глядя на меня блестящими глазами. — Только поторопитесь!

В синоте им до вас не добраться. А я вас прикрою. Обо мне не волнуйтесь, я все равно уже мертвец. Но Гатту не взять меня живым.

Я схватил Катрин за руку.

— Быстро надевай акваланг!

Она влезла в гидрокостюм, и я помог ей надеть акваланг, после чего переоделся сам.

— Приближается буря, — сказал Фаллон, — ветер крепчает.

Он выложил все оружие на полу под окном и взял в руки винтовку.

— Убирайтесь же наконец! — воскликнул он. — Время идет!

Он повернулся к нам спиной и замер у окна с винтовкой в руках, готовый к последнему бою.

Я открыл дверь, отодвинув в сторону стол, и мы выбежали наружу. Катрин завернула за угол, я последовал за ней, но едва не упал от удара ветра, плотного, как стена.

У меня перехватило дыхание. Воздушные баллоны давили мне на плечи, быстро бежать я не мог. Катрин приходилось еще труднее. Нас легко могли подстрелить по пути к синоту. Я посмотрел вверх на склон холма: яростный холодный ветер гнул высокие деревья, словно стебельки, и мне вдруг пришло в голову, что засевшим там чиклерос пора спасать собственную шкуру.

Катрин в нерешительности застыла на краю синота.

— Прыгай! Прыгай, черт подери! — крикнул ей я и подтолкнул ее в спину. Потеряв равновесие, она полетела в воду с тридцатифутовой высоты. Я прыгнул следом за ней и вошел в воду ногами. Ремни акваланга врезались мне в тело, и вода сомкнулась у меня над головой.

Глава двенадцатая

1

Оказавшись под водой, я резко согнулся пополам и ушел в глубину, уже головой вперед, одновременно высматривая Катрин. К моему удивлению, она стремительно всплывала на поверхность. Я последовал за ней и, вынырнув, понял, что случилось. От удара о воду с нее слетела маска, а воздушный шланг перекрутился и запутался между баллонами так, что она не могла дотянуться до него рукой. Не поддавшись панике, Катрин позволила мне оттащить ее к краю синота под склоном холма, где мы были защищены от выстрелов сверху. Я распутал шланг и велел ей плыть под водой к якорному тросу.

— Не бойся выстрелов, — сказал ей я, — вода останавливает пулю на глубине шести дюймов.

Катрин нырнула, и я последовал за ней, держась на глубине четырех футов. Катрин я нашел возле троса под плотиком и рукой показал ей вниз. Мы начали погружение. Опустившись до глубины в шестьдесят пять футов, мы заплыли в пещеру и с чувством глубокого облегчения

вынырнули на поверхность.

— Мы добились своего, — сказал я, когда мы вылезли на уступ и я включил свет.

— Но сколько времени мы здесь продержимся? — сняв маску, спросила она. — А Фаллон? Мы оставили его там умирать.

— Он сам так решил, — сказал я. — Перекрой клапан, зря расходуешь воздух.

Я осмотрел пещеру: она была достаточно большой, объемом приблизительно в три тысячи кубических футов. На такой глубине воздух содержал кислорода в три раза больше, чем на поверхности. Но с каждым выдохом из легких двуокиси углерода наше положение ухудшалось. Глядя на груду золотых тарелок в дальнем углу уступа, я подумал, что чем дольше мы будем оставаться внизу, тем больше времени нам потребуется на обратный путь. Наших же баллонов было недостаточно для длительной декомпрессии. Я сполоснул маску водой, надел ее и, выплыв из пещеры, опустился на дно. Там я нашел один из фонарей, включил его и при свете отыскал большие баллоны, воздушный шланг и распределитель. Удовлетворенно хмыкнул про себя, увидев, что вентиль на месте.

Я провозился с баллонами и распределителем

почти час, выполнив работу, достойную Геркулеса, но наконец сделал так, что воздух в баллонах мог поступать через клапан воздушного шланга. После этого, волоча за собой шланг, похожий на огромную змею, я заплыл в пещеру. С трудом выбравшись из воды, я закрепил на уступе шланг и только тогда заметил, что Катрин чем-то удручена.

— Что с тобой? — спросил я, удивленный тем, что она не разделяет мой триумф.

— Я думаю о Фаллоне, — сказала она. — Оказывается, ты жестокий и расчетливый человек. Как же я ошиблась в тебе! Ты оставил человека, умирать и даже не вспоминаешь о нем!

— Катрин, Фаллон умирает от рака, — тихо сказал я. — Он узнал об этом еще в Мехико и поэтому стал вести себя столь легкомысленно. Теперь же чувствует угрызения совести, а он хочет, чтобы совесть его была чиста. Я не мог отказать ему в этом.

— О Боже! — воскликнула Катрин. — Я ничего об этом не знала. Так вот почему он не спешил уезжать отсюда! Этот древний город был его последним любовным романом. Он ведь гладил каждую вещь, попадавшую ему в руки. — Она всхлипнула. — Джемми, прости меня за слова,

которые я тебе сказала!

— Забудем об этом!

Внезапно погас свет — кто-то наверху отключил его, и мы остались в темноте, ощущая– ее почти физически как влажный черный покров. Я сжал руку Катрин. Мы стали разговаривать, чтобы не чувствовать гнетущей тишины подводной пещеры. Мы говорили обо всем: о семье Катрин и ее работе, о моем увлечении в молодости фехтованием и подводным плаванием, о моей ферме, о Багамских островах, и о нашем будущем. В темноте мы настолько забылись, что поверили, что у нас может быть будущее. Наконец я взглянул на люминесцентный циферблат подводных часов: настало время подниматься на поверхность.

— Я готова, — сказала Катрин.

— Ты останешься здесь, — облизнув пересохшие губы, с трудом выдавил из себя я. — Воздуха хватит только на одного. Если мы начнем всплывать вместе, то оба погибнем. Даже если Гатт убрался отсюда, все равно нужно найти детали компрессора, которые спрятал Рудецки, и собрать их. Ты сможешь самостоятельно это сделать?

— Нет, не смогу, — сказала Катрин.

— Значит, это должен сделать я. Мне потребуется два часа на всплытие и не менее часа на то,

чтобы собрать компрессор. Воздуха в пещере тебе хватит еще часов на восемь.

— Значит, если через восемь часов ты не вернешься, ты не вернешься никогда, Джемми?

Она была права, и я это знал.

— Лучше сразу утонуть, чем погибать от недостатка воздуха, — задумчиво произнесла она.

— Ради Бога! — воскликнул я. — Обещай мне дождаться меня здесь! Я вернусь, я непременно вернусь и спасу тебя!

— Поцелуй меня, дорогой, — мягко сказала она и обняла меня.

Я крепко прижал ее к себе. Не обращая внимания на гидрокостюмы, мы поцеловались.

— Нельзя терять время, — оттолкнув ее от себя, я стал нащупывать в темноте шланг. Мне под руку попалось что-то металлическое, и я сжал этот предмет в руке, другой рукой наконец нащупав шланг. Засунув найденный предмет под ремни акваланга, я опустил маску и соскользнул в воду, сказав еще раз:

— Я вернусь!

Последнее, что я услышал, уходя под воду, был голос Катрин, одиноко звучащий во мраке пещеры:

— Я люблю тебя! Я тебя люблю!

2

Вынырнув под плотиком, я высунул в отверстие голову и с наслаждением вдохнул горячий от солнца воздух. Ветер стих, никаких голосов или других звуков, говорящих о присутствии людей, не было слышно. Я выплыл из-под плота, вскарабкался на него и скинул с себя акваланг. Что-то стукнулось о доски, я нагнулся и увидел, что это золотая статуэтка девушки майя, отлитая Виверо, прихваченная мною в темноте из пещеры. Я сунул ее за пояс и поплыл к грубому деревянному пирсу, сколоченному Рудецки. Поднявшись по ступеням, выбитым в скале, я застыл в изумлении. Лагерь был полностью разрушен, от домиков остался только фундамент. По всей территории валялись сломанные деревья, ветви, доски, и нигде не было видно ни единой живой души.

Домик, в котором мы держали оборону, рухнул, придавленный огромным деревом, вывороченным с корнем. Ступая по веткам и листве, я пошел к нему, как вдруг из-под развалин вылетела, громкая хлопая крыльями, яркая пестрая птица, испугав меня. Я полез сквозь ветви внутрь развалин, надеясь найти запасные аквалангi. И где-то

рядом должен был лежать Фаллон! Я нашел два мачете и принялся расчищать одним из них себе путь. После десяти минут работы я обнаружил залитое кровью лицо Смита. Пробравшись немного вперед, я наконец нашел Фаллона.

Его придавило к полу веткой, и пощупав его запястье, я с изумлением обнаружил, что он жив! Его не убил Гатт, он устоял против рака и выжил, несмотря на неистовство стихии. Я стал освобождать его, что оказалось нелегкой задачей. Вскоре, однако, я вытащил его из-под дерева и устроил в тенечке. Он еще не пришел в себя, но цвет лица стал лучше. Никаких повреждений на его теле я не заметил, только на лбу чернел синяк. Оставив его на время, я пошел заниматься компрессором.

Детали его были зарыты возле домика, но теперь, после бури, все вокруг покрывали ветки и разные обломки. Я бросил взгляд на склон холма, и у меня перехватило дух от увиденного. Гряда была совершенно голой, словно над ней поработала бригада Рудецки с бензопилами и огнеметами. Все это сотворил ветер — огромной силы ветер, вырвавший деревья с корнями. Вот почему все вокруг и было завалено деревьями и листвой.

Склон холма очистился от деревьев, и обнажи-

лась скала, ранее скрытая под слоем почвы. На верху ее гордо вырисовывался на фоне неба храм Юм Чака, — таким его. и лицезрел когда-то Виверо. Я отступил назад, чтобы можно было охватить взором всю горную гряду, и застыл, охваченный священным трепетом: начертанный горящим золотом, блистал на склонах холмов знак Виверо!

Человек не религиозный, я невольно опустился на колени, ибо ноги мои стали ватными. Слезы выступили у меня на глазах. Какой-нибудь скептик объяснил бы картину, представшую мне, игрой света и тени, вспомнив о подобных капризах солнечных лучей в других частях света. Но этот скептик не пережил того, что выпало на мою долю в тот день.

Пусть это и была игра света и тени, но впечатление от нее было вполне реальным, настолько реальным, что не возникало даже тени сомнения в том, что я вижу творение рук искусного ваятеля. Закатное солнце, пронизывая рваные облака, заливало огненным светом цепь холмов, высвечивая огромную фигуру Распятого Христа. На распростертых вдоль всей гряды руках вырисовывался каждый мускул, а на ладонях глубокими тенями чернели шляпки гвоздей. У подножья холмов широкие плечи и торс переходили во

впалый живот, и в боку, под ребрами, зияла дыра, которую скептик счел бы обыкновенной пещерой. Ребра выделялись настолько четко, что напоминали рисунок из анатомического атласа, и казалось, что могучая грудь сейчас раздастся и глубоко вздохнет.

Но особенно влекло к себе лицо. Склоненная на плечо, голова была увенчана терновым венцом из острых скал, четко вырисовывающихся на фоне темнеющего неба. Глубокие тени образовывали в углах рта страдальческие складки, впалые, полуприкрытые веками глаза смотрели на Кинтана-Роо, и казалось, что губы сейчас раздвинутся и каменный голос произнесет: «Элои! Элои! Ламма савахфани?» — «Боже Мой! Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?»

Руки мои дрожали, и я легко представил себе, как впечатлило это чудо Виверо, человека, исповедовавшего свою веру бесхитростно, но гораздо глубже, чем люди наших дней. Неудивительно, что он призывал своих сыновей завоевать город Уаксуанок, а послание свое засекретил и окаймил золотой приманкой. Если бы это явление получило известность при жизни Виверо, оно стало бы одним из чудес христианского мира, а самого старого конкистадора причислили бы к

лику святых.

Вполне возможно, что этот световой эффект проявлялся не каждый день и зависел от положения солнца и времени года. Майя, с их иными изобразительными традициями и взглядами на окружающий мир, вряд ли даже обращали на этот феномен внимание. Виверо, как истинный христианин, все сразу же понял.

Охваченный необычным трансом, я не мог оторвать взгляда от великого чуда, явившегося мне посередине разрушенного лагеря, следя за тем, как, по мере захода солнца, огромный божественный лик искажается в гримасе мучительной агонии. Внезапно меня охватил ужас, и я закрыл глаза. За моей спиной затрещали ветки.

— Молись, Уил, — произнес хриплый голос. — Наконец-то ты занялся правильным делом.

Я обернулся: надо мной стоял, с револьвером в руке, Гатт. Вид у него был такой, словно ему на голову свалился весь лес. От утренней элегантности не осталось и следа: он потерял пиджак, порванная рубаха висела на нем клочьями, на волосатой груди запеклись кровавые ссадины. Брюки на коленях тоже были порваны, на одной ноге не было ботинка, и он слегка прихрамывал. Но при всем этом у него имелось явное преиму-

щество: он был вооружен.

— Не двигайся! — приказал он, потирая рукой свою мокрую от пота щеку и оставляя на ней грязный след. — Эффектное зрелище, не правда ли? Но тебе оно уже не поможет, Уил.

Сбоку от меня лежало мачете, но я не успел бы до него дотянуться. Я ничего не сказал Гатту, а просто взглянул ему в глаза.

— Откусил язык? — рассмеялся он. — А утром ты был поразговорчивей. Помолись еще, и я всажу тебе пулю в твои кишки, чтобы ты помучился, как вон тот парень. — Он указал пальцем на Христа. — Может, потом и присоединишься к нему на небе.

В его глазах появился маниакальный блеск, а правая щека конвульсивно задергалась. Он жаждал мести, утешительной награды за свое горькое поражение в попытке добыть сокровища. Я же смотрел на его револьвер и не видел в барабане пуль. В револьвере Гатта не было ни одного патрона!

— Ты доставил мне массу хлопот, — сказал Гатт. — Никто из парней, огорчивших меня, не остался в живых. И ты не станешь исключением, — хрипло рассмеялся он.

Я нагнулся и сжал рукоятку мачете. Гатт вски-

нул револьвер.

— Брось это немедленно!

Я крепче сжал мачете и стал подниматься на ноги: мне надоело играть с ним в кошки-мышки.

— Ладно, приятель, вот и пришел тебе конец! — воскликнул Гатт и спустил курок. Сухо щелкнув, боек ударил в пустое гнездо барабана. Гатт с удивлением посмотрел на свой револьвер, увидел, что я наступаю на него с мачете в руке, повернулся и побежал. Он запутался в ветках упавшего дерева, я взмахнул мачете — Гатт вскрикнул от ужаса и вырвался на свободу. Я обогнул дерево и начал теснить его к синоту.

Сжимая в руке револьвер, он пятился назад, пока не ступил на бетонный фундамент домика. Внезапно он резким движением швырнул в меня револьвер, и я присел, а в этот момент Гатт подхватил с фундамента валявшееся там мачете. На губах его появилась злорадная улыбка, но холодные глаза внимательно следили за мной.

Мачете — не спортивная сабля, которой учил меня фехтовать когда-то венгерский мастер, у него нет гарды, защищающей руку. И не отпрыгни я назад, когда Гатт бросился вперед и нанес боковой рубящий удар, лезвие его мачете могло отрубить мне кисть.

Сделав несколько выпадов, я понял, что Гатт не‘фехтовальщик, хотя для своего возраста и был достаточно подвижен. В молодости он, возможно, умел орудовать ножом, как все мафиози, но мачете больше похож на абордажный тесак или меч, и поэтому я имел преимущество. Я отогнал его от домика к краю синота, где он застыл на месте, широко расставив ноги и тяжело дыша. Его мгновенный удар сверху мог бы расколоть мой череп, но я парировал его, использовав знакомый прием, и мы оказались лицом к лицу. Глаза Гатта расширились от ужаса, когда я обманным движением сделал выпад и нанес рубящий удар точно в голову. Острие мачете попало ему под ухо, я отдернул руку, как учил меня тренеру и лезвие глубоко вошло в его шею. Он умер до того, как я понял, что почти отрезал ему голову. Гатт согнулся пополам и, упав на землю, покатился вниз, к краю синота, где с глухим стуком рухнул на деревянный пирс.

Я даже не взглянул на него: шатаясь, дошел до упавшего дерева и оперся на ствол. Потом меня стало рвать так, что едва не вывернуло наизнанку.

3

Видимо, я потерял на какое-то время сознание, потому что, очнувшись, обнаружил, что лежу на боку и смотрю на суетящихся на земле муравьев, — в первый момент они показались мне огромными, как слоны. Я сел на дерево и попытался собраться с мыслями, но они путались и ускользали, порхая, словно летучие мыши на чердаке. Раскопки, ферма, храм Юм Чака — все сплелось в один чудовищный кошмарный клубок. На глазах у меня выступили слезы: хотелось одного — вернуться домой, в Хейтри, и напиться чаю с оладьями и земляничным джемом. Мэдж Эджкомб возьмет старинный серебряный прибор и сервирует все это для меня на большом подносе. Большой поднос!

Все встало на свои места, и голова моя едва не лопнула от хлынувших ужасных воспоминаний. Я взглянул на свои руки: они были покрыты засохшей кровью. И тут я поклялся, что если вернусь живым в Англию, в уютные долины Девона, то уже навсегда останусь, на земле своих предков, на ферме Хейтри, и не стану искать себе приключений. Я буду выводить тучный рогатый скот и потягивать пиво в пабе, и если меня снова

назовут серењким человечком, я рассмеюсь в ответ и соглашусь, что так оно и есть, и большего мне от жизни и не нужно.

У меня болело в боку, я посмотрел и увидел, что Гатт рассек мне гидрокостюм и кожу, словно мясник тесаком. Видны были кости моих ребер, так что боль только начиналась.

Внезапно я вспомнил о Катрин в подводной пещере. О Боже, нужно было снова лезть в синот! Я должен был выполнить свой долг серењкого человечка. Окинув взглядом руины Уаксуанока, я увидел медленно приближающихся ко мне привидений в белом — расплывчатые фигуры с винтовками в руках. Они двигались, не сводя с меня полных ненависти взглядов, подбадривая друг друга радостными возгласами, и вскоре дюжина чиклерос Кинтана-Роо окружила меня, медленно сжимая кольцо.

Я нагнулся за своим мачете, сжал рукоятку и с трудом распрямился, шепча чуть слышно:

— Подходите ближе, мерзавцы! Давайте быстрее со всем покончим!

В глазах чиклерос я прочел настороженность и уважение. Один из них лязгнул затвором, когда я поднял мачете. Внезапно мне заложило уши от странного пульсирующего рокота, в глазах

у меня потемнело, и уже падая, я увидел, как чиклерос разбегаются в разные стороны, что-то испуганно крича.

Последнее, что я увидел, была спускающаяся на меня с неба саранча. Затем земля покачнулась у меня под ногами и стремительно приблизилась к моим глазам.

— Очнись, Джемми! — услышал я отдаленный голос и пошевелился. — Джемми, как ты себя чувствуешь? Эй, да принесите же наконец носилки!

— Кому здесь требуются носилки? — спросил я, открыв глаза.

Надо мной стоял Пэт Харрис. Я приподнялся, опершись на локоть, он поддержал меня за спину,

— Как ты здесь оказался? — спросил я.

— Прилетел на армейском вертолете. Правительство послало сюда войска. Посмотри сам! — сказал он.

Я увидел пять военных вертолетов и людей в униформе. Двое из Них бежали к нам с носилками. Значит, это боевые машины я принял за саранчу, теряя сознание.

— Если бы не буря, мы прилетели бы раньше, — сказал Пэт. — Из-за непогоды мы на полпути вынуждены были сделать посадку. Но куда все

подевались? Когда я утром пролетал над лагерем, мне показалось, что здесь настоящий ад. Вот почему я срочно связался с мексиканской армией.

— Вы слегка опоздали, — усмехнулся я. — Здесь остались одни мертвецы. Но Фаллон еще жив, он где-то там, в развалинах домика. — Я схватил Пэта за руку. — Боже мой, ведь Катрин ждет помощи в синоте, в пещере. Нужно вытащить ее оттуда. Да не смотри на меня, как на сумасшедшего. Она погибнет, если немедленно не поднять ее. Мы с ней скрывались там от Гатта.

— Тебе нельзя нырять, — сказал Пэт. — Среди солдат есть аквалангисты, я сейчас же пойду поговорю с сержантом.

Пока он разговаривал с группой солдат, я дошел до синота и встал на краю, глядя на черную воду. Подбежал Пэт.

— Сержант сказал, что в его распоряжении четыре аквалангиста и достаточное количество баллонов с кислородом. Объясните им, где именно находится Катрин, и они спасут ее. Боже, кто это там на пирсе? — с ужасом воскликнул он, заметив труп.

— Это Гатт, — равнодушно сказал я. — Ведь я говорил тебе, что убью его. У меня уже не было сил, чтобы смеяться или плакать, но Харрису

явно стало не по себе. — Где же ныряльщики? — раздраженно спросил я, обернувшись в сторону вертолетов.

Вскоре аквалангисты появились. Я объяснил им, что нужно делать, и отдал одному из них свой акваланг. Солдат взял с собой запасные баллоны и скрылся под водой. Оставалось лишь надеяться, что Катрин не умрет от страха, когда он вынырнет в пещере. Но она хорошо говорила по-испански, и я решил, что все будет в порядке.

Пока мне перевязали рану, я увидел, как уносят к вертолету на носилках Фаллона. Харрис с изумлением заметил:

— Похоже, здесь была настоящая бойня. Повсюду находят трупы.

— Да, что-то вроде этого, — отрешенно ответил я.

Сдвинуться с места, пока не появится на поверхности

Катрин, я наотрез отказался. Пришлось довольно долго ждать, пока из Кампече доставляли необходимое подводное снаряжение. Потом все было проще, и Катрин самостоятельно выбралась из пещеры. Я был горд за нее. Мы вместе пошли к вертолету, она поддерживала меня, поскольку я уже с трудом держался на ногах.

Я не знал, что нас ожидает в будущем, как не знал и того, можно ли все случившееся с нами считать неплохим началом супружеской жизни, но готов был попытаться-, если бы Катрин согласилась.

Из всего, что происходило потом, мне почти ничего не запомнилось. Очнулся я в больнице, в Мехико, и увидел Катрин возле моей кровати. Это было уже много позже. И все же я смутно припоминаю, как сжимали мои руки золотую девушку, отлитую Виверо, когда взлетал вертолет. Солнце только всходило, и Христа не было видно, но темные очертания храма Юм Чака смутно вырисовывались на холме, нависшем над синотом, и медленно отдалялись, чтобы исчезнуть навсегда под гул винтов вертолета.

Сьюзан Ховач
Дьявольская секта

Глава первая

I

Николе снился сон. Она была одна на берегу океана, перед ней тянулись бескрайние пески. Вокруг царило безмолвие. Даже волны подкатывались к девушке беззвучно. Тишина усиливала ощущение пустоты и яркость красок. Никола долго шла по песку и вдруг поняла, что ее одиночество нарушено.

Впереди был Эван.

Он стоял спиной к Николе и находился далеко от нее, но она поняла, что это он. Девушка узнала его по темно-рыжим волосам и развороту плеч. Она окликнула его, но он не обернулся, и она побежала к нему по песку. Она бежала несколько минут, слыша лишь свое тяжелое дыхание, но ей не удавалось приблизиться к Эвану. Наконец она остановилась. На глазах у Николы Эван точно растворился, оставив ее снова одну на диком берегу. Она попыталась позвать Эвана, задыхаясь, Никола все же сумела выкрикнуть его имя.

Секундой позже она проснулась, продолжая кричать.

— Господи, Никола, — недовольно произнесла ее соседка по квартире. — Лучше бы ты не была знакома с этим ужасным типом! Ты можешь для разнообразия увидеть во сне кого-нибудь другого?

Было пять часов утра. Когда через минуту Никола прошла в гостиную, солнце поднималось над Хэмпстед-Хит, Лондон выплывал из ночи в бледное апрельское утро.

Никола вдохнула. Она знала, что не сможет заснуть до половины восьмого, когда зазвенит будильник, девушка зажгла сигарету и отправилась на кухню приготовить кофе. Джуди уже снова заснула в спальне. Джуди ничто не тревожило. Ей могли сниться лишь ее жених, любимая работа или безмятежное будущее. Жизнь Джуди была размеренной, девушке постоянно сопутствовала удача.

— Меня это не удивляет, — самодовольно сказала Джуди вечером. — Все зависит от фазы, в которой ты находишься. У меня сейчас благоприятная фаза. Марис сказала мне, что этот год будет весьма удачным для тех, кто родился под знаком Козерога, потому что сейчас Юпитер занимает господствующее положение, и…

Но Никола не верила в астрологию.

— Ники, это же глупо! С равным успехом ты можешь не верить в то, что Земля круглая! Если бы ты сходила к Марис — да, я знаю, у нее есть свои странности, но она — настоящая венгерская цыганка, а они прекрасно разбираются в подобных вещах. Не улыбайся, Ники. Только потому что она не англичанка…

Но Никола относилась скептически ко всем предсказателям, даже англичанам, и не понимала, почему она должна делать исключение для Марис, с которой Джуди познакомилась на какой-то богемной вечеринке в Пимлико. Марис владела рестораном с венгерской кухней, находившимся на Фулхэм-роуд, она была миниатюрной загадочной женщиной неопределенного возраста, старательно сохраняла акцент и любила эксцентричные туалеты. Говорили, что она даже меню выбирает, предварительно посоветовавшись со звездами и проведя соответствующие астрологические расчеты.

— Если ты сходишь к Марис, — с раздражающей Николу, уверенностью сказала Джуди, — она предскажет твою судьбу. И когда ее пророчества сбудутся, ты поймешь, насколько она была права.

Но Никола не собиралась советоваться со звез-

дами. Она заранее знала, что они скажут.

«Ты проходишь сейчас тяжелую фазу, но скоро Венера приблизится к твоему созвездию, а в соединении с тем-то и тем-то Венера сулит любовь и счастье… С вас пять гиней».

Моя проблема заключается в том, подумала Никола, потягивая кофе и наблюдая за поднимающимся над Лондоном солнцем, что я — неисправимый циник.

Но она не всегда была циником. Два года назад Никола казалась себе не менее беззаботной, чем Джуди. Никола получила должность секретаря исполнительного директора, она имела свое жилье в Лондоне и наслаждалась независимостью. Эван наконец начал проявлять к ней нечто большее, чем дружеский интерес.

Но сейчас думать об Эване было бессмысленным занятием. Эван больше не являлся частью ее настоящего. Настоящее состояло из скучной работы, до отвращения знакомого города и собиравшейся выйти замуж и покинуть Николу соседки по квартире. Николе ужасно не хотелось заниматься поисками новой девушки, и она размышляла о том, не остаться ли ей одной, но в большом городе легко почувствовать себя одинокой, особенно когда твоя светская жизнь

находится в упадке, Джуди многим раздражала Николу, но она все же спасала от одиночества и периодически вносила свежую струю в светскую жизнь.

— Ники, ты не должна все вечера сидеть дома! Это просто глупо! Ты не должна падать духом из-за того, что какой-то негодяй бросил тебя. Господи, он — не единственный мужчина на свете. Послушай, давай устроим вечеринку. Тебя надо снова ввести в круг общения.

Джуди изо всех сил старалась помочь своей соседке оправиться от расставания с Эваном Колвином. Никола сама была бы рада забыть его.

К семи часам утра Лондон уже проснулся, из окна гостиной Никола видела шагающего от дома к дому почтальона. За ним следовал на электрической тележке молочник. Пора собираться на работу. Выпив апельсинового сока, девушка вернулась в спальню и начала через силу одеваться, готовясь к очередному скучному дню.

По дороге на службу она купила возле метро газету, просмотрела ее, мчась в вагоне от Хэмпстеда к центру города. Никола собиралась пропустить страницу со светской хроникой, но ее взгляд упал на фотографию Лайзы.

«Миссис Мэттью Моррисон, жена промыш-

ленника-миллионера, присутствовавшая вчера на благотворительном балу, организованном с целью оказания помощи голодающим детям Африки…»

Бриллиантов Лайзы, подумала Никола, хватило бы на покупку годового запаса продовольствия для дюжины голодающих малышей. Но Лайза не хотела думать об этом.

Никола, сделав усилие, одернула себя. Она считала естественным свое неприятие недавней женитьбы отца на молодой эффектной светской женщине. Никола старалась не давать воли своим чувствам. На месте Лайзы мог оказаться кто-нибудь и похуже. Ну, если не значительно хуже, то все равно хуже. Никола мысленно улыбнулась. Может быть, все дело в том, что она просто завидует своей мачехе. Лайза была старше ее всего на пять лет, однако она уже дважды была замужем, в промежутке между браками предавалась многочисленным романам и пожила в полудюжине стран, прежде чем обосновалась под Лондоном с отцом Николы. Благодушная фортуна подбросила Лайзе миллионера. Никола даже не имела возможности посочувствовать ее бездетности — у Лайзы от первого брака остались симпатичные близнецы. У Лайзы было все.

Николу особенно сильно бесило то, что Лайзе исполнилось лишь двадцать девять лет.

Интересно, что случится со мной за ближайшие пять лет, отделяющие меня от этого возраста, подумала Никола. Вероятно, почти ничего. Она увидела себя на своей нынешней работе в качестве мисс Моррисон, верной помощницы шефа, напоминающей ему, когда нужно заказать цветы для жены, и ждущей, когда очередная соседка выйдет замуж и покинет квартиру.

Шагнув из вагона на перрон, она столкнулась с кем-то.

— Извините! — прозвучал грудной голос, показавшийся Николе знакомым. — Вы — подруга Джуди? Ники? Верно?

Это была Марис. Астролог, хиромант и хозяйка венгерского ресторана на Фулхэм-роуд.

— Дорогая, — Марис стиснула руку Николы посреди станции Холборн-Кингуэй, своим голосом венгерка словно пародировала одну из сестер Габор, — какая удивительная встреча! Я видела тебя во сне…

О господи, подумала Никола.

— Это был очень странный сон — понимаешь, я встречалась с Джуди, она говорила о тебе, и мой мозг — подсознательно, конечно…

— Да, разумеется, — сказала Никола. — Как дела, Марис? Вот уж не думала столкнуться с тобой вот так.

— Дорогая, это явно воля судьбы, ты согласна со мной? Слушай, давай встретимся сегодня во время ленча. Я расскажу тебе мой сон. Он очень странный…

— Марис, я…

— Дорогая, ты знакома с рыжим молодым человеком — точнее, темно-рыжим, — у него голубые глаза, он сильный, мужественный…

Поезд начал отъезжать от станции. Толпа, грохот, пыль были невыносимыми.

Джуди ей все рассказала, подумала Никола.

А вдруг нет?

— Да, — услышала она свой голос, — похоже, я знала такого человека.

— Очень интересно, — Марис поправила свои крашеные завитые волосы, ее глаза, казалось, были обращены внутрь. — Дорогая, мы должны встретиться за ленчем. В Двенадцать часов в «Бель Эпок» — знаешь, где это? Пожалуйста, я тебя приглашаю! Ты придешь?

— Да… хорошо… спасибо, Марис.

— Чудесно, дорогая.

В следующее мгновение Марис растворилась

в толпе. Оставшись одна, Никола усомнилась в реальности их беседы. Может быть, у нее галлюцинации?

II

— Ты была у океана, — сказала Марис тремя часами позже, когда они сидели в уютном уголке французского ресторана возле Рассел-сквер. — Большие волны набегали на живописный песчаный берег. Кажется, там поднимались утесы. Точно не помню. Но вы были одни. Это я знаю определенно. Только ты и рыжеволосый молодой человек.

Официант подал им закуски. Никола машинально взяла в руки нож и вилку, одна половина ее мозга говорила ей, что она, Никола, очевидно, сходит с ума, вторая же тем временем пыталась вспомнить все прочитанное девушкой об экстрасенсорном восприятии.

— Дорогая, — сочувственно сказала Марис, — пожалуйста, не сердись. Джуди, беспокоясь о тебе, действительно поведала мне кое-что о твоих бедах, но…

Значит, она угадала верно. Джуди описала внешность Эвана и рассказала Марис о подробностях их отношений, после чего наивно попросила

венгерку предсказать будущее подруге. Но это не объясняло совпадение насчет берега океана.

— Тебе действительно снился берег, Марис? — с любопытством спросила Никола.

Марис тотчас напустила на себя таинственный вид.

— В некотором смысле это был сон. Да. В другом — нет.

Растерянность мешала Николе рассердиться. Она отрезала кусочек оленины и попыталась навести порядок в своей голове.

— Не важно, — сказала Марис, — какого типа это был сон. Ты находилась со своим молодым человеком на берегу океана…

— И когда я направилась, к нему, он исчез? — произнесла Никола спокойным, размеренным тоном.

— Вовсе нет, — резко возразила Марис. — Ты ошиблась, дорогая. Да, ты подошла к нему. Но он стоял, произнося твое имя. Ты не отвечала ему. Ты прошла, мимо него. Он умолял тебя заметить его, но ты ничего не слышала. Потом ты исчезла.

В зале стоял негромкий шум голосов и звон посуды. Никола заметила, что се взгляд прикован к кусочку оленины на вилке.

— Конечно, — сказала Марис, пробуя рагу из ба-

ранины, — значение этого сна весьма очевидно.

Она замолчала.

— Да? — произнесла наконец Никола.

— Ну конечно! Ты хочешь сказать, что тебе оно не ясно?

— Ну, я…

— Дорогая, ты скоро освободишься от твоего… твоего…

— Увлечения, — сухо сказала Никола.

— Увлечения этим молодым человеком. Скоро наступит момент, когда ты пройдешь мимо него, не заметив, что он существует. Он станет умолять тебя, но ничего не добьется. Все будет кончено. Ты освободишься. Снова обретешь способность любить, — внезапно из голоса Марис исчез акцент.

— Я в это не верю, — невольно вырвалось у Николы, испугавшись своей резкости, она поспешила добавить: — Я бы хотела поверить в это, но Эван уже год находится в Африке, а я по-прежнему постоянно думаю о нем. Я не могу представить себе, что наступит день, когда я забуду его.

— Я редко ошибаюсь в подобных вопросах, — сказала Марис.

— Какова вероятность того, что предсказание сбудется? Это ведь не может происходить всегда.

— Можно мне взглянуть на твою руку?

— Руку?

— Ты хочешь узнать вероятность, дорогая! Мне требуется подсказка!

— О, понимаю. Какая рука тебе нужна?

— Сначала я взгляну на левую ладонь.

Почему-то смутившись, Никола отложила в сторону вилку и протянула Марис левую руку.

— Я не сильна в хиромантии, — сказала Марис. — Никогда не выдавала себя за специалиста в этой области. Но иногда. важно общее впечатление — ты понимаешь? Я очень восприимчива к. нюансам.

Она взяла руку Николы и принялась изучать ее. Потом отпустила, храня молчание.

— Ну? — внезапно испугавшись, произнесла Никола.

— Теперь покажи правую.

Снова в беседе возникла пауза. Лицо Марис было непроницаемым. Неужели линия жизни рано обрывается, подумала Никола.

— Хм, — произнесла Марис. — Вероятно, тебе известно, что на левой руке отражен твой потенциал. Правая показывает, насколько ты его реализуешь.

— Думаю, мне еще не удалось значительно преуспеть в этом, — Никола попыталась придать

голосу легкомысленное звучание.

— Да, ты еще не реализовала свои возможности, — Марис задумчиво посмотрела на свое рагу. — Ты — страстная личность, — произнесла она наконец. — Однако стараешься скрывать свои эмоции. Возможно, Эван на сегодняшний день — твоя самая сильная любовь, но она — не последняя в твоей жизни. Определенно не последняя. Это убеждает меня в том, что предсказание, сделанное на основе моего сна, сбудется — ты забудешь Эвана и полюбишь другого человека.

Никола почувствовала, что Марис что-то недоговаривает.

— Это плохая новость? — робко спросила девушка.

— Нет, нет. — Марис пожала плечами. — Необязательно. Возможно, да. Кто знает? Это будет зависеть от многого. Скажи мне, Ники, тебе нравятся брюнеты?

— Брюнеты?

— Да, мужчины с темными волосами и глазами.

— Обычно нет.

Она с болью вспомнила рыжие волосы Эвана.

— Отлично, дорогая. — Марис с облегчением улыбнулась. — В таком случае тебе не о чем

беспокоиться. Как твой эскалоп? Здесь хорошо готовят, в отличие от многих французских ресторанов, хозяева которых полагают, будто можно скрыть низкое качество мяса, вымочив его в дешевом вине… Ты должна когда-нибудь посетить мой ресторан! Тебе нравится венгерская кухня? Отлично! Когда ты влюбишься в этого замечательного нового мужчину, приведи его в мой ресторан и я угощу вас лучшим обедом, на который способны мои повара.

— С удовольствием — если я встречу его. Спасибо, Марис.

— Конечно, встретишь! Разве я тебе этого не обещала? Скоро ты забудешь о существовании Эвана и захочешь, чтобы он навсегда остался в своей Африке.

Николу снова охватил ее обычный скептицизм. Расставшись с Марис после ленча, она с прежней тоской попыталась представить, что сейчас делает Эван. Думал ли он иногда о ней?

III

Эван Колвин трудился в далеком уголке Африки, находившемся под французским влиянием и почти не тронутом современной цивилизацией. В тот день, когда Никола ела ленч с Марис

в Лондоне, он развернул свой передвижной медпункт в одном из первобытных селений, он делал инъекции и назначал лекарства, которыми Всемирная организация здравоохранения снабжала несчастных жителей отсталых стран. Обитатели деревни не были обязаны платить Эвану, но он обычно возвращался к себе домой, в столицу, с несколькими цыплятами, которых ему подносили благодарные пациенты. Медсестра, помогавшая ему во время поездок, терпеливая немногословная француженка по имени Женевьева, видела в цыплятах источник инфекции, но Эван не хотел оскорблять людей своей брезгливостью.

В этот день женщина, ребенок которой страдал заболеванием глаз, весьма распространенным в этой части Африки, преподнесла ему презент иного рода — изящные резные бусы. На своем ломаном французском, который даже Женевьева понимала с трудом, женщина сказала, что это подарок для его жены.

— Но у меня нет жены, — сказал Эван на своем парижском французском с английским акцентом, и Женевьеве пришлось повторить его слова — туземка не поняла доктора.

Женщина сказала, что в таком случае бусы

получит его будущая жена — несомненно, когда-нибудь он женится.

— Большое спасибо, — поблагодарил ее Эван, стараясь не думать о Николе. — Это очень красивые бусы. Я буду беречь их.

К нему зашел следующий пациент. Затем еще один. Было очень жарко. Эван чувствовал, что рубашка прилипла к спине, пот делал его волосы более темными, он с тоской вспомнил морской ветерок, что дул в поместье его отца, мелкий дождь, сыпавший с бледного северного неба, морозы, слякоть и снега родного края, удаленного от экватора.

Пора возвращаться домой, понял он. Скоро истечет срок контракта, который он подписал с Всемирной организацией здравоохранения, и перед ним встанет выбор: остаться в Африке на второй год или вернуться в Англию, где Эвана ждала необходимость принятия решения относительно своего будущего. Год добровольного изгнания помог ему понять, что он не хочет остаться здесь навсегда, по возвращении на родину он найдет работу в одной из больниц или займется частной практикой. Снижение заработной платы врачей в Англии перед отъездом Эвана в Африку заставило его задуматься

о возможности эмиграции в Штаты, но пока его отец был жив, а сестра оставалась инвалидом, он не мог поддаться этому соблазну. Африка стала компромиссом между исполнением долга перед родными и желанием уехать за границу. Одно дело — провести год в Африке, и совсем иное — всю жизнь в Штатах. Он мог, не кривя душой, сказать, что эта работа позволит ему приобрести ценный опыт в области тропической медицины, Эван знал, что семья легче перенесет его отсутствие, зная о временном характере этого назначения. Африка покажет, насколько легко он может адаптироваться в новом окружении, и поможет принять правильное решение насчет будущего. Перед отъездом из Англии в душе Эвана царило смятение.

— Я не знаю, чего я хочу, — признался он Николе. — Я должен уехать и обдумать это.

Теперь он понимал, что Никола хотела выйти за него замуж. По этому вопросу в душе Эвана не было ясности, как и по другим. Женившись на Николе, он должен был бы принять решение насчет своего будущего, а в тот момент он не мог это сделать. Отец Эвана хотел, чтобы сын женился на Николе, само одобрение отцом этого шага удерживало Эвана от его осуществления. Эван

был привязан к Англии главным образом из-за отца. Конечно, отец хотел, чтобы он женился на Николе! Женился, остепенился, пустил корни, выбросил из головы мысли об эмиграции…

— Я действительно люблю тебя, — сказал он тогда Николе, — но я не могу жениться. Меня ждет работа в Африке.

— Если бы ты любил меня, — сказала Никола, — ты бы и не думал о поездке в Африку.

— Это женский взгляд на жизнь.

— Ты хочешь сказать, романтическая чушь.

— Ради бога, Ники…

Эван нахмурился. Лучше не думать о Николе. Он может думать об Англии, о своем доме в Уэльсе, потому что скоро ему представится возможность избавиться от чувства ностальгии, но вспоминать Николу не стоило. Она, верно, уже нашла себе кого-то. С Николой все было кончено, думать о ней бессмысленно.

— Вас хочет видеть шаман, — сказала Женевьева, войди в палатку с новыми ампулами пенициллина.

— Господи… пожалуй, его надо принять немедленно. Он здесь?

— Да, но не лучше ли обслужить сначала других пациентов? Почему вы должны бросать ради

него все?

— Потому что он — важная персона в деревне и всегда проявлял к нам дружелюбие. Я хочу сохранить подобные отношения, — резким тоном пояснил Эван. Он не любил, когда Женевьева пыталась что-то советовать ему. — Пригласи его, пожалуйста.

— Хорошо, доктор.

Женевьева удалилась с выражением неодобрения на лице.

Шаман был атлетически сложенным мужчиной в расцвете сил, с чувством собственного превосходства, свойственным прирожденным властителям. Он обладал залитыми кровью глазами с тяжелыми веками и хитрой улыбкой, прекрасно владел французским.

— Добрый день, месье доктор, — степенно обратился он к Эвану. — Рад видеть вас снова.

— Я тоже.

Формальная вежливость раздражала Эвана, но долгие месяцы, проведенные им среди жителей этой далекой французской территории, научили его сдерживать желание сразу перейти к сути вопроса, не тратя времени на прелюдии. Пустые фразы, украшенные причудливыми оборотами, потекли .одна за другой, мужчины принялись

обмениваться неискренними комплиментами. Эван не любил колдуна, влияние которого на местных жителей вызывало у врача чувство досады, туземец тоже относился без симпатии к белому доктору, чьи медицинские успехи угрожали авторитету шамана. Каждый уважал силу другого и обладал достаточным умом, чтобы избегать открытой конфронтации. Шаман давно пустил слух о своей причастности к появлению врача и о том, что всякое исцеление, которого добивался Эван, происходило с его милостивого согласия.

Это было самым мудрым отношением к угрозе, исходившей от Эвана, и пока что жители деревни не причиняли шаману серьезных хлопот.

— Когда вы снова появитесь у нас, месье доктор? — вежливо спросил шаман, глядя в голубые глаза Эвана. Его давно интересовало, не воспринимают ли его голубые глаза цвета как-то иначе, но он знал, что спросить об этом напрямую было бы бестактностью, и не хотел терять репутацию человека, знающего все. — Как обычно, через месяц?

— Думаю, да, но следующий. мой приезд может оказаться последним. В июне я возвращаюсь на родину.

Шаман знал об этом, у него была отличная сеть осведомителей, новости распространялись здесь быстро. Полученная информация обеспокоила колдуна. Вдруг ему не удастся поладить с новым врачом? В случае конфронтации он потеряет авторитет, и в итоге его власть над людьми непоправимо ослабнет. Узнав о предстоящем отъезде Эвана, шаман принялся молить богов о том, чтобы они открыли ему способ заставить доктора изменить планы.

Чудесное озарение снизошло на шамана весьма скоро, во время вечернего транса, оно чрезвычайно обрадовало его.

— У меня есть для вас новость, месье доктор, — торжественно объявил он. — Новость, которая может заставить вас остаться у нас.

— Правда? — вежливо сказал Эван. — Что это за новость, сэр?

— Не возвращайтесь на родину. Там вас поджидает дьявол. Если вы вернетесь домой, он навредит вам, ваша жизнь окажется в опасности. Возможно, вы умрете.

После недолгой паузы Эван произнес серьезным тоном:

— А если я все же вернусь домой, я смогу узнать дьявола, когда встречу его?

— Он будет белым.

Эван ожидал такого ответа, он знал, что чернокожие представляют себе дьявола в обличии белого человека, а белые считают его черным.

— Он будет белым, — повторил шаман, — но порой сможет обретать вид животного. Наиболее опасен он в облике черной лошади.

Эван подавил зевок и едва не спросил себя, почему в двадцатом веке у отдельных личностей сохраняется столь примитивное сознание.

— Я понимаю, — учтиво обратился он к шаману, — с вашей стороны, сэр, весьма любезно было дать мне подобный совет, я обязательно приму его во внимание.

Шаман остался доволен.

— Всегда приятно помочь уважаемому другу, — сказал он, собравшись уходить. — До свидания, месье доктор. Надеюсь еще много лет видеть вас в нашей деревне.

IV

Вернувшись после посещения нескольких селений в свой маленький дом, расположенный на окраине столицы, Эван обнаружил два ждавших его письма — одно от отца, Уолтера Колвина, другое от родной сестры Гвайнет. Велев слуге

распаковать багаж, а повару — приготовить обед, Эван вернулся в гостиную с бокалом пива, включил на полную мощность кондиционер и устроился поудобнее, чтобы мысленно перенестись на родину.

Сначала он вскрыл письмо отца. Главной новостью, изложенной в нем, было сообщение о том, что Гвайнет снова страдает загадочным заболеванием. Эван раздраженно фыркнул и потянулся к пиву. Он знал, что его сестра — ипохондрик, вспоминавший, когда это было выгодно, о реальной болезни сердца, имевшей место в прошлом. Поведение Гвайнет раздражало Эвана, но она была любимицей отца, принимавшего очень серьезно любое изменение в ее физическом состоянии.

«Когда Гвайнет снова заболела, — писал Уолтер своим изящным почерком, — мы попросили этого травника помочь ей. Мистер Пуул — очаровательный молодой человек, он немного старше тебя и прибыл в Свонси, чтобы подыскать жилье для возглавляемой им организации. Мы познакомились с ним случайно во время уик-энда…»

Травник! Эван снова сердито фыркнул, допил пиво и в гневе поставил бокал на стол. Почему старики и– молодые барышни с такой легкостью доверяют шарлатанам?

«И он вылечил Гвайнет, — прочитал Эван. — Разве это не чудо?»

Психотерапия, подумал Эван. Болезнь имеет психосоматический характер. При благоприятных обстоятельствах Гвайнет мог бы исцелить и шаман.

«Я предложил ему остановиться в Колвин-Корте, пока он занят поисками пристанища для Общества пропаганды натуральной пищи».

— Боже! — воскликнул Эван и вскочил, чтобы снова наполнить свой бокал. Вернувшись в гостиную, он отложил письмо отца в сторону и взял в руки конверт, надписанный девичьим почерком Гвайнет.

Сестра редко писала ему, разворачивая письмо, он пытался угадать, что заставило Гвайнет взяться за перо.

«Дорогой Эван, — прочитал он, — наконец-то в Колвине случилось нечто удивительное! Я знаю, что папа написал тебе о мистере Пууле и моей болезни. Не беспокойся, я чудесным образом поправилась! Мистер Пуул — специалист по травам. Знаю, ты скажешь, что это — бредни неграмотных старух, но я уже много лет не чувствовала себя так хорошо. Мистер Пуул сам приготовил лекарство, я пью его три раза в день по чайной

ложке. Я несколько раз просила его сказать мне рецепт, но он молчит. Однако он обещал рассказать мне кое-что из области фитотерапии, когда у него появится свободное время. Как ты понял, он в некотором смысле начальник, и…»

Эван отшвырнул от себя письмо, поднялся с кресла и вынул из стола чистый лист бумаги. Так и не прикоснувшись ко второму бокалу пива, он заполнил две страницы своего ответного послания словами восхищения целительским даром незнакомого ему мистера Пуула, оттененными тактичными предостережениями и советом держаться от него подальше.

Месяцы, проведенные в Африке, научили Эвана сдержанности. Эван, отметив дипломатический тон своего письма, спросил себя, что подумали бы в Колвин-Корте, если бы он написал: «Этот человек, возможно, жулик, пусть даже очаровательный. Некоторые травники способны приносить пользу, но настоящие фитотерапевты сознают ограниченность своих возможностей и не сулят сказочных исцелений. Не доверяй ему слишком сильно, не полагайся на него и ни в коем случае не жертвуй деньги в пользу Общества пропаганды натуральной пищи…»

V

Письмо Эвана достигло деревни в Южном Уэльсе через четыре дня, почтальон доставил его на стареньком красном велосипеде в Колвин-Корт. В тот день в Колвин-Корт поступило много корреспонденции, вместе с письмом Эвана и

счетами от местных торговцев прибыли конверт с кембриджским штемпелем, адресованный Уолтеру Колвину, и письма для мистера Тристана Пуула, директора Общества пропаганды натуральной пищи.

Деревня была заинтригована мистером Пуулом и его обществом. Слово «натуральная» в названии общества породило слухи о том, что скоро Колвин превратится в лагерь нудистов. Сторонники другой версии опровергали это, ссылаясь на то, что давно разменявший седьмой десяток Уолтер Колвин все же не настолько выжил из ума, чтобы допустить такое в своем доме, где находилась его юная незамужняя дочь, по Их мнению, общество состояло из ботаников-любителей, которые, естественно, легко нашли общий язык с таким страстным исследователем флоры, как Уолтер Колвин. Согласно другому слуху, Гвайнет, дочь Уолтера, и мистер Пуул полюбили

друг друга, и поэтому Уолтер пригласил мистера Пуула ни несколько дней в Колвин-Корт. Эта гипотеза пользовалась популярностью среди женщин деревни, и все с затаенным дыханием ждали помолвки.

Однако самому Уолтеру не приходили в голову, что между дочерью и гостем может вспыхнуть любовь. Причина была не в том, что он, постарев, утратил наблюдательность и стал больше интересоваться цветами, кустарниками и деревьями, растущими возле Колвин-Корта, нежели окружавшими его людьми. Нельзя было сказать, что Уолтера сильно отвлекали какие-то проблемы, например, беспокойство по поводу того, что Эван может не вернуться в Англию, или страх перед грядущей старостью и необходимостью– заложить родовое поместье для оплаты счетов. Колвин не представлял, что между Гвайнет и гостем может проскочить искра романа, поскольку не видел никаких признаков, свидетельствующих об этом. Мистер Пуул держался с Гвайнет всего лишь приветливо и дружелюбно, и сама Гвайнет, восхищавшаяся способностями травника, отнюдь не казалась съедаемой любовью. Уолтер полагал, что влюбленная девушка должна постоянно– испускать вздохи, читать

поэзию, проявлять отсутствие аппетита и интереса к практическим делам. Но после исцеления от таинственной болезни Гвайнет с жадностью поглощала пищу, отвечала на письма друзей из десятка разных стран и, как всегда, уделяла много внимания своей огромной фонотеке с записями поп-музыки и коллекций плакатов с портретами певцов. Короче говоря, девушка вела себя как обычно. Если Гвайнет была влюблена в Пуула, то она искусно скрывала это, но зачем ей было таиться? Уолтер не догадывался, что воображаемый мир давно уже приносил Гвайнет больше радости, нежели реальный, в котором мистер Пуул мог проявлять чисто дружескую заботу о здоровье девушки, но в ее фантазиях он говорил с ней голосом, звучавшим из стереопроигрывателя, обещал немыслимые радости, за запертой дверью и опущенными шторами она могла жить так, как хотела, в ярком, красочной мире, созданном ею самой.

Но Уолтер ничего этого не знал. Для него она по-прежнему была маленькой дочкой, рано потерявшей мать, девятнадцатилетним ребенком с наивным увлечением чуждым ему современным искусством. Сама мысль о том, что она способна влюбиться, казалась ему нелепой — он считал,

что Гвайнет слишком молода для того, чтобы стать героиней романа, придуманного жителями Колвина в часы долгих чаепитий.4

Уолтер никогда не понимал своих детей. Он любил их, они дарили ему радость своим существованием, но Уолтер всегда подходил к ним шаблонно, стереотипно, не видел в них личностей. Он думал об Эване как о «сыне и наследнике», который должен стать «блестящим хирургом», о Гвайнет — как о «любимой дочери», которая в один прекрасный день составит «прекрасную партию» молодому человеку из местной семьи. Это двухмерное видение распространялось и на его покойную жену, он женился поздно, унаследовав имение и решив обзавестись домом после многих лет ботанических экспедиций. Он остановил свой выбор на «девушке из общества» моложе его на десять лет, потому что она была веселой, хорошенькой и соответствовала его представлению о том, какой должна быть жена Уолтера Колвина. Она ушла от него спустя год после рождения Гвайнет, а еще через пару лет умерла на юге Франции. Он был убежден в том, что она в конце концов вернется к «семейным обязанностям», и долго не мог привыкнуть к мысли о ее смерти. С каждым днем он становился все

более рассеянным и более преданным ботанике, все глубже погружался в .работу над книгой о дикорастущих цветах полуострова Говер. Наконец, однажды он сумел трезво взглянуть на свой брак, понять, что он был несчастливым, и принять решение никогда больше не жениться.

«Ты не любишь смотреть правде в глаза, верно, папа? — сказал однажды Эван. — Тебе нравится играть роль страуса и прятать голову в песок».

Отъезд Эвана за границу поверг Уолтера в состояние шока. Еще большее потрясение вызвали недвусмысленные намеки сына на возможность его эмиграции в Америку. Для Эвана мир отнюдь не ограничивался деревней на южном побережье Уэльса, и поместьем, принадлежавшим роду Колвинов на протяжении шести столетий. Получая очередное письмо от Эвана, Уолтер боялся вскрывать его. Вдруг оно содержит весть о решении сына не возвращаться домой?

Письмо, пришедшее апрельским утром, не стало исключением. Уолтер взял его, повертел в руках и так испугался, что не смог сесть завтракать. Но, как и прежде, его опасения оказались напрасными. Правда, тон письма был немного резким — все предостережения относительно мистера Пуула показались Уолтеру излишни-

ми, — но мальчик беспокоился о родных, и это являлось самым важным. В конце письма Эван сообщал о своем намерении приехать домой в июне. Облегченно вздохнув, Уолтер отложил письмо в сторону и с легким сердцем набросился на яичницу с ветчиной, лишь через несколько минут он вспомнил о втором конверте.

Это письмо с кембриджским штемпелем пришло от кузена Уолтера, Бенедикта Шоу, профессора, преподававшего литературу в университете.

«Мой дорогой Уолтер, — писал Бенедикт своим размашистым почерком. — Как твои дела? Несомненно, ты удивишься, получив от меня послание после долгого молчания, но, надеюсь, ты сможешь дать мне совет. Я собираюсь этим летом, когда начнутся каникулы, заняться диссертацией. Меня соблазняет перспектива на два-три месяца скрыться от шумной толпы. Не сдается ли где-нибудь возле Колвина дом на лето? Нас с Джейн вполне устроит маленький коттедж. Может быть, ты знаешь кого-нибудь, кто сдает жилье отдыхающим. Если тебе известно тихое, удобное и уединенное местечко, сообщи мне о нем. Надеюсь, Гвайнет чувствует себя хорошо. Когда Эван возвращается из Африки? Джейн передает тебе привет и надеется на скорую встречу

— я, конечно, разделяю ее надежду. Твой Бенедикт».

Уолтер медленно доел яичницу с ветчиной и перечитал письмо. Он не мог решить, ждет ли Бенедикт приглашения в Колвин-Корт. Письмо не содержало подобных намеков, но Уолтер понял, что приглашение обрадовало бы кузена. Фраза о «тихом, удобном и уединенном местечке» могла относиться к Колвин-Корту, й Уолтер испытал чувство вины. Не то чтобы он не любил кузена, хотя они редко встречались в последнее время, братья всегда поддерживали добрые отношения. Но если мистер Пуул избавит Уолтера от финансовых проблем, арендовав оба крыла дома для своего общества, в Колвин-Корте не останется места для Бенедикта и его жены.

— Господи, господи, — забормотал вслух Уолтер, он уставился невидящими глазами на остаток тоста с мармеладом. — Господи, какая неловкая ситуация.

Дверь столовой тихо щелкнула. Туфли с мягкой подошвой бесшумно заскользили по ковру, легкий сквозняк, подувший из коридора, заставил зашевелиться шторы у открытого окна.

— Неловкая? — вкрадчиво произнес гость Уолтера. — Расскажите мне, мистер Колвин! Может

быть, я сумею помочь вам.

VI

Он был высоким человеком с плохо– запоминавшимся из-за разнообразия мимики лицом. Он обладал глубоко посаженными глазами и высокими, широкими скулами, его густые, но короткие волосы разделял пробор. На нем были темный костюм классического кроя, белая рубашка, неяркий галстук, однако его руки и голос разрушали весьма тщательно создаваемый образ типичного английского бизнесмена. У него были очень красивые кисти с длинными пальцами, на среднем пальце правой руки, в отличие от большинства типичных англичан, он носил изящный, явно не английский перстень с замысловатым узором, отлитый из какого-то тусклого металла серебристого цвета. Его голос так ласкал слух, что сначала было трудно понять, почему он выпадает из английских стандартов, но спустя некоторое время, прислушавшись, собеседник начинал улавливать в звучании гласных иностранный акцент и отмечать своеобразный выбор слов. Мистер Пуул редко пользовался явными американизмами, но случайные короткие звуки «э» и необычное употребление предлогов

свидетельствовало о том, что он провел какое-то время за океаном. Определить его возраст было трудно, Уолтер считал Пуула ровесником Эвана, но Гвайнет казалось, что ему под сорок, она видела в нем космополита с большим жизненным опытом и развитым интеллектом.

— Может быть, я смогу вам помочь, — сказал Тристан Пуул. Он заметил пачку не вскрытых счетов, лежавших рядом с письмами Эвана и Бенедикта.

Насколько серьезны финансовые затруднения Колвина, подумал гость. Возможно, они носили временный характер. Дом, полный ценных вещей, содержался отлично. Если Уолтер Колвин и испытывал в данный момент нехватку наличных, он был далек от банкротства.

— Какие проблемы? Надеюсь, ничего серьезного.

— О, нет, нет, нет. — Уолтер повернулся к гостю. Просто удивительно, как успокаивает общение с Пуулом… — Мой дорогой, возьмите себе яичницу с ветчиной… Нет, дело лишь в том, что…

Он изложил содержание письма Бенедикта и сложности, порожденные просьбой кузена.

Пуул налил себе чай и принял решение — обосновавшись в Колвин-Корте более прочно, он

настоит на том, чтобы к завтраку, наряду с неизбежным чаем, подавали бы настоящий кофе.

— …и я подумал… Вам что-нибудь передать, мой дорогой? Соль?

— Нет, спасибо, — ответил Пуул.

— Не знаю, что подумал, только ситуация показалась мне неловкой. Понимаете, я на самом деле хотел бы, чтобы вы и ваше общество разместились тут, но… Бенедикт… очень щекотливое положение… я должен пригласить его…

— Но, — произнес мистер Пуул, — есть очень простое решение, мистер Колвин. На берегу стоит ваш коттедж, который вы последние два года сдавали на лето отдыхающим. Почему бы не сдать его вашему кузену — или предложить бесплатно? Он понравится профессору Шоу, он будет жить если не в вашем доме, то на вашей земле, думаю, он найдет это жилище достаточно тихим. Вы не ошиблись, усмотрев в его письме намек на желание получить приглашение в Колвин-Корт? Возможно, он имел в виду коттедж, а не сам дом.

— Бенедикт не знает, что последние два года я сдавал коттедж, — неуверенно произнес Уолтер. — Там жил мой шофер — я предоставил ему это жилье за символическую плату, когда он состарился и не мог больше водить машину. Потом

он умер.:.

Пуул думал о коттедже. Лучше там будет жить поглощенный своей работой профессор, нежели череда семей с любопытными детьми.

— Вы еще не сдали его на этот сезон? — спросил он, когда Уолтер замолчал, чтобы восстановить ход мыслей. — Он свободен?

— Нет, я сдал его в январе одной очень славной семье…

— И все же там должен жить профессор!

— Да, но я не вижу, каким образом я смогу…

— Несомненно, там должен поселиться профессор.

— Но что я скажу…

— Предоставьте это мне. Я все сделаю за вас. Если вы дадите мне адрес этих людей, я напишу им и объясню ситуацию.

— Ну… мне не хотелось бы обременять вас…

— Пустяки, — сказал Пуул с очаровательной улыбкой. — Буду рад вам помочь.

Он отпил глоток из чашки, забыв, что это чай, и недовольно нахмурился.

— Расскажите мне о вашем кузене. Я полагаю, он ваш ровесник?

— Бенедикт? Нет, ему всего сорок шесть лет. У моей матери была сестра значительно младше

ее, которая вышла замуж…

Внимательно слушая, Пуул намазал маслом тост. Он оказался холодным. Почему англичане едят холодные тосты? Когда он обоснуется в Колвин-Корте…

— …женился на двадцатисемилетней женщине, — сказал Уолтер. — Мы все, конечно, изумились. Сколько сейчас лет Джейн? Не помню, как давно они поженились. Думаю, лет пять — шесть тому назад… к сожалению, у них нет детей… она очень славная, хорошенькая, добрая — не понимаю, что она нашла в старине Бенедикте, этом засохшем холостяке…

Профессор, поглощенный своей работой, и жена, поглощенная своим супругом, не представляют угрозы, подумал Пуул.

— Чудесно, — сказал он Уолтеру теплым, почти заинтересованным голосом. — Похоже, они — замечательные люди. Я буду рад познакомиться с ними…

VII

— Очевидно, — резким тоном обратился Бенедикт Шоу к своей жене за завтраком двумя днями позже, — Уолтер либо сошел с ума, либо впал в маразм. Ты только представь себе — он позво-

лил хозяйничать в своем доме секте каких-то безумцев! И он предложил мне снять за деньги отвратительный жалкий домик, в котором жил его шофер! Как смеет он требовать платы с меня, своего кузена! Это предложение не оскорбляет меня только потому, что оно совершенно абсурдно. Он, верно, на грани банкротства — это все, что я могу сказать. Когда Эван в июне вернется домой, мне надо будет поговорить с ним об этом.

— Значит, Эван определенно возвращается домой? — рассеянно спросила Джейн.

Она пыталась вычислить, сколько калорий содержится в тосте с маслом и мармеладом.

— Да, если верить письму Уолтера. — Бенедикт яростно тер стекла очков. — Один бог ведает, как отреагирует на ситуацию Эван! Господи, Общество пропаганды натуральной пищи! Это смешно!

Двести двадцать калорий, подсчитала Джейн. Нельзя.

Она постаралась думать о чем-то другом.

— Полагаю, содержание Колвин-Корта обходится Уолтеру весьма недешево, — рассудительно заметила она, — я знаю, ты всегда считал Уолтера богачом, но с нынешними налогами и дороговизной…

— Моя милая, — сказал Бенедикт, — ты можешь не говорить мне о налогах и растущей стоимости жизни?

— Думаю, да. — Джейн едва не протянула руку к запретному тосту. Как трудно иногда сдерживать себя! — Тебе, конечно, все это известно гораздо лучше, чем мне, дорогой.

Бенедикт улыбнулся. Внезапная улыбка стерла с его лица следы раздражения, глаза профессора заблестели за толстыми стеклами очков. Джейн потянулась вперед и внезапно поцеловала мужа. Он взял ее за руку.

— Одна из лучших твоих черт, дорогая, заключается в том, что ты всегда умеешь найти нужные в данный момент слова.

— Это, похоже, означает, что я говорю неправду!

— Вовсе нет. Я не считаю тебя склонной к лести.

— Бенедикт, ты примешь предложение Уолтера насчет коттеджа? Я понимаю, его слова насчет платы весьма странны, но…

— Это очень непохоже на него. — Бенедикт снова нахмурился. — И просто неприлично в данных обстоятельствах. Что касается этого общества сумасшедших…

— Но коттедж расположен весьма удачно, верно? Тебе будет очень удобно работать там.

— Удобно работать? В окружении психов, помешанных на натуральной пище?

— Думаю, ты не будешь их видеть. Они не будут беспокоить тебя в коттедже.

— Ты хочешь, чтобы я поехал туда, — сердито произнес Бенедикт, — верно?

— Нет, если ты сам этого не хочешь, дорогой. Но я уверена, что все сложится хорошо, если ты так сделаешь.

— Подумать только — в глубине души я ждал приглашения в Колвин-Корт!

— Тебе бы там не понравилось, — сказала Джейн, — Уолтер действовал бы тебе на нервы, ты не знал бы покоя от постоянного грохота поп-музыки, которую обожает Гвайнет.

— Но платить Уолтеру за эту лачугу…

— Тебе все равно пришлось бы платить, если бы ты снял где-то дом, — заметила Джейн, — эта «лачуга» весьма симпатична. Я как-то заходила в нее вместе с Гвайнет, когда она относила старому шоферу подарок к рождеству. Представь, как успокаивает море, Бенедикт! Ты знаешь, как хорошо тебе работается у воды.

— Хм, — произнес Бенедикт. — Вижу, выбора

нет. — Он в задумчивости подошел к окну и посмотрел на маленький сад, за которым Джейн тщательно ухаживала.

— Может быть, мне следует поехать в Колвин хотя бы для того, чтобы установить, как сильно помутился рассудок Уолтера. Вдруг это чертово общество надувает его?

Он вернулся к столу и поиграл пустой чашкой.

— Есть еще кофе?

Джейн наполнила его чашку.

— Ты не думаешь, что Уолтер действительно испытывает финансовые затруднения?

— Это бы меня не удивило. Уолтер всегда был дураком в отношении денег. И конечно, такой большой дом, как Колвин-Корт, в наши дни — просто обуза. Ему следовало продать его или сдавать жильцам.

— Но, Бенедикт, он не может это сделать! Это его родовое поместье!

— Такая сентиментальность неуместна во второй половине двадцатого века.

— Может быть, Уолтер собирается продать Колвин-Корт этому обществу? — предположила Джейн.

— О боже! — воскликнул Бенедикт. — Он этого не сделает! Не совершит такой глупости!

— Но если ему очень нужны деньги…

— Деньги, — произнес Бенедикт. — Не люблю разговоры о деньгах. Деньги, деньги, деньги. Скучная тема — деньги.

— Да, дорогой. Но они бывают весьма полезны.

— Взять, к примеру, твоего зятя. В газетах о нем всегда пишут так: «Мэттью Моррисон, промышленник-миллионер». Почему не сказать просто: «Мэттью Моррисон, промышленник?» Зачем нужно всякий раз приклеивать ярлык «миллионер»? Разве оно делает Моррисона человеком другого сорта?

— Ну, некоторая разница есть, — сказала Джейн. — Миллионер живет несколько иначе, нежели местный мясник.

— Разумеется! — отозвался Бенедикт. — Мы оба знаем, что твоя сестра вряд ли вышла бы замуж за Моррисона, будь он простым мясником.

— Дорогой, по-моему, ты несправедлив к Лайзе.

Бенедикт великодушно изобразил на лице растерянность, потом все же добавил с вызовом:

— Ты можешь представить себе, чтобы Лайза вышла замуж за мясника?

Джейн не могла ото сделать, однако она не позволила себе вслух согласиться с мужем, Она

подумала о своей сестре. О двадцатидевятилетней Лайзе — эффектной, умной, прекрасно владеющей собой. О Лайзе, имевшей все — от коллекции норковых шуб до двух очаровательных детей…

Джейн протянула руку к последнему тосту и намазала его маслом, не отдавая себе отчета в своих действиях.

— Лайза очень романтична, — невозмутимо произнесла она, — и вполне могла бы выйти за мясника, если бы влюбилась в него.

— Чепуха, — сказал Бенедикт.

Интуиция подсказала ему, что лучше сменить тему.

— Что сейчас делает дочь Моррисона? По-прежнему работает в Лондоне?

— Да, она до сих пор живет в Хэмпстеде и не слишком часто приезжает в отцовский дом. Лайза сказала, что не видела се целую вечность.

— Хм.

Бенедикт задумался о том, почему Николу больше не тянуло в дом отца.

— Очень жаль, что из романа Николы с Эваном ничего не вышло. — Джейн откусила тост. Двести двадцать калорий. Может быть, она сумеет воздержаться от, ленча. — Было бы очень удачно, если бы они поженились.

— Удачно — очень подходящее слово, — сухо заметил Бенедикт. — Похоже, положение Уолтера таково, что Эвану придется взять в жены богатую наследницу.

— Дорогой, я уверена, Эван не способен жениться только ради денег!

— Денег, — повторил Бенедикт. — Опять это ужасное слово.

— Но, Бенедикт…

Джейн замолчала. Лучше не напоминать ему, что он затронул эту тему. Она взяла одну из утренних газет и принялась листать ее.

— Господи, я чуть не забыла прочитать мой гороскоп! Может быть, там есть подсказка, стоит нам снять коттедж у. Уолтера или нет.

— Я уже решил сделать это, — сказал Бенедикт. — Мне совсем не интересно, что какой-то жулик ежедневно сочиняет для доверчивой публики.

Встав, он наклонился, чтобы поцеловать жену, и шагнул к двери.

— Мне пора. Не жди меня к ленчу, дорогая, я поем в городе.

— Хорошо, дорогой… желаю удачного дня.

Она, как обычно, проводила мужа до двери и помахала ему рукой на прощанье. Бенедикт направился к белому «остину». Их маленький дом

стоял на тихой, тенистой улочке в миле от центра города, поездка до колледжа была недолгой. Когда Бенедикт скрылся из виду, Джейн вернулась в столовую и, прежде чем заняться грязной посудой, поискала свой гороскоп.

Под своим знаком Зодиака Джейн прочитала: «Тщательно подумайте перед принятием любого решения. Сегодня можно помечтать о путешествии, но остерегайтесь неожиданных приглашений».

VIII

— Какой у него гороскоп на сегодня? — днем позже спросила маленькая Люси, племянница Джейн, жившая в доме Мэттью Моррисона, в Суррее. — Что там написано?

— День сулит вам удачу, — старательно прочитал се брат Тимоти. — Воспользуйтесь неожиданной возможностью. Будьте смелым.

Он торжествующе посмотрел на сестру.

— Это означает, что у «его есть шанс бежать из Китая!

— Из Тибета, — сказала Люси. — Папа в Тибете. Он пересек Гималаи с проводником и спустился по реке на плоту, как в том фильме, что мы видели, в конце концов он сел в вертолет…

— Ну, ну, ну, — в комнату, где уединились со свежими гороскопами близнецы, вошла Лайза Моррисон. — О ком это вы, мои дорогие? О герое одного из этих ужасных сериалов?

На лицах близнецов появилось виноватое выражение, они не знали, что сказать, украдкой посмотрели друг на друга. Лайза улыбнулась.

— Мы фантазировали, мама, — сказал Люси. — Просто сочиняли.

— Мы пытались представить, как папа добрался бы домой, если бы он не утонул, — добавил Тимоти. — Если бы он выплыл, то оказался бы на территории Китая, а вырваться оттуда непросто, ему пришлось бы несколько лет провести в тюрьме.

— Но, дорогой, — Лайза не знала, что сказать, но чувствовала, что ей следует что-то произнести, — папа умер. Давно умер. Разве бы я могла выйти замуж за дядю Мэтта, если бы еще надеялась, что папа жив?

Они посмотрели на нее. Их лица были растерянными. В комнате стало тихо.

— Мы просто фантазировали, — сказал Тимоти. — Это все — наша выдумка.

— Наша выдумка, — подтвердила Люси.

Лайза облегченно вздохнула.

— Тогда ладно, — она натянула перчатки. — Мои дорогие, я уезжаю с дядей Мэттом в Лондон. Желаю вам хорошо провести день. Увидимся вечером. Где Констанца?

Молодая испанка по имени Констанца была нанята присматривать за близнецами, чтобы Лайза могла беспрепятственно наслаждаться светской жизнью. Близнецы считали, что это они присматривают за Констанцей. За три месяца они полностью подчинили ее себе.

— Наверху, — сказала Люси.

— Хорошо. Будьте умниками, дорогие, ладно?

Она поцеловала детей, улыбнулась и зашагала к двери.

— Я не могу заставлять дядю Мэтта ждать… Пока, дорогие. Желаю хорошо провести время.

Они вежливо хором сказали «до свидания» и подошли к окну, чтобы проводить ее взглядами. Их отчим уже ходил взад-вперед возле своего нового «роллс-ройса».

— Она заставила его ждать, — сказал Тимоти.

— Как всегда, — добавила Люси. — Он сердится?

— Он очень сердился вчера ночью.

— Да? Когда именно?

— Около двенадцати часов. Я проснулся и

услышал их голоса. Они здорово шумели в столь поздний час.

— Что они говорили?

— Я не расслышал.

— Ты не встал, чтобы послушать?

— Я хотел это сделать, но мне было лень.

— Это была настоящая ссора?

— Несомненно.

— Кто сердился сильнее — дядя Мэтт или мама?

— Дядя Мэтт. Насчет налогов и денег. Он хочет жить на Нормандских островах или где-то еще, чтобы сэкономить деньги. «На Нормандских островах? — сказала мама. — Дорогой, ты в своем уме? Как я буду жить в такой глуши?» Тогда дядя Мэтт рассердился всерьез и сказал, что не собирается уезжать на Багамы только для того, чтобы ублажить се. Тогда мама сказала…

— Тимми, ты все же подслушивал!

— Ну, только минуту или две. Мне захотелось что-нибудь съесть, и по дороге вниз, на кухню… Мама сказала: «По крайней мере на Багамах я могла бы немного развлечься». Дядя Мэтт сказал: «Ты только об этом и думаешь, верно? А я буду развлекаться на Нормандских островах! — Он был очень сердит. — Тебе придется смириться с

этим или расстаться со мной».

— Что произошло потом?

— Мне пришлось убежать, потому что мама вышла из комнаты, и я едва успел вовремя скрыться.

— Куда она направилась?

— О, всего лишь в свободную комнату.

— Женатые люди не должны спать в разных комнатах, — заметила Люси. — Я слышала, как повар сказал миссис Пирс, что по этому признаку можно судить, счастливый брак или нет.

— Думаю, миссис Пирс недовольна, что ей придется убирать две кровати вместо одной… Смотри, мама идет. У дяди Мэтта по-прежнему сердитый вид.

Они молча смотрели в окно.

— Тимми, думаешь…

— Да?

— Если бы мама и Дядя Мэтт развелись… я лишь предполагаю…

— И папа вернулся бы из Китая…

— Из Тибета.

— Это было бы замечательно… хотя мне нравится дядя Мэтт…

— Да, он хороший.

— Может быть, мы смогли бы видеть его иногда

после развода.

— Может быть, и смогли бы.

Они улыбнулись друг другу.

— Я уверен, — твердо произнес Тимоти, — все закончится хорошо.

— Да, но сколько еще времени мы будем ждать возвращения папы? — печально спросила Люси. — Иногда мне кажется, что всегда.

Тимоти не ответил сестре. Они молча стояли у окна, «роллс-ройс» отъехал от дома начал свое восемнадцатимильное путешествие по извилистой дороге до Лондона.

IX

Спустя некоторое время Мэттью Моррисон произнес:

— Я сожалею о вчерашней ночи.

Выговорить это стоило ему немалых усилий. Мэттью был гордым человеком и не любил извиняться — тем более когда чувствовал, что первым это следует сделать не ему.

— Да? — сухо произнесла Лайза. Он отметил, что в это утро она выглядела превосходно, апрельская погода была переменчивой, но Лайза надела под пальто эффектное весеннее платье, словно не сомневалась в том, что зима закончилась и лето

уже близко. Короткое платье позволяло Мэтту видеть длинные красивые ноги жены.

— Ты ужасный водитель, Мэтт, — сказала Лайза. — Совсем не смотришь на дорогу. Лучше бы ты нанял шофера.

Но Мэтт предпочитал обходиться без шоферов. Ему было пятьдесят пять, он успел привыкнуть к удобствам, которые можно купить за деньги, но не желал сидеть в своем автомобиле в качестве пассажира. Он также втайне боялся «напускать на себя важность» и «играть чуждую ему роль». Результатом был снобизм наизнанку, желание сохранить простые привычки, приобретенные давным-давно, в ту пору, когда он карабкался от должности конторского мальчика на побегушках к посту председателя правления индустриальной империи. Теперь он владел большим домом, в котором чувствовал себя немного дискомфортно, держал первоклассного повара, презиравшего простую английскую кухню, любимую Мэттом, и имел красивую, воспитанную жену, чьи вкусы не мог разделять. Втайне он ненавидел свой дом («этот огромный старый сарай» — так мысленно, называл его Мэтт), шедевры повара («эти чертовы французские штучки») и даже свою жену, которую считал испорченной и вздорной, однако

Мэтт сознавал, как трудно ему было бы отказаться от всего этого. Ему, возможно, хотелось бы верить в то, что в душе он остался простым парнем, которому не изменил успех, но он был достаточно честен с самим собой и знал, что в действительности он изменился, Мэтт с огорчением признавался себе в любви к привилегиям, дарованным богатством и положением. Но он не афишировал эту свою слабость. Он знал, что говорили о «сделавших себя людях», открыто наслаждавшихся своим богатством, и боялся презрительного ярлыка «нувориш».

— Я не люблю шоферов, — внезапно сказал он. — В наше время держать шофера — это играть на публику. Ты знаешь, что я этого не терплю.

— О нет, — возразила Лайза. — Ты хочешь казаться «простым человеком» и похоронить себя в глухом уголке Нормандских островов после ранней отставки.

— Послушай, Лайза…

— Какой смысл экономить деньги на налогах, если их будет не на что тратить?

— Мы не обязаны проводить весь год на Нормандских островах.

— Я не понимаю, что ты имеешь против Багам. Там райский климат, ты сможешь купаться, ве-

сти «простую жизнь».

— Это слишком далеко от Англии.

— О, Мэтт, это нелепость! Сейчас не существует далеких мест!

— Если ты думаешь, что я собираюсь стать одним из тех, кто полжизни проводит в самолетах…

— Чем плохи самолеты, если они тебе по карману? «Игра на публику»? Какой ты лицемер, Мэтт!

— Ты меня не понимаешь, — Мэтт упрямо поджал губы.

— После того, как ты уйдешь в июне в отставку, мы могли бы устроить себе приличный отдых, прежде чем ты решишь где-то обосноваться. Почему не съездить снова в Испанию?

— Июнь в Испании — очень жаркий месяц, и я не выношу тамошней кухни. Я бы предпочел провести время у моря где-нибудь в Англии.

— Господи, — сказала Лайза, — сейчас ты заявишь, что хочешь присоединиться к Джейн и Бенедикту в Колвине.

На лице Мэтта появилось удивленное выражение.

— Они уже там?

— Еще нет, но Бенедикт снимает коттедж в Колвине на все летние каникулы. Разве я не говорила

тебе о моей вчерашней беседе с Джейн?

— Ты говорила только о своем желании жить на Багамах. Мы могли бы погостить у них пару недель в июне.

— Ты, верно, смеешься.

— Насколько велик коттедж?

— О, это ужасная маленькая хибара, очень тесная. Мэтт, ты шутишь.

— Мне нравится эта часть уэльского побережья. Уолтеру повезло, что его имение расположено на полуострове Говер.

— Неудивительно, что ты испытал разочарование, когда Эван Колвин бросил Николу и умчался в Африку!

— Он ее не бросил, — Мэтт с щемящей сердце грустью подумал о дочери. — Они не были помолвлены.

— Никола проявила чрезмерную сдержанность, — сказала Лайза. — Она абсолютно не умеет обращаться с мужчинами.

— Во всяком случае, она — порядочная девушка, которая не желает путем ухищрений и уловок тащить мужчину в церковь!

— Откуда такая уверенность? Ты почти не видишь ее.

— Кто в этом виноват? — закричал Мэтт, забыв

про дорогу. Автомобиль вильнул в сторону, Лайза закричала.

— Ради бога, будь осторожен! Мэтт, если ты не можешь ехать аккуратно, я выйду и поймаю такси — мои нервы на пределе.

Мэтт промолчал. Он чуть сильнее сжал руль и уставился на дорогу. Не раскрывая ртов, они доехали до салона, расположенного в Найтсбридже, где Лайзу ждал парикмахер.

— Желаю удачного дня, — сказал Мэтт, когда жена вышла из машины. — Увидимся вечером.

— Спасибо.

Она ушла. Провожая ее взглядом, Мэтт подумал о своей первой жене, матери Николы, умершей десять лет тому назад. В эту минуту отчаяния он спросил себя, как он мог после столь счастливого брака так ошибиться в выборе второй жены?

X

В Колвин-Корте Гвайнет впервые после таинственной болезни позволила себе физическую нагрузку. Она отправилась на прогулку с Тристаном Пуулом по тропинке, которая вела, петляя, к скалам, где стояли развалины старого замка Колвин. Добравшись до каменных стен, Гвайнет села отдохнуть на землю и с интересом прислушалась

к биению своего сердца.

— Надеюсь, эта прогулка не окажется для меня слишком утомительной, — сказала девушка спустя мгновение.

Пуул ей не ответил. Он стоял в нескольких футах от края утеса, фалды его белого пиджака развевались по ветру.

— Тристан!

Он с улыбкой повернулся.

— Извини. Что ты сказала?

— Ты считаешь, что такая прогулка мне по силам? Мое сердце бьется учащенно.

— С тобой все будет в порядке. Только отдохни немного.

Гвайнет откинулась на траву, положила руки под голову и дала волю своему воображению. После ее слов об учащенном сердцебиении Тристан мог опуститься рядом с ней на колени, проверить своими длинными пальцами, как бьется ее сердце, и…

— У тебя очень живое воображение, Гвайнет, — произнес Тристан Пуул.

Она резко приподнялась, села. Ее щеки пылали. На мгновение она потеряла дар речи.

Но он не смеялся над ней. Далекий, отчужденный, он по-прежнему стоял и смотрел на море.

— Почему ты так сказал? — неуверенно спросила она.

— А разве, — он повернулся к ней, –. это не так?

Она растерялась. В смятении попыталась Сменить тему, но изобретательность покинула ее.

— Фантазии, — сказал Пуул, — не приносят такого удовлетворения, как реальность. Ты никогда об этом не задумывалась, Гвайнет?

Все мысли вылетели из головы Гвайнет. Она раскрыла рот, чтобы заговорить, но не смогла ничего произнести.

— Почему ты боишься реальности, Гвайнет?

— Я ее не боюсь, — громко сказала дрожащая девушка. Она боролась с желанием броситься назад к дому и запереться в комфортной безопасности своей комнаты.

— Но ты предпочитаешь жить в выдуманном мире, — вздохнул Пуул. Кажется, он с самого начала знал, что девушка слишком невротична для того, чтобы представлять для него интерес. Какая жалость, какая трата времени! Но работать с дефектным материалом бессмысленно. Все внутренние тревоги Гвайнет в конечном счете обернутся против него, и она не сможет принять то, что он способен предложить ей. Она видела

в нем только доктора, любая другая его роль толкнула бы девушку в придуманный ею мир, прочь от любого иного мира, который он мог бы ей открыть.

Беспокойно осматриваясь по сторонам, она увидела над берегом коттедж шофера и торопливо произнесла:

— Кузен папы, Бенедикт, приедет сюда в июне — папа говорил тебе об этом? Он очень образованный, но несовременный, лет на тридцать отстал от жизни, Джейн, его жена, тоже немного старомодная, хотя вполне хорошенькая. Ну, не такая красивая, как Лайза, ее сестра. Та по-настоящему эффектна. Я хотела бы быть такой, как Лайза. Она замужем за миллионером — ты слышал о Мэттью Моррисоне, промышленнике?

Пуул смотрел на волны, обрушивающиеся на берег.

— Наверно, да.

Он бросил пристальный взгляд на Гвайнет.

— Значит, у миссис Бенедикт Шоу есть зять-миллионер?

— Да, сестра Джейн…

— Как, ты сказала, ее зовут?

— Лайза.

— Лайза, — повторил Пуул. — Лайза Моррисон.

Звучит красиво.

— О, она столь же прекрасна, как и ее имя, — оживленно подхватила Гвайнет, радуясь возможности переключить внимание Пуула с себя на кого-то другого. — Она очень обаятельная.

— Да? — Тристан Пуул снова повернулся к морю и добавил, обращаясь больше к себе, нежели к Гвайнет: — Это весьма интересно…

Глава вторая

I

Наступил июнь. В Кембридже река петляла мимо колледжей и зеленых прямоугольных лугов. Студенты разъехались, город опустел. Атмосфера старины, подчеркнутая древними зданиями, стала еще заметней. В маленьком доме на окраине Джейн торопливо собирала вещи, стараясь не поддаваться панике.

— Я уверена, что что-нибудь обязательно забуду, — сказала она Бенедикту. — Я отменила доставку молока и газет? Не помню, что я сделала, а что — нет. Скорей бы мы покончили со сборами и оказались в Колвине!

— Поскольку утром газет не было, — сказал Бенедикт, — и мы остались без молока, думаю, ты отменила их доставку. Как ты поступишь с котом?

— О, Марбл поедет с нами! Я не могу бросить его!

— Моя дорогая Джейн, он убежит от тебя, если ты повезешь его в Уэльс. Ты знаешь, как ведут себя коты! Они находят дорогу домой, если их

вырывают из привычного окружения.

— Марбл не похож на других котов, — сказала Джейн.

— Ну, если ты думаешь, что я всю дорогу до Уэльса буду терпеть кошачий концерт, который устроит это ужасное животное на заднем сиденье…

— Он будет сидеть в корзине у меня на коленях, — твердо заявила Джейн. — Он будет вести себя безукоризненно.

— Верится с трудом, — сказал Бенедикт, но не стал больше спорить. Он сам подарил год тому назад Марбла жене, когда она увидела белого котенка в окне местной давки, где продавались домашние животные, и с тех пор кот пользовался ее любовью и заботой. Теперь ему было четырнадцать месяцев, он превратился в крупное красивое существо с густой пушистой белой шерстью, злыми розовыми глазами и безжалостными лапами. Бенедикт, изначально не жаловавший кошек, с первого взгляда влюбился в Марбла, но впоследствии стал с двойственным чувством относиться к его присутствию в доме. Он ощущал, что привязанность Джейн к Марблу имеет грустную природу, ему казалось обидным, что Джейн, полная неизрасходованных материнских

чувств, тратит их на кота-альбиноса со скверным характером.

— Пойдем, Марбл, сказала Джейн, опуская кота в корзинку. — Нас ждут замечательные каникулы.

Марбл недружелюбно посмотрел на нее. Оказавшись в автомобиле, кот начал выражать свой протест сердитым рычанием.

— Я тебя предупреждал, –,сказал Бенедикт.

— Он успокоится, — попыталась защититься Джейн.

Хм… Мы все взяли?

— Кажется, да… господи, я забыла выбросить остатки хлеба! Одну минуту…

— Я это сделаю, — сказал Бенедикт. — Оставайся лучше с этим зверем. Я не хочу отвечать за него.

Наконец им удалось отправиться в дорогу, Бенедикт, путаясь, как всегда, выбрался из города и направился через центр Англии на запад, к Южному Уэльсу. Кот угомонился, Джейн облегченно вздохнула, и Бенедикт начал напевать себе под нос музыкальную фразу из «Пасторальной симфонии» Бетховена.

— Я уже не думала, что мы когда-нибудь отъедем от дома, — сказала Джейн. — Почему я такая неорганизованная? Как замечательно быть од-

ной из этих энергичных, практичных, деловых женщин, которые сохраняют рассудок в любой ситуации и никогда не теряются.

— Не выношу энергичных, практичных, деловых женщин, — сказал Бенедикт. — Если бы ты не была такой, какая ты есть, мне бы и в голову не пришло жениться на тебе.

Джейн счастливо вздохнула. Она вдруг вспомнила, как Лайза на вечеринке сказала подруге: «Не понимаю, что нашла в нем Джейн!» Лайза не могла понять. И их мать, умершая год назад, — тоже. Джейн, погрузившись в прошлое, услышала ее огорченный вежливый голос: «Джейн, дорогая, тебе не пора сменить прическу? Она не слишком современная… дорогая, по-моему, это платье тебе не идет… Джейн, ты на самом деле очень хорошенькая — если бы ты приложила немного усилий, то стала бы весьма привлекательной… это в твоих силах… Лайза, например…»

— Но я — не Лайза, — сказала Джейн. — Я — это я.

Она вспомнила удивление молодых людей на вечеринках. «Ты — сестра Лайзы? Неужели? О…» А еще были учителя в школе. «Джейн старается, но…» Лайза тоже училась неважно, но все говорили, что это из-за нежелания. И наконец возникла

проблема с полнотой. «Как обидно, что ты не похожа на Лайзу — она ест вдвое больше тебя и не поправляется…»

Лайза. Всегда Лайза.

— Ты не можешь любить меня, — заявила она однажды Бенедикту. — Я полная, глупая, всегда ужасно выгляжу, и в сравнении с Лайзой…

— Я не выношу таких женщин, как Лайза, — сказал Бенедикт.

— Но…

— Ты нравишься мне такой, какая ты есть. Если ты попытаешься измениться, я рассержусь.

Он повторил это несколько раз за шесть лет, прошедших со дня их знакомства, но даже сейчас Джейн не смела поверить в то, что он говорил правду. Автомобиль двигался на запад, в сторону Уэльса, Джейн гладила густую шерсть Марбла и думала о том, что сонное урчание кота — хороший аккомпанемент к ее состоянию покоя и умиротворения.

К вечеру они добрались до большого индустриального порта Свонси, когда вырвались из уродливых промышленных дебрей на дикую природу полуострова Говер, солнце уже село. Деревня Колвин находилась в миле от моря на южной стороне полуострова, приближаясь к ней, они

оставили позади себя лесной массив и оказались на открытой местности, среди полей, обнесенных каменными стенами, и ферм, окруженных тянущимися к скалистому берегу пустырями, поросшими вереском. Казалось, они удалились от Свонси не на двадцать, а на двести миль.

— Как хочется, верно, Эвану вернуться домой! — сказала Джейн, мечтательно любуясь темнеющим за полями морем. — До его возвращения осталось совсем мало времени. Как он, должно быть, волнуется!

Они проехали через деревню к воротам Колвин-Корта. Дорога шла мимо цветущих кустарников, она закончилась перед домом. Это было старое здание елизаветинской эпохи, реконструированное в восемнадцатом веке одним из Колвинов, который не хотел отставать от современных ему тенденций в архитектуре. Фасад был георгианским, белым, величественным, симметричным, за ним скрывались невидимые с дороги два елизаветинских крыла дома и геометрически правильной формы елизаветинский сад.

— Это напоминает морг, — сказал Бенедикт. — Вероятно, все легли спать. Который час, моя дорогая?

— Девять.

— Так мало?

— Ну… да, мои часы остановились. Я должно быть, забыла завести их — какая оплошность! Как мы поступим?

— Я посмотрю, спит Уолтер или нет. Если спит, то оставлю записку, и мы проедем к коттеджу.

— Хорошо.

Джейн закрыла крышкой корзинку с Марблом и вслед за Бенедиктом вышла из машины. Ноги онемели от долгого путешествия, и ей вдруг захотелось расслабиться в горячей ванне.

Бенедикт нажал кнопку звонка, возникла пауза. Над ними светились звезды, в темноте пронеслась летучая мышь.

— Похоже, все легли спать.

Он снова нажал кнопку.

— Нам следовало выехать из Кембриджа пораньше, — добавил Бенедикт, повернувшись, — но это не беда. Мы пройдемся пешком до дома утром, после завтрака. Надеюсь, Уолтер догадался оставить домик незапертым.

В холле зажегся свет. Бенедикт повернулся к двери, Джейн замерла у машины. Наконец в дверном проеме появилась полная женщина средних лет со слегка вьющимися седеющими волосами и невозмутимой улыбкой.

— Добрый вечер, — приветливо произнесла она. — Профессор и миссис Шоу? Позвольте представиться: я — Агнес Миллер, секретарь колвинского отделения Общества пропаганды натуральной пищи. Заходите.

II

Марбл смотрел сквозь щели корзины, стоявшей на переднем сиденье, и царапал лапой плетеную стенку. Услышав голос Бенедикта, донесшийся издалека, и бормотанье Джейн, прозвучавшее где-то вблизи, он почувствовал себя покинутым, хотя и не окончательно. Его охватила ярость. Он ненавидел корзину. Ненавидел автомобили. День выдался длинный, тяжелый.

Набрав в легкие воздуха, он громко мяукнул, выгнул спину дугой и подпрыгнул.

Крышка корзины открылась. Марбл заморгал — яркий свет, струившийся от крыльца, ослепил его. Потом кот торжествующе прыгнул через открытое окно машины на гравийную дорогу.

— Какой красивый кот! — прозвучал незнакомый женский голос, и чья-то рука ласково погладила его загривок.

— Осторожно, мисс Миллер, — испуганно произнес Бенедикт. — Он не очень-то дружелюбен к

незнакомым.

Марбл вздрогнул. По его спине побежали мурашки, шерсть вокруг шеи вздыбилась. Его словно загипнотизировали, он испытал странные ощущения,

— Сюда, Марбл, — внезапно сказала Джейн и взяла его на руки. Чужая ласковая рука исчезла. Марбл поморгал, вспомнил, что он свободен, спрыгнул на ступеньки.

— Марбл! — крикнула Джейн.

Марбл не отреагировал. Пожилой человек, спускавшийся по ступеням, сказал:

— Бенедикт, как я рад тебя видеть! Извини, что я не сразу вышел — я был в моем кабинете и…

— Марбл! — недовольно крикнула Джейн.

Марбла охватило злорадное торжество. День был тяжелым, теперь он кончился, и кот хотел это отпраздновать. Он отыскал коридор, ведущий из холла, и устремился туда. На полпути он остановился, раздул ноздри, но не почуял никакого соблазнительного запаха. Безошибочный инстинкт подсказывал ему, что он на правильном пути.

— Марбл! — отчаянно закричала Джейн где-то вдали. — Негодный кот! Немедленно вернись.

Марбл ловко свернул за угол и оказался в новом

коридоре. Слева из приоткрытой двери струился свет. Марбл бросился вперед, встал на задние лапы и уперся передними в край двери. К его удовлетворению дверь сдвинулась с места и он оказался в огромной кухне.

Странный запах, донесшийся от плиты, ударил ему в нос. Он замер. Его кто-то заметил.

— Какой красивый кот! — прозвучал незнакомый женский голос. — Харриет, посмотри!

— Эй, киска!

Марбл отпрянул.

— Дай ему молока.

— Откуда он взялся?

Кто-то открыл холодильник и вытащил бутылку молока. Другой человек склонился над Марблом, собираясь прикоснуться к нему, но кот выгнул спину дугой и зашипел. Он не совсем понимал, где он находится, ему не нравился странный запах кухни. Он инстинктивно оглянулся, ища Джейн, но она, похоже, отказалась от погони. Он был один.

— Эй, киска! — сказала незнакомая женщина.

Его окружали одни женщины.

— Правда, прелесть?

— Налей молока в блюдце.

Марбл попытался найти дверь и натолкнулся

на ножку стола. Он запаниковал, Кот уже собрался испуганно метнуться в ближайший угол, когда легкий сквозняк взъерошил его шерсть, он увидел, что дверь, ведущая к свободе, открылась.

Марбл бросился через комнату так стремительно, что даже не заметил черные мужские брюки, пока не врезался в них. Столкновение было ужасным, завизжав, кот отлетел назад, упал на спину.

— Похоже, у нас нежданный гость, — произнес от двери обладатель спокойного грудного голоса.

Марбл тяжело дышал. Дверь была по-прежнему открыта, он видел находившийся за ней двор, чувствовал свежее ночное дыхание моря, однако ему вдруг показалось очень трудным сдвинуться с места. Затем мужчина наклонился, коснулся шерсти на его шее своими длинными ласковыми пальцами, и Марбл забыл о поездке на машине, о запахе, доносившемся от плиты, о свободе, которую сулила открытая задняя дверь.

— Как тебя зовут? — спросил незнакомец своим спокойным голосом. — Или ты жил без имени, ожидая меня?

Марбл протянул ослабевшую лапу и схватил коготками черный шнурок от туфли.

— Я нарекаю тебя Зикелем и объявляю моей

собственностью.

Внезапно сильные руки подняли его в воздух, Марбл ощутил запах чистой белой рубашки и нежного шелкового галстука. Его охватило чувство безмерного покоя.

— Марбл! — донесся из коридора голос Джейн. — Марбл, где ты?

Но кот не слышал ее. Он закрыл глаза, расслабил свои конечности и заурчал в восхитительном трансе.

III

— Не беспокойтесь, миссис Шоу, — сказала Агнес Миллер, догнав Джейн возле кухни. — Мы найдем его. Пожалуйста, не волнуйтесь. Он скоро объявится.

Джейн испытывала беспокойство. Она знала, что оно было необъяснимым, что мисс Миллер дала ей разумный совет, но все же не могла прийти в себя. Она пыталась убедить себя, что ее странное состояние вызвано долгой поездкой, но в глубине души не верила в это. Ее волнение порождалось какой-то непонятной атмосферой дома, возможно, даже присутствием незнакомой женщины, сумевшей без труда подружиться с котом, или видом летучей мыши, мелькнувшей

в темноте, когда Бенедикт позвонил в дверь. Может быть, ее тревога была связана с загадочным запахом, доносившимся из приоткрытой двери кухни. В чем бы ни заключалась причина ее волнения, Джейн ощущала необъяснимый страх. Она в ужасе поняла, что готова заплакать.

— Я должна найти его, — сказала Джейн,повернувшись к двери. — Я должна.

Мисс Миллер шагнула вперед и заглянула на кухню.

— Кто-нибудь видел… — бодро начала Она и тут же радостно воскликнула: — Да вот он! Все в порядке, миссис Шоу, он цел и невредим! Он среди друзей и прекрасно проводит время!

У Марбла нет друзей, раздраженно подумала Джейн, кроме меня и Бенедикта. Необъяснимая пелена слез застилала ее глаза, Джейн стояла, боясь раскрыть рот. Кто-то загородил ей свет, и она услышала вежливый мужской голос:

— Ваш кот, миссис Шоу.

Джейн, поморгав, сдержала слезы, она услышала урчание Марбла прежде чем смогла отчетливо увидеть кота. Он безвольно лежал на руках похитителя, прижавшись белой шерстью к черному пиджаку мужчины.

— Марбл, ты — негодяй,. — дрожащим голосом

промолвила Джейн. Взяв кота, она прижала его к своей груди. — Непослушный кот.

Марбл фыркнул и начал бороться.

— Успокойся, — незнакомец положил указательный палец на голову кота. — Веди себя прилично.

Кот притих.

Джейн наконец посмотрела на стоявшего перед ней мужчину.

— Миссис Шоу, — сказала Агнес Миллер, — это мистер Пуул, директор нашего общества. Возможно, мистер Колвин говорил вам о нем.

— Кажется, он не… во всяком случае, я не уверена — не помню… Здравствуйте, мистер Пуул.

— Здравствуйте, миссис Шоу, — он улыбнулся.

Джейн отвела взгляд в сторону.

— Спасибо вам за то, что вы поймали Марбла.. Я повела себя глупо… запаниковала… он здесь впервые, я испугалась, что он может убежать и потеряться.

— Конечно, — сказал Пуул, — я понимаю.

— Очаровательный кот, — приветливо сказала мисс Миллер. — Очень красивый.

Пуул молчал. Джейн внезапно почувствовала, что в его отношении к Марблу нет сентиментальности. Он не стал по-женски восхищаться

внешностью кота, распекать его за плохое поведение, неискренне уверять Джейн в том, что рад был оказаться полезным. Вместо этого он обошелся с котом умело, точно ветеринар, мгновенно укротил Марбла, когда тот начал проявлять враждебность. Джейн ощутила сдержанную силу, заметила экономность движений, мужественность, странную для человека, который умел обходиться с котами и зарабатывал на жизнь, руководя, как выразился Бенедикт, «обществом сумасшедших».

— Желаю вам приятного отдыха в коттедже, миссис Шоу, — сказал мужчина. — Надеюсь, мы будем вас теперь иногда видеть.

— Да, спасибо. — Джейн не слышала, что она говорит. — Извините меня…

— Конечно. Спокойной ночи, миссис Шоу.

— Я провожу вас до прихожей, — Агнес Миллер повела Джейн по коридору. — Надеюсь, вы найдете в коттедже все необходимое. Я несу ответственность за все приготовления, поскольку экономка мистера Колвина уволилась неделю или две тому назад, сейчас очень трудно подыскать кого-то, поэтому я с девушками сама веду хозяйство.

— С девушками?

— Да, нас здесь двенадцать, — невозмутимо заявила мисс Миллер. — Представлены все возраста, это так стимулирует! Руководство возложено на меня и мою сестру Харриет, мы распределяем обязанности. Занимаемся повседневными бытовыми вопросами, освобождая мистера Пуула для более важных дел.

— Понимаю, — растерянно произнесла Джейн. — Значит, дюжина…

— С мистером Пуулом нас тринадцать, — уточнила мисс Миллер.

— Да… Но чем вы занимаетесь?

— Мы заняты, — четким, деловым тоном ответила мисс Миллер, — изучением психологических и физических преимуществ, диеты, свободной от изобретений цивилизации. Мы убеждены, что употребление не загрязненной химикатами, экологически чистой пищи приближает нас к природе и к тем силам, что управляют нашей судьбой.

Господи, подумала Джейн.

— Понимаю, — повторила она, не желая ввязываться в спор.

— Мы — лишь одна, недавно образованная группа из-множества тех, что разбросаны по всей стране, — радостно сообщила мисс Миллер. —

Нам повезло: мистер Пуул потратил свое время, помогая нам обустроиться на новом месте. Мистер Пуул — как бы точнее выразиться? — наша путеводная звезда, наш светоч. Он поддерживает связь со всеми группами и направляет их деятельность в общенациональном масштабе. Когда мы окончательно освоимся здесь, он отправится в новое место, но в настоящий момент мы имеем счастье располагать им в качестве нашего непосредственного руководителя.

— Да, — сказала Джейн, — Конечно.

— Моя дорогая, вас, вероятно, интересует коттедж, а я болтаю о нашем обществе! Извините. Вот ключ от коттеджа– в холодильнике есть молоко, я положила в кладовку кое-какие продукты, которые пригодятся вам, пока вы не добрались до магазина… Там есть электрическая плита, я предпочитаю пользоваться газом, но готовить на электрической плите тоже очень удобно, надо только привыкнуть. На кухне много кастрюль, сковород, тарелок, белье лежит в шкафу возле ванной. Машина из прачечной приезжает сюда по пятницам, если вы будете утром в пятницу приносить сюда грязное белье, я буду отправлять его в стирку. Ну, пока, по-моему, все. Если вам что-нибудь понадобится, без стеснения обращай-

тесь ко мне… А вот ваш муж и мистер Колвини Гвайнет в ее халате! Гвайнет, дорогая, мне казалось, Тристан рекомендовал тебе сегодня лечь пораньше.

— Я уже спала, — сказала Гвайнет, — но проснулась, когда все стали кричать и звать кота. Здравствуй, Джейн! Так вот этот кот! Он настоящий? Выглядит, как игрушка.

— К сожалению, он слишком настоящий, — сказал Бенедикт. — Джейн, думаю, нам пора ехать.

— Да, — согласилась Джейн. — Несомненно.

— Приходите завтра, как только обустроитесь, — сказал Уолтер. — А пока желаю вам хорошо выспаться. У Джейн очень усталый вид.

— Ты тоже выглядишь уставшим, — произнес Бенедикт. — Думаю, нам всем не,помешает отдохнуть.

— Со мной все в порядке, — неуверенно отозвался. Уолтер и прошел с ними до двери. — Вы знаете дорогу? Поезжайте мимо конюшни к морю.

— Хорошо. Как насчет ключа?

— Он у меня, — сказала Джейн. — Спокойной ночи, мисс Миллер. Еще раз спасибо. Спокойной ночи, Гвайнет… Уолтер… увидимся утром.

Они удалились. Марбл, слишком сонный для того, чтобы протестовать, был снова помещен

в корзину, Бенедикт включил фары, и автомобиль поехал к дому по дороге, ведущей в сторону моря.

— Бенедикт, — сказала Джейн, — в Колвин-Корте творится нечто странное. Эти люди полностью захватили его. Ты заметил, как ужасно выглядят Уолтер и Гвайнет? Что происходит, по-твоему?

— Моя дорогая, не делай из всего загадку, — сказал Бенедикт, старательно объезжая колдобины, — Гвайнет всегда выглядела, кай героиня викторианского романа на последней стадии чахотки, а Уолтер немного постарел со времени нашей последней встречи, только и всего. Конечно, он находится на грани разорения, если позволил этим людям занять часть дома, но…

— Весь дом, Бенедикт! Мисс Миллер хозяйничает во всем доме!

— Если это так, то он экономит на домработнице. Но я собираюсь при первой возможности поговорить с ним. Вдруг я сумею дать ему финансовый совет? Я знаю Уолтера! Он может угодить в любую ситуацию, если его не взять крепко за руку и не вывести из неё. Вероятно, неприятности начались год назад, когда Эван уехал за границу, и присматривать за Колвин-Кортом стало некому. Слава богу, что Эван вернется домой в этом

месяце! Вдвоем с ним мы наведем порядок.

— Но, Бенедикт,это общество…

— Компания безобидных немолодых женщин, которым нравится возиться с травами. Я испытал облегчение, познакомившись с мисс Миллер и увидев, какая она славная женщина. Я уверен, общество не представляет из себя угрозу, им просто удалось на законном основании воспользоваться финансовыми затруднениями Уолтера.

— Ты не видел мистера Пуула,. — сказала Джейн.

— Кто такой мистер Пуул?

— Мисс Миллер назвала его «светочем».

— Странно. Уолтер сказал, что общество состоит исключительно из женщин… И что не так с этим мистером Пуулом? Думаю, мужчина, работающий с дюжиной женщин средних лет, которые пропагандируют натуральную пищу, является скорее всего пожилым гомиком, но…

— Мистер Пуул вовсе не пожилой гомик, — сказала Джейн. — Ему лет тридцать пять, он высок, красив, образован, прекрасно одет, очень вежлив, и…

— И?.. — Бенедикт так изумился, что даже не успел испытать укол ревности.

— И внушает мне страх, — сказала Джейн. Она

вздрогнула так сильно, что корзинка с Марблом едва не соскользнула с ее коленей на пол.

IV

Прошло три дня. Бенедикт работал по утрам, читал днем, снова работал вечером — за годы их брака Джейн привыкла к такому распорядку, из-за него она чувствовала себя одиноко, если не находила себе занятие. На следующий день после приезда они встретились за ленчем с Уолтером и Гвайнет, днем Колвин-Корт выглядел менее величественно, члены общества скрывались на своей части дома, и трудно было представить, что часть помещения занята посторонними. Уолтер сообщил, что мистер Пуул уехал по делам в .Лондон на день или два. Услышав эту новость, Джейн сначала испытала облегчение, но тут же пожалела о том, что Бенедикт не сможет немедленно познакомиться со «светочем» мисс Миллер.

Но, возможно, Бенедикт нашел бы мистера Пуула личностью столь же ординарной, как и мисс Миллер.

После ленча Джейн предложила Гвайнет оставить муж. чин одних и прогуляться до берега моря, но девушка не проявила энтузиазма. Она сказала, что пришло время ее дневного отдыха, и

вообще сегодня слишком жарко, чтобы тащиться к бухте, ее состояние улучшилось, но недавно она испытала небольшой рецидив, и «Тристан» посоветовал ей поберечь себя несколько дней.

— Его на самом деле зовут Тристан Пуул? — внезапно спросила Джейн.

Гвайнет изумленно посмотрела на нее.

— Что в этом удивительного?

— О… не знаю. Мне это показалось странным.

— Не понимаю, почему, — недовольно сказала Гвайнет. — Пуул — весьма обычная фамилия, а Тристан… такое имя существует, верно? Оно не более редкое, чем Бенедикт.

Джейн, не желая спорить, оставила эту тему и отправилась к морю одна. Бухта Колвин, являющаяся частью поместья Уолтера, представляла из себя маленький песчаный пляж, усеянный камнями и окаймленный высокими скалами. Коттедж, в котором поселились Джейн и Бенедикт, нависал над пляжем в том месте, где горная порода возвышалась над полосой песка не более чем на шесть метров, и находился метрах в двухстах от края скалы. Это расположение было идеальным, из окна гостиной виднелся отрезок берега, ограниченный с севера полуразрушенным замком с часовней, а с юга — скалой,

поросшей папоротником и вереском. Закаты были потрясающими. После первого обеда в коттедже Джейн и Бенедикт долго смотрели, как солнце спускается в темнеющее море.

— Ты, как всегда, оказалась права, — с улыбкой заявил Бенедикт, сжав руку Джейн. — Ты знала, что это отличное место для. работы.

На следующее утро он раскрыл чемодан с книгами, разложил на столе свои бумаги и принялся стучать на своей старой пишущей машинке, вокруг которой стояли многочисленные чашки с остатками кофе и переполненные пепельницы. Проблемы Уолтера были забыты, Бенедикт узнал от своего кузена, что у того «временная нехватка наличных», как выразился Уолтер. Это открытие, а также явно безобидный характер общества убедили Бенедикта в том, что он тревожился напрасно.

— Конечно, я, — сказал он Джейн, — никогда бы не отдал часть моего дома чужим людям, даже столь приличным и спокойным, как эти, но если их присутствие не мешает Уолтеру и способствует решению его финансовых проблем, я не вижу в этом соглашении ничего дурного. Гвайнет полезно общение с новыми людьми. По-моему, она живет слишком-замкнуто.

Джейн задумалась о Гвайнет. Несмотря на то, что она была старше девушки более чем на тринадцать лет, Джейн во время их редких встреч всегда испытывала чувство собственной неполноценности. Гвайнет получила скромное домашнее образование с помощью гувернантки, но ее ум был весьма острым, большую часть своей жизни Гвайнет имела проблемы со здоровьем, но это не повлияло на эффектную внешность девушки. Джейн восхищалась ее стройной фигурой, вьющимися рыжими волосами, широко поставленными голубыми глазами, в присутствии Гвайнет она всегда казалась себе полной, неловкой и глупой. Увлечение Гвайнет современной молодежной культурой, яркие плакаты с портретами поп-артистов, пластинки с записями модных американских «белых» блюзов, литература о таких знаменитостях шестидесятых годов, как Че Гевара, Энди Уорхол и Стоили Кармайкл — все это вызывало у Джейн ощущение оторванности от этого агрессивного, непонятного поколения.

Поэтому далее когда Бенедикт уселся за работу и Джейн обрела избыток свободного времени, она избегала ежедневных визитов в Колвин-Корт. Она говорила себе, что не хочет утомлять

Гвайнет общением, если Гвайнет нуждается в нем, она может преодолеть расстояние в три четверти мили между главным домом и коттеджем. Но Гвайнет, очевидно, не испытывала такой потребности. Она не приходила в коттедж, это вызывало у Джейн чувство тайного облегчения и одновременно огорчало ее. Если не считать утренних визитов в магазин, она не виделась ни с кем, кроме Бенедикта, и была бы рада общению с другой женщиной.

Она довольствовалась долгими прогулками. Доходила до замка, огибала мыс, направлялась мимо дюжины пустынных скалистых бухт к дальнему выступу полуострова Говер.

Она гуляла и в другую сторону, к востоку от Колвина, мимо других бухт, к Порт-Айнону, и никогда никого не встречала. В июне сезон еще только начинался, переменчивая погода отпугивала отдыхающих. После прогулок она острее ощущала изолированность коттеджа.

На четвертый день после их прибытия в Колвин погода улучшилась, последние два дня выдались дождливыми, но в это утро солнце сияло, Джейн решила воспользоваться этим и позагорать на пляже. Перемыв посуду после завтрака и оставив Бенедикта полного глубокими мыслями наедине

с клубами табачного дыма, она отправилась на берег в пляжном халате с последним номером ее любимого женского журнала.

Кот последовал за ней. Она почти не видела его эти дни, каждое утро он исчезал куда-то, а появлялся лишь к ночи, но сегодня он побежал вслед за Джейн на пляж. В его поведении ощущалось беспокойство. Один раз чайка приземлилась в нескольких футах от Марбла, и он погнал ее к морю, но его испугала набегающая волна. Он никак не мог угомониться и спокойно понежиться под лучами солнца.

Через некоторое время его нервозность передалась Джейн, она подняла голову, но увидела лишь чаек и диких лошадей, которые мирно паслись возле замка на поросшей короткой травой скале. Она снова уткнулась в журнал, но тотчас поняла, что напрочь забыла то, о чем читала. Снова оторвав глаза от страницы, она заметила, что Марбл исчез.

Он трусил по песку к тропинке, которая шла от пляжа, хвост его покачивался из стороны в сторону, уши поднялись, пытаясь понять, что привлекло внимание кота, она увидела человека, приблизившегося к верхней точке тропинки и остановившегося там, он явно собирался спу-

ститься вниз.

Это был Тристан Пуул.

V

Увидев ее, он поднял руку, через секунду она тоже помахала ему и потянулась к своему халату. Она понятия не имела о том, почему ей вдруг захотелось накинуть на себя халат. Ее купальник был весьма скромным и даже льстил ее фигуре, она не стыдилась своих ног, которые выглядели совсем неплохо даже в периоды максимальной полноты. Но все же она надела халат. Пытаясь застегнуть его, она поняла, как сильно волнуется. Пальцы Джейн дрожали, ладони увлажнились.

Поравнявшись с Пуулом, Марбл попытался привлечь его внимание. Кот потерся о щиколотку мужчины. Пуул что-то сказал — Джейн услышала его голос, но не разобрала слов, — и кот послушно отстал от Тристана на шаг.

Обыкновенный человек не может обладать такой властью над чужим котом, внезапно подумала Джейн. Это противоестественно.

Ей пришлось собрать всю свою волю, чтобы унять дрожь в теле.

— Здравствуйте,. — подойдя к ней, сказал Пуул. Голос его прозвучал столь непринужденно, что

Джейн мгновенно забыла о своем волнении.
— Как поживаете? Между прочим, ваш кот неравнодушен ко мне. Сам не знаю, почему. Как, вы сказали, его зовут?

— Марбл. Вы, похоже, умеете обращаться с котами. Обычно он очень враждебен к незнакомым людям.

— Враждебность, как правило, — всего лишь проявление страха. Ваш кот, как и многие люди, многого боится. Стоит устранить страх, как враждебность пройдет, и кот станет послушным.

Он наклонился, рассеянно потрепал Марбла по голове и улыбнулся Джейн.

— Можно ненадолго присоединиться к вам?

— Да, конечно, — сказала Джейн, боясь выдать свой страх проявлением враждебности. — Когда вы вернулись в Колвин?

— Вчера вечером, поздно. У меня были дела в Лондоне… Вы хорошо знаете Лондон?

— Не очень. Я родом из Хэмпшира, после свадьбы поселилась в Кембридже. Моя сестра какое-то время жила в Лондоне, но я не последовала ее примеру.

— У вас есть сестра?

— Да. А братьев нет. Она моложе меня.

— Она и сейчас в Лондоне?

— Нет, она живет с мужем в двадцати милях от города, в Суррее. Думаю, Лайза предпочла бы иметь одновременно жилье в Лондоне и за городом. Однако мой зять Мэтт не в восторге от этой идеи. Он собирается уйти в отставку и уехать подальше от Лондона.

Господи, подумала она, почему я рассказываю ему все это? Она решила задать Пуулу вопрос о его жизни, но он заговорил прежде, чем она успела что-то произнести.

— Если человек хочет убежать на время от городской жизни, — сказал Пуул, — ему следует приехать сюда. Не знаю, любит ли ваш зять море, но мне кажется, что это побережье удалено от Лондона на сотню световых лет.

— Да, именно это и говорил Мэтт — он приезжал сюда три года назад, когда они поженились. Я знаю, что местная природа произвела на него большое впечатление. Понимаете, он очень непосредственный человек с простыми вкусами…

Она начала рассказывать ему о Мэттью Морриссоне, о его бурном романе с Лайзой, о первом муже сестры, телепродюсере, специализировавшемся на документальных фильмах о современности. Она даже поведала Тристану о том, как первый муж Лайзы погиб на Дальнем Востоке во время

съемок ленты, посвященной китайскому проникновению в Гонконг, — он утонул в море, изучая китайское побережье. С первого мужа Лайзы беседа перешла на обсуждение ее детей, эта тема привела к Николе, единственной дочери Мэтта. Джейн собралась начать рассказ о неудачном романе девушки с Эваном Колвином, но вдруг решила, что слишком разболталась.

— Извините, — смутилась она. — Вам это, конечно, неинтересно. Я веду себя глупо.

Он улыбнулся. У него была располагающая улыбка. Его зубы не были идеально ровными, заметила Джейн, но это почему-то делало Тристана более привлекательным. Получив возможность разглядеть Пуула более внимательно, она отметила, что он вовсе не так красив, как ей показалось при первой встрече, его рот и скулы были слишком широкими, подбородок — чересчур прямым, почти квадратным. Но он был хорош собой. Не красивым в классическом смысле, но очень привлекательным. Даже слишком привлекательным, подумала она и тотчас отвела взгляд в сторону, испугавшись, что ее невольный интерес будет неправильно истолкован.

— Вы не правы, — лениво произнес он. — Вы заинтриговали меня вашим рассказом. Люди

— особенно такие, как ваш зять, — всегда вызывают у меня интерес. Человек, начавший карьеру с должности конторского мальчика и ставший председателем правления, способен восхитить меня. Думаю, вряд ли ваша сестра и ее муж приедут сюда к вам в гости.

— Я уверена, Мэтт хотел бы сделать это, — сказала Джейн, — и близнецы тоже.

Она представила себя гуляющей с детьми, играющей с ними на песке.

— Почему бы вам не позвонить сестре и не — пригласить ее?

— Коттедж очень маленький…

— Там есть четыре спальни, верно? Разве этого не достаточно?

— Да… да, думаю, да. Это было бы славно. Но, понимаете, мой муж работает — пишет диссертацию — возникнут проблемы…

— Он весь день будет в доме один. Все будут наслаждаться природой.

— Да, верно.

— Когда ваш зять уходит в отставку?

— В этом месяце — я не знаю точную дату. Во всяком случае, скоро.

— Наверно, присутствие гостей вас развлечет. Вы, должно быть, скучаете тут.

— Ну…

— Вам, пожалуй, здесь одиноко, — сказал Пуул. — Признайте это. Колвин — изолированное место.

— Да, изолированное, — согласилась Джейн.

— В коттедже достаточно комнат.

— Да.

— Уверен, ваш муж не будет против.

— Пожалуй, да.

— Возможно, у них есть другие планы, но…

— Я позвоню Лайзе, — сказала Джейн, — спрошу ее.

— Отлично!

Снова улыбнувшись, он встал и стряхнул песок с темных слаксов.

— Ну, я должен идти. Несомненно, мы скоро увидимся снова, миссис Шоу. Передайте от меня привет вашему мужу, ладно? Я надеюсь встретиться с ним в ближайшее время.

Кот пошевелился, но не последовал за Пуулом.

— Конечно, — сказала Джейн. — До свидания, мистер Пуул.

Он ушел. Она проводила взглядом поднявшегося по тропинке Пуула, когда он исчез из виду, она легла на спину и задумалась о нем.

Я не стану это делать, решила она. Не буду зво-

нить Лайзе. Не буду.

Сказав себе это, она испытала облегчение. Джейн села, откинула назад волосы, сбросила с себя халат. Потом подумала: «Было бы хорошо, если бы близнецы приехали сюда. Возможно, они могли бы пожить здесь одни, без Лайзы и Мэтта».

Но ведь они еще в школе. Как она могла забыть это? Они учились в разных школах, четверть заканчивалась. после третьей недели июля.

Все желание звонить Лайзе пропало. Джейн снова надела солнцезащитные очки, притянула к себе журнал и весь остаток утра старалась не вспоминать о беседе с Тристаном Пуулом. Однако ей не удавалось выбросить ее из головы. Даже вернувшись домой готовить ленч, она заметила, что по-прежнему думает о странном воздействии, которое оказывало на .нес присутствие Пуула.

Когда она вошла в гостиную, зазвонил телефон. Когда-то в коттедже не было телефона — Уолтер не хотел, чтобы его летние жильцы делали междугородные звонки, — но для отставного шофера здесь установили переносной аппарат. За нёделю до приезда четы Шоу он был снова подключен.

Джейн сняла трубку.

— Алло?

— Дорогая, — произнесла Лайза, — это я. Слушай, у близнецов карантин из-за свинки, Мэтт собирается лететь на Нормандские острова. Тут сущий кошмар. Джейн, я просто в отчаянии, ты должна мне помочь. Я должна выиграть время и помешать– Мэтту купить недвижимость на Герсни. Единственное, что может его остановить, это приглашение в ваш коттедж. Дорогая, мне очень неловко просить тебя, но не могла бы ты…

— Так близнецы уже дома? — спросила Джейн.

— Да, они так огорчены, бедняжки. Половина четверти закончилась в тот уик-энд, мы забрали их и увезли к другу Мэтта, у которого есть внуки примерно того же возраста. На следующий день у одного из внуков обнаружили свинку, и Мэтт сказал: «Отлично, у– нас есть основание забрать близнецов из школы до завершения четверти и вылететь на Герсни до прибытия основной массы отдыхающих». Я… алло, ты меня слышишь?

— Да, — сказала Джейн.

— Ты почти все время молчишь, — с упреком в голосе сказала Лайза. — Ты что, ешь или занята чем-то?

— Нет. Лайза…

— Дело в том, что Мэтта заклинило на этих Нормандских островах, а я категорически против. Но

я уверена, что смогу отговорить его, если получу хоть немного времени. Если бы мы погостили у вас…

— Бенедикт работает, Лайза.

— Мы не будем, мешать! Мэтт весь день будет на воздухе, он мечтает о «простой жизни вдали от всего», близнецы будут на пляже — не представляю, чем займусь я, но во всяком случае я не стану помехой для Бенедикта. Я могу оставить гувернантку в Суррее, если это упростит ситуацию. Близнецы ведут себя вполне разумно одни, в таком изолированном месте, как Колвин, я уверена, с ними не случится ничего плохого.

— Я могла бы присматривать за ними, — сказала Джейн.

— О, дорогая, я не могу превращать тебя в бесплатную няню, но ты так прекрасно управляешься с детьми, близнецы будут счастливы оказаться в твоем обществе…

— Когда вы приедете? — спросила Джейн.

— Возможно, в конце этой недели — это удобно? О, Джейн, ты — прелесть! Честно говоря, иногда я не знаю, как бы я решала мои возникающие порой проблемы без твоей помощи! Не буду отнимать у тебя время — ты, верно, готовишь ленч, а я хочу найти Мэтта и сообщить ему, что ты

пригласила нас на пару недель. Позже я позвоню тебе и уточню, в какое время мы прибудем.

— Да… хорошо, Лайза.

— Пока, дорогая. Огромное спасибо. Передай привет Бенедикту.

— Пока, — сказала Джейн и подумала о том, хватит ли у нее мужества сообщить столь нежелательную новость Бенедикту.

Бенедикт пришел в ярость.

— Эта женщина! — закричал он, ударив .кулаком по столу так сильно, что пишущая машинка подскочила в воздух на полдюйма. — Как она смеет решать свои семейные проблемы за наш счет! Как она смеет!

— Ну, все не так страшно, Бенедикт. Я…

— Все обстоит еще хуже, чем ты сказала. О каком покое можно говорить, если дом будет полон гостей? Как я могу писать в присутствии столь несовместимой пары и бегающих повсюду детей…

— Я прослежу за тем, чтобы дети не мешали тебе, — сказала Джейн.

— Ну конечно! Лайза подумала об этом! Она использовала близнецов в качестве наживки!

— Нет, — возразила Джейн.

— Конечно, да! И в дополнение ко всему еще

эта испорченная гувернантка…

— Она не приедет. Бенедикт, Это только две недели.

— Я не смогу прожить две недели в одном доме с Лайзой! Со мной случится нервный срыв!

Джейн молча повернулась, подошла к телефону и начала набирать номер Лайзы.

— Господи! — застонал Бенедикт, выдрав лист из пишущей машинки, он бросил его на пол и растоптал ногой, чтобы дать выход своим чувствам. –, Что ты собираешься делать?

Он бросился к телефону, вырвал трубку из руки Джейн и швырнул ее на аппарат.

— Ты что, намерена отменить их приезд?

Джейн едва не расплакалась.

— Что еще я могу сделать?

— Ну, ну, — виновато произнес Бенедикт. — Ты не должна принимать всерьез мои слова. Ты знаешь, что я часто говорю сгоряча. Пусть приглашение остается в силе.

— Но…

— Мне нравится Моррисон, а Лайзу я недолюбливаю только потому, что она злоупотребляет твоей добротой. Я берегу от нее не себя, а тебя.

— Но твоя работа… Я поступила неправильно, пригласив их…

— Это же только две недели. Если у них хватит такта не беспокоить меня большую часть времени, мне не придется заставлять себя просить их об этом.

— Не знаю, почему я согласилась, — в отчаянии сказала Джейн. — Просто не знаю.

Из-за детей, подумал Бенедикт, и испытал душевную боль. Вслух он сказал:

— Ты получишь удовольствие от общения с близнецами.

— Это не из-за близнецов, Бенедикт, — упрямо сказала Джейн. — Правда, Бенедикт.

— О…

Надо поговорить с ней об усыновлении, подумал он. Я проявлял излишнюю твердость, говоря, что не способен любить неродных детей. Это жестоко по отношению к ней.

— Ну…

— Возможно, отчасти из-за близнецов, но… Бенедикт, утром я встретила на пляже мистера Пуула. Мы говорили о Лайзе и Мэтте, и он… он предложил мне. пригласить их сюда… когда Лайза дала понять, что ждет приглашения, я не смогла ей отказать. Мне не хватило силы воли. Я словно… о, не знаю! Но чувствую, что тут виноват мистер Пуул. Я это знаю.

— Ну, ну, — успокаивающе произнес Бенедикт, он обнял и поцеловал Джейн. — Это не имеет значения. Я сожалею, что вспылил.

— Бенедикт, ты не слышишь, что я говорю. Мистер Пуул…

— Этот мистер Пуул явно заворожил тебя, — сказал Бенедикт. — Я должен познакомиться с ним получше и понять, почему ты находишь его столь неотразимым.

— Бенедикт, я знаю, что ты не принимаешь меня всерьез, но я действительно словно околдована или загипнотизирована, или…

— Ерунда, — невозмутимо произнес Бенедикт. — Ты питаешь слабость ко всему мистическому, в этом твоя беда. Если ты не видишь рядом с собой ничего сверхъестественного, ты придумываешь его. Все дело в твоей романтической, женственной натуре. На самом деле Пуул, увидев тебя одну на пляже, всего лишь посоветовал тебе пригласить в гости родственников. Затем случилось совпадение — позвонила Лайза и намекнула на это же. Ты соблазнилась перспективой увидеть близнецов и дала свое согласие. Не понимаю, почему ты хочешь свалить все на бедного Пуула, который, вероятно, лишь хотел проявить дружелюбие.

— Да, — сказала Джейн. — Ты прав. Конечно, прав. Просто…

— Что? — с любопытством спросил Бенедикт.

— Мне не нравится этот мистер Пуул, — сказала Джейн. — Ничего не могу с собой поделать, но он мне не нравится.

VI

Вернувшись в Колвин-Корт после беседы с Джейн, Пуул нашел Агнес Миллер в маленькой гостиной, которую раньше занимала экономка.

— Ничего не говорите, — сказала она, когда Пуул вошел в комнату. — Мы находимся в глубоком кризисе. Девять минус четыре равняется пяти, тринадцать минус шесть равняется семи, два минус семь… два минус семь? А, понятно.

Она записала цифру и с сомнением уставилась на нее.

— Придется купить тебе счетную машинку, — улыбнулся Пуул.

— Мой дорогой, о чем вы, у нас едва остались деньги на хлеб! Что мы будем делать?

— Как вы, женщины, любите паниковать. — Пуул сел на диван и положил ноги на столик. — Вы любите волноваться.

— Вы не правы, — сказала Агнес. — Я терпеть

этого не могу.

Она захлопнула бухгалтерскую книгу.

— Деньги — ужасная штука!

— Вовсе нет, — возразил Пуул. — Безденежье гораздо ужаснее. Деньги — это замечательно.

— Не играйте словами! — рассердилась Агнес.

Он засмеялся. Она посмотрела на него и невольно улыбнулась.

— Должна признаться, — сказала она, — трудно печалиться, когда вы держитесь столь уверенно. Хотела бы я разделить ваш оптимизм.

— Агнес, иногда твоя вера слабеет.

Агнес внезапно стала серьезной.

— Вовсе нет, — возразила она. — Конечно, я сохраняю, веру! Когда я думаю о всем том, что вы сделали для нас — разместили в идеальном месте, обработали Колвинов, решили все проблемы…

— Тогда не беспокойся о деньгах.

— Хорошо, — сказала Агнес. — Но как вы собираетесь…

— Никогда не спрашивай меня о планах. Это бесполезно. Если я сочту нужным поделиться ими с тобой, я сам это сделаю.

— Да… тогда позвольте обрисовать вам наше теперешнее положение. До сего времени мы безбедно существовали на средства, завещан-

ные нашим последним благодетелем, но эти деньги кончатся к середине августа, и нас ожидают расходы, связанные с праздником урожая, Ламмесом… Не смотрите на меня так, Тристан! Надо быть практичным, верно? Подобные вещи обходятся недешево. Нельзя принять более пяти десятков гостей и затратить на это шиллинг.

— Несомненно, — бесстрастно согласился Пуул.

— К тому же я не вижу ничего предосудительного в трезвом, практическом отношении к подобным делам. Вспомните о Другой Церкви. Ее руководители весьма алчны. Другая Церковь всегда умела добывать деньги и быть практичной.

Пуул молчал. Агнес поняла, что зашла слишком далеко.

— Извините, — торопливо произнесла она. — Мне не следовало говорить это. И я не хотела вас обидеть.

Снова возникла пауза, внезапно Пуул улыбнулся, и Агнес смогла расслабиться.

— Нет. ничего страшного в напоминании о сопернике, — легкомысленным тоном сказал Пуул. — Это даже заставляет прилагать еще больше усилий.

— Верно! — обрадованно согласилась Агнес.

Она снова бросила взгляд на гроссбух, и ей вдруг захотелось услышать от Пуула хотя бы одно слово ободрения.

— Тристан…

— В тебе совсем нет веры, Атес! — засмеялся Пуул. — Совсем нет!

— Есть, — жалобно протянула женщина, — но… Тристан, как долго вы собираетесь оставаться здесь?

— Моя дорогая Агнес, ответ на этот вопрос известен тебе так хорошо, что мне непонятно, почему ты задаешь его. Я уеду, когда моя работа здесь будет завершена, когда вы обоснуетесь тут достаточно прочно с той суммой денег, которая нужна для безбедного существования. Уолтер Колвин — старый человек, он не может жить вечно. Его сын намерен эмигрировать в Америку. Гвайнет либо выйдет замуж, либо отправится в сумасшедший дом. Возможно, произойдет и то, и другое — все зависит от ее желания. Не за горами то время, когда Колвин-Корт будет выставлен на продажу, все поймут, какой финансовой обузой являются в наше время большие дома, и ты сможешь приобрести его за бесценок на деньги, которые я дам тебе для этого. Меня не беспокоит твое будущее — я убежден в том, что обеспечил тебя надежным

пристанищем. К Ламмесу у тебя будет солидный банковский счет, после праздника я, вероятно, уеду отсюда. Ты это хотела услышать?

— Я очень надеюсь, что вы не рассчитываете полностью на Колвинов как на источник средств, — сказала Агнес. — Я уверена, что мистер Колвин заложил дом. Харриет думает так же. Он не оставит и пенни.

— Возможно.

— Я лишь хотела услышать, что вы не рассчитываете исключительно на наследство мистера Колвина.

Пуул ей не ответил. Спустя мгновение он встал и подошел к окну.

— Где все?

— Работают в саду. У нас проблемы с кориандром и беленой… это такая морока. Маргарет и Джекки готовят на кухне ленч. Тристан, меня немножко беспокоит Джекки — я подозреваю, что еженедельные встречи в вашей комнате больше не удовлетворяют ее, особенно теперь, когда мы столь аскетично готовимся к Ламмесу, ей не дают покоя мысли об удовольствиях и развлечениях. Вы знаете, что она весьма молода и незрела. Сегодня утром она сказала, что хочет в субботу взять машину и поехать в Свонси, я

подумала, что…

— Пусть едет.

— Но что, если…

— Агнес, иногда ты говоришь так, будто являешься настоятельницей монастыря!

— Вовсе нет, — сказала Агнес. — Просто мне показалось, что она немного скучает здесь, и если она растратит свою энергию до первого августа, то ритуал не покажется ей столь сладостным. Я бы хотела, чтобы вы поговорили с ней об этом.

— Она будет делать то, что ей велят, не беспокойся. Поскольку это ее первый Ламмес, она постарается извлечь из него максимум удовольствия. Это — элементарная психология.

— Меня беспокоит ее элементарная сексуальность, — пробормотала Агнес, — а не психология

Она убрала гроссбух в шкаф и заперла его.

— Где вы были сегодня утром?

— О, я совершил прогулку. До пляжа. Кот был там с миссис Шоу.

— Она, кажется, порядочная женщина, — рассеянно сказала Агнес. — С развитой интуицией. Мы ей не понравились из-за ваших забав с котом!

— Забав с котом! Агнес, какие странные слова ты иногда выбираешь!

Он лениво коснулся штор пальцем.

— Миссис Шоу могла бы быть привлекательной женщиной, если бы хотела, — произнес Пуул. — Странно то, что у нее по какой-то причине отсутствует такое желание. Подсознательный отказ от соперничества с сестрой, наверно. Гвайнет сказала мне, что сестра миссис Шоу, Лайза, по-настоящему красива.

Агнес постепенно начала улавливать течение беседы. Ее быстрый ум начал перебирать возможности.

— Вы не можете интересоваться миссис Шоу, — сказала женщина. — Она слишком изначально враждебна.

— Но обладает развитой интуицией, — сказал Пуул, — и весьма легко поддается внушению.

— Но…

— Нет, я не слишком сильно интересуюсь миссис Шоу. Когда это профессора были миллионерами? Но у миссис Шоу есть красивая сестра, а у красивой сестры есть муж, сумевший даже при нынешних налогах стать исключительно богатым человеком.

Сердце Агнес забилось учащенно.

— Как вы это узнали?

— Для этого не нужно быть Шерлоком Холмсом. Его зовут Мэттью Моррисон.

— Тот самый Мэттью Моррисон?

— Ага. Агнес, хочешь узнать кое-что еще?

Он тоже разволновался, подумала Агнес. Даже забыл о своем акценте.

— Скажите мне, — с улыбкой попросила она.

— В ближайшее время к профессору и миссис Шоу приедут гости. Хочешь знать, кто именно?

— Мэттью Моррисон, промышленник-миллионер, — быстро ответила Агнес, к которой вернулась вера, — и его очень красивая, очень соблазнительная жена Лайза.

Глава третья

I

Через четыре дня близнецы, сидя на заднем сиденье «роллс-ройса», принадлежавшего Мэтту, изучали дорожную карту. Автомобиль ехал мимо садов на запад, к границе Уэльса, ветви деревьев, стоящих у дороги, сгибались под тяжестью зреющих плодов. Шел мелкий нескончаемый дождь, у заборов зеленела густая изумрудная трава.

— Прекрасная погода для каникул, — сухо произнесла Лайза, стряхивая пепел со своего белого, перетянутого поясом плаща. — Это главный недостаток Англии. Отдыхать здесь могут только любители дождей.

— Сейчас Англию слишком часто ругают, — сказал Мэтт. — Самокритика — вещь полезная, пока она не перерастает в постоянное самоуничижение.

— Патриотизм нынче не в моде, дорогой, — сказала Лайза. — Даже американцы так считают.

— Мама, — подал голос Тимоти. — Уэльс — это не Англия. Ты говорила, что мы проведем каникулы в Англии, а мы едем в Уэльс.

— О, это одно и то же, — сказала Лайза.

— Если бы ты произнесла это перед толпой обитателей Уэльса, тебя бы линчевали, — сказал Мэтт.

— Дядя Уолтер говорит, что полуостров Говер — это не Уэльс и не Англия, — сказала Люси, пытаясь утвердить свое интеллектуальное превосходство. — Он как-то сказал, что на Говере встречаются и английские, и уэльские фамилии. Говорят здесь в основном на английском языке.

— Официально это Уэльс, — возразил Тимоти. — Взгляни на карту.

— Мне надоело глядеть на карту, — Люси поерзала и отвернулась к окну.

— Ради бога, Люси, — сказала Лайза, — посиди хоть пять минут спокойно.

— Почему я должна это делать? — Люси устала от путешествия, ее рассердило замечание, показавшееся ей несправедливым. — Здесь много места, я не мешаю Тимми.

— А мне мешаешь, — сказала Лайза. — И не пререкайся. Это грубо.

— Я не единственный член семьи, который любит пререкаться, — дерзко ответила Люси.

— Люси!

— Довольно! — произнес Мэтт тоном, заста-

вившим всех замолчать. — Путешествие и так долгое, не надо делать его еще более тяжелым.

— Я бы хотел, чтобы мы уже были там, — сказал Тимоти, не обращаясь ни к кому конкретно.

Я тоже, подумал Мэтт.

Если бы мы ехали сейчас в аэропорт, подумала Лайза. К самолету, который доставит нас в Нассау, на Бермуды или Ямайку.

— Я хочу, чтобы дождь прекратился. — Люси подышала на окно и нарисовала на нем узор. — Несомненно, он скоро кончится.

Так и случилось. К тому времени, когда они оказались среди неярких пейзажей долины Роннды, облака поднялись выше, дождь прекратился, небо на западе прояснилось. В Свонси уже сияло солнце, когда они добрались до Колвина, его вечерние лучи золотили поля, тянувшиеся до моря.

— Мы можем прогуляться к замку, — сказал Тимоти.

Последний раз дети посещали Колвин-Корт три года тому назад, после свадьбы Мэтта и Лайзы, близнецам тогда было шесть лет, но Тимоти запомнил полуразрушенный замок на вершине утеса и волны, разбивавшиеся внизу о скалы.

— Ты помнишь диких лошадей, которые пас-

лись возле замка? — сказала Люси.

— И еще пещеры на берегу!

— И бухты…

— И глупых овец на вершине скалы — другой скалы, напротив замка…

— Может быть, тетя Джейн приготовила для нас печенье.

— Скорее, пирожные.

— Или молочные конфеты! Помнишь «тянучки» тети Джейн?

Близнецы воспрянули духом. Они в предвкушении удовольствия покачивались на сиденье «роллс-ройса».

— Я бы предпочла остановиться в Колвин-Корте, — в очередной раз сообщила Лайза. — Неужели это ужасное общество заняло все свободное помещение? Вот досада!

— Я бы хотел жить вместе с Джейн. Ручаюсь, она готовит лучше, чем экономка Уолтера.

— В этом и заключается беда Джейн, — сказала Лайза. — Она слишком вкусно готовит и поглощает массу калорий.

— Не все мужчины любят женщин, напоминающих фонарные столбы.

— Спасибо, дорогой, — сказала Лайза.

Они подъехали к Колвин-Корту, Мэтт свернул

на дорогу, которая вела к коттеджу. Огромный «роллс-ройс», недовольно урча, переваливался на рытвинах.

— Это тетя Джейн! — закричала Люси, опуская стекло. — Тетя Джейн, ты приготовила для нас «тянучки»?

— Люси! — возмутилась Лайза. — Что за манеры?

Тимоти оттолкнул Люси и просунул голову в окно.

— Ты испекла печенье?

Джейн засмеялась, Мэтт остановил «роллс-ройс» за маленьким «остином» Бенедикта.

— Я приготовила шоколадный пирог, — сообщила Джейн, — блюдо «тянучек» и шоколадный бисквит.

Близнецы застонали от восторга и вывалились из машины в объятия Джейн.

Мэтт открыл для Лайзы дверь машины, и тут появился Бенедикт с очками на кончике носа и взъерошенными редкими волосами.

— Господи, сколько шума! — мягко произнес он.

— Извини, — Лайза почувствовала себя виноватой. — Люси, Тимоти — прекратите! Хватит!

— Все нормально, — сказала Джейн. — Бене-

дикт вовсе не сердится… Как вы все? Я так рада видеть вас…

Бенедикт и Мэтт занялись багажом, близнецы побежали пробовать шоколадный пирог, Лайза села в гостиной в кресло и попросила выпить.

— Да, сейчас, — сказала Джейн и стала искать бутылку джина, купленную этим утром. Она, похоже, исчезла.

— Вот она! — сказала Лайза. — Ты всегда держишь спиртное в ящике для угля?

— О… я, верно, почему-то положила туда бутылку… — Джейн испытала чувство растерянности и беспомощности.

— Позволь мне открыть ее, — решительно произнесла Лайза. — Я сделаю это сама. Мэтт! Ты хочешь выпить?

— Еще я купила виски, — сказала Джейн. — Оно должно быть где-то здесь.

Лайза приготовила напитки быстрее чем за три минуты. Мужчины разбирали наверху багаж, голоса близнецов звучали тише — дети, наевшись пирога, вышли из дома через заднюю дверь.

— Ты не представляешь, каким тяжелым было путешествие, — сказала Лайза. — Слава богу, оно закончилось. Джейн, я так рада видеть тебя — слушай, ты должна дать мне совет. Как бы ты

поступила, если бы твой муж решил перебраться на Северный полюс?

— Наверно, поехала бы с ним, — сказала Джейн, — только я не вижу причины, способной заставить Бенедикта отправиться на Северный полюс.

— О, Джейн, не понимай все буквально! Дело в том…

Мужья спустились по лестнице, и беседа резко оборвалась.

— Вот твой бокал, Мэтт, — сказала Лайза.

— Одну минуту, — произнес Мэтт. — Я хочу вытащить из машины коробку с вином.

— Коробку с вином! — выпалил Бенедикт, он последо-вал за гостем, желая убедиться в том, что не ослышался.

— Конечно, всегда остается такой выход, как развод, — тихо произнесла Лайза. — Но… я бы не хотела идти на это. Я знаю, что буду получать алименты, но это уже не то. Джейн, человек Привыкает к маленьким удобствам, к тому же есть еще й близнецы… Ради них я должна сохранить этот брак, верно? Мэтт очень добр к ним, благодаря ему я смогла отправить их в лучшие школы… И я на самом деле люблю Мэтта. Честное слово. Просто последнее время он перестал понимать меня

— знаешь, какими порой бывают мужчины…

— Наверно, — сказала Джейн. — Возможно, да. Нет, наверно, не знаю.

Мужчины вернулись с коробкой и поставили ее на обеденный стол.

— Это ты хорошо сделал, Мэтт, — Бенедикт с интересом уставился на этикетку.

— Это ты хорошо сделал, что позволил нам свалиться тебе на голову. Где мой напиток, Лайза?

— Вот, дорогой.

— Как твоя дочь, Мэтт? — спросил Бенедикт, протянув руку к Своему бокалу с виски и содовой.

— Да, как Никола? — Джейн ухватилась за шанс отвлечься от семейных проблем Лайзы. — Я бы хотела, чтобы она иногда приезжала к нам в Кембридж.

— Ну, ты знаешь Николу, — сказал Мэтт. — Чтобы она что-то сделала, ее надо подтолкнуть. Я уверен, она была бы рада увидеть вас.

— Никола живет скучно, — сказала Лайза. — У нее старая работа, старая квартира в Хэмпстеде. Очень жаль.

— Если она всем довольна, ее нечего жалеть, — резко произнес Мэтт. — Если Николу удовлетворяет такая жизнь, значит, все в порядке.

— Не будь наивным, Мэтт, — сказала Лайза. — Незамужняя девушка на середине третьего десятка лет не может быть удовлетворена таким положением дел.

— А я — была, — сказала Джейн. — Это был один из Самых счастливых периодов моей жизни. Я воспитывала тех детей в Шотландии и прекрасно проводила время. Семья была очень славная.

Они заговорили о Шотландии, и Мэтт, страстный рыбак, принялся описывать громадного лосося, которого он поймал там прошлым летом.

Джейн внезапно вспомнила о сковороде, стоявшей в духовке, и опустила свой бокал хереса.

— Господи, я забыла об обеде! Извините меня.

Лайза выскользнула вслед за сестрой из гостиной.

— Интересно, где сейчас близнецы? — сказала Джейн, стараясь избежать дальнейшего обсуждения брачных проблем Лайзы. — Обед будет готов через двадцать минут. Может быть, ты пока найдешь их?

— Может быть, — разочарованно протянула Лайза. — Я могу чем-то помочь тебе здесь?

— О, нет — тут все о'кей. Я знаю, кухня выглядит ужасно, но все идет своим чередом…

Она открыла дверцу духовки и заглянула

внутрь.

— Тогда поговорим позже, — сказала Лайза. — Только ты и я. Мне необходимо излить свои чувства кому-то, иначе я буквально взорвусь. Ты всегда меня понимала, Джейн.

— Хм, — Джейн проткнула вилкой морковь, проверяя, готова ли она.

— Может быть, завтра?

— Хорошо.

Джейн с облегчением увидела, что Лайза через заднюю дверь отправляется на поиски близнецов.

— У тебя есть двадцать минут, Лайза, — крикнула она вслед сестре.

— Хорошо, дорогая. Надеюсь, эти маленькие монстры не убежали слишком далеко.

Лайза пошла от дома по тропинке, которая вела к берегу. Близнецов не было видно. К счастью, она надела новые замшевые прогулочные туфли, предназначенные для загородных уик-эндов. Лайза без труда добралась до пляжа и зашагала к пещерам, которые очень понравились близнецам в их прошлый приезд в Колвин.

— Люси! — закричала Лайза. — Тимоти!

Никто ей не ответил.

Она пошла дальше. Перед их приездом прошел

дождь, от песка поднимался пар, светившийся в лучах солнца. Его клубы создавали призрачный эффект, и Лайзу охватило странное чувство нереальности всего происходящего, она словно двигалась сквозь фантастический ландшафт. Она уже не видела ясно пещеры.

— Люси! — закричала она. — Люси, ты где?

Ответа по-прежнему не было. Лайза неохотно направилась к пещерам, находившимся у подножия скалы, женщине показалось, что кто-то приближается к ней сквозь белесую пелену.

Лайза остановилась. Как многие люди, привыкшие к городу, она испытывала страх перед сельским окружением, боялась столкнуться лицом к лицу с незнакомцем в безлюдном месте.

— Кто это? — резко выпалила она.

Это был мужчина. Она видела его смутно, но поняла, что он высокого роста и одет в темный свитер и темные брюки.

Эти чертовы близнецы, подумала Лайза, затянули меня сюда. Она не знала, что ей делать — побежать назад, остановиться, скрыть свой испуг. Инстинкт приказывал ей бежать, но незнакомец был уже слишком близко, она не хотела, бросившись прочь, точно испуганный кролик, показаться дурой. Она посмотрела, на мужчину и

немного успокоилась. Он был явно нормальным, совсем не походил на маньяка-убийцу.

— Извините, — невольно произнесла она, — вы не видели двух детей, мальчика и девочку девяти лет, светловолосых, голубоглазых?

— К сожалению, нет. — Он улыбнулся. — Вы, вероятно, миссис Моррисон — я не ошибся?

Теперь, когда он стоял рядом с ней и их не разделял зловещий туман, Лайза почувствовала, что страх отпускает ее. Она обрадовалась тому, что не убежала. Он был симпатичным. Ей понравилась его улыбка, Лайза ответила на нее.

— Откуда вам это известно? — удивилась она.

— Я из Колвин-Корта. Я знал, что вас и вашу семью ждали.

— О, — догадалась Лайза, так вы, верно, из этого общества — извините, забыла название…

— Да, я его директор.

— Понятно! Здравствуйте, мистер…

— Пуул. Тристан Пуул. Здравствуйте, миссис Моррисон.

Он протянул ей руку.

Она автоматически протянула свою руку и почувствовала, что его пальцы сжали ее. Возникла пауза. Вдали волны накатывались на берег, чайки кружили над влажным берегом, от песка

по-прежнему шел туман. Лайза не видела ничего, кроме скул Пуула, его растрепанных ветром волос и ярких, светящихся глаз.

— Ну, ну, — сказал Пуул, — наконец-то в Колвине что-то произошло.

Он снова улыбнулся.

Господи, подумала Лайза, какой привлекательный мужчина.

— Что вы здесь делаете? — произнесла она первую пришедшую на ум фразу. — У вас вид человека, которому следует находиться в Лондоне, Париже или Нью-Йорке.

— И у вас тоже, миссис Моррисон. Может быть, мы сумеем помочь друг другу адаптироваться к сельскому окружению.

— К простой жизни, — Лайза вспомнила о Мэтте.

— Простая жизнь не существует, — сказал Пуул. — Есть только простые люди. И одни люди устроены проще других.

— Вы абсолютно правы, — сказала Лайза и тут же одернула себя. Почему она так говорит с практически незнакомым ей человеком? Верно, сельский воздух ударил ей в голову.

— Ну, — произнесла она, — я должна найти моих детей — сестра закончит приготовление

обеда через десять минут, и…

— Позвольте мне помочь вам в поисках. Вы уверены, что они отправились на берег?

— Нет, я…

— Возможно, они пошли к руинам замка и часовне. Думаю, такое место должно притягивать детей.

— Конечно! — воскликнула Лайза, вспомнив, что в автомобиле близнецы упоминали замок. — Какая я глупая! Почему сама не догадалась?

— Вполне понятно, что в первую очередь вы подумали о пляже, — непринужденно произнес Пуул и снова протянул ей руку. — Осторожно, здесь камни. Они очень скользкие.

Лайза молча взяла его руку. Ее сердце забилось учащенно, она знала, что дело не только в каменистой тропе, поднимавшейся от берега вверх. Остановившись наверху, чтобы перевести дыхание, она вдруг почувствовала, что скованность исчезла, из ее рта невольно потекли слова.

— Вы женаты? — внезапно услышала она свой голос.

— В настоящий момент нет.

— Вы хотите сказать, что были женаты?

— В некотором смысле.

Лайза попыталась подыскать подходящий эв-

фемизм.

— Вы, верно, жили с кем-то, — сказала она, — без благословения церкви.

Он молча улыбнулся.

— Я замужем во второй раз, — сообщила Лайза. — Мой первый брак закончился, когда муж погиб. Второй брак не слишком счастливый. Иногда мне кажется, что современная семья — глупейший способ существования,

— Всегда можно обрести свободу.

— Нет. Я потеряю слишком многое. О разводе не может быть и речи.

— Кто говорит о разводе?

— Но… либо я до конца соблюдаю правила игры, либо выхожу из нее. Мэтта не устроит компромисс. Мне не удалось бы заключить с ним какое-то соглашение — я не могу позволить себе внебрачные отношения.

— Кого вы пытаетесь обмануть? Надеюсь, не меня.

— Но…

— Вам просто не представлялась идеальная возможность. Когда она подвернется, вы даже не станете колебаться.

— Неправда! — закричала Лайза.

— Лгунья.

Она почувствовала, как Пуул схватил ее за талию своими длинными пальцами.

Впоследствии Лайзе не удавалось четко вспомнить, что произошло потом. Кажется, она повернулась к нему лицом и подставила рот для поцелуя. Не может быть! В свое время она выкидывала разные штучки, но никогда не считала себя распущенной. Как можно предлагать себя мужчине, которого она знает пять минут? Какой бы ни была ее роль — пассивной или активной — но Пуул, несомненно, поцеловал Лайзу, и она прижалась к нему. Потом он осторожно отстранился.

— Ваш муж не должен нас видеть, — с улыбкой произнес он и бросил взгляд через плечо в сторону коттеджа.

Лайза не могла вымолвить ни слова. Все ее тело дрожало. Она была не в силах сделать движение.

— Все в порядке, — сказал Пуул. — Благодаря этому большому славному валуну нас не видно из окон коттеджа.

Он ласково похлопал ладонью по камню и отвернулся от Лайзы.

— Почему бы вам завтра не прийти в большой дом?

— Хорошо, — сказала Лайза и добавила: — Нет,

лучше мне этого не делать.

Он пожал плечами, его, похоже, забавляла ее борьба с собственной совестью и доводами рассудка.

— Теперь я должна идти, — сказала Лайза, по-прежнему не двигаясь. — Должна идти.

— Ну, если вы так считаете, — сказал Пуул, — значит, должны.

Они стояли неподвижно, глядя друг на друга. Внезапно Пуул сделал странное движение рукой.

— Идите.

Лайза снова овладела своими ногами. Она побежала. Тропинка поднималась вверх, женщина начала задыхаться, но остановилась лишь у задней двери коттеджа. У порога пустой кухни она перевела дыхание.

Через секунду появилась Джейн.

— Лайза! В чем дело? Что случилось?

— Ничего, — яростно ответила Лайза. — Ничего.

— Но…

— Не спрашивай меня.

— Хорошо, — сказала Джейн. — Между прочим, близнецы вернулись, я отправила их наверх мыть руки. Обед будет, на столе через пять минут. Овощи жарились немного дольше, чем я предпо-

лагала, поэтому…

Лайза прошла в гостиную. Мэтт описывал Бенедикту лососей, водившихся в Уай-Ривер.

Лайза помчалась наверх. Через открытую дверь ванной она увидела моющих руки близнецов. Они виновато посмотрели на нее.

— Извини, что тебе пришлось искать нас, мама — произнес наконец Тимоти.

Близнецы давно установили, что лучше всего извинения удаются Тимоти.

— Мы не хотели тебя волновать.

— Все в порядке, дорогие мои, — сказала Лайза. — Я не сержусь.

Увидев один из своих чемоданов в соседней спальне, она бросилась в комнату, захлопнула за собой дверь и рухнула на кровать.

II

— Может быть, нам стоит прогуляться до главного дома сегодня утром? — сказал Мэтт Лайзе на следующий день, когда они одевались к завтраку. — Надо повидаться с Уолтером и Гвайнет.

— Мне не хочется это делать, — поспешно выпалила Лайза.

Мэтт удивленно посмотрел на нее, и она смущенно добавила:

— Я хочу встретиться с Уолтером и Гвайнет, но мне бы не хотелось идти в Колвин-Корт. Может быть, они навестят нас.

— Почему ты не хочешь идти в Колвин-Корт?

— О… — Лайза растерялась. — Мне сегодня не хочется ходить пешком. Я неважно себя чувствую.

Отговорка прозвучала неубедительно, но Мэтт без споров принял ее.

— Хорошо, — сказал он, — я вместе с близнецами нанесу туда короткий визит вежливости и предложу Уолтеру завтра днем заглянуть к нам в коттедж. Жаль, что тебе нездоровится — почему бы тебе не полежать в постели?

— Наверно, ты прав, — сказала Лайза, но не сделала этого. Как только после завтрака Мэтт и дети ушли, она надела бело-голубой брючный костюм, подправила макияж, стянула свои светлые волосы лентой, Подходившей по цвету к одежде.

— Я прогуляюсь по берегу, Джейн, — сказала она, найдя на кухне сестру. — Думаю, морской воздух вернет мне силы… тебе помочь с мытьем посуды?.

— Нет! — Джейн испугалась обсуждения проблем Лайзы. — Ты здесь отдыхаешь! Я рада, что тебе стало лучше.

— Я просто устала после путешествия, — рассеянно произнесла Лайза. — Теперь прихожу в себя.

Она вышла из дома через заднюю дверь, кот Джейн проследовал за Лайзой, облизывая розовым языком уголки рта. Он словно ждал, что она даст ему нечто вкусное.

— Брысь! — сказала Лайза, боясь, как бы он не оставил следов на ее костюме.

Но Марбл проводил Лайзу до верхней точки берега и повернулся назад, лишь когда она стала спускаться по камням к пляжу. Она увидела, что он побежал, покачивая хвостом, к Колвин-Корту. Его белые лапы замелькали очень быстро на фоне коричневой тропинки.

Лайза прошлась по пляжу, глядя на волны. Солнце временами появлялось из-за туч, воздух был прохладным, но Лайза не замерзала в куртке и свитере. Она долго любовалась морем, белыми пенистыми барашками, набегавшими на песок. Отвернувшись от воды, она поняла, что находится на берегу не одна, она изумилась тому, что не испытала удивления. Ее сердце забилось часто, рот пересох, по спине побежали мурашки.

— Здравствуй, Лайза, — произнес Пуул, шагая к ней по песку. — Рад видеть тебя снова.

III

— Дядя Мэтт, — Люси взяла отчима за руку, — пойдем к замку.

Визит вежливости завершился. Близнецы пили лимонад и ели имбирное печенье, пока Уолтер показывал им гербарий с редкими цветами, а Гвайнет любезно позволила послушать песню, занявшую первое место в хит-параде.

— Мне понравилась Гвайнет, — сказал потом Тимоти сестре. — Она совсем не похожа на взрослую.

После общения с Гвайнет они встретились с мисс Агнес Миллер из общества пропаганды натуральной пищи и прекрасно разыграли перед ней роль близнецов, они смотрели на нее своими большими, невинными глазами и радостно улыбнулись, когда она заметила, что, верно, здорово быть близнецами, и назвала их двумя маленькими ангелочками.

— Внешность может оказаться обманчивой, мисс Миллер! — возразил Мэтт, и все взрослые засмеялись — как решили близнецы — весьма некстати. — На самом деле вы ведь маленькие бесенята, верно, близнецы?

— Воплощение дьявола, — невозмутимо сказа-

ла Люси, и мисс Миллер посмотрела на нее очень странно.

— Мне понравилась эта мисс Миллер, — заявил позже Тимоти.

— Почему? Она — обыкновенная глупая пожилая женщина. Ты ведь знаешь, как глупеют люди с годами.

После нескольких бокалов лимонада и бесчисленных имбирных пряников светские обязательства были выполнены и Мэтт повел близнецов через сад к коттеджу.

— Мы себя хорошо вели, дядя Мэтт? — спросила Люси, зная, что их поведение было безукоризненным, и выпрашивая похвалу. — Хорошо?

— Идеально! — Мэтт широко улыбнулся девочке.

Радостно вспыхнув, Люси предложила прогуляться к замку.

— Вы ведь не хотите, чтобы такой старик, как я, тащился с вами, да? — Мэтт подумал, что ему следует вернуться в коттедж и узнать, как чувствует себя Лайза.

— Хотим, хотим, — Люси схватила его за руку.

— Очень-очень! — Тимоти сжал вторую руку пленника, не оставив ему надежды на спасение.

— О'кей! — засмеялся Мэтт. С Лайзой наверняка

все в порядке. Она, верно, по-прежнему лежит в постели и грустит о Багамах. — Хорошо, идем к замку.

Замок был построен шестьсот лет тому назад после завоевания Уэльса королем Эдвардом Первым. Он опустел к концу пятнадцатого века, когда к власти пришли Тюдоры, и превратился в руины, возвышающиеся над скалами к западу от бухты Колвин, Сохранилась часть главной башни и куски стен, сквозь бойницы которых виднелись море и берег.

— Классное место, правда? — сказал Тимоти, глаза его блестели.

К замку примыкала часовня, она была без крыши, но сохранилась лучше. Один археолог поведал Уолтеру, что материалом для часовни послужили камни, из которых был сложен разрушающийся замок. Часовня функционировала недолго, после Реформации ею не пользовались. Уолтер запросил в министерстве труда субсидию на сохранение остатков замка и предотвращение его дальнейшего разрушения, он принял на себя обязательство раз в месяц пускать всех желающих на территорию поместья Колвин, чтобы налогоплательщики могли видеть замок и часовню. Но люди редко приходили сюда.

Путеводители не упоминали это место, где не было баров и сувенирных лавок, большинство туристов, забредавших в эти края, не проявляли интереса к развалинам.

Вокруг замка паслось два десятка диких лошадей — остатки табуна, жившего в Колвине с незапамятных времен. Это были худые, изящные животные с длинными шеями, добрыми глазами и хвостами, развевавшимися на ветру, когда животные мчались вниз к морю. Они поднялись в галоп сейчас, когда Мэтт и близнецы приблизились к замку, спустя минуту весь табун несся по тропинке к следующей бухте, где в море впадал ручей, обеспечивавший лошадей пресной водой.

— Я бы хотел жить здесь, — сказал Тимоти. — Всегда, В замке с собственным конем.

Заметив, что Мэтт отстал на несколько шагов и любуется бухтой Колвин, мальчик прошептал Люси:

— Если папа вернется из Китая…

— Тимми, мы же договорились — из Тибета!

— Может быть, сейчас он уже в Индии. Она ведь рядом с Тибетом? Когда он вернется домой…

— Со всеми своими богатствами, — сказала Люси, — с бриллиантами Тадж Махала, он восстановит замок, и мы поселимся тут…

— Навсегда, — сказал Тимоти и внезапно добавил. — На что это смотрит дядя Мэтт?

— Не знаю… Дядя Мэтт? На что ты смотришь?

Мэтт не ответил близнецам, и они подошли к нему, чтобы посмотреть самим.

— О, да это мама! — удивилась Люси. — На берегу! Что там за мужчина?

— Пойдемте выясним, — сказал Мэтт и начал быстро спускаться от замка вниз.

— Эй, подожди нас! — закричала Люси.

— Подожди, дядя Мэтт! — крикнул Тимоти, но Мэтт не сбавил шагу, им пришлось побежать, чтобы не отстать от него.

— Они покидают пляж, — выдохнул через минуту Тимоти. — Когда мы окажемся там, они уже будут наверху.

— Догоним их, — сказала Люси, заинтригованная спешкой Мэтта. — Тимми, бежим!

Они побежали вниз к пляжу и вскоре, задыхаясь, достигли тропинки, которая вела к коттеджу.

— О! — протянула Люси, прижав руку к боку. — Я выдохлась!

— Я тоже! — Тимоти повалился на кустики вереска.

— Где мама? А, вот она. С каким-то человеком,

похожим на героя того телесериала.

— Какого телесериала?

— Ты знаешь, глупый… нет, он на самом деле немного другой. Но все равно симпатичный. Даже лучше того актера.

Тимоти не ответил. Он медленно встал, посмотрел на мать и решил, что она очень хорошо выглядит. Морской ветер разрумянил ее щеки, глаза Лайзы сияли, волосы блестели в неярких лучах солнца.

— Дорогие мои! — сказала Лайза. — Какой приятный сюрприз! Вы уже были в Колвин-Корте?

— И возле замка тоже.

Люси посмотрела на Пуула.

— Кто он?

— Это мистер Пуул, директор общества, разместившегося в Колвин-Корте. Тристан, это…

— Здравствуйте, — сказала Люси, радуясь случаю продемонстрировать, как хорошо она умеет вести себя. На ее лице появилась приветливая невинная улыбка, всегда действовавшая безотказно. Девочка произнесла с идеальной дикцией: — Мы только что познакомились в Колвин-Корте с мисс Миллер. Она рассказала нам о вас и вашем замечательном обществе. Она такая славная, правда, Тимоти?

Тимоти не мог понять, почему его вдруг охватило сильное смущение. Он почувствовал, что краснеет, и отвернулся.

Пуул улыбался. Он заметил растерянность Тимоти. Увидел длинные, прямые, белые волосы Люси, ее большие фиолетовые глаза с черными ресницами, и сказал себе, что она — необыкновенно красивый ребенок. Он увидел невинность в ее глазах и ангельское выражение лица. Понял, что она солгала насчет Агнес Миллер. Но продолжал улыбаться.

— Здравствуй, Люси, — приветливо произнес Пуул.

Девочка заколебалась, но через секунду довольно охотно улыбнулась ему в ответ.

— Тимоти, поздоровайся с мистером Пуулом, — резко произнесла Лайза, но появление Мэтта избавило мальчика от необходимости реагировать на слова матери. Лайза тотчас переключила внимание на мужа.

— Мэтт, — начала она, — это Тристан Пуул, директор общества, разместившегося в Колвин-Корте. Тристан, это мой муж.

Мужчины посмотрели друг на друга. После небольшой паузы Пуул протянул руку и произнес стандартную фразу.

Мэтт пожал его руку и. тотчас без слов отпустил ее.

— Тебе уже лучше? — без интереса в голосе спросил он жену.

— Значительно лучше! — опрометчиво сказала Лайза и усугубила ситуацию, добавив: — Морской воздух полностью излечил меня!

Снова возникла пауза.

— Тристан пригласил нас в Колвин-Корт на ленч, — поспешно произнесла Лайза. — Нас всех. Я шла к коттеджу, чтобы предупредить Джейн, что она может не готовить.

— У меня другие планы, — сказал Мэтт.

— Но…

Мэтт посмотрел на нее с выражением лица, отшлифованным на тысяче заседаний, и она замолкла.

— Возможно, в другой раз, — небрежно произнес Пу-ул. — Совсем необязательно делать это сегодня. А сейчас извините меня…

Он удалился с невозмутимым видом. Пулл зашагал по тропинке, ведущей в Колвин-Корт. Они слышали, как он насвистывает, потом Тристан скрылся из виду.

— Дорогие, — обратилась Лайза к близнецам, — пожалуйста, сбегайте в коттедж и скажите тете

Джейн, что я не приду к ленчу.

Близнецы посмотрели на Мэтта, но он ничего не сказал.

— Бегите, — улыбнулась Лайза.

Близнецы молча повернулись и пошли к домику. Спустя мгновение они взялись за руки и зашагали рядом по узкой тропинке, не оглядываясь назад.

— Ну, — тихо произнес Мэтт. — Говори, и говори быстро. Что, чёрт возьми, происходит?

— Мэтт, я…

— И не вздумай лгать, иначе ты пожалеешь об этом, Я видел, чем ты занималась на пляже.

— Но, Мэтт, мы же ничего не делали…

Он ударил ее по губам, Лайза, ахнув, отпрянула.

— Как ты…

— Я сказал, что ты пожалеешь, если начнешь лгать.

— Как ты посмел меня ударить! Если бы ты был джентльменом, а не человеком, выбравшимся из бирмингемских трущоб…

— Избавь меня от этих глупостей. Если бы ты была порядочной женщиной, а не эгоистичной маленькой стервой, я бы тебя и пальцем не тронул. А теперь вот что, Лайза.

Мне неизвестно, кто этот человек и как давно ты с ним знакома, но я знаю одно: больше вы не встречаетесь. Если ты затеяла флирт, чтобы отомстить мне за то, что я не уступил тебе насчет Багам…

— Я не флиртовала с ним! Только потому что я посидела на пляже с привлекательным мужчиной моего возраста…

— Ты лежала на песке, а он целовал тебя, пока не заметил, что за ним наблюдают. Не строй из себя дуру, Лайза! Вранье тебе не поможет, так что не расходуй на него силы. Если бы здесь не было близнецов, я взял бы этого типа за загривок и швырнул бы обратно на пляж. Ты больше не встречаешься с ним и не идешь на ленч в Колвин-Корт.

— Какая ерунда, Мэтт! Там будет Уолтер, Гвайнет, помощница Тристана мисс Миллер…

— Слушай, — сказал Мэтт, — мне что, по буквам надо повторить? Может быть, я старомоден, но у меня есть определенные взгляды, и я не собираюсь их менять. Ты — моя жена, и пока ты остаешься ею, ты не путаешься с другими мужчинами. Если я замечу, что ты посмотрела в сторону этого негодяя, я…

— О, Мэтт! — Лайза заплакала. Слезы были

непритворными, но она не могла поступить умнее, за стальным щитом председательских манер Мэтта скрывалось чувствительное сердце.

— Ну, Лайза…

Он почувствовал, что душа его размягчается.

— Ты просто не понимаешь меня! — всхлипнула Лайза, уворачиваясь от его объятий. Плача, она неуверенной походкой пошла по тропинке к коттеджу.

Но Мэтт знал, что понимает ее слишком хорошо.

IV

Днем Джейн повела близнецов на пляж. Бенедикт снова сел за работу, Лайза осталась в спальне, куда она скрылась еще до ленча. Мэтт остался один. Перебрав несколько способов убить время, он отверг их и поехал на машине в сторону Свонси. На окраине города он остановился возле скопления магазинов, нашел телефонную будку и поискал монетку для звонка в Лондон.

— Хэмпстед, 59611, — сказал он телефонистке. — Позовите Николу Моррисон.

Но Николы не оказалось дома. Была суббота, девушка, очевидно, куда-то отправилась.

— Извините, — сказала ее соседка телефо-

нистке, — я сообщу ей, кто звонил, когда она вернется.

Оператор сразу назвала девушке имя и фамилию звонившего.

Мэтт вздохнул. Он не сознавал, почему его охватило желание поговорить с дочерью, но чувствовал себя одиноко, неуютно. Никола была единственным близким ему человеком.

Когда он переступил порог коттеджа, зазвонил телефон, Бенедикт, дремавший наверху, не слышал звонка, больше в доме, похоже, никого не было.

Мэтт поднял трубку.

— Алло?

— Папа? Я только что вошла в квартиру. Джуди сказала мне, что ты звонил, но я едва сумела связаться с тобой — сначала телефонистка сказала мне, что там нет аппарата. Как дела в Колвине?

— Ну…

Мэтт посмотрел наверх, желая проверить, закрыта ли дверь комнаты Лайзы, но обнаружил, что она не видна с того места, где он стоял.

— Не очень хорошо. Уолтер сдал половину дома какому-то странному Обществу любителей натуральной пищи. Кажется, Лайза намерена вступить в него.

— О господи! Папа, ты шутишь?

Он промолчал.

— Почему бы тебе не приехать на несколько дней сюда? Уолтер и Гвайнет спрашивали о тебе, когда я встретил их сегодня утром.

— Наверно, я не смогу.

— Почему?

— У меня отпуск только в сентябре.

— Возьми его раньше,

— Это неудобно для моего шефа.

— Ерунда, — сказал Мэтт. — Незаменимых людей нет. Он будет только больше ценить тебя, если ты не станешь во всем идти ему навстречу.

— Ну…

— Эвана здесь еще нет. Он приедет лишь на следующей неделе.

— Он тут ни при чем, — сказала Никола, отлично сознавая, что ее нежелание приехать в Колвин вызвано воспоминаниями об Эване и счастливых временах их романа. — Совсем ни при чем.

— Подумай еще. В коттедже уже нет свободного места, но Гвайнет утверждает, что в Колвин-Корте, несмотря на присутствие этого чертова общества, еще осталась одна незанятая комната.

Он услышал, как скрипнула дверь, за которой находилась Лайза.

— Как дела в Хэмпстеде?

— Все в порядке. Ничего нового.

— Хорошо. Береги себя и постарайся приехать сюда, если сможешь. Я тебя так редко вижу.

Никола испытала чувство вины. Когда они попрощались и она положила трубку, девушка некоторое время помечтала о том, чтобы Лайза не превращала посещение отцовского дома в тяжкое испытание. Что отец сказал об этом обществе и о появившемся у Лайзы интересе к нему? Впервые Никола задумалась о том, действительно ли отец так счастлив в этом браке, как она всегда считала. Ее короткие нелегкие визиты к отцу не давали ей оснований думать, что. отношения Мэтта и Лайзы оставляют желать лучшего.

Она думала о них и через десять минут, когда зазвонил телефон, Джуди уже ушла, Никола находилась в квартире одна. Девушка взяла трубку.

— Алло?

Она услышала серию коротких сигналов, наконец монета упала в автомат, и произошло соединение. Никола услышала звуковой фон, свидетельствовавший о том, что звонили откуда-то из метро. Что-то объявляли через громкоговоритель, были слышны шаги и голоса людей.

— Алло? — повторила Никола.

— Алло, — прозвучал голос, который она не надеялась когда-либо услышать. — Значит, ты по-прежнему живешь здесь. Как твои дела?

Потрясение было столь сильным, что она потеряла дар речи. Это галлюцинации, подумала Никола. Она сходит с ума.

— Ники, ты меня слышишь?

Приветливый ясный голос звучал, как прежде. Внезапно она увидела Эвана, его взъерошенные рыжие волосы, покрытый веснушками, перебитый нос регбиста, голубые насмешливые глаза.

— Не может быть, — вымолвила она. — Тебя ждали лишь на следующей неделе. Это мистификация.

— Ну конечно!

Голос Эвана звучал непринужденно, но Никола заметила, что он с трудом подбирает слова.

— Я волновался об отце, мне удалось выбраться из Африки раньше. Мой самолет приземлился . полчаса тому назад. Сейчас ты — единственный человек, который знает, что я уже здесь.

— Я должна сойти с ума от счастья?

Она была готова ударить себя, но слова вырвались помимо ее желания. Она не хотела, чтобы они прозвучали саркастически.

— Нет, на это я не рассчитывал.

Она поняла, что он обиделся, и испытала душевную боль. Ей хотелось сказать: «Я так рада, что ты вернулся! Так рада твоему звонку! Я очень хочу увидеть тебя!» Однако она лишь спросила:

— Когда ты едешь в Колвин?

— Завтра. Хочу сегодня отдохнуть от долгого путешествия в Лондоне. Послушай, Ники…

— Да? — ее рот пересох.

— Не говори никому, что я здесь, ладно? Я хочу сделать сюрприз обитателям Колвина.

— Хорошо.

Они помолчали. Я должна что-то сказать, испуганно подумала Никола, иначе он исчезнет.

— Как Африка? — произнесла она первую пришедшую в голову фразу, Николе показалось, что она прозвучала фальшиво, неестественно бодро. — Наверно, ты полон впечатлений.

— Да.

О Боже, подумала Никола. Она до боли сжала трубку пальцами. Скажи что-нибудь, мысленно взмолилась она. Пожалуйста. Скажи что-нибудь. Не вешай трубку. Пожалуйста.

— Ники, — сказал Эван.

— Да?

— У меня было много времени для размышлений в Африке.

— О…

— Я хотел написать, но…

— Я просила тебя не делать этого.

— Да, знаю… я несколько раз чуть было не сделал этого.

— Да?

Слезы заполнили ее глаза. Она с трудом овладела своим голосом.

— Да, я… в твоем решении не было необходимости. Понимаешь? Хотя, возможно, ты имела на него право, но…

— Ты тоже имел право на твое решение, — сказала Никола. — Мне следовало понять, что эта поездка в Африку была тебе необходима.

— Да. Ну…

Она услышала его вздох.

— Думаю, сейчас у тебя уже кто-то есть, — сказал Эван, — но мы могли бы встретиться в память о прошлом. Как ты считаешь?

— Почему бы и нет? — сказала Никола. Собственное спокойствие изумляло девушку. Как она может оставаться такой безразличной? Она снова испугалась. — Да, — Никола хотела, чтобы в ее голосе прозвучала радость, но ей удалось изобразить лишь прежнюю ужасную неискреннюю бодрость. — Это было бы хорошо.

— Выпьем вечером вместе? Поскольку сегодня суббота, думаю, у тебя уже есть планы насчет обеда, но…

— Сегодня у меня нет планов.

— Нет? Тогда как насчет обеда?

Она с удивлением обнаружила, что плачет. Крупные слезы беззвучно катились по ее щекам.

— Да, — сказала она. — Хорошо.

— Я возьму машину и заеду за тобой в шесть тридцать.

— Отлично.

— Значит, скоро увидимся, — радостно произнес он и даже забыл попрощаться с ней. Выбежав из будки, он схватил свои чемоданы, поймал такси и сообщил водителю адрес отеля, расположенного в центре города, где Эван забронировал себе номер на ночь. Он снова дома, и через несколько часов увидит Николу. Мчась в автомобиле, Эван забыл о всех проблемах, связанных с семьей, и думал лишь о грядущем вечере.

V

Когда все прочие обитатели коттеджа легли спать, Мэтт решил написать дочери. Безмолвие нарушали лишь морские волны, бившиеся о берег в нескольких сотнях метров от дома, да ста-

рые ходики, тикавшие наверху. Близнецы давно спали, Лайза, сославшись на головную боль, поднялась на второй этаж, час тому назад Бенедикт потушил последнюю сигарету и проследовал за Джейн в спальню. Мэтт остался один.

«… Такова ситуация на сегодняшний день, — написал он Николе, пытаясь освободиться от боли, выплеснув ее на бумагу. — Кстати, ты никогда не слышала об этом Тристане Пууле? Этот тип, кажется, ровесник Лайзы…»

Вот что причиняет боль, подумал он, украдкой взглянув на фразу и вспомнив, что ему скоро исполнится шестьдесят. Хороший урок человеку, женившемуся на женщине, которая могла бы быть его дочерью.

«… В его облике нет ничего выдающегося, держится он весьма просто, вежлив, говорит гладко. Мне пришло в голову — вдруг ты встречала его на одной из лондонских вечеринок? Хотя вероятность этого весьма мала. Однако я думаю, что Лайза была знакома с ним раньше — не может быть, чтобы она видела его лишь дважды, и то в течение всего нескольких минут, как она утверждает. Она вела себя исключительно глупо, но, кажется, мне удалось отчасти навести порядок…»

Ему захотелось, чтобы Никола оказалась рядом с ним в этой комнате. Она была единственным человеком, с которым он мог говорить в состоянии крайнего душевного упадка. Он вспомнил, как они вместе проводили время после смерти ее матери. Тогда дочь стала особенно близка ему. Так было до женитьбы на Лайзе.

«… Однако я предпочел бы, чтобы Лайза находилась подальше от этого Пуула, — писал он, царапая бумагу пером. — Я не удивлюсь, если он окажется каким-нибудь жуликом. Уолтер Колвин — самый доверчивый человек на земле. Ты знаешь, как обстоят дела с Гвайнет…»

Скрипнула дверь. Мэтт оглянулся, но это кот вышел из кухни.

«… Думаю, Эван скажет свое слово о ситуации в Код-Вин-Корте, когда он вернется из Африки. Надеюсь, он не обнаружит, что Пуул отнял у Уолтера его дом и состояние…»

Марбл уселся на ковер и стал облизывать свои лапы.

«… Извини, что я так много пишу о Пууле, но этот негодяй беспокоит меня. Скажу тебе — если я снова застану Лайзу с ним, моя гордость не позволит стерпеть это. Лучше я разведусь, нежели позволю делать из себя дурака. Правда

заключается в том, что только деньги заставляют Лайзу бояться развода. Да, она будет получать алименты, пока я жив. Если она позволит себе что-то еще, я прослежу, чтобы после моей смерти ей не досталось и пенни…»

Мэтт перестал писать. Он внезапно понял, что кот вскочил на сервант и дышит ему в затылок.

— Брысь! — строго выпалил Мэтт. Кот не пошевелился. Тогда Мэтт сбросил его на пол.

Марбл завизжал. Его красные глаза злобно сузились.

Мэтт дописал еще одну фразу, вывел на конверте адрес и вложил в него письмо. Пора было ложиться. Оставив заклеенный конверт на столе, он медленно направился по лестнице в комнату, где Лайза притворялась спящей. Когда Мэтт повернул выключатель, гостиная погрузилась в темноту.

Марбл выждал несколько минут. Когда полоска света под дверью спальни исчезла, кот прыгнул на стол, схватил письмо острыми белыми зубами и бесшумно исчез во мраке.

VI

— Странно, — сказал Мэтт, — Джейн, ты не трогала письмо, которое я оставил вчера вечером

на столе?

— Письмо? Нет, не трогала. Я его даже не видела. Бенедикт, ты не брал письмо, которое Мэтт оставил на столе в гостиной?

— Там ничего не было, — сказал Бенедикт. — Я спустился вниз в семь утра, на столе ничего не лежало. Я бы обратил внимание, потому что поставил туфлю на стул, чтобы завязать шнурок.

— Близнецы, — сказала Джейн, — вы не видели письмо, оставленное вчера вечером дядей Мэттом на столе в гостиной?

— Нет, — ответил Тимоти. — Что у нас на завтрак, тетя Джейн?

— Ветчина и яйца. Люси, ты…

— Нет, — зевнула девочка. — Ты сделаешь мне яйцо-пашот?

— Не сегодня, это слишком сложно. Я приготовлю омлет. Ты уверен, что оставил его здесь? — обратилась Джейн к Мэтту.

— Ну конечно. Кажется, я знаю, что случилось.

Он быстро направился в свою комнату, на второй этаж.

Лайза, одевшись, сидела перед туалетным столиком и разглядывала щеточку для туши. При появлении Мэтта она подняла голову и посмотрела на мужа.

— Ну, — произнес Мэтт, — где оно?

— Ты о чем? — удивилась Лайза.

— Где письмо, которое я написал вчера вечером Николе?

— Мой дорогой Мэтт! Зачем мне твое письмо, адресованное Николе?

— Затем, что оно содержит весьма нелестный отзыв о твоем драгоценном мистере Пууле!

Лайза испытала одновременно растерянность, гнев и возмущение. Наконец гнев одержал верх.

— Как ты смеешь рассказывать Николе о том, что произошло между мною и Тристаном!

— Значит, ты взяла его, — сказал Мэтт.

— Нет!

— Тогда откуда тебе известно, что я рассказал Николе о том, как глупо ты повела себя с этим человеком?

— Ты сказал.

— Я сказал, что написал ей о Пууле. Я не говорил тебе, что конкретно я сообщал Николе.

— Но я решила…

— Где оно, Лайза?

— Я не брала его! — крикнула Лайза. — Не брала!

— Ты встала ночью, спустилась вниз…

— Я не выходила из этой комнаты!

Ее снова охватил гнев.

— Как ты посмел написать свой дочери о наших личных проблемах?

— Ты думаешь, они еще не стали известны всем?

Повернувшись, он убедился в том, что дверь плотно закрыта, и снова посмотрел на жену.

— Хорошо, — сухо бросил Мэтт. — Давай сядем и обсудим все спокойно. Полагаю, пришло время для серьезного разговора.

VII

Через час растрепанная задыхающаяся Лайза примчалась в Колвин-Корт. Она заявила, что хочет поговорить с Тристаном Пуулом,

— Я приведу его, — сказала Агнес, весть о появлении Лайзы застала ее на кухне. — Проводите миссис Моррисон в гостиную.

Мисс Миллер только что раздала всем задания на утро и принялась помогать женщине, вытиравшей посуду после завтрака.

Пуул находился в своей комнате. Когда Агнес постучала, он подошел к двери.

— Да?

— Вас хочет видеть Лайза, она здесь.

— Неприятности?

— Не знаю — я ее не видела.

Он молча вернулся в свою комнату. Агнес увидела, что на тумбочке у кровати лежит раскрытая книга, в гардеробной стоял черный ящик с открытой крышкой.

— Есть проблемы, Тристан?

— Моррисон оказывает сопротивление. Он — крепкий орешек.

Пуул захлопнул книгу и, зайдя в гардеробную, убрал томик в черный ящик. Вернувшись назад, он спросил небрежным тоном:

— Где она?

— Внизу, в гостиной.

— Хорошо, я спущусь к ней.

Проходя мимо Агнес, он вручил ей листок бумаги.

— Прочитай и сожги.

— Хорошо, Тристан.

Она принялась читать письмо Мэтта, адресованное Николе.

Через десять минут, когда Пуул вернулся, Агнес по-прежнему находилась в его комнате и смотрела на письмо. Он застал ее сидящей с задумчивым видом на краю кровати, увидев Тристана, она резко подняла голову.

— Она ушла?

— Нет, она еще здесь. Я должен переговорить с тобой. Слушай, Агнес, этот брак разваливается слишком стремительно, и мне это не нравится. Я надеялся увидеть в Моррисоне щедрого мужа, готового осыпать свою жену всем, чем он владеет, но, как следует из письма, все обстоит иначе. Утром они серьезно поругались, он обвинил ее в похищении письма, и зазвучало слово «развод». Конечно, жаль, что так вышло с письмом, но, если бы оно было отправлено, могли бы возникнуть другие нежелательные осложнения. В любом случае их брак весьма непрочен, не исчезни письмо, все равно нашлась бы причина для ссоры. Поэтому мы должны действовать, и действовать быстро. Она сказала, что разъяренный Моррисон сел в машину и поехал в Свонси. Ситуация сложилась опасная, но, думаю, в нашем распоряжении еще есть двадцать четыре часа. За это время он вряд ли совершит какой-нибудь нежелательный для нас шаг. Я хочу, чтобы ты сделала следующее: поезжай в деревню, найди там телефонную будку и позвони мне сюда, в Колвин-Корт. Я сниму трубку в гостиной в присутствии Лайзы и скажу ей, что меня срочно вызывают в Свонси. Таким путем я избавлюсь от нее. Затем, вернувшись, проследи за тем, чтобы меня никто не беспокоил.

Мы готовы к жертвоприношениям?

— Сейчас у нас есть четыре черных петуха и шесть кроликов.

— Хорошо. Принеси одного петуха ко мне в комнату. После жертвоприношения я дам тебе нож, окропленный кровью, пока я буду принимать ванну, и одеваться, ты сможешь срезать ветку орешника, необходимую для волшебной палочки. И, пожалуйста, очисти мою комнату. Лучше начни с этого. Воспользуйся соком из лавровых листьев, камфарой, канифолью и серой, не забудь также про соль. Я знаю, что соль для нас — табу, но она — символ чистоты. Я не хочу рисковать, не очистив полностью комнату. Мы и так подвергаем себя опасности, срезая ореховый прут не на заре, но время работает против нас, мы не можем ждать.

— Хорошо, Тристан. Когда вы будете готовы, я помогу вам очертить круг. Вам нужна моя помощь?

— Ты сегодня завтракала?

Лицо Агнес вытянулось.

— Извини, Агнес, лучше я воспользуюсь тем, кто соблюдает пост. Кто сегодня не завтракал?

— Джекки. Но…

— Она мне подойдет. Мне все равно понадобит-

ся ясновидящая.

— Возьмите Сандру, — предложила Агнес. — Ее способности весьма развиты в этом направлении, и она по утрам лишь выпивает стакан апельсинового сока.

— Нет, пора Джекки отработать свой хлеб, к тому же это на несколько часов развеет ее скуку. И еще Агнес…

— Что, Тристан?

— Позови кота.

VII

Мэтт был человеком, привыкшим анализировать факты и принимать решения под давлением сложных обстоятельств. Подобным образом, он вел свои дела на протяжении более тридцати лет, когда возникала необходимость, он без колебаний точно так же отнесся к решению своих личных проблем. Последняя серьезная ссора с Лайзой дала ему неопровержимые свидетельства того, что жена не любит его, втайне лелеет мысль о разводе и колеблется только из-за денег и собственности. Хорошо, разгневанно подумал он, хорошо. Возможно, он сам виноват в том, что потерял голову и увлекся в его возрасте такой женщиной, как Лайза,

Возможно, ему вовсе не следовало жениться на ней. Но он сделал это, и их брак потерпел фиаско. Признав это, он решил как можно скорей разрубить брачные узы. Мэтт во всем предпочитал честность. Смотрел в глаза реальности, принимал ее, учился жить с ней. Это составляло часть его силы, которой он гордился. Сейчас он увидел конец своего брака, сделал практические выводы и тотчас начал думать о деньгах.

Доехав утром до Свонси, он отправился в один из крупных отелей, провел десять минут в кабинете и заказал междугородный. разговор с телефона, стоявшего в вестибюле.

Он никогда не забывал правила, усвоенные им давно, когда он карабкался наверх. Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня. Изучи факты, прими решение й держись его. Нерешительность и колебания приводят к потере времени и денег. Нерешительность и колебания — свидетельства слабости.

Перед тем, как сделать телефонный звонок, он подумал: сердечные приступы ежедневно убивают многих мужчин моего возраста. Нельзя ничего оставлять на волю случая. Ничего.

Телефонный разговор длился некоторое время, потому что собеседник Мэтта выразил сомне-

ния в правильности его действий и не одобрил их, но наконец беседа закончилась, Мэтт разделался с формальностями, необходимыми для осуществления задуманного им. Теперь следовало определить, каким будет его следующий шаг. После раздумий он решил вернуться в коттедж и посмотреть, что произошло в его отсутствие, если Лайза уехала, он продолжит свой отдых в соответствии с прежними планами, но если она осталась, он прервет отпуск и уедет из Колвина. Что будет с близнецами, подумал Мэтт. Заберет ли их Лайза с собой, покидая коттедж, или оставит у Джейн на время, необходимое для встреч с адвокатами и устройства личной жизни? Он не знал этого, но при мысли о детях его рот мучительно искривился.

Поездка из Свонси протекала однообразно, но при въезде на полуостров Говер Мэтт прибавил газу, он срезал повороты на пустой дороге и не реагировал на знаки ограничений скорости. Возле Колвина пошел слабый дождь, тусклый открытый ландшафт тянулся к серому, морю. Мэтт уже находился среди фермерских хозяйств, по обеим сторонам дороги возвышались каменные стены, которыми были обнесены поля.

Мэтт заметил кота слишком поздно. Он сидел

на середине дорога сразу за поворотом и облизывал свои белые лапы с таким видом, будто имел полное право заниматься этим здесь. В последний момент перед катастрофой Мэтт успел увидеть кота, метнувшегося в безопасное место, его белая шерсть вздыбилась, а острые зубы были обнажены в злобной усмешке.

Глава четвертая

I

Эвана охватила растерянность. Он с таким нетерпением ждал встречи с Николой, что когда они наконец оказались вместе, молодой человек испытал лишь чувство облегчения. Он мчался в этот субботний вечер к ее дому, охваченный радостным предвкушением — его рука дрожала, нажимая кнопку звонка, — но когда Никола открыла дверь, он обнаружил, что не знает, что сказать.

Даже сейчас, в конце вечера, он не понимал, что произошло. Почему, спрашивал себя в недоумении Эван, он испытывает такое разочарование? Причина не могла заключаться в том, что Никола недостаточно хорошо выглядит. Кончики ее блестящих темных волос, как обычно, слегка завивались, серые глаза были большими, спокойными и красивыми — такими он их помнил. Но непосредственность, которая нравилась ему, исчезла, Никола стала более серьезной, сдержанной, почти неприступной. Эван решил, что сильнее всего его задевает ее официальный тон.

— Ты пройдешь в комнату и выпьешь до нашего ухода? — вежливо спросила его Никола, когда в шесть тридцать он вошел в ее квартиру. Эван не мог сказать, хотела ли она на самом деле, чтобы он принял приглашение.

— Ну… я бы не хотел беспокоить твою соседку…

— Она уехала днем на уик-энд к родителям.

— А… Может быть, потом…

Но позже его не пригласили.

— Я могу зайти к тебе? — произнес Эван после неудачного вечера, в течение которого он поддерживал казавшуюся бесконечной беседу об Африке. Такси стояло возле дома Николы, перед тем, как расплатиться с водителем, Эван помог девушке выйти.

— Да, хорошо, — равнодушно произнесла она и повернулась. Эван сказал водителю, чтобы тот не ждал его.

Они молча зашли в дом, поднялись на лестничную площадку. Эван спрашивал себя, зачем он напросился в гости. После такого напряженного вечера ему следовало испытывать желание как можно скорее остаться одному, но какой-то упрямый инстинкт настаивал на продлении общения до тех пор, пока между ними не возникнет более

близкий контакт. Он много думал о Николе в Африке, ему показалось унизительным расстаться сейчас с ней, даже не попытавшись понять, что произошло.

— Кофе? — спросила она вежливым тоном, который он успел возненавидеть.

— Пожалуйста.

Эван принялся бродить по гостиной, Никола ушла на кухню. Спустя минуту испытываемое им чувство разочарования стало нестерпимым.

— Ники.

— Да?

— Что случилось?

Она удивленно посмотрела на него.

— Ничего. Что ты имеешь в виду?

— У тебя кто-то есть, да?

— Нет.

Она с грохотом поставила чайник на плиту и зажгла газ.

— У меня быстрорастворимый кофе — надеюсь, он тебя устроит.

— Может быть, ты хочешь, чтобы я ушел?

Она резко покачала головой и принялась доставать из шкафа чашки и блюдца.

— Кто он?

Ответа не последовало. К разочарованию Эвана

стала примешиваться злость.

— Почему ты не велела мне исчезнуть, если не хотела меня видеть? Зачем было вводить меня в заблуждение? Какой в этом смысл?

— Я действительно хотела тебя видеть. Извини, что вечер не удался.

Стоя к нему спиной, она размешивала кофе в чашках.

— Ради бога!

Он попытался сдержать свою ярость.

— Давай перестанем играть, ладно? Почему бы нам не назвать все своими именами? Ты встретила кого-то, а со мной решила повидаться, как с другом, в память о прошлом. Я оказался дураком. Так ведь?

Она не ответила.

— Ты спишь с ним?

Это ее задело. Обиженно застыв на месте, она тряхнула головой.

— Нет.

— Значит, кто-то все-таки существует!

— Нет.

— Тогда почему…

Она резко повернулась к нему, потеряв невозмутимость, слезы заблестели в ее глазах.

— Никого нет — никого, никого, никого! А те-

перь уходи! Оставь меня одну!

— Ники…

Он обнял ее, и она не оттолкнула его. Он стал целовать девушку. Чайник на плите закипел, но они этого не заметили.

— Эван, я…

Он поцеловал ее в губы, внезапно все стало, как прежде, Никола прильнула к нему своим податливым телом.

— Я так по тебе соскучилась! — услышал он голос девушки, когда его губы оторвались от ее рта. — Так мечтала о том, чтобы ты оказался здесь…

Он смутно видел валивший из чайника пар и яркий верхний свет, но совсем забыл о том, где находится. Мир сузился до блестящих волос, гладкой, шелковистой кожи и охватившей Эвана страсти.

— Пойдем…

Одной рукой он крепко обхватил ее талию, другой нашел дверь.

— Эван…

Он поднял ее на руки, чтобы избежать возражений. Не чувствуя веса девушки, вышел из кухни, шагнул к закрытой двери спальни.

— Открой дверь, — сказал он, держа Николу на руках, Эван подождал, когда она протянет

свободную руку, но девушка не сделала этого.

— Ну же, открой ее.

— Эван, я…

Он опустил ее на пол и так неистово распахнул дверь, что она задрожала на петлях. Эван повернулся, чтобы втянуть Николу в спальню, но она отстранилась.

— Ники, — сказал он. — Ники.

Она посмотрела на него. Они помолчали. Потом она произнесла:

— Ты, верно, сочтешь меня ужасно глупой.

— Слушай, я люблю тебя. Схожу с ума от любви к тебе. Я…

— То же самое ты говорил пятнадцать месяцев тому назад. Произносил те же самые слова.

— Теперь все будет по-другому…

— Надеюсь, да, — сказала Никола, — иначе мне ничего не нужно.

— Слушай, я…

— Нет! — внезапно Никола стала такой же непосредственной и прямодушной, какой он ее помнил. — Теперь для разнообразия послушай меня. Целых три года, с женитьбы моего отца, познакомившись с тобой и твоей семьей через Лайзу и Джейн, я сходила по тебе с ума, как какая-нибудь девчонка, влюбившаяся в модного

поп-идола. После первых восемнадцати месяцев, в течение которых ты едва замечал мое существование, ты наконец спустился со своих высот и обратил на меня внимание. Это было чудесно. Неудивительно, что я потеряла голову и повела себя, как сумасшедшая школьница без капли здравого смысла. И тут ты уезжаешь. Это пошло мне на пользу. Я это заслужила. Потребовался год, чтобы я пришла в себя. Отлично! Именно в нем я нуждалась. И теперь ты имеешь наглость, вернувшись из Африки, снова посмотреть на меня со своих высот и решить, что можно вести себя так, будто этого года не было. Почему ты смеешь так думать? Если бы ты знал, что я пережила за эти месяцы, пока ты изучал свою благородную душу в дебрях Африки…

— Извини… Я не хотел, чтобы все выглядело так.

— Однако это выглядело так.

— Но, Ники…

Она отступила назад, в кухню.

— Не проси меня о том, что ты хочешь сейчас, — сказала Никола, — я не соглашусь. Я слишком сильно боюсь снова испытать боль.

— Ники, я обещаю…

— Да? — возбужденно произнесла она, выклю-

чая чайник. — Что ты обещаешь?

Но Эван заколебался. Момент показался ему неподходящим для предложения, к тому же он считал, что прежде должен обосноваться в Англии, уладить семейные проблемы, решить, чем будет заниматься.

— Хорошо, — он повернулся к входной двери. — Если ты так настроена…

— Эван…

— Да?

Он повернулся слишком быстро, выдав свое желание услышать, что она передумала.

— Ты не выпьешь кофе?

— О…

Он нервно провел руками по своим волосам.

— Нет. В другой раз… Слушай, Ники, я позвоню тебе на следующей неделе из Уэльса, когда обосную там, — может быть, ты приедешь в Колвин на уик-энд…

— Хорошо, — сказала она. — Буду ждать твоего звонка.

Он открыл дверь, Никола шагнула к нему.

— Спасибо за обед. Ты можешь думать, что я дура — дело не в том, что я разлюбила тебя…

Знаю, страсть снова охватила его с такой силой, что он не решился даже на самый короткий по-

целуй, — Береги себя, — пробормотал Эван. — Рад был увидеть тебя. Пока.

В следующий миг он уже бежал вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, точно хотел с помощью физической нагрузки погасить неистовство своих чувств.

Поезд в Свонси уходил в три часа дня. Утро Эван провел в Гайд-парке, впитывая в себя виды и звуки Лондона. Вернувшись в гостиницу, он услышал телефонный звонок.

Никола была единственным человеком, знавшим о его возвращении. Он так быстро схватил трубку, что едва не уронил ее.

— Алло?

— Эван…

Ее голос звучал глухо, точно издалека. Эван едва узнал его.

— Ники? — неуверенно произнес он.

— О, Эван, я…

Он услышал, как она подавила всхлип.

— Что случилось? –.тотчас спросил он. — В чем дело?

— Мне только что позвонили из Уэльса… Джейн… насчет моего отца… он попал в автокатастрофу… он мертв, Эван… это случилось на пустой дороге, он даже ни с кем не столкнулся — он вре-

зался в каменную стену и мгновенно погиб…

— Я уже выхожу, — Эвана охватило желание быть рядом с Николой в тот момент, когда он нужен ей. — Через десять минут буду у тебя.

II

«Промышленник-миллионер погиб в автокатастрофе», — повторяли одна за другой газеты в понедельник, раздражая

Бенедикта вульгарностью этого определения. «Загадочная смерть на пустой дороге в Уэльсе».

«Следствие признало автокатастрофу несчастным случаем», — сообщила пресса во вторник. «Коронер предупреждает об опасности быстрой езды».

Ни одно издание не сообщило время и место похорон по причине отсутствия этой информации. Помощники и секретари Мэтта прибыли в Колвин, посоветовались с Николой, приехавшей субботним вечером в сопровождении Эвана, и организовали тихие похороны в Суррее, где Мэтт жил после женитьбы на Лайзе. Подчиненные мистера Моррисона пытались обсудить предстоящие похороны с Лайзой, но женщина была так потрясена случившимся, что могла лишь отправить их к Николе.

— Бедная Лайза потеряла голову от горя, — сказал мисс Миллер обеспокоенный Уолтер. — Мне ее так жалко.

— Несчастная женщина, — сочувственно отозвалась Агнес. — Для нее это ужасный удар.

— Это подтверждает, — сказала Гвайнет, всегда восхищавшаяся внешностью Лайзы, — что все, кто говорил, будто она вышла замуж ради денег, глубоко заблуждались. Она действительно любила его.

Если бы только я любила его немножко больше, думала съедаемая чувством вины Лайза. Если бы только я могла испытывать боль, а не тайное облегчение по поводу того, что избежала неприятного развода. Если б только я могла поделиться с кем-то моими истинными чувствами. Если бы только…

Если бы только Тристан Пуул не уехал по каким-то таинственным делам на неделю в Лондон.

Она не смела пытаться увидеть его в первые два дня после смерти Мэтта, но во время следствия Лайза поговорила с Агнес Миллер, которая сообщила ей об отсутствии Пуула. Лайза хотела узнать у Агнес номер его лондонского телефона, но не решилась сделать это. Она даже побоялась спросить, когда он вернется, однако Агнес сама

сообщила ей, что они ждут его через неделю. Лайза изо всех сил старалась не думать о Пууле, но чем больше ей хотелось довериться кому-то, тем сильнее становилось ее желание увидеть Тристана. Наконец, не в силах нести бремя своей вины в одиночку, она обратилась к сестре.

— Мне так плохо, Джейн, — сказала она вечером по завершении следствия. Они находились на кухне, Джейн готовила обед, и Лайза не была уверена в том, что сестра слушает ее внимательно, однако ее желание излить кому-то душу было таким сильным, что она решила не замечать рассеянного вида Джейн. — Если бы только мы с Мэттом не поссорились так сильно перед его смертью…

— Да, знаю, — сказала Джейн. — Это, конечно, ужасно. Но мы все знаем, как вы любили друг друга, несмотря на ваши разногласия. Не думай, будто мы не понимаем этого.

— Но я не любила его! —выпалила Лайза. — Я рада, что он умер!

— О, Лайза, ты просто потеряла голову и не соображаешь, что говоришь…

Говорить с Джейн было бессмысленно. Лайза сдалась. На следующий день, в четверг, они все покинули коттедж и отправились в Суррей на

похороны, которые должны были состояться в пятницу.

Разбитый «роллс-ройс» Мэтта по-прежнему находился в большом гараже в Свонси, поэтому Бенедикт повез Лайзу и Уолтера в Суррей на своем «остине», за ними ехал Эван в более вместительном «бентли», принадлежавшем Уолтеру, он вез Николу, Джейн и близнецов. Никола словно пребывала в забытьи эти пять дней в Колвине, она едва замечала доброту Уолтера, сочувствие Джейн, сдержанную предупредительность Эвана. Она не обращала внимания на общество, возглавляемое Пуулом. Эван раз или два сказал ей о своем намерении поговорить начистоту с отцом, когда жизнь вернется в нормальное русло, но девушка не поняла, что он имел в виду. Она почти не общалась с Лайзой. Молодая женщина при первой встрече с Николой расплакалась, после чего девушка избегала ее, боясь, что шумное проявление горя окажется заразным, и потом она не сможет держать себя в руках.

— Тебе надо поплакать, — сказал Эван. — Это естественно. Хотя мне известно, — он вспомнил книгу по психологии, — что люди по-разному переживают беду.

Не стоило пробуждать в ней чувство вины по

поводу того, что она не способна лить слезы.

— Я плакала, — сказала Никола, — но я не хочу, как Лайза, проливать слезы на каждом доступном мне плече.

— Боюсь, Лайза ничего не может с собой поделать.

— Она просто лицемерка. Она вышла за папу ради его денег.

— Я не думаю, что Лайза такая плохая, — не успев одернуть себя, сказал Эван. Он слишком поздно понял, что совершил ошибку.

— Все мужчины так говорят, — сказала Никола и ушла гулять без него.

Эвану тотчас захотелось рассердиться на нее, но ему удалось сдержать свое раздражение. Он сказал себе, что не следует ждать от Николы нормального поведения до похорон, пока ее потрясение еще не ослабло. Желая прогнать из головы мысли о Николе, он решил уделить внимание другим. Но Эван мало что мог сделать. Джейн и Бенедикт были потрясены, но сохраняли спокойствие. У Лайзы не просыхали глаза, но она постепенно приходила в себя. Близнецы держались на удивление флегматично.

— Все люди умирают, когда становятся старыми, — спокойно сказала Люси. — Обидно, что

произошел несчастный случай. Это печально.

— Да, несчастный случай — это самое неприятное, — вторил ей Тимоти.

— Именно. Бедный дядя Мэтт.

— Для мамы это плохо, — сказал Тимоти, — но с другой стороны, хорошо.

— Почему? — спросил Эван.

— Потому что… просто потому.

— Теперь она свободна, — пояснила Люси.

— Да, и может снова выйти замуж.

Эван заметил, что близнецы понимающе переглянулись.

— Все в конце концов обернется к лучшему, — загадочно сказала Люси, — правда, Тимми?

— Конечно, — отозвался Тимоти.

Эван задумался о том, что тут происходит, но не стал выяснять, почему близнецы заговорили о возможном новом браке их матери. Он давно решил, что не удивится, узнав, что у Лайзы есть любовник, поговорив с ней, он заподозрил, что, хотя ее страдания были искренними, причина их не столь очевидна, как могло показаться.

Но Лайза не знала, что из всех обитателей Колвин-Корта Эван был наиболее близок к пониманию того, что с ней происходит. Она не предпринимала попыток довериться ему, в день

своего возвращения в Суррей она так старалась собраться с силами перед похоронами, что даже забыла о чувстве вины. Когда гости разместились по комнатам, она решила лечь спать пораньше, внезапно горничная сказала Лайзе, что кто-то хочет поговорить с ней по телефону.

— Если это пресса, — сказала Лайза, — я не буду говорить.

— Он сказал, что не имеет отношения к прессе, мадам. Я спросила на всякий случай. Он назвал себя директором какого-то общества, имеющего отношение к натуральной пище.

— Я возьму трубку.

Лайза взлетела по лестнице в свою комнату.

Трубка едва не выскользнула из ее влажной руки. Сердце женщины билось учащенно.

— Алло? — тихо произнесла она. — Тристан?

— Как ты себя чувствуешь?

— О…

Она помолчала, переводя дыхание. В ее голове кружилось множество стандартных пустых фраз, но она не могла выбрать из них одну.

— Прими мои соболезнования по поводу несчастного случая.

Она попыталась произнести «спасибо», но он заговорил прежде, чем она успела открыть рот.

— С тобой все в порядке?

— Нет, — торопливо выпалила она. — Я чувствую себя • ужасно. Мне необходимо поговорить с тобой. Пожалуйста. Это срочно.

— Когда состоятся похороны?

— Завтра днем. В три часа.

— В Уикерфилд-Черч?

— Да. Все будет очень скромно. Только ближайшие родственники и пара старых друзей Мэтта.

— Хорошо, — сказал он. — Я свяжусь с тобой позже.

— Когда? Где? Я могу позвонить тебе по какому-то…

— Я свяжусь с тобой, — произнес он тихим голосом, заставившим ее с облегчением закрыть глаза. — Спокойной ночи, Лайза.

Она не успела что-либо произнести — в трубке зазвучали гудки.

III

Перед завершением службы она подняла голову и увидела его. Присутствующие на похоронах стояли возле открытой могилы, священник читал– последнюю часть молитвы, темные тучи заволокли небо. Пуул находился возле покойницкой, и Лайзе показалось, что он собирается

присоединиться к ним, но он этого не сделал. На нем были черный костюм и черный галстук, он молча наблюдал за церемонией, не переступая границы освященной земли.

Когда служба закончилась и священник закрыл свою книгу, Лайза повернулась, не заметив предложенной ей руки Бенедикта, и быстро направилась к покойницкой.

— Кто это, черт возьми?

— Бог его знает, — отозвался Бенедикт.

Над холмами сверкнула молния, вдали угрожающе прогремел гром.

— Никогда прежде его не видел, — добавил Бенедикт, протерев для надежности стекла очков.

— Бенедикт, — дернув мужа за рукав, шепнула Джейн, — это мистер Пуул.

— Кажется, скоро пойдет дождь, — заботливым тоном обратился к Николе священник. — Хорошо, что мы успели закончить службу.

— Да, — сказала Никола.

Она испытывала растерянность, чувство одиночества. Ей не хотелось ни с кем разговаривать.

— Я бы хотел вернуться с тобой в дом на несколько минут, Никола, — произнес кто-то голосом, показавшимся девушке знакомым. — Думаю, нам следует кое о чем поговорить.

Она обернулась. Это был один из старейших друзей отца, адвокат Питер Маршалл, один из владельцев юридической фирмы «Тейт, Маршалл, Маршал и Тейт».

— О! — Она попыталась взять себя в руки. — Да, конечно.

Она только сейчас заметила, что Лайза разговаривает возле покойницкой с каким-то незнакомым мужчиной.

— С тобой все в порядке, Ники? — спросил Эван.

Она кивнула, будучи не в силах говорить и испугавшись, что расплачется, но, к ее облегчению, Уолтер отвлек Эвана.

— Эван, — сказал он. — Позволь представить тебе мистера Пуула.

Эван постарался скрыть раздражение и неохотно шагнул к незнакомцу, стоявшему возле покойницкой.

Он увидел своего ровесника. Мужчина обладал атлетической стройностью, характерной скорее для завсегдатая теннисных кортов, нежели для регбиста или поклонника крикета. Немного жидковат, подумал о нем Эван, всегда считавший теннис женской забавой. Потом он вспомнил, что этот человек вместе с дюжиной женщин захва-

тил Колвин-Корт. Чувство неприязни мощной бесшумной волной прокатилось по телу Эвана.

— Здравствуйте, — приветливо произнес Пуул.

— Здравствуйте, — сухо отозвался Эван и замолчал.

— А это Никола Моррисон, — сказал Уолтер, чувствуя, что дальнейшая беседа между сыном и гостем крайне нежелательна. — Никола, моя дорогая, это Тристан Пуул, директор нашего общества.

— Здравствуйте, мисс Моррисон, — сказал Пуул. — Примите мои соболезнования.

— Спасибо…

Она едва замечала его. Смутно видела перед собой темноволосого мужчину с ординарными чертами лица, который был ниже Эвана и уже его в плечах. Она даже не разобрала цвет его глаз.

— …мой кузен Бенедикт Шоу, — сказал Уолтер. — Вы, кажется, еще не встречались.

— Нет, не встречались, — сказал Пуул. — Здравствуйте, профессор Шоу. Я пару раз беседовал с вашей женой, но вы постоянно избегали меня.

— Жаль, что мы познакомились при таких печальных обстоятельствах, — пробормотал Бенедикт. Он удивился тому, что Джейн видела в Пууле нечто зловещее. Пуул показался ему слав-

ным молодым человеком, похожим на одного ассистента из Кембриджа.

— Добрый день, миссис Шоу. — Пуул улыбнулся Джейн. — Я не вижу здесь близнецов.

— Мы решили не травмировать их, — смущенно пояснила Джейн.

— Я считаю, что детям нечего делать на похоронах, — сказала Лайза. — Идем, Тристан.

Все изумленно посмотрели на женщину.

— Куда вы? — резко спросил Бенедикт, глядя на Пуула.

— Я предложил Лайзе подвезти ее до дома на моей машине, — сказал Пуул. — Надеюсь, это не нарушит ничьих планов. Лайза, я уверен, ты хочешь вернуться домой — мой автомобиль стоит возле дуба.

— О Господи! — нарушила образовавшуюся тишину Джейн. — О Господи…

Она знала, что сестра совершила ошибку, ей стало стыдно за Лайзу.

— Пуул просто хотел помочь, — произнес наивный Уолтер.

Вот как обстоят дела, подумал Эван. Вслух он произнес:

— Как давно она его знает?

— Это важно? — сказала Никола.

Она повернулась к ждущим автомобилям.

— Давайте последуем их примеру и поедем домой, пока не начался дождь.

Словно услышав ее, вдали загрохотал гром, с темнеющего неба посыпались крупные капли дождя.

— Никола права, — сказал Эван. — Едем.

Они доехали до Уикерфилда, почти не разговаривая.

Прибыв в дом отца, Никола собралась обрести желанное уединение в своей комнате, но вспомнила, что с минуты на минуту должен появиться адвокат ее отца, желавший поговорить с ней.

— Когда приедет мистер Маршалл, — сказала девушка экономке, — проводите его в кабинет моего отца. Я буду находиться там.

— Я могу что-то сделать? — спросил Эван, внезапно появившись возле Николы.

— Что? Нет, спасибо… все в порядке. Скоро ко мне приедет адвокат отца. Думаю, в связи с завещанием или чем-то подобным.

Она не ошиблась. Через две минуты прибыл мистер Маршалл. Он предложил Николе позвать Лайзу.

— Это не займет много времени, — сказал юрист. — Теперь, когда похороны закончились, я

должен поговорить с вами.

— Конечно, — рассеянно сказала Никола и отправилась на поиски Лайзы.

Не найдя ее поблизости, Никола побежала через лужайку к летнему домику. Она не замечала сильного дождя. Они оказались там. Они, похоже, заметили ее на лужайке, потому что не удивились появлению девушки в коттедже. Никола обратила внимание на недовольное выражение лица Лайзы, но проигнорировала его.

— Лайза, можно тебя на несколько минут? Приехал Питер Маршалл, он хочет поговорить с нами обеими. Извините нас, мистер Пуул.

— Конечно, — сказал мужчина. — Хотите, я схожу в дом и принесу для вас зонт? Похоже, дождь усилился.

— Пожалуйста, не беспокойтесь, — сказала Никола. — Чтобы пересечь лужайку, требуется всего несколько секунд. Но все равно спасибо.

Внезапно сверкнула молния. Лайза вскочила, закрыла глаза. Загрохотал гром.

— Я так боюсь грозы! — сказала она.

— Я пойду с тобой, — сказал Пуул.

Он снял с себя пиджак и накинул его Лайзе на плечи.

— Это не даст тебе вымокнуть.

Она благодарно улыбнулась ему.

Никола замерла, внезапно осознав характер их отношений. Неужели Лайза… в день похорон мужа… нет, даже Лайза не осмелится совершить такое!

— Вы остаетесь здесь, мистер Пуул? — спросила она резким тоном.

— Нет. Вечером я уеду в Лондон.

Значит, в отличие от Лайзы, у него все же есть какие-то представления о приличии. Никола была так возмущена, что боялась что-либо произнести, не доверяя себе. Она покинула летний домик и побежала сквозь дождь по лужайке к стеклянным дверям гостиной. Снова сверкнула молния. Через несколько секунд, когда Пуул и Лайза присоединились к Николе, она молча проследовала по коридору к кабинету Мэтта, где их ждал мистер Маршалл.

Юрист, похоже, не знал, с чего начать разговор. Наконец он заявил, что весть о трагедии потрясла его до глубины души, и выразил искреннее сочувствие обеим женщинам. Он сказал, что с давнего времени считал Мэтта одним из своих ближайших друзей, и безмерно опечален необходимостью исполнить его последнюю волю. Он добавил, что ему крайне тяжело и неприятно

раскрыть им содержание документа. Он даже признался, что не находит нужных для этого слов.

— Пожалуйста, Питер, — сказала Никола, теряя выдержку и замечая, что Лайза вот-вот разразится своим заразительным плачем, — не бойтесь огорчить нас. Вряд ли нам может быть еще хуже. Лично меня мало волнует содержание завещания. Думаю, в любом случае львиная доля уйдет на налоги.

— Это верно, — согласился мистер Маршалл, испытав облегчение от прямоты Николы. — Однако Мэтт принял некоторые меры для снижения налогов. Восемь лет тому назад он положил на твой счет, Никола, значительную сумму денег, и я счастлив, сообщить тебе о том, что сейчас ты владеешь примерно половиной миллиона фунтов, не подлежащих обложению налогом.

— О, — без эмоций в голосе произнесла Никола.

Господи, подумала Лайза, полмиллиона фунтов чистыми. Боже мой! Она стиснула подлокотники кресла.

— Не говорите мне, Питер, что моя доля пойдет на укрепление Государства Пособий, — со смешком сказала Лайза. — Но думаю, это действи-

тельно произойдет, поскольку мы были женаты недостаточно долго для того, чтобы мне удалось избежать налогов.

— Верно, — сказал Маршалл и тут же снова открыл рот, чтобы что-то добавить, однако из него не вырвалось никаких звуков.

— Сколько оставил Мэтт? — спросила Лайза. — Полагаю, вы не должны учитывать вышеназванную сумму, поскольку формально она не является частью наследства.

— Правильно, — сказал юрист, и прочистил горло. — В настоящее время общая сумма еще не определена, но, похоже, она близка к трем миллионам фунтов…

Мои двадцать процентов составят шестьсот тысяч, подумала Лайза. Шестьсот тысяч. Или налог на наследство превышает восемьдесят процентов? Как минимум я получу триста тысяч. Или больше. Возможно, пятьсот тысяч. Полмиллиона фунтов.

— Изначально, — снова прочистив горло, сказал мистер Маршалл, — все деньги предназначались вам, Лайза, поскольку Мэтт уже обеспечил Николу и оставил по тысяче фунтов двум вашим детям…

— Как благородно с его стороны, — сказала

Лайза, едва не прослезившись. — Они очень любили его.

— В завещании есть также ряд пунктов, касающихся недвижимости, — продолжил мистер Маршалл и набрал воздух в легкие. — Незадолго до своей кончины Мэтт совершил очень… да, это был странный поступок. Я пытался отговорить его — советовал не спешить…

— Что вы хотите сказать? — спросила Лайза. — Что он сделал?

— Он составил дополнение к завещанию. Утром в день своей смерти он позвонил мне и удостоверился в правильности формулировки. В дополнении…

— Оно, конечно, не имеет законной силы, — сказала .Лайза.

— Ну, по правде говоря, — мистер Маршалл заметно покраснел, — боюсь, что имеет, Лайза. Он написал, что ваше имя везде по тексту завещания должно быть заменено на «Национальное общество защиты детей от жестокости».

В кабинете воцарилась тишина. Лицо Лайзы стало зеленовато-белым.

— Возможно, — сказал Маршалл, — судья проявит к вам сочувствие. Разумеется, при рассмотрении дел, связанных с получением наследства,

суд должен определить, в чем заключалась воля завещателя, и исполнить ее, но… жена имеет право на что-то… закон принимает во внимание особые обстоятельства… на вашем месте я бы…

— Я оспорю завещание, — сказала Лайза.

— Да, воспользуйтесь моим советом. Я, разумеется, не могу представлять ваши интересы, но порекомендую вам превосходного адвоката, моего друга…

— Спасибо, — сказала Лайза. — Пожалуйста, запишите для меня его фамилию и адрес. Я свяжусь с ним в понедельник. А теперь извините меня.

С трудом поднявшись на ноги, она неуверенной походкой пересекла комнату, распахнула дверь и, плача, побежала искать Тристана Пуула.

IV

Вернувшись вечером в свой скромный лондонский отель, Пуул тотчас заказал разговор с Колвин-Кортом.

Трубку сняла Харриет, сестра Агнес Миллер.

— Позови Агнес, — сказал Пуул.

— Хорошо, Тристан.

Он уловил испуг в голосе женщины и понял, что его резкий тон поразил ее. После паузы Агнес произнесла:

— Что случилось?

— Агнес, какого черта ты посоветовала мне использовать в качестве ясновидящей Джекки, а не Сандру?

— Но я считала, что Джекки превосходно справилась с заданием! Она сказала вам, в какое время Моррисон покинул Свонси, когда он подъехал к Колвину, точно отследила его передвижения. Мне известно, что дух, вызванный вами и вселившийся в кота, хотел выполнить ваш наказ, но дух нуждается в руководстве, и если Джекки дала неточный прогноз…

Она внезапно смолкла, заметив тишину в трубке.

— Ты кончила? — вежливо поинтересовался Пуул.

— Да, Тристан. Извините меня. В чем ошиблась Джекки?

— Я спросил ее, что он делал в Свонси, и она ответила — говорил со старым другом.

— А на самом деле?

— Она была права! Он говорил с адвокатом по телефону! Сандра сказала бы мне это! Но слова Джекки прозвучали так, будто он заглянул на чаепитие и похвастался последней пойманной им рыбой! Скажи Джекки, если она хочет добиться

высокой достоверности в своей работе, ей следует лучше концентрировать внимание и не позволять ему растекаться по астральной линии!

— О Боже! — испуганно произнесла Агнес. — Извините меня, Тристан. Вы правы, не следовало использовать ее. Должна признаться, у меня были сомнения, но…

— Ладно, Агнес, это скорее моя ошибка, нежели твоя. Я должен был принять во внимание ее слабости.

— Но что Моррисон сказал своему адвокату? Не хотите ли вы сказать, что…

— Он составил дополнение к завещанию.

— О нет!

— Разумеется, я могу не сообщать тебе. его содержание.

— Он оставил маленькую Лайзу без пенни, — упавшим голосом произнесла Агнес.

— Ну, в конечном счете она может что-то отсудить, но после уплаты налогов и гонорара адвокату у нее останется сущий пустяк. Моррисон завещал деньги Обществу защиты детей от жестокости и, по имеющимся у меня сведениям, весьма вероятно, что эта организация их получит. Если Лайзе повезет, какой-нибудь мягкосердечный судья выделит ей кусок, которого хватит

на несколько лет, но и только. Так что забудь о богатой вдове по имени Лайза. Вообще забудь о Лайзе. Мы вернулись на исходную позицию.

— О боже! — Агнес едва не расплакалась. –. После таких трудов! Какая жалость!

— Не вешай носа, Агнес, — сказал Пуул, и она, не видя его, почувствовала, что он улыбается. — Возможно, мы вовсе не на исходной позиции. Скажем так — вместо третьей базы мы добрались лишь до второй.

Агнес воспряла духом.

— У вас есть другой план? — взволнованно спросила она.

— Да, думаю, можно так сказать, — невозмутимо произнес Пуул. — Но пока мы назовем это просто интересной возможностью.

Глава пятая

I

Когда на следующее утро Никола проснулась, небо было ясным после грозы, воздух — чистым, прохладным. Было уже поздно. Девушка спустилась вниз к завтраку, часы в безлюдной столовой показывали десять. Она допивала вторую чашку кофе и пыталась съесть тост, когда в комнату вошел Эван.

— Привет, — он наклонился и поцеловал ее. — Как себя чувствуешь?

— Не знаю, — сказала Никола. — Кажется лучше. Спасибо. Вчера у меня голова раскалывалась от боли, но сегодня все прошло.

— Гроза сделала воздух чистым.

Он передвинул стул и сел рядом с Николой.

— Какие у тебя планы?

— Никаких. Вероятно, я сегодня уеду к себе в Лондон и постараюсь вернуться к моей обычной жизни. Я не хочу задерживаться здесь, так как чувствую, что обязательно разругаюсь с Лайзой. Ты, конечно, слышал, что случилось вчера.

— Лайза разнесла новость по всему свету.

— Все это неприятно. Мне жаль Лайзу, ей не досталось и шиллинга, в то время как я теперь неплохо обеспечена, но я знаю, что папа не изменил бы завещание подобным образом без веских оснований.

— Готов спорить, она спуталась с этим Пуулом.

— Согласна.

Никола с отвращением вспомнила сцену в летнем домике.

— Хотя я не могу понять, что она в нем нашла. Он показался мне заурядным типом.

— А мне — нет, — сказал Эван. — Он производит впечатление исключительно ловкого жулика. Как только я вернусь в Колвин-Корт, я прослежу за тем, чтобы он и его друзья были как можно скорее изгнаны оттуда… Кстати, о Колвине. Ники, почему бы тебе не отпроситься с работы на всю следующую неделю и не пожить у нас? Несколько дней отдыха пойдут тебе на пользу, по-моему, тебе не следует возвращаться одной в Лондон.

— Это… очень любезно с твоей стороны, Эван, но сейчас я не могу пропустить вторую рабочую неделю — это будет неудобно для моего шефа, к тому же… ты можешь меня не понять, но мне хочется вернуться на работу. Она означает сейчас для меня стабильность, постоянство… В Колвине

я буду сидеть без дела и копаться в своей душе, а на службе у меня нет времени на размышления о чем-то личном… Ты скоро приедешь в Лондон?

— Не знаю. Я должен привести в порядок домашние дела.

Он подался вперед.

— Ники, ты подумаешь о моем приглашении в Колвин? Я размышлял об этом всю прошлую неделю и пришел к заключению…

Дверь открылась. Джейн прервала их беседу, заглянув в комнату.

— О, — смутилась она. — Извините, я искала Бенедикта. Вы его не видели?

— Он ушел куда-то с моим отцом, — сказал Эван. — Ты ведь знаешь моего отца-на твоем месте я бы заглянул в оранжерею. Джейн, как Лайза? Я не видел ее утром.

— Ну, — Джейн смущенно заколебалась, — она по-прежнему ужасно переживает. — Джейн сделала глубокий вдох. — Я предложила ей вернуться в коттедж и пожить с нами, пока она не придет в себя. Точнее, она сама попросила об этом, и мне не хватило мужества отказать ей. Надеюсь, Бенедикт меня поймет. То есть я знаю, что он поймет, но…

— Да, конечно, — сказал Эван, — но разве с

коттеджем у нее не связаны печальные воспоминания?

— Да, но Мэтт погиб не в коттедже… — неуверенно пробормотала Джейн и смолкла. Она смущенно покраснела. — Извини, Никола.

— Ничего, — сказала девушка. — Все в порядке, Джейн.

Джейн испытала облегчение.

— Ну, мне действительно надо найти Бенедикта… извините меня…

Она вышла из комнаты, закрыла за собой дверь.

Молча налив себе третью чашку кофе, Никола сказала:

— Это все решает. Если Лайза будет в Колвине, я туда не приеду.

— О, Ники, ради бога…

— Я ничего не могу с собой поделать, — сказала Ники. — Я просто не переношу ее общество. Не буду лицемерить. Извини, Эван.

— Ники, Лайза будет находиться в коттедже, а ты со мной в Колвин-Корте.

— Этого я тоже боюсь, — сказала Никола.

— Слушай, если ты хочешь наказать меня, пожалуйста, я это заслужил, но зачем наказывать себя? Не будь такой гордой!

— Я не могу не быть гордой, — сказала Никола. — Такая я есть.

— Ники, я люблю тебя! Как только я улажу домашние дела…

— Я всегда жду, когда ты уладишь свои дела, — сказала Никола. — Ты отправился в Африку, чтобы разобраться в самом себе. Теперь ты едешь в Уэльс, чтобы решить семейные проблемы. Между тобой и мной всегда стоят какие-то дела, требующие твоего времени.

— Я пытаюсь быть с тобой, верно? Почему, думаешь, я пригласил тебя в Колвин?

— Потому что ты хочешь получить свой пирог и съесть его, — сказала Никола.

— О господи! — закричал Эван и в ярости выбежал из комнаты.

Прислуга, собиравшаяся убрать со стола, столкнулась с Эваном, она удивленно, с укором проводила взглядом молодого человека, который не извинился перед ней. Придя в себя, она спросила Николу:

— Извините, мисс, вы уже кончили есть?

— Да, — ответила Никола. — Извините, что я так поздно встала.

Она поставила чашку на стол и вышла в коридор. Дом угнетал своими размерами. Никола

открыла входную дверь и шагнула под лучи утреннего солнца. И тут, не успев пожалеть о ссоре с Эваном, она увидела черный «ягуар». Машина с мягким урчанием подъехала к крыльцу, на котором стояла девушка.

Любовник Лайзы, подумала Никола. Как он посмел вернуться в дом моего отца. Гнев сдавил ей горло, но она преодолела его и легко сбежала вниз по ступеням. Пуул вышел из автомобиля.

— Доброе утро, мисс Моррисон, — приветливо произнес он и улыбнулся.

Сейчас он выглядел иначе, нежели прежде. Никола растерялась и забыла, что хотела сказать. Она уставилась на него. Дорогая спортивная рубашка бледно-розового цвета плотно облегала его тело, позволяя видеть мускулистые грудь и плечи. Его брюки были черными, идеально сшитыми и тщательно отглаженными. Никола подумала, что она никогда не видела человека, одетого столь просто и элегантно одновременно.

— Доброе утро, — услышала она свой голос, донесшийся словно издалека.

Он вежливо протянул руку, спустя мгновение она сделала то же самое и почувствовала прикосновение его длинных пальцев. Она впервые заметила, что он был смуглым. У него были тем-

ные блестящие глаза, темные волосы и кожа, загоревшая под летним солнцем полуострова Говер.

— Вы изменились, — внезапно произнесла она.

— Нет, — отозвался он, — просто вы стали наблюдательней, вот и все.

Он по-прежнему сжимал ее руку, она вдруг остро ощутила контакт его длинных пальцев с ее кожей. Никола освободила свою руку и отступила на шаг назад.

— Вы зайдете? — сказала она и шагнула в прихожую.

— Спасибо, — он прошел в дом.

— Наверное, вы хотите видеть Лайзу. Думаю, она еще в постели, я могу сказать ей, что вы здесь.

— По правде говоря, — донесся из-за ее плеча голос Тристана, — я приехал увидеть вас, а не Лайзу.

Она в изумлении повернулась.

— Меня? — удивленно произнесла Никола и почувствовала, что краска заливает ее лицо, точно в школьные годы. — Почему меня?

— Мы можем побеседовать где-нибудь наедине?

— О… да, конечно… пройдите в гостиную.

Он открыл перед ней дверь.

— Я могу предложить вам кофе? — растерянно произнесла Никола, еще не решив, как ей реагировать на его присутствие.

— Только если он приготовлен без этого ужасного теплого молока, которое так обожают англичане.

Никола обнаружила, что смеется.

— С поварихой случилась бы истерикаГ У нее на кухне есть только быстрорастворимый кофе. Как насчет чая?

— Я не пью его, — сказал Пуул. — Не думайте, что я не ценю ваше гостеприимство, мисс Моррисон, просто я очень привередлив в этом отношении. Присядем?

— О… да, разумеется.

Она скованно села на край дивана, после чего Тристан опустился в кресло напротив девушки и сплел свои длинные тонкие пальцы.

— Я должен извиниться перед вами, — произнес он наконец.

— Да? — удивилась Никола.

— К сожалению.

— За что?

— За мое вчерашнее вмешательство в исклю-

чительно семейное дело.

— О, — Никола смутилась.

— Ваша сегодняшняя вежливость удивила меня. Когда вы увидели меня, я испугался, что вы позовете слуг и прикажете им вышвырнуть меня вон в лучших традициях девятнадцатого века. Разве не так поступали с жуликами, бродягами и нежелательными претендентами на руку и сердце?

— Наверно, так, — с любопытством сказала Никола. — Но к какой из перечисленных категорий вы относите себя?

— Ко всем, конечно, — с широкой очаровательной улыбкой произнес Пуул. — Разве вы не слышали обо мне? Если верить слухам, я хитростью отнял у Уолтера Колвина его родовой дом, разместил нудистский лагерь и нечто похуже в Колвин-Корте, соблазнил вашу мачеху. Несомненно, такая слава не могла пройти мимо ваших ушей!

Никола засмеялась.

— Вы преподносите этот слух как нелепую глупость!.

— Слух часто является нелепой глупостью. Никто не потрудился проверить наличие договора об аренде между мной и Уолтером Колвином,

никто не хочет понять, что слово «натуральный» в названии общества относится к пище и не свидетельствует о пренебрежении к одежде. Все предпочитают видеть худшее, потому что оно всегда гораздо забавнее хорошего, верно? Люди обожают волнующие развлечения. Даже глупая сплетня в подобных обстоятельствах предпочтительней отсутствия всяких сплетен.

— А Лайза? — спустя мгновение спросила Никола.

— Я не несу ответственности за Лайзу, — сказал Пуул. — Это была проблема вашего отца, а не моя.

— Перед смертью он решил, что Лайза неверна ему.

— Ну конечно, — сказал Пуул. — Мужья всегда считают, что никто не может устоять перед их женами. Поверить в обратное — значит нанести удар по своему самолюбию.

— Хм.

Переваривая услышанное, Никола нахмурилась.

— Послушайте, — Пуул вдруг наклонился вперед, — я действительно должен извиниться, мисс Моррисон. Я знаю, вы ‘считаете, что вчера я вторгся сюда, чтобы увидеть Лайзу, но на самом деле

она сама потребовала встречи со мной. Она была близка к истерике, и я, вопреки голосу рассудка, уступил миссис Моррисон и провел с ней некоторое время после похорон, пытаясь успокоить ее.

Он помолчал.

— У меня есть опыт в области клинической психиатрии. Я подумал, что смогу помочь ей.

— Понимаю, — медленно произнесла Никола.

— Познакомившись с Лайзой несколько дней тому назад, я заметил, что у нее есть душевные проблемы, и невольно совершил ошибку, попытавшись помочь ей. У нее очень быстро сформировалась психологическая зависимость от меня — это произошло скорее, чем я предполагал, — и ситуация вышла из-под контроля. Когда я попытался отдалиться, она стала истеричной и… ну, вы можете представить, что случилось. Не стану вдаваться в подробности. Достаточно будет сказать, что вчера я посоветовал Лайзе обратиться по поводу ее нервного расстройства к одному

лондонскому специалисту. Надеюсь, мне удалось убедить Лайзу.

— По-моему, нет, — сказала Никола. — Она решила вернуться в коттедж к Джейн и Бенедикту.

Его глаза вдруг резко потемнели, став почти черными. Подвижные губы замерли.

— Да? — произнес он наконец. — Очень жаль. Думаю, скоро ей придется понять, что наши весьма поверхностные отношения закончились. Больше я ничего не могу для нее сделать.

— Я этому рада, — не успела одернуть себя Никола.

Он улыбнулся ей. Его исключительно выразительные глаза заблестели, стали светлее, в их уголках собрались морщинки.

— А как вы? — спросил он. — Вы не собираетесь оставаться в этом огромном доме?

— Нет, я… должна в понедельник вернуться на работу. Я здесь не живу. У меня есть квартира в Хэмпстеде.

— Если вы извините меня за непрошенный совет, — сказал Пуул, — я бы не рекомендовал вам так быстро возвращаться на работу.

— Но я этого хочу, — заявила Никола, повторив то, что она сказала Эвану. — Если я не сделаю это, то останусь наедине со своими печальными мыслями. Я хочу быть занята и не думать о личном.

— Иногда подобное вытеснение весьма нецелесообразно, — сказал Пуул. — Гораздо лучше позволить ощущению горя самостоятельно покинуть вашу душу.

— О, — промолвила Никола и снова испытала

чувство растерянности, — вы действительно психолог? — невольно спросила Пуула девушка.

— У меня есть научная степень по психологии. Я обладаю клиническим опытом в этой области. Меня нельзя назвать дилетантом.

— Какой университет вы заканчивали?

— Я учился в одном калифорнийском колледже.

— Это все объясняет!

— Что именно?

— Ваш акцент. Иногда он заметен. Вы — американец?

— Нет, я — британский подданный. Но молодость провел в Штатах. Вы никогда не были в Калифорнии?

— Нет. Хотя с радостью побывала бы там когда-нибудь.

— Вам следует это сделать, — сказал Пуул. — Это удивительное место, земной рай… После грехопадения, разумеется.

Он улыбнулся.

— Но забудем пока о Калифорнии. Я думал о более близких местах. Например, о Колвине. Если бы я посмел дать вам совет — на что я не имею никакого права, — я бы порекомендовал вам еще на неделю освободиться от работы и отдохнуть

в Колвине. Мое общество занимает восточное и западное крылья дома, в центральной части здания есть одна свободная комната. Все будут рады, если вы проведете там несколько дней. У меня есть основания так говорить, потому что вчера после похорон я беседовал с Уолтером Колвином, и он сам предложил нечто подобное.

— Ну…

— Не беспокойтесь из-за Лайзы. Вам нет нужды встречаться.

— Почему вы решили, что я…

— Дорогая мисс Моррисон, не надо быть психологом, чтобы догадаться о вашем отношении к мачехе после ее недавнего поведения.

— Я… — Никола растерянно замолчала.

— Я буду заботиться о вас, если вы приедете в Колвин. Если вы боитесь своих мыслей или просто боитесь собственного страха, думаю, я смогу вам помочь.

— Со мной все будет в порядке, — тотчас заверила Никола.

— Значит, вы приедете?

— Ну, я,..

— Вы приедете, верно?

— Я…

— Вы приедете.

— Почему бы и нет? — неожиданно произнесла Никола. — Бояться своих мыслей — это проявление малодушия. Почему бы мне просто не провести несколько дней у моря?

— Отлично! — сказал Пуул. — Это более здоровая позиция.

Вставая, он небрежно добавил:

— Может быть, подвезти вас до Уэльса? Я поеду туда в понедельник утром, мне не составит труда забрать вас отсюда.

— Но я тоже буду в Лондоне, — сказала Никола. — Я собиралась вернуться в город завтра утром, когда все отправятся в Уэльс.

— Еще лучше! Дайте мне ваш адрес, и я приторможу возле вашего дома.

— Вы хотите сказать, что зайдете за мной, — сказала Никола, и они оба рассмеялись.

— Когда я волнуюсь, я забываю, по какую сторону Атлантики нахожусь, — обезоруживающе улыбнулся Пуул.

Никола заметила, что она весьма неожиданно воспряла духом.

— Хотите остаться на ленч? — внезапно предложила она.

— Да, но, к сожалению, мне пора в город. Пока я не забыл — где вы живете?

Она продиктовала ему свой адрес и телефон, потом спросила, где он остановился.

— В отеле «Солсбери», возле Британского музея. Я заеду в понедельник в половине десятого — или это слишком рано?

— Нет, нормально.

Они вышли в пустой коридор.

— На вашем месте я бы не стал говорить Лайзе о моем приезде, — Пуул открыл входную дверь. — Лучше избежать ненужных осложнений. Уверен, вы меня понимаете.

— Конечно, — согласилась Никола.

Он снова протянул свою руку, и Никола машинально коснулась ее.

— До понедельника, — сказал Пуул, поворачиваясь.

Яркий солнечный свет позолотил его темные волосы.

— До понедельника, — отозвалась Никола.

Она проводила зачарованным взглядом Пуула, севшего в свой черный «ягуар» и отъехавшего от дома.

II

— Я передумала насчет приезда в Колвин-Корт, — сказала Никола Эвану, когда они случайно

встретились перед ленчем. — В понедельник я отправлюсь туда на неделю.

— Почему ты думаешь, что приглашение осталось в силе? — спросил Эван, задетый их неудачной утренней беседой. — И вообще, что заставило тебя передумать? Ты решила позволить мне съесть пирог?

— Что? О, Эван, извини меня! Я от волнения не соображала, что говорю… Ты не хочешь, чтобы я приехала?

— Не говори глупости, — грубовато сказал он и попытался поцеловать девушку, но она отвернулась.

— Наверно, я завелась из-за ерунды, — рассеянно сказала Никола. — Ты имел право рассердиться на меня.

— Забудем об этом. Ники, позволь мне отвезти тебя в понедельник в Уэльс — завтра Бенедикт и Джейн доставят папу домой, а я могу остаться здесь.

— Нет, не надо, Эван. Спасибо за предложение, но у меня другие планы.

— Ты хочешь поехать поездом?

— Нет, на машине. Я уже договорилась.

— Не валяй дурака, мне вовсе не трудно…

— Мистер Пуул возвращается в понедельник в

Колвин, он предложил подвезти меня.

— Пуул! — Эван уставился на девушку. — Ты хочешь сказать мне, что намерена провести бог знает сколько времени в обществе этого… этого…

— Тсс! — сказала Никола. — Не кричи об этом на весь свет! Я не хочу, чтобы Лайза закатила сцену.

— Черт возьми, когда ты говорила с Пуулом?

— Сегодня утром. Он подтвердил правильность твоего совета и сказал, что мне станет лучше, если я проведу неделю в Колвине вместо того, чтобы вернуться на работу, я решила, что глупо игнорировать рекомендации двух докторов.

— Он вовсе не врач! — закричал Эван.

— Нет, он психиатр!

— Он проходимец! Ники, не верь этому человеку. Не верь ни единому его слову.

— Мой дорогой Эван, он лишь дал мне тот же совет, что и ты!

— Но…

— Почему ты невзлюбил его?

— Он жулик, — сказал Эван. — Мошенник. Он хитростью забрался в мой дом.

— Он говорит, что заключил договор.

— Я в это не верю!

— У него есть степень по психологии, полученная в калифорнийском колледже…

— Калифорнийском! — фыркнул Эван.

— И клинический опыт.

— Он назвал тебе колледж, присвоивший ему степень?

— Нет, не назвал, но…

— Я не верю ни единому его слову, — сказал Эван. — Он прохвост.

— Нет, — рассердилась Никола. — По-моему, ты потерял благоразумие, если веришь в эту болтовню!

— Слушай, Ники, позвони Пуулу, отмени поездку, давай поедем завтра со всеми.

— Не могу, — упрямо сказала Никола. — Сначала я должна вернуться в мою квартиру, постирать, погладить, собрать вещи.

— Тогда позволь мне отвезти тебя в понедельник. Мы поедем вдвоем.

— В этом нет необходимости, Эван. Мистер Пуул…

— Будь проклят этот чертов Пуул! — закричал молодой человек.

— Ради бога, Эван! — рассердилась Никола. — Что с тобой?

Они снова расстались, злясь друг на друга.

III

— Отец, — сказал Эван, застав Уолтера любующимся в одиночестве орхидеями в одной из оранжерей Мэтта, — я хочу поговорить с тобой.

— А, — протянул Уолтер, стараясь не выдавать своего страха перед разговором, который он пытался оттянуть, — конечно… ты видел когда-нибудь такие орхидеи? Исключительные экземпляры. Такая расцветка…

— Отец, — суровым тоном произнес Эван, — я хочу знать, какие у нас отношения с Тристаном Пуулом и его обществом.

— А, — сказал Уолтер, — да, конечно.

— Я предлагаю выйти отсюда и сесть на скамейку, что стоит у дальнего конца лужайки. Здесь слишком жарко для серьезной беседы.

— Жарко, да? Для орхидей это отлично.

Он перешел к другим цветам.

— Отец…

— Ты не должен беспокоиться, Эван. Это мои заботы.

— Неверно, — сказал Эван. — Я несу за тебя ответственность.

— Мой дорогой мальчик, я вполне способен постоять за себя! Я ценю любой твой совет, но ты

напрасно беспокоишься.

— Пуул действительно арендовал у тебя помещение?

— Мы заключили джентльменское соглашение, — сказал Уолтер, мечтая спрятаться в зарослях орхидей. — Я сдал ему на год оба крыла. Все равно эти комнаты пустовали, я подумал, что нам пригодятся дополнительные деньги.

— Сколько он тебе платит?

— Ну, — Уолтер отчаянно пытался выиграть время, — это хороший вопрос. Я рад, что ты задал его. Видишь ли…

Он замолчал.

— Да? — сказал Эван.

— Давай сядем на скамейку, как ты предложил, — Уолтер решил выиграть еще пару минут для обдумывания ответа. Но когда они сели на краю лужайки, напротив розовых кустов, он обнаружил, что ему по-прежнему нечего сказать.

— Да, отец? — невозмутимо произнес его мучитель.

— Дело в том, — сказал Уолтер, — что соглашение не предусматривает денежного вознаграждения. За аренду помещения мисс Миллер взяла на себя обязанности экономки, а Пуул — личного врача Гвайнет.

Возникла пауза. Уолтер напрягся всем телом в ожидании взрыва, которого не последовало.

— Я этого боялся, — произнес наконец Эван. — Может быть, это и хорошо. Если договор не предусматривает оплату, его легче признать недействительным.

— Ну, по правде говоря…

— Он тебе что-то заплатил?

— Символическую сумму — один шиллинг.

— О боже! — сказал Эван. — Отец, я не хочу тебя обидеть, но как ты связался с этим человеком? Где познакомился с ним?

— Ты знаешь, что я должен раз в месяц открывать двери Колвин-Корта для народа, поскольку министерство труда взяло на себя расходы, связанные с содержанием развалин замка и часовни? Пуул появился в марте. Он представился как турист, интересующийся старинной архитектурой, и Гвайнет, чувствовавшая себя хорошо в тот день, показала ему сад и сводила к замку. Пуул проявил громадный интерес, он задавал такие умные вопросы, что я пригласил его на ленч. Затем он предложил мне сдать ему все поместье в аренду на год. Я, разумеется, не согласился, и он уехал. На следующий день Гвайнет заболела — с ней случился рецидив. Я разволновался.

Доктор предложил госпитализировать ее, но тут вернулся Пуул. Он хотел узнать, не передумал ли я насчет аренды. Узнав, что Гвайнет больна, он сказал, что лечит травами и попросил разрешения прописать ей одно средство. Конечно, я согласился — я не увидел в этом ничего опасного, к тому же я сам верю в целительную силу трав. В старые времена…

— Пуул приготовил настойку, и Гвайнет тотчас выздоровела, — сказал Эван. — Травы тут ни при чем. Подействовало внушение.

— Возможно, — сказал Уолтер, не .осмелившись спорить. — В любом случае, как ты понимаешь, я был благодарен Пуулу, и когда он предложил компромисс — попросил не весь дом, а лишь два его крыла, — я обнаружил, что соглашаюсь…

— Понимаю.

— Он показался мне славным молодым человеком, — как бы оправдываясь, сказал Уолтер, — к тому же я избавился от расходов на экономку, общество поддерживает чистоту и порядок во всем доме, и Гвайнет чувствует себя теперь гораздо лучше.

— Кто оплачивает счета?

— Счета? — переспросил Уолтер, надеясь, что он ослышался.

— Счета, — сказал Эван. — Кто несет бремя дополнительных расходов по содержанию этих тринадцати человек в Колвин-Корте? Кто платит за их питание?

— Ну, по правде говоря, — сказал Уолтер, — платил за — них я, но Пуул вернет мне деньги после первого августа. В настоящий момент общество испытывает финансовые затруднения, но в августе…

— Понимаю, — сказал Эван тихим спокойным голосом, который испугал Уолтера сильнее, чем явное проявление гнева. — Отец, в каком состоянии находятся твои финансовые дела? Если ты решил сдать часть Колвин-Корта в аренду, наверно, ты сам испытываешь денежные затруднения, однако, судя по твоим же словам, эта акция пока что приносит тебе одни лишь убытки. У тебя перерасход в банке? Тебе пришлось продать часть акций?

— Ну, кое-что у меня осталось, — сказал Уолтер. — Средства твоей матери, которые вы с Гвайнет унаследуете после моей смерти, приносят мне небольшой, но стабильный доход. Мне пришлось продать несколько ценных бумаг, но…

— Сколько?

— Ну, пожалуй, довольно много, но когда я взял

небольшую ссуду под залог дома…

— Понимаю…

— Все не так плохо, — оптимистично заявил Уолтер.

— Отец, я не хочу спорить с тобой, однако, на мой взгляд, дела обстоят хуже некуда. Один вопрос абсолютно ясен — ты не можешь позволить себе содержать за свой счет тринадцать человек. Общество должно покинуть Колвин-Корт.

— Но договор… здоровье Гвайнет… я обещал Пуулу…

— Я удивлюсь, если окажется, что договор имеет юридическую силу, — сказал Эван. — Если это так, я уплачу неустойку. В конечном счете это обойдется дешевле. Что касается Гвайнет, то ей нужен хороший психотерапевт. Я не хочу, чтобы какой-то сумасшедший травник использовал мою сестру в качестве морской свинки. Я признаю, что у Гвайнет есть свои проблемы, но ей нужна помощь профессионала, а не дилетанта.

— Гвайнет — весьма болезненная девушка, — робко сказал Уолтер.

— Отец, мы живем в двадцатом веке. Ей можно помочь.

— Я знаю, ты не веришь, что Гвайнет действительно больна, но…

— Нет, верю. То, что болезнь имеет психосоматическое происхождение, вовсе не означает, что ее физические симптомы нереальны. Но причина болезни — психическая, а не физическая.

— Но Гвайнет такая умная, — возразил Уолтер. — С головой у нее все в порядке.

— Интеллект тут ни при чем, отец.

— Но… Гвайнет не захочет, чтобы Пуул уехал. Я это знаю. Эван, не будет ли лучше, если он останется?

— Ты не можешь позволить себе это, отец. И нельзя допустить, чтобы Гвайнет привыкла к нему. Он не излечит ее, а в конце концов ей может стать еще хуже, чем до знакомства с ним.

— Я не знаю, как попросить его уехать, — подавленно произнес Уолтер. — Не знаю, что ему сказать. Он такой славный молодой человек… добрый… серьезный.

— Я сам с ним поговорю, — сказал Эван. — Позволь мне уладить это за тебя.

— Мне бы не хотелось перекладывать мои проблемы на твои плечи, а то ты пожалеешь, что вернулся домой, и снова надумаешь куда-нибудь умчаться…

— На этот раз нет, отец.

Они помолчали. Я, должно быть, ослышался,

подумал Уолтер, боясь поверить своим ушам. Эван, очевидно, сказал что-то другое.

— Конечно, в Америке для врачей есть большие возможности, — сказал Уолтер. — Я это знаю.

— Существуют разные возможности, — заметил Эван, — и деньги — это еще не все. В Африке я понял, что не хочу покидать Уэльс — и Англию — навсегда.

Уолтер молча взял сына за руку. Вновь обретя дар речи, он сказал:

— Как прекрасен сейчас розовый сад. В этом году розы великолепны.

Они посидели какое-то . время, любуясь розами. Наконец Эван встал и рассеянно провел рукой по волосам.

— Значит, ты разрешаешь мне поговорить с Пуулом об этом деле?

— Поступай, как считаешь нужным, — сказал Уолтер, испытывая облегчение оттого, что разговор, которого он давно боялся, закончен, и его самое сокровенное желание, похоже, сбылось. — Предоставляю тебе полную свободу действий.

— Я поговорю с Пуулом в понедельник, как только мн удастся встретиться с ним, — сказал Эван.

Вопреки здравому смыслу ему уже казалось,

что Николу в Уэльс пригласил Пуул, словно это он, а не Уолтер, был настоящим хозяином Колвин-Корта.

IV

В воскресенье, под вечер, Эван и Уолтер вернулись в Колвин-Корт, а Бенедикт, Джейн, Лайза и близнецы — в коттедж. Эван решил ничего не предпринимать в отношении общества до возвращения Пуула, но в понедельник он мобилизовал всю свою выдержку и отправился к сестре. Заглянув в комнату Гвайнет, он увидел, что девушка рисует фломастерами огромный плакат.

— Можно к тебе на минуту, Гвайнет? — вежливо сказал он, повысив голос, чтобы быть услышанным на фоне музыки, грохочущей из проигрывателя. Он снова взглянул на плакат. Гвайнет нарисовала несколько концентрических окружностей над черной пентаграммой, одна вершина которой находилась внизу, а две другие были обращены вверх.

— Что это? — спросил Эван, пытаясь вспомнить, что он читал о лечении искусством.

— Мое представление о пятом измерении, — сказала Гвайнет, выключив проигрыватель.

— Ясно, — произнес Эван. Перед его глазами замелькали тесты Роршаха. — Гвайнет, я хочу поговорить с тобой об отце.

— Если ты намерен сказать нечто гадкое о Тристане, — взгляд девушки тотчас стал колючим, — то лучше поищи другого собеседника.

— Сейчас меня главным образом волнует отец.

Он сел на ковер возле Гвайнет, пытаясь установить контакт с ней.

— Гвайнет, финансовое положение отца оставляет желать лучшего. Похоже, общество в настоящее время существует на его деньги, он не может позволить себе такие расходы.

— Я уверена, что со временем Тристан рассчитается с ним, — невозмутимо отозвалась Гвайнет и вывела вокруг пентаграммы окружность.

— Возможно, — сказал Эван, — но сейчас, по-моему, отец не в силах содержать это общество в Колвин-Корте. Он фактически не в силах содержать самого себя, не то что общество.

— И что я должна делать в связи с этим? — агрессивно сказала Гвайнет. — Бесполезно рассчитывать на то, что я пойду работать.

— Нет, я знаю, что сейчас ты не в состоянии сделать это. Но медицина в наше время творит чудеса, и я убежден, что какой-нибудь специа-

лист с Харли-стрит сумеет…

— Я никогда не поправлюсь настолько, чтобы кормить себя, — сказала Гвайнет.

— Возможно, но разве ты не хочешь освободиться от постоянного страха перед очередным ухудшением?

— Моя болезнь неизлечима, — сказала Гвайнет. — Папа, в отличие от тебя, это понимает.

— А если я скажу тебе, что он хочет показать тебя специалисту с Харли-стрит?

— Папа сделает все, что ты ему скажешь, — заявила Гвайнет. Это еще ни о чем не говорит.

— Но…

— О, почему бы тебе не уехать в Америку и не оставить нас в покое? — взорвалась Гвайнет. — Тут было так спокойно, пока ты находился в Африке! Мы с папой жили счастливо, а ты ворвался сюда и все испортил! Зачем тебе понадобилось влезть в нашу жизнь?

Фразы из дюжины монографий по фрейдизму всплыли в памяти Эвана.

— Я лишь пытаюсь тебе помочь, — сказал он.

— Нет, — возразила Гвайнет, — ты пытаешься вогнать клин между мною и папой.

Они помолчали.

— И между мной, папой и Тристаном, — доба-

вила девушка.

— Гвайнет, общество не будет находиться здесь вечно, ты это знаешь. Когда-нибудь Пуул уедет отсюда.

— Тогда я снова заболею, — Гвайнет вывела фиолетовым фломастером еще одну окружность.

— Если тебе станет хуже, ты согласишься съездить к врачу с Харли-стрит?

— Если болезнь вернется, я, возможно, умру.

— Возможно, — сказал Эван, — хотя я в этом сомневаюсь.

Он поднялся с ковра и вышел из комнаты.

Через несколько секунд после его ухода проигрыватель снова загремел на полную мощность.

Поддавшись внезапному порыву, Эван отправился, в восточное крыло, где размещалась половина общества. Он стучал в двери, потом заглядывал в комнаты. Там лежали женские вещи, но никто не отвечал на стук. Комнаты были пусты. Эван прошел в западное крыло, где квартировалась вторая половина общества, и снова произвел осмотр помещений.

Последняя дверь оказалась запертой.

Эван без колебаний открыл дверцу кухонного шкафа и, не найдя там того, что он искал, тотчас обратился к Агнес Миллер:

— Мисс Миллер, где дубликат ключа от большой спальни в конце западного крыла — той спальни, к которой примыкает гардеробная?

— Дубликат ключа? — повторила полная добродушная Агнес.

— Да. Он куда-то исчез из шкафа экономки, где хранятся дубликаты ключей.

— О, — сказала Агнес, — дело в том, что это комната мистера Пуула, он держит оба ключа у себя. Мистер Пуул, живя среди двенадцати женщин, придает большое значение неприкосновенности своей комнаты. Надеюсь, вы меня понимаете.

— По-моему, второй ключ всегда должен находиться в доступном месте, — сказал Эван, — на случай пожара.

— Очень разумно! — воскликнула Агнес. — Я об этом не подумала. Я поговорю с мистером Пуулом, когда он вернется, уверена, он найдет приемлемый компромисс.

— Спасибо, — резко произнес Эван и повернулся.

— Вам что-то нужно взять из комнаты мистера Пуула, доктор Колвин?

— Это не срочно. В шкафу гардеробной остались мои вещи, проникнуть туда можно только через спальню:

— Понимаю. Вы не смотрели на чердаке? Я знаю, сейчас в этом шкафу находятся только вещи мистера Пуула, вероятно, ваши вещи перенесены в другое место.

— В таком случае я загляну на чердак. Спасибо, мисс Миллер.

Но он не стал обыскивать чердак. Вместо этого, сев в машину, отправился любоваться знакомыми пейзажами полуострова Говер и обдумывать предстоящий разговор с Пуулом. Он съездил к церкви, стоявшей на берегу моря в Ок-свиче, потом отправился дальше по извилистой сельской дороге к Порт-Айнону. От Порт-Айнона он поехал к Россини, посидел некоторое время на скалах. Рядом с ним мирно паслись овцы, волны накатывались на безлюдный пляж, тянувшийся до песчаных дюн Лангенита. В седьмом часу Эван вернулся в Колвин, Пуул и Никола еще не приехали из Лондона.

Эвану пришлось взять себя в руки. Он почувствовал, что в его душе закипает ярость, что он теряет выдержку еще до встречи с Пуулом. Почему Никола разрешила Пуулу подвезти ее? Почему Пуулу удалось уговорить Николу поехать в Колвин, если он, Эван, не сумел это сделать? Пуул… Кто он такой?

Терпение Эвана истощалось, сейчас он был способен на безрассудство. Заглянув в сарай, стоявший возле теплиц, он нашел кусок проволоки и положил его в карман вместе с отверткой. Убедившись в том, что его никто не видит, вернулся в западное крыло и снова проверил каждую комнату.

Там никого не было. Члены общества либо помогали готовить ужин, либо сидели в гостиной на первом этаже. Наверху находился один Эван. Собравшись с духом, он согнул из проволоки крючок и осторожно ввел его в замочную скважину комнаты Пуула.

Но замок был старым, ржавым, неподатливым. Отбросив проволоку, Эван сунул в щель свои водительские права. Снова потерпев неудачу, взял отвертку и начал отворачивать крышку замка.

Прошло несколько секунд. Шорохи заставляли его постоянно оборачиваться, но они доносились из гостиной, коридор оставался безлюдным. Сняв крышку, он увидел механизм замка. С помощью отвертки Эван отодвинул засов и вошел в комнату.

Ему бросился в глаза царивший там порядок. Каждая вещь находилась на своем месте, не было видно ни мелочей, ни одежды, ни фотографий

в рамках. Единственная в комнате картина с изображением черной пентаграммы на кроваво-красном фоне висела над кроватью. Одна из вершин пентаграммы была обращена вниз, две другие — вверх. Потрясенный Эван вспомнил о рисунке Гвайнет. Возможно, подумал он, Пуул приводил ее в эту комнату. Возможно, он даже…

Самообладание едва не покинуло Эвана, с большим трудом он взял себя в руки. Возможно, Гвайнет сама нарисовала эту картину и подарила ее Пуулу в знак благодарности. Тогда не было ничего удивительного в том, что Пуул повесил ее на стену.

Спальня была просторной, но мебель стояла так, что центр комнаты оставался свободным. У одной стены находилась узкая односпальная кровать, у противоположной — большой шкаф. Стол со стулом стояли возле окна. Серый, в черную крапинку, ковер закрывал пол. Эвану показалось, что мебель здесь раздвинута, точно для танцев. Недоумевая, он прошел в гардеробную, открыл дверь встроенного шкафа, тянувшегося вдоль стены, но обнаружил там всего лишь десять костюмов, серых и черных, и целую коллекцию черных мужских туфель. Он уже собирался покинуть гардеробную, когда увидел на полу спальни,

в том месте, где ковер не доходил до стены, темное пятно.

Оно показалось ему высохшей кровью. Эван приподнял ковер и увидел на дощатой поверхности выведенные мелом пентаграммы и окружность. Скатав часть ковра, он ощутил странный неприятный запах непонятного происхождения. Спустя мгновение он уложил ковер на прежнее место и вернулся в гардеробную проверить, нет ли кровавых пятен на одном из костюмов. Он не нашел никаких следов на одежде. Эван уже хотел отойти от шкафа, но вдруг заметил ящик.

Шкаф был глубоким, ящик лежал у самой стены, и Эван не удивился тому, что при первом осмотре он не заметил его. Он попытался вытащить ящик на свет и поразился его тяжести. Взявшись за ручку, он повернул ящик на бок, услышал звон и глухой стук, словно внутри него один предмет ударился о другой. Его пальцы безрезультатно ощупали запоры. Ящик был замкнут, ключ, очевидно, находился у Пуула.

Эван отступил на шаг назад и задумчиво осмотрел находку. Запертый черный деревянный ящик. Детские рисунки на полу, прикрытые абсолютно новым ковром. Пятно — возможно, след крови, возможно, другого вещества, — частич-

но выступавшее из-под того же нового ковра. Странный запах непонятного происхождения. Назойливые пентаграммы.

У мистера Пуула, подумал Эван, несомненно, странный вкус по части оформления интерьера.

Он все еще размышлял о вкусах Пуула, когда секундой позже за его спиной совершенно неожиданно раздалось тихое покашливание, кто-то прочистил горло.

— Я могу вам помочь, доктор Колвин? — спросил стоявший у двери Тристан Пуул.

Глава шестая

I

Пуул был в темном костюме, белой рубашке и неярком галстуке. Он выглядел, как бизнесмен, привыкший к ежедневным совещаниям в могущественной корпорации! Лишь едва заметные складки на брюках напоминали о том, что Пуул провел несколько часов за рулем автомобиля.

— Я могу помочь вам? — вежливо повторил он. Его темные глаза смотрели настороженно, лицо ничего не выражало. — Вы что-то искали?

— Да, — сдержанно, невозмутимо произнес Эван. — В этом шкафу лежали мои бумаги, они куда-то пропали.

— Они сейчас на чердаке, в помещении, где стоит пианино. Коробки с вашими бумагами лежат рядом со сломанной швейной машинкой.

— Спасибо, — сказал Эван.

— Пустяки. Похоже, они вам очень нужны, коль вы решились разобрать замок и вторгнуться в мою комнату.

— Мне очень жаль, — с подчеркнутой вежливостью сказал Эван. — Я сейчас же соберу замок.

— Большое спасибо. Да, кстати, могу я, как друг мисс Миллер, исключительно из любопытства, спросить, почему вы сочли ее лгуньей.

— Извините? — сказал Эван.

— Мисс Миллер сказала вам, что бумаги находятся на чердаке.

— Она не уточнила, в каком именно месте. Я не смог найти их там и решил, что она ошиблась. Пожалуйста, извините меня.

Он прошел мимо Пуула через спальню и занялся замком.

— Уверен, вы не знали о том, — донесся из-за его спины голос Пуула, — что условия аренды не позволяют вам заходить в оба крыла дома, в настоящее время принадлежащие обществу.

— Домовладелец может заходить в помещения для производства ремонта, — сказал Эван, умело вворачивая винты.

— Но не взламывать двери и нарушать неприкосновенность жилища.

Эван молча продолжал собирать замок.

— Может быть, вы хотите посмотреть договор, — сказал Пуул.

— С радостью это сделаю, — Эван ввернул последний винт. — По правде говоря, именно об этом я и хотел поговорить с вами.

— Да? — Пуул выдвинул ящик стола, стоявшего возле окна. Когда он повернулся, Эван увидел в его руках документ.

— Пожалуйста, ознакомьтесь с договором аренды, — он протянул бумагу Эвану.

Молодой человек выпрямился, проверил, как работает задвижка, и убрал отвертку в карман. Взяв документ, он бросил на него взгляд.

— У моего отца есть копия?

— Я уверен, его адвокат дал ему экземпляр.

— Его адвокат?

— Договор составлял его юрист. Отец не сказал вам об этом?

— Понятно.

Эван уставился на договор, не в силах уловить смысл слов, отпечатанных мелким шрифтом, и решил сохранять невозмутимость.

— Уверен, вы убедитесь в том, что все законно, — безмятежно произнес Пуул.

— Спасибо.

Эван вернул ему договор.

— Вы хотели поговорить со мной еще о чем-то?

— Да. По-моему, вы задолжали моему отцу значительную сумму денег.

— Я не слежу за расходами, связанными с ведением хозяйства, — сказал Пуул. — Такими

мелочами, к моей радости, занимается мисс Миллер. Но я могу вас заверить — все долги будут погашены в августе. Если хотите, я попрошу мисс Миллер составить перечень расходов вашего отца, связанных с обществом, и вручить вам копию. Вы увидите, как мала задолженность. Ваши слова о «значительной сумме» показались мне, извините, преувеличением. Однако если вас беспокоит эта ситуация, я буду рад дать вам расписку.

— Это не преувеличение, — сказал Эван. — Зная теперешнее финансовое положение отца, я по-прежнему считаю, что долг велик. Боюсь, он не имеет экономической возможности содержать ваше общество.

— До августа осталось меньше четырех недель.

— Это не имеет значения. Он .не может позволить себе сдавать дом бесплатно.

— Он не тратит денег на экономку.

— Его расходы превышают эту сумму. Кстати, насчет экономки. Мне не нравится еда, которую готовит общество. Почему мы должны есть натуральную пищу, если мы не хотим делать это?

— Для вас отдельно готовится обычная еда.

— Все равно она мне не нравится. Ваш повар когда-нибудь использует соль? Все блюда пресные, безвкусные, их невозможно есть.

— Избыток соли в пище, доктор Колвин, — сказал Пуул, — может оказаться губительным для людей с повышенным давлением.

— А ее полное отсутствие, — заметил Эван, — вызывает спазмы в некоторых мышцах. Вы хотите поучить меня моему ремеслу, мистер Пуул?

— А вы хотите выставить меня из Колвин-Корта, доктор Колвин?

— Весьма сожалею, но в данных обстоятельствах будет лучше, если общество найдет себе другое пристанище. Если договор имеет законную силу, я выплачу вам неустойку.

— Договор вполне законен, — сказал Пуул. — Я отказываюсь от компенсации.

Возникла пауза. Они стояли и смотрели друг на друга — крупный Эван с сердито взлохмаченными рыжими волосами и сдержанный, стройный, ухоженный Пуул, темные глаза которого выражали спокойный вежливый интерес.

Будь он проклят, подумал в ярости Эван. Я еще поставлю его на место.

— Доктор Колвин, — сказал Пуул, — давайте сохранять благоразумие. Не стоит выходить из себя. Я учту ваше беспокойство по поводу моего долга вашему отцу, я попрошу мисс Миллер подсчитать точную сумму и выдам вам расписку.

Деньги будут возвращены вам в течение двух ближайших месяцев. Я учту, что вам не нравится еда. Я передам вашу жалобу мисс Миллер, она, несомненно, внесет необходимые изменения в процесс приготовления пищи. Но, пожалуйста, не рассчитывайте на то, что мы покинем Колвин-Корт до истечения срока аренды. Мы имеем полное право находиться здесь и, как бы это ни было для вас огорчительно, намерены оставаться в Колвин-Корте.

— Понятно, — сказал Эван. — Теперь вы во всяком случае ясно заявили о своих намерениях.

— Мне жаль, что вы испытываете к нам враждебность. Если бы вы сумели смириться с нашим присутствием, я бы не видел препятствий для нашего мирного сосуществования.

— Поскольку мы заговорили весьма откровенно, — сказал Эван, — сообщу вам, что я намерен проконсультироваться с юристом насчет договора. И вы очень обяжете меня, если не будете ничего делать с моей сестрой, пока вы остаетесь в Колвин-Корте. Я знаю, что она больна, но помощь дилетанта может причинить ей больше вреда, нежели пользы.–

— Я не дилетант, — сказал Пуул.

— Кажется, вы учились в Америке. Вы имеете

право ставить буквы «Д. М.» после вашей фамилии?

— Доктор Колвин, простите меня, но думаю, ваше сознание затуманено типичной для большинства англичан неприязнью к Америке и всему американскому.

— Вы ошибаетесь, — сказал Эван. — Так имеете вы право на буквы «Д. М.» или нет?

— Я называю себя доктором Пуулом.

— Я могу считать это вашим ответом?

— Он свидетельствует о том, что я не подвержен,обывательскому преклонению перед буквами, право на которые дается невежественными людьми.

— Значит, вы не являетесь дипломированным врачом. Спасибо. Будьте добры, позвольте профессионалам заботиться о моей сестре.

— Профессионалы, — сказал Пуул, — не очень-то помогали вашей сестре до моего появления.

— Тем не менее…

— У меня есть степень в области психологии, доктор Колвин. Я знаю о проблемах Гвайнет гораздо больше, чем беспомощный семейный доктор, лечивший ее до меня, и чем вы с вашим опытом в области тропических болезней — к сожалению, здесь он совершенно неприменим.

— Я…

— Гвайнет страдает отнюдь не тропическим заболеванием.

— Как вы…

— Хотите узнать, что неладно с вашей сестрой?

Меня не интересует набор из психологических терминов, составленный безответственным шарлатаном! — закричал Эван. — Оставьте в покое мою сестру, не то я…

— Мой дорогой мистер Колвин, вы поднимаете такой шум из-за наших с ней отношений, что со стороны может показаться, будто я сплю с Гвайнет!

— Меня бы это не удивило! — закричал Эван. — Я бы не удивился, узнав, что вы спите с каждой из двенадцати ваших женщин! Я бы не удивился…

— Вы льстите моим сексуальным возможностям, — сказал Пуул. — Большое спасибо.

— И еще я хочу– предупредить вас насчет Николы Моррисон! — взорвался Эван, почти не услышав замечания Пуула. — Держитесь от нее подальше, понятно? Не приближайтесь к моей девушке! Если вы полагаете, что можете…

— Вашей девушки? — сказал Пуул. — Мои поздравления! Я не знал, что вы помолвлены.

— Мы не были помолвлены! Но сейчас мы по-

молвлены, так что руки прочь от Николы.

— Хорошо, — сказал Пуул. — Но на вашем месте я бы уточнил это у Николы. Во время сегодняшнего путешествия, у меня сложилось впечатление, что Никола считает себя свободной. А теперь извините меня — я должен принять ванну и переодеться к обеду. Спокойной ночи, доктор Колвин, и… — Пуул сделал паузу и улыбнулся. — И постарайтесь обрести большую уверенность в себе. Тогда вы не будете видеть источник угрозы в любом незнакомом элементе вашего окружения.

Эван не успел замахнуться кулаком, как дверь спальни захлопнулась перед его носом, Пуул проворно повернул ключ в замке.

II

— Ники? — произнес Эван, постучав в дверь маленькой комнаты, расположенной в центральной части дома. — Ники, можно с тобой поговорить?

— Подожди.

Спустя несколько секунд она приоткрыла дверь на дюйм. На босой девушке был белый халат, наброшенный, как догадался Эван, второпях.

— Здравствуй, — сказала она. — Я переодеваюсь. Ты можешь подождать полчаса?

— Наверно, нет.

Есть ли на ней что-нибудь под халатом, подумал Эван. Поток сладостных мыслей возник в его голове и растекся по всему телу.

— Я могу зайти?

— Ну, заходи, — настороженно произнесла Никола, запахнув поплотнее халат, словно это был спасательный пояс. — Что случилось?

— Ники…

Он шагнул в комнату и закрыл за собой дверь.

— Ники, я был идиотом, когда думал, что не знаю, как я отношусь к тебе, боялся серьезного чувства, проявлял нерешительность. Ники, извини меня за все, что было прежде. Я люблю тебя и хочу жениться на тебе. Давай поедем завтра утром в Свонси и поищем там хорошее кольцо, которое я хочу подарить, тебе по случаю нашей помолвки.

В комнате стало тихо. Эван дышал учащенно, но он чувствовал, что с его плеч свалился большой груз, кровь помчалась по жилам быстрей.

— Помолвки? — растерянно произнесла Никола.

— Помолвки!

Он улыбнулся и шагнул вперед, чтобы обнять девушку, но она увернулась.

— Это весьма неожиданно, верно? — сказала Никола.

— Неожиданно? После стольких-то месяцев? — Он рассмеялся. — Дорогая, я знаю, что был медлителен, как улитка. И ты это знаешь! О какой неожиданности тут можно говорить?

Халат немного разошелся, не успев остановить себя, Эван снова двинулся вперед.

— Мы можем пожениться в самое ближайшее время, — услышал он свой голос. — В этом месяце, в следующем — когда ты захочешь.

Она уже отступила к туалетному столику, дальше двигаться было некуда, Эван обнял девушку и принялся целовать ее. Он был так сильно возбужден, что лишь через минуту заметил ее нежелание отвечать на его поцелуи.

Он замер.

— Ники?

В серых глазах девушки застыло непонятное Эвану выражение. Наконец она произнесла:

— Я должна это обдумать. Я не могу дать тебе ответ немедленно. Извини, Эван, но мне требуется время.

Он услышал ее слова, но его сознание отказывалось воспринять их.

— Но у тебя были месяцы для размышлений!

— Пожалуйста, — сказала она, — пожалуйста, Эван.

— Хорошо, — растерянно произнес Эван. — Если ты хочешь разыграть это таким образом, пожалуйста! Каждая девушка имеет право обдумать предложение, сколь бы очевидным ни был результат! Но пока что… Ники, я хочу тебя! Позволь мне.

— Пожалуйста, не прикасайся ко мне, — резко произнесла она.

Он остановился. Ощутил, как постепенно улетучивается жар его тела. Эван неуверенно посмотрел на Николу.

— Я хочу жениться на тебе, — сказал он. — Намерен жениться на тебе. Ты, конечно, не хочешь заявить мне что…

— Сейчас я ничего не хочу. Не хочу ложиться с тобой в постель.

— Откуда такое ханжество? Словно между нами ничего не было. Мы любим друг друга и скоро поженимся.

— Да? Я не уверена. Я должна подумать. Пожалуйста, оставь эту тему, Эван. Пожалуйста.

Каждый мускул его тела напрягся. Обида и злость сдавили горло Эвана так сильно, что ему стало трудно дышать.

— Это Пуул? — внезапно спросил он. — Это Пуул верно?.

— Не говори глупости, — сказала Никола. — Я с ним .едва знакома. Пожалуйста, Эван, оставь меня одну. Я не хочу больше говорить об этом сегодня.

Поколебавшись, он неуверенно направился к двери. Никола заметила, что ручка едва не выскользнула из пальцев Эвана. Он распахнул дверь и шагнул в коридор.

Она осталась одна.

Десять долгих минут растерянная Никола сидела на краю кровати, пытаясь навести порядок в своих мыслях. Она отчетливо сознавала, что не испытывает^ никаких чувств. Ни облегчения, ни радости, ни грусти, ни беспокойства. Она словно пребывала в прострации. Все ее эмоции улетучились куда-то.

— Но ведь я влюблена в Эвана, — произнесла она вслух. — Влюблена в него.

Слова глухо разнеслись по пустой комнате, отражаясь от стен. Она встала, подошла к окну, положила руки на подоконник.

— Я пятнадцать месяцев мечтала выйти за него замуж, — изумленно напомнила себе Никола. — Пятнадцать месяцев плакала, боролась с де-

прессией, отвергала поклонников, потому что всем им было далеко до Эвана.

Она подождала. Ничего не произошло. Она испытала только удивление. Возможно, это хорошо, что ее что-то удивляет. Лучше испытывать хоть какие-то эмоции, чем вовсе ничего не чувствовать.

— Возможно, я сошла с ума, — сказала себе Никола и снова села на край кровати, чтобы с интересом обдумать эту мысль, — или пьяна. Или я умерла и не знаю об этом.

Она все еще мысленно обсуждала сама с собой эту интригующую возможность, когда в дверь снова постучали.

— Войдите! — крикнула Никола, сейчас ей не было дела до того, кто там.

Дверь открылась. Девушка подняла голову.

Внезапно ее чувства ожили. Кто-то одним движением переключил все блокировавшие их тумблеры. Николу залил свет, она ощутила тепло тысячи огней, в ее мозгу вспыхнуло половодье красок.

— Тристан! — воскликнула она. Вскочив, Никола подбежала к нему. — Тристан, я не в силах описать тебе мое состояние!

Он улыбнулся ей. Его одежда была черно-белой,

но Никола видела яркие цвета, она могла касаться, поглощать, пить их до бесконечности.

— Я сейчас потеряю сознание, — сказала девушка.

— Нет, не потеряешь.

Время остановилось. Она видела, как он удерживает его своими руками, заставляет часы идти назад. Один месяц. Два месяца. Три… четыре… Время стало послушным рабом в руках вечности. Один год. Два. Три…

И вдруг она вернулась в те дни, когда еще не знала Эвана Колвина, была свободной, молодой и умела радоваться жизни.

— Я опьянела от наркотиков, — сказала Никола.

— Нет, ты просто все видишь в реальном свете.

— Я схожу с ума.

— Ты наконец выздоровела после трех лет болезни,

— О господи, — прошептала Никола, — кажется, да.

Он прикоснулся к ней, и все замерло. Никола инстинктивно прильнула к нему, и маленькая комната стала прежней, костюм Пуула — черным, рубашка белой. Его глаза находились в нескольких дюймах от ее глаз.

Он поцеловал девушку. Сначала поцелуй показался ей обыкновенным, но потом все изменилось. Никогда прежде Никола не испытывала ничего подобного. Неведомые чувства заполнили ее душу, мир приобрел новое, таинственное измерение без начала и конца.

Он перестал целовать ее. Мир снова стал нормальным, комната вращалась вокруг Николы. Вечерний свет, проникая через окно, падал на закрытую дверь.

— Верни меня туда, — попросила Никола, — где мы только что были. Верни меня труда.

Подавшись вперед, она притянула его лицо к себе, чтобы снова коснуться губ Тристана своими губами.

Никола почувствовала, что его пальцы скользят по ее коже, и наконец осознала, что халат на полу, а на ней ничего нет. Его рот слился с ее ртом, и все условности исчезли в бархатной темноте сотни солнечных систем. На Николу обрушился жар гигантской невидимой печи.

— О боже, — сказала Никола, — я на небесах.

Он засмеялся. Открыв глаза, она увидела над собой Тристана, его лицо находилось так близко, что она видела лишь широкий рот и белые неровные зубы.

— Почему ты смеешься? — прошептала она.

— Потому что ты сказала нечто забавное, — ответил он.

Его голос был голосом темноты, приглашавшим ее в великолепие неистовой ночи.

III

Солнце уже село, когда Пуул, покинув комнату Николы, отправился вниз искать Агнес. Он нашел ее в столовой. При появлении Пуула Агнес вскочила и с облегчением воскликнула:

— Наконец-то!

Она словно потеряла надежду увидеть его этим вечером.

— Я знала, что не должна мешать вам, и последние полчаса мечтала только о том, чтобы вы пришли поскорей! Послушайте, Тристан, Лайза уже здесь. Она ждет вас в гостиной и отказывается уйти, не повидав вас. Что мы будем делать?

— Агнес, — сказал Пуул, — ты — неисправимая паникерша. Где мой обед?

— Но что…

— Я ужасно голоден, Агнес. Если от обеда что-то осталось, неси это немедленно.

Агнес вздохнула,

— Хорошо, Тристан, Одну минуту — я все по-

дам.

— Спасибо.

Он опустился на стул с высокой спинкой во главе стола и, думая о Николе, вывел вилкой на салфетке пентаграмму.

Вернувшись с дымящейся тарелкой, Агнес спросила:

— Вы удовлетворены?

Пуул попробовал фаршированный баклажан.

— Восхитительно.

— Я имела в виду не пищу, — сказала Агнес.

— Я — тоже, — отозвался Пуул.

Они еще улыбались друг другу, когда в столовую заглянула сестра Агнес.

— Агнес, Лайза беспокоит нас на кухне. Она отказывается ждать в гостиной и требует немедленной встречи с Тристаном. Что мне делать?

— Ну и женщина! — раздраженно произнесла Агнес. — Я выставлю ее с кухни.

— Не трать силы, — сказал Пуул. — Пригласи ее сюда, Харриет.

— Да, кстати, — сказала Агнес, когда ее сестра послушно исчезла, — пока не забыла — Эван говорил, что завтра утром он поедет в Лондон. Он намерен найти доктора для Гвайнет и встретиться с частным детективом. Вы нажили себе

врага, Тристан.

— Агнсс, — терпеливо произнес Тристан, — пожалуйста, перестань волноваться. Ты заработаешь язву, это совсем ни к чему.

— Хорошо, — сказала Агнес. — Оставлю .вас наедине с вашей подругой и постараюсь думать о чем-то другом.

— Ты можешь составить перечень наших долгов Уолтеру Колвину. Я обещал дать Эвану расписку.

— Вы безжалостны, — сказала Агнес. — Если что-то и доведет меня до язвы, так это наши финансовые дела. Хорошо, я сделаю все, что смогу. Удачи вам с Лайзой.

— Удачи тебе с арифметикой.

Он задумчиво жевал баклажан, когда в комнату ворвалась Лайза.

— Здравствуй, — сказал Тристан. — Как себя чувствуешь? — Не вставая, он жестом предложил ей сесть рядом с ним. — Садись.

— Спасибо за радушный прием, — сказала Лайза. — Где ты был?

— В Лондоне.

— Ты обещал позвонить, в субботу. Я прождала весь день…

— Весьма сожалею, — сказал Пуул.

— Ну…

Лайза замолчала в нерешительности. Она нервничает, заметил Пуул. Ее глаза выражали упрямство.

— Я подумала, что ты мог бы сдержать свое обещание, — неуверенно произнесла женщина.

— Извини, — сказал Пуул.

Они помолчали. Пуул продолжал есть.

— В чем дело? — удивленно спросила Лайза. — Что случилось?

— Ничего.

Снова пауза.

— Тристан, мне надо поговорить с тобой!

— Говори.

— Я… я попала в ужасное положение, и виновна в этом не я одна, верно? Если бы Мэтт не увидел нас вместе на берегу…

— Моя дорогая, ты не можешь винить меня в том, что твой муж изменил завещание в момент гнева и врезался в стену, не успев остыть и переписать его заново.

— Конечно, я могу винить тебя! — взорвалась Лайза. — Если бы я не познакомилась с тобой, Мэтт не изменил бы завещание таким образом!

— Если бы не появился я, появился бы кто-то другой.

— Как ты смеешь!

Она в бешенстве вскочила со стула.

— Будем честными, Лайза! Тебе до смерти надоел твой муж, и ты была готова предложить себя первому встречному.

Она попыталась ударить его, но он бросил нож и перехватил ее руку. Возникла пауза. Лайза попробовала отступить назад, но он лишь сильнее сдавил пальцами ее запястье, Лайза испугалась.

— Тристан, извини — я не хотела, я…

— Лайза, — тихим, сдержанным голосом сказал Пуул, — тыще любишь меня. Ты не любишь меня. Никогда не любила. Извини меня, если мое поведение покажется тебе неоправданно жестоким, но на данном этапе нам обоим необходимо взглянуть правде в глаза. Мы встретились, и это породило некоторые осложнения, от которых у меня во рту — и у тебя, не сомневаюсь, тоже, — остался неприятный привкус. Думаю, для нас обоих будет лучше, если мы разойдемся в разные стороны. Так будет лучше для нас обоих. Если пойдут слухи о том, чем мы занимались перед смертью твоего мужа, ты не сможешь рассчитывать на сочувствие судьи, когда будешь оспаривать завещание.

— Ну…

Он подождал.

— Да, — наконец сказала Лайза, — думаю, ты прав. Но…

— Да?–

— Я действительно люблю тебя, Тристан. Ничего не могу с собой поделать.

— Ты не любишь меня, Лайза.

— Но…

— Ты не любишь меня.

Она помолчала.

— Ты знаешь, что я прав. Лучше расстаться сейчас, не дожидаясь новых неприятностей.

— Да… наверно, да.

— Несомненно.

— Да.

Она отвернулась, но он не отпустил ее запястье.

— Лайза.

— Да?

— Последний поцелуй на память о прошлом?

Она неуверенно улыбнулась и подставила губы, но он поцеловал ее в лоб. С нежностью провел рукой по волосам Лайзы и начал развязывать платок, которым они были стянуты.

— Ты оставишь его мне на память? — ласково попросил он. — Чтобы я никогда не забыл тебя?

Она кивнула. Пуул потянул платок, Лайза тряхнула волосами. Он снова с болью сожаления отметил, как она красива.

— Счастья тебе, Лайза. Извини, но я знаю — так будет лучше.

— Да.

Она неуверенной походкой направилась к двери.

— Ты прав. Но это очень тяжело.

Лайза ушла. Из коридора донесся приглушенный стук ее каблуков. Пуулу показалось, что она зарыдала.

Через тридцать секунд в столовой появилась Агнес.

— Я не смогла справиться е желанием узнать, что случилось.

Пуул снова начал есть.

— Отлично приготовлено, Агнес. Великолепно.

— Но что с Лайзой? Все в порядке?

— Не уверен. Сядь, Агнес.

Он подождал, когда она сядет на стул, который только что занимала Лайза, и небрежно добавил:

— Я хочу, чтобы ты кое-что сделала для меня. Ты могла бы снять искусственно вызванное увлечение?

— Почему бы нет, — сказала Агнес, бросив взгляд на лежавший на столе платок. — На нем остались ее волосы?

— Возможно. Но это ее платок — вот что самое главное.

— Я бы предпочла иметь ее волосы. Это нечто более личное.

— Верно. У тебя, есть все необходимое?

— Я проверю, — сказала Агнес.

— Агнес, я очень ценю, что ты избавляешь меня от мелких хлопот,.. Завтра утром воспользуйся моей комнатой, выбери ясновидящую по своему усмотрению. Я бы сделал все сам, но не хочу тратить утро на колдовство — Никола рассчитывает увидеть меня совсем в другой роли… Уверен, ты меня понимаешь.

— Конечно, — сказала Агнес, — Не беспокойтесь о Лайзе — я позабочусь о ней. А вы не можете просто загипнотизировать се? Это, не будет достаточно эффективным средством?

— Возможно, да. А возможно, нет. Иногда гипноз способен подвести. В случае с Лайзой я не хочу полагаться на гипноз, поскольку есть более надежный способ избавиться от нее. Сейчас я прибегну к гипнозу, но я хочу, чтобы ты вызвала силу, которая навсегда избавит нас от этой

проблемы.

— Да, Тристан.

— И еще, Агнес…

— Да, Тристан?

— Пожалуйста, постарайся не убить ее. После недавней смерти Моррисона это может породить нежелательные слухи.

— Хорошо, Тристан, — послушно сказала Агнес и с чувством приятного предвкушения стала думать о силах, которые она призовет, чтобы укротить неистовую страсть Лайзы…

IV

Прошла неделя.

В Лондоне Эван, страдая от безразличия, с которым Никола отнеслась к его запоздалому предложению, поговорил о своей сестре с известным психиатром, выслушал мнение юриста по поводу договора аренды и поручил частному детективному агентству покопаться в прошлом Пуула. Через четыре дня раздумий врач сообщил, что охотно примет Гвайнет, если она согласится пройти курс лечения в Лондоне, детективы заявили, что, если мистер Тристан

Пуул запятнал себя чем-нибудь, это, несомненно, будет выявлено в результате тщательного

расследования, которое они предпримут. Сделав все от него зависящее, Эван решил вернуться в Колвин-Корт и проверить, не обрела ли Никола вновь трезвый взгляд на ситуацию.

Он сердился на Николу. С каждым днем в нем крепло убеждение, что она обошлась с ним несправедливо, и с трудом удерживал себя от звонка в Колвин-Корт. Однако он все же не позвонил Николе. Он решил дать девушке то, ‘что ей требовалось, — время для обдумывания предложения. Тогда йри следующей встрече она не сможет обвинить его в том, что он толкает ее к поспешному решению.

Тем временем в коттедже Бенедикт успешно продвигался в работе над диссертацией, а Джейн наслаждалась каждой минутой общения с близнецами. Она заметила, что проводит с ними времени больше, нежели Лайза. Молчаливая, замкнувшаяся в себе миссис Моррисон почти не выходила из своей комнаты. Обеспокоенная Джейн думала, что Лайза еще не пришла в себя после шока, вызванного, смертью Мэтта, и старалась проявлять к ней еще больше доброты и сочувствия.

Лайза оставалась безучастной ко всему, никогда прежде она не пребывала в такой апатии.

Когда Джейн предположила, что это вызвано потрясением, испытанным Лайзой в связи с гибелью мужа, женщина не стала разубеждать ее. Лайзе хотелось снова увидеть Пуула, но у нее не было физических сил даже для прогулки до Колвин-Корта. Лежа в постели, она непрерывно думала о Пууле, постепенно ее воспоминания о нем притупились, сильное возбуждение, которое она испытывала в его обществе, сменилось загадочным безразличием, которое Джейн объяснила пережитым горем. Через неделю апатии Лайза почувствовала себя лучше, и в тот день, когда Эван вернулся из Лондона в Колвин, она решила после ленча прогуляться по берегу.

Погода стояла хорошая. Пока Лайза переодевалась в своей комнате, Джейн пекла на кухне оладьи, а близнецы лежали на траве внутри колвинского замка. Сказание об их пропавшем отце подошло к захватывающей, критической фазе.

— И вот, — сказал Тимоти, — он оказался лицом к лицу с бенгальским тигром.

— И «Звезда Индии» зловеще сияла в кармане его брюк. –

— Разве рубины сияют?

— Глупый, «Звезда Индии» — не рубин! Это…

Люси замолчала.

— А что? — спросил Тимоти.

— Я слышу голоса, — сказала Люси.

— Ну, ты как Жанна д'Арк!

— Тсс! Слышишь?

Тимоти, слышал.

— Давай спрячемся.

— Хорошо.

Они вскочили с земли, прижались к стене замка и посмотрели в щель, служившую в качестве окна.

— Это мисс Миллер, — сказал Тимоти,

— Это обе мисс Миллер. Вторая женщина — сестра Агнес. По-моему, они направляются к замку.

— Нет, к часовне.

— Когда они зайдут внутрь, давай…

— …проследим, что они будут делать, — сказал Тимоти, раздосадованный тем, что эта идея пришла на ум Люси раньше, чем ему.

Агнес и ее сестра Харриет скрылись за стенами часовни, их голоса внезапно пропали.

— Идем, — сказал Тимоти.

— О'кей.

Пригнувшись, они бегом преодолели несколько метров, отделявших замок от часовни. Две дикие лошади, которые паслись неподалеку, удивленно

подняли головы, овца, бродившая по склону холма, недовольно заблеяла.

— Глупое животное, — пробормотала Люси.

— Тсс!

Они подползли к дыре в полуразрушенной кладке и заглянули внутрь часовни. Теперь голоса были слышны отчетливо, дети различали каждое слово.

— Отличное место, — сказала Агнес. — Тристан был прав. Здесь чувствуется атмосфера.

— Какое место для Ламмеса! Я горда тем, что буду участвовать в празднике, который состоится здесь!

— Как и мы все, — радостно произнесла Агнес, она изучала каменную плиту — остаток алтаря.

— Надеюсь, можно не сомневаться в, том, что эта часовня секуляризирована?

— Разумеется. Тристан сразу же выяснил это у Уолтера Колвина.

— Чудесно! — сказала Харриет и добавила после паузы: — Ты имеешь понятие о том, что будет представлять из себя церемония?

— Я еще не обсуждала это детально с Тристаном, думаю, за традиционным актом почтения последует месса.

— Где Тристан возьмет девственницу?

— Он нашел выход из положения. Состоится крещение. Преподнесение девственницы высшим силам пройдет в форме крещения, а не мессы.

— Чудесно! Я еще никогда не присутствовала на крещении. Месса будет венчальной?

— Да. Нам следует подумать о платье. Думаю, подойдет черный атлас с кружевами… Может быть, на следующей неделе мы съездим за ним в Свонси.

— Отлично! — сказала Харриет. — Кто будет принесен в жертву?

— Конечно, ягненок. Жертвенный символ Другой Церкви.

— А как насчет жертвенного символа Нашей Церкви? У нас будет козел?

— Для чревоугодия после мессы и крещения? Не думаю, тем более что Тристан будет участвовать в Ламмесе лично. Зачем ему в таких обстоятельствах искать себе замену?

— Действительно, зачем? — согласилась Харриет, покинув часовню, они побрели к склону холма, ветер трепал их черные юбки.

Далеко внизу волны разбивались о скалы, пена взлетала высоко в воздух. Заблеяли овцы, лошади мирно пощипывали короткую траву.

Близнецы переглянулись.

— Ты что-нибудь понял? — спросила Люси. — Сначала я подумала, что они говорят по-английски, но потом засомневалась.

— Конечно, я все понял, — с чувством собственного превосходства заявил Тимоти, извлекая удовольствие из редкого признания Люси в собственной несостоятельности. — Общество исповедует свою особую веру, вроде римско-католической, но немного другую, они собираются устроить венчание и крещение.

— Может быть, они католики.

— Это исключено, поскольку часовня не освящена.

Католики используют только освященные часовни. И протестанты, наверно, тоже.

— Если они не католики и не протестанты, то кто они? И при чем тут ягненок с козлом?

— Это — часть их религиозных ритуалов. Как у римлян. Римляне всегда приносили в жертвы богам ягнят и козлов.

— Они не собираются приносить козла в жертву. Он предназначен для чревоугодия. Что это значит, по-твоему?

— Ну, это как у католиков. Они называют некоторых людей святыми угодниками.

— Кто они такие?

— Это — часть их религии, — ответил Тимоти, понятия не имевший о том, кто такие святые угодники.

— Если тебя интересует мое мнение, — разочарованно протянула Люси, — все это очень странно.

— Само общество очень странное, — зевнул Тимоти. — Все так считают.

— Мы кому-нибудь расскажем?

— Ну… можно сказать тете Джейн. Думаю, она — единственный человек, которому это может быть интересно.

— Хорошая мысль. Давай расскажем тете Джейн.

— О'кей.

Они направились по склону холма вниз и через четверть часа уже были у задней двери коттеджа.

— Привет, близнецы, — сказала Джейн. — Вы появились вовремя! Оладьи готовы!

— Тетя Джейн, — сказала Люси. — Ты представляешь, в часовне на скалах состоится венчание. Его устраивает общество…

— Соберутся люди со всей округи, — добавил Тимоти, — члены общества будут вроде хозяев на

вечеринке. А еще состоится крещение.

— Но козла у них не будет, — сказала Люси, почему-то считавшая, что козел — это очень важно, — только ягненок.

— Они принесут ягненка в жертву, — добавил Тимоти. — Как римляне.

— Ну! — засмеялась Джейн. — Чтб еще вы сочините? Да, кстати, вашему папе удалось бежать от султана с саблей в Тадж Махале?

— Да, спасибо, — вежливо ответил Тимоти. — Можно мне намазать джем на оладьи?

— Пожалуйста, но сначала вымой руки.

Оказавшись наедине в ванной, близнецы посмотрели друг на друга.

— Тетя Джейн относится к числу лучших людей на свете, — медленно произнесла Люси, — но иногда даже лучшие люди не оправдывают ожиданий. Она в этом не виновата. Так уж она устроена.

— Какое это имеет значение? — пробормотал Тимоти. — Мне следовало предвидеть, что даже тетя Джейн на этот раз нам не поверит. Забудем об этом.

— О'кей, — охотно согласилась Люси и взяла мыло, словно хотела смыть этот эпизод со своих рук.

V

Лайза покинула коттедж за десять минут до возвращения близнецов. Она быстро зашагала к берегу. Просто удивительно, подумала женщина — летаргический сон точно рукой сняло. Ее апатия трансформировалась в острый интерес к окружению, пробиваясь по скалам к песку, она ощущала необычный прилив жизненных сил.

Через пять минут она увидела их. Они загорали под утесами на песчаном пятачке, который природа обнесла полукольцом из скал. Никола лежала лицом вниз, ее бюстгальтер был расстегнут, чтобы спина загорала равномерно, Пуул положил руки под голову и вытянул свои длинные ноги в сторону поля. На глазах у Лайзы он перекатился со спины на бок и провел пальцем вдоль позвоночника Николы.

— Ну и ну! — с отвращением протянула Лайза. — Какая трогательная сценка!

Пуул обернулся. Она заметила, что его темные глаза сразу поскучнели, внезапно самообладание покинуло женщину, ярость горячей шумной волной прокатилась по ее телу.

— Негодяй! — задрожав, крикнула она. — Подлый предатель, лгун, обманщик!

Он тотчас вскочил на ноги.

— Лайза, — сдержанным, умиротворяющим тоном произнес он, — Лайза, успокойся.

— Ни за что! — закричала в гневе Лайза. — Я не успокоюсь, пока не скажу тебе, как сильно я тебя ненавижу! Пока не объясню Николе, какую глупость она совершила, связавшись с тобой!

— Ники, дорогая, — обратился Пуул к Николе, растерянно возившейся с застежкой бюстгальтера, — тебе нет нужды слушать это. Подожди меня в доме.

— Хорошо, Тристан.

Она надела халат и наклонилась, чтобы подобрать сумку из соломки, где лежали ее вещи.

— Подойди! — закричала Лайза. — Я хочу рассказать тебе о нем кое-что интересное. Я могу рассказать тебе…

Никола побежала по песку.

— Успокойся, Лайза, — сказал Пуул и крепко сжал своими сильными пальцами ее плечи. — Успокойся, слышишь? Успокойся.

— Я ненавижу тебя! — закричала Лайза, не в силах взять себя в руки, сейчас она не видела вокруг себя ничего, далее властных глаз Пуула. Она была в ярости и наслаждалась этим состоянием.

— Ненавижу тебя, ненавижу, ненавижу!

Пуул прибегнул к заклинанию — традиционному французскому способу приведения женщины в .чувство.

— Лайза…

Он схватил ее за запястье, чтобы его энергия усиливала эффект от слов.

— Лайза, бестарбето коррампит висцера эул мулерис.

Никакого результата. Простое заклинание не действовало на нее. Он предпринял другую попытку спроецировать свою волю на Лайзу и укротить женщину, но она производила столько шума, что ему не удавалось сосредоточиться. Наконец, отчаявшись, он ударил ее по лицу.

Она ответила ему тем же.

— Убийца! — закричала Лайза. — Думаешь, я так глупа, что ничего не поняла? Ты соблазнил меня, чтобы добраться до денег Мэтта, а когда он оставил все Николе…

Пуул решил прибегнуть к помощи духов. Его унижала необходимость обращения к низшим силам, но ярость Лайзы следовало усмирить немедленно, ситуация была слишком опасной для него, чтобы он мог позволить себе такую роскошь, как гордость.

Во имя Ваала, мысленно произнес Пуул, пол-

ностью сосредоточившись на этой просьбе о помощи, во имя Астаро-та, во имя Люцифера, помогите мне усмирить эту женщину и сделать ее послушной моей воле.

— Ты бросил меня и тотчас занялся Николой! — сквозь слезы прокричала Лайза, внезапно она опустилась на ближайший камень.

— Лайза, — ухватился за свой шанс Пуул, — ты сейчас слишком взволнована для нормального обсуждения этой темы. Почему бы нам не встретиться завтра утром и не поговорить обо всем более спокойно?

— И позволить тебе убить меня, как ты убил Мэтта? — усмехнулась Лайза. Тон ее голоса понизился, однако он еще не был спокойным. — Нет уж, спасибо!

— Моя дорогая Лайза, когда погиб Мэтт, я находился в Колвин-Корте среди членов общества! Пожалуйста, не говори глупости. Если ты действительно боишься за себя, мы встретимся в том месте, где тропинка, идущая от пляжа, подходит к скалам — эта точка видна из окон коттеджа, ты сможешь попросить свою сестру посмотреть. Ты удовлетворена? Итак, завтра в восемь утра,

— Я буду там! — с угрозой сказала Лайза. — И не рассчитывай на дружескую беседу — ее не будет.

— Ты обещаешь мне не обсуждать это ни с кем до нашей завтрашней встречи?

— Хорошо, но…

— Спасибо. До завтра, Лайза, — сказал напоследок Пуул.

До дома он добежал без остановок. Кухня была пуста, четыре женщины из общества играли в бридж на веранде возле гостиной.

— Где Агнес? — закричал Тристан.

— В своей комнате, — ответил кто-то. — Она отдыхает.

Они все, раскрыв рты от изумления, уставились на него.

Пуул взлетел по лестнице на второй этаж и, не постучавшись, ворвался в комнату Агнес. Мисс Миллер красила ногти, слушая радиопередачу «Женский час». От неожиданности она опрокинула пузырек с лаком.

— Тристан! Что случилось?

— Ты, кажется, перестаралась со своей ворожбой!

— С ворожбой? — испуганно произнесла Агнес.

— Я помню, что я велел тебе сделать так, чтобы Лайза разлюбила меня, но…

— О, господи! — заволновалась Агнес. — Вы хотите сказать, что я не справилась с заданием?

Я была уверена в успехе…

— Ты добилась успеха! Только успеха, что теперь она ненавидит меня! Агнес, послушай, мы в опасности. Нам следует действовать, и очень быстро…

VI

Эван вернулся из Лондона в Колвин за десять минут до того, как Лайза устроила сцену на пляже, узнав, что Никола и Пуул ушли загорать, он поспешил вниз, к бухте.

Добравшись до песка, он увидел Николу. Она бежала навстречу ему, халат сваливался с ее плеч, открывая две бледно-желтые полоски бикини.

— Ники! — крикнул он.

Возможно, Пуул чем-то расстроил ее. Вид у девушки был взволнованный. Если Пулл обидел Николу, он будет жалеть об этом до конца своей жизни, мрачно подумал Эван.

— Ники! — снова позвал он.

Никола словно не слышала его. Она продолжала бежать к нему, наконец он разглядел ее приоткрытый рот, спутанные волосы и грустные глаза,

— Ники, — сказал он, шагнув к девушке, — что случилось?

Но Никола пребывала в мире своих мыслей, в безмолвном мире, где она бежала по пустынному берегу. Она не слышала Эвана. С трудом веря своим глазам, он увидел, как она молча пробежала мимо него и, не оглядываясь, стала забираться по камням к тропинке.

— Ники! — закричал Эван в растерянности и гневе. — Ники, куда ты?

Но Никола исполняла предсказание Марис. Сейчас Эван не существовал для девушки.

VII

Прошла ночь. Никола пообедала в столовой общества, Эван не видел девушку. Когда он постучал в дверь ее комнаты, никто ему не ответил. Подергав ручку, он понял, что дверь заперта. С чувством уязвленной гордости, в мучительном смятении Эван лег в постель и всю ночь ворочался с боку на бок без сна.

Пуул тоже не спал в эту ночь. Агнес подсыпала снотворное в кофе Николы, чтобы девушка своим присутствием не отвлекала Пуула. Когда Никола заснула, Пуул запер дверь ее комнаты и вернулся в западное крыло, чтобы заняться приготовлениями. Он изучал книги, думал, составлял планы, и лишь перед рассветом подготовил себя к действи-

ям. Он пропустил обед — соблюдение поста было важным требованием. Чтобы обрести телесную чистоту, он принял ванну, после которой облачился в черный халат из хлопка, принесенный ему Агнес. Третье условие — воздержание, — он не выполнил, но поскольку сожалеть о времени, проведенном с Николой, было бессмысленно, Пуул лишь пожал плечами и спросил Агнес, все ли готово. Она ответила утвердительно. Как только взошло солнце, они вдвоем отправились к замку. Агнес развела огонь в маленькой жаровне внутри развалин замка, чтобы жечь в ней лавровый сок, камфару, канифоль, серу и соль, обеспечивая чистоту пространства внутри круга. Пуул очертил его границы, когда очищение было завершено. При этом он двигался против часовой стрелки и использовал алую краску, содержавшую ртуть и серу. Потом он нарисовал внутри первой окружности вторую, диаметром в два с половиной метра. Линии обеих окружностей не были замкнутыми — Пуул оставил небольшой проход для себя и Агнес, чтобы до последнего момента они имели возможность заходить внутрь кругов и покидать их. Поручив Агнес начертить нужные слова и символы между двумя окружностями, Пуул взял волшебную палочку, вырезанную из

орешника, вышел из замка и направился к диким лошадям, которые паслись неподалеку.

Пуулу доводилось иметь дело с лошадьми, но это было давно, приблизившись к крупному гнедому жеребцу, стоявшему у края табуна, он с трудом подавил мелькнувший в душе страх. Остановившись, Пуул освободился от человеческой слабости, после этого все произошло до смешного легко. Он поднял волшебную палочку, уши жеребца тотчас встали. Даже когда другие животные отпрянули в сторону, жеребец остался на месте. Он ждал человека. Пуул коснулся его волшебной палочкой, пробормотал что-то и накинул веревочную петлю на шею коня. Жеребец покорно последовал за Пуулом к развалинам Замка.

— Мы готовы, Агнес?

— Думаю, да.

— Хорошо.

Не впуская животное внутрь круга, Пуул привязал веревку к полуразрушенной стене, чтобы жеребец не вздумал убежать, конь не пытался вырваться, он доверчиво смотрел на человека своими умными темными глазами.

— Зажги снова огонь, Агнес, — сказал Пуул.

Агнес зажгла уголь в жаровне. Спустя секунду

Пуул подошел к женщине, стоявшей в центре круга, и посмотрел на нее.

— Покорми огонь, — сказал он.

Агнес вылила в черный дым камфару и бренди.

— Хорошо, — тихо сказал Пуул, — замкни круг.

Агнес взяла кисть, банку с алой краской и быстро замкнула обе окружности — внешнюю и внутреннюю.

— Очень хорошо, Агнес. Теперь займемся запахами, обожаемыми силами тьмы. Я буду произносить названия трав, а ты — бросать их в огонь. Готова?

— Да, мой господин.

— Кориандр, — сказал Пуул и замолчал. — Болиголов… петрушка… мак… укроп… сандал… белена.

Агнес бросила последний компонент в пламя, они постояли некоторое время, глядя на огонь. Их начал окутывать резкий, насыщенный аромат. Пуул склонился над закрытой корзиной, которую Агнес внесла в круг. Он вытащил оттуда черного петуха.

— Моим соратникам, — громко произнес Пуул, — моим подчиненным, моим воинам я приношу эту жертву.

Запах испарений, поднимавшихся над жаровней, усилился, голос Пуула стал глухим, хриплым, Агнес вложила нож в его нетвердую руку.

Петух принял кровавую смерть.

Агнес упала на колени, чтобы поклониться вырвавшимся на свободу силам, но Пуул остался на своем месте, чтобы они овладели им. Через три секунды полной неподвижности он сильно вздрогнул, в глазах Агнес застыло преклонение, Пуул протянул свои окровавленные руки к темному утреннему небу. Хриплым, дрожащим голосом он призвал духов встретиться с ним у границы круга.

VIII

Утром, в семь часов, когда зазвенел будильник, Лайза, обессилевшая от своей ненависти к Пуллу, еще крепко спала. Она с трудом заставила себя подняться с кровати, однако предстоящее свидание было столь желанным, что сон улетучился к тому моменту, когда Лайза спустилась на первый этаж.

Джейн уже заваривала чай для Бенедикта.

— Господи! — удивилась она, увидев свою сестру. — Ты сегодня рано встала!

— У меня встреча с Тристаном.

— О, Лайза!

— Ты не так поняла. С этим покончено. Я просто хочу объяснить ему, как сильно я его презираю… Джейн, посмотри, что произойдет, ладно? Я встречаюсь с ним над пляжем, если Пуул будет знать, что за нами следят, он не посмеет причинить мне вред.

— Лайза, не разумнее ли…

— Я должна идти, — сказала Лайза, — не то я опоздаю.

Она выскользнула из дома через заднюю дверь.

Джейн отнесла чай Бенедикту и с тревогой на лице спустилась в гостиную, окна которой смотрели на море.

Лайза ждала Пуула в том месте, где тропинка подходила к Скалам, в восьми метрах выше пляжа. Утро было ясным, но неярким, под скалами синело море. Присев у окна, Джейн посмотрела на часы. Пять минут девятого. Лайза нетерпеливо прохаживалась взад-вперед. Десять минут девятого. Пуул не появлялся.

Он не придет, подумала Джейн. Подойдя к входной двери, она открыла ее.

— Лайза! — изо всех сил закричала женщина. — Вернись! Пожалуйста!

Лайза повернула голову, и в этот момент Джейн краем глаза увидела коня. Джейн бросила взгляд в сторону замка. Огромный конь мчался галопом от замка, впереди животного неслось стадо овец, напуганных топотом его мелькавших в воздухе копыт.

Джейн словно парализовало. Овцы, от страха сбившиеся в плотную кучу, устремились к коттеджу, но конь свернул в сторону и погнал их к тому месту, где стояла Лайза.

— Лайза! — в ужасе закричала Джейн. — Лайза, берегись!

Но Лайза побежала слишком поздно. Стадо овец, врезавшись в женщину, сбросило ее со скалы на каменистый берег, где она и встретила свою смерть.

Глава седьмая

I

— Я выхожу замуж за Тристана, — сказала Никола Эвану. — Мы поженимся второго августа.

Они находились в Суррее, в доме Мэтта, вечером, после похорон Лайзы. Со дня смерти Лайзы прошла неделя, насыщенная общением с репортерами, полицейскими, следователями. Снова причиной смерти назвали несчастный случай. Вся жизнь перевернулась. Бенедикт собирался покинуть коттедж и вернуться в Кембридж, Джейн боролась с сомнениями и страхами, посвятив себя близнецам, они же с удвоенным терпением ждали, когда их отец вернется и наведет порядок. Пуул отвез Николу в Суррей на похороны, но сам в них не участвовал. В отсутствие Пуула Эван впервые за несколько дней получил возможность поговорить с Николой наедине и спросить ее, какие чувства она испытывает к Тристану.

— Я люблю его, — в серых глазах девушки светился вызов. — Он сделал мне предложение, я ответила согласием. Скоро мы поженимся.

— Ты сошла с ума, — сказал Эван. — Несомнен-

но, сошла с ума. Ты потеряла рассудок.

— Ради бога, оставь меня одну, уйди!. — закричала Никола, она попыталась убежать, но Эван не пустил ее.

— Как я могу уйти, если ты собираешься вернуться в Колвин-Корт?

— Я буду находиться в западном крыле с Тристаном! Ты не можешь выгнать меня оттуда!

Эван знал, что это правда. Он испытывал такую душевную боль, что ему хотелось сесть на ближайший самолет и улететь в Америку, но такой выход был неприемлем. Он не мог бросить свою семью и Николу. С каждым часом ему все сильней казалось, что она не отвечает за свои поступки.

— Меня удивила весть о помолвке Николы, — настороженно сказала Эвану Джейн на утро после похорон Лайзы. — Надеюсь, она знает, что делает. Она едва знакома с Тристаном и… о, Эван, я чувствую, все это не к добру! Извини, может быть, мне не следует так говорить, но…

Наконец-то появился союзник. Несмотря на свое отчаяние, Эван немного воспрял духом. Он заговорил, выплескивая на Джейн все свои сомнения и страхи. В ответ она поделилась с ним своей убежденностью в том, что Пуул был причиной недавних несчастий в Колвин-Корте.

Они беседовали в течение часа.

— Твои частные детективы раскопали что-нибудь интересное? — спросила Джейн.

— Пока нет. Сегодня днем я поеду в Лондон, чтобы узнать, как далеко они продвинулись в своем расследовании.

— Я уверена, они не найдут никакого криминала, — сказала Джейн. — Тристан слишком умен — нечеловечески умен, Эван. Знаю, ты засмеешься, но иногда я спрашиваю себя — а человек ли он? То, как он заставил увлечься собой Лайзу… а теперь Николу… Он словно приворожил их. Знаю, в наше время упоминание о ворожбе и черной магии вызовет улыбку, но…

— Пуул, несомненно, человек, — сказал Эван.

В его мозгу мелькнули воспоминания о странной комнате Пуула. Эван счел эту странность проявлением эксцентричности.

— Он просто ловкий мошенник, обладающий познаниями в области психологии и недюжинными способностями к гипнозу. Я согласен с тобой в том, что Никола околдована, но не думаю, что кто-то напустил на нее чары. Просто Пуул сумел так завладеть ее душой, что она. превратилась в другого человека.

— Это и есть черная магия, — сказала Джейн.

— Нет, — возразил Эван, — это форма гипноза, за которым кроется вполне человеческое желание прибрать к рукам полмиллиона фунтов. Нет, он — человек, и весьма коварный. Я намерен разоблачить его, прежде чем он женится на, Николе, погубит ее и скроется с деньгами… Джейн, у меня к тебе большая просьба. Я знаю, что тебе не хочется возвращаться в коттедж после случившегося с Лайзой, но мне будет гораздо легче, если ты вернешься туда — я буду знать, что рядом есть человек, который понимает ситуацию и способен помочь мне в критический момент. Ты не представляешь, как ты помогла мне, — я нашел союзника, разделяющего мое отношение к происходящему.

— Ты тоже помог мне, — призналась Джейн. — Я начала бояться Тристана. Я думала, что я одна испытываю к нему неприязнь.

— Так ты вернешься в Колвин?

— Ну… мне действительно не хочется туда ехать, но я не могу вернуться в Кембридж и оставить тебя и Николу без помощи. Если мое присутствие в Колвине поможет тебе и если ты способен помочь Николе…

— Я вырву Николу из лап этого человека любой ценой!

— О, Эван, не говори так! — воскликнула Джейн, испуганно постучав рукой по дереву. — После этих внезапных смертей!

— Это несчастные случаи.

— Не уверена, — сказала Джейн.

— Не станешь же ты всерьез .утверждать, что…

— Нет, я просто не уверена… Эван, если ты собираешься поехать сегодня в Лондон к детективам, сделаешь кое-что для меня?

— Конечно. Что именно?

— Зайди в «Фойлз» и купи мне хорошую книгу о черной магии.

II

Вернувшись утром следующего дня в дом Мэтта, Пуул встретил близнецов. Они только что попрощались со своей гувернанткой, которая уехала домой в Испанию, испугавшись атмосферы внезапной смерти. Дети наслаждались обретенной свободой. Им нравилась Констанца, но они устали присматривать за ней и учить ее английскому. Подъехав к дому на своем черном «ягуаре», Пуул застал их сидящими на ступенях перед входной дверью. Они с интересом посмотрели на него.

— Доброе утро, — с официальной важностью

произнесла Люси, когда Пуул вышел из машины.
— Мы хотим поздравить вас с помолвкой.

— Спасибо! — Он улыбнулся ей и посмотрел на мальчика, но Тимоти разглядывал свои ботинки.

— Где будет свадьба? — радостно спросила Люси, отбросив торжественный тон. — В часовне?

Пуул посмотрел на нее. Приятное волнение охватило Люси. Когда Пуул глядел на нее подобным образом, девочка ощущала собственную значимость.

— Мы слышали, как Агнес говорила об этом, — пояснила она. — Но мы никому не сказали, решив, что это секрет.

Пуул улыбнулся ей.

— Это было секретом, — сказал он. — В некотором смысле это и сейчас секрет. Общество устраивает праздник в часовне вечером первого августа. По традиции состоится маскарад. Поскольку мы с Николой женимся, маскарад пройдет в форме венчания, но это не будет обычным венчанием, поскольку часовня не освящена. Обычное бракосочетание произойдет утром следующего дня в Свонси.

— Нам можно прийти на маскарад? — тотчас спросила Люси.

— Я думал, что вы оба уедете с тетей Джейн в

Кембридж.

— О, тетя Джейн передумала, — сказала девочка. — Мы возвращаемся в коттедж. Мы этому рады, правда, Тимми? Лучше жить у моря, чем в центре города.

— Я бы хотел уехать в Кембридж, — сказал Тимоти. — Там я не думал бы постоянно о маме.

— Нет, все равно думал бы, — резко возразила Люси и, чтобы отвлечь себя и брата от этой темы, повернулась к Пуулу. — Нам можно прийти на маскарад?

Пуул снова как-то по-особому посмотрел на Люси. Она вскочила, бросилась к нему, взяла за руку.

— Пожалуйста! — взмолилась девочка, широко раскрыв свои глаза и придав им самое трогательное выражение. — Пожалуйста, Тристан! Можно мне называть вас Тристаном, вы ведь скоро станете моим родственником?

— Почему бы и нет? — сказал Пуул и снова подумал о том, как прелестна девочка. Великолепное подношение… Он представил себе крестильную рубашку.

— Хочешь быть подружкой невесты на маскараде? — с улыбкой спросил он.

— О! — завизжала Люси. — А можно?

— Конечно, но храни это в тайне, ладно, Люси? Общество устраивает маскарад только для своих друзей, мы не хотим, чтобы толпа посторонних глазела на нас. –

— Я никому не скажу, — пылко пообещала Люси. — А можно, Тимми будет пажом?

Возникла неловкая пауза. Пуул посмотрел на Тимоти, на его пшеничные волосы, опущенные глаза, хмуро сжатый рот и решил, что мальчик абсолютно непригоден для его целей.

— Ты ведь не хочешь быть пажом, верно, Тим? — непринужденно спросил Пуул. — Ты слишком взрослый для таких вещей, да? Я знаю, как относятся к подобным затеям мальчики твоего возраста.

Тимоти охватило непреодолимое желание возразить.

В обществе Пуула он чувствовал себя не в своей тарелке и в тайне считал, что Люси ведет себя глупо.

— Если Люси будет подружкой невесты, — сказал он, глядя на землю возле туфель Пуула, — я хочу быть пажом.

Пуул понял, что у него нет пространства для маневра.

— Хорошо, — сказал он, не собираясь допускать

Тимоти на церемонию. — Мы обсудим это позже, когда вернемся в Колвин-Корт. И помните — никому ни слова. О'кей?

— Наши рты на замке, — торжественно заявила Люси.

Тимоти промолчал.

— Тим? — сказал Пуул.

— О'кей, — произнес Тимоти, — если вы так хотите. Мое имя — Тимоти, а не Тим. Все, кроме Люси, должны пользоваться моим полным именем.

— Право, Тимми! — воскликнула Люси, когда Пуул скрылся в доме. — Как ты мог ответить на его доброту грубостью?

— Мне не понравилось, что ты прыгала вокруг Пуула, точно щенок, который хочет, чтобы с ним погуляли!

— Меня еще никогда так не оскорбляли!

Возмущенная Люси оставила грустного Тимоти на ступенях.

Близнецы редко ссорились, Тимоти почувствовал, что его недоверие к Пуулу перерастает в активную неприязнь…

III

Днем позже Эван прибыл в Колвин-Корт, при первой возможности он покинул дом и заспешил к коттеджу. Джейн находилась одна на кухне, близнецы осматривали пещеры, Бенедикт уехал в Свонси за продуктами.

— О, отлично! — Джейн перестала взбивать крем и направилась в гостиную. — Я как раз думала о тебе. Есть новости?

— Да, есть.

Эван выглядел лучше. Его глаза уже не были красными, лицо — усталым, вытянувшимся.

— Вот твоя книга о черной магии — она показалась мне вполне читабельной и информативной, надеюсь, ты одобришь мой выбор.

— Ты прочитал ее?

— Я пролистал главу о колдовстве в Африке. Там все верно. Я не стал вникать в галиматью о ведьмах, черных кошках и оргиях во время Хэллоуина.

Он опустился в кресло и вытащил из внутреннего кармана куртки несколько сложенных листков бумаги.

— Джейн, у меня есть данные о Пууле, детективы продолжают расследование, надеюсь, они

откопают что-нибудь еще. А пока послушай. Тристану Роберту Пуулу тридцать пять лет, он родился в Челтенхеме, графство Глочестершир…

— Звучит весьма респектабельно, — сказала Джейн.

— Он единственный сын инженера, посещал детский, сад в Челтенхеме, позже учился в начальной школе Уиндэм-Холла под Солсбери…

— Все, респектабельней некуда.

— В двенадцать лет эмигрировал с родителями в Америку и закончил там среднюю школу. Посещал курсы психологии и антропологии в Беркли.

— Просто не верится, — сказала Джейн. — Здесь есть какой-то подвох.

— Через год бросил их и отправился в маленький колледж в Лас-Корридас, под Сакраменто, где специализировался в психологии. Получив диплом, поступил в аспирантуру– Тема его диссертации… — Эван набрал воздуха в легкие. — «Роль психологии в современной практике оккультизма».

— Что я говорила! — торжествующе воскликнула Джейн.

— Погоди! Послушай меня. На этой стадии «объект», как он назван в отчете детективов,

вступил в контакт с рядом групп, которые могут быть условно определены как эксцентричные религиозные секты. Объект не значится в полицейской картотеке, но двенадцать лет тому назад, первого августа, участвовал в церемонии с элементами черной магии в апельсиновой роще к северо-западу от Лос-

Анджелеса. Похоже, первое августа — один из четырех дней в году, наиболее благоприятных для колдовства. Его и поныне называют Ламмесом. Это староанглийское церковное название праздника сбора урожая, который отмечается в этот день. Он в чем-то близок более известному Хэллоуину. Тогда, двенадцать лет назад, ритуал был прерван полицией, которая арестовала несколько человек за хулиганство и непристойное поведение, но Пуул избежал задержания. Он был найден в бессознательном состоянии и доставлен в больницу. Он не приходил в себя десять дней, в течение которых врачи пытались понять, что с ним. Поправившись, он стал вести весьма подвижный, но вполне законный образ жизни, путешествовал по Америке, основывал филиалы этого проклятого общества. Его успех был так велик, что он решил расширить поле своей деятельности. За три последних года он создал

несколько подобных групп в Англии — одной из них стало общество в Колвин-Корте. Похоже, у Пуула есть личный доход, хотя детективы еще не определили его источник. Я думаю, это швейцарский банк. Различные филиалы общества, очевидно, финансируются с помощью кампаний по сбору средств, все выглядит вполне законно и не вызывает подозрений.

Эван замолчал.

— Родители «объекта» к настоящему времени умерли, у него нет родственников, он не женат.

Он посмотрел на Джейн.

— Что ты на это скажешь?

— Думаю, он вовсе не Тристан Пуул, — быстро ответила она. — По-моему, двенадцать лет назад в апельсиновой роще во время Ламмеса им удалось вызвать самого дьявола, который вселился в своего самого одаренного ученика.

— Я спрашиваю серьезно, Джейн!

— Я говорю абсолютно серьезно.

— Ну…

Эван неуверенно усмехнулся.

— Согласен, ты была права, когда заподозрила Пуула в колдовстве. Думаю, это общество является крышей для религиозной секты, практикующей оккультизм. Если это верно, я найду, как с ним

бороться. Если они наряду с выращиванием съедобных растений занимаются колдовством, они пожелают отметить Ламмес. И если праздник пройдет так, как они, по-моему, планируют его провести, то я смогу вызвать полицию, которая возьмет их с полипными во время оргии. Сейчас я отправлюсь к Пуулу, предупрежу его о том, что мне известно, в какие игры он играет, и посоветую ему во избежание неприятностей оставить Николу в покое. Благодаря детективам я располагаю информацией, способной лишить Пуула его самодовольной невозмутимости. Я заставлю этого человека покинуть Колвин-Корт и отказаться от Николы.

— Эван, будь осторожным!

— Это Пуулу следует быть осторожным! Не волнуйся, Джейн, у Пуула пропадет желание жениться на Николс и остаться в Колвин-Корте! Думаю, я сумею с ним справиться…

IV

Пуул занимался астрологическими расчетами и поиском высших сил, которые окажутся в его распоряжении первого августа. Он был так поглощен своим занятием, что, когда Эван постучал в дверь его комнаты, он даже не потрудился спро-

сить, кто там.

— Войдите! — сказал Тристан.

Дверь открылась.

— Я хочу поговорить с вами, Пуул, — внезапно донесся из-за его спины голос Эвана.

Пуул обернулся. Левой рукой он автоматически закрыл книгу. Поднявшись, он загородил своим телом расчеты от взгляда Эвана.

— Спустимся вниз? — невозмутимо предложил Пуул.

— Нет, мы можем поговорить здесь. Я просто хочу сказать вам, что ваша песенка в Колвин-Корте спета. Мне известно, чем занимается ваше общество. Если вы в ближайшее время не уберетесь отсюда, вы пожалеете об этом. И когда вы будете уезжать, не пытайтесь забрать с собой Николу — она не выйдет за вас замуж. Я прослежу за тем, чтобы полиция сделала так, чтобы в этой части Уэльса земля горела под вашими ногами. Вам не удастся с помощью гипноза затащить ее в ближайшую контору, где регистрируют браки. Надеюсь, я ясно все изложил.

Возникла пауза. Пуул спрятал руки в карманы, чтобы его сжатые кулаки не были видны.

— Доктор Колвин, думаю, произошла какая-то ошибка. Я не совершил ничего противозаконного.

Полиция никогда не заводила на меня досье. Общество вело себя безупречно– я уверен, полиция это признает. И пожалуйста, не будем говорить о моей невесте, поскольку, я уверен, обсуждение этой темы не станет для нас взаимовыгодным.

— Похоже, выгода — ваше любимое слово, — сказал Эван. — Особенно когда речь идет о Николе.

— Я отказываюсь говорить с вами о Николе.

— А об оккультизме?

— Чудесная тема, — сказал Пуул, — только мне казалось, что она не должна интересовать вас.

— Послушайте, Пуул, вы ходите по тонкому льду. Мне достаточно поймать вас использующим ваше хобби как предлог для сексуальных извращений.

Пуул задумался.

— Доктор Колвин, почему вы постоянно затрагиваете мою сексуальность? Как психолог я нахожу ваш интерес к моим отношениям с женщинами весьма нездоровым. Может быть, вы постоянно задеваете человека, уверенного в своей сексуальности, потому что сомневаетесь в собственной полноценности?

Он добился желаемого результата,

— Да вы!.. — выпалил в ярости Эван, его кулак

устремился в направлении Пуула.

Увернувшись от удара, которого он ждал, Пуул сделал обманное движение, точно в замедленном кино. Когда Эван потерял равновесие, Пуул ударом в челюсть отбросил его к стене. Потеряв сознание, Эван осел на пол.

— Агнес! — крикнул Пуул. Женщина мгновенно появилась в дверном проеме.

— Ножницы!

— Пожалуйста.

Она протянула ему их, точно сестра в операционной.

Пуул наклонился, срезал с головы Эвана прядь волос и, не глядя на Агнес, произнес:

— Конверт.

Агнес протянула ему раскрытый конверт. Он положил туда рыжие волосы и вернул женщине ножницы.

— Будем действовать немедленно? –, сказала Агнес.

— Нет, он не сможет ничего предпринять до Ламмеса, не выставив себя на посмешище.

— А во время Ламмеса?

— Агнес, — сказал Пуул, — как ты любишь волноваться!

Она улыбнулась ему. Эван пошевелился на

полу, застонал.

— Он приходит в себя. Принеси стакан воды.

Пуул присел возле Эвана, который тряхнул головой и осторожно оперся о локоть.

— Доктор Колвин, с вами все в порядке?

— Оставь меня, негодяй, — простонал Эван и безуспешно попытался встать.

— Вот, доктор Колвин, — Агнес протянула ему стакан воды. — Выпейте.

— Должен предупредить вас, доктор Колвин, — вежливо произнес Пуул, — что мисс Миллер оказалась свидетельницей инцидента, если бы обвините меня в нападении на вас, она сообщит полиции, что первый удар нанесли вы.

Эван не ответил ему. Он выпил воду, встал на ноги и повернулся к двери.

— Ты свое получишь, — процедил он сквозь зубы. — Вот увидишь. Ты еще пожалеешь.

— Доктор Колвин, ваша агрессивность не делает вам чести. На самом деле она может негативно сказаться на людях, которых вы любите. Если вы попытаетесь причинить мне неприятности, можете быть уверены — я отплачу вам тем же.

Эван обернулся.

— Что ты имеешь в виду?

Пуул не двигался. Серьезная, молчаливая Агнес

стояла за его спиной.

— Доктор Колвин, — произнес наконец Пуул, — у вас очень болезненная сестра. Может быть, вы недооцениваете хрупкость ее здоровья.

На мгновение Эван потерял дар речи.

— Ты пытаешься…

— Я лишь констатирую факт, доктор Колвин. Только и всего.

— Ты не обладаешь квалификацией, необходимой для такого заключения относительно моей сестры, — сказал Эван.

Пуул помолчал.

— Если я еще раз услышу подобную угрозу…

— Я не угрожаю вам, доктор Колвин. Я лишь констатирую факт. Между прочим, во время вашего пребывания в Африке вам приходилось слышать о том, как шаманы вызывают смерть с помощью одного лишь гипноза? Весьма опасное умение, на мой взгляд. — Он помолчал. — Некоторые люди весьма восприимчивы к внушению, доктор Колвин.

Эван проглотил слюну. Дар речи покинул его. Впервые со дня знакомства с Пуулом Эван испытал страх.

— Я прошу только об одном, — сказал Пуул. — Оставьте нас в покое. Если вы причините

неприятности нам, мы

причиним неприятности вам. Оставьте нас в покое, и никто не пострадает. Вы меня поняли?

Эван кивнул. Снова возникла пауза.

— А теперь можете идти, — сказал Пуул.

Эван молча покинул комнату. Его голова болела. Ему казалось, будто невидимая сила рвет ему нервы, делает беззащитным. Не останавливаясь, чтобы подумать, он покинул дом и, пошатываясь, направился по тропинке к коттеджу, к Джейн.

V

В обществе Джейн он тотчас почувствовал себя лучше. Ее мягкость, женственность, сочувствие, теплота действовали успокаивающе. Он даже позавидовал Бенедикту, о котором заботилась такая женщина. Эван чувствовал, что после неприятного общения с Николой и затем с Пуулом он нуждался в платоническом внимании Джейн, которая могла укрепить его, пошатнувшуюся веру в себя.

— Я не удивлена угрозой Тристана, — честно призналась она. — Ты поступил очень смело, отправившись к нему. Я бы упала в обморок от страха.

Эвану не приходило в голову, что он поступил

мужественно, однако ему было приятно, что женщина восхищалась его безрассудным поведением. Он улыбнулся Джейн.

— Ты говоришь так, будто он — дьявол во плоти!

— Думаю, так оно и есть, — серьезно сказала Джейн и протянула руку к книге по колдовству.

— Ты сама в это не веришь, Джейн!

— Нет, верю. Честно. Послушай: «Ведьмы и колдуны образуют группы из тринадцати человек или, согласно другого источника, из двенадцати человек и еще одного лица, представляющего дьявола или являющегося им…»

— О, я не сомневаюсь, что они занимаются черной магией, — сказал Эван, — но ты не можешь относиться к этому серьезно, Джейн!

— Ты отнесся серьезно к угрозе Тристана в отношении Гвайнет, верно? А теперь послушай это: «Важным признаком ведьмы или колдуна является присутствие рядом с ними животного. Дух принимает обличие кошки, собаки, крота, кролика, жабы…» Оборвав этот перечень, Джейн продолжила: «Черная кошка — самый известный символ колдовства, но в действительности ведьмы используют любых кошек в качестве физической оболочки для духов, известны случаи,

когда белая кошка…»

— Сейчас в Колвин-Корте нет никакой кошки, — сказал Эван и добавил: — Но они держат в. клетке кроликов…

— Бог с ними, с кроликами! — перебила его взволнованная Джейн. — Что происходит с моим бедным Марб-лом? Он теряет вес, едва узнает меня, каждое утро уходит в Колвин-Корт и проводит там весь день.

Эван, втайне посмеивавшийся над привязанностью Джейн к своему коту, решил направить беседу в другое русло.

— Домашние духи в обличье животных — всего лишь вымысел, — сухо заметил он. — На твоем месте я бы не стал беспокоиться насчет Марбла — если он теряет вес, свози его к ветеринару. Что написано в книге о Ламмесе, или ты еще не дошла до этого места?

— Ламмес, — пробормотала Джейн, рассеянно поглядев на книгу и перевернув несколько страниц. — А, вот. «Периодически ведьмы устраивают шабаши, но четырежды в год, по великим дням оккультного календаря, а именно Второго февраля (Сретение), первого мая (Вальпургиева ночь), первого августа (Ламмес), тридцать первого октября (Хэллоуин) несколько групп ведьм

могут объединяться для совместного участия в ритуалах Церкви Сатаны…»

— Они собираются отмечать Ламмес, сказал Эван. — Я в этом уверен. Если бы мои руки не были связаны угрозой Пуула навредить Гвайнет, я тотчас отправился в Свонси и предупредил бы полицию.

— «Между Церковью Сатаны и Христовой Церковью существует параллелизм, — прочитала Джейн, почти не слушая Эвана. — Но первая является точным антиподом второй. Например, добродетель превращается в грех, грех — в добродетель».

— И все-таки я обращусь в полицию, — пробормотал Эван. — Я поймаю их на месте преступления.

— «Аналогом христианского причастия является черная месса, аналогом крещения — присвоение Знака Сатаны, невеста во время венчания одета не в белое, а в черное платье». Эван, я думала об этом все утро и уверена, что права, — еще до гибели Лайзы близнецы сообщили мне о том, что общество намерено устроить свадьбу в часовне. Я тогда не придала этому значения, решив, что они сочиняют. Но теперь я знаю, что они говорили правду. Думаю, они подслушали что-то сказанное

мисс Миллер или самим Тристаном. До официальной регистрации брака Тристана с

Николой в Свонси второго августа, я уверена, они обвенчаются в соответствии с ритуалом Церкви Сатаны, во время празднования Ламмеса, первого августа, после захода солнца.

— Я этого не допущу! — закричал Эван. — Если Пуул попытается совершить нечто подобное…

Но Джейн снова заглянула в свою книгу.

— «Характер шабаша варьируется, это мероприятие не имеет строго установленной формы, — прочитала она. — Однако один-два. ритуала соблюдаются постоянно. Среди них — акт почтения, во время которого каждый участник шабаша поклоняется дьяволу или его представителю путем непристойного поцелуя…» — Наверно, тут стоит кое-что пропустить, не то я покраснею. — «После совершения обряда ведьмы натирают себя аконитом — наркотиком, с давних времен применявшимся для порождения иллюзии полета — вспомните картинки с изображением ведьм, парящих в воздухе на помеле — фаллическом символе…»

— Проклятые извращенцы! — простонал Эван. — Джейн, нам следует разработать план. Мы должны остановить их.

— «Затем следуют пляски и массовое совокупление», — продолжила Джейн, на сей раз она не смогла остановиться. На ее лице появилось недоумение. — Но как это возможно, если в шабаше участвуют одни женщины?

— Несомненно, они решают эту проблему, — сухо заметил Эван, — приглашая на свои праздники колдунов мужского пола. Джейн, лучше всего застигнуть их во время оргии, тогда их смогут обвинить в непристойном поведении. Мы должны встретиться с полицией и приготовить ловушку для общества.

— Я уверена, Тристан об этом узнает, — вздрогнув, сказала Джейн. — Несомненно, узнает.

— Я мог бы сделать это в последнюю минуту — утром первого августа.

— Но что ты предпримешь? Если ты явишься в полицию Свонси и попросишь пресечь оккультный ритуал, тебе просто не поверят!

— Нет, поверят! Я скажу им, что компания хиппи затевает оргию! Но у меня есть идея получше. Мой отец знает отставного главного констебля. Как тебе известно, главный констебль — это должностное лицо, возглавляющее полицию в определенном районе. Я уверен, что любой главный констебль, даже отставной, обладает

необходимым влиянием. Утром первого августа я съезжу к нему в Милфор-Хейвен и заставлю принять нужные меры. Даже если

Пуул будет следить за мной, он не увидит ничего подозрительного в том, что я навещаю старого друга моего отца.

— Похоже, это хорошая мысль. Я… Марбл, Марбл, не царапай краску, негодяй!

Она вскочила. Кот стоял у закрытой входной двери и энергично царапал деревянную панель. Он мяукал, стараясь привлечь к себе внимание.

— Я бы хотела, чтобы Марбл вел себя лучше, — обеспокоенно сказала Джейн, выпустив кота из дома. — Я очень неохотно оставила его здесь, когда мы уехали в Суррей на похороны. Я боялась, что, попав в очередное новое место, он убежит. Когда мисс Миллер вызвалась присмотреть за ним… О, Эван, думаешь, мисс Миллер превратила его в домашнего духа, пока мы отсутствовали? Последнее время он такой странный, усталый, его словно подменили…

— Моя дорогая Джейн, — мягко произнес Эван, — я уверен, что в Марбла вовсе не вселился дух. Возможно, у него что-то с желудком или печенью. Почему бы нам для спокойствия не свозить его завтра утром к местному ветеринару?

Марбл слушал их разговор, стоя за дверью. Затем, приняв сигнал, поступивший с противоположного направления, он собрал воедино остатки своей энергии и медленно побрел к кухне Колвин-Корта.

VI

Остаток июля тек неторопливо, дни убегали в прошлое, точно листья, уносимые вдаль водами реки. Но время мало что значило для Николы. Иногда ей казалось, будто вся ее теперешняя жизнь — это сон, она воспринимала реальность только через Пуула. Он помог ей написать письма с извещением о том, что она увольняется с работы и отказывается от квартиры. Он съездил в Лондон за ее вещами и убедился в том, что соседка не окажется в сложном финансовом положении из-за неожиданного решения Николы. По совету Пуула девушка также написала друзьям и родственникам о своем скором замужестве, ее не огорчало то, что никто из них не будет присутствовать на свадьбе.

— По-моему, бракосочетание должно быть тихим, немноголюдным. — сказалПуул. — Это — исключительно личное, интимное дело.

— А как же маскарад? — спросила Никола, пол-

ностью разделявшая его мнение. — Вряд ли он будет тихим и немноголюдным.

— Думаю, маскарад приятно удивит тебя, — улыбнулся Пуул. — Ты не поверишь, каким личным и интимным он окажется.

Никола погрузилась в мечтательные размышления о маскараде. Сама идея завораживала ее, но Никола смутно представляла себе характер церемонии.

— Тристан, расскажи мне поподробней о маскараде, — попросила она Пуула утром тридцать первого июля. — Чем больше я думаю о нем, тем сильнее он будоражит мое воображение. Это так романтично — венчание в часовне при заходе солнца! Здорово, что тебе пришла в голову такая мысль.–

— Ты уверена, что это не кажется тебе дурным тоном?

— Нет. Я уже сказала тебе, когда ты в первый .раз предложил эту идею, что мне нравится сама церемония венчания. Поскольку я — атеистка, мне все равно, освящена церковь или нет. К тому же потом мы зарегистрируем брак официально, так что неважно, будет наше венчание, строго говоря, действительным или нет.

Они снова загорали на пляже, Пуул рисовал на

песке загадочные фигуры и слушал Николу. Она смотрела на него, опираясь на локоть.

— Надеюсь, дождя не будет, — добавила девушка.

— Не будет.

Он серьезно посмотрел на нее.

— Ты должна верить во что-то.

— Ничего не могу с собой поделать, — вяло протянула Никола. — Я не настолько лицемерна, чтобы изображать из себя верующую.

Повернувшись на спину, она взяла солнечные очки.

— Расскажи мне подробнее о завтрашней церемонии — ты до сих пор не объяснил мне, что будет происходить. Нам не следует устроить репетицию?

— Можешь ни о чем не волноваться.

— Скажи мне одну вещь, — с ленивым любопытством попросила Никола. — Почему Тимоти не может быть пажом? Знаешь, Люси не шутит, когда говорит, что не будет участвовать в маскараде без Тимоти. Близнецы очень привязаны друг к другу.

— Люси будет подружкой невесты, — сказал Пуул. — Об этом ты тоже можешь не беспокоиться… Ники, дорогая, мы должны поговорить о твоем от-

ношении к вере. Я не хочу иметь жену-атеистку.

— Ты понял это слишком поздно! — пробормотала Никола, думая, что он шутит.

— Я говорю серьезно, Ники. Разве можно представить себе мир иначе как арену постоянной борьбы между силами добра и зла?

— О, Тристан! — она снисходительно зевнула. — Это звучит немного несовременно.

— Ты сомневаешься в существовании дьявола?

— Ну, в абстрактном смысле…

— Ты не веришь в существование дьявола, как всемогущественной метафизической силы?

— Да, не верю, — бесстрастно заявила девушка.

Перед тем как провалиться в сон, она успела услышать:

— Я избавлю тебя от твоего невежественного скептицизма. Отдай мне твое неверие и твою память о нем, позволь очистить твою душу от всякой ереси…

Внезапно солнце погасло, звезды потухли одна за другой, и Никола отправилась в путешествие по бесконечной черной ночи.

Наступило утро Ламмеса.

Чистое небо отражалось в сверкающем голубом море. Трава блестела после ночного дождя, мир купался в неярком свете поднимающегося

солнца.

— Все зайцы и кролики встали, — произнесла вслух Люси, проснувшись. Кто-то сказал ей, что эта фраза, произнесенная сразу после ночного сна в первый день месяца, приносит удачу. Она посмотрела на часы, стоявшие возле кровати. Еще только шесть! Люси огорчилась. Она знала, что больше не заснет — сон полностью улетучился. Встав с кровати, она подошла к окну и посмотрела на новый день.

Сегодня состоится венчание Николы, подумала она. День тайной свадьбы. Если бы я могла участвовать в маскараде! Она в сотый раз спросила себя, почему Тимоти нельзя быть пажом. Он не намекал на то, что она должна отказаться от своей мечты стать подружкой невесты, но она знала, что у нее нет выбора. Она не могла покинуть Тимоти, он должен был сам, отпустить ее.

— Несносный Тимоти, — сказала Люси, опершись о подоконник.

И тут она услышала кота.

Несчастный, одинокий, он мяукал снаружи задней двери под Люси.

— Одну минуту, Марбл, — крикнула Люси и отошла от окна. Она быстро надела шорты и майку, сунув ноги в спортивные тапочки, она по-

кинула комнату и направилась вниз по лестнице к задней двери.

Но Марбл не хотел заходить в дом. Он мяукнул, отбежал немного по тропинке, оглянулся назад и снова мяукнул.

— Глупый кот, — сказала Люси. — Чего ты хочешь? Иди сюда!

Марбл отпрянул.

Он со мной играет, с интересом подумала Люси. Он хочет, чтобы я пошла за ним. Может быть, он хочет что-то показать мне.

— Сюда, Марбл! — сказала Люси и шагнула к коту. Он ускользнул от нее и побежал по тропинке.

Умный кот, подумала заинтригованная Люси. Девочка пошла по тропинке за Марблом.

Он держался на безопасном расстоянии. Марбл медленно уводил Люси вверх к замку.. Увидев, что он скрылся среди серых каменных стен, Люси испытала удовлетворение. Теперь она его поймает. Она загонит его в угол и…

Люси остановилась.

Марбл был в замке не один. Он устроился на руках человека, владевшего его телом и душой. Громкое урчание кота донеслось до Люси, стоявшей в четырех метрах от Марбла, там, где в полуразрушенной стене образовалась дыра. Поз-

же она пыталась вспомнить, что произошло. В ее памяти ясно сохранился Тристан Пуул, он как-то по-особенному смотрел на нее и говорил тихим, глубоким голосом: «Здравствуй, Люси! Понимаешь ли ты, какой у тебя сегодня важный день?»

VII

Придя после завтрака в коттедж, Эван застал там расстроенную Джейн, она просила Тимоти обыскать берег.

— Привет, — сказал Эван, — Что случилось?

— Люси куда-то пропала, — обеспокоенно сообщила Джейн, — Бенедикт уверяет, что она, вероятно, отправилась одна на прогулку и что мне не следует волноваться до ленча, но я не могу успокоиться. Она не пришла на завтрак, это на нее непохоже.

— Она не могла уйти далеко, — попытался успокоить ее Эван, — Тимоти, вероятно, найдет Люси на берегу.

— Бенедикт сказал то же самое… Что происходит в Колвин-Корте?

— Там все в порядке. Папа чувствует себя хорошо, настроение у него бодрое. Гвайнет слушает новую пластинку, доставленную с утренней почтой. Никаких проблем.

— Слава богу! Ты поедешь к главному констеблю?

— Да, вот его фамилия, адрес, телефон — это на всякий случай. Если все будет хорошо — я в этом не сомневаюсь — полиция оцепит часовню на закате, когда начнется церемония.

— Чудесно, — с облегчением сказала Джейн. — Эван, если у тебя будет такая возможность, позвони мне днем и сообщи, как твои дела. Я буду держать пальцы скрещенными.

— Это защитит меня от козней дьявола? — усмехнулся Эван, внезапно он поморщился от боли.

— Что с тобой? — встревожилась Джейн.

Он поднес руку к голове.

— Мне показалось, что кто-то ударил меня молотком по черепу.

Эван закачался.

— Я чувствую… боже, как болит голова! Так внезапно! Я будто… будто…

— Эван! — испуганно закричала Джейн. — Эван!

— Я, кажется, теряю сознание, — изумленно произнес он, Джейн успела подхватить его, Эван медленно опустился на ковер.

Глава восьмая

I

В Колвин-Корте Агнес совещалась с Пуулом в гардеробной возле его спальни. Дверь шкафа была открыта, черный ящик отперт, его содержимое лежало на длинном столе.

— Хорошо, — сказал Пуул. — Проверим все. Одежда?

— Гладится внизу.

— Благовония?

— Рута, мирт, паслен, белена, дурман вонючий. Все собрано и приготовлено для жжения.

— Хорошо. Здесь у нас лежит покрывало для алтаря и распятие. Потир начищен?

— Да, Тристан. И я достала свечи. Мы испекли хлеб. Для мессы все готово.

— Как насчет платья для Люси?

— Харриет дошивает его. Платье Николы уже отглажено. Да, кстати, Никола и Люси спят в моей комнате, я на всякий случай заперла дверь, но они проснутся нескоро.

— Великолепно. Как насчет еды и вина для праздника после церемонии?

— Вино в погребе, еда будет готова к двум часам дня. Мы отнесем ее к скалам в последнюю минуту в двух корзинах и оставим среди развалин замка. Вино отвезем на двух тележках для гольфа часов в семь. Все предусмотрено. Тристан, для жертвоприношения все готово? Вам удалось достать ягненка?

— Его принесет Рэй. Я говорил с ним по телефону.

— Рэй? А, тот фермер из Стоквуда. Как приятно будет снова встретиться с тем шабашем! Вы рассчитаетесь с ним за ягненка чеком или мне надо отправить кого-то в банк?

— Я дам ему чек.

Повернувшись к столу, Пуул пощупал покрывало для алтаря.

— Днем мы сходим в замок и сделаем алтарь. Мне потребуется небольшой помост для ритуала почтения, мы установим его перед алтарем, возможно, подойдет этот черный ящик — он как раз нужного размера… напомни мне захватить в часовню магнитофон и проверить, как он работает. Ты купила новые батареи?

— Да, Тристан. Что еще?

Пуул коснулся своих книг, талисманов и наконец острого ножа с блестящей ручкой. Он провел

пальцем по сверкнувшему лезвию.

— Захвати одно или два полотенца. Будет много крови.

— Хорошо, Тристан.

— Между прочим, здесь на полу остались следы крови после того, как мы с Джекки занимались делом Моррисона. Я хочу, чтобы они были ликвидированы.

— Хорошо, Тристан. Я распоряжусь, чтобы их убрали завтра утром.

Пуул положил нож на стол.

— Ты разобралась с Эваном Колвином?

— Да. Сандра закончила работу десять минут тому назад.

— Где это находится?

— Что это? А, поняла. Думаю, в ее комнате. Она отправилась работать туда.

— Принеси это сюда. И я хочу, чтобы дверь этой комнаты была заперта. Нам ни к чему случайные свидетели. Как ты поступишь с Уолтером Колвином и Гвайнет?

— — Уолтер находится в кабинете, Гвайнет — в своей комнате, оба поглощены своими хобби. Харриет получила указание добавить днем в чай снотворное.

— Хорошо, — сказал Пуул. — Значит, все го-

това.

Они помолчали.

— Тристан, — робко произнесла Агнес, — я знаю, вы не любите, когда я интересуюсь вашими планами на будущее, но…

— А! — улыбнулся Пуул. — Я знал, что ты не удержишься от подобного вопроса!

— Что произойдет после вашей официальной регистрации, когда вы уедете на медовый месяц?

— Мы на пять дней отправимся в Лондон, за это время мы успеем завещать друг другу все наше имущество. Никола выпишет мне чек на пятьсот фунтов, который я немедленно отошлю тебе, чтобы ты смогла погасить наши долги и жить без проблем до моего возвращения.

— А потом? — спросила Агнес, пытаясь скрыть волнение.

— Никола переведет на мое имя свое состояние, после чего с ней произойдет нервный срыв. Она попадет в лечебницу для богатеньких психов. Там она будет находиться ровно столько, сколько необходимо для того, чтобы мне не пришлось платить налог на наследство. В дальнейшем с ней случится сердечный приступ, и она сделает меня безутешным вдовцом. До этого момента, разумеется, я прослежу за тем, чтобы ты не испы-

тывала ни в чем нужды и прочно закрепилась в Колвин-Корте.

— Превосходно! — выдохнула Агнес и восхищенно добавила: — Вы всегда были исключительно добры к нам,

Тристан.

— Мне приятно заботиться о тех, кто полагается на меня, — сказал Пуул и провел своим длинным указательным пальцем по блестящему лезвию ножа.

II

— Бенедикт! — взволнованно сказала Джейн, когда машина «скорой помощи» увезла потерявшего сознание Эвана в больницу Свонси. — Бенедикт, пожалуйста! Ты должен мне поверить! Эван узнал, что общество занимается черной магией и намерено устроить сегодня вечером оргию с участием Николы. Он хотел поговорить с отставным главным констеблем, это следовало сделать тайно, потому что

Тристан Пуул может причинить вред Гвайнет. Теперь они вывели Эвана из строя, Мы должны что-то предпринять, Бенедикт, ты не можешь сидеть здесь и размышлять о том, как сообщить Уолтеру, что Эван потерял сознание,

он не поверит тебе, если ты скажешь, что его заколдовали…

— И я не упрекну его в том, что он мне не поверит, — твердо сказал Бенедикт. — Дорогая, во всем виновата проклятая книга, которую Эван привез тебе из Лондона. С тех пор, как она попала тебе в руки, ты видишь ведьму за каждой безобидной метлой, стоящей в сарае.

— Но это несомненно колдовство! Другого объяснения не существует. Тристан, очевидно, слепил восковую фигурку Эвана и воткнул булавку в голову…

— Чепуха, — строго сказал Бенедикт. — Колдовство — плод фантазии невежественных, суеверных людей, оно призвано объяснять любые отклонения от принятых обществом норм поведения. В наши дни все это называется психическими девиациями, людей, подверженных им, не сжигают на костре, а лечат.

— Бенедикт, — взмолилась Джейн, решив испробовать другой подход, — ты всегда находил это общество странным. Ты был прав. Оно действительно странное. Они используют черную магию как предлог для сегодняшней оргии и всевозможных сексуальных… сексуальных…

Она не сумела найти нужное слово.

— Лично я всегда был против вмешательства властей в личную жизнь, — сказал Бенедикт. — Я придерживаюсь либеральных взглядов на подобные вещи.

— Но… но тут замешана Никола — ее загипнотизировали– она…Бенедикт, ради меня, пожалуйста… пожалуйста…

Джейн с трудом подыскивала слова, она огорченно заметила, что ее глаза наполнились слезами.

— Бенедикт, это не невинная студенческая вечеринка, после которой все со смехом вспоминают, «Славное было развлечение!» Это нечто совсем иное… Это… это…

— Ну, ну! — сказал Бенедикт. — Не стоит волноваться! Не плачь. Я не думал, что ты принимаешь все это всерьез! Что я должен сделать?

— О! — воскликнула Джейн и расплакалась от облегчения. Когда Бенедикт вытер ее слезы, она сумела произнести: — Пожалуйста, съезди к отставному главному констеблю — вот его фамилия и адрес, Эван дал мне это перед обмороком, скажи ему, что после захода солнца на скалах состоится оргия. Пусть полиция оцепит часовню и поймает членов общества на месте преступления.

— Хорошо, — ситуация заинтриговала Бенедик-

та. — Но, вероятно, сначала мне следует сообщить Уолтеру о том, что произошло с Эваном.

— Я схожу к Уолтеру, — сказала Джейн, она знала, что ей надо сделать, когда Бенедикт уедет. — Поезжай, Бенедикт. Тебе предстоит преодолеть сорок миль, дорогой, пожалуйста, проверь наличие топлива в баке, чтобы не остановиться на середине пути.

— Конечно, — обронил Бенедикт. Открыв входную дверь, он замер на пороге. — Ты говорила о дьяволе! — пробормотал он. — Смотри, кто к нам пожаловал!

— О, господи, — сказала Джейн.

— Не паникуй, дорогая! Ни о чем не тревожься. Я… Джейн, что ты делаешь? Зачем?

Джейн сняла с себя золотой крест, висевший на цепочке, и надела его Бенедикту на шею.

— Поезжай. Быстро.

— Но…

— Крест защитит тебя, Бенедикт! Поезжай! Пожалуйста!

Бенедикт сдался. Пожав плечами, он направился к «остину». Пуул тем временем зашагал по дорожке к коттеджу.

— Доброе утро, профессор Шоу! — крикнул он. — Решили прокатиться?

— Да, — сказал Бенедикт, внезапно почувствовав себя героем приключенческого романа. — Надо навестить в Милфорд-Хейвене бывшего главного констебля, старого друга Уолтера.

Если он действительно задумал нечто плохое, это вселит в него страх, с удовлетворением подумал Бенедикт.

Джейн почувствовала, что кровь стремительно отхлынула от ее лица, она даже испугалась, что вот-вот потеряет сознание.

— Прекрасно, — сказал Пуул. — Желаю хорошо провести время.

Он проводил взглядом отъехавшего Бенедикта. Когда автомобиль скрылся из виду, Пуул с улыбкой посмотрел на Джейн.

— Миссис Шоу, — приветливо произнес он, — вы случайно не видели доктора Колвина? Я ищу его, но пока безуспешно.

Проверяет, подумала Джейн. Каждая мышца ее тела напряглась. У женщины пересохло в горле.

— Его увезли в больницу четверть часа тому назад, — удалось выговорить ей. — Он потерял сознание в коттедже, я не смогла привести его в чувство.

— Потерял сознание! Какое несчастье для вас, миссис Шоу! Мистер Колвин уже в курсе?

— Нет, я жду вестей из больницы.

— Правильно. Я бы не стал без крайней нужды волновать мистера Колвина. И что могло случиться с Эваном? Надеюсь, ничего серьезного.

— Думаю, да, — сказала Джейн. Она удивилась своему спокойному тону. — Последнее время Эван мало спал, порой забывал есть, его что-то тревожило. Наверно, сегодня утром стресс привел к обмороку. Во всяком случае, так предположил местный врач, вызвавший «скорую помощь».

— О, — с печальным видом произнес Пуул, — да, я знаю, он переживал из-за помолвки Николы.

Помолчав, Пуул добавил:

— Миссис Шоу, вы не дадите мне стакан воды? Сегодня жарко, меня мучит жажда.

— Да, конечно, — Джейн отправилась на кухню. — Заходите.

— Спасибо.

Когда Джейн скрылась в задней части дома, Пуул быстро прошел в гостиную. Мятая куртка Бенедикта висела на кресле. Мгновенно обшарив карманы, Пуул нашел платок, ему удалось спрятать его прежде, чем Джейн вошла в комнату со стаканом воды в руке.

— Спасибо.

Пуул взял стакан и отпил воду.

— Мне уже лучше. А теперь извините меня, миссис Шоу…

— Конечно, — обрадовалась Джейн, затаив дыхание, она проводила взглядом удалявшегося от коттеджа Пуула. Как только он ушел, она схватила свою книгу по колдовству и обессиленно рухнула на ближайший стул.

«Восковая фигура, — прочитала она в главе, посвященной имитационной магии, — обычно снабжается волосами или ногтями, срезанными у жертвы. Лицо должно быть вылеплено с максимальным сходством, на груди фигуры пишется имя человека. Булавка или острая деревянная щепка вводится в ту часть тела, где хотят вызвать боль. При этом поблизости должна гореть черная свеча. Колдун проецирует всю свою ненависть на восковую фигуру. Эффект варьируется от внезапной смерти (при глубоком введении булавки или щепки в область сердца) до слабой головной боли (легкий укол в череп). Медленная смерть достигается при плавлении фигуры над огнем. Снятие чар удалением булавки необходимо осуществлять с предельной осторожностью, поскольку они могут поразить аналогичным образом самого колдуна. Один знаток рекомендует надевать железный крест и читать сатанинскую молитву

при извлечении булавки...»

Закрыв книгу, Джейн встала. Теперь она твердо знала, что где-то в Колвин-Корте находится изображение Эвана с булавкой в голове. Чтобы сознание вернулось к Эвану, следовало вынуть, булавку из восковой фигуры. Набрав воздуха в легкие, она покинула коттедж и заспешила к Колвин-Корту.

III

Бенедикт остановил автомобиль в деревне Колвин и решительным движением снял с себя золотой крест, который повесила ему на шею Джейн. Суеверия простительны мнительным женщинам, раздраженно подумал профессор, он не собирался появляться в Милфорд-Хейвене обряженным в блестки, точно новогодняя елка.

Прежде чем снова завести мотор, он нахмурился. Джейн велела ему сделать что-то перед поездкой. Он не мог вспомнить, что именно. Бенедикт сердито посмотрел на приборный щиток. Что она сказала? Он чувствовал, что речь шла о чем-то простом, очевидном, однако ускользавшем из памяти. Когда он повернул ключ зажигания, стрелка указателя уровня топлива подползла к крайней риске. Бенедикт заметил

это, но какая-то невидимая сила помешала этой информации проникнуть в часть мозга, способную сделать нужный вывод и подтолкнуть к соответствующему. действию. Раздраженный необъяснимым провалом в памяти, Бенедикт включил передачу, отпустил педаль сцепления и поехал по сельской дороге на запад.

IV

Тимоти все еще искал Люси. Он обшарил пляж, замок, часовню — следов девочки не было нигде. Наконец он решил проверить Колвин-Корт. Возможно, Люси не устояла перед соблазном участия в маскараде и спряталась в доме, не смея из-за чувства вины показаться ему на глаза.

У Тимоти от обиды опустились уголки рта. Лето было плохим. Сначала — несчастье с дядей Мэттом, затем — не успел Тимоти мысленно произнести слово «мама», как глаза мальчика наполнились слезами, — теперь Люси покинула его ради мистера Пуула. Тимоти знал, что мистер Пуул — нехороший человек. Он напоминал ему злодея из старого вестерна. Злодея легко было узнать по черной одежде. Черный цвет — цвет зла, Тимоти, знал — что бы ни думала Люси, мистер Пуул ничем не лучше злодея из телевизи-

онного вестерна.

— Я бы хотел, чтобы папа был здесь, — произнес вслух Тимоти, шагая к Колвин-Корту. — Пожалуйста, Господи, верни папу домой. Если он действительно утонул тогда, пожалуйста, воскреси его, как в Библии, и отправь скорей к нам. Мы с Люси надеемся на тебя. Спасибо. Аминь.

Он подождал, не ответит ли бог, но из самого темного уголка сознания донесся голос, к которому Тимоти всегда старался не прислушиваться. Он возвестил, что отец никогда не вернется.

Это было плохое лето.

Дойдя до Колвин-Корта, Тимоти проник в дом через одну из боковых дверей и заглянул в комнату Гвайнет, но девушка не видела Люси.

— Спроси женщин из общества, — посоветовала она. — Может быть, они ее видели.

Но Тимоти не доверял обществу. Общество было врагом, Орудием Зла. Покинув Гвайнет, он пробрался в западное крыло и начал заглядывать в спальни. Наконец он замер в волнении перед одной запертой дверью.

— Люси! — прошептал он в замочную скважину, но никто ему не ответил.

Ее похитили, решил взбешенный Тимоти, и повернул ключ, который Агнес Миллер оставила

в замке.

Люси была там. Она лежала на одной половине двуспальной кровати рядом с Николой. Они обе спали так крепко, что даже не пошевелились, когда Тимоти вошел в комнату.

— Люси! — закричал он и потряс сестру за плечо.

Но Люси не проснулась.

— Люси, Люси, проснись, глупая! — разозлился Тимоти. Он снова тряхнул ее. — Люси, что с тобой?

Рука легла на его плечо. Сильные пальцы вонзились в кожу, заставив Тимоти вскрикнуть, он повернулся лицом к врагу.

— Мне кажется, ты можешь доставить немало хлопот, мой друг Тим, — непринужденно произнес Пуул. — Пожалуй, нам следует поговорить.

V

Джейн также находилась в Колвин-Корте. Она замерла в гостиной центральной части дома, пытаясь угадать, где Пуул проводит свои эксперименты по черной магии. На кухне? Там было слишком многолюдно. Наверно, в одной из спален. Или в погребе. Джейн заколебалась. Погреб — идеальное место. Просторное, темное,

уединенное…

Она направилась к кухне, убедившись, что там никого нет, проскочила через посудомоечную и открыла дверь, ведущую в погреб. Безуспешно попыталась нащупать выключатель, в старинном погребе Колвин-Корта не было света. Вернувшись к плите, Джейн схватила коробок со спичками и начала торопливо, на цыпочках, спускаться по лестнице в погреб. Оказавшись внизу, она зажгла спичку, но увидела на полу лишь ряд высоких бутылок с домашним вином. Она разочарованно разглядывала их, когда над ее головой дверь, со щелчком захлопнулась, и сквозняк задул пламя спички.

Джейн вздрогнула. Ее внезапно окутала кромешная тьма. Она зажгла новую спичку, поднялась по ступеням к двери и поискала ручку.

Лишь через десять секунд она поняла, что произошло. С внутренней стороны двери не было ручки. Джейн попала в ловушку.

VI

— Агнес, — сказал Пуул, — какое заключение ты сделала бы, увидев, что миссис Шоу даст своему мужу золотой крест на цепочке?

— Самое худшее, — ответила Агнес. — У миссис

Шоу весьма развита женская интуиция.

— А еще у нее в гостиной лежит книга по колдовству. Агнес, мне кажется, надо принять какие-то меры по отношению к миссис Шоу. Профессор меня не беспокоит. Он, несомненно, снимет с себя золотой крест, как только отъедет от коттеджа, так что нейтрализовать его не составит труда. Но миссис Шоу меня беспокоит. Я не знаю, что она может выкинуть.

— Как, по-вашему, мы должны поступить с ней?

Пуул задумался.

— Мы не предпримем никаких активных действий, — сказал он наконец. — Их было уже слишком много. Но за ней следует установить наблюдение. Отправь кого-нибудь к коттеджу присмотреть за миссис Шоу.

— Хорошо, Тристан.

Через два часа, в полдень, когда они находились в часовне, им передали сообщение. Они устанавливали длинный узкий стол, который должен был послужить алтарем.

— Я наблюдала за коттеджем, — сообщила пришедшая женщина. — Там не было признаков жизни. Я зашла в дом — ее там нет.

— Странно, — сказала Агнес. — Куда она могла

уйти?

— Она, вероятно, ищет близнецов.

Пуул решил не Отвлекаться от важных дел ради такого пустяка, как выяснение местонахождения Джейн.

— Забудь о ней. Она вполне безобидна и не доставит нам неприятностей.

— Верно, — согласилась Агнес, — но я бы предпочла не упускать ее из виду… Тристан, что вы сделали с мальчиком? Загипнотизировали его?

— Нет, он оказался плохим объектом. — Пуул пожал плечами. — Иногда попадаются такие дети. Их враждебность не ослаблена чувством вины, как у взрослых, и создает мощный барьер, препятствующий контролю над сознанием… Не беспокойтесь из-за мальчика. Я разберусь с ним позже. В настоящий момент он заперт в комнате и не способен причинить нам неприятности.

— А если миссис Шоу вздумает обыскать западное крыло? Если мальчик не спит и ждет помощи, они легко установят контакт друг с другом, и беды не миновать! Разрешите мне организовать дежурство в западном крыле, Тристан, чтобы присмотреть за миссис Шоу.

— Поступай, как считаешь нужным, — произнес Пулл и снова занялся установкой перевернутого

креста за черным алтарем.

VII

В семь часов вечера они спустились в погреб за вином.

Джейн спряталась за коробкой в углу просторного помещения. Вскоре она поняла, что женщины, носившие вино, действовали по одной схеме: они поднимали наверх одновременно четыре бутылки и исчезали на пару минут. После их третьего ухода Джейн взлетела вверх по ступеням, выскочила через открытую дверь погреба и успела спрятаться в посудомоечной прежде, чем две женщины вернулись за остатками вина.

Когда они спустились вниз, Джейн выбежала из комнаты и спряталась в сарае. Она казалась себе грязной, липкой и едва сдерживала слезы. Через несколько минут она взяла себя в руки, посмотрела на часы и попыталась решить, что ей следует сделать. Уже был вечер. До захода солнца оставалась пара часов, возможно, Бенедикт уже побывал у главного констебля и организовал облаву. Джейн испытывала желание вернуться в коттедж к близнецам, она была уверена, что они ждут ее там, но она вспомнила о Николе. Вдруг Венедикт по какой-то причине потерпел

неудачу? Эван, несомненно, по-прежнему лежал в больнице без сознания, так что в случае провала миссии Бенедикта только она, Джейн, могла с наступлением темноты помочь Николе.

Она снова взглянула на часы. Она могла сбегать в коттедж к близнецам, но времени оставалось мало, она должна была выбрать потайное место в развалинах замка до всеобщего сбора перед началом церемонии. Она успокоила себя тем, что близнецы достаточно разумны, обнаружив отсутствие в коттедже ее и Бенедикта, они отправятся в главный дом, и Уолтер присмотрит за ними.

Выбравшись из сарая, Джейн поспешила вверх по склону холма к часовне.

VIII

Тимоти смотрел на округу через окно спальни Пуула, где он был заперт. Солнце садилось, праздник на лужайке, похоже, затихал, среди его участников нарастало непонятное мальчику напряжение. Он, помнил вечеринки, которые устраивали мать и отчим, там веселье постепенно становилось более шумным. Странная вечеринка, подумал Тимоти, глядя на людей. Все они были в черном. На молодых девушках были вечерние платья, на женщинах постарше

— более простые наряды, на мужчинах — темные костюмы. Чтобы убить время, Тимоти пересчитал участников праздника — их оказалось пятьдесят два плюс двенадцать членов общества. Женщины численно превосходили мужчин.

Тимоти увидел, как члены общества отделились от гостей и зашли в дом через стеклянные двери. Мальчик отметил отсутствие Пуула. Он думал о местонахождении своего врага, когда на веранде появилась Агнес, она вышла на лужайку, чтобы сделать объявление.

Все разговоры мгновенно стихли. Гости разбились на четыре группы по тринадцать человек и замерли в ожидании, глядя в сторону дома. Тимоти вывернул свою шею, — чтобы увидеть, на кого они уставились, но ему не удалось это сделать. Он уже собрался открыть окно и высунуться наружу, когда члены общества начали парами выходить из дома к своим друзьям, стоявшим на лужайке.

Последним вышел Пуул.

Он был в длинной красной мантий и митре с алыми рогами и вовсе не напоминал того Пуула, которого знал Тимоти. Он казался человеком из того времени, когда люди жили в постоянном страхе перед небесами и адом, а мир терзали войны, чума, голод. Рядом с Пуулом шагала Никола

— стройная, очень красивая в развевающемся черном платье. Она счастливо улыбалась. За Николой шла Люси — ангел в алом с большими невинными глазами и струящимися по спине светлыми волосами.

— Люси! — крикнул Тимоти и забарабанил кулаками по стеклу. Никто его не услышал. Собравшись с силами, он открыл окно и высунулся наружу.

— Люси! — снова закричал мальчик.

Никто не отреагировал. Он кричал снова и снова, казалось, будто звуконепроницаемый барьер отделяет его от людей на лужайке. Ни один из них не посмотрел в сторону Тимоти. Когда все они исчезли за кустами роз, Тимоти опустился на диван, стоявший у окна, и подумал о том, нельзя ли спрыгнуть вниз.

До земли было слишком далеко. Он посмотрел вниз, поежился и отпрянул от окна. Однако он заметил, что карниз был широким, а окно запертой гардеробной — приоткрытым на дюйм.

Может быть, из этой комнаты есть выход в коридор, подумал Тимоти.

Через десять секунд он уже сидел на карнизе, ноги его свешивались вниз. Широкий карниз переходил в узкий парапет.

Тимоти вздрогнул, плотно закрыл глаза и начал двигаться боком к окну гардеробной. Благополучно добравшись до него, Тимоти столкнулся с необходимостью поднять раму, чтобы через образовавшуюся щель проникнуть в комнату. Он долго выбирал позицию, которая позволила бы ему толкать раму не теряя равновесия. Она не желала двигаться. Тимоти уже потерял надежду, когда рама неожиданно устремилась вверх. Он перелез через подоконник и обнаружил, что двери, ведущей в коридор нет. У Тимоти опустилось сердце.

От разочарования мальчик заплакал, он позволил себе по-детски топнуть ногой. Потом он устыдился своего малодушия, вытер слезы тыльной стороной ладони и начал изучать новое окружение.

Прежде всего он обратил внимание на картонную коробку, лежавшую на столе.

В ней он обнаружил пластилин. В раннем детстве Тимоти любил возиться с этим материалом. Он лепил из него машинки, а Люси куклы. Иногда она наступала на его автомобили, а он мстил сестре, превращая кукол в калек.

Неужели мистер Пуул лепит из пластилина? — удивился Тимоти.

Он снова заглянул в коробку и достал оттуда небольшой предмет, завернутый в салфетку. Развернув ее, он увидел искусно вылепленную двадцатисантиметровую куклу с рыжими волосами и набедренной повязкой из куска носового платка, на груди фигурки было нацарапано «Эван Колвин», в голове у нее торчала острая щепка.

Тимоти замер. Он начал вспоминать истории, переходящие от одного поколения мальчишек к следующему. Чтобы одолеть в драке более сильного противника, нужно украсть из школьной кладовки свечу, растопить ее, вылепить фи-гурку врага, воткнуть иголку в область живота, три раза произнести «ненавижу тебя», помолиться о победе и после наступления темноты закопать фигурку в саду возле дома. Обидчик потеряет силу и проиграет схватку. Тимоти никогда не проводил подобного эксперимента, но его одноклассники утверждали, что он приводит к успеху. Лучший друг Тимоти не сомневался в этом.

Мальчик посмотрел на маленькую рыжеволосую куклу, большим и указательным пальцем вытащил щепку, положил ее на стол и снова завернул фигурку в салфетку.

IX

Спрятавшись среди развалин часовни, Джейн с нарастающим страхом наблюдала за тем, как группы готовятся к церемонии. Увидев Люси за спиной Николы, она едва не упала в обморок. Мир покачнулся перед ее глазами, она испытала желание закричать. Однако Джейн все же не потеряла сознание и не закричала. Она понимала, что, если сорвёт шабаш, полиция не сможет поймать этих людей с поличным во время непристойных действий, и план Эвана сорвется.

Джейн взяла себя в руки, одолела панику и начала молиться. Она сама не сознавала, что молится.

Вскоре ей стало легче. Харриет Миллер отвела Николу и Люси в сторону, чтобы они дождались там соответствующего этапа церемонии. Значит, некоторое время им ничто не будет угрожать. Перестав молиться, Джейн увидела сквозь дыру в стене подошедшего к алтарю Пуула. Он попросил Агнес принесли ему головешку из жаровни, уже стоявшей в центре часовни.

Возле алтаря зажгли шесть свечей, Джейн рассмотрела перевернутое распятие и расшитую ткань, висевшую на стене за крестом. На мате-

рии черными и красными нитями был вышит распятый козел. Перед алтарем стоял черный квадратный ящик полуметровой высоты. На глазах у Джейн Пуул встал перед ним лицом к собравшимся.

— Возлюбленные собратья мои, — услышала Джейн его спокойный грудной голос. — Вы собрались сегодня, чтобы отпраздновать великий Ламмес и почтить Силы Тьмы, существующие испокон веков по воле Вельзевула, Астарота, Адрамелека, Ваала, Люцифера, Мелхона, Бехемота, Дагона, Асмодея и других Богов Тьмы…

Солнце село в потемневшее море. Небо было синим, со следами заката, вдали, разбиваясь о черные прибрежные скалы, пенились волны. Воцарилась зловещая тишина.

— И по моей милости, — размеренно продолжил человек в красной мантии, — которая нисходит на Избранных.

— Слава Сатане! — хором пропели шестьдесят четыре человека.

Голоса звучали в унисон, на всех лицах застыло одно сосредоточенное, покорное выражение. Люди стояли с открытыми ртами, они словно ждали волшебный напиток, способный утолить их нестерпимую жажду.

— Мои друзья, — сказал Пуул, — я явился вам как Единый Бог, распорядитель великих грехов и пороков, утешитель падших, вдохновитель злобствующих, хранитель ненависти, царь обездоленных…

— Слава Сатане!

— И я предоставляю вам шанс продемонстрировать вашу верность актом почтения… Мои друзья, приступим к нашим священным ритуалам, отметим ими этот великий день.

Паства вышла из оцепенения и начала раздеваться.

Люди действовали деловито и расторопно. Мужчины сбрасывали с себя одежду у одной стены часовни, женщины — у другой. Полностью обнажившись, они снова слились в единую толпу перед алтарем.

Джейн, которая не была ханжой, но считала, что, как правило, люди лучше выглядят в одежде, нежели без нее, сейчас, однако, почувствовала, что ее глаза прикованы к этой сцене. Она не успела спросить себя, как удается преодолевать стыд пожилым, полным и безобразным людям — ее внимание привлек Пуул. Он сорвал с себя красную мантию, отбросил ее в сторону, и Джейн увидела на его талии узкий пояс, от которого

сзади свисал до земли хвост, сплетенный из конских волос.

— Пусть начнется акт почтения! — закричал Пуул.

На глазах у Джейн он вскочил на черный ящик перед алтарем и повернулся загорелой спиной к собравшимся, подставив им свой зад.

У Джейн снова закружилась голова. Сильнее всего ее испугало то, что, несмотря на испытываемое ею отвращение, она невольно разволновалась, глядя на сильное, мускулистое тело Пуула.

Агнес совершила акт почтения первой. Фразы из книги по колдовству замелькали в голове Джейн, кровь хлынула к ее лицу, она вспомнила, как звучал се голос, когда она зачитывала отрывок о непристойных поцелуях в разгаре шабаша.

— Господин, — ясным, полным страсти голосом произнесла Агнес, — я обещаю вечно любить, почитать и слушаться тебя.

Остальные члены общества, обитавшего в Колвин-Корте, последовали се примеру. Затем подошла очередь гостей из четырех других групп.

Церемония заняла некоторое время.

Когда завершился последний акт почтения, Пуул повернулся, лицом к своей пастве и поднял руки к звездам.

— Благословляю вас.
— Слава Сатане!
— Желаю вам процветания.
— Слава Сатане!
— Работайте без устали во имя меня!
— Слава Сатане!
— Пусть не покинут вас Силы Тьмы!
— Слава Сатане!

Пуул медленно опустил свои руки.

— Друзья, приготовим себя к наиболее возвышенным моментам духовного общения. Я прошу мою главную ясновидящую рассказать вам о предстоящей церемонии.

Легкий ветерок, подувший с моря, осушил пот на лбу Джейн. Вздрогнув всем телом, она увидела, как Агнес Миллер шагнула к алтарю, чтобы обратиться к собравшимся.

— Возлюбленные друзья мои, — услышала Джейн ее дрожащий от эмоций голос, — сейчас в часовне появится невеста, после венчания Высшим Силам будет преподнесен дар — юная девственница, которая получит Знак Господина, будет принята в Нашу Церковь и станет одной из самых преданных учениц Господина. Вы можете спросить, почему сама невеста не подходит для этой роли. Это объясняется тремя причинами:

во-первых, она не девственница, во-вторых, в ее душе нет веры, и в-третьих, она не сможет быть полезна Господину в этом мире, потому что ее время скоро истечет. Она была избрана для церемонии венчания из-за ее внешности — думаю, вы согласитесь, что она красива, — а также из-за ее приданого… После венчания и присвоения Знака начнется праздник.

Она замолчала.

— Вы готовы?

— Готовы, — негромко пробормотала толпа.

— Мои друзья, — произнес Пуул, — приготовьтесь к Черной Мессе.

Люди с жадностью втянули в себя воздух. По знаку Пуула две женщины из его общества начали бросать в жаровню пучки травы, когда над пламенем поднялся столб черного дыма, Пуул закричал:

— Пусть невесту подведут к алтарю!

Аромат, исходивший от жаровни, достиг Джейн. Она не могла понять, почему ей стало плохо — то ли от этого дурмана, то ли от отсутствия полиции в радиусе нескольких миль от часовни. Пытаясь решить, что ей следует сделать, Джейн ощутила зародившуюся в душе панику.

Никола вошла в часовню вместе с Харриет

Миллер, девушку медленно подвели к алтарю, где ее ждал Пуул. Джейн с облегчением заметила, что Люси по-прежнему нигде не было видно.

— Пусть принесут жертву! — закричал Пуул.

Один из мужчин вытащил угольно-черного ягненка, Аг– . нес протянула Пуулу нож.

Пуул заговорил. Джейн была одурманена испарениями жаровни, напугана присутствием Николы возле алтаря и близящимся кровопролитием, лишь через несколько секунд она поняла, что Пуул говорит на незнакомом ей языке.

Он прочитал заклинание и схватил веревку, которой была обвязана шея ягненка. Лезвие ножа зловеще блеснуло, животное испустило короткий крик и повалилось на землю. Джейн стошнило. Потом она увидела, как Пуул наполняет потир кровью ягненка, две женщины из общества выкладывали на пару больших блюд куски черного хлеба.

Паства, одурманенная испарениями, начала раскачиваться из стороны в сторону, голоса людей сливались в гипнотическом хоре, который звучал все громче и громче. Всеобщее возбуждение нарастало.

Пуул окропил своей мочой содержимое потира и куски черного хлеба. Женщины завизжали в

экстазе.

Я должна действовать, подумала Джейн. Я должна положить этому конец.

Агнес помогла Николе освободиться от свадебного платья и уложила девушку на алтарь. На лице Николы застыло мечтательное выражение, она, похоже, была безмятежно счастлива. Толпа, увидев обнаженную кожу Николы, блестевшую на фоне черного покрывала, запела еще громче.

Джейн встала. Точнее, попыталась встать. К своему ужасу она обнаружила, что испарения подействовали на ее чувство равновесия, с ее ногами что-то случилось. Сделав шаг, она упала на колени. Безуспешно пытаясь подняться, поняла, что случилось. Она потерпела поражение. Бенедикт потерпел поражение. Эван потерпел поражение.

Никто не придет на помощь Николе.

Пуул что-то произнес, потом поставил потир на тело Николы и шагнул к краю алтаря.

Господи, помоги нам, мысленно произнесла Джейн. В ее сознании зазвучали слова молитвы, она просила Бога одержать победу там, где простые люди не смогли одолеть зло. Пожалуйста, Господи, останови их. Отче наш, иже еси на небеси…

Пуул посмотрел на Николу, наклонился и провел руками по ее бедрам.

Женщины снова закричали. Черный дым, валивший от жаровни, застилал глаза, пламя свечей дрожало на сквозняке.

— Да будет свято имя твое, — молилась Джейн, — да придет царствие твое…

Пуул замер.

— Что, Господин? — испуганно прошептала Агнес, изучая выражение его глаз.

Он повернулся к ней.

— Среди нас еретик!

Пуул распростер руки, требуя тишины.

— Здесь ересь!

Хор тотчас смолк. Люди изумленно уставились на своего Господина.

Пуул отвернулся от толпы. Он поворачивался очень медленно до тех пор, пока его лицо не оказалось обращенным к тому месту, где пряталась Джейн.

— Она здесь, — произнес Пуул.

Паства взвыла, как стая волков, и устремилась вперед, чтобы вытащить Джейн из ее укрытия, но ПууЛ остановил людей.

— Она сама выйдет ко мне.

Джейн обнаружила, что снова может ходить.

Она подошла к стоявшему у алтаря Пуулу, поскольку сделать что-то другое у нее не было сил, и опустилась перед ним на колени.

— Агнес, отведи эту женщину за замок. Миссис Шоу, посмотрите на меня.

Джейн посмотрела на Пуула.

— Следуйте за Агнес. Оставайтесь там, пока она не. разрешит вам покинуть это место.

Джейн кивнула.

— Вы забудете все увиденное вами после захода солнца.

Джейн снова кивнула. Агнес увела ее.

Паства снова начала петь и раскачиваться из стороны в сторону, заново создавая напряженную атмосферу. Пуул стоял у неподвижного тела Николы и ждал возвращения Агнес.

Спустя минуту она вернулась в часовню и подошла к Пуулу.

— Все в порядке, Господин.

Пуул улыбнулся. Шагнув к краю алтаря, он склонился над телом Николы.

— Во имя Сатаны и всех Богов Тьмы…

У входа в часовню вспыхнул свет фонаря. Люди испуганно закричали и сгрудились еще плотнее перед лицом опасности.

— Во имя Господа, остановитесь! — крикнул

Эван.

В следующий миг холодный сквозняк задул все свечи. Услышав оглушительный грохот, Эван едва не выронил фонарь. Через секунду едкий запах серы заполнил часовню.

Глава девятая

I

Позднее, придя в сознание, Эван не сразу понял, где он находится и что случилось. Затем он вспомнил, как ранее очнулся в больнице, как вопреки протестам медсестер выбежал на улицу и доехал на попутке до Колвина, Эван вспомнил, как он карабкался по скалам, как ворвался в часовню, увидел в свете мерцающих свечей обнаженные тела, блестящий потир, Пуула, собиравшегося овладеть Николой на черном алтаре…

— Во имя Господа, остановитесь! — снова закричал Эван, воскресив в памяти ту сцену, и быстро сел.

Он был один. Его окружала темнота, ласковый морской ветерок гулял среди полуразрушенных стен опустевшей часовни.

Спустя мгновение он неуверенно поднялся на ноги и направился к алтарю. Эван задел ногой маленький предмет, валявшийся на земле. Наклонившись, он поднял брошенный коробок со спичками, зажег одну из них и увидел, что покрывало, перевернутое распятие и расшитая

ткань исчезли. О том, что происходило тут этим вечером, напоминали лишь стол, служивший алтарем, и лужица крови на полу. Однако труп ягненка и неподвижное тело Николы исчезли. Потушив спичку, Эван покинул часовню и направился к Колвин-Корту.

Агнес ждала его. Открыв заднюю дверь, он увидел ее сидящей возле кухонного стола, лицо женщины ничего не выражало, руки ее были стиснуты, как во время молитвы.

Агнес была одна.

— Где Никола? — резким тоном спросил Эван, голос его дрожал. — Где она?

— Спит в своей комнате. Можете больше о ней не беспокоиться. Она проснется завтра, абсолютно без воспоминаний о последних тридцати шести часах и с весьма смутными — о последнем месяце. Думаю, вы найдете ее состояние удовлетворительным.

Агнес встала.

— Доктор Колвин, я хочу обсудить с вами события этого вечера. Буду вам признательна, если вы уделите мне несколько минут.

Эван растерянно уставился на нее.

— Нам нечего обсуждать, мисс Миллер. Где Пуул?

В комнате стало тихо. Эван заметил, что глаза Агнес были красными от слез. Она произнесла безжизненным голосом:

— Он мертв.

— Не верю, — сказал Эван. — Покажите мне его тело.

Агнес молча встала и повела Эвана наверх, в комнату Пуула.

— Вы его не узнаете, — сказала она.

— Почему?

— Сами увидите.

Пуул лежал на своей кровати в пижаме. Эван подошел к нему и увидел лицо своего врага.

Перед ним находился кроткий, беззаботный человек с мягким, улыбчивым ртом, свидетельствовавшим об интеллигентной доброжелательности его обладателя, Закрытые глаза хранили секрет Пуула, но Эвану показалось, что он увидел в них следы легкомыслия, подтолкнувшего Тристана к тому, чтобы во время празднования Ламмеса в калифорнийской апельсиновой роще предоставить свое тело Господину, которому он поклонялся.

— Вы правы, — сказал Эван. — Я не узнаю его.

— Он снова восстанет, — сказала Агнес, и Эван с ужасом понял, что она говорит не о Пууле, а о своем Господине. — Он возродится в ком-то

другом. История Тристана Пуула закончилась. Но история другого, неизвестного нам человека, только начинается.

Она снова повернулась к Эвану.

— Мне надо поговорить с вами, доктор Колвин.

— Сначала я взгляну на Николу, — сказал Эван.

Убедившись в отсутствии пульса у Тристана, он покинул комнату.

Никола спала в своей маленькой спальне в центральной части дома. Эван проверил ее пульс, коснулся рукой лба, приподнял веко.

— Ее усыпили.

— Завтра с ней все будет в порядке, — сказала Агнес. — Я обещаю вам это, доктор Колвин. Конечно, при условии, что вы не будете впутывать сюда полицию.

Она замолчала.

— Хорошо, — внезапно сказал Эван. — Давайте поговорим.

Они вернулись на кухню и сели за стол друг против друга.

— Ваши условия? — произнес наконец Эван.

— Мы порвем договор аренды, покинем Колвин-Корт и никогда не вернемся к вам. Никола полностью избавится от своего увлечения Тристаном — его власть над ней кончилась, когда

он умер, — и у нее останется лишь туманное воспоминание об этом романе. Ваши отец и сестра выйдут из сна, который мы вызвали несколько часов тому назад, чтобы они не мешали нам. Зависимость вашей сестры от мистера Пуула также станет делом прошлого. Близнецы и миссис Шоу спят в коттедже. Как бы сильно миссис Шоу ни желала помочь вам, вы найдете ее весьма плохим свидетелем. Люси также не сумеет вспомнить церемонию, хотя девочке не причинен никакой вред. Что касается Тимоти…

Агнес закусила губу.

— Я бы могла без труда убить этого ребенка, — сказала она дрожащим голосом, — но, к счастью для тех, кто полагается на меня, рассудок возобладает, над эмоциями, и я оставлю его в покое. Он также не пригодится вам как свидетель — во время церемонии он находился под замком в Колвин-Корте.

— Другими словами, — сказал Эван, — вы говорите мне следующее: мы оставим всех в целости и сохранности, если вы не допустите полицейского разбирательства. Однако если вы совершите глупость и обратитесь к властям, вы обнаружите, что у вас нет свидетелей и фактов, которые нельзя было бы объяснить имевшим место бурным,

отчасти непристойным, но вполне законным торжеством. Я прав?

— Абсолютно, — сказала Агнес. — Я бы предпочла, чтобы вы не обращались в полицию. Вы — доктор, обладающий определенным социальным статусом, ваше слово имеет вес. Поэтому я готова ради нашего спокойствия пойти на значительные уступки.

— Когда вы покинете Колвин-Корт?

— Вы дадите нам сорок восемь часов? Думаю, этого времени нам хватит.

— Я бы и не отпустил вас раньше. Я должен убедиться в том, что все полностью поправились.

— Можете не сомневаться, — сказала Агнес.

Они помолчали.

— Очень хорошо, — произнес наконец Эван. — Я принимаю ваши условия. Я буду молчать, а вы выполните свои обещания.

— Спасибо, доктор Колвин.

— Хорошо. А теперь скажите мне кое-что. Вам, конечно, известно, что утром я потерял сознание и был доставлен в больницу. Думаю, это дело ваших рук.

— Естественно.

— Вы также ответственны за мое удивительное исцеление?

— Нет, за него поблагодарите Тимоти. Негодный мальчишка так неосторожно снял чары, что они перешли на Сандру, которая инициировала их, сейчас две девушки изо всех сил стараются привести ее в чувство. Она потеряла сознание во время акта поклонения.

— Кажется, я не понимаю. Вы хотите сказать…

— О, загляните в книгу Джейн по колдовству, — раздраженно посоветовала Агнес. — Почему я должна вам все объяснять?.

Спустя мгновение Эван медленно спросил:

— И много у вас было таких… успехов?

Агнес пожала плечами.

— Мы ответственны за смерть Лайзы и Мэтта Моррисона. Высшие силы способны на многое, если ими правильно пользоваться. С нашим Господином возможно все.

— Однако он погиб, стоило мне крикнуть «Во имя Господа, остановитесь!» — сухо заметил Эван.

— Мой дорогой, — сказала Агнес, — неужели вы действительно полагаете, что это убило Тристана?

— А что же, по-вашему, стало причиной его смерти?

— Ну, строго говоря, ваше обращение к Богу

способствовало этому, — недовольно признала Агнес. — Вы уничтожили силы, покровительствовавшие нашему обществу, и обрушили на нас гнев божий. Вы испугались и потрясли всех. Мы потеряли сознание на целую Минуту.

— Я помню оглушительный грохот…

— Он вас удивил? Ваши слова имели эффект разорвавшейся бомбы. Неудивительно, что результат их воздействия сопровождался шумом.

— Но что убило Пуула?

— Умерло только его тело, — сказала Агнес. — Только хрупкая оболочка.

— Но…

— Доктор Колвин, вы, несомненно, поверили в мою Церковь, вы демонстрируете необычную для скептика способность принять разумом неприемлемое. Не задавайте слишком много вопросов. Сегодня я испытала ужасное потрясение, мои надежды на будущее рухнули, и, по правде говоря, мне не хочется продолжать нашу дискуссию. Отвечая на ваш вопрос, я скажу только следующее: колдовство можно одолеть только с помощью колдовства. Это опасное занятие, способное привести к летальному исходу. А теперь извините меня… кажется, в дверь позвонили?

— Да. Кто это может быть?

— Очевидно, профессор Шоу с полицией, — устало промолвила Агнес. — Тристан блокировал память профессора Шоу, но после смерти мистера Пуула, несомненно, частичная амнезия прошла… Вы поговорите с ними, хорошо? Я очень устала и хочу побыть одна. Сегодня я больше не в силах общаться с людьми.

— Ладно, — сказал Эван, ему показалось странным, что она выглядела сейчас, как уставшая пожилая домохозяйка. Он даже испытал к ней сочувствие. — Я все улажу. Спокойной ночи, мисс Миллер.

— Спокойной ночи, доктор Колвин, — сказала Агнес и добавила, уничтожая его сочувствие. — Надеюсь, вы не нарушите наше соглашение. В противном случае я непременно убью вашу сестру. Даже без Тристана это мне по силам.

Снова прозвучал звонок. Эван встал, глядя на женщину. Ее зеленые глаза напоминали кошачьи. От Агнес исходило ощущение угрозы, ее губы были узкими, безжалостными. Она выдержала его взгляд.

— Соглашение остается в силе, — произнес наконец Эван. — До свидания, мисс Миллер.

Резко повернувшись, он направился в прихожую, к входной двери, навстречу полиции.

II

— Я никогда не чувствовал себя таким дураком, — сказал Бенедикт своей жене утром. — Эван, здоровый, как лошадь, заявил, что на скалах проходила вечеринка, но она закончилась, и вообще все в порядке. Полиция обшарила окрестности и нашла лишь странные рисунки на земле внутри замка, которые мог оставить ребенок. Естественно, услышав, что там играли близнецы, они решили… Дорогая моя, в чем дело? Ты, несомненно, понимаешь, что я вправе сердиться. Все эти фантазии насчет колдовства! Я знал, что это была ложная тревога.

— Бенедикт, дорогой, — сказала Джейн. — Что с тобой случилось? Почему полиция приехала так поздно? Что произошло в дороге?

— Ну, произошло нечто удивительное, — вытирая платком очки, ответил Бенедикт. — Бензин кончился в абсолютно безлюдном месте.

— Бенедикт, ты снял мой золотой крест?

— Потом я почувствовал слабость и решил вздремнуть. Позже мне потребовалось немало времени, чтобы добраться до ближайшей бензоколонки. Оказавшись там, я не смог вспомнить, где я оставил машину…

— Бедный мой, — сказала Джейн, простив Бенедикта, который имел очень виноватый и смущенный вид. — Не переживай. Все завершилось благополучно. Я только что беседовала с Эваном. Он сообщил мне, что завтра общество покинет Колвин-Корт, потому что мистер Пуул внезапно скончался.

— Господи! — воскликнул Бенедикт. — Такой здоровый молодой человек! Что послужило причиной смерти?

— Эван вызвал местного доктора, они сошлись в диагнозе — остановка сердца.

— Черт возьми! — изумленно сказал Бенедикт и замолчал. — Что же произошло в часовне? Где находилась ты в то время, когда должна была состояться оргия?

— Ты все равно мне не поверишь, — сказала Джейн и добавила. — К тому же я мало что помню.

— Почему?

— О… кажется, амнезия — заразная болезнь. Она поразила всех, кроме Тимоти и Эвана…

Марбла, спавшего возле двери кухни, разбудили голоса, он осторожно приоткрыл один розовый глаз. Обнаружив, что он находится в одиночестве посреди пятна солнечного света, кот

открыл второй глаз, оскалил зубы и сладко потянулся. Впервые за долгое время у него появились силы сделать это — прежде ему казалось, что к его спине привязан тяжелый груз. Но теперь он освободился от него. Марбл с его неразвитым умом и памятью не спрашивал себя о причинах своего недомогания, не связывал его с уже забытыми людьми. Он сел, облизал свои лапы и вспомнил о желудке. Кот ужасно проголодался. Вскочив, он ворвался на кухню, ласково потерся о щиколотку Джейн и замяукал, требуя внимания к себе.

— Марбл сегодня выглядит лучше, — заметил Бенедикт, — Он больше похож на самого себя.

— Это потому что Тристан умер.

— Моя дорогая, что еще придет тебе в голову?

Джейн засмеялась.

— Хорошо, забудем на минуту о вчерашнем вечере, обществе и Тристане Пууле. Меня уже давно кое-что волнует, я хочу обсудить это с тобой.

— Отлично, — охотно согласился Бенедикт, — забудем о вчерашней неудаче и маленьких тайнах. Что тебя волнует?

— Близнецы, дорогой. Понимаешь, Лайза не оставила завещания, и теперь у них нет официального опекуна. Я знаю, что сейчас, после смерти Лайзы и Мэтта,им очень одиноко… Меня трево-

жит их дальнейшая судьба. Как ты думаешь… возможно… вероятно?..

— Конечно, — сказал Бенедикт. — Превосходная идея.

— Наш дом в Кембридже слишком тесен, но..?

— Он мне уже надоел, — заявил Бенедикт. — Я бы хотел завести большой дом, думаю, мы можем позволить себе это, не экономя на мелочах. Вот как мы поступим. Вернувшись домой, ты займешься поисками нового жилья, а я посоветуюсь с адвокатом насчет оформления официального опекунства — конечно, если близнецы согласятся! Думаешь, им это понравится?

— По-моему, для них это — нечто само собой разумеющееся, — Джейн улыбнулась блестящими от слез глазами.

III

— Самое странное, — сказала Люси, сидя рядом с Тимоти на берегу и глядя на волны, — это то, что я даже не помню, как выглядел Тристан. Мне казалось, что он похож на папу.

— Он совсем не похож на папу!

— Тимми, — сурово произнесла Люси, — мы не помним, как выглядел папа. Если бы не мамины фотографии, мы бы понятия не имели о его внеш-

ности. Мы никогда не узнаем, как он выглядел на самом деле.

— Возможно, узнаем, — сказал Тимоти. — Если он вернется домой.

— Мы в это не верим. Это просто наши фантазии.

Тимоти молча проглотил слюну.

— Конечно, это очень печально, — сказала Люси, — но все могло быть еще хуже. Как говорит наша повариха — умейте видеть во всем светлую сторону.

— Я не представляю себе худшую ситуацию, ’– упрямо сказал Тимоти.

— Не говори глупости, Тим. А если бы не было тети Джейн?

Зевнув, Люси вывела на песке большим пальцем ноги пентаграмму.

— Знаешь, что это такое? : — спросила она, указав на рисунок. — Это знак зла. Он может быть и знаком добра, но если одна вершина смотрит вниз, а две другие — вверх, это — знак зла. Так мне сказала Гвайнет. Она узнала это от Пуула.

Тимоти одним движением ноги стер пентаграмму.

— Я хочу похоронить зло и забыть о нем. Займемся похоронами. Не будем тратить время на

ерунду.

— Хорошо, — согласилась Люси. — В конце концов, ради этого мы и пришли на берег. Я едва не забыла.

— Вот твоя лопата, — сказал Тимоти, почувствовав себя лучше, — начнем.

Они стали рыть глубокую прямоугольную яму.

— Уфф! — выдохнула Люси через десять минут. — Может, уже достаточно?

— Пожалуй, да.

Тимоти открыл картонную коробку, которую они принесли на пляж, и осторожно достал из нее пластилинового человечка. На его груди было написано: «Т. Пуул». Он был завернут в кусок материн, который Тимоти вырезал из костюма, висевшего в гардеробной Пуула. Деревянная щепка, некогда воткнутая в изображение Эвана, сейчас пронзала левую сторону груди пластилинового человечка.

— Я до сих пор не представляю, как ты до этого додумался, — восхищенно сказала Люси. — Как ты узнал, что нужно сделать?

— Бедняжка, : — сочувственно произнес Тимоти. — И чему тебя только учат в твоей дурацкой девчоночьей школе?

Люси почувствовала себя посрамленной.

— Что именно ты сделал? Тебе было трудно после того, как ты вылепил фигурку из пластилина?

— Вовсе нет, — сказал Тимоти. — Я взял щепку и произнес: «Пожалуйста, Господи, сделай так, чтобы Тристан Пуул умер, потому что он гадкий и злой и не понравился бы тебе, если бы ты его встретил». Затем я предоставил богу право выбора — на тот случай, если он ничего не имеет против мистера Пуула и не хочет его убивать. Я сказал: «Но если ты намерен оставить его в живых, я не возражаю. Значит, у тебя сеть для этого веские основания. Спасибо. Аминь». Потом я пронзил сердце щепкой. Бог сам принял решение. Это честный путь, верно?

— Значит, Бог убил Тристана? Я считала, что Бог никого не убивает.

— Может быть, Бог обратился за помощью к силам зла. Он должен иметь какое-то соглашение с ними на случай возникновения подобных обстоятельств.

— Значит, зло убило зло, — удовлетворенно произнесла Люси. — Это хорошо. — Она взглянула на изображение Пуула. — Начнем?

— О'кей.

Они осторожно положили фигурку в яму и по-

смотрели на нее.

— Покойся в мире, — сказал Тимоти, не зная, что следует говорить в такой момент.

— Отныне и во веки веков, аминь, — добавила Люси и посмотрела на Тимоти. — По-твоему, достаточно?

— Думаю, да.

Они засыпали фигурку песком и затоптали могилу.

— Вот и все, — удовлетворенно сказал Тимоти. — Что будем делать теперь?

— Давай вернемся в коттедж, — предложила Люси. — Кажется, тетя Джейн собиралась сегодня утром приготовить «тянучки».

— Тетя Джейн — замечательный кулинар!

— Самый лучший, — согласилась Люси.

Улыбнувшись друг другу, они взялись за руки и зашагали по песку.

IV

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Эван Николу, сев на край ее кровати и нежно прикоснувшись к запястью девушки, чтобы проверить пульс.

— Очень странно, — призналась Никола. Пульс у нее был нормальный. Эван достал термометр.

— Измерь температуру.

— У меня был нервный срыв? — спросила Никола, прежде чем засунуть термометр себе в рот.

— Назовем это выпадением из реальности.

Никола вынула термометр изо рта.

— Какое сегодня число? — спросила она.

— Второе августа.

— Не может быть!

— Пусть это тебя не тревожит. Позже я все тебе объясню.

— Я находилась в больнице для душевнобольных?

— Нет, ты жила здесь, твое поведение внешне почти не отличалось от нормального. Пусть это тебя не беспокоит, Ники. Все объясняется особыми обстоятельствами.

— Мне давали наркотики? Эти цвета… сны… видения… или это были не видения? Господи, неужели это было реальностью?

— Возможно, иногда тебе давали наркотики.

— А в другие моменты?

— Пуул тебя загипнотизировал.

— Эван…

Никола смолкла.

— Да?

— Мне это снилось, или я правда…

Она снова остановилась.

— Да, — сказал Эван, — и все же в каком-то смысле нет. Тыне контролировала свои действия.

— Эван, как я могла! — воскликнула Никола и заплакала, когда ему удалось ее успокоить, она подавленно произнесла: — Что ты обо мне, наверно, думаешь! Почему ты так добр со мной? Как можешь разговаривать со мной после того, что я сделала?

— Я был наказан за то, что медлил столько месяцев, — сказал Эван. — Не жалей меня. Я держусь с тобой так, будто ничего не произошло, потому что, повторяю, ты не отвечала за свои поступки… Ники, какой момент еще сохранился в твоей памяти достаточно отчетливо?

Никола проглотила слюну.

— Когда ты сделал мне предложение. А я спрашивала себя, почему я не могу произнести «да».

— Хорошо, — сказал Эван. — С этого и продолжим. Ники, ты выйдешь за меня замуж?

Никола снова сделала глотательное движение.

— Эван, ты — самый лучший человек на земле, я просто не заслуживаю…

— Избавь меня от сцены самобичевания. Ты меня любишь?

— Больше всего на свете, но…

— Значит, ты выйдешь за меня?

— Я бы охотно сделала это прямо сейчас, если бы могла, — без колебаний сказала Никола.

Заметив, что Эван облегченно расслабился, она счастливо улыбнулась ему.

Франсуаза Саган
Хранитель сердца

I

Дорога, окаймляющая океан у Санта-Моники, вытягивалась, прямая и бесконечная, под колесами ревущего «ягуара» Пола. Было тепло, и влажный воздух пах бензином и ночью. Мчались мы со скоростью 90 миль в час. Как все, кто ездит быстро, Пол вел машину с небрежным видом, на его перчатках, как у профессиональных гонщиков, были аккуратные дырочки для костяшек пальцев, и оттого его руки казались мне немного отталкивающими.

Меня зовут Дороти Сеймур, мне сорок пять лет, лицо немного увядшее, так как ничто в жизни серьезно не» препятствовало этому. Я пишу киносценарии, и довольно удачные, и все еще привлекательна для мужчин, наверное потому, что и они привлекают меня. Я одно из тех ужасных исключении, которые позорят Голливуд, в двадцать пять, будучи актрисой, я имела колоссальный успех в экспериментальном фильме, в

двадцать шесть покинула фабрику грез, чтобы промотать свои накопления с художником-авангардистом в Европе, в двадцать семь вернулась никому не известная, без единого доллара и с несколькими судебными исками на руках.

Видя мою некредитоспособность, студия прекратила судебное дело и решила использовать меня как сценариста: мое славное имя уже не производило никакого впечатления на неблагодарную публику. Мне это даже нравилось: автографы, фотографы и награды всегда утомляли меня. Я стала Тем, Кто Мог Бы Иметь (как какой-нибудь индейский вождь…). Тем не менее хорошее здоровье и богатое воображение — тем и другим я обязана ирландскому Дедушке — заработали мне определенную репутацию за сочинение глупостей в цвете, которые, к моему глубокому удивлению, еще и хорошо оплачивались. Исторические ленты, RKB например, особенно повышали мой авторитет, и в ночных кошмарах мне являлась Клеопатра, с горечью восклицая: «О нет, мадам, я не говорила Цезарю „Войди, о властелин моего сердца!“».

Между тем властелином моего сердца, или по крайней мере тела, в тот вечер предстояло стать Полу, и я заранее зевнула.

Пол Бретт, кстати, очень интересный мужчина, элегантный, обходительный, представлял интересы RKB и других кинокомпаний, оберегал от покушавшихся на их собственность. Его достоинства котировались столь высоко, что Памела Крис и Лола Греветт — два самых значительных символа секса для нашего поколения, в течение десяти лет пребывания на экране пожиравшие состояния и сердца мужчин, опустошая к тому же их портсигары, даже они без памяти влюблялись в него, а после разрыва закатывали истерики. Словом, Пол мог по праву гордиться славным прошлым.

Но глядя на него в тот вечер, я тем не менее видела перед собой только маленького белокурого мальчика лет… сорока. Должно быть потому, что лицом он напоминал херувима. Сегодня мы подошли к последнему рубежу: после восьми дней цветов, телефонных звонков, намеков и появления вместе в обществе женщина моего возраста не могла не сдаться, по крайней, мере в этой стране. День Икс наступил: в два часа ночи мы неслись в мою скромную обитель, и в тот момент я горько сожалела о важности секса в отношениях между людьми, потому что у меня от усталости слипались глаза. Но я уже хотела спать прошлой

ночью и три дня назад, так что теперь не имела на это права. Понимание. Пола — «Конечно, дорогая» — сменилось бы неизбежным: «Дороти, что случилось? Ты можешь сказать мне все». Значит, впереди у меня приятный ритуал выуживания из холодильника кубиков льда, поиски бутылки шотландского виски, вручение бокала с весело звенящими кубиками Полу, а потом мне предстояло расположиться в гостиной на большой тахте, приняв соблазнительную позу а-ля Полетт Годдард. Пол подошел бы ко мне, поцеловал… а после всего проворковал бы проникновенным голосом: «Это должно было случиться, не правда ли, дорогая?» Да, это должно случиться.

У меня перехватило дыхание. Пол сдавленно вскрикнул. В свете фар, шатаясь, как лунатик, или, скорее, как одно из тех болтающихся соломенных чучел, которые я видела во Франции, человек ринулся на нас. Должна сказать, что мой маленький блондин среагировал мгновенно. Резко нажал на тормоза, и машина полетела в правый от дороги кювет вместе с очаровательным пассажиром, я имею в виду себя.

После ряда странных видений я обнаружила, что лежу, уткнувшись носом в траву и вцепившись в сумочку: любопытная ситуация, так как

обычно я ее везде забываю (что заставило меня схватить эту маленькую сумочку в преддверии, быть может, рокового момента, я никогда не узнаю). Потом я услышала голос Пола, произносящий мое имя с такой сердечностью, что у Меня защемило сердце, и, уже не беспокоясь за него, снова закрыла глаза. Лунатик не пострадал, со мной, как и с Полом, все в порядке, значит, после того как все утрясется — нервный шок и. так далее, у меня появится отличная возможность хорошо выспаться одной.

— Все хорошо, Пол, — пробормотала я умирающим голосом и поудобнее устроилась на траве.

— Слава тебе, Господи! — воскликнул Пол, обожавший старинные, романтичные выражения. — Слава Богу, ты не ранена, дорогая. На мгновение я поду…

Я не знаю, о чем он подумал в то мгновение, так как в следующее, в адском грохоте, нас, сцепленных в объятии, отбросило метров на десять от кювета. Наполовину оглохшая, ослепшая, я высвободилась из объятий Пола, чтобы взглянуть на «ягуар», горевший, как свечка, к счастью, хорошо застрахованная. Пол тоже сел.

— Мой Бог, — простонал он, — бензин…

— Там осталось еще что-нибудь взрывающееся?

— спросила я с оттенком черного, юмора. И внезапно вспомнила о существовании дикаря. Быть может, он горел в тот самый момент. Я вскочила, заметив, что на обоих чулках спустились петли, и побежала к дороге. Пол последовал за мной. Темная фигура, недоступная огню, но неподвижная, распростерлась на щебенке. Сначала я видела только гриву каштановых волос, которым огонь придавал красноватый оттенок, а затем, без усилия перевернув его, я увидела лицо человека, скорее, лицо ребенка.

Поймите меня правильно. Я не любила, не люблю и не буду любить совсем молоденьких парней, тех, кого называют в Европе minets. Их растущая популярность, и среди моих приятельниц тоже, кажется мне удивительной. Прямо-таки последователи Фрейда. Юнцам, от которых еще пахнет молоком, не следует вить гнездышко на груди у женщин, от которых пахнет шотландским виски. И все же это лицо на дороге, повернутое ко мне в свете языков пламени, такое юное, но. уже такое суровое, его совершенство наполнили меня странным чувством. Мне хотелось и бежать от него, и баюкать, нежно обняв. А ведь я не страдаю материнским комплексом. Моя дочь, которую я обожаю, живет в Париже, счастлива

замужем и окружена стайкой маленьких чертенят, которых она постоянно мечтает спихнуть мне летом, когда у меня появляется счастливая мысль провести месяц на Ривьере. Слава Богу, я редко путешествую одна, поэтому ее мечты еще ни разу не материализовались.

Но вернемся к той ночи и к Льюису — этого безумца, это чучело, этого лежащего без сознания человека, этого красавца звали Льюис, — на мгновение я застыла над ним, не двигаясь, даже не положив ему руку на сердце, чтобы удостовериться, бьется ли оно. Я смотрела на него, не видя особой разницы, жив он или умер. Несомненно, недопустимая сентиментальность, в которой потом мне пришлось горько раскаяться, не в том смысле, как кто-то, возможно, подумал. «Кто это?» — сурово спросил Пол (если и есть что-то восхитительное в обитателях Голливуда, так это их мания знать и узнавать всех). Пола нервировало, что он не может назвать по имени человека, которого едва не переехал среди ночи. Я начала закипать.

— Мы же не на вечеринке, Пол. Как ты думаешь, он ранен?.. О!..

Что-то коричневое, бегущее из-под головы незнакомца на мои руки… Кровь! Я узнала се

тепло, липкость, густоту, Пол увидел кровь в тот же момент.

— Я не тронул его, я в этом уверен. Его, должно быть, стукнуло обломком машины при взрыве. — Он встал, его голос был спокоен и тверд. Я начала понимать слезы Лолы Греветт. — Не двигайся, Дороти, я пойду позвоню, — большими шагами он направился к темным силуэтам домов, видневшихся вдали. Я осталась одна на дороге, рядом с человеком, который, быть может, умирал. Вдруг он открыл глаза, взглянул на меня и улыбнулся.

II

— Дороти, ты совсем свихнулась?

На такой вопрос мне труднее всего ответить, особенно если его задает Пол, который в элегантном темно-голубом блейзере смотрит на меня с издевкой. Мы на террасе моего дома, и я одета для работы в саду: старые брезентовые слаксы, цветастая блуза и косынка на голове. Не то чтобы я когда-либо работала в саду: вид садовых ножниц пугает меня, но я люблю менять внешность. Поэтому каждый субботний вечер я одеваюсь для работы в саду, как и мои соседи, но вместо того, чтобы носиться за взбесившейся газонокосилкой или полоть буйно заросшую цветочную клумбу,

я устраиваюсь на террасе с двойным виски в одной руке и книгой в другой. За этим занятием и застал меня Пол.Я чувствовала себя виноватой и неряшливой — два почти одинаково неприятных ощущения.

— Ты знаешь, что все в городе только и говорят, что о твоем последнем сумасбродстве?

— Все-все? — повторила я недоверчиво и скромно.

— Что, во имя Бога, этот парень здесь делает?

— Но он выздоравливает, Пол, он поправляется. В конце концов, ему сильно повредило йогу. И ты же знаешь, что у него нет ни доллара, ни семьи, ничего.

Пол глубоко вздохнул.

— Именно это и беспокоит меня, дорогая. Включая и то, что твой молодой битник налакался ЛСД перед тем, как броситься под колеса.

— Но, Пол, он же сам тебе все объяснил. Под действием наркотиков он не только не узнал, но и представить себе не мог, что это автомобиль. Огни фар он принял…

Неожиданно Пол покраснел.

— Мне все равно, что он там себе представлял. Этот придурок, этот хулиган чуть не убил нас, а через два дня после этого ты привозишь его к себе,

устраиваешь в гостиной и носишь ему завтраки в постель. Что если он однажды придушит тебя, приняв за цыпленка или Бог знает еще за кого? А если он убежит с твоими драгоценностями?

Тут я нанесла ответный удар.

— Знаешь, Пол, никто еще не принимал меня за цыпленка. А что касается моих драгоценностей, то их не так уж много, чтобы нажить на них состояние. В конце концов, не могли же мы оставить его совершенно беспомощного прямо на дороге.

— Ты могла оставить его в больнице.

— Но он сказал, что в больнице слишком мрачно, и я целиком с ним согласна.

Пол выглядел очень расстроенным, когда уселся напротив меня в парусиновое кресло. Он механически взял мой стакан и выпил добрую половину содержимого. Я не остановила его, хотя мне это совсем не понравилось. Пол явно был на взводе. Он посмотрел на меня.

— Ты работала в саду?

Для убедительности я кивнула несколько раз. Любопытно, что некоторые мужчины заставляют их обманывать. Я не смогла бы честно объяснить Полу мое невинное субботнее времяпрепровождение. Он опять назвал бы меня сумасшедшей, и я задумалась бы, а не прав ли он.

— Не так-то легко заметить, –.продолжал Пол, оглядываясь вокруг. Мой мизерный клочок сада действительно напоминал джунгли. Но я притворилась рассерженной.

— Я делаю все, что могу.

— Что у тебя в волосах?

Я провела рукой по голове и обнаружила две или три стружки, белые и тонкие, как бумага.

— Стружки, — недоуменно ответила я.

— Я это прекрасно вижу, — сухо подтвердил Пол. — Кстати, их полно и на земле. Кроме ухода за садом ты еще и плотничаешь?

В этот момент еще одна стружка спланировала сверху ему на голову. Я быстро взглянула наверх.

— А, я знаю, это Льюис вырезает маску из дерева, чтобы скоротать время.

— И элегантно отправляет обрезки через окно? Очаровательно!

Я тоже начала немножко нервничать. Возможно, я допустила ошибку, привезя Льюиса сюда, но, в конце концов, лишь на определенное время, без каких-то скрытых мотивов. И потом, Пол не имел никаких прав на меня, на что я тут же ему и указала. Он ответил, что его права те же, что и у каждого мужчины: иметь беспечную женщину, оберегать ее, и дальше такая же чушь… Мы

повздорили, он ушел взбешенный, а я осталась в шезлонге, с навалившейся усталостью и теплым виски. Часы показывали шесть. На лужайке, усыпанной листьями, удлинялись тени, приближающийся вечер сулил лишь скуку, так как битва с Полом лишила меня приглашения в веселую компанию. Оставался еще телевизор, обычно нагоняющий сои, да неразборчивое бормотание Льюиса, которое я слышала, принося ему обед.

Никогда раньше я не встречала такого тихого человека. Внятно он говорил только раз, когда объявил о своем нежелании остаться в больнице, через два дня после нашего столкновения. Мое гостеприимство он принял как само собой разумеющееся. В тот день у меня было очень хорошее настроение, возможно, слишком хорошее, один из тех моментов, редких, слава Богу, когда чувствуешь, что каждый человек на Земле одновременно твой брат и сын и ты должна заботиться о нем. С тех пор я забочусь о Лыоисе удобно устроенном в кровати в моей гостиной, на его ногу наложены повязки, которые он сам меняет. Все это время он не читал, не слушал радио, не смотрел телевизор, не разговаривал. Иногда сооружал нечто странное из сухих веток, которые я приносила из сада, или с ничего не

выражающим лицом смотрел в окно. В самом деле, спрашивала я себя, а не идиот ли он, и это предположение, вкупе с его красивой внешностью, казалось мне очень романтичным. Что касается моих достаточно скромных и редких вопросов о его прошлом, будущем, настоящем, то ответ следовал один и тот же: «Это неинтересно». Однажды ночью он оказался на дороге перед нашим автомобилем, его имя — Льюис, и это все. Впрочем, меня это устраивало: длинные истории утомляют, а большинство людей, видит Бог, меня не жалели.

Я пошла на кухню, на скорую руку приготовила изысканный обед из консервов и поднялась наверх. Постучав, вошла в комнату Льюиса и поставила поднос на кровать, усыпанную стружками. Вспомнив о той, что спланировала Полу на голову, я начала смеяться. Льюис поднял глаза, явно заинтригованный. Глаза у него были, как у кошки, очень светлые и зеленовато-голубые под черными длинными ресницами. Про себя я отметила, что за такую внешность «Колумбия» подписала бы с ним контракт, не раздумывая ни секунды.

— Ты смеешься? — говорил он низким, хрипловатым голосом, чуть заикаясь. –

— Я смеюсь потому, что одна из стружек упала через окно Полу на голову, и он рассвирепел.

— Его сильно ушибло?

Я взглянула на Льюиса в изумлении. Впервые он шутил, по крайней мере, я надеялась, что он шутит. Я глупо хихикнула, и вдруг мне стало как-то не по себе. Пол прав. Ну что я буду делать с этим молодым психом в субботний вечер, одна, в уединенном доме? Я могла бы танцевать или смеяться с друзьями или даже заниматься любовью е милым Полом или с кем-нибудь еще…

— Ты не собираешься уходить?

— Нет, — ответила я с горечью. –.Я надоедаю тебе? — Я тут же пожалела о сказанном, противоречащем законам гостеприимства. Но Льюис, лежащий в постели, залился счастливым, сердечным, прямо-таки детским смехом. И неожиданно, всего лишь под действием этого смеха, у него, казалось, появилась душа, он сразу помолодел.

— Тебе ужасно скучно? — Этот вопрос застал меня врасплох. Разве можно понять, когда тебе ужасно скучно, очень скучно или просто, не сознавая того, скучно в этой бесконечной кутерьме, которая и есть жизнь?

— Мне некогда скучать, — холодно ответила я. — Я сценарист в RKB, и я…

— Это там? — Поворот его подбородка влево вобрал в себя сверкающую бухту Санта-Моники, Беверли-Хиллз, эту обширную окраину Лос-Анджелеса, студии и съемочные павильоны, и объединил их одинаковым презрением. Быть может, «презрение» сказано слишком сильно, но движение это выражало нечто большее, чем безразличие.

— Да, там. Так я зарабатываю себе на жизнь. — В моем голосе слышалось раздражение. За три минуты этот незнакомец заставил меня сначала упасть в собственных глазах, а потом почувствовать себя бесполезной. Ведь в самом деле, что мне давала эта идиотская работа, кроме небольшой стопки долларов, собирающихся вместе каждый месяц и таким же образом каждый месяц растрачиваемых? Однако чувствовать себя виноватой из-за юнца, явно некомпетентного и нализавшегося ЛСД, было по меньшей мере неприлично. Я не имею ничего против таких наркотиков, но не верю, что они могут трансформировать чью-то привычку в философию, почти всегда предающую презрению тех, кто се не разделяет.

— Зарабатывать на жизнь, — повторил Льюис задумчиво, — зарабатывать на жизнь…

— Так говорят, — ответила я.

— Какая жалость! Как я хотел бы жить во Флоренции в те времена, когда там хватало людей, заботившихся о других просто так, как ты сейчас.

— Они заботились о скульпторах, художниках или писателях. Ты принадлежишь к ним?

Льюис покачал головой.

— Быть может, они заботились о людях, приносивших им радость.

Я цинично рассмеялась, почти в духе Бетт Девис:

— Ты легко можешь найти это и здесь, прямо сейчас. — Я тоже повернула подбородок влево, как и он чуть раньше.

Льюис закрыл глаза.

— Я же сказал: «Просто так», а это уже не просто так.

Когда он произносил «это», в его голосе было столько чувства, что я вдруг стала задавать себе множество вопросов о нем, один романтичнее другого. Что я знала о нем? Любил ли он кого-нибудь до безумия (не понимаю, почему так говорят, но по мне, это единственный способ любить)? Что, случай, наркотики или отчаяние, бросило его под колеса «ягуара»? Исцелялся ли он, отдыхая? Заживало ли его сердце, как и нога? И когда

Он упорно смотрел в небо, не видел ли он там чье-то лицо? Несносная память подсказала мне, что последнюю мысль я использовала, когда писала сценарий к цветному фильму «Жизнь Данте» и испытывала большие трудности с любовным антуражем. Голос за сценой. На сцене Данте, сидящий за массивным средневековым столом. Данте поднимает глаза от запыленного манускрипта, и голос мурлычет: «Когда он упрямо смотрел в. небо, не видел ли он там чье-то лицо?» Вопрос, на который зрителям предстояло ответить самим, я надеюсь, утвердительно.

Итак, мы пришли в ту точку, откуда начинался путь, проложенный ранее моим пером. Меня бы это очень обрадовало, обладай я малейшим литературным честолюбием или следами таланта. Очень плохо… Я взглянула на Льюиса. Он уже открыл глаза и наблюдал за мной.

— Как тебя зовут?

— Дороти, Дороти Сеймур. Разве я тебе не говорила?

— Нет.

Я сидела на краешке его кровати. В окно вливался вечерний воздух, наполненный запахом моря, столь сильным, столь неизменным в течение многих лет, как я дышу им, что он казался

прямо-таки жестоким в своем постоянстве. Долго ли еще я буду сладострастно вдыхать этот воздух? Сколько времени мне отпущено до того, как останется лишь тоска по ушедшим, годам, поцелуям, теплу мужского тела? Я вышла бы замуж за Пола, отказалась бы от неограниченной веры в свое хорошее здоровье, душевное равновесие. Так легко быть довольной собой, когда ты кому-то нужна, а потом? Да, потом? Потом, без сомнения, будут психиатры, сама мысль о которых вызывала у меня тошноту.

— Ты выглядишь грустной, — сказал Льюис. Он взял мою руку и посмотрел на нее. Я тоже взглянула на нее. Оба мы с интересом смотрели на мою руку — ситуация забавная и неожиданная. Лыоис, похоже, не знал, что это такое, а у меня же возникло ощущение, что в руках у него какая-то вещичка, более мне не принадлежащая. Никто еще не держал мою руку столь естественно.

— Сколько тебе лет?

К моему безмерному удивлению, я ответила честно:

— Сорок пять.

— Ты счастливая.

Пораженная, я взглянула на Льюиса. Ему, должно быть, двадцать шесть или чуть меньше.

— Дожить бы до таких лет. Это здорово. — Он отпустил мою руку или, как мне показалось, снова вернул ее моему телу. Затем отвернулся и закрыл глаза.

— Спокойной ночи, Лыоис, — я встала.

— Спокойной ночи, — ласково ответил Лыоис. — Спокойной ночи, Дороти Сеймур.

Я осторожно закрыла дверь и спустилась вниз, на террасу. Мне было необычайно хорошо.

III

— Ты Знаешь, я никогда не забуду тебя. Я не смогу тебя забыть.

— Забыть можно все.

— Нет. Между нами стоит что-то безжалостное, ты тоже это чувствуешь. Ты… должен понять. Невозможно, чтоб ты не понимал этого».

Я прервала этот волнующий диалог, мой последний шедевр, и бросила вопросительный взгляд на Льюиса. Он приподнял брови и улыбнулся.

— Ты веришь в безжалостность поступков? — спросил он.

— Но это же не обо мне, это о Ференце Листе и…

— Но ты?

Я начала смеяться. Я знала, что жизнь временами казалась мне безжалостной, и некоторые любовные увлечения оставляли меня в уверенности, что я никогда не приду в себя. И вот теперь, в сорок пять лет, в отличном расположении духа я сижу у себя в саду и ни в кого не влюблена.

— Я верила, а ты?

— Пока пет, — Лыоис закрыл глаза. Постепенно он становился более разговорчивым, и мы болтали о нем, обо мне, о жизни. Вечером, когда я приходила из студии домой, он, опираясь на костыли, спускался вниз, удобно устраивался на террасе в парусиновом кресле-качалке, и мы, бывало, с несколькими порциями шотландского наблюдали наступление ночи. Я радовалась, что, приходя домой, нахожу его там, спокойного, странного, веселого и молчаливого одновременно, как какую-то домашнюю зверушку. Просто радовалась, ничего больше. Я ни в каком смысле не влюбилась в него, наоборот, его привлекательность пугала и почти отталкивала меня. Не знаю, почему, возможно, он казался мне чересчур приглаженным, слишком стройным, слишком совершенным. Нельзя сказать, что я видела в нем что-то женственное, но он заставлял меня вспоминать об избранной расе, о которой писал

Пруст: волосы, как пух, кожа, как шелк. Короче, не было в нем ничего от детской угловатости, которую я нахожу такой привлекательной в мужчине. Интересно, брился ли он, да и росла ли у него борода?

По рассказам Льюиса, он родился в пуританской семье в Новой Англии. Немного проучившись, он пешком отправился в путь, подрабатывая по мелочам, где можно, и наконец прибыл в Сан-Франциско. Встреча с себе подобными, слишком большая доза ЛСД, нападение на машину, травма — и вот он здесь, в моем доме. Поправившись, он, уедет — куда, он не имел ни малейшего представления.

А пока мы болтали о жизни, об искусстве — что-то он знал, но его образование изобиловало зияющими пробелами, короче, наши отношения большинство людей назвали бы– весьма интеллектуальными и в то же время самыми, необычными из тех, какие могут быть между мужчиной и женщиной. Но если Льюис постоянно расспрашивал меня о моих прошлых любовных приключениях, то о своих не говорил никогда. Последнее, естественно, тревожило меня, учитывая его возраст. Слова «мужчина» и «женщина» он произносил одинаково вяло,

беспристрастно. А так как я, даже в мои сорок пять, не могла произнести слово «мужчина» без нежности в голосе и без милых сердцу смутных воспоминаний, то временами ощущала холодность и неловкость.

— Когда ты впервые узнала, что такое жестокость? — спросил Льюис. — Когда первый муж покинул тебя?

— Боже мой, нет. Это-то я пережила. Представь себе только: абстрактное искусство все время, постоянно… Но когда Фрэнк ушел, да, тогда я чувствовала себя как раненое животное.

— Кто такой Фрэнк? Второй?

— Да, второй. Мужчина как мужчина, ничего особенного, но он был такой веселый, такой нежный, счастливый…

— И он оставил тебя?

— Лола Грсветт влюбилась в него до безумия.

Льюис приподнял, брови, заинтригованный.

— Ты же слышал об этой актрисе?

Он неопределенно взмахнул рукой. Меня это разозлило, но я не подала вида.

— Короче, Фрэнк потерял голову, решил, что уже на седьмом небе, и покинул меня, чтобы жениться на ней. В то время я думала, что никогда не выкарабкаюсь. Мучилась больше года.

Ты удивлен?

— Нет. Что с ним стало?

— Через два года Лола безумно влюбилась в кого-то еще и бросила Фрэнка. Он снял подряд три неудачных фильма и начал пить. Вот и конец истории. — Наступило минутное молчание. Лью-ис слабо застонал и попытался приподняться из крссла-качалки.

— Что-то случилось?. — встревоженно спро-сила я.

На мгновение я представила себя проводящей с ним, инвалидом, остаток моих дней, и что лю-бопытно, идея не показалась мне ни абсурдной, пи неприемлемой. Наверное, я уже достигла того возраста, — когда хочется взвалить на себя такую ношу. В конце концов, я ничем не могла навредить ему.

— Оставайся, где ты есть, — весело воскликнула я, — и когда у тебя выпадут зубы, я. буду готовить тебе кашку.

— А почему у меня должны выпасть зубы?

— Говорят, это случается, когда долго лежишь. Должна отметить, что это странно. Они тем более должны выпасть, когда стоишь, согласно закону всемирного тяготения. Но не выпадают.

Лыоис искоса взглянул на меня, почти как Пол,

но более дружелюбно.

— В этом что-то есть. Ты знаешь, я бы никогда не уходил от тебя.

Затем, закрыв глаза, он нежным голосом попросил принести что-нибудь из поэзии, и. я отправилась в библиотеку поискать стихи, которые понравились бы ему. Это был еще один наш ритуал. Тихим, спокойным, голосом я декламировала строчку за строчкой, чтобы не разбудить и не испугать его. В этот раз я выбрала «Оду Уолту Уитмену» Гарсиа Лорки.

IV

Новости я узнала в разгаре работы. Я диктовала секретарше захватывающий, диалог Ференца Листа и Марии д'Аго, как я его себе представляла (впрочем, без особого энтузиазма, так как накануне выяснила, что роль Листа отдана Нодину Дьюку. Интересно, кто решил, что на роль композитора более всего подходит этот мускулистый и темнолицый здоровяк. Впрочем, в подобных фильмах случается и не такое).

— Это безнадежно, — бормотала я на ухо плачущей секретарше (она удивительно чувствительная натура), когда зазвонил телефон.

Хлюпая носом и вытирая глаза платком, секре-

тарша взяла трубку и повернулась ко мне:

— Это Пол Бретт, у него что-то срочное.

Я взяла трубку.

— Дороти? Ты уже слышала?

— Нет. По крайней мере, не думаю.

— Милая, ах… Фрэнк умер. — Я промолчала. Пол нервно добавил: — Фрэнк Тайлер. Твой бывший муж. Он покончил с собой сегодня ночью.

— Это неправда, — я не поверила. У Фрэнка не было ни крупицы мужества. Очаровательный во всех отношениях, но полное отсутствие мужества. А насколько я знаю, нужно немалое мужество, чтобы убить себя. Достаточно вспомнить о тех, кому больше ничего не оставалось, но они не смогли переступить последнюю черту.

— Он покончил с собой этим утром в третьеразрядном отеле, — продолжал Пол. — Недалеко от твоего дома. Никаких объяснений.

Мое сердце забилось реже, реже. Так сильно и так редко. Фрэнк, его жизнерадостность, смех, кожа… Мертв. Странно, насколько смерть легкомысленного человека может потрясти сильнее, чем смерть более цельной личности. Я не могла заставить себя поверить.

— Дороти, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Дороти, ты должна приехать. У него нет семьи, и ты же знаешь, Лола в Риме. Мне очень жаль, Дороти, но ты должна приехать и позаботиться о формальностях. Я заскочу за. тобой.

Он повесил трубку. Я передала трубку секретарше, се все.зовут Кэнди-Леденец, Бог знает почему, и села. Она взглянула на меня, и какое-то чувство, делающее ее столь незаменимой, заставило ее подняться, открыть ящик, помеченный «картотека», и подать мне открытую бутылку «Chiv as Pegcl», которая обычно там стояла. Бессознательно я сделала длинный глоток. Я знаю, почему людям в шоковом состоянии дают алкоголь: это отвратительная штука, и в таких случаях он вызывает в человеке чувство отвращения, чем и выводит из оцепенения быстрее, чем что-либо другое. Виски обожгло мне рот и горло, и я пришла в себя.

— Фрэнк мертв, — сказала я. Кэнди уткнулась в носовой платок. Разумеется, частенько, когда меня покидало вдохновение, я рассказывала ей грустную историю своей жизни. Она, впрочем, тоже. Короче, она знала о Фрэнке все, и ото хоть как-то утешало меня. Трудно представить, что бы я делала, если б узнала о смерти Фрэнка, находясь в обществе человека, не знавшего о его

существовании.

Действительно, видит Бог, бедняга давно уже пропал из виду. Когда-то его знали все, теперь напрочь забыли. Здесь, в Голливуде, трагедия известности в том, что вышедшую в тираж знаменитость стараются совсем не вспоминать. А если уж и упомянут, то единственной строчкой в газетах, несколькими небрежными или неодобрительными фразами и совсем без жалости, которую могло бы вызвать самоубийство. И Фрэнк, Красавчик Фрэнк, вызывавший зависть муж Лолы Греветт, смеявшийся со мной Фрэнк, будет умерщвлен вторично.

Пол приехал быстро. Он по-дружески взял меня за руку, но не проявил ни малейшего сочувствия, которое, знаю, вызвало бы у меня потоки слез. Я всегда сохраняю привязанность, нежность к мужчинам, с которыми спала, плохим или хорошим. У женщин это встречается крайне редко. Но ночью, в постели, наступает момент, когда чувствуешь, что на земле нет никого ближе тебе, чем мужчина, лежащий, рядом, и ничто не заставит меня поверить в обратное. Мужские тела, такие мужественные и такие ранимые, такие разные и такие непохожие, так желающие не быть похожими… Я взяла Пола под руку, и мы вышли.

Мне стало значительно лучше еще и от того, что я не любила Пола… мне предстояло окунуться в прошлое, и присутствие там близкого человека из реального мира было бы невыносимым.

Фрэнк лежал на кровати, спящий, безразличный ко всему, мертвый. Он выстрелил себе в сердце с двух дюймов, так что лицо его осталось нетронутым. Я попрощалась с ним без особых волнений, как, я полагаю, прощаются с частью самого себя, с чем-то, что было частью тела, когда взрыв снаряда, операция или несчастный случай забирают ее. У него были каштановые волосы — странно, но я никогда не видела мужчин с такими волосами, и все же это самый обычный цвет.

Пол решил отвезти меня домой. Я повиновалась. Было четыре часа дня, солнце обжигало наши лица в новом «ягуаре» Пола, и я думала о том, что оно уже никогда не обожжет лица Фрэнка, а он так любил солнце… С мертвыми не церемонятся: лишь только человек испустил дух, как его заколачивают в черный ящик, плотно закрытый, и опускают в землю. Избавляются от мертвых. Или их приукрашивают, уродуют, выставляют напоказ под белыми электрическими огнями, неузнаваемо изменившихся в окоченении. А я оставляла бы их на солнце минут на

десять, отвозила бы на морской берег, если они любили море, они могли бы в последний раз полюбоваться землей, перед тем как соединиться с ней навеки. Но нет. Мертвых наказывают за их смерть. В лучшем случае мы исполняем им немного Баха или церковные псалмы, которых они наверняка не. любили.

В общем, Пол доставил меня к дому, подавленную меланхолией.

— Можно мне зайти на минутку?

Я механически кивнула, потом подумала о Льюисе. Впрочем, велика важность! Что мне их молчаливые, ледяные взгляды, какая разница, что они думают друг о друге!

Итак, Пол последовал за мной к террасе, где Льюис, растянувшись в кресле, наблюдал за птичками. Он издалека приветливо помахал рукой, но, заметив Пола, резко опустил се. Я вошла на террасу и остановилась перед Льюисом:

— Льюис, Фрэнк умер.

Он вытянул руку, нерешительно коснулся моих волос, и тут я не выдержала, что-то во мне сломалось. Я упала на колени и зарыдала у ног этого ребенка, ничего не знающего о горестях жизни. Рука Льюиса прошлась по моим волосам, лбу, залитым слезами щекам, он молчал. Слегка

успокоившись, я взглянула вверх: Пол ушел, не сказав ни слова. И неожиданно я поняла, что не плакала при нем по одной простой причине: он этого очень хотел.

— Ну и вид, должно быть, у меня, — пробормотала я, взглянув на Льюиса. Я знала, что глаза у меня заплыли, тушь потекла, косметика погибла. И в первый раз в жизни в присутствии мужчины меня это нисколько не беспокоило. Во взгляде Льюиса, в том моем отражении, которое этот взгляд возвращал мне, я видела только заплаканного ребенка Дороти Сеймур, сорока пяти лет. В его взоре чувствовалось что-то мрачное, пугающее и успокаивающее, из-за искренности, исключающей всякую фальшь в проявлении чувств.

— Тебе тяжело, — задумчиво произнес Льюис.

— Я очень долго любила его.

— Он покинул тебя, — отрезал Льюис. — И наказан. Такова жизнь.

— Ты слишком наивен. Жизнь, слава Богу, не детская игра.

— А хотелось бы… — Льюис больше не смотрел на меня, его внимание снова обратилось на птичек. Он, казалось, полностью забыл обо мне. На мгновение я подумала, что его сочувствие не так

уж глубоко. Мне не хватало Бретта, воспоминаний о Фрэнке, которого мы могли бы воскресить в разговоре, рук Пола, время от времени платочком осушающих мне слезы, — короче, иной, отвратительной, слюнявой, сентиментальной комедии, которую мы могли бы сыграть на этой самой террасе. В то же время я гордилась тем, что удалось обойтись без этого.

Зазвонил телефон, и я вошла в дом. Звонки не прекращались весь вечер. Мои бывшие любовники, друзья, бедная секретарша, приятели Фрэнка, репортеры (правда, только два-три) — казалось, вес повисли на телефоне. Они уже знали, что в Риме Лола, узнав новости, сочла удобным грохнуться в обморок и покинуть съемку в сопровождении ее нового итальянца-жиголо. Вся эта суета выбила меня из колеи. Никто из них, сейчас таких сочувствующих, ни разу не помог Фрэнку, и именно я, презирая американские законы о разводе, материально поддерживала его до конца. Последний удар нанес Джерри Болтон, глава Актерской гильдии. Этот тип, отвратительнее которого трудно представить, после моего возвращения из Европы возбуждал против меня одно судебное дело за другим, стараясь довести меня до нищенства, а затем, когда у него ничего

не вышло, принялся за Фрэнка, после того как Лола оставила его. Этот всесильный, грубый и удивительно ничтожный человек прекрасно знал, что я искренне ненавижу его. Но у него хватило наглости позвонить мне.

— Дороти, мне так жаль. Я знаю, ты глубоко любила Фрэнка, и я…

— А я знаю, что ты выбросил его на улицу и практически везде внес в черный список. Повесь трубку, пожалуйста. Я не хочу быть грубой.

Джерри повесил трубку. От злости мне стало легче. Я повернулась к Льюису и объяснила ему, почему я ненавижу Джерри Болтона вместе с его долларами и всемогуществом.

— Если бы не несколько друзей и не мои стальные нервы, он довел бы меня, как и Фрэнка, до самоубийства. Лицемерный подонок. Я никогда никому не желала смерти, но я почти хочу, чтобы он сдох. Он единственный, кого я ненавижу в такой степени… — На этом моя речь оборвалась.

— Ты недостаточно требовательна, — рассеянно заметил Льюис. — Наверняка сеть и другие.

V

Мы сидели в моем кабинете. Я нервно ерзала, не отрывая глаз от телефона. Кэнди побледнела

от волнения. И только Льюис, устроившийся в кресле для посетителей, казался спокойным и даже скучающим. Мы ждали результатов его кинопробы.

Однажды вечером, через несколько дней после смерти Фрэнка, он неожиданно решился. Он встал, легко сделал три шага, будто у него и не было травмы, и остановился передо мной.

— Посмотри, я опять здоров.

Неожиданно я осознала, что настолько привыкла к его присутствию, к его физической неполноценности, что совсем не ожидала того, что произошло. Потом он скажет мне: «Прощай, благодарю тебя», покинет дом, и я больше никогда не увижу его. Странная грусть охватила меня.

— Это хорошая новость, — в голосе моем не слышалось радости.

— Ты так думаешь?

— Конечно. Что… Что ты собираешься теперь делать?

— Это зависит от тебя, — Льюис снова сел. Я перевела дух. По крайней мере, он не уезжает немедленно. В то же время его слова заинтриговали меня: как могла судьба такой капризной, равнодушной и свободной особы зависеть от меня? Ведь я была для него не более чем сиделкой.

— В любом случае, если останусь здесь, я должен буду работать, — продолжал он.

— Ты думаешь поселиться в Лос-Анджелесе?

— Я сказал — здесь, — твердо ответил Льюис, указав на террасу и кресло. И, помедлив, добавил: — Если, конечно, тебя это не стеснит.

Я уронила сигарету, подобрала ее, встала, бормоча:

— Ну, скажи мне… э… Я понимаю… Конечно, если бы я предполагала…

Он, не двигаясь, наблюдал за мной. Потом, страшно смутившись, всему же есть предел, я поспешила на кухню и хлебнула виски прямо из бутылки. Наверное, я кончу алкоголиком, если уже не стала им. Придя в себя, я вернулась на террасу. Пришло время объяснить этому мальчику, что одна я живу добровольно, по своему собственному желанию, и не нуждаюсь в компании молодого человека. Что, кроме того, его присутствие лишало бы меня возможности принимать дома моих поклонников, весьма существенное неудобство, кроме того… кроме того… кроме того… Короче, я не могла найти лишь причину для его пребывания здесь, в моем доме. В тот момент меня просто возмутило его решение остаться, хотя несколько– минут назад я сожалела о его

отъезде. Но я привыкла к своим внутренним противоречиям.

— Льюис, — начала .я, — мы должны договорить…

— В этом нет нужды. Если ты не хочешь, чтобы я оставался, я уеду.

— Я не об этом (как видите, моего сопротивления хватило ненадолго).

— О чем же еще?

Оцепенев, я взглянула на него. Да, о чем же еще? Я ведь действительно не хотела, чтобы он уходил. Мне он очень нравился.

— Это неприлично, — выдохнула я. Лыоис расхохотался. От смеха он молодел. Я начинала злиться. — Пока ты выздоравливал, твое присутствие здесь считалось закономерным. Мы подобрали тебя на дороге, ты едва не угодил…

— Итак, если я снова могу ходить, это уже неприлично?

— Теперь нет объяснения.

— Нет объяснения для кого?

— Для всех.

— Ты всем объясняешь, как ты живешь? — Презрение в его голосе разъярило меня.

— Действительно, Лыоис, что ты себе думаешь? У меня своя жизнь, друзья, я даже… о… есть даже

мужчины, которые мной интересуются. — Произнеся последнюю фразу, я почувствовала, что краснею. В сорок пять лет!

Лыоис кивнул.

— Я прекрасно знаю, что есть мужчины, которые любят тебя. Бретт, например.

— Между мной и Полом ничего не было, — целомудренно ответила я. — И потом, это не твое дело. Просто пойми, что твое присутствие здесь компрометирует меня.

— Ты уже большая девочка, — достаточно твердо заявил Льюис. — Я только подумал, что, работая в городе, я мог бы продолжать жить у тебя и платить за квартиру.

— Но мне не нужны деньги. Я зарабатываю достаточно и без постояльцев.

— Мне здесь спокойнее.

После бесконечной дискуссии мы пришли к компромиссу. Льюис будет искать работу, а потом снимет комнату где-нибудь поблизости, если уж он так настаивает. Он принял эти условия. В полном согласии мы отправились спать. Перед тем как заснуть, до меня дошло, что мы не коснулись только одного простого вопроса: почему он хочет остаться со мной?

На следующий день я обошла вес студии,

рассказывая о молодом человеке ангельской внешности. Собрав коллекцию ехидных замечаний, договорилась о встрече для Льюиса. Еще через день я привела его на студию, он спокойно прошел кинопробу, и Джей Грант, мой босс, обещал взглянуть на псе через неделю…

Этот день наступил. Джей сидел в проекционном зале и просматривал кинопробы Льюиса и еще дюжины молодых надежд, я нервно жевала ручку, а Кэнди, влюбившаяся в Льюиса с первого взгляда, что-то рассеянно печатала.

— Ну и вид же отсюда, — лениво пробормотал Льюис.

Через окно я посмотрела вниз, на желтый лужок. Вот это да!

Льюис может стать суперзвездой, американским соблазнителем номер один, а его интересует вид из моего окна. Я представила его, идола толпы, увешанного Оскарами, проталкивающегося сквозь массу поклонников и время от времени делающего крюк в своем роскошном «кадиллаке», чтобы навестить бедную старую Дороти, из-за которой все и началось… Зазвонил телефон… Влажной от пота рукой я подняла трубку.

— Дороти? Это Джей. Дорогая, твой маленький приятель очень хорош, просто превосходен. При-

езжай и посмотри сама. Его проба лучшая, какую я видел со времен Джеймса Дина.

— Он здесь, — сказала я изменившимся голосом.

— Прекрасно, бери его с собой.

После того как Кэнди, снова вытирая глаза, расцеловала нас, мы вскочили в мою машину, побили все рекорды скорости на тех двух милях, что отделяли нас от студии, и упали в объятия Джея. Говоря «мы», я несколько преувеличиваю, так как Льюис, насвистывая, еле волочил ноги, выражая полное безразличие к происходящему, Он вежливо поздоровался с Джеем, в темноте сел рядом со мной, тут же включили пленку.

На экране у него было совсем другое лицо, не поддающееся четкому описанию, жестокое и в то же время удивительно привлекательное. Я должна бы восхищаться, а мне стало как-то не По себе. Незнакомец на экране с неожиданной небрежностью и простотой вставал, закуривал, прислонясь к стене, улыбался, зевал, как если бы он был один. Камера нисколько не мешала ему, он, казалось, не подозревал о ее существовании. Экран погас, и Джей повернулся ко мне, ликуя:

— Ну, Дороти, что ты думаешь? — Естественно, именно он сделал открытие. Я, ничего не говоря,

несколько раз кивнула — лучший способ маскировки чувств. Джей повернулся к Льюису: — Что ты думаешь о себе?

— Я не думаю о себе, — спокойно ответил тот.

— Где ты учился играть?

— Нигде.

— Нигде? Ладно, ладно, мой друг…

Льюис встал. Казалось, он здорово рассердился.

— Я никогда не лгу, мистер э… э…

— Грант, — механически подсказал Джей.

Впервые я увидела, чтобы Джей растерялся. Он даже слегка покраснел.

— Я и не говорил, что ты лжешь, я просто заметил, что ты удивительно естественен для новичка. Дороти может Подтвердить.

Джей повернулся ко мне, и от его умоляющего взгляда я чуть не рассмеялась, но пришла ему на помощь:

— Это правда, Лыоис, ты очень хорош,

Он взглянул на меня, улыбнулся и неожиданно наклонился ко мне, как будто мы были одни.

— Правда, я тебе понравился?

Его лицо замерло в дюйме от моего, и я беспокойно заерзала в кресле.

— Да, Льюис, я уверена, ты сделаешь карьеру. Я…

Джей Скромно кашлянул, как я и надеялась.

— Я подготовлю твой контракт, Льюис. Если ты захочешь, можешь показать его своему адвокату. Где я смогу найти тебя?

Спрятавшись в кресле, оцепенев, я услышала спокойный ответ Льюиса:

— Я живу у миссис Сеймур.

VI

Скандал не раздули лишь благодаря моей малой известности в Голливуде. Несколько замечаний, несколько идиотских поздравлений с блестящим будущим моего протеже. Но слухи не вышли за пределы моего кабинета. Никто из журналистов не постучал в дверь. Единственная строчка в газете сообщала, что молодой дебютант Льюис Майлс подписал контракт у знаменитого Джея Гранта. И лишь Пол Бретт во время ленча в директорате компании серьезно спросил, что я собираюсь делать с Льюисом. Пол похудел, что шло ему, и стал меньше улыбаться, впрочем, обычное явление для сорокалетних в этой стране. И неожиданно он заставил меня вспомнить, что на свете существуют мужчины и любовь. Я весело ответила, что с Льюисом меня ничего не связывает, я очень рада за него и он скоро переедет. Пол

посмотрел на меня подозрительно.

— Дороти, мне всегда нравилось, что ты не лжешь и не разыгрываешь идиотских комедий, как другие голливудские женщины.

— Как?

— Не говори мне, что ты целый месяц в целомудрии прожила с красивым молодым парнем. Я полагаю, он не только красив, но и…

Я рассмеялась.

— Пол, ты должен поверить мне. Он не интересует меня, во всяком случае, в этом смысле. Так же, как и я его. Я знаю, это кажется странным, но все так и есть.

— Ты клянешься в этом?

Мания мужчин к получению клятв очаровательна. Итак, я поклялась, и, к моему удивлению, Пол искренне просиял. Вот уж не думала, что он столь доверчив и полагается на женские клятвы, все равно какие. Тут же, правда, я нашла другое объяснение: он так влюблен в меня, что мои заверения доставляют ему удовольствие. Вот когда до меня дошло, что я прожила с Льюисом больше месяца, за это время почти нигде не бывала и, тем– не менее, ни разу не оказалась в одной постели с этим красивым парнем, хотя этот вопрос всегда занимал важное место в моей

жизни. Я посмотрела на Пола более внимательно, обнаружила обаяние) элегантность, изысканные манеры и договорилась о встрече с ним на следующий день. Он заедет за мной около девяти вечера, мы пообедаем у Чейзена, а потом потанцуем. Довольные друг другом, мы разошлись.

На следующий день я вернулась домой раньше обычного с твердым намерением роскошно одеться и соблазнить Пола раз и навсегда. Как обычно, Лыоис сидел в кресле и смотрел в небо. Он помахал в воздухе листом бумаги. Подойдя, я взяла его. Это был контракт с Грантом. Он включал съемку трех фильмов, высокий недельный оклад в течение двух лет и, разумеется, исключительные права. Я быстро пробежала контракт и посоветовала для надежности показать, его моему адвокату.

— Ты Доволен, Льюис?

— Мне все равно. Если контракт тебе нравится, я подпишу его. Ты торопишься?

— Я приглашена на обед, — бодро ответила я. — Пол Бретт через час заедет за мной.

Я поднялась наверх и через минуту сидела в ванне по шею в горячей воде, с оптимизмом думая о будущем. — Мне удалось выбраться из очень щекотливой ситуации: перед Льюисом от-

крывается блестящая карьера, Пол все еще любит меня, и мы собираемся пообедать, поразвлечься, быть может, заняться любовью — жизнь прекрасна. Я взглянула в зеркало на свою еще стройную фигуру, сияющую физиономию и, что-то напевая, скользнула в шикарный халат, присланный дочерью из Парижа. Затем присела у туалетного столика, вытащила бесчисленное множество баночек с магическими кремами и начала священнодействие. Льюиса я увидела в зеркале. Он без стука вошел в спальню — меня это удивило, но не особенно рассердило, учитывая, как я уже отметила, мое прекрасное настроение, — и сел на ковер возле меня. С одним глазом я уже покончила, со вторым — нет, выглядела наверняка глупо, поэтому продолжила устранение асимметрии.

— Где ты собираешься обедать? — спросил Льюис.

— У Чейзена. Это в Лос-Анджелесе, единственный, ресторан, который тебе стоит посетить. Скоро ты появишься там как звезда.

— Не говори ерунды, — он говорил, грубо и раздраженно. На мгновение я оторвалась от дела, моя рука с кисточкой для теней замерла в воздухе:

— Я не говорю ерунду. Это очаровательное

место.

Льюис не ответил. Как обычно, он смотрел в окно. Я покончила с глазом, но, к моему удивлению, не решалась накрасить губы в его присутствии. Мне казалось, что это так же неприлично, как раздеться перед ребенком. Я пошла в ванную, тщательно подвела губы а-ля Кроуфорд и надела вечернее голубое платье, мое самое любимое. Возникли трудности с молнией, и я полностью забыла о Льюисе, из-за чего, входя в спальню, чуть не наступила на него, все еще сидящего на ковре. Он вскочил на ноги и уставился на меня. Довольная собой, я мило ему улыбнулась:

— Что ты обо мне думаешь?

— Ты мне больше нравишься в наряде садовника.

Я засмеялась и пошла к двери: пора готовить коктейли. Но Льюис схватил меня за руку:

— А я что буду делать?

— Делай что хочешь, — ответила я в изумлении. — Есть телевизор, копченая семга в холодильнике. Или, если хочешь, можешь взять мою машину…

Он все еще держал меня за руку, лицо его закаменело. Он смотрел на меня пустым взором, и я узнала тот самый взгляд, что поразил меня

на студии, взгляд пришельца на Земле. Я попыталась высвободить руку, а когда это не удалось, подумала с надеждой, что скоро приедет Пол,

— Разреши мне пройти, Льюис. Я опаздываю, — я говорила тихо, будто боясь разбудить его. На лбу и вокруг рта Льюиса появились капельки пота, я подумала, уж не болен ли он.

В этот момент он будто увидел меня, очнулся и отпустил мою руку.

— Твое ожерелье плохо застегнуто. — Его руки легко обвились вокруг моей шеи, замочек нитки жемчуга щелкнул. Потом он отступил на шаг, и я вышла из комнаты. Все это длилось не более секунды, но я почувствовала, что крошечная капелька пота скатилась по спине. Не от возбуждения, вызванного прикосновением к шее рук мужчины. Это-то чувство я знала прекрасно.

Пол прибыл вовремя, был мил с Льюисом, несколько снисходительным, но очаровательным, и мы втроем выпили по коктейлю. Мой оптимизм быстро восстанавливался. Уезжая, я помахала рукой Льюису, стоявшему неподвижно в дверном проеме: высокий,. стройный силуэт, красивый, слишком красивый.

Вечер прошел, как я и ожидала. Я повидала массу друзей, часа два протанцевала с Полом, и мы

приехали к нему на квартиру. Я снова испытала прелесть табачного запаха, тяжести мужского тела и любовных слов, нашептываемых в темноте. Пол был настоящий мужчина, очень нежный, сказал, что любит меня, и попросил выйти за него замуж. Я, естественно, согласилась, так как, получая удовольствие, готова согласиться на что угодно.

В шесть утра я заставила Пола отвезти меня домой.

Льюис затворил на ночь окно, и только утренний ветерок шелестел высокими сорняками в моем саду.

VII

Прошел месяц. Льюис начал работать — второстепенная роль в сентиментальном цветном вестерне. Тем не менее, когда однажды вечером нам показали, снятые куски, Льюис настолько приковал к себе внимание, что о нем начали говорить. Он же, казалось, отнесся ко всей этой суете без всякого интереса, не произнося ни слова, слонялся по студии сколько мог, сидел в моем кабинете, выслушивая похвалы Кэнди, или дремал среди старых голливудских декораций, отдавая предпочтение сделанным для вестернов, тем,

что никогда не разбирались: целыми деревнями с балконами и деревянными лестницами, фасадами, за которыми ничего не было, — пустым, трогательным и отвратительным одновременно. Лыоис часами бродил по фальшивым улицам, часто сидел на ступеньках с сигаретой во рту. В конце дня я отвозила его домой. По вечерам он нередко оставался один, хотя я неоднократно советовала ему найти себе компанию. Пол жаждал как можно скорее предстать перед священником, и требовалась вся моя дипломатия, чтобы сдерживать его. Все считали, что я разделяю объятия двух мужчин, изображая сирену, и от этого я чувствовала себя помолодевшей. Но где-то в глубине души накапливалось и раздражение.

Так продолжалось около трех недель. Надо ли говорить, как прекрасна жизнь, когда ее любишь! Чудесные дни, волнующие ночи, головокружение от алкоголя и удовольствия, нежные прикосновения, возбуждение, невероятное счастье просыпаться живой, чувствуя, что впереди бездна времени, целый гигантский день, до того как снова заснуть, коснувшись подушки. Я никогда не смогу полностью отблагодарить небеса, Бога или мою мать за свое появление на свет. Все было моим: свежесть простыней или

их влажность, плечо любовника, касающееся моего, или мое одиночество, серый или голубой океан, прекрасная, гладкая дорога к студии, музыка, льющаяся из приемника… и умоляющий взгляд Льюиса. Камень преткновения. Я начинала чувствовать себя виноватой. Каждый вечер у меня возникало такое чувство, что я бросаю его.. Когда я. подъезжала к съемочной площадке, где он работал, когда, захлопнув дверцу автомашины, направлялась к нему изящной походкой, надеюсь, уверенной в себе женщины, я видела, что он издерган, печален. И иногда, как в бреду, приходило сомнение: а не дурачу ли я себя? А если эта жизнь, принадлежащая мне, счастье, радость, любовь, ощущение совершенства — всего-навсего глупый самообман? И почему бы мне не подбежать к нему, сжать его в объятиях и спросить… Спросить о чем? Что-то пугало меня. Я чувствовала, как меня притягивает к чему-то неизвестному, зловещему, но несомненно существующему, реальному. А затем я брала себя в руки, улыбалась и говорила: «Привет, Льюис». И он всегда улыбался в ответ.

Раз или два я видела его на съемках. Перед ненасытной камерой он держался так же естественно, как дикое животное, довольствуясь несколькими

жестами, причем в такой рассеянной манере исполнения, что выглядел отрешенным, как львы, которым надоел зоопарк и которым невозможно смотреть в глаза.

А потом Болтон решил купить его. Ему это удалось без особых хлопот. В Голливуде не было режиссера, который отважился бы в чем-то отказать ему. Включая и Джея. Болтон встретился с Льюисом, предложил ему лучшие условия и купил контракт у Джея. Я ужасно разъярилась. Особенно потому, что Льюис упорно отказывался рассказывать мне о встрече. Я с трудом заставила его.

— Там большой стол. Он сидел с сигаретой. Предложил мне сесть, потом поднял трубку и позвонил еще какому-то парню.

— Что ты тогда сделал?

— Взял со стола журнал, начал читать.

Я но могла не улыбнуться. Приятно представить себе молодого человека, читающего журнал, сидя перед Болтоном.

— А потом?

— Он положил трубку, спросил, не думаю ли я, что это приемная дантиста.

— Что ты ответил?

— Что не думаю. Я ни разу не был у дантиста,

никогда. У меня очень хорошие зубы.

Лыоис наклонился ко мне и пальцем приподнял верхнюю губу, чтобы доказать свою правоту. Зубы у него были как у волка, белые и острые. Я кивнула.

— А потом?

— А потом ничего. Он что-то пробормотал и сказал, что это честь для меня, что он мной интересуется, или что-то в этом роде. Что он собирается купить мой контракт, он сделает мне карьеру, э… как это он сказал… производящую впечатление карьеру. — Тут он расхохотался. — Производящую впечатление… мне… Я ответил, что мне все равно и я хочу только заработать кучу денег. Ты знаешь, я нашел «роллс».

— Что?

— Я же говорю — «роллс», ты на днях говорила о таком с Полом, в который можно войти, не сгибаясь. Я нашел его для тебя. Ему лет двадцать, он очень высокий, а внутри весь золотой. Мы получим его па следующей неделе. Болтон дал мне достаточно денег для первого взносами я его внес.

На мгновение я остолбенела.

— Ты хочешь сказать, что купил мне «роллс»?

— Разве ты не хотела его иметь?

— И ты полагаешь, что и дальше будешь осуществлять все мои школьные мечты? Ты сошел с ума!

Льюис успокаивающе махнул рукой: жест, более уместный для мужчины зрелых лет. Наши роли переменились. Прежние отношения, бывшие платоническими, теперь становились просто смешными. Трогательными, но смешными. По моему лицу Льюис все понял, так как тут же надулся.

— Я думал, тебе будет приятно… Извини, я должен уйти сегодня вечером.

Прежде чем я успела что-либо сказать, он встал и скрылся в доме. Терзаемая раскаянием, я отправилась спать, около полуночи поднялась, чтобы написать Льюису письмо с благодарностью и извинениями, столь приторными, что пришлось в конце концов вычеркнуть несколько фраз. Зайдя в комнату Льюиса, я сунула письмо под подушку и еще долго не могла заснуть, ожидая его возвращения. В четыре утра Льюис еще не появился, и со смесью облегчения и грусти я заключила, что он наконец нашел любовницу.

Чтобы хоть немного выспаться, я отключила телефон, позевывая, появилась в студии лишь к полудню и, естественно, оказалась не в курсе

последних событий. Когда я вошла, Кэнди подпрыгнула в кресле, глаза у нее были совершенно бешеные. «Уж не укусила ли ее электрическая пишущая машинка», — подумала я. Она обняла меня за шею: –

— Что ты думаешь об этом, Дороти? Что ты думаешь?

— Бог мой, о чем?

Я увидела перед собой грандиозную перспективу нового контракта, за который заплатят кучу денег. Я как раз простаивала, и Кэнди, не позволила бы мне отказаться от работы. Вопреки тому, что я, очевидно, вполне здорова, каждый, с самого моего детства, считал своим долгом приглядывать за мной, словно за умственно отсталой.

— Ты ничего не знаешь? — блаженство, разлившееся по ее лицу, породило во мне сомнения. — Джерри Болтон мертв.

Я с ужасом вынуждена была отметить, что, как и сна, да и все па студии, восприняла это известие как хорошую новость.

Я села напротив Кэнди, только теперь заметив, что она уже достала бутылку шотландского и два стакана, чтобы отметить событие.

— Что значит мертв? Льюис еще вчера видел его.

— Убит, — радостно сообщила она.

Тут я спросила себя, не результат ли моих литературных творений эта ее мелодраматическая манера поведения?

— Но кем?

Неожиданно она смутилась и, запинаясь, ответила:

— Я не знаю, смогу ли я сказать… Кажется, мистер Болтон имел… э… моральные принципы… которые… которые…

— Кэнди, — сухо сказала я, — у каждого есть свои принципа, не важно какие. Объясни подробнее.

— Его нашли в одном доме, около Малибу, кажется, он был там старым клиентом. Он пришел с молодым человеком, который потом исчез. Он и убил Болтона. По радио это назвали банальным преступлением на почве секса.

Итак, тридцать лет Джерри Болтон скрывал свое лицо. Тридцать лет он играл роль безутешного, нетерпимого в вопросах нравственности вдовца. Тридцать лет он пачкал грязью молодых актеров определенного типа, похожих на женщин, часто, несомненно, в целях самозащиты, губил их карьеру… Жуть какая-то.

— Почему они не замяли дело?

— Убийца, как полагают, сразу же позвонил в полицию, а затем в газеты. Тело нашли в полночь. Тайное, как говорится, стало явным. Владельцу этого притона пришлось раскрыть карты.

Механически я поднесла стакан к губам, затем с отвращением поставила обратно на стол. Для спиртного слишком рано. Я решила пройтись по студии. Всюду царило оживление. Я могла бы даже сказать, народ веселился, как на празднике, и мне стало немного досадно. Человеческая смерть никогда не делала меня счастливой. Все эти люди в свое время натерпелись от Болтона, и двойная новость о его тайной жизни и смерти доставляла им нездоровое удовольствие. Я отправилась к площадке, где работал Льюис. Съемки начинались в восемь утра, но после такой бурной ночи едва ли он мог предстать перед камерой в хорошей форме. Однако я нашла его, прислонившегося к стене, улыбающегося и непринужденного, как обычно. Он направился ко мне.

— Льюис, ты слышал новость?

— Да, конечно. Завтра мы не работаем, траур. Мы сможем заняться садом. — Помолчав, он добавил: — Нельзя сказать, что я принес ему удачу.

— Ты нашел мое письмо, Льюис?

Он посмотрел на меня и покраснел.

— Нет. Меня не было всю ночь.

Я рассмеялась.

— Ты имеешь полное право. Я только хотела сказать, ‘ что очень обрадовалась «роллсу», по от изумления начала молоть какую-то чушь. И поэтому ты не понял моей радости. Вот и все. Потом мне было так стыдно.

— Ты никогда не должна чувствовать себя виноватой из-за меня, — заверил меня Льюис. — Никогда.

Его позвали. Репетировалась короткая любовная сцепка с участием восходящей звезды Джун Пауэр, брюнетки с жадным ртом. Она с явным восторгом устроилась в объятиях Льюиса, и я поняла, что теперь он вряд ли будет проводить ночи дома. Так и должно быть, решила я и отправилась к зданию дирекции студии, где собиралась позавтракать с Полом.

VIII

«Роллс» застыл, огромный и таинственный: машина, для дальних поездок, грязно-белый, с черной обшивкой, или когда-то бывшей черной, с медными деталями, тускло блестевшими повсюду. В лучшем случае, это была модель 1925

года. Настоящий кошмар. Так как в гараж вторая машина не помещалась, нам пришлось оставить его в саду, в котором и так уже негде было повернуться. Высокие сорняки очаровательно покачивались вокруг «роллса». Лыоис радовался, как ребенок, его все время тянуло к машине, а заднее сиденье он предпочел даже креслу на террасе. Мало-помалу он заполнил «роллс» книгами, сигаретами, бутылками и, возвратившись из студии, обычно там и устраивался, высунув ноги в открытую дверь и наслаждаясь смесью запахов ночи и затхлости, исходящих от старых сидений. Слава Богу, Льюис не заикался о ремонте «роллса». Честно говоря, я совсем не представляла, как ему вообще удалось доставить этого старичка к дому.

К общему удовольствию, мы решили мыть «роллс» каждое воскресенье. И тот, кто в воскресное утро не чистил «роллс» 1925года выпуска, стоящий, как статуя в запущенном саду, потерял одну из самых больших радостей в жизни. Полтора часа уходило на наружную часть и еще полтора — на внутреннюю. Обычно я начинала с помощи Льюису, занимавшемуся фарами и радиатором. Затем, уже самостоятельно, переходила к обивке. Интерьер — это мой конек! За «роллсом»

я ухаживала лучше, чем за собственным домом. Я покрывала кожу сидений специальной пастой, а затем полировала ее замшей. Драила деревянные части приборной доски, заставляя их блестеть. Потом, подышав на диски приборов, протирала их, и перед моим восторженным взором на сверкающем спидометре появлялись цифры «80 миль/час». А снаружи Льюис, в тенниске, трудился над покрышками, колесами, бамперами.

К половине двенадцатого «роллс» сверкал в полном великолепии, а мы, млея от счастья, потягивали коктейли, ходили вокруг машины, поздравляя себя с завершением внутренних работ. И я знаю, чему, мы радовались: полной бессмысленности наших трудов. Пройдет неделя — ветки снова сплетутся вокруг «роллса», а мы никогда не будем им пользоваться. Но в следующее воскресенье мы все начнем сначала. Вновь вместе откроем радости детства, самые неистовые, самые глубокие, самые беспричинные. На следующий день, в понедельник, мы возвратимся к своей работе, за которую получаем деньги, размеренной и регулярной, позволяющей нам пить, есть и спать, к работе, по которой все о нас и судят. Но как же Я иногда ненавидела жизнь и ее деяния! Вот ведь странно: может быть, чтобы

любить жизнь по-настоящему, надо уметь как следует ее ненавидеть…

Однажды чудесным сентябрьским вечером я лежала на террасе, закутавшись в один из свитеров Льюиса, которые мне нравятся: теплый, грубый и тяжелый. С определенными трудностями, но я все же уговорила Льюиса сходить как-то раз со мной в магазин, и он, благодаря своему весьма– приличному заработку, пополнил свой до того скудный гардероб. Я часто надевала его свитера, я любила носить одежду мужчин, с которыми жила, — думаю, это единственный грех, в котором они могут меня упрекнуть. В полудреме я просматривала удивительно глупое либретто для кинофильма, к которому от меня требовали за три недели написать диалоги. Речь .шла о глупенькой девчушке, которая встречает интеллигентного молодого человека и под его влиянием расцветает прямо на глазах, или о чем-то в этом роде. Единственная проблема состояла в том, что эта простая девушка казалась мне куда более интеллигентной, чем молодой человек. Но, к сожалению, ставился фильм по бестселлеру, так что линию сюжета изменить я не могла. Итак, зевая, я с нетерпением ожидала прихода Льюиса. Но увидела вместо него в простом твидо-

вом, почти черном костюме, но зато с огромной брошью на воротнике знаменитую, идеальную Лолу Греветт.

Ее машина остановилась перед моим скромным жилищем. Лола промурлыкала что-то шоферу и открыла ворота. Ей не сразу удалось обойти «роллс». А когда она увидела меня, в ее темных глазах застыло изумление. Должно быть, я представляла собой исключительное зрелище: падающие на глаза волосы, огромный свитер, шезлонг и бутылка шотландского. Я, вероятно, напоминала одну из тех одиноких алкоголичек, героинь пьес Теннеси Уильямса, которых, кстати, я так люблю. Лола остановилась в трех шагах рт террасы и дрогнувшим голосом произнесла мое имя: Дороти, Дороти…

Я не могла поверить своим глазам. Лола Греветт — национальное достояние, она никуда не выходила без телохранителя, любовника и пятнадцати репортеров. Что она делала в моем саду? Мы уставились друг на друга, как две совы,..и я не могла не отметить, что она превосходно выглядит. В сорок три она сохранила красоту, кожу и очарование двадцатилетней. Вновь услышав: «Дороти», я поднялась с шезлонга, проквакала: «Лола», без особого энтузиазма, но достаточно

вежливо. Тут она заторопилась, прыгая по ступенькам, как молодой олень, от чего груди под блузкой как-то беспомощно затряслись. Она упала мне в объятия. Только теперь я сообразила, что мы обе были вдовами Фрэнка.

— Бог мой, Дороти, когда я думаю, что меня здесь не было… что тебе одной пришлось обо всем заботиться… Да, я знаю, ты вела себя изумительно, все об этом говорят. Я не могла не повидать тебя… Не могла…

Пять лет она не– обращала внимания на Фрэнка, ни разу даже не виделась с ним. Поэтому я решила, что у нее свободный день или ее новый любовник не может удовлетворить ее духовные запросы. В Лоле не было ничего от печальной женщины, ищущей утешения. Размышляя подобным образом, я предложила ей стул, виски, и мы начали состязаться в восхвалении Фрэнка. Лола первым делом извинилась, что отбила его у меня (но страсть извиняет все), я тут же ее простила (время все сглаживает), и так далее, в том же духе. По правде говоря, она чем-то удивляла меня. Говорила избитые фразы с пугающими вспышками нежности или ярости. Мы воскрешали в памяти лето 1959 года, когда приехал Льюис.

Улыбаясь, он перепрыгнул через бампер «ролл-

са». Да, немногие мужчины так красивы и стройны, как он. Старая куртка, вылинявшие джинсы, черные волосы, падающие на глаза. Я видела его таким каждый день, но сегодня смотрела на него глазами Лолы. Пусть это покажется странным, но она задрожала. Так дрожит лошадь перед препятствием, так дрожит женщина, увидев мужчину, которого захотела страстно и мгновенно. Улыбка Льюиса исчезла, как только он увидел Лолу: он не любил посторонних. Я дружески представила их друг другу, и Лола немедленно пустила в ход все свое обаяние.

Разумеется, она не поперла напролом, словно неопытная кокетка, наоборот, показала, что она женщина с головой на плечах, женщина с положением, профессионал. Ее поведение восхитило меня. Она не пыталась ни ослепить Льюиса, ни даже взволновать его. Она постигла дух, царивший в доме: говорила о машине, о саде, небрежно налила себе еще бокал, рассеянно поинтересовалась намерениями Лыоиса — словом, играла, роль женщины-друга, с которой легко ладить и которая далека от «всего этого» (то есть нравов Голливуда). По взгляду, брошенному на меня, я поняла, что она считает Льюиса моим любовником и решила сделать его своим. После бедняги

Фрэнка это уже перебор, решила я. Признаюсь, меня все это рассердило. Одно дело, когда она развлекается разговором с Льюисом, но делать из меня идиотку, заходить так далеко… Страшно подумать, куда может завести уязвленное самолюбие. Впервые за шесть месяцев я позволила себе вольность, жест собственника по отношению к Льюису. Он сидел на земле, наблюдая за нами, почти не разговаривая. Я протянула ему руку:

— Прислонись к моему креслу, Льюис, а то у тебя будет болеть спина.

Он прислонился, а я небрежно провела рукой по его волосам. Он тут же откинул голову и положил ее мне на колени. Закрыв глаза, улыбался. Казалось, он безмерно счастлив, а я отдернула руку, будто се обожгло. Лола побледнела, но это не доставило мне никакого удовольствия — так стало стыдно за себя.

Лола тем не менее какое-то время продолжала разговор с хладнокровием тем более похвальным, что Льюис не поднял головы с моих колен и демонстрировал полное безразличие к беседе. Мы, несомненно, являли собой счастливую любовную парочку, и, когда развеялась первая неловкость, мне захотелось рассмеяться. Лола

наконец утомилась и поднялась. Я — следом, что явно расстроило Льюиса: он встал, потянулся и одарил гостью таким ледяным, безразличным, так жаждущим ее отъезда взглядом, что вынудил Лолу взглянуть на него столь же холодно, будто на неодушевленный предмет.

— Я покидаю тебя, Дороти. Боюсь, я помешала тебе. Оставляю тебя в приятной компании, даже если мне она и не рада.

Льюис не. шелохнулся, я тоже. Шофер уже открыл дверцу. Лола вспыхнула:

— Разве вы не знаете, молодой человек, что обычно дам провожают к выходу?

Она смотрела на Льюиса, а я слушала се, просто остолбенев: редчайший случай — она теряла свое знаменитое самообладание.

— Дам — конечно, — спокойно ответил Льюис и опять не шелохнулся.

Лола подняла руку, собравшись ударить его, а я закрыла глаза. В реальной жизни Лола отвешивала пощечины так же часто, как и на экране. Отработала она их прекрасно: сначала ладонью, затем тыльной стороной руки, не пошевелив при этом плечом. Но удара не последовало. Тогда я взглянула на Лыоиса. Он стоял застывший, слепой и глухой, каким я уже видела его одна-

жды, он тяжело дышал, а вокруг рта выступили маленькие бисеринки пота. Лола сделала шаг назад, затем еще два, от греха подальше. Как и я, она испугалась.

— Лыоис, — я взяла его за руку. Он очнулся и поклонился Лоле в старомодной манере. Лола свирепо поглядела на нас.

— Тебе надо подыскивать менее молодых и более вежливых, Дороти.

Я не ответила. Честно говоря, расстроилась. Завтра весь Голливуд будет об этом судачить. И Лола возьмет реванш. Мне предстояло две недели непрерывных мучений.

Лола ушла, а я не удержалась, чтобы не сказать об этом Льюису, Он посмотрел на меня с сожалением:

— Тебя это действительно беспокоит?

— Да, я ненавижу сплетни.

— Я позабочусь об этом, — успокоил меня Льюис.

Но он не успел. На следующее утро по дороге в студию Лолин лимузин с открытым верхом не вписался в поворот, и она свалилась в ущелье глубиной метров сто.

IX

Похороны прошли по высшему разряду. За последние два месяца трагически погибла вторая голливудская знаменитость, считая Джерри Болтона. Бесчисленные венки от бесчисленных живущих покрыли могилу. Я была с Полом и Льюисом. Третьи похороны. Фрэнк, потом Болтон. Снова я шагала по аккуратно выложенным дорожкам. Я похоронила троих, таких разных, но все они были слабые и безжалостные, жаждущие славы и разочаровавшиеся в ней, все трое движимые безумными страстями, загадочными и для них самих, и для окружающих.

Такие мысли угнетают больше всего. Что же стоит в жизни между людьми и их самыми сокровенными желаниями, их пугающей решимостью быть счастливыми? Не есть ли это представление о счастье, которое они создают себе и которое не могут примирить со своей жизнью? Может быть, это время — или отсутствие времени? Или ностальгия, взлелеянная с детства?

Дома, сидя между двумя мужчинами, я вновь вернулась к этим мыслям, настойчиво обращаясь с ними к своим собеседникам и к звездам. Могу лишь сказать, что в ответ на мои вопросы звезды

слабо мерцали, как и глаза моих гостей. Вдобавок я поставила на проигрыватель пластинку с «Травиатой» — музыкой самой романтичной, которая всегда располагает к размышлению. Наконец их молчание мне надоело.

— Ну, Льюис, ты счастлив?

— Да.

Его уверенный ответ обескуражил меня, но я настаивала:

— И ты знаешь почему?

— Нет.

Я повернулась к Полу.

— А ты?

— В скором будущем я надеюсь обрести настоящее счастье.

Этот намек на нашу свадьбу слегка охладил меня, но я быстро увернулась от него:

— Но посмотрите. Мы здесь втроем, сейчас тепло, Земля вертится, — мы здоровы, счастливы… Так почему же у всех нас такой голодный, затравленный вид? Что происходит?

— Сжалься, Дороти, — взмолился Пол. — Я не знаю. Почитай газеты, там полно статей на эту тему.

— Почему никто не хочет говорить со мной серьезно? — спросила я, закипая. — Что я, гусыня?

Или совершенно глупа?

— С тобой нельзя серьезно говорить о счастье, — ответил Пол. — Ты сама — живой ответ. Я не смог бы дискутировать о существовании Бога с ним самим.

— Все потому, — вмешался Лыоис, — что ты добрая.

Неожиданно он поднялся, и свет из гостиной упал на него.

Рука его поднялась, как рука пророка.

— Ты… ты понимаешь… ты добрая. Люди совсем не добрые, поэтому… поэтому они не могут быть добрыми даже к себе, и…

— Бог мой, — воскликнул Пол, — почему бы нам не выпить? Где-нибудь в более веселом месте? Как ты, Льюис?

Пол впервые пригласил Льюиса, и тот, к моему величайшему удивлению, не отказался. Мы решили поехать в один из клубов хиппи около Малибу. Влезли в «ягуар» Пола, и я, смеясь, отметила, что внутри Льюису лучше, чем при первой встрече с «ягуаром». После этого умного замечания мы помчались вперед, ветер свистел в ушах и резал глаза. Я чувствовала себя прекрасно, устроившись между моим любовником и младшим братом, почти моим сыном, между двумя

красивыми, благородными, добрыми мужчинами, которых я любила. Я думала о бедной Лоле, умершей и похороненной, о том, что я невероятно удачлива, а жизнь — это бесценный дар.

Клуб переполняла молодежь, в основном бородатая и длинноволосая, мы с трудом нашли столик. Если Пол серьезно хотел избежать разговора со мной, то он своего добился: музыка гремела оглушительно, ни о каких разговорах не могло быть и речи. Вокруг прыгала и дергалась счастливая толпа, шотландское оказалось вполне сносным. Сначала я не заметила отсутствия Льюиса, и только когда он вернулся и сел за стол, обратила внимание, что глаза у него слегка остекленели, хотя он практически не пил. Воспользовавшись тем, что музыка стала чуть спокойнее, я немного потанцевала с Полом и возвращалась к нашему столику, когда все это и случилось.

Потный бородатый парень налетел па меня около столика. Механически я пробормотала «извините», но он обернулся и так угрожающе посмотрел на меня, что я испугалась. Если ему перевалило за восемнадцать, то ненамного, на улице его ждал мотоцикл, а в животе плескались несколько лишних порций спиртного. В кожа-

ной куртке он выглядел как один из тех самых рокеров, пользовавшихся недоброй славой. О них в то время часто писали газеты. Он буквально гаркнул на меня:

— Что ты здесь делаешь, старуха?

Чтобы рассердиться, мне требуется лишь секунда, но рассвирепеть я не успела, потому что у меня из-за спины вылетел человеческий снаряд и вцепился парню в горло: это был Льюис. Они покатились по полу между столиками и ногами танцующих. Мне стало страшно. Пронзительным голосом я звала Пола и видела, что он старается пробиться через толпу в метре от меня. Но эта восторженная молодежь образовала кольцо вокруг дерущихся и не давала ему пройти. Я вопила: «Льюис, Льюис», но он не слушал меня, во всяком случае, парня не отпускал. Все это продолжалось с минуту, полную кошмара. Неожиданно возня прекратилась, и дерущиеся застыли на полу. В темноте я едва различала их тела, но эта неподвижность пугала еще более, чем драка. Тут кто-то заорал:

— Разнимите же их, разнимите!

Пол наконец пробился ко мне. Он растолкал стоящих вокруг зрителей, если их можно так назвать, и ринулся вперед. Потом я отчетливо

увидела Льюиса, его изящную, тонкую руку, вцепившуюся в горло застывшего парня, сжавшую его в безумном объятии. Я видела руки Пола, схватившие и отрывающие палец за пальцем руку Льюиса от жертвы. Потом меня оттолкнули, и я, оцепенев, упала в кресло.

Все смешалось: Льюиса держали в одном углу, в другом старались привести в чувство того, в кожаной куртке. Так как никто не собирался звать полицию, мы втроем быстренько ретировались: двое — испуганные, в полном замешательстве, Льюис — спокойный, как будто далекий от всего. Мы молча забрались в «ягуар». Пол, тяжело дыша, достал сигарету, закурил и протянул мне. Затем прикурил еще одну, для себя. Сразу завести машину он не мог.

Я повернулась к нему и, насколько мне удалось, веселым голосом воскликнула:

— Ну и ну, вот это вечерок!

Пол не ответил, но перегнувшись через меня, пристально посмотрел на Льюиса.

— Что ты принял, Льюис, ЛСД?

Льюис промолчал. Я резко повернулась и тоже взглянула, на него. С откинутой назад головой он смотрел в небо, в другой мир.

— Как бы то ни было, — мягко продолжал Пол,

— ты едва не убил человека… Что произошло, Дороти?

Я колебалась. Признаваться не хотелось.

— Парень сказал, что я… э… немного стара для этого заведения.

Я надеялась, что Пол, по крайней .мере, возмутится, но он лишь пожал плечами, и мы наконец отчалили.

В пути мы не обмолвились ни словом. Льюис вроде бы спал, и я с отвращением подумала, что он, вероятно, полон своего драгоценного ЛСД. Я, в общем-то, не против наркотиков, только считаю, что и алкоголя вполне достаточно, а все остальное меня пугает. А еще я боюсь аэропланов, подводного плавания и психиатрии. Земля — единственное, что меня успокаивает, хотя и здесь много грязи. Как только мы приехали, Льюис выскочил первым, что-то пробормотал и исчез в доме. Пол помог мне выбраться из машины и прошел за мной на террасу.

— Дороти… ты помнишь, что я говорил тебе о Льюисе в первый раз?

— Да, Пол. Но теперь он тебе нравится, не так ли?

— Да, только я… — Он запнулся. Для Пола это редкость. Потом он взял мою руку, поцеловал

ее. — Он… ты. знаешь, а думаю, он не совсем нормальный. Он в самом деле чуть не убил того бородача.

— Кто будет нормальным после кусочка сахара, пропитанного этой дрянью? — задала я логичный вопрос.

— Главное в том, что он просто буйный, и мне не нравится, что ты живешь с ним.

— Честно говоря, я думаю, что он очень любит меня и никогда не причинит мне вреда.

— Во всяком случае, он скоро станет звездой, и ты избавишься от него. Грант говорил мне. В следующем фильме ставку делают на него. К тому же он талантлив. Дороти, когда же ты выйдешь за меня замуж?

— Скоро, — ответила я, — очень скоро.

Наклонившись, я легонько поцеловала Пола в губы. Он вздохнул. Я оставила его на террасе и пошла в дом взглянуть на будущую суперзвезду. Льюис распластался на полу на моем мексиканском ковре, голова его покоилась на руках. Я прошла на кухню, сварила кофе и наполнила чашку для Льюиса, одновременно репетируя про себя речь о вреде наркотиков. Потом вернулась в гостиную, присела рядом с Льюисом, похлопала по плечу. Бесполезно.

— Льюис, выпей кофе! — Он ие пошевелился. Я тряхнула его, но, возможно, в тот момент он сражался с тучей китайских драконов и многоцветных змеев. Меня это рассердило, но я тут же вспомнила, как он защищал меня часом раньше, а это любую женщину делает более снисходительной. — Льюис, дорогой мой, — промурлыкала я.

Он повернулся на спину и бросился мне в объятия, сотрясаясь от неистовых рыданий, которые почти задушили его и испугали Меня. Спрятал голову у меня на плече, кофе расплескался по ковру, а я, тронутая и испуганная одновременно, слушала сбивчивые признания, слетавшие с его губ и тонувшие в моих волосах:

— Я мог бы убить его… О!.. Я должен был… еще, секунда… еще одна секунда… Сказать такое… тебе… о!.. Он был у меня в руках… да, был…

— Но послушай, Льюис, нельзя же так драться с людьми, это же неразумно.

— Свинья… он просто свинья… глаза зверя! У них у всех звериные глаза… у всех… ты не понимаешь… Они разъединят нас, они доберутся и до тебя тоже… до тебя, до тебя, Дороти.

Я гладила его волосы, целовала виски. Я успокаивала ребенка, расстроенного ребенка.

— Ну успокойся, — бормотала я. — Пойми, ведь

это же пустяк.

От сидения на корточках с навалившимся на плечо Льюисом у меня начало сводить икры, и я сказала себе, что подобные сцены не для женщины моего возраста. Чтобы вернуть Льюису уверенность и вкус к жизни, нужна молодая невинная девушка. Я ведь хорошо знала, какой может быть жизнь, знала очень хорошо. Наконец Лью немного успокоился. Я осторожно высвободилась, уложила его на ковер. Потом укрыла шерстяным платком и, измученная, пошла наверх спать.

X

Среди ночи я проснулась, Дрожа от страшной мысли. Почти час я сидела в темноте, как сова, собирая вместе обрывки воспоминаний. Затем, все еще дрожа, спустилась вниз, на кухню, сварила кофе и, подумав, плеснула в чашку коньяка. Занималась заря. Я вышла на террасу, посмотрела на восток, где тянулась длинная, бледная, но уже синеющая полоса, на «роллс», снова атакованный сорняками к концу недели — пятница, на любимое кресло Льюиса, на свои руки, вцепившиеся в перила. Я все еще дрожала. Не имею понятия, сколько простояла я на террасе вот так,

держась за перила. Время от времени пыталась сесть в кресло, но та же страшная мысль тут же поднимала меня на ноги, как марионетку. Я не смогла даже зажечь сигарету.

В восемь часов жалюзи в окне Льюиса стукнулись о степу над моей головой, и я вздрогнула. Услышала, как Льюис спустился вниз, насвистывая, зажег газ. Казалось, ЛСД уже выветрился. Глубоко вдохнув утреннего воздуха, я вошла на кухню. Льюис удивился, увидев меня, а я, застыв, секунду разглядывала его: такой молодой, красивый, благородный.

— Извини за вчерашний вечер, — вздохнул он. — Я больше никогда не притронусь к этой гадости.

— Вот что, — сурово начала я и села наконец на стул. Возможность с кем-то поговорить, пусть даже с ним, странным образом успокоила меня. Льюис наблюдал за кофейником, но что-то в моем голосе заставило его посмотреть на меня.

— Что случилось? — В халате, с удивленно поднятыми бровями, он казался таким невинным, что у меня зародились сомнения. Лоскутки совпадений, косвенных улик, замечаний, которые ночью я соединила вместе, снова рассыпались.

— Льюис… Ведь не ты же убил их, правда?

— Кого?

Вопрос обескуражил меня. Я не решилась поднять на него глаза.

— Их всех: Фрэнка, Лолу, Болтона.

— Да.

Я застонала и откинулась на спинку стула. Льюис же продолжал в размеренном тоне:

— Но тебе не надо беспокоиться. Улик нет. Они больше не будут досаждать нам. — При этом он добавил в кофейник немного воды. И тут я, наконец, взглянула на него:

— Но, Льюис… ты что, сумасшедший? Ты не можешь убивать всех подряд, этого же нельзя делать. — Последняя фраза показалась мне слишком наивной, но его,признание столь ошарашило, что я не смогла найти правильных слов. А кроме того, в стрессовых ситуациях мне на ум приходят лишь фразы из лексикона монастырей и учебников хорошего тона, сама не знаю, почему.

— Если бы ты знала, как много вещей нельзя делать, но тем не менее люди их делают… предают, подкупают, позорят, бросают близких…

— Но ты не должен их убивать, — твердо заявила я. Льюис пожал плечами. Я ожидала трагической сцены, и этот спокойный разговор

беспокоил меня. Тут Льюис повернулся ко мне.

— Как ты узнала?

— Я думала об этом. Я думала об этом всю ночь.

— Ты, должно быть, мертвая от усталости. Хочешь кофе?

— Нет. Я… я не мертвая, — ответила я с горечью. — Льюис, что ты собираешься делать?

— Ничего. Это же самоубийство, преступление на почве секса и автомобильная катастрофа. Все прекрасно.

— А я, — взорвалась я, — а я?! Могу я продолжать жить с убийцей? Могу я позволить тебе вот так, от скуки, убивать людей и никак не воспрепятствовать этому?

— От скуки? Но, Дороти, я убил только тех, кто обидел и продолжал обижать тебя. При чем тут скука?

— Что с тобой? Разве ты мой телохранитель? Я просила тебя об этом?

Он поставил кофейник,.

— Нет, но я люблю тебя.

Тут моя голова начала кружиться, я соскользнула со стула и первый раз в жизни — наверное, сказалась бессонная ночь — упала в обморок.

Я очнулась на софе и увидела Лыоиса, явно

испуганного. Мы молча смотрели друг на друга, потом он протянул мне бутылку шотландского. Глядя ему прямо в глаза, я сделала глоток, потом другой. Сердце вошло в нормальный ритм. И мгновенно меня охватила ярость.

— А, ты меня любишь? Правда? Поэтому ты убил беднягу Фрэнка? И Лолу? Почему же ты не убил Пола? В конце концов, разве не он мой любовник?

— Потому что он любит тебя. Но если он попытается покинуть тебя или обидеть, я убью и его.

— Бог мой, ты сумасшедший! — воскликнула я. — А до этого ты много убил народу?

— Нет, я не убивал, пока не познакомился с тобой, — ответил он. — Никогда. Не было причины. Я никого не любил.

Он вскочил и, потирая подбородок, зашагал по комнате. Казалось, я видела кошмарный сон.

— Видишь ли, до тех пор, пока мне не исполнилось шестнадцать, меня били чаще, чем других. Мне никогда ничего не давали, никогда. А потом, после шестнадцати, я стал всем нужен, и мужчинам, и женщинам — всем, но при условии, что… э… что…

Этот жеманный убийца перешел все границы. Я прервала его.

— Да, я понимаю.

— Никогда ничего, понимаешь? Ничего просто так. До тебя. Я все думал, когда лежал в постели наверху, что ты захочешь… ну… однажды… — Он покраснел.

Полагаю, я тоже. Меня трясло.

— Когда я понял, что ты все делаешь из одной только доброты, я полюбил тебя. Так-то вот. Я знаю, ты думаешь, я слишком молод, ты предпочитаешь Пола Бретта, и я тебя не интересую, но я могу защищать тебя. Вот и все.

Так-то вот. Как он сказал? Так-то вот, так-то вот. Я оказалась в гнезде шершней. Я ничего не могу поделать. Я пропала. На дороге в канаве я. подобрала сумасшедшего, убийцу, жертву навязчивой идеи. Снова Пол оказался прав. Пол всегда прав.

— Ты мной недовольна? — мягко спросил Льюис. Я даже не ответила. Можно ли быть «недовольной» тем, кто, чтобы доставить тебе удовольствие, убил трех человек? Его вопрос напоминал вопрос неразумного ребенка. Я думала или притворялась, что думаю, так как голова моя соображать отказывалась.

— Ты знаешь, Лыоис, что моя обязанность — передать тебя полиции?

— Если хочешь, — спокойно ответил он.

— Мне следует позвонить им немедленно, — слабым голосом добавила я. Он поставил телефон рядом со мной, и мы вместе лениво разглядывали его, словно сомневались, подключён ли он к сети. — Как ты это сделал?

— Фрэнку я назначил свидание от твоего имени в мотеле, в комнате, заказанной по телефону. Я влез через окно. С Бодто-ном — я сразу понял его сущность. Притворился, что согласен. Мы тут же договорились о встрече в малоизвестном отеле. Он обалдел от счастья. С ключом, который он дал мне, я мог прийти и уйти, когда вздумаю. Никто меня не видел. С Лолой — я целую ночь откручивал гайки на передних колесах ее машины. Вот и все.

Я могла бы молча вышвырнуть Льюиса вон. Но дикого льва не выпускают из клетки. Он продолжал бы издали следить за мной и убивать, как машина. Я могла бы заставить его покинуть город, но он подписал долгосрочный контракт, и, куда бы он ни отправился, его обязательно нашли бы. А передать его полиции я не могла. И никогда ни с кем не смогла бы этого сделать. Я попала в западню.

— Ты знаешь, никто из них не страдал, — успокоил меня Льюис. — Все произошло очень

быстро.

— Какое счастье! Ты вполне мог бы зарезать их перочинным ножом, — с горечью съязвила я.

— Ты прекрасно знаешь, что это не так, — с нежностью в голосе произнес Лыоис. Он взял меня за руку, На мгновение, не осознавая, я ему это позволила, Но потом вспомнила, что эта теплая тонкая рука, держащая мою, убила трех человек, и с изумлением отметила, что меня это уже не ужасает. Тем не менее руку я решительно убрала.

— Тот парень, вчера, ведь ты хотел убить его, не так ли?

— Да, глупо все вышло. К сожалению, я принял ЛСД и не понимал, что творю.

— .Но, не учитывая этого… Льюис, ты понимаешь, что ты наделал?

Он смотрел на меня. А я вглядывалась в зеленые глаза, в совершенную линию рта, черные волосы, гладкую кожу: я искала проблеск понимания или отпечаток садизма, но не нашла ничего,

Ничего, кроме беспредельной ко мне нежности. Он смотрел на меня, как смотрят на закапризничавшего ни с того ни с сего ребенка. Клянусь, в глазах Льюиса я видела снисхождение ко мне. Эта последняя капля переполнила чашу терпения: я

расплакалась. Льюис обнял меня, стал гладить мои волосы, и я его не остановила.

— Между нами говоря, — шептал он, — с прошлой ночи мы оба много плакали.

XI

Естественно, у меня начался приступ печеночной колики. Если возникает серьезная проблема, у меня обязательно появляются резкие боли в правом подреберье. Приступ продолжался два дня, что дало мне возможность сорок восемь часов ни о чем не думать.

Я выкарабкалась из болезни печальная, но решившая все оставить как есть.

Может показаться, что два дня тошноты слишком малая цена за три трупа, но критиковать меня могут только те, кто не знает, что такое печеночная колика. Когда я, наконец, встала, ноги мои еще подгибались, не желая слушаться, но для себя я уже все решила. Убийства, совершенные Льюисом, теперь представлялись мне не столь уж и важными. Кроме того, бедняжка провел два дня около моей постели, встревоженный до смерти и вооруженный компрессами, тазиками, настоем ромашки, а я не могла укусить руку, которая кормила меня.

Тем не менее с Льюисом предстояло разобраться. И как только я смогла проглотить бифштекс, и сделать глоток виски, я пригласила Льюиса в гостиную и предъявила ему ультиматум:

1. Он обязуется никого не убивать без моего разрешения (конечно, я не собиралась давать его, но подумала, что разумно оставить ему хотя бы надежду).

2. Он перестает употреблять кусочки сахара с ЛСД.

3. Он начинает подыскивать жилье.

Насчет третьего пункта я чувствовала себя менее уверенно, однако Льюис со всем согласился с серьезным выражением лица, без тени улыбки.

После этого я осторожно расспросила Льюиса, желая определить, какой эффект произвели на него три убийства и не садист ли он. Он немного успокоил меня, не совсем, конечно, но успокоил: убийства не произвели на него никакого впечатления. Не было печали — это очевидно, так как никого из них он не знал, но не было и удовлетворенности. Никаких эмоций. Ко всему прочему, его не терзали ни угрызения совести, ни ночные кошмары, по всему было видно, что его сознание не было обременено никакими моральными принципами. Тут по ассоциации я начала заду-

мываться: что же случилось с моими устоями?

Пока я болела, Пол Бретт приезжал дважды, но я отказывалась видеть его. Редко человек бывает так непригляден, как при печеночной колике. Оскорбляла сама мысль о том, что любовник увидит меня с желтой кожей, с грязными волосами и опухшими глазами. Однако присутствие Льюисе совершенно меня не беспокоило. Вероятно, из-за отсутствия секса в наших отношениях. И потом, его признание в любви в то знаменательное утро трактовалось однозначно: будь я вся покрыта язвами, он бы этого не заметил. Как женщина, я не могла сказать, хорошо это или плохо. Все это я попыталась объяснить Полу, когда после моего возвращения на работу он начал упрекать меня:

— Ты позволила Льюису заботиться о себе, а меня не захотела даже видеть.

— Я была такая страшная. Если бы я пустила тебя в дом, ты бы испугался и потом ни разу больше не взглянул на меня.

— Это забавно! Знаешь, мне потребовалось много времени, чтобы поверить, что между вами ничего не было, но теперь я в этом уверен. Но скажи мне, с кем он спит?

Мне пришлось признать, что я не имею об этом ни малейшего понятия. Раньше я думала, что

он провел две-три ночи в объятиях какой-либо молоденькой звездочки, но это оказались именно те ночи, когда он занимался выбранными им жертвами. И тут же Глория Нэш — после смерти Лолы звезда номер один — обратила на него внимание и даже прислала ему приглашение на вечер, куда ей пришлось пригласить и меня. Не забыла Глория и Пола.

— Я пойду только из-за вас двоих, — признался он. — Надеюсь, этот вечер для нас кончится лучше, чем тот, другой.

Я тоже искренне в это верила.

— Все равно я удивлен, что из:за обычной драки ты так расхворалась. Твои приступы печеночной колики хорошо известны в Голливуде, Дороти. Один был, когда Фрэнк ушел к Лоле, другой — Джерри выгнал тебя после того, как ты обозвала его грязным скрягой, и еще один, когда твоя бедная секретарша выпала из окна. То есть они имели под собой более веские причины, если можно так сказать.

— Что ты хочешь, Пол? Я старею.

Более веские… Если б он только знал!.. Бог мой, если б он только знал! На мгновение я представила выражение его лица и начала смеяться. Минут пять я буквально плакала от смеха. В последнее

время мои нервы определенно расшатались, но Пол проявил снисхождение, терпение, заботу и даже дал мне свой платок, чтобы вытереть потекшую с ресниц тушь. Наконец я успокоилась, пробормотала что-то, извиняясь, и поцеловала Пола, чтобы успокоить и его. Мы были одни в моем кабинете. Кэнди куда-то вышла. Пол был со мной все нежнее. Мы решили этим же вечером поехать к нему. Я позвонила Льюису и сказала, чтобы он обедал без меня (на этой неделе съемок не было), велела ему быть хорошим мальчиком. И тут меня снова разобрал смех.

Он обещал не буянить до следующего утра. С ощущением нереальности всего происходящего я поехала с Полом обедать к Чейзену, готовая встретить сотню людей, которые ничего не знали. Все это изумляло меня. И только позже, ночью, рядом с Полом, который, как обычно, спал, положив голову мне на плечо и обняв меня рукой, я неожиданно почувствовала себя одинокой и испуганной. Я владела тайной, страшной тайной, но не была научена хранить секреты. Я так и не спала до рассвета, а в то же время в пяти милях от меня в своей маленькой кроватке безмятежно, должно быть, спал мой сентиментальный– убийца, и ему снились птички и цветы.

XII

В тот вечер у Глории Нэш мы выглядели исключительно элегантно. Я надела черное, вышитое бисером платье, купленное за бешеную цену в Париже, которое восхитительно оголяло спину — один из оставшихся моих козырей. Льюис в смокинге, с блестящими черными волосами выглядел, как молодой принц, хотя в нем было что-то от фавна. Пол являл собой спокойного, элегантного мужчину лет сорока, со светлыми волосами, седеющими на висках, и ироническим взглядом. Я уже смирилась с тем, что мои бисеринки превратятся в пыль, зажатые между двумя смокингами в «ягуаре», когда Льюис торжественно поднял руку:

— У меня есть для тебя новости, Дороти!

Я вздрогнула, а Пол заговорщически засмеялся:

— Это настоящий сюрприз, Дороти, пойдем за ним.

Льюис вышел в сад, сел в «роллс» и на что-то нажал. «Роллс» издал мягкий, ровный звук, дернулся и, плавно тронувшись с места, остановился передо мной. Льюис спрыгнул на землю, обошел вокруг машины и с низким поклоном открыл дверь. От изумления я лишилась дара речи.

— По крайней мере, сюда-то он доехал, — рассмеялся Пол. — Да не удивляйся ты так. Залезай. Шеф, мы едем к мисс Глории,

Нэш, кинозвезде, Бульвар Заходящего Солнца.

Льюис тронул машину с места. Через стекло, разделявшее нас, в зеркало заднего обзора я видела лицо Льюиса, радостное, детское, счастливое, возбужденное доставленной мне радостью. Бывают моменты, когда реальность жизни полностью ускользает от меня. Я нашла старую переговорную трубку и поднесла ее ко рту!

— Шеф, что заставило «роллс» сдвинуться с места?

— Я всю неделю чинил его. Как видишь, не зря.

Я посмотрела на Пола.

— Он признался мне три дня назад, — Пол улыбнулся. — Мне кажется, Льюису лет двенадцать. — Пол в свою очередь взял трубку: — Шеф, советую вам сегодня быть повежливее с хозяйкой. Ваше безразличие могут неправильно истолковать.

Льюис пожал плечами, но ничего не ответил. Я отчаянно нанялась, что все будут добры ко мне в этот вечер и у моего маленького преступника не возникнет никаких странных желаний, К этому вечеру я готовилась, последние десять

дней. Приукрашивала коллег, друзей и изображала Голливуд, эти гнусные джунгли, цветущим раем любви. Если же едкая реплика о ком-либо все-таки слетала с моих губ, я немедленно рассказывала о воображаемой услуге, которую эта личность оказала мне три года назад. Короче, я быстро могла стать идиоткой, сойти с ума, если этого еще не случилось.

Глория Нэш встретила нас в дверях своего скромного тридцатидвухкомнатного домика. Прием этот ничем не отличался от других: сад, подсвеченный маленькими лампочками, залитый светом бассейн, огромные столы и вечерние туалеты. Глория Нэш — блондинка, красивая и образованная. К сожалению, она родилась лет как минимум на десять позже меня и никогда не забывала любезно напомнить мне об этом самыми разными способами: восклицаниями типа: «Но как тебе удается сохранять такой цвет лица? Ты должна в будущем открыть мне свои секреты», — или посмотрев на меня с выражением изумления, будто сам факт, что в свои сорок пять я могу стоять одна, без поддержки, достоин занесения в книгу Гиннеса. В тот вечер она выбрала именно второй путь, и на мгновение под ее изумленным взглядом я почувствовала себя мумией Тутан-

хамона, случайно выставленной для обозрения. Она немедленно увела меня, чтобы я могла поправить прическу, которая, впрочем, в этом не нуждалась, но это один из наиболее скучных и неизменных обычаев Голливуда: каждые десять минут женщины должны исчезать, чтобы причесаться или припудрить нос. На самом деле Глория дрожала от любопытства и забросала меня вопросами о Льюисе, от которых я всячески старалась увильнуть. Наконец она начала злиться, сделала несколько намеков, которые я игнорировала, и в отчаянии, когда мы уже покидали ее очаровательный будуар, перешла в наступление:

— Знаешь, Дороти, я питаю к тебе глубокую привязанность. Да-да. Еще когда я была маленькой и увидела тебя в том фильме… э… В общем, кто-то же должен предупредить тебя. О Льюисе рассказывают странные истории…

— Что?! — Кровь застыла в моих жилах, по мне удалось замаскировать мой испуганный вскрик под вопрос,

— Как ты упряма!.. Я должна отмстить, что он чертовски обольстителен.

— Между нами нет ничего романтического, — отрезала я. — Что, это за истории?

— Ну, говорят… ты знаешь, какой здесь народ…

говорят, что ты, Пол и он…

— Что? Пол с ним и со мной?..

— Ты всегда появляешься между ними, поэтому неизбежно…

Наконец до меня дошло, и я снова обрела способность дышать.

— О, и это вес? — весело воскликнула я, словно истории эти были не более чем детские шутки. И как еще можно назвать сплетни об оргиях по сравнению с мрачной действительностью. — О, только это? Ерунда.

И, оставив Глорию в недоумении, я выпорхнула в сад взглянуть, не успел ли Льюис между двумя рюмочками зарезать кого-нибудь. из гостей, кому не понравилось мое вышитое бисером платье. Нет. Он спокойно разговаривал с одной из голливудских журналисток-сплетниц. Успокоившись, я приняла активное участие в развлечениях. Встретила кое-кого из моих бывших любовников, и все они ухаживали за мной, осыпая комплиментами цвет моего лица и мое платье, пока я не начала думать, не является ли хороший отдых после печеночной колики секретом омоложения.

Должна подчеркнуть, что я всегда оставалась в хороших отношениях с моими бывшими любовниками, и теперь при встрече со мной они

с виноватым видом шептали: «Ах, Дороти, если бы ты только захотела...», — скромно намекая на воспоминания, уже подернувшиеся для меня плотной дымкой тумана. Со временем моя память, увы, слабеет. Пол издали наблюдал за мной, дивясь азарту, с которым я развлекалась. Я достаточно поволновалась за последние несколько дней. Раз или два я поймала взгляд Льюиса — казалось, Глория серьезно осаждала его, Но я решила не беспокоиться о нем, мне хотелось немного развлечься, я хотела шампанского, благоухания калифорнийской ночи и уверенно-успокаивающего смеха добрых, смелых, красивых голливудских мужчин, которые если и убивали, то лишь на экране.

Когда через час Пол подошел ко мне, я была слегка пьяна и счастлива, как жаворонок. Рой Дэдридж, король вестернов, печально объяснял мне, что четыре или пять лег назад я загубила его жизнь, и, вдохновленный своими чувствами и добрым десятком бокалов мартини, презрительно взглянул на Пола, на что тот, впрочем, не прореагировал. Пол взял меня за руку и отвел в сторону:

— Ты довольна?

— Безумно. А ты?

— Конечно. Видеть тебя смеющейся, даже издалека…

«Пол, несомненно, душка», — подумала я и решила завтра же выйти за него замуж, раз для него это так важно. Единственное, что удержало меня от того, чтобы сразу сказать ему об этом, — мое твердое правило не высказывать мысли вслух на вечеринке. Воспользовавшись тем, что мы стояли в тени магнолии, я ограничилась лишь нежным поцелуем в щеку.

— Как поживает наш маленький мальчик? — спросила я.

— Глория смотрит на него, как спаниель на мясо. Она не даст ему сбиться с пути. Кажется, его карьера обеспечена.

«Конечно, если он не убьет дворецкого», — быстро подумала я. Хотела пойти посмотреть, как там идут дела, но не успела: со стороны плавательного бассейна раздался вскрик, и я почувствовала на мгновение, как пишут в романах, что волосы мои встали дыбом несмотря на прижимающий их лак.

— Что это? — хрипло вырвалось у меня.

Но Пол уже бежал к толпе, собравшейся вокруг бассейна. Я закрыла глаза. Когда я их открыла, рядом стоял бесстрастный Льюис,

— Это бедная Рена Купер. Она мертва, — спокойно сказал он.

Рена Купер была та самая журналистка, с которой он говорил часом раньше. Ужаснувшись, я взглянула на него. Рену, правда, не следовало считать символом человеческой доброты, но в ее вызывающей отвращение профессии она была из лучших.

— Ты обещал мне, — выдохнула я. — Ты же обещал!

— Что обещал? — спросил он, удивившись.

— Обещал никого не убивать без моего разрешения. Ты трус, и твое слово ничего не значит. Ты прирожденный убийца. Тебе нельзя верить. Мне стыдно за тебя, Льюис. Я в ужасе.

— Но… это не я, — сказал он.

— Скажи это кому-нибудь еще, — с горечью ответила я, покачав головой. — Кто же еще это мог быть?

Подошел Пол, ему было не по себе. Он взял меня под руку, спросил, почему я так бледна. Льюис спокойно стоял, наблюдая за нами, почти улыбаясь, мне хотелось отхлестать его по щекам.

— У бедняжки Рены еще один сердечный приступ, — пояснил Пол. — Десятый в этом году. Доктор ничего не смог сделать: она пила слиш-

ком много, а он предупреждал ее.

Льюис широко развел руками и одарил меня насмешливой улыбкой несправедливо обиженного праведника. Я вздохнула свободнее. И в то же время поняла, что остаток моей жизни, прочтя любой некролог в газете или узнав о чьей-либо смерти, я не смогу не подозревать его.

Вечер, конечно, пошел насмарку. Бедняжку Рену увезла «скорая помощь», а вскоре разъехались и остальные гости.

Я пришла в себя, все еще несколько подавленная, только дома. Лыоис с покровительственным видом подал мне содовой и предложил идти спать. Я покорно согласилась. В это трудно поверить, но мне было стыдно за себя. Мораль — странная штука, чрезвычайно многогранная. У меня никогда не будет времени твердо определить свои моральные принципы, пока я не умру — несомненно, от сердечного приступа.

XIII

Потом был чудесный спокойный период. Три долгие педели прошли без инцидентов. Льюис снимался, Пол и я работали, часто мы обедали вместе у меня дома. Однажды в солнечный уикэнд мы даже отправились за пятьдесят миль в

уединенное бунгало на побережье, принадлежащее приятелю Пола. Бунгало стояло высоко над океаном, на скалистом обрыве, и, чтобы искупаться, приходилось спускаться вниз по козьей тропе. В тот день штормило, и мы с Льюисом, бездельничая, в основном наблюдали, как плавает Пол. Как и все хорошо сохранившиеся мужчины его возраста, он старался изображать спортсмена, и это чуть было не закончилось катастрофой.

Пол плыл элегантным кролем футах в тридцати от берега, когда его ноги вдруг свело судорогой. Льюис и я, оба в купальных халатах, ели тосты на террасе, с которой открывался прекрасный вид на океан, лежавший футах в двадцати пяти ниже. Я услышала, как Пол слабо вскрикнул, увидела, как он взмахнул рукой, потом огромная волна накрыла его с головой. Я вскочила и бросилась вниз по тропинке. Но Льюис уже скинул халат и прыгнул в воду с высоты двадцати пяти футов, рискуя приземлиться на скалы. В две минуты он доплыл до Пола и вытащил его на берег. Пола рвало морской водой, я глупо шлепала его по спине, а когда взглянула вверх, то увидела, что Льюис совершенно голый. Бог знает, сколько голых мужчин видела я в своей жизни, но тут я почувствовала, что краснею. Наши глаза встре-

тились, и Льюис опрометью бросился к дому…

— Друг мой, — сказал ему Пол немного позже, согретый и возвращенный к жизни грогом, — друг мой, у тебя есть голова на плечах. Этот прыжок… Если бы не ты меня бы здесь не было.

Льюис хмыкнул, явно раздраженный. Меня поразило, что этот мальчик занимается или спасением человеческих жизней, или кладет им конец. В роли спасителя он определенно нравился мне больше. Я порывисто поднялась и поцеловала его в щеку. Все-таки, может, мне еще удастся превратить его в хорошего мальчика.

Поздновато, конечно, если вспомнить Фрэнка, Лолу и так далее, но надежда еще оставалась. Однако чуть позже я стала менее оптимистичной, когда, воспользовавшись отсутствием Пола, поблагодарила его за спасение,

— Знаешь, — холодно ответил он, — лично для меня нет никакой разницы, жив Пол или нет.

— Тогда зачем же ты рисковал своей жизнью, спасая его?

— Потому что ты любишь его, и ты бы страдала, если б он погиб.

— Если я правильно тебя понимаю, не будь Пол моим другом, ты бы и пальцем не пошевелил, чтобы спасти его?

— Точно, — кивнул он.

Я подумала, что никогда не встречалась с таким представлением о любви. Во всяком случае, никто из моих кавалеров не предложил такого толкования чувства, которое я когда-либо внушала, им всегда хотелось и чего-то плотского.

— Но разве у тебя не возникло никакого сострадания к Полу, никакой привязанности после этих трех месяцев?

— Ты единственная, кого я люблю, — серьезно ответил Льюис, — и больше никто меня не интересует.

— Ясно, — сказала я. — А ты думаешь, это нормально? Мужчина твоего возраста… привлекающий женщин, должен время от времени… я не знаю… я…

— Ты хочешь, чтобы я кинулся в объятия Глории Нэш?

— К пей или кому-нибудь еще. Это необходимо даже просто с точки зрения здоровья. Я думаю, что молодого человека, который…

Я замялась. Не знаю, что на меня нашло, но я начала читать нотации, как любящая мать. Лыоис с ехидцей посмотрел на меня:

— Я думаю, что люди поднимают слишком много шума вокруг этого дела, Дороти.

— Тем не менее это одно из главных удовольствий в жизни, — слабо запротестовала я, отмстив Про себя, что я-то посвящала этому делу три четверти своего времени и мыслей.

— Но не для меня, — возразил Льюис. И опять на мгновение я заметила его отсутствующий взгляд, похожий на взгляд дикого близорукого животного, который всегда так пугал меня. Я тут же прервала разговор.

Если не считать происшествия с Полом, уик-энд прошел прекрасно. Мы отдохнули, загорели и в отличном настроении возвращались в Лос-Анджелес.

А тремя днями позже закончились съемки фильма Льюиса, вестерна, на который возлагали немало надежд, и Билл Макклей, режиссер, пригласил массу народа на коктейль прямо на съемочной площадке, чтобы отпраздновать завершение работы. Все происходило в фальшивой деревне, среди хрупких деревянных фасадов, где Льюис слонялся все лето. Я приехала около шести, чуть раньше назначенного времени, и нашла Билла в фальшивом салуне, расположенном на фальшивой главной улице. Я поняла, что он в плохом настроении, помятый и грубый, как обычно. Чуть дальше по улице его съемочная группа

была занята подготовкой следующей сцены, а он, с остановившимся взглядом, сидел за столом. В последнее время он сильно пил, поэтому ему давали ставить только второсортные фильмы, от чего он нервничал и пил еще больше. Он глядел, как я поднимаюсь по пыльным ступенькам, ведущим в салун, потом прорычал что-то похожее на смех:

— А, Дороти! Пришла посмотреть на работу своего жиголо? Сегодня его главная сцена. Не волнуйся, он красивый парень. Я думаю, тебе недолго осталось платить за него.

Он был мертвецки пьян, но я, несмотря на благие намерения, не обладаю долготерпением. Я сердечно назвала его грязным мерзавцем. Он пробормотал, что, не будь я женщиной, он бы уже вышвырнул меня вон, после чего я вежливо поблагодарила его за то, что он, хотя и несколько запоздало, вспомнил, кто я.

— Во всяком случае, я хотела бы, чтоб ты знал о нашей помолвке с Полом Бреттом, — колюче добавила я.

— Я знаю. Все говорят, что вы делаете это втроем.

Он разразился хохотом, а я уже собралась бросить что-нибудь в его физиономию, мою сумочку

например, когда увидела силуэт в дверном проеме. Это был Льюис. Ко мне тут же вернулось самообладание:

— Билл, милый, извини меня. Знаешь, я обожаю тебя, по мои нервы слегка расшатаны.

Несмотря на свое состояние, он удивился, но продолжил в том же духе:

— Это все твоя иностранная кровь, она тебя далеко заведет. — Он повернулся к Льюису: — Ты-то– должен знать, не так ли? — Он дружески ткнул Льюиса в плечо и ушел.

Я нервно рассмеялась:

— Добрый старина Билл. Он не отличается тактичностью, но сердце — чистое золото.

Льюис не ответил. Небритый, в ковбойском костюме, с платком на шее. Мысли его, казалось, витали где-то далеко.

— По крайней, мере, — добавила я, — он хороший товарищ. Какую сцену вы собираетесь закончить сегодня?

— Убийство, — спокойно ответил Льюис. — Я убиваю парня, который изнасиловал мою сестру, чистую, невинную девушку. Могу тебя уверить, для этого требуется смелость.

Мы немедленно пошли к съемочной площадке, где шла подготовка к финальной сцене. Льюис

минут на десять оставил меня, чтобы привести себя в порядок. Я наблюдала. Хотя техники вес прекрасно подготовили, Билл сыпал ругательствами и оскорблениями, И дурак понял бы, что он полностью потерял контроль над собой. Голливуд погубил его, во всяком случае Голливуд и алкоголь. Столы для коктейля стояли рядом с площадкой, и некоторые жаждущие уже допивали первые порции. Всего в этой фальшивой деревне вокруг камеры столпилось человек сто.

— Майлса крупным планом, — кричал Билл, — где он?

Льюис спокойно подошел к нему с винчестером в руке и с тем отрешенным взглядом, который появлялся у него, когда кто-нибудь или что-нибудь выводило его из себя. Билл наклонился, приник к камере и громко выругался:

— Отвратительно, все отвратительно. Льюис, подними ружье к плечу, к плечу… цельсь в меня… я хочу видеть выражение ярости, ты понимаешь, ярости. Ради Бога, брось этот идиотский вид, ведь ты собираешься убить мерзавца, который изнасиловал твою сестру… Так, хорошо… очень хорошо… ты нажимаешь курок… ты…

Я не видела лица Льюиса — он стоял ко мне спиной. Раздался выстрел, Билл прижал руки к

животу. Кровь появилась между пальцами. Билл упал. На мгновение все застыли, потом бросились к нему. Льюис глупо уставился на ружье. Я отвернулась и прислонилась к одной из фальшивых, пахнувших пылью стен, мне стало нехорошо.

Лейтенант Пирсон из полиции являл собой саму вежливость. Не вызывала сомнений и его логика. Кто-то заменил холостые патроны настоящими, очевидно, это было делом рук одного из, быть может, тысячи людей, которые ненавидели Билла Макклея. Но уж точно не Льюис, который едва знал его и казался достаточно разумным, чтобы не убивать Билла в присутствии сотни людей. Все искренне жалели Льюиса, и его молчание, его мрачность отнесли за счет эмоционального шока: не так уж забавно быть орудием преступления. Мы покинули полицейский участок около десяти вместе с несколькими свидетелями,. и кто-то предложил восполнить то, что мы не выпили. Я отказалась, Льюис тоже. По дороге домой мы не произнесли ни слова. Я настолько вымоталась, что даже не злилась.

— Я все слышал, — объяснил Льюис, стоя . перед крыльцом. Я не ответила. Я пожала плечами, приняла три таблетки снотворного и пошла спать.

XIV

Лейтенант Пирсон сидел в гостиной и, казалось, скучал. Красивый мужчина, быть может, немного худой, с серыми глазами и пухлым ртом.

— Это только формальность, вы понимаете, но вы действительно ничего больше не знаете об этом юноше?

— Ничего, — ответила я.

— И он живет с вами уже несколько месяцев?

— Ну да, — ответила я. Извиняюще пожимая плечами, добавила: — Вы, должно быть, думаете, что я лишена любопытства?

Его черные брови поднялись, и лицо приняло выражение, которое я часто видела у Пола.

— По меньшей мере.

— Видите ли, — продолжала я, — Мне кажется, что мы знаем слишком много о людях, с которыми часто встречаемся, а это неприятно. Мы знаем, с кем они живут и как, с кем спят, кем себя считают. Мне кажется, слишком много. Налет загадочности успокаивает, не так ли? Вы так не думаете? –

Его, очевидно, это не успокаивало.

— Это одна точка зрения, — холодно заметил Пирсон. — Точка зрения, которая не способству-

ет моему расследованию. Конечно, я не думаю, что он обстоятельно готовил убийство Макклея. Напротив, кажется только к нему Макклей относился прилично. Но стрелял-то все-таки он. И представ перед присяжными, он должен выглядеть ангелом, чтобы избежать худшего.

— Вам следовало бы спросить его, — сказала я. — Я знаю, что он родился в Вермонте, и это все. Разбудить его или вы выпьете еще чашечку кофе?

Макклея убили прошлым днем, а в восемь утра лейтенант уже поднял меня с постели. Льюис все еще спал.

— Я бы выпил еще кофе, — ответил Пирсон. — Миссис Сеймур, извините меня за столь откровенный вопрос, но… есть ли что-нибудь между вами и Льюисом Майлсом?

— Ничего, — с чистой совестью констатировала я. — Ничего похожего на то, что вы предполагаете. Для меня он ребенок.

Лейтенант посмотрел на меня и улыбнулся:

— Прошло много времени с тех пор, когда я хотел бы поверить женщине.

Польщенная, я рассмеялась. Я, конечно, сожалела, что приходится направлять по ложному пути такого симпатичного представителя закона

моей страны, особенно в этой отвратительной истории. И в то же время, сказала я себе, мое чувство гражданского долга проявилось бы не столь сильно, будь он грубияном– с толстым пузом и красным носом. Ко всему прочему, действие снотворного еще не кончилось, и меня слегка пошатывало.

— Мальчика ждет блестящая карьера, — предсказал Пирсон. — Он выдающийся актер.

Я застыла над кофейником.

— Откуда вы знаете?

— Нам показывали отрывки прошлой ночью. Вы понимаете, насколько полезно для полицейского иметь фильм об убийстве: не нужны очевидцы.

Мы разговаривали через дверь кухни. При этих словах я глупо захихикала и ошпарила пальцы кипятком.

— Лицо Льюиса дали крупным планом. Должен отмстить, я содрогнулся, — продолжал он.

— Я тоже думаю, что он будет великим актером, все так говорят.

Тут я схватила с холодильника бутылку виски и хлебнула прямо из горла. Слезы брызнули из глаз, но руки перестали дрожать, как два листочка на ветру. Я вернулась в гостиную и налила

Пирсону кофе.

— Итак, вам неизвестны причины, по которым молодой Майлс мог бы убить Макклея?

— Не имею ни малейшего понятия, — твердо заявила я.

Итак, дело сделано, я стала сообщницей. Не только в своих глазах, но и в глазах закона. Тюрьма штата ждала меня, там я обрела бы душевное спокойствие. Неожиданно я поняла, что, сознайся Льюис, я оказалась бы, в глазах публики не просто сообщницей, но инициатором всех убийств и могла бы кончить в газовой камере. На секунду я закрыла глаза. Решительно, судьба против меня.

— К сожалению, нам тоже неизвестны какие-либо причины, — вздохнул Пирсон. — Простите. К сожалению, разумеется, для нас. Макклей — известный грубиян, а в помещение, где хранится реквизит, мог зайти каждый и заменить патроны. Там нет даже сторожа. Кажется, это будет очень долгое расследование. Я за эти дни совершенно измучился.

Он начал жаловаться, но меня это не удивило. Все мужчины, с которыми меня сталкивала жизнь, будь то полисмены, почтальоны или писатели, обязательно вываливали на меня все заботы. Такова награда. Даже мой сборщик

налогов рассказывает мне о своих семейных неурядицах.

— Сколько времени? — сонно спросил кто-то, и Льюис, протирая глаза, появился па лестнице. Чувствовалось, что выспался он хорошо, и тут меня захлестнула злость. Пусть он убивает людей, если не может иначе, но, по крайней мере, пусть сам тогда встречает на заре полицию, вместо того чтобы от удовольствия пускать во сне слюни на подушку. Я быстро представила мужчин друг другу. Ни одна черточка на лице Льюиса не дрогнула. Он пожал руку Пирсону и со, смущенным видом и плутовской улыбкой спросил, не может ли он .налить себе чашечку кофе. Я же представила себе момент, когда он так же сонно спросит, не сердита ли я на него за вчерашнее. Дальше, как говорится, некуда.

Я сама налила Льюису кофе, он сел перед Пирсоном, и допрос начался.

Только теперь я узнала, что мой благородный убийца вышел из очень хорошей семьи, получил прекрасное образование, все работодатели нарадоваться на него не могли, и только беспокойная душа и тяга к путешествиям препятствовали его блестящей карьере. Я слушала, разинув рот. Мальчик был достойным гражданином, если я

правильно поняла, до тех пор, пока не попал в руки Дороти Сеймур, роковой женщины номер один, которая и толкнула его на четыре убийства. Потрясающе! За всю жизнь я не убила и бабочки, не почувствовав себя виноватой, ко мне тянулись все несчастные кошки, собаки и люди! Льюис спокойно объяснил, что он взял винчестер в комнате, где тот всегда находился, и даже не подумал проверить ружье, из которого он палил во все стороны восемь недель с начала съемок.

— Как вы относились к Макклею? — неожиданно спросил Пирсон.

— Пьяница, — холодно ответил Льюис. — Несчастный пьяница.

— Что вы почувствовали, когда он упал?

— Ничего. Удивился.

— А теперь?

— Все еще удивляюсь.

— Происшедшее не помешало вам спать? Ведь вы убили человека!

Льюис поднял голову и посмотрел ему прямо в глаза. Неожиданно я почувствовала на лбу испарину. Покусывая палец, Льюис смущенно взмахнул другой рукой:

— Все это не произвело на меня никакого впечатления.

Я знала, что это правда, и, к моему удивлению, поняла, что именно последняя фраза убедила Пирсона в невиновности Льюиса больше, чем весь предыдущий разговор. Он поднялся, вздохнул и закрыл блокнот.

— Все, что вы сообщили мне, не отличается от того, что мы узнали ночью по своим каналам, мистер Майлс, или почти все. Извините, что потревожил вас, но таковы обязанности. Миссис Сеймур, большое вам спасибо.

Я проводила его до двери. Он что-то пробормотал о нашей возможной встрече, я торопливо согласилась. Когда он уезжал, я так широко улыбнулась ему, словно у меня было пятьдесят два зуба. Дрожа, я вернулась в дом. Льюис потягивал кофе, довольный собой. От испуга я уже отошла, и теперь меня трясло от ярости. Я подняла с дивана подушку и швырнула ее в Льюиса, потом еще какие-то вещи, стоящие в гостиной. Сделала я все это очень быстро, особо не целясь и не произнеся ни слова. Кофейная чашка разбилась о лоб Льюиса, брызнула кровь, и я опять разрыдалась. Второй раз за месяц и за последние десять лет.

Я села на тахту и обхватила руками голову Льюиса. Теплая кровь капала с моих пальцев, а я удивлялась, почему тогда, шесть месяцев назад,

когда на пустынной дороге я так же держала в руках эту голову при свете пламени и эта же теплая кровь бежала по моим пальцам, у меня fie возникло никакого предчувствия. Все еще плача, я отвела его в ванную, продезинфицировала рану спиртом и сделала перевязку.

— Ты испугалась, — прервал он затянувшееся молчание. — На то не было никаких оснований.

— Не было оснований… — я сурово глянула на него. — Под моей крышей живет человек, который убил пятерых.

— Четверых, — скромно поправил он.

— Четверых… Это одно и то же. Полицейский офицер будит меня в восемь утра, и ты думаешь, у меня нет оснований для испуга… Это последняя капля.

— Я же ничем не рисковал, — он уже улыбался. — Ты все видела сама.

— И еще, — добавила я, — и еще… А как насчет твоего показательного детства? Хороший студент, хороший– работник, хороший во всем. За кого я должна себя считать? За Мату Хари?

Он рассмеялся:

— Я же говорил тебе, Дороти. До того как я встретился с тобой, у меня никого не было, я был одинок. Теперь у меня есть что-то свое, его я и

защищаю. Вот и все.

— Но у тебя нет ничего своего! — воскликнула я в отчаянии. — Я не принадлежу тебе. Насколько я понимаю, я даже не твоя любовница. И ты хорошо знаешь, что, если мы избежим встречи с палачом, я вскоре собираюсь выйти замуж за Пола.

Он резко встал и повернулся ко мне спиной.

— Ты полагаешь, — безразличным тоном пробурчал он, — что я бдльше не смогу жить с тобой, как только ты выйдешь за Пола?

— Ну, я думаю, это не входит в намерения Пола. Конечно, он очень любит тебя, но…

Внезапно я замолчала. Он обернулся и смотрел на. меня тем самым ужасным взглядом, значение которого я теперь так хорошо знала. Совершенно остекленевшим взглядом.

— Нет, Льюис, нет! — пронзительно закричала я. — Если ты тронешь Пола, я никогда, никогда не увижу тебя снова. Никогда. Ты будешь мне отвратителен, это будет конец, конец для тебя и для меня.

Конец чего? Об этом я спрашивала себя. Льюис провел рукой по лбу, он очнулся:

— Я не трону Пола, но хочу остаться с тобой до конца жизни.

Медленно, как после сильного удара, он под-

нялся по ступеням наверх, а я вышла из комнаты. Солнце весело освещало мой жалкий сад, «роллс», снова превратившийся в памятник, холмы вдалеке, весь окружающий мир, такой спокойный и такой яркий. Я обронила еще несколько слезинок по моей загубленной жизни и, всхлипывая, вернулась в дом. Пора бы и одеться. Подумав об этом, я отметила про себя, что лейтенант Пирсон весьма недурен собой.

XV

Спустя два дня, два кошмарных дня, в течение которых я одну за другой глотала таблетки аспирина и даже впервые в жизни попробовала транквилизаторы, вогнавшие, вероятно, это случайное совпадение, меня в такую депрессию, что самоубийство стало казаться мне наилучшим решением всех проблем, — спустя два дня налетел ураган с ливнем. Проснулась я на заре. Кровать ходила ходуном, ревела падающая с неба вода, и я почувствовала что-то вроде горького облегчения. Последние _мазки эпического полотна. Макбет где-то недалеко, приближался конец. Я подошла к окну: по дороге, превратившейся в бурный поток, проплыл чей-то пустой автомобиль, за ним проследовали разнообразные обломки, потом

я сделала круг по дому и из другого окна увидела «роллс», вокруг которого пенились буруны. Терраса чуть-чуть, едва ли на фут, выступала из воды. Я поздравила себя еще раз с тем, что не ухаживала с любовной заботой за садом, — теперь мои труды все равно пошли бы прахом.

Я спустилась вниз. Льюис, радостный, стоял у окна. Увидев меня, он поспешил к плитке, чтобы налить мне чашечку кофе. После убийства Билла Макклея он смотрел на меня всегда умоляюще, как ребенок, который хочет, чтобы его простили за неудачную выходку. Я тут же приняла надменный вид.

— Сегодня на студию попасть невозможно, — радостно сообщил Льюис. — Все дороги залило. И телефонная линия порвана.

— Очаровательно, — прокомментировала я.

— К счастью, вчера я купил два бифштекса и пирожные, какие ты любишь, с засахаренными фруктами.

— Благодарю тебя, — незамедлительно последовал достойный ответ.

Но на самом деле ураган обрадовал и меня. Не работать, слоняться по дому в халате и есть вкусные пирожные — не такая уж плохая перспектива. Кроме того, я читала интересную книгу,

полную незабудок и галантности, — приятная перемена после стольких убийств и гнетущей атмосферы.

— Пол, должно быть, в ярости, — отметил Льюис. — Он хотел в этот уик-энд отвезти тебя в Лас-Вегас.

Ничего, разорюсь в следующий раз, — ответила я. — К тому же мне надо кончить книгу. А ты, что ты собираешься делать?

— Немного поиграю, — улыбнулся он. — Приготовлю для тебя обед, а потом мы можем поиграть в кункан, правда?

Чувствовалось, что он чертовски счастлив. Еще бы, на целый день я в полном его распоряжении, наверное, он радовался с саг мою утра. Я не могла не улыбнуться этому.

— Поиграй, а я пока почитаю. Полагаю, радио и телевизор тоже не работают?

Я забыла упомянуть, что Льюис часто играл на гитаре, в основном медленные, протяжно-лирические мелодии, очень странные, которые сам сочинял. Забыла оттого, что ничего не смыслю в музыке. Он поднял гитару и взял несколько аккордов. Снаружи ревел ураган, я пила горячий кофе в компании моего дорогого убийцы и пребывала в прекрасном расположении духа. По

последним данным психоанализа, легкое счастье — это самое ужасное. Счастье связывает, от него невозможно избавиться, и начинается невроз. На тебя могут навалиться трудности, ты борешься, защищаешь себя, тобой владеет единственная мысль — как спастись, ты сжат, как пружина, но вдруг счастье бьет тебя в лицо, как камень или солнечный зайчик, и ты сдаешься, сдаешься счастью ощущать себя живым.

День прошел. Льюис выиграл у меня пятнадцать долларов, позволил, слава Богу, мне самой приготовить обед, играл на гитаре, я читала. Меня он совсем не беспокоил, с ним было просто, как с кошкой. Пол же, с его внушительным видом, бывало, утомлял меня. Я не решалась представить себе, во что вылился бы день с Полом в таких вот условиях: он пытался бы исправить телефон, завести «роллс», спасти жалюзи, помочь мне закончить сценарий, говорить о знакомых, заниматься любовью и Бог знает чем еще… Действовать. Что-нибудь делать. А Лыоис — вел себя иначе. Дом могло бы снести с фундамента, а он напевал бы, сидя в обнимку с гитарой. Да, я не помню более приятного дня, чем этот, посреди ревущей стихии.

Когда наступила ночь, силы урагана будто удво-

ились. Жалюзи с печальным скрипом метались на ветру, как птицы. Снаружи царила мгла. «Ролс» бился о стену, как огромная собака о дверь, в ярости, что ее оставили на улице. Меня начал охватывать страх. Я чувствовала, что Бог в своей изначальной мудрости стал несколько суров к своим почтительным слугам. Льюис же, конечно, смеялся, забавляясь моим испуганным видом, и изображал насмешливого героя. Наконец мне все это надоело, и я рано отправилась спать, приняла ставшие уже привычными таблетки снотворного (и это после стольких лет жизни без лекарств!) и попыталась заснуть. Бесполезно. Ветер ревел, как лес, переполненный волками, дом трещал по всем швам. Около полуночи часть крыши над моей комнатой снесло, и вода, хлынувшая сверху, промочила меня насквозь.

Я вскрикнула и, повинуясь идиотскому инстинкту, спряталась с головой под простыню, потом выскочила из комнаты и попала прямо в объятия Льюиса. Было темно — хоть глаз выколи. Он вел меня перед собой, и, нащупывая путь, мы вошли в его комнату, крыша над которой чудом уцелела. Льюис схватил с постели покрывало и стал растирать меня, как старую лошадь, успокаивая при этом, как успокаивают испуганных

четвероногих:

— Ну-ну… ничего, все кончится…

В конце концов он спустился на кухню и, используя зажигалку как свечу, нашел бутылку шотландского и вернулся по колено мокрый.

— Кухня полна воды, — веселым голосом объявил он. — Диван плавает вместе с креслами в гостиной. Мне пришлось просто плыть за этой чертовой бутылкой, которая плескалась в волнах. Забавно, какими смешными выглядят вещи, когда они меняют привычное место. Даже холодильник, такой большой и неуклюжий, плавает, как пробка.

Я не думала, что это очень забавно, но чувствовала, что он говорит так, чтобы подбодрить меня. Мы сидели на его кровати, дрожа и кутаясь в одеяла, и в темноте пили прямо из горлышка.

— Что будем делать? — спросила я.

— Подождем до рассвета, — спокойно ответил Льюис. — Стены прочные. Единственное, что тебе надо, так это лечь в мою сухую кровать и заснуть.

Спать?.. Мальчик сошел с ума. Тем не менее от страха и алкоголя голова у меня кружилась, и я легла в постель. Льюис сидел рядом. На фоне окна и бегущих облаков я различала его профиль.

Казалось, что ночь никогда не кончится, мне так и придется умереть, и от печали, какого-то детского страха, жалости к себе у меня перехватило дыхание.

— Льюис, — взмолилась я, — я боюсь. Ложись ко мне.

Он ничего не ответил, обошел кровать и вытянулся рядом. Мы оба лежали на спине, Льюис курил сигарету, не произнося ни слова.

В этот момент «роллс», вероятно, подброшенный огромной волной, врезался в стену. Со страшным скрежетом дом задрожал, а я бросилась в объятия Льюиса. Не могу назвать мой порыв осознанным, но я почувствовала: необходим мужчина, который обнял бы и крепко прижал меня к себе. Что Льюис и сделал. И тут же, повернувшись ко мне, начал покрывать мой лоб, волосы, губы легкими поцелуями невероятной нежности, повторяя мое имя, как молитву любви, молитву, которую я, тесно прижатая к его телу и похороненная под гривой его волос, понимала не совсем отчетливо:

— Дороти, Дороти, Дороти… — Его голос не заглушал воя шторма. Я не двигалась, нежась в тепле его тела. И ни о чем больше не думала, кроме как, быть может, со стыдом, о неизбеж-

ности финала, хотя не придавая этому особого значения…

Только финал получился иным. Меня словно осенило. Я поняла Льюиса и причину всех его поступков. И убийства, и его безумную платоническую любовь ко мне. Я быстро села, слишком быстро, и он тут же. отпустил меня. На мгновение мы застыли, окаменев, будто между нами неожиданно проползла холодная, скользкая змея и я уже не слышала ветра — только оглушительный стук моего сердца.

— Итак, ты знаешь… — медленно произнес Лыоис. Щелкнул зажигалкой. В свете пламени я смотрела на него, совершенного в красоте, такого одинокого, более одинокого, чем когда-либо… Переполненная жалостью, я протянула к нему руку. Но глаза его уже остекленели, он больше не видел меня, уронил зажигалку, и его руки сомкнулись у меня на шее.

Я менее всего похожа на самоубийцу, по на мгновение мне захотелось, чтобы он довел все до конца, Не знаю, почему. Жалость, нежность, переполнявшие мою душу, толкали меня навстречу смерти, как к единственному прибежищу. Вероятно, это и спасло меня: я ни секунды не сопротивлялась. А пальцы Льюиса напомни-

ли мне: жизнь — это самое дорогое, что у меня есть. Я начала спокойно говорить Льюису, с, тем остатком воздуха, который грозил стать моим последним вздохом:

— Если ты хочешь, Льюис… но мне больно. Я всегда любила жизнь, ты знаешь, и солнечный свет, и моих друзей, и тебя, Льюис…

Пальцы давили все сильнее. Я начала задыхаться:

— Что ты собираешься сделать со мной, Льюис? Ты рискуешь мне надоесть… Льюис, дорогой, будь хорошим мальчиком, отпусти меня…

Внезапно хватка ослабла, Льюис, рыдая, бросился мне в объятия. Я удобно устроила его голову у себя на плече и долго гладила по волосам, не произнося ни слова. Немногие мужчины плакали у меня на плече, и ничто так не трогало меня и не внушало большего уважения, чем эти неожиданные и бурные мужские рыдания. Но никогда я не испытывала такого прилива нежности, как к этому мальчику, который чуть было не убил меня. Слава Богу, я уже давно не признаю логики.

Льюис быстро заснул, успокоившись почти вместе с бурей, и

я всю долгую ночь баюкала его, наблюдая, как небо светлеет, облака исчезают и, наконец, как

надменное солнце поднимается над истерзанной землей. Льюис подарил мне одну из самых прекрасных ночей любви в моей жизни.

XVI

Утром я обнаружила на шее несколько синих пятнышек, весьма огорчивших меня. Я надолго задумалась, стоя перед зеркалом, а затем решительно направилась к телефону.

Сказала Полу, что принимаю его предложение, и он буквально обезумел от счастья. Затем объявила о своем решении Льюису, предупредила, что медовый месяц мы, вероятно, проведем в Европе, а ему придется в наше отсутствие следить за домом.

Бракосочетание заняло десять минут, свидетелями были Льюис и Кэнди. После чего я собрала багаж, обняла Льюиса и пообещала скоро вернуться. Льюис дал слово вести себя хорошо, много работать и каждое воскресенье выпалывать сорняки вокруг «роллса». Спустя несколько часов мы летели в Париж, и через иллюминатор я наблюдала, как серебряные крылья разрезают серо-голубые облака, казалось, я пробуждаюсь от ночного кошмара. Моя рука покоилась в крепкой теплой ладони Пола.

Мы собирались провести в Париже только месяц. Но Джей прислал мне телеграмму, в которой просил поехать в Италию и помочь несчастному рабу, вроде меня самой, у которого что-то не ладилось со сценарием. У Пола нашлись дела в Лондоне, где RKB основывала новую дочернюю кинокомпанию, и в результате мы шесть месяцев курсировали между Парижем, Лондоном и Римом. Поездка доставила мне массу удовольствий: я познакомилась со множеством людей, часто видела дочь, плавала в Италии, развлекалась в Париже, с головы до пят обновила в Лондоне свой гардероб. Пол везде составлял мне чудесную компанию, и Европа нравилась мне все больше. Время от времени я получала письма от Льюиса, в которых он по-детски рассказывал о саде, доме, «ролл-се» и застенчиво журил меня за долгое отсутствие.

Известность, вызванная смертью Макклея, оживила интерес к первому фильму Льюиса. Докончить вестерн пригласили Чарльза Уота, очень способного режиссера, многие полностью завершенные эпизоды он видел совершенно иначе, и Льюис снова надел ковбойский костюм. Изменили и его роль, но он писал об этом односложно, и, к моему полному изумлению, за три

недели до нашего возвращения я услышала, что фильм великолепен, а у молодого главного героя, Льюиса Майлса, есть шансы получить Оскара за выдающуюся игру.

Сюрпризы на этом не кончились. Когда мы вышли из самолета в Лос-Анджелесе, первым, кого я увидела, был Льюис. Как ребенок, он обнял меня и Пола и начал нам горько жаловаться. «Они» постоянно преследуют его, «они» предлагают контракты, в которых он ничего не понимает, «они» день и ночь звонят по телефону и даже сняли для него огромный дом с плавательным бассейном. Казалось, он обезумел. Если бы я не прибыла в этот день, он куда-нибудь поехал бы. Пол смеялся до слез, а я думала о том, что Льюис похудел и не очень хорошо выглядит.

Торжественное событие, вручение Оскаров, должно было состояться на следующий день. Собрался весь Голливуд, одетый с иголочки, накрашенный, сверкающий, и Льюис получил своего Оскара. Он небрежно шел По сцене, а я, будучи настроена философски, наблюдала, как три тысячи человек с энтузиазмом аплодируют убийце. Воистину, человек привыкает ко всему.

Вручение премий завершилось грандиозной вечеринкой, организованной Джеем Грантом в

новом доме Льюиса. Джей, вызывающе гордый собой, водил меня по дому: шкафы, ломившиеся от новых костюмов для Льюиса, гаражи, где дремали новые машины, предложенные Льюису на самых льготных условиях, комнаты, в которых Льюис будет спать, комнаты, где Льюис будет принимать гостей. Льюис следовал за нами, бормоча что-то себе под нос.

— Ты уже перенес сюда старые синие джинсы? — невинно спросила я, обернувшись к нему. Он в ужасе покачал головой. Для героя вечера у него был удивительно неподходящий вид. Он ходил за мной по пятам, отказываясь, несмотря на все мои просьбы, уделить внимание гостям, и я начала замечать их удивленные взгляды, слышать двусмысленные реплики, что заставило меня ускорить наш отъезд. Воспользовавшись моментом, когда кто-то завладел вниманием Льюиса, я взяла Пола под руку и шепнула ему, что очень устала.

Мы решили, по крайней мере первое время, жить в моем доме, так как квартира Пола находилась в центре города, а я предпочитала ему природу. Мы незаметно прокрались к машине. Я посмотрела на огромный, залитый светом дом, на воду, мерцающую в бассейне, силуэты гостей

в окнах и напомнила себе, что год назад, всего лишь год, такой же поздней ночью мы возвращались домой по этой же дороге, когда перед нашим автомобилем внезапно выскочил незнакомый парень. Что за год! Во всяком случае, все закончилось хорошо, исключая, разумеется, Фрэнка, Лолу, Болтона и Макклея.

Пол осторожно подал машину назад между двумя «роллсами», разумеется, новыми, и медленно вырулил на свободу. И снова парень с широко раскинутыми руками бросился к нашему автомобилю в сиянии фар. Я испуганно вскрикнула, а Льюис, подбежав к машине с моей стороны, открыл дверцу и схватил меня за руки. Он дрожал, как лист на ветру.

— Возьми меня домой, — взмолился он дрожащим голосом. — Возьми меня с собой, Дороти. Я не хочу оставаться здесь.

Он прижался головой к моему плечу, потом снова поднял ее, дыша тяжело, как после нокдауна.

— Но, Льюис, — промямлила я, — теперь твой дом здесь. И все эти люди, которые ждут тебя…

— Я хочу обратно домой.

В замешательстве я посмотрела на Пола. Тот успокаивающе улыбался. Я сделала последнюю попытку:

— Подумай о бедняге Джее, который так старался для тебя. Он будет вне себя, если ты вот так уедешь.

— Я его убью, — пригрозил Льюис, и я сдалась.

Тут же подвинулась, и Льюис упал на сиденье. рядом со мной. Пол тронул машину с места, снова мы ехали втроем, а я опять же была в шоковом состоянии. Тем не менее я не удержалась, чтобы не прочесть Льюису небольшую лекцию о том, что на сегодня все сойдет, так как отнесено за счет его волнения, но что через два-три дня он должен вернуться в свой дом, иначе люди не поймут, почему он не живет в таком прекрасном доме, и далее в том же духе.

— Я могу жить в твоем доме, а туда мы будем ездить плавать, — рассудительно заявил Льюис в ответ, и с этими словами заснул у меня на плече. Когда мы приехали, нам пришлось выносить его из машины. Мы отвели Льюиса в его маленькую спальню и уложили па кровать.

Он приоткрыл глаза, взглянул на меня, улыбнулся и снова заснул с выражением блаженства на лице. А мы спустились в нашу спальню. Раздеваясь, я повернулась к Полу.

— Ты думаешь, он долго будет с нами?

— Всю жизнь, — рассеянно ответил Пол. — Ты

ведь это хорошо знаешь. — Он улыбался. Я слабо запротестовала, но он перебил меня: — Разве ты не счастлива?

— Да, — ответила я, — очень.

Я сказала сущую правду. Очевидно, у меня будут возникать трудности. Время от времени придется удерживать Льюиса от очередного убийства, но с хитростью и при удаче… Ну, в общем, посмотрим. Такое философское решение, как всегда, успокоило меня, и, напевая про себя, я отправилась в ванную.